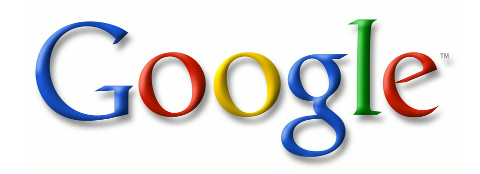
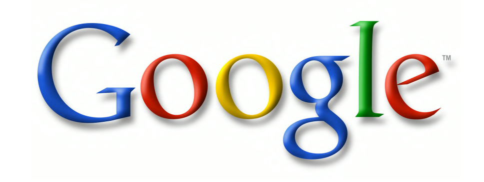
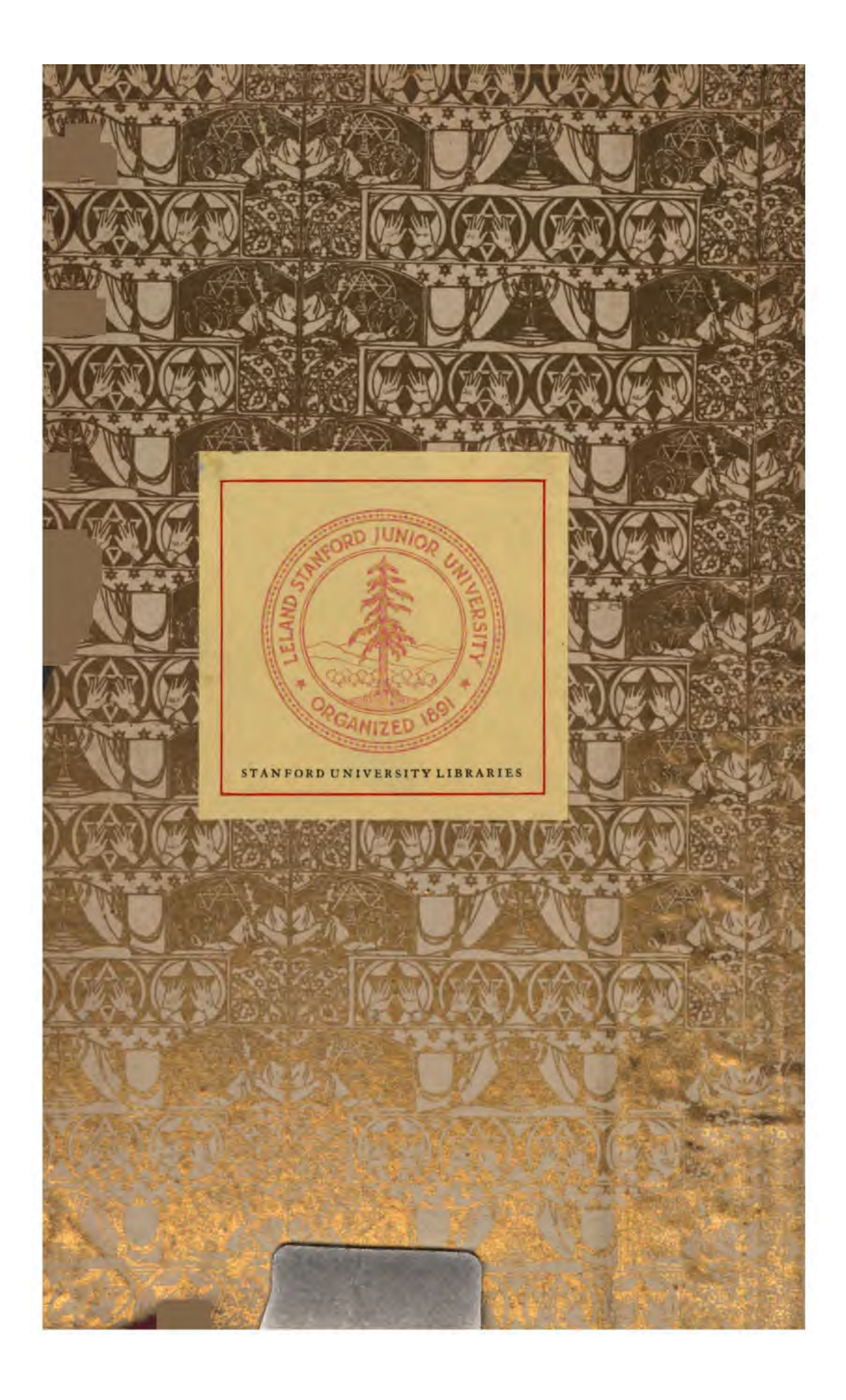
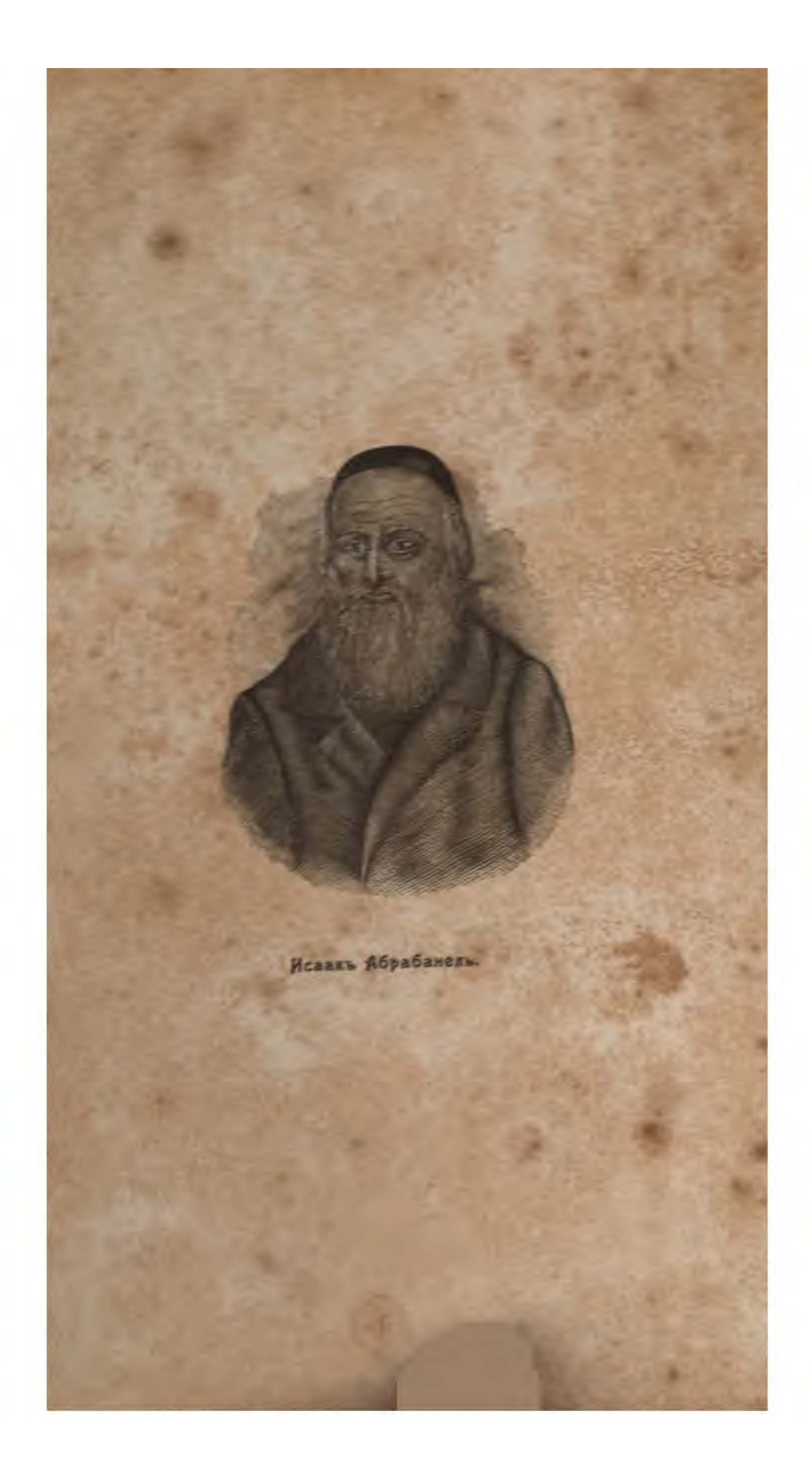

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Исаакъ Абрабанель.

Grätz, H. H.

Д-ръ Генрихъ Грецъ.
Профессоръ Бреславльскаго университета, Почетный членъ Королевской Испанской Академіи исторіи Мадрида и Историческаго общества Техаса.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.

Отъ смерти Маймонида (1205) до изгнанія евреевъ изъ Испаніи и Португаліи (1496).

(вторая половина).

Переводъ съ 3-го исправл. и значительно дополненнаго нѣмецкаго изданія.

Съ приложеніемъ таблицы водителей еврейскихъ общинъ Кастиліи, и портрета Исаака Абрабанела.

подъ редакціей

Д-РА ВЕНІАМИНА ШЕРЕШЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

Изданіе книжнаго магазина ШЕРМАНА.

ОДЕССА.
Типографія „Издатель" Б. Л. Шермана, Еврейская 19.
1907 г.

Illustrissimae et spectatissimae

Academiae historicae regali Madrituensi

dedicat

hoc maximam partem ad historiam Ibericam
spectans volumen

observantissimo ac grato animo

Auctor.

Предисловіе къ третьему изданію IX тома.

Моя радость, на которую я навѣрно имѣю право, по поводу того, что потребовалось третье изданіе нѣкоторыхъ частей моей „Исторіи евреевъ“, коренится не столько въ чувствѣ писательскаго удовлетворенія, сколько въ утѣшительномъ сознаніи, что знаніе этой исторіи съ ея удивительнымъ теченіемъ, величіемъ и безпримѣрнымъ мученичествомъ проникло въ широкіе круги.

Этотъ повышенный интересъ подтверждается также раньше сдѣланнымъ наблюденіемъ, что выдающіеся еврейско-историческіе факты и ихъ носители въ настоящее время знакомы также многимъ образованнымъ не-спеціалистамъ; прежде же, когда я сорокъ лѣтъ тому назадъ впервые началъ свое изложеніе, они были извѣстны даже универсально образованнымъ теологамъ лишь отрывками и туманно. Интересъ къ своеобразному историческому ходу еврейскаго народа съ каждымъ днемъ растетъ. Столь же ядовитому, сколь и безсовѣстно лицемѣрному и лживому антисемитизму можно быть обязаннымъ за пробужденіе и усиленіе этого интереса.

Это новое изданіе выходитъ значительно дополненнымъ и исправленнымъ, благодаря новымъ находкамъ, сдѣланнымъ и освѣщеннымъ со временъ выхода второго изданія. Увеличенію и разъясненію фактически историческаго матеріала (не литературно-историческаго) въ значительной степени способствовали: *Амадоръ де Лосъ Ріосъ*, *Фидель Фита*, *Франциско Фернандецъ-и-Гонзалесъ*, *Гидеманъ*, *Галберштамъ*, *Кауфманъ*, *I. Кракауеръ*, *Исидоръ Лебъ*, *Нейбауеръ*, *Эмиль Уверло*, *Перлесъ*, *Илія Шейдъ*, *Шоръ и другіе.*

Къ особенной благодарности я чувствую себя обязаннымъ по отношенію къ своему академическому коллегѣ, мадридскому патеру, Фидель Фита, за любезно предоставленный мнѣ открытый и использованный имъ матеріалъ для еврейско-испанской исторической эпохи.

Бреславль, іюнь 1890 г.

Авторъ.

Третья эпоха четвертаго періода.

Время усилившейся нужды и упадка.

ГЛАВА I.

Дурныя послѣдствія черной смерти.

Разсѣяніе и сокращеніе числа евреевъ. Постепенное возвращеніе на мѣста прежняго жительства въ Германіи и Франціи. Стремленіе государей къ обладанію евреями. Золотая булла и евреи. Возвращеніе евреевъ во Францію. Манесье де Везу и его рвеніе. Привилегіи французскихъ евреевъ при Іоаннѣ и Карлѣ V. Упадокъ талмудическаго знанія по сю и ту стороны Рейна. Мататі́я, верховный равинъ Франціи. Меиръ Галеви изъ Вѣны и званіе morenu. Самуилъ Шлетштадтъ и его участь. Рѣзня въ Эльзасѣ. Съѣздъ равиновъ въ Майнцѣ. Костный налогъ.

(1359—1380).

Еслибъ путешественникъ, напримѣръ, *Веніаминъ* изъ Туделы, проѣхалъ во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія чрезъ Европу, чтобъ посѣтить еврейскія общины, сосчитать и описать ихъ, то онъ долженъ былъ бы набросать безотрадную картину ихъ. Отъ Геркулесовыхъ столбовъ и Атлантическаго океана до береговъ Одера или Вислы онъ во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не встрѣтилъ бы евреевъ, а въ большинствѣ случаевъ лишь немногія, обѣднѣвшія или жалкія группы, страдавшія еще отъ тяжкихъ ранъ, нанесенныхъ имъ то грубыми кулаками одичавшихъ изъ-за чумы народныхъ массъ, то отчаянной гражданской войной. По человѣческому разсчету близка была тогда гибель евреевъ на западѣ и въ центрѣ Европы. Избѣгшіе безжалостной рѣзни и отчаяннаго самоубійства потеряли свою жизненную бодрость. Общественная связь была большею частью разорвана. Воспоминаніе о перенесенныхъ ужасныхъ сценахъ еще долго продолжало приводить въ трепетъ и не давало слабому остатку никакой надежды на скорое улучшеніе. Глубоко прочувствованные элегическіе стихи англійскаго поэта (лорда Байрона):

„У птицы есть гнѣздо,
У звѣря—логовище,
У человѣка—отечество,
А у Израиля—одно только кладбище“.

подходятъ ко всей средне-вѣковой исторіи евреевъ, но удачнѣе всего къ этому времени. Западъ и центръ Европы стали для потомковъ патріарховъ и пророковъ большой могилой, широко раскрытая пасть которой захватывала все новыя и новыя жертвы.

Если прежде ихъ объявляли опальными, какъ богоубійцъ, то со времени черной смерти ихъ стали презирать, какъ человѣкоубійцъ, какъ вампировъ, какъ жаждущихъ христіанской крови. Ужаснѣйшее преступленіе считалось достовѣрнымъ, разъ въ немъ обвинялся еврей. Даже поэзія, которая должна смягчить сердца, по каплямъ подливала яду противъ евреевъ. Въ невинный разсказъ изъ временъ язычества объ отдачѣ подъ залогъ фунта мяса за ссуду, изложенный во многихъ варіаціяхъ, въ которомъ подданный или купецъ изъ мести настаиваетъ на томъ, чтобъ вырѣзали у государя или рыцаря заложенную часть мяса,— въ этотъ разсказъ, чтобъ сдѣлать его достовѣрнымъ, итальянскій поэтъ впуталъ кровожаднаго еврея. Итальянскій поэтъ, писавшій новеллы, *Джіовани Фіорентино* [1]), въ сборникѣ *Пекороне* (1376) надѣлилъ этой гнусной ролью еврея изъ Местра, который требуетъ фунта мяса христіанскаго должника, чтобъ позлорадствовать при видѣ боли и смерти христіанина. Чтобъ купецъ проявилъ такую кровожадность по отношенію къ рыцарю или одинъ христіанинъ къ другому—это немыслимо; но чтобъ еврей проявилъ—это нѣчто другое, и каждый читатель сочтетъ это вѣроятнымъ. Заблужденіе временъ черной смерти вызвало созданіе какого-то исполненнаго ненависти къ христіанамъ Шейлока.

Удивительно, что евреи, несмотря на страшную ненависть къ нимъ христіанскаго населенія, стали для него необходимыми. Не только государями, но и городами и даже духовными лицами овладѣла форменная страсть „имѣть евреевъ“. Всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кроваваго бѣшенства вслѣдствіе черной смерти граждане и ихъ выборные въ Германіи не имѣли болѣе спѣшнаго дѣла, какъ вновь приглашать евреевъ; они быстро забыли свою клятву, что въ теченіе ста или двухъ-сотъ лѣтъ въ ихъ стѣнахъ не можетъ жить ни одинъ еврей [2]). Епископъ *Аугсбурга*

[1]) Ср. объ этомъ: Грецъ, Шейлокъ въ легендѣ, драмѣ и исторіи 1880 (на нѣмецк. яз.).

[2]) Чтобъ не приводить въ доказательство слишкомъ много цитатъ, я укажу лишь на поразительный разсказъ эльзасскаго лѣтописца *Кенигсховена* (хроника Эльзаса и Страсбурга V. § 78 стр. 296): „Въ Страсбургѣ въ магистратѣ пришли къ соглашенію, чтобъ ни одинъ еврей въ теченіе ста лѣтъ не могъ явиться въ городъ. Однако раньше, чѣмъ прошло двадцать лѣтъ, судья, староста и совѣтъ рѣшили, что евреевъ нужно снова допустить въ городъ. Итакъ евреи снова пришли въ Страсбургъ 1368“. Актъ объ этомъ Шилтеръ сообщилъ въ примѣч. къ Кенигсховену стр. 1053 и сл. Въ Бреславлѣ евреи были допущены уже въ 1350 г., Нюрнбергъ принялъ ихъ

добивался у императора Карла IV права „имѣть и пускать къ себѣ евреевъ“. Курфюрсты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, были прямо помѣшаны на томъ, чтобъ исключительное до того времени право германскаго императора имѣть коронныхъ рабовъ перенести на себя. Особенно энергичнымъ въ отвоеваніи этого права у императора Карла IV былъ тогдашній архіепископъ Майнцскій, *Герлахъ*. И ему это удалось, потому что императору важно было сохранить хорошія отношенія съ курфюрстами. На нюрнбергскомъ имперскомъ собраніи (ноябрь 1352), гдѣ было дано нѣчто вродѣ нѣмецкой имперской конституціи, извѣстной подъ именемъ *„золотой буллы“*, императоръ далъ всѣмъ курфюрстамъ на вѣчныя времена, помимо короннаго права на открываемые металлическіе рудники и соляныя копи, также право *имѣть евреевъ* [1]); это значитъ, что онъ предоставилъ имъ также и этотъ источникъ дохода помимо другого съ металлической руды и отъ солеваренъ. Но императоръ уступилъ это право только курфюрстамъ и сохранилъ его за собой по отношенію къ короннымъ рабамъ, находившимся во владѣніяхъ мелкихъ князей и городовъ. Архіепископскій курфюрстъ Майнцскій поспѣшилъ тотчасъ же использовать новопріобрѣтенное право и досталъ себѣ еврея, который долженъ былъ прямо вербовать къ нему другихъ [2]). Такъ въ одно и то же время евреевъ отталкивали и привлекали, избѣгали и искали, изгоняли и ухаживали за ними. Но они очень хорошо понимали, что ихъ ищутъ не ради нихъ самихъ, но изъ-за пользы, которую извлекали изъ нихъ власть и населеніе. Какъ же имъ было не отдаться пріобрѣтенію денегъ, если они лишь благодаря этому могли влачить свою жалкую жизнь?

Властители Франціи, какъ и Германіи, изъ финансовыхъ соображеній старались вновь разрѣшить евреямъ доступъ въ свою страну. Вслѣдствіе частыхъ войнъ съ англичанами, особенно со времени взятія въ плѣнъ короля *Іоанна* (сентябрь 1356), во Франціи наступила нужда, грозившая превратить эту рыцарскую страну въ провинцію англійской короны. Прежде всего былъ недостатокъ въ деньгахъ. Даже для освобожденія плѣненнаго короля созванныя сословія не хотѣли дать никакихъ средствъ или связывали съ разрѣшеніемъ таковыхъ тяжелыя условія. Сословіе горожанъ возстало и подговаривало также и крестьянъ освободиться отъ гнета дворянъ. Во всей странѣ господствовала анархія. Тогда евреи со своей финансовой операціей представились молодому дофину,

въ 1352 г., тогда же и Цюрихъ, въ Вормсѣ въ 1353 „ради ихъ блага“. Въ Вѣнѣ они были уже въ 1353, въ Эрфуртѣ въ 1354; даже въ Базелѣ, откуда они были изгнаны на два столѣтія, они вновь появились уже *раньше* 1355, въ Гейлбронѣ—1357 г.

[1]) Золотая булла, параграфъ 9.

[2]) Шаабъ, дипломатическая исторія евреевъ Майнца, стр. 96.

Карлу, бывшему регентомъ во время плѣненія короля (1356—1360), ангелами спасителями, явившимися вырвать государство изъ пропасти. Умный еврей, *Манесье де Везу*, очень ревностно хлопоталъ о возвращеніи евреевъ во Францію, гдѣ полувѣкомъ раньше они были изгнаны, вновь допущены и снова изгнаны (VIII, стр. 205, 209). Дофинъ-регентъ самостоятельно разрѣшилъ отдѣльнымъ евреямъ возвратиться; но для того, чтобъ возвращеніе принесло пользу обѣднѣвшей Франціи или двору, оно должно было произойти въ большихъ размѣрахъ. Поэтому планъ, предложенный Манесье регенту, онъ счелъ во всѣхъ отношеніяхъ пріемлемымъ. Онъ разрѣшилъ евреямъ возвращеніе на двадцать лѣтъ и предоставилъ имъ самыя благопріятныя условія. Однако евреи, какъ и ихъ адвокатъ Манесье, не хотѣли сдѣлать этотъ, столь важный для нихъ, шагъ безъ согласія плѣненнаго короля, который вскорѣ долженъ былъ возвратиться въ свою страну и могъ снова прямо отмѣнить допущеніе. Поэтому планъ былъ представленъ ему на утвержденіе [1]). По настоянію *Манесье де Везу* евреи вручили королю докладную записку, въ которой они доказывали, какъ они раньше несправедливо были высланы изъ Франціи и какъ они не могли забыть свою родину. Послѣ этого плѣненный король издалъ декретъ (мартъ 1360), гласившій, что король съ согласія высшаго и низшаго духовенства, высшаго и низшаго дворянства и горожанъ разрѣшилъ всѣмъ евреямъ переселиться во Францію и жить тамъ пока двадцать лѣтъ. Имъ разрѣшалось устраиваться во всей странѣ, въ большихъ и маленькихъ городахъ, мѣстечкахъ и замкахъ, и они имѣли право владѣть не только домами, но и землями.

Условія, на которыхъ евреи вернулись во Францію, выработанныя, по всей вѣроятности, Манесье де Везу, были необыкновенно благопріятны. Глава каждаго еврейскаго семейства при вступленіи въ страну долженъ былъ, правда, уплатить за себя четырнадцать гульденовъ (Florins de Florence), за каждаго ребенка и вообще за каждое принадлежащее къ семейству лицо одинъ гульденъ, а затѣмъ ежегодную еврейскую подать въ семь гульденовъ и за каждаго члена семьи одинъ гульденъ. Но зато они пользовались также обширными привилегіями. Они не были подчинены произволу судовъ и чиновниковъ, но имѣли въ качествѣ своего защитника (Gardien, Conservateur) собственнаго главнаго судью, графа Этампскаго, принца королевской крови, назначавшаго слѣдователей и комиссаровъ и охранявшаго еврейскіе интересы тамъ, гдѣ имъ грозила опасность. Процессы и преступленія, совершенныя евреемъ противъ еврея, должны были разбираться двумя раввинами вмѣстѣ съ приглашенными послѣд-

[1]) Ordonnances des Rois de France de la troisiéme race т. III, стр. 473—481.

ними четырьмя лицами; приговоры должны были выноситься безъ указанія доводовъ. Но имущества приговоренныхъ еврейскихъ преступниковъ должны были поступать въ пользу короля и кромѣ того ему вносилось равинами сто гульденовъ. Болѣе старые еврейскіе проступки и преступленія были совершенно амнистированы королемъ. Евреи были освобождены отъ власти дворянства и должны были быть также охраняемы отъ происковъ духовенства. Запрещалось принуждать ихъ присутствовать при христіанскомъ богослуженіи и проповѣди. Подобно ихъ мебели, скоту, хлѣбу и складамъ вина, были обезпечены отъ конфискаціи также ихъ священныя книги, не только экземпляры Библіи, но и Талмуда. Костры для Талмуда не должны были болѣе повториться въ Парижѣ. Больше всего была защищена ихъ торговля. Имъ разрѣшалось давать деньги взаймы съ начетомъ до 80 процентовъ (4 денье съ ливра), брать заклады, и ихъ право давать деньги подъ заклады было окружено валомъ защитительныхъ законовъ. Дѣятельный и ревностный посредникъ, *Манесье де Везу*, получилъ высокое положеніе при дворѣ. Онъ былъ генеральнымъ сборщикомъ (procureur или receveur general [1]). Онъ долженъ былъ за своимъ ручательствомъ заботиться о срочномъ поступленіи денегъ, уплачивавшихся при въѣздѣ въ страну, и ежегодной еврейской подати и получалъ съ этого около 14 процентовъ. Благодаря этимъ привилегіямъ, евреи массами переселились во Францію; дѣло въ томъ, что даже тѣмъ, которые не были родомъ изъ этой страны, было разрѣшено поселиться въ ней или же пребывать тамъ большее или меньшее время (1361 [2]).

На эти обширныя льготы съ многихъ сторонъ смотрѣли довольно косо. Христіанскіе врачи, для которыхъ евреи являлись конкурентами, разсказывали, будто послѣдніе не выдержали экзамена и являются лишь шарлатанами. Судьи и чиновники, которымъ не предоставили никакой власти надъ евреями и не дали никакого повода для выжиманія денегъ, жаловались на злоупотребленія со стороны евреевъ. Духовенство было очень недовольно благопріятнымъ положеніемъ евреевъ, и, не имѣя никакого повода для обвиненія, стало жаловаться на отсутствіе на ихъ одеждахъ предписаннаго знака. Слабый король, Іоаннъ, былъ принужденъ, частью въ противорѣчіи со своимъ собственнымъ указомъ, издать слѣдующій законъ (1362): лишь тѣ евреи имѣли право на врачебную практику, которые подвергались экзамену; затѣмъ всѣ евреи должны были носить знакъ, большой красный или бѣлый кружокъ (Rouelle) величиною съ королевскую печать; отъ ношенія этого знака не

[1]) Ordonances III стр. 488, IV стр. 496, V стр. 436.

[2]) Т. же. III стр. 487.

были освобождены даже тѣ, кто пользовался особыми привилегіями (Манесье и его семья); наконецъ евреи должны были подчиняться общимъ судамъ. Этимъ въ значительной степени обезсиливалось прежнее постановленіе [1]).

Однако, какъ только политичный дофинъ вступилъ подъ именемъ *Карла V* на престолъ и сталъ вводить строгій правительственный режимъ, желая избавиться отъ совѣта сословныхъ чиновъ, онъ прежде всего обезпечилъ себѣ источники дохода съ евреевъ (май 1364). Онъ возстановилъ частью нарушенныя его отцомъ ихъ привилегіи, продлилъ еще на шесть лѣтъ разрѣшеніе на ихъ проживаніе во Франціи и даже позволилъ еврейскимъ богачамъ взимать болѣе восьмидесяти процентовъ [2]). По просьбѣ, столь неутомимаго для своихъ единовѣрцевъ, Манесье де Везу, король снова изъялъ евреевъ изъ подсудности общимъ судамъ и снова передалъ ихъ въ вѣдѣніе офиціально назначеннаго имъ защитника, графа Эгампскаго [3]). Онъ строго положилъ конецъ продѣлкамъ священниковъ, доведшихъ свою ненависть къ евреямъ до невыносимыхъ предѣловъ. Высшіе прелаты велѣли въ южной Франціи читать проповѣди о томъ, что христіане подъ страхомъ отлученія отъ церкви не должны вступать ни въ какія сношенія съ евреями, не давать и не продавать имъ огня, воды, хлѣба, вина, и вызвали этимъ путемъ снова такой фанатизмъ, который угрожалъ не только имуществу евреевъ, но и ихъ жизни. На это намѣстникъ Лангедока отъ имени короля издалъ приказъ къ чиновникамъ: безъ снисхожденія карать имуществомъ и жизнью мірянъ, священниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто будетъ враждебно вести себя по отношенію къ евреямъ [4]).

Въ царствованіе Карла V евреи Франціи жили поэтому довольно сносно. И при немъ Манесье остался генеральнымъ для сѣверной Франціи (Langue d'oui) сборщикомъ еврейскихъ налоговъ; въ южныхъ областяхъ (Langue d'oc) эту обязанность исполнялъ *Денисъ Кинонъ*. По жалобѣ послѣдняго на то, что нѣкоторые крещеные евреи вмѣстѣ со священниками насильно тащили евреевъ въ церковь и заставляли ихъ выслушивать проповѣди, Карлъ издалъ (мартъ 1368) приказъ къ своимъ чиновникамъ: энергично положить конецъ такому обидному насилію [5]). Только одинъ разъ было нарушено дружественное отношеніе между королемъ и евреями. Поступили жалобы на еврейскихъ ростовщиковъ, будто они бра-

[1]) Т. же III стр. 603 и слѣд.
[2]) Т. же т. IV, 439, V. 496.
[3]) Т. же IV, 496.
[4]) Ordonances IV, 440.
[5]) Т. же V, 167.

ли болѣе высокій процентъ, чѣмъ разрѣшенный закономъ. Поэтому Карлъ вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ постановили снова изгнать евреевъ изъ Франціи (1368). Но это было, какъ видно, лишь спекуляціей, чтобы заставить ихъ внести крупныя суммы денегъ. Въ дѣйствительности король вскорѣ далъ умилостивить себя Манесье и другому видному еврею, *Якову де Понъ-Сентъ-Максансъ*, или собственно смягчить себя суммой въ 15.000 марокъ, которая должна была еженедѣльно выплачиваться. Тогда онъ заявилъ, что хочетъ помиловать ихъ и возстановить ихъ привилегіи. Въ угоду духовенству онъ такъ же, какъ и его отецъ, приказалъ носить еврейскій знакъ; но онъ освободилъ отъ этого Манесье де Везу и равина Мататію Парижскаго вмѣстѣ съ ихъ семействами, а также тѣхъ евреевъ, которые вели свои дѣла съ мѣстностями, гдѣ не живутъ ихъ единовѣрцы [1]). Позже король продлилъ право евреевъ на проживаніе во Франціи на десять лѣтъ, а затѣмъ еще на шесть. Все это случилось, благодаря стараніямъ неутомимаго Манесье [2]). За ревностныя заботы о евреяхъ и за пользу, принесенную имъ королю, Карлъ V наградилъ его освобожденіемъ его и его семьи отъ всякихъ податей, налоговъ и повинностей (1374 [3]).

Однако, если нѣмецкіе и французскіе евреи и ожили послѣ ужасной рѣзни, то возстановилась только ихъ тѣлесная жизнь, а не духовная. Исчезла ихъ сила ума. Во Франціи, гдѣ въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ столѣтій, отъ Раши вплоть до послѣднихъ тосафистовъ, талмудическое знаніе было доведено до высшаго расцвѣта, гдѣ развились замѣчательное, почти недосягаемое остроуміе и поразительное глубокомысліе, среди иммигрировавшихъ господствовало столь поражающее невѣжество [4]), что снова нужно было положить начало изученію Талмуда. Въ привилегіяхъ, данныхъ королями Іоанномъ и Карломъ, говорится о равинахъ, которые должны были имѣть право судить недостойныхъ евреевъ; но если предполагать въ нихъ *глубокихъ* знатоковъ Талмуда, то едва ли во Франціи былъ тогда хоть одинъ единственный; посредственныхъ же, по собственному признанію современниковъ, было лишь *пять*. Единственный, кто представлялъ тогда талмудическое знаніе, *Мататія б.-Іосифъ Провански*, ни однимъ произведеніемъ не проявилъ себя. Пользуясь столь большимъ уваженіемъ короля Карла V, что послѣдній освободилъ его и его семью отъ позорнаго знака на одеждѣ, и будучи, какъ кажется, въ родствѣ съ генеральнымъ сборщикомъ Манесье де Везу,

[1]) Т. же V, 496.

[2]) Ordonances V стр. 44.

[3]) Т. же 118

[4]) Исаакъ де Латесъ Schaare Zion въ концѣ: ואז נתבבלו רוב הישיבות בארץ אדום

онъ находился въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобъ повліять на евреевъ. Происходя изъ ученаго семейства, жившаго въ городѣ *Труа* и называвшагося, поэтому, *Труа* (Тревесъ) и будучи ученикомъ извѣстнаго равина Нисима бенъ-Рувимъ Герунди изъ Барцелоны, онъ снова основалъ въ Парижѣ школу, собралъ вокругъ себя учениковъ, разъяснялъ имъ Талмудъ, посвящалъ ихъ въ равины и поручалъ копировать экземпляры Талмуда [1]). Благодаря своему рвенію и относительно значительной учености, онъ во всѣхъ вновь основанныхъ общинахъ былъ выбираемъ въ главные равины и верховные судьи въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ и утверждаемъ королемъ. Его школа впервые снабдила общины равинами. Но его ученики столь же мало, какъ и онъ самъ, обогатили равинскую литературу какимъ-либо произведеніемъ. Даже литературно столь плодотворный еврейскій Провансъ сталъ бѣденъ духомъ. Лишь одно имя доносится изъ того времени, именно *Исаакъ б.-Яковъ де Латесъ*, несамостоятельно собравшій въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ существовавшій матеріалъ [2]).

Въ Германіи, равины которой нѣкогда такъ гордились своей наслѣдственной мудростью, черная смерть со своей свитой изъ погромовъ и гоненій противъ евреевъ такъ сильно разрѣдила ряды послѣднихъ, что также и здѣсь наступило скудоуміе. Изъ-за недостатка въ лучшихъ силахъ къ исполненію обязанностей равина должны были допускаться непризванные и полузнайки. Противъ этого зла выступилъ равинъ, *Меиръ б.-Барухъ Галеви* (1360—90), считавшійся въ то время въ Германіи виднымъ авторитетомъ. Занимая, какъ и его отецъ, постъ равина въ Вѣнѣ, *Меиръ* издалъ постановленіе, по которому ни одинъ талмудическій ученый не имѣлъ права исполнять обязанности равина прежде, чѣмъ не получилъ на то полномочіе отъ какого-нибудь испытаннаго равина [3]). До того времени существовало обыкновеніе, что каждый, кто чувствовалъ себя способнымъ, прямо занималъ постъ равина и, если онъ селился недалеко отъ своего учителя, то просилъ у послѣдняго разрѣшенія на это.

[1]) Сынъ Мататі, Іохананъ, сообщаетъ о своемъ отцѣ Исааку бенъ-Шешетъ (въ респ. послѣдняго № 270) слѣдующее: זה ימים כאשר אולי שמעת היה אבא מארי (ר' מתתיה) בצרפת אדון ומושל. ובבואו לארץ אז לא היה בכל לשון הצרפתים מחמשה לששה למדנים בין הרבנים והעם. ואבא מארי אזן וחקר ותקן מדרשו לרבים ואסף תלמידים . . . והרביץ תורה בדור הזה בכל אשר היו לפניו זה ימים ושנים ויצאו מלפניו שמונה רבנים תופשי ישיבה.

[2]) Историческій компендій Исаака де Латесъ שערי ציון изд. Соломономъ Буберомъ (Ярославъ 1885).

[3]) Д-ръ Б. Г. Ауербахъ (ברית אברהם стр. 6) доказалъ, что постановленіе относительно званія מורנו вышло отъ Меира б.-Барухъ Галеви (ר' מאיר סגל), что подтверждается респонзами Исаака б. Шешетъ № 268—272.

Такъ какъ въ Германіи со времени р. Гершома изъ Майнца постоянно были выдающіеся знатоки Талмуда, то общественное мнѣніе противодѣйствовало злоупотребленію этой свободой. Непризванный, присвоившій себѣ санъ равина, подвергся бы осмѣянію и презрѣнію со стороны всѣхъ. Наоборотъ, въ эпоху послѣ черной смерти изъ-за недостатка въ знатокахъ Талмуда не существовало болѣе этого общественнаго надзора. Постановленіе *Меира* изъ Вѣны, обязывавшее каждаго равина сначала получить посвященіе для пріобрѣтенія сана (Morenu), безъ этого же запрещавшее заниматься брачными отношеніями, вѣнчаніемъ и разводомъ, исходило такимъ образомъ изъ потребности того времени и не было какимъ нибудь несправедливымъ притязаніемъ со стороны издавшаго. Бездарность даже самыхъ выдающихся нѣмецкихъ равиновъ того времени проявляется также въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не оставилъ послѣ себя хоть сколько нибудь значительнаго талмудическаго труда, а всѣ вмѣстѣ избрали дорогу, которая хорошо подходитъ для созданія тупоумія. Современники *Меира Галеви*, *Авраамъ Клаузнеръ*, жившій также въ Вѣнѣ, и *Шаломъ* изъ Австріи, равинъ Нейштадта у Вѣны, не желавшій изъ излишней мнительности оставить мѣстожительство своихъ предковъ, занимались исключительно тѣмъ, что описывали и увѣковѣчивали принятые въ общинахъ обычаи (Minhagim), на которые прежде обращалось очень мало вниманія. Они и ихъ ученики, *Айзакъ Тирнау* (изъ Венгріи, котораго легенда въ причудливо романтичной формѣ сдѣлала отцомъ красивой дочери [1]), и *Яковъ Мелинъ* (Maharil),

[1]) Изъ коллекціи, имѣющейся у поэта *Давида Франко*, Гавріилъ Полакъ извлекаетъ и сообщаетъ слѣдующій странный романъ, въ которомъ главныя роли играютъ *Айзакъ Тирнау* и его красивая дочь (въ небольшомъ сочиненіи מעשה רב אצבע אלהים или שאירע להגאון ר׳ יצחק טירנא בעל המנהגים, Кенигсбергъ 1857): красивый наслѣдственный рыцарь влюбился въ красивую дочь Айз. Тирнау и получилъ у отца обѣщаніе, что послѣдній не откажетъ ему въ рукѣ своей дочери, если онъ когда-нибудь станетъ достойнымъ этого, т. е. свѣдущимъ талмудистомъ; тайно отъ своей матери онъ отправился тогда въ путешествіе, освободился съ помощью яда отъ своего спутника, поступилъ въ одинъ Bet-ha-Midrasch и съ такимъ рвеніемъ набросился на изученіе Талмуда, что сталъ выдающимся ученикомъ (Bachur); затѣмъ неузнаннымъ онъ поступилъ въ школу Айзака Тирнау, подъ конецъ открылъ себя, напомнилъ Тирнау о его обѣщаніи и женился на красивой дочери равина; безутѣшная герцогиня-мать, которая повсюду велѣла искать своего исчезнувшаго сына, привлеченная красотой молодой пары, сама присутствовала при ихъ свадьбѣ и не узнала своего сына; банщицей, узнавшей его по родимому пятну, онъ былъ открытъ; онъ упорно отрицалъ свое высокое происхожденіе; но былъ приговоренъ императоромъ къ смерти; его несчастная мать хотѣла отомстить евреямъ Тирнау и въ особенности равину Айзаку; тогда сынъ ея во снѣ предостерегалъ ее, и она удовлетворилась изгнаніемъ евреевъ изъ Тирнау.

оставили послѣ себя лишь такіе бездарные обзоры, какіе были ими получены отъ своихъ учителей. Если эта австрійская школа, считавшаяся тогда самой выдающейся, была столь неталантлива, то во сколько разъ болѣе бездарной была рейнская, относительно представителей которой извѣстны только ихъ имена. Одинъ страсбургскій равинъ этого времени сталъ извѣстенъ только благодаря своей превратной судьбѣ. *Самуилъ бенъ-Аронъ Шлетштадтъ* [1]), который въ теченіе уже многихъ лѣтъ занималъ должность равина въ главномъ городѣ Эльзаса, былъ обвиненъ въ томъ, что онъ очень строго судилъ двухъ еврейскихъ измѣнниковъ за ихъ сообщеніе во вредъ евреямъ свѣдѣній сосѣднимъ рыцарямъ-разбойникамъ, владѣльцамъ *Андлау*. Одинъ измѣнникъ, по имени *Саламіель*, былъ согласно приговору равина, утопленъ, другой убѣжалъ къ своимъ друзьямъ изъ Андлау, перешелъ въ христіанство и сталъ еще болѣе злобно относиться къ своимъ единоплеменникамъ. Вслѣдствіе этого владѣльцы Андлау объявили войну городу Страсбургу. Но Самуилу Шлетштадту еще удалось бѣжать въ замокъ Гогенландсбургъ (у Кольмара), вѣроятно подъ защиту какого-нибудь враждебнаго владѣльцамъ Андлау рыцаря (1376). Здѣсь онъ провелъ много лѣтъ, потому что община Страсбурга не могла укротить гнѣвъ или алчность его враговъ. Въ замкѣ, гдѣ онъ жилъ оторванный отъ семьи и единовѣрцевъ, изученіе Талмуда заполняло его свободное время. Издалъ ли Самуилъ Шлетшадтъ, подобно, наприм., *Меиру* изъ Ротенбурга, во время этого ареста остроумное толкованіе Талмуда? Даже и этого не было; онъ только переработалъ уже существовавшій, притомъ довольно бездарный сборникъ (Mardochai) Мардохая б.-Гилелъ (т. VIII, стр. 193) и сдѣлалъ изъ него извлеченіе [2]). Это ясный признакъ безсилія и несамостоятельности, подобіе вьющагося растенія, опирающагося на другое. Но Самуилу Шлетштадту не дали спокойно жить въ Гогенландсбургѣ. Сами евреи обвинили его въ томъ, что онъ былъ причиной смерти одного единовѣрца, и онъ вынужденъ былъ тайкомъ бѣжать, добрался до Востока и сумѣлъ достать себѣ у авторитетовъ, у князя изгнанія *Давида* б.-Годая изъ Вавилоніи и у іерусалимскаго равината, приговоръ, заставлявшій подъ угрозою отлученія страсбургскую общину энергичнѣе вступиться за него и избавить его отъ непріятностей. Но лодка, которая должна была перевезти его на обратномъ пути черезъ Рейнъ и въ которой сидѣлъ его сынъ, опрокинулась, и несчастный отецъ долженъ былъ съ берега видѣть гибель своего сына, которому онъ уже протянулъ руку. Онъ обвинялъ себя въ смерти своего сына, потому что онъ вызвалъ

[1]) Carmoly la France Israélite стр. 138 и слѣд.

[2]) מרדכי הקטן или קצור מרדכי.

противъ своей общины столь суровый приговоръ. Самуилъ Шлетштадтъ погибъ,можетъ быть, во время кровавой рѣзни,устроенной нѣсколькими годами позже гражданами Страсбурга вмѣстѣ съ рыцарями Андлау противъ еврейской общины. Не было недостатка въ жестокихъ еврейскихъ погромахъ въ Эльзасѣ въ это время, когда Карлъ Смѣлый бургундскій велъ войну противъ герцога лотарингскаго и эльзасскій союзъ городовъ возставалъ противъ императора. Почти всѣ евреи Кольмара, Шлетштадта и еще другихъ маленькихъ городовъ погибли отъ меча или висѣлицы. Шайка швейцарскихъ наемниковъ и городскіе отряды стрѣлковъ превосходили другъ друга въ убійствѣ евреевъ этой страны или въ принужденіи ихъ къ крещенію. На евреевъ, особенно въ Германіи, смотрѣли, какъ на ставленниковъ дьявола, которые приносятъ вредъ христіанамъ и которыхъ нужно поэтому уничтожить.

Вслѣдствіе несчастныхъ дней черной смерти и ихъ послѣдствій исчезла въ народѣ память о старинѣ, такъ что рейнскіе равины сочли себя вынужденными изъ-за различія во взглядахъ на брачно-правовые вопросы устроить съѣздъ съ исключительной цѣлью освѣжить старыя постановленія. На собраніи въ Майнцѣ (15 ава=5 августа 1381) нѣкоторые равины вмѣстѣ съ представителями общинъ возобновили старыя рѣшенія Шпейера, Вормса, Майнца (Tekanot Schum, т. VIII), по которымъ вдова, оставшаяся бездѣтной, должна была быть безъ обмановъ и проволочекъ освобождена отъ брака съ шуриномъ и должна была получить точно опредѣленную часть наслѣдства своего мужа. Однако изъ всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ съѣздѣ равиновъ даже ни одинъ не оставилъ послѣ себя извѣстнаго имени. Среди всѣхъ нѣмецкихъ евреевъ относительно наиболѣе сносно—послѣ населявшихъ имперскій городъ Регенсбургъ—жилось въ это время тѣмъ, которые находились подъ властью архіепископа майнцскаго, *Адольфа Насаускаго*. Въ то время, какъ повсюду, гдѣ они снова были приняты, ихъ терзали, пытали, вновь изгоняли или избивали, майнцскій князь церкви былъ особенно милостивъ къ нимъ (1384). Жившихъ въ его владѣніяхъ онъ освободилъ отъ подсудности церковнымъ судамъ, назначилъ ихъ постояннымъ судьей равина *Исаака Видавскаго* и отмѣнилъ позорный костный налогъ. Каждый путешествовавшій еврей до того времени долженъ былъ внести въ таможни Майна и Рейна опредѣленное число костей въ память бросанія жребія при дѣлежѣ одеждъ Іисуса *[1]).

*) Еванг. отъ Матѳея гл. XXVII, 35. *Ред.*

[1]) Шаабъ, diplomatische Geschichte d. Iuden zu Mainz стр. 107.

ГЛАВА II.

Эпоха Хасдая Крескаса и Исаака б.-Шешетъ.

Евреи Кастиліи послѣ гражданской войны. Отношеніе къ нимъ Генриха II. Іосифъ Пихонъ и Самуилъ Абрабанель. Враждебные къ евреямъ кортесы и еще болѣе злобное духовенство. Вѣроотступники. Іоаннъ изъ Вальядолида и диспуты. Моисей де-Тордесилласъ и Шемъ-Товъ ибнъ-Шапрутъ. Коментаторы Ибнъ-Эзры. Менахемъ б.-Зерахъ, Хасдай Крескасъ и Исаакъ бенъ.Шешетъ. Хаимъ Галипапа и его здравые взгляды. Событія среди французскихъ евреевъ. Смерть Манесье де-Везу, его сыновья. Парижское возмущеніе противъ евреевъ. Городской голова Обріо. Борьба между Іохананомъ б.-Мататія и Іошуей б.-Аба Мари за французскій верховный равинатъ. Вмѣшательство вѣнскаго равина, Меира Галеви, и испанскихъ, Хасдая Крескаса и Бенъ-Шешета. Вырожденіе еврейской знати въ Испаніи; доносительство и кровавые суды.

(1369—1380).

Сердце еврейскаго племени было не менѣе изранено и истощено, чѣмъ его члены. И въ Испаніи внѣшній и внутренній упадокъ подготовлялъ разложеніе прочнаго ядра еврейства, которое до того времени оказывало сопротивленіе всѣмъ ѣдкимъ кислотамъ церковныхъ и государственныхъ элементовъ. Принцъ, которому кастильскіе евреи подъ знаменемъ вѣрности присягѣ оказали столь сильное сопротивленіе, противъ котораго они боролись съ оружіемъ въ рукахъ, незаконнорожденный донъ *Генрихъ* Трастамарскій, бунтовщикъ, вызвавшій вторженіе въ отечество разбойничьихъ шаекъ и гражданскую войну, брато-убійца, порвавшій узы природы и закона, послѣ побѣды при Монтіелѣ завладѣлъ окровавленной рукой скипетромъ и возложилъ на свою грѣховную голову кастильскую корону. Большая часть многочисленнаго еврейскаго населенія, вооруженные и безоружные, впродолженіе долголѣтней ожесточенной гражданской войны была уничтожена на поляхъ битвъ, въ осажденныхъ городахъ, а также разбойничьими шайками бѣлой компаніи.

Самая большая еврейская община кастильской столицы, „вѣнецъ Израиля“ въ средніе вѣка, нѣкоторымъ образомъ еврейскій Іерусалимъ на западѣ, *Толеда*, послѣ снятія осады не имѣла столькихъ сотенъ населенія,сколько тысячъ въ ней было раньше.Оставшіеся въ Кастиліи евреи вслѣдствіе грабежей и контрибуцій, налагавшихся друзьями и врагами, были доведены до нищеты. Не мало ихъ въ отчаяніи бросилось въ объятія христіанства. Трогательно описываетъ одинъ современникъ (Самуилъ Царца) безотрадное положеніе въ это время кастильскихъ общинъ. „Въ дѣйствительности, грабители слѣдовали за грабителями, исчезла ко-

пейка изъ кошелька, душа уносилась изъ тѣла, всѣ предвѣстники мессіанскаго времени явились, не приходитъ только избавитель". Развѣ оставшіеся въ небольшомъ числѣ послѣ побѣды Дона Генриха евреи не имѣли основанія трепетать? Благосклонное отношеніе къ евреямъ со стороны своего брата, Донъ-Педро, онъ сдѣлалъ поводомъ къ войнѣ противъ него [1]). Теперь онъ сталъ рѣшителемъ ихъ судьбы. Не станетъ ли онъ, второй Веспасіанъ или Адріанъ, притѣснять побѣжденныхъ? Правда, имъ не стало такъ скверно, какъ они предполагали. Донъ Генрихъ II такъ же мало могъ обойтись безъ евреевъ, какъ и его предшественники и какъ французскіе и нѣмецкіе государи. Только еврейскіе финансисты могли держать въ порядкѣ государственное хозяйство. А Дону Генриху они нужны были болѣе, чѣмъ когда нибудь. Во время войны онъ задолжалъ, чтобъ уплатить отрядамъ, приведеннымъ къ нему дю-Гескленомъ, и за оказанную помощь принялъ на себя другія обязательства, которыя должны были быть выполнены. Изъ-за долголѣтней войны страна обнищала. Кто, если не евреи, могъ доставить необходимыя деньги и позаботиться о правильномъ взиманіи налоговъ? Онъ понималъ также заслугу евреевъ, заключавшуюся въ ихъ стойкой приверженности къ его брату. Вмѣсто того, чтобъ наказать побѣжденныхъ, онъ цѣнилъ ихъ вѣрность и сказалъ: „Такихъ подданныхъ король долженъ любить и награждать, потому что они до смерти оставались вѣрны своему побѣжденному королю и не перебѣжали на сторону побѣдителя" [2]). Тѣмъ не менѣе изъ мести общинѣ Толеды за ея принадлежность къ партіи его брата,но также изъ нужды въ деньгахъ онъ возложилъ на нее, и безъ того обѣднѣвшую, непосильный штрафъ въ 2000 золотыхъ дублоновъ и далъ своему казначею право насильно добиваться уплаты путемъ продажи мебели и недвижимостей евреевъ, а, въ случаѣ недостаточности этой мѣры, подвергать состоятельныхъ лишенію пищи и питья и пыткамъ, неимущихъ же продавать въ рабство, пока не будетъ уплачена полностью вся сумма денегъ (6 іюня 1369 [3]).

Между тѣмъ Донъ Генрихъ провинился въ томъ же самомъ, за что онъ клеймилъ въ глазахъ христіанскаго міра своего брата: и онъ принималъ способныхъ евреевъ на государственную службу и ввѣрялъ имъ въ частности финансовое дѣло. Двумъ севильскимъ евреямъ, дону *Іосифу Пихону* и дону *Самуилу Абрабанелю*, онъ поручилъ важныя должности. Первый былъ генеральнымъ сборщикомъ податей и алмошарифомъ короля и пользовался большимъ почетомъ съ его стороны [4]).

---

[1]) Грецъ, т. VIII, стр. 295.

[2]) Эмануилъ Авуавъ, Nomologia стр. 290.

[3]) Амадоръ де лосъ Ріосъ, historia II. стр. 312.

[4]) Ayala cronica II, годъ. 1379 гл. 3.

Какую должность занималъ при дворѣ Самуилъ Абрабанель не извѣстно; во всякомъ случаѣ онъ пользовался значительнымъ вліяніемъ [1]). Ко двору Дона Генриха имѣли доступъ еще другіе, выдававшіеся своими талантами или богатствомъ, евреи [2]).

Однако, если король и не мстилъ евреямъ за ихъ участіе въ войнѣ противъ него, то населеніе не забыло этого. Дворянство и горожане не могли простить евреямъ, что въ осажденныхъ городахъ и на открытомъ полѣ послѣдніе выступали противъ первыхъ въ качествѣ враговъ. Чувство мести и ненависть къ евреямъ лишали ихъ возможности видѣть ту пользу, которую евреи приносили благосостоянію государства, и они жаждали лишь удовлетворенія своихъ страстей. Евреи были побѣжденными; поэтому ихъ слѣдовало принизить до особаго рода рабства. Враждебное настроеніе населенія противъ евреевъ проявилось на первомъ же собраніи кортесовъ Торо (1371). Тутъ враги евреевъ начали свои первыя нападенія. Кортесы жаловались королю на то, что это „скверное и дерзкое племя", эти враги Бога и христіанства занимали при дворѣ и у сановниковъ государства „высокія должности", что имъ передана была аренда налоговъ и что этимъ они держали слабыхъ христіанъ въ страхѣ и зависимости. Кортесы предъявляли, поэтому, къ коронѣ опредѣленныя требованія относительно евреевъ: впредь не допускать ихъ къ какой нибудь должности, отвести имъ особые кварталы вдали отъ христіанскаго населенія, принуждать ихъ носить еврейскій знакъ, запрещать имъ появляться въ общественныхъ мѣстахъ въ богатыхъ одеждахъ, ѣздить верхомъ на мулахъ и, наконецъ, носить какія либо христіанскія имена. Эти требованія не нравились Дону Генриху; однако онъ вынужденъ былъ сдѣлать имъ уступки. Большинство пунктовъ онъ отвергъ, замѣчая, что въ обращеніи съ евреями онъ будетъ слѣдовать образу дѣйствій своихъ предковъ, особенно своего отца, Альфонсо XI. Но тѣ два ограниченія, на которыя онъ согласился, хотя не были матеріальнаго свойства, имѣли очень дурное вліяніе. Кастильскіе евреи должны были носить позорный знакъ и отказаться отъ обычныхъ въ странѣ именъ [3]). Этимъ была самымъ сильнымъ образомъ задѣта ихъ кастильская гордость, которую они дѣлили съ грандами и гидальго. Со времени Инокентія III, полтора столѣтія уже, существовалъ каноническій законъ о еврейскомъ знакѣ, исчадіе папской нетерпимости и жестокости;евреи Кастиліи умѣли такъ долго защититься отъ него; теперь и они вынуждены были носить на показъ клеймо на своихъ одеждахъ. Они, которые привыкли высоко держать голову и носить звучныя

[1]) Менахемъ б.-Зерахъ. [2]) Слѣдуетъ изъ словъ того же.

[3]) Cortes de Leon y Castilla; Lafuente, historia general de Espana VII p. 328. Amador т. же 316.

имена, должны были съ потупленнымъ взоромъ потихоньку пробираться какъ нѣмецкіе евреи, и называться восточными именами. Они не могли свыкнуться съ этимъ, столь горестнымъ для нихъ, положеніемъ. Вслѣдствіе криковъ тѣхъ, которые раззорились изъ-за займовъ у еврейскихъ кредиторовъ и жаловались на неограниченные ростовщическіе проценты, Донъ Генрихъ вторгнулся также и въ ихъ частныя права. Онъ постановилъ, что христіанскіе должники могутъ уплатить лишь двѣ трети одолженнаго капитала, если они погасятъ свои долги въ короткій срокъ.

Нужда, наступившая послѣ гражданской войны, и новое униженіе угнетающе дѣйствовали на кастильскихъ евреевъ. Еврейскіе вельможи, имѣвшіе доступъ ко двору, богатство и вліяніе, въ частности *Самуилъ Абрабанель*, старались облегчить безотрадное положеніе и возстановить глубоко павшую, обнищавшую и разстроенную общину Толеды. Но они не могли возстановить прежній блескъ, потому что положеніе общины Толеды, какъ образцовой въ еврействѣ, создалось какъ обширными знаніями и возвышеннымъ духомъ, такъ и благосостояніемъ ея членовъ. Несчастная же война съ ея послѣдствіями притупила ихъ духъ, направляя весь интересъ ихъ на матеріальныя нужды. Упадокъ приближался поэтому гигантскими шагами. Безучастное отношеніе къ научнымъ стремленіямъ создало такое поразительное невѣжество, что вещи, которыя прежде были извѣстны каждому полуобразованному человѣку, въ это время считались недосягаемо высокой мудростью, о чемъ совсѣмъ даже не думали [1]). Примѣромъ безвкусицы, до которой пала ново-еврейская поэзія, служатъ стихи риѳмоплета, *Зарака* (Зераха) *Барфата*, изуродовавшаго своимъ поэтическимъ пересказомъ художественное произведеніе, книгу Іова [2]). И какъ разъ тогда необходимы были люди таланта и знаній, которые могли бы предупредить раздоръ, потому что представители христіанства начали тогда настойчиво дѣлать нападки на іудаизмъ, чтобъ побудить его приверженцевъ къ отпаденію.

Донъ Генрихъ былъ многимъ обязанъ духовенству: оно освятило его похищеніе короны и санкціонировало законность его сидѣнія на престолѣ. Изъ благодарности, а также изъ лживой религіозности, онъ сдѣлалъ ему уступки. По его приказанію евреи опять вынуждены были вступать въ непріятные религіозные диспуты, при которыхъ много можно было потерять и мало выиграть, такъ какъ въ этой словесной битвѣ свѣтъ и воздухъ были распредѣлены неравномѣрно. Два крещеныхъ еврея получили отъ короля право устраивать въ каждой провинціи или го-

---

[1]) Самуилъ Царца מכלל יופי (рукопись) введеніе: עם כל זה בראותי שהתורה משתכחת מישראל ואפילו דברים הגלויים היו משתכחים מישראל וכל שכן הפנימיים וכו׳.

[2]) Срв. Кармоли Orient, г. 1841 Ltb. col. 235.

родѣ Кастиліи религіозные диспуты и заставлять евреевъ являться по ихъ приглашенію.

Однимъ изъ этихъ ренегатовъ былъ *Іоаннъ* изъ Вальядолида. Въ *Бургосѣ* произошелъ диспутъ въ присутствіи архіепископа *Гомеца* изъ Толеды. Въ Авилѣ вся еврейская община должна была отправиться въ большую церковь (1375), гдѣ диспутъ шелъ въ присутствіи многихъ христіанъ и магометанъ. Со стороны евреевъ выступалъ *Моисей Когенъ де Тордесиласъ*, знакомый также съ христіанскими религіозными источниками. Бѣдный въ страхѣ пошелъ на это опасное дѣло. Онъ уже испыталъ на себѣ христіанскую любовь. Во время гражданской войны христіанскія шайки отняли у него все, что онъ имѣлъ, и избили его, чтобъ заставить его принять христіанство. Онъ перенесъ всѣ эти испытанія со стойкостью твердой убѣжденности, но настолько обѣднѣлъ, что вынужденъ былъ получать пособіе отъ общины Авилы [1]).

Однако слишкомъ труднымъ не былъ диспутъ для Моисея де Тордесиласъ. Такъ какъ крещеный Іоаннъ изъ Вальядолида взялся доказать догматы христіанства, мессіанство, божественность и воплощеніе Іисуса, Троицу и дѣвственность „Богоматери“ на основаніи Ветхаго завѣта, то еврейскому оппоненту легко было опровергнуть слишкомъ уже жалкіе доводы [2]). Послѣ четырехъ диспутовъ Іоаннъ вынужденъ былъ, какъ побѣжденный, отказаться отъ своего предпріятія. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Вскорѣ послѣ этого появился ученикъ вѣроотступника Авнера-Альфонсо (VIII т.) и приглашалъ Моисея де Тордесиласъ вступить съ нимъ въ диспутъ о Талмудѣ и агадическихъ сентенціяхъ. На случай отказа онъ угрожалъ ему публично обличить Талмудъ, какъ источникъ враждебныхъ христіанству выраженій. Такимъ образомъ Моисей вынужденъ былъ снова выслушивать безсмысленныя утвержденія и нападки и вступать въ тернистые разговоры. По предложенію авильской общины онъ написалъ существенную часть своихъ диспутовъ (подъ названіемъ Ezer ha-Emnua) и переслалъ этотъ трудъ общинѣ Толеды, чтобъ она могла воспользоваться имъ, когда и къ ней будетъ предъявлено такое же требованіе [3]). Въ своихъ религіозныхъ разговорахъ Моисей де Тордесиласъ сохранялъ хладнокровіе и спокойствіе, какъ ему это и ни было трудно; у него не вырвалось ни одно оскорбительное или рѣзкое выраженіе, и онъ убѣждалъ евреевъ Толеды не давать себя рвеніемъ увлечь на обидныя

[1]) Введ. къ עזר האמונה.

[2]) Введеніе къ тому-же сочиненію. Между прочимъ новообращенный Іоаннъ изъ буквы ם въ стихѣ Исаіи II, 6 למרבה המשרה доказывалъ непорочное зачатіе Маріей Іисуса; неправильное ם, по его мнѣнію намекаетъ на Марію.

[3]) Т. же.

выраженія: „Ибо христіане владѣютъ теперь силой и могутъ ударами кулаковъ заставить умолкнуть истину“. Толеда, прежде бывшая признанной учительницей въ еврействѣ, должна была теперь довольствоваться только ролью ученицы и получать образцы для обмѣна мыслей.

Нѣкоторые болѣе проницательные евреи будто предчувствовали, что наступали тягчайшія испытанія для испанскихъ евреевъ, и снабдили своихъ единовѣрцевъ для предстоящаго боя щитомъ и шлемомъ, чтобъ тѣ не были внезапно застигнуты неумолимымъ врагомъ невооруженными. Въ одно время съ Моисеемъ де Тордесиласъ другой испанскій еврей составилъ еще болѣе подробное, чѣмъ тотъ, полемическое сочиненіе противъ христіанства для защиты и нападенія. *Шемъ-Товъ б.-Исаакъ Шапрутъ* изъ Туделы еще въ молодости попалъ въ такія условія, что вынужденъ былъ защищать свою вѣру отъ попытокъ обращенія. Кардиналъ донъ *Педро де Луна*, который позже въ качествѣ папы Бенедикта XIII внесъ такъ много смуты въ церковь и доставилъ евреямъ столь много горя, былъ охваченъ страстью прозелитизма и неутолимой жаждой диспутировать о религіозныхъ вопросахъ. Въ Пампелунѣ онъ вызвалъ Шемъ-Това Шапрута на диспутъ о наслѣдственномъ грѣхѣ и избавленіи, и послѣдній долженъ былъ взяться за это въ присутствіи епископовъ и ученыхъ священниковъ [1]). Ужасы войны между кастильцами и англичанами, ареной которой была Навара, заставили Шемъ-Това Шапрута, какъ и многихъ другихъ евреевъ, оставить страну (1378); онъ поселился въ близлежащей Тарагонѣ (въ Арагоніи). Когда онъ здѣсь увидѣлъ, что крещеные евреи вродѣ Іоанна изъ Вальядолида охвачены форменнымъ бѣшенствомъ диспутированія по поводу религіозныхъ вопросовъ, привлеченія на свою сторону тупоумныхъ и оговариванія евреевъ и ихъ литературы предъ властелинами, тогда онъ опубликовалъ (1380) обширный трудъ (Eben Bochan) для того, чтобъ уничтожить всѣ мнимыя доказательства изъ Библіи и Талмуда, приводившіяся христіанскими спорщиками [2]). Это сочиненіе представляетъ собой діа-

[1]) Eben Bochan II, гл. 9: אמר שם טוב להיות אמונת הנוצרים תלויה בביאת משיחם לכפר עון אדם הראשון ראיתי להביא הנה הוכוח אשר היה לי עם האדון פידרו די לונה קארדינאל מארגון בעיר פאמפלונה בפני הגאונים וחכמים רבים בביתו.

[2]) Введеніе къ Eben Bochan гласитъ: אמר המחבר שם טוב . . . מעיר תטילה בראותי אני הצעיר בחכמה ובשנים צרות הזמן . . . רבו בינינו מאנשי בריתנו אשר יצאו מכללנו רודפים אחירו . . . להתוכח עמנו ושואלים לנו מתוך פשוטי הכתובים וההגדות מהם לקיום דתם ואמונתם ומהם דברי כבושים להבאישנו בעיני הנוצרים אדונינו והם לנו לפח ולמוקש. גם יש עמנו רבים מחכמי הנוצרים רוצים להתוכח עמנו. ובעונותינו שרבו לרבות צרות הגלות ומקריו אנו הולכים ודלים ותורה משתכחת מישראל. ואין אנו יכולים להשיב להם כדת וכהלכה לסבת טרדותינו בעסקי מחיתנו נשינו וטפנו ועול המסים עלינו לכן שמתי פני כחלמיש לחבר ספר . . . אבן בחן. Конецъ XIV главы гласитъ: ובזה נשלם . . . אבן בחן בחדש אייר שנת ה׳ ק׳ וארבעים ליצירה בעיר טראגונה.

логъ между монотеистомъ и сторонникомъ троичности, въ основаніи котораго лежитъ содержаніе полемическаго труда Якова б.-Рувимъ (приписываемаго Давиду Кимхи, т. VIII). Для того, чтобъ дать евреямъ возможность доставать себѣ оружіе изъ христіанскаго арсенала, Шемъ-Товъ Шапрутъ перевелъ на еврейскій языкъ въ извлеченіяхъ четыре евангелія, къ которымъ онъ прибавилъ ѣдкія примѣчанія. Позже ему попалось въ руки враждебное евреямъ сочиненіе вѣроотступника Авнера-Альфонсо, и онъ опровергъ его шагъ за шагомъ [1]).

Очень большого вліянія эти полемическія сочиненія не имѣли въ эпоху испытанія; по крайней мѣрѣ, они не сослужили той службы, которой ожидали отъ нихъ ихъ составители. Въ еврейской Испаніи былъ какъ разъ недостатокъ не въ книгахъ, а въ людяхъ, въ энергичныхъ характерахъ, во властныхъ личностяхъ и вожакахъ, которые могли бы своимъ умомъ, силой воли и энергіей возвысить до себя, если не массу, то хотя бы полуобразованныхъ и перенести на нихъ часть своего духа. Анаѳема противъ науки, которую вызвали мучительный страхъ и излишняя набожность, очень чувствительно мстила за себя: она создала карликовое поколѣніе и подавила пониманіе условій времени, которое въ состояніи дать только изощренный наукою взглядъ. Даже религіозная стойкость страдала изъ-за того, что у подроставшаго поколѣнія была отнята духовно питавшая грудь. Эта эпоха выдвинула одного только еврея съ глубокимъ философскимъ образованіемъ, который не въ силу превосходства своего ума, но благодаря своему положенію и талмудическимъ познаніямъ имѣлъ кругъ вліянія, хотя не очень большой. Зато большинство испанскихъ равиновъ этого времени были или прямо таки враждебны наукѣ и въ частности религіозной философіи или по крайней мѣрѣ равнодушны къ ней.

Наукой занимались лишь міряне, но ихъ умъ не былъ проникнутъ ею и еще меньше былъ онъ творческимъ. Характерно для этого времени, что никто не занимался религіозно-философскимъ „Путеводителемъ“ Маймонида, а вошелъ въ моду Ибнъ-Эзра. Отрывочный характеръ этого талантливаго, остроумнаго, больше затемняющаго, чѣмъ разъясняющаго коментатора Писанія, его логическіе скачки, разнообразіе содержанія въ его сочиненіяхъ болѣе соотвѣтствовали растерянности того слабоумнаго поколѣнія. *Шемъ-Товъ Шапрутъ, Самуилъ Царца, Іосифъ Товъ-Элемъ, Эзра Гатино* и еще другіе составили коментаріи къ составленному Ибнъ-Эзрою коментарію Пятикнижія. Разрѣшеніе загадокъ или тайнъ Ибнъ-Эзры и

---

[1]) Т. же отд. XV.: אחרי ימים רבים מיום חברתי ספר זה–היתה עלי יד ה׳ ויראני ספר נאצות אשר חבר מאישטרי אלפונשי המומר על ספר מלחמות ה׳.

разъясненія непонятныхъ у него мѣстъ предлагались въ качествѣ задачъ и серьезно занимали довольно широкіе круги.

Его коментаторы особенно старались снять съ него пятно ереси и невѣрія и ударились въ другую крайность, провозгласивъ его строго набожнымъ человѣкомъ.

Изученіе талантливаго Ибнъ-Эзры нисколько не возвысило его толкователей; скорѣе они его низвели до своего уровня. Самымъ сноснымъ изъ нихъ былъ еще *Іосифъ* б.-Эліезеръ *Товъ-Элемъ Сефарди* (изъ Сарагосы? 1330—1370). Какъ и его прототипъ, онъ много путешествовалъ, жилъ долгое время въ Іерусалимѣ и ударами судьбы былъ загнанъ въ Дамаскъ. Въ общинѣ этого города потомокъ Маймонида, по имени *Давидъ* II *б.-Іошуа*, занималъ должность равина и верховнаго судьи, при чемъ носилъ издавна введенный титулъ *нагида* (князя), которымъ пользовались его предки. По его совѣту Іосифъ Товъ-Элемъ составилъ разъясненіе къ коментарію Ибнъ-Эзры. Поздній потомокъ великаго Маймонида интересовался, такимъ образомъ, наукой, которая не исходитъ изъ Талмуда. Понравилось ли ему это разъясненіе? Іосифъ Сефарди, обладавшій астрономическими и математическими познаніями, больше всего подчеркнулъ въ коментаріи Ибнъ-Эзры эту сторону, причемъ выставилъ смѣлое положеніе, звучащее безусловно еретически. Толкователь Ибнъ-Эзры поддержалъ и разъяснилъ туманный намекъ послѣдняго на то, что нѣкоторые стихи и части въ Пятикнижіи исходятъ не отъ самого Моисея. Онъ полагалъ: въ общемъ безразлично, написалъ ли самъ Моисей все Пятикнижіе, или поздніе пророки кое-что добавили; лишь глупцы могутъ находить въ этомъ что-то дурное; если сказано, что ничто не должно быть добавлено и ничто не отнято, то этотъ запретъ относится исключительно къ *законодательнымъ предписаніямъ*, но ни въ коемъ случаѣ не къ словамъ или стихамъ, которые содержатъ только историческія свѣдѣнія [1]).

Остальные толкователи Ибнъ-Эзры не достигли ни этой смѣлой откровенности, ни знаній Товъ-Элема; они всѣ ничего не говорящими фразами слегка касаются щекотливыхъ, еретически звучащихъ выраженій и дѣлаютъ они это больше изъ наивности, чѣмъ изъ лицемѣрія. *Самуилъ Царца* (Ибнъ- Сене, его дѣятельность 1360—1380) изъ Валенціи былъ

[1]) צפנת פענח въ рукоп. къ стиху והכנעני אז בארץ ולפיכך נראה שלא כתב משה זאת המלה בכאן רק יהושע או אחד משאר הנביאים כתבוה . . . ואחר שיש לנו להאמין בדברי קבלה ובדברי הנבואה מה לי שכתבו משה או שכתבו נביא אחר הואיל דברי כלם אמת והם בנבואה. ואם תאמר הנה כתוב לא תוסיף? עלינו התשובה . . . כי לא נאמר . . . רק על המצות . . . על מספר המצות אבל לא על המלות . . . . ואף כי בדבר שאינו מצוה רק ספור דברים שעברו לא יקרא תוספת . . . כן. והמשכיל ידום כי זה לא יזיק. רק הפתאים יאשימו על ככה.

поверхностнымъ болтуномъ, который безъ всякаго смысла и пониманія собралъ то, что когда либо читалъ. Онъ походилъ на Шемъ-Това Фалакеру, но у него были менѣе основательныя, чѣмъ у того, знанія. Какой-то злой языкъ такъ оклеветалъ этого недалекаго человѣка: онъ отрицалъ твореніе міра и какъ-то разъ публично во время свадьбы громко высказалъ этотъ еретическій взглядъ; когда былъ прочитанъ брачный договоръ съ датой „въ такомъ-то году со времени созданія міра", Царца сердито возразилъ на это и наглядно на волосахъ своей бороды показалъ, что годы міра неисчислимы; присутствовавшій равинъ призналъ его заслуживающимъ быть сожженнымъ на кострѣ, остроумно примѣнивъ библейскій стихъ. „Почему кустъ (по-евр. сене, прозвище Царцы) не сгораетъ?"*) Царца въ своихъ сочиненіяхъ какъ разъ очень старался доказать временное начало міра [1]), поскольку онъ это въ состояніи былъ сдѣлать со своей посредственной головой, былъ вообще строго правовѣрнымъ и приверженнымъ къ Талмуду и составилъ обширный трудъ для защиты талмудическихъ агадъ. „Всему, что сообщается талмудическими мудрецами, нужно вѣрить и все это считать истиннымъ и, если что-нибудь въ ихъ словахъ является преувеличеннымъ или неестественнымъ, то неясность этого нужно приписать своей собственной близорукости и не смѣяться надъ этимъ, потому что въ ихъ словахъ кроются *глубокія* тайны" [2]). Если его личность не была болѣе значительна, чѣмъ его сочиненія, то съ трудомъ можно постичь, какъ онъ могъ еще у своихъ современниковъ найти почитателей. Математикъ и знатокъ астрономіи, *Исаакъ* б.-Соломонъ *Алхадивъ* (также риѳмоплетъ) написалъ ему восторженное посланіе [3]), а *Соломонъ Реубени* изъ Барцелоны прямо воспѣлъ его, правда, въ плохихъ стихахъ. Еще безталаннѣе было толкованіе Эзры, данное *Энъ-Астрюкомъ* Соломономъ *Гатино* изъ *Аграмунта* (въ Каталоніи, род. въ 1310, ум. въ 1380 г.). Энъ-Астрюкъ Гатино думалъ создать себѣ этимъ трудомъ въ пожилые годы памятникъ; но онъ показалъ имъ только свою слабость. Онъ самъ долженъ былъ признать, что математическія и астрономическія части въ комментаріяхъ Ибнъ-Эзры остались ему непонятными, а толкованія другихъ болѣе глубокихъ вопросовъ онъ заимствовалъ у болѣе стараго комментатора, *Соломона Франко.*

Съ изученіемъ Талмуда, къ которому естественно все еще обращались лучшіе умы изъ любознательности и религіозныхъ чувствованій, об-

*) Кн. Исх. гл. III, ст. 3. *Ред.*

[1]) Срв. начало его соч. Mekor Chajim.

[2]) מכלל יופי III, 16.

[3]) Въ концѣ Mekor Chajim; объ Алхадивѣ см. у Вольфа I № 1160 и у Цунца zur Geschichte стр. 423.

стояло не лучше, чѣмъ со свѣтскими и библейскими знаніями. И здѣсь былъ застой, если не наступило еще нѣчто болѣе скверное. Нѣкоторые равины крупныхъ общинъ, какъ *Амрамъ Ефрати* въ Валенціи и *Энъ-Видалъ Эфраимъ Герунди* въ Майоркѣ [1]), не въ состояніи были даже выполнить одну изъ своихъ главныхъ обязанностей, именно объясненіе Талмуда кругу учениковъ. Поселившійся въ Майоркѣ французскій талмудистъ *Соломонъ* б.-Авраамъ *Царфати* могъ позволить себѣ съ неуваженіемъ отнестись ко всѣмъ безъ исключенія испанскимъ равинамъ, даже къ прославленному *р. Нисиму Герунди*, за ихъ тупую талмудическую ученость и поставить ихъ ниже французскихъ и нѣмецкихъ равиновъ [2]). Но и онъ излагалъ Талмудъ болѣе софистически, чѣмъ остроумно. О размѣрѣ средней образованности равиновъ того времени можно судить по тому изъ нихъ, кого община Толеды, оставшаяся послѣ своего упадка все еще значительною, выбрала въ свои духовные руководители, именно по *Менахему* б.-Аронъ *б.-Зерахъ*, который съ другой стороны характеризуетъ положеніе эпохи.

Менахемъ б.-Зерахъ (род. 1310, ум. 1385) насчитывалъ въ своей семьѣ нѣсколькихъ мучениковъ. Его отецъ, *Аронъ*, принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ, которые были изгнаны вслѣдствіе алчности и тиранства французскаго короля (VIII т.). Съ немногими средствами, оставленными семьѣ Менахема законнымъ грабежемъ, она поселилась въ Эстелѣ, довольно большой наварской общинѣ. Но тамъ были убиты отецъ, мать и четыре брата во время еврейской рѣзни, устроенной однимъ доминиканцемъ (VIII т.) за то, что тѣ не хотѣли отречься отъ своей религіи. Уже женатый юный *Менахемъ*, истекая кровью изъ многочисленныхъ ранъ, также былъ близокъ къ смерти и своимъ спасеніемъ былъ обязанъ исключительно одному рыцарю изъ знакомыхъ своего отца. Едва онъ только выздоровѣлъ, какъ снова принялся за свое обычное занятіе, изученіе Талмуда, подъ руководствомъ своего учителя, кабалистическаго проповѣдника, *Іошуи ибнъ-Шоаивъ*, а позже посѣщалъ знаменитую школу ашерида Іуды въ Толедѣ. Сорока лѣтъ отъ роду Менахемъ б.-Зерахъ уже самъ руководилъ школой, приглашенный для этого общиной Алкалы (де Генаресъ). Во время гражданской войны въ Кастиліи дикіе солдаты избили его, изранили и ограбили. Изъ всего его состоянія у него остались только домъ, поле и библіотека. Донъ Самуилъ Абрабанель помогъ ему въ нуждѣ, такъ что онъ могъ немного оправиться отъ жестокихъ ударовъ судьбы. При его посредствѣ Менахемъ былъ приглашенъ изъ Алкалы въ Толеду на должность равина и открылъ здѣсь

[1]) Срв. Исаака б. Шешетъ Resp. № 445, 375.

[2]) Т. же № 376.

школу. Отъ него, какъ отъ ученика и преемника *Іуды Ашери*, вправѣ были бы ожидать чего либо значительнаго въ талмудической области. Однако, Менахемъ б.-Зерахъ не выдвинулся надъ посредственностями того времени. Чтобъ уменьшить распространившееся невѣжество въ религіозныхъ вопросахъ, онъ составилъ компендій теоретическаго и практическаго еврейскаго ученія (Zeda la-Derech, 1374 [1]), столь же ясный и удобопонятный, какъ и сжатый, предназначенный для еврейскихъ вельможъ, находившихся при дворѣ и встрѣчавшихся съ грандами, но не имѣвшихъ свободнаго времени для того, чтобъ читать объемистыя книги. Въ этотъ трудъ онъ вплелъ также нѣкоторыя научныя свѣдѣнія изъ области медицины, психологіи, философіи и религіи. Но все въ немъ звучитъ слишкомъ блѣдно и безвкусно и представляетъ одни общія мѣста. Приложенія не подходятъ къ цѣлому и болтаются на немъ, какъ одолженныя платья великана на карликѣ. Даже талмудическая сторона этого труда ни глубока, ни оригинальна. Скромное примѣчаніе автора о томъ, что онъ все содержаніе своей книги заимствовалъ у старыхъ авторитетовъ, совершенно излишне, потому что его несамостоятельность вполнѣ ясна. Единственное, что слѣдовало отмѣтить, какъ заслугу, въ трудѣ Менахема б.-Зерахъ, это его привлекательный, симпатичный тонъ, чѣмъ онъ благопріятно отличается отъ сухихъ равинскихъ разсужденій.

Лишь два человѣка выдвинулись въ это время своимъ характеромъ и знаніями надъ низкимъ уровнемъ посредственности и обыденности. Это были *Хасдай Крескасъ* и *Исаакъ б.-Шешетъ*. Оба они жили въ королевствѣ Арагоніи, гдѣ евреи подъ властью Донъ-Педро IV и Жуана I не были ни столь раззорены, ни такъ угнетены, какъ ихъ братья въ Кастиліи. Хотя Хасдай Крескасъ и Исаакъ б.-Шешетъ не были столь выдающимися людьми, чтобъ овладѣть своими современниками и предписать имъ въ качествѣ правила направленіе своего ума, однако они являлись центрами для довольно большихъ круговъ и нерѣдко призывались для окончательнаго разрѣшенія запутанныхъ отношеній. Какъ ни были ихъ средства ограничены и условія времени неблагопріятны для нихъ, тѣмъ не менѣе оба они заботились о сохраненіи и процвѣтаніи іудаизма, о мирѣ въ близкихъ и отдаленныхъ общинахъ и о возстановленіи бодрости духа ихъ.

Хасдай бенъ-Авраамъ *Крескасъ* (род. 1340, ум. 1410), сначала жившій въ Барцелонѣ, а позже до конца своей жизни въ *Сарагосѣ*, не принадлежалъ къ сословію занимавшихъ должности равиновъ, хотя и былъ воспитанъ на Талмудѣ и хорошо зналъ его; его благо-

[1]) Помимо еврейскаго названія צידה לדרך онъ имѣетъ еще и халдейское [illegible]; первое изданіе- Ферара 1554.

состояніе и дѣла, видно, не оставляли ему свободнаго времени для занятія этой почетной должности. Онъ былъ близокъ къ арагонскому двору въ царствованіе Жуана I, у него часто спрашивали совѣта по поводу важныхъ вопросовъ и онъ много разъ велъ дѣла съ арагонскими грандами. Онъ былъ настолько знакомъ съ выводами различныхъ философскихъ школъ, что владѣлъ ими съ самостоятельностью и глубиною мысли, которыя отмѣтили его, какъ оригинальнаго мыслителя. Религія, именно еврейская, являлась, правда, фундаментомъ его идей; но она вырисовывалась въ его умѣ въ самостоятельное явленіе. Хасдай Крескасъ былъ первымъ, кто глубоко понялъ слабыя стороны господствовавшей философіи, аристотелевой мудрости, считавшейся непогрѣшимой евреями, христіанами и магометанами въ равной степени, и нанесъ ей сильные удары, потрясшіе ее до основанія. Еслибъ его время было благопріятно для метафизическихъ спекуляцій, то его оригинальный, разбивавшій установленныя формулы, ходъ мыслей могъ бы вызвать переворотъ. Изъ его юношеской жизни ничего не извѣстно, и нельзя также указать, подъ чьимъ вліяніемъ онъ дошелъ до этой зрѣлости мысли, благодаря которой онъ не считался не только съ авторитетомъ Маймонида и Герсонида, но даже самого Аристотеля. Его предки были талмудически образованы, а его дѣдъ пользовался такой же извѣстностью, какъ и прославленные ашериды. Въ талмудической области онъ былъ ученикомъ Нисима Герунди изъ Барцелоны. По своему характеру Хасдай Крескасъ былъ кроткимъ и мягкимъ, другомъ въ нуждѣ, надежнымъ защитникомъ слабыхъ. Въ несчастные дни, разразившіеся въ его время надъ испанскими евреями, онъ всѣми силами старался смягчить горе.

Похожимъ на него по характеру, но совершенно различнымъ по способу мышленія былъ его старшій другъ, *Исаакъ б.-Шешетъ Барфатъ* (Рибашъ, род. 1336, ум. 1408), на половину ученикъ Бенъ-Адрета, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Барцелоны и развивался подъ вліяніемъ сына Бенъ-Адрета и непосредственныхъ учениковъ его, *Переца Когена и Нисима Герунди*. Онъ въ одинаковой степени усвоилъ себѣ ясность Бенъ-Адрета въ пониманіи и трактованіи Талмуда, какъ и его враждебное отношеніе къ наукѣ; Бенъ-Шешетъ даже превзошелъ его въ послѣднемъ. Тотъ, подъ напоромъ обстоятельствъ времени, запретилъ ее исключительно незрѣлой молодежи. Бенъ-Шешетъ же, хотя въ его время нечего было бояться ереси, въ своей замкнутой религіозности держался слѣдующаго взгляда: даже зрѣлые люди должны держаться поодаль отъ науки; нужно совершенно избѣгать естественныхъ наукъ и философіи, потому что онѣ колеблютъ оба устоя Торы, ученіе о твореніи и провидѣніи, знаніе ставятъ выше вѣры и возбуждаютъ сомнѣніе въ чудесахъ.

На примѣрѣ Герсонида и даже Маймонида Бенъ-Шешетъ доказывалъ вредность философскаго изслѣдованія; ибо послѣдніе, хотя были несравненными авторитетами, были доведены философіей до того, что выдвинули нѣкоторые еретическіе взгляды и не признавали нѣкоторыхъ библейскихъ чудесъ [1]). Въ остальномъ Бенъ-Шешетъ представлялъ собой нравственно возвышенный характеръ, мягкую личность и часто охотно жертвовалъ своими личными интересами для общаго блага и мира. Но тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, было нарушено талмудическое постановленіе или даже лишь какой-либо незначительный обычай, тамъ его кротость превращалась въ крайнюю суровость.

Благодаря своей талмудической учености, своему свѣтлому, проницательному уму и своему кристальному характеру, онъ былъ популярной личностью. Значительная община *Сарагосы* выбрала его въ свои равины. Община *Калатаюда* также хотѣла назвать его своимъ и, такъ какъ Бенъ-Шешетъ имѣлъ какъ разъ непріятности отъ своихъ противниковъ, то онъ принялъ избраніе и уже сталъ готовиться къ переселенію въ Калатаюдъ. Сарагосцы приложили, однако, много усилій для удержанія своего равина. Они позвали себѣ на помощь королевскія власти, чтобъ принудить его остаться, и сдѣлали ему предупредительныя уступки. Но онъ согласился нарушить обѣщаніе, данное общинѣ Калатаюда, не раньше, чѣмъ послѣдняя сама освободила его отъ него [2]). Позже онъ былъ избранъ въ равины Валенціей и Тортозой.

Тотчасъ же при своемъ вступленіи въ должность въ Сарагосѣ Исаакъ б.-Шешетъ проявилъ свою стойкую приверженность ко всему, что соотвѣтствуетъ буквѣ, хотя бы оно противорѣчило уму. Къ своему сожалѣнію, онъ нашелъ обычай, по которому въ праздникъ Пуримъ въ синагогахъ для женщинъ и другихъ, незнающихъ по-еврейски, книга Эсѳири читалась въ испанскомъ переводѣ [3]). Этотъ обычай существовалъ также и въ другихъ испанскихъ общинахъ и имѣлъ за себя не только здравый человѣческій смыслъ, но также и согласіе нѣкоторыхъ равиновъ, считавшихъ его съ талмудической точки зрѣнія допустимымъ. Тѣмъ не менѣе Бенъ Шешетъ поднялъ по этому поводу такой ужасный крикъ, какъ будто іудаизму угрожала отъ этого гибель. Онъ призвалъ на помощь авторитетъ своего учителя, р. Ниссима Герунди, и оба противопоставили этому хорошему обычаю педантическое умничаніе и, какъ кажется, вытѣснили его.

Еще характернѣе для Исаака бенъ-Шешетъ его споръ съ престарѣлымъ уже равиномъ, *Хаимомъ б.-Галипапа,* придерживавшимся про-

[1]) Респ. № 45, 118, 447. [2]) Т. же № 192, конецъ.
[3]) Т. же № 388 – 391.

тивоположнаго направленія. Этотъ человѣкъ (род. 1310, ум. 1380), бывшій сначала равиномъ *Гуэски*, а затѣмъ *Пампелуны*, представлялъ собою оригинальное явленіе среди евреевъ въ средніе вѣка, происхожденіе котораго невозможно объяснить въ достаточной степени. Съ начала господства ашеридскаго направленія, всѣ равины нагромождали отягченія надъ отягченіями и въ сомнительныхъ случаяхъ всегда давали перевѣсъ чашѣ строгости; Галипапа же, исходя изъ противоположнаго взгляда, считалъ, что нужно отыскивать въ Талмудѣ все, что можетъ способствовать введенію облегченій. При этомъ онъ ссылался на болѣе старые авторитеты, на р. Тама и другихъ, разрѣшавшихъ запрещенное Талмудомъ. По его мнѣнію, это право долженъ имѣть каждый равинъ. Обстоятельства теперь, думалъ онъ дальше, также значительно болѣе благопріятны для устраненія слишкомъ мелочной набожности, потому что невѣжество уже болѣе не такъ сильно въ народѣ, и отпадаетъ опасеніе, чтобъ одно облегченіе могло повлечь за собой другое. Эти положенія Галипапа не только высказалъ теоретически, но слѣдовалъ имъ и на практикѣ. Его облегченія относились, правда, лишь къ незначительнымъ пунктамъ. Онъ разрѣшилъ приглаживать въ субботу волосы и позволилъ ѣсть сыръ, приготовленный христіанами. Но въ это время даже такія мелочи имѣли большое значеніе. И въ остальномъ Галипапа имѣлъ самостоятельные, уклонявшіеся отъ обычныхъ, взгляды. Онъ смѣло отвергъ вѣру въ Мессію, ставшую со времени Маймонида догматомъ вѣры, отрицать который было ересью. Галипапа думалъ, что предсказанія въ книгѣ Исаіи о чудесномъ великолѣпіи Израиля въ будущемъ уже осуществились въ эпоху Макавеевъ. Тайны въ книгѣ Даніила онъ правильно толковалъ въ томъ смыслѣ, что въ нихъ главнымъ образомъ скрытъ намекъ на злодѣянія Антіоха Епифана [1]). Онъ составилъ объ этомъ особое сочиненіе. Нужно было, чтобъ прошло четыре столѣтія, пока это единственно правильное толкованіе, данное Галипапой книгѣ Даніила, сумѣло проложить себѣ путь и стать общепризнанымъ. Его толковый коментарій къ Писанію былъ, вѣроятно, осмѣянъ его, витавшими въ туманѣ мистики и мнившими себя болѣе мудрыми, современниками, а противъ его смѣлаго новаторства въ практикѣ поднялась буря. Его сосѣдъ, равинъ *Хасдай б.-Соломонъ* изъ Тудели, человѣкъ съ не очень чистыми намѣреніями, донесъ на него Бенъ-Шешету, а послѣдній выбранилъ стараго, имѣвшаго уже учениковъ, Галипапу, какъ школьника. Онъ считалъ это дерзостью, что люди современнаго поколѣнія хотѣли сравнивать себя съ великими людьми прошлаго. Онъ за-

---

[1]) Альбо . . כתב . . חיים גליפפה . . . מה שנאמר (בדניאל) ולקדישי עליונין יבלא
הכל נאמר על׳ אנטיוכס וכו.

клиналъ Хаима Галипапу избѣгать непріятностей и не давать никакого повода къ расколу въ еврействѣ. Скромныя попытки реформъ не имѣли болѣе никакихъ послѣдствій.

Строго религіозное направленіе соотвѣтствовало во всякомъ случаѣ настроенію и душевной потребности того времени; чѣмъ строже, тѣмъ лучше. Бенъ-Шешетъ и его другъ, Хасдай Крескасъ, который, хотя не былъ врагомъ науки, подчинялъ философію богословію, считались послѣ смерти р. Нисима Герунди выдающимися авторитетами того времени не только въ одной Испаніи. Съ различными равинскими вопросами обращались къ Бенъ-Шешету [1]), а также къ Хасдаю Крескасу не только изъ одной Франціи, но и изъ Италіи и Германіи. Виднѣйшіе равины и выдающіяся общины призывали ихъ въ качествѣ третейскихъ судей и подчинялись ихъ рѣшенію. Когда несправедливое обвиненіе въ ереси одного виднаго человѣка послѣ его смерти вызвало всеобщее недовольство среди евреевъ Навары, самые видные мужи, верховный равинъ и Іосифъ Орабуена, лейбъ-медикъ наварскаго короля, обратились къ Хасдаю Крескасу, чтобы онъ успокоилъ возбужденные умы. Арагонскій дворъ также считалъ ихъ, конечно къ ихъ вреду, представителями еврейства. Вслѣдствіе какого-то злостнаго доноса король Донъ-Педро IV приказалъ арестовать Хасдая Крескаса, Исаака бенъ-Шешетъ, брата послѣдняго, Крескаса Барфата, р. Нисима Герунди, престарѣлаго равина изъ Барцелоны, и еще двухъ видныхъ мужей. Только спустя нѣкоторое время они были освобождены на поруки. Можно вполнѣ вѣрить Бенъ-Шешету, когда онъ утверждаетъ, что они всѣ были неповинны въ приписываемомъ имъ проступкѣ или преступленіи. Ихъ невиновность, повидимому, обнаружилась, такъ какъ ихъ болѣе не безпокоили.

Изъ Франціи Хасдай Крескасъ и Бенъ-Шешетъ были приглашены, какъ авторитетныя лица, дать свое окончательное рѣшеніе въ очень важномъ спорномъ вопросѣ касательно верховнаго равината Франціи. Тамъ произошли перемѣны среди еврейства, что отчасти было связано съ общимъ политическимъ состояніемъ страны. Манесье де Везу, горячій защитникъ своихъ единовѣрцевъ, умеръ (между 1375—78 г.). Изъ его четырехъ сыновей; Соломона, Іосифа, Авраама и Гакине первый занялъ мѣсто отца въ качествѣ главнаго сборщика податей и политическаго представителя французскихъ евреевъ, а второй принялъ христіанство. Соломонъ и его братья пользовались при дворѣ тѣмъ же уваженіемъ, какимъ пользовался отецъ; они были освобождены отъ ношенія позорнаго значка.

[1]) Resp. Бенъ-Шешета № 262: אם אחרו פעמי תשובתי אל תתמה . . כי סבוני סבבוני והקיפוני שאלות חבילות חבילות מארץ מרחקים; aus Deutschland № 193, 194, 497; aus der Lombardei № 127, 171 и слѣд.

Какъ и ихъ отецъ, они стояли на стражѣ интересовъ своихъ соплеменниковъ. Среди же евреевъ они, однако, не пользовались, какъ кажется такимъ вліяніемъ, какъ ихъ отецъ. Со смертью Карла V они лишаются вообще какого-либо значенія. Регентъ Людовикъ, герцогъ анжуйскій, утвердилъ, правда за деньги, всѣ привиллегіи французскихъ евреевъ (14 октября 1380 г.) и продлилъ срокъ ихъ пребыванія во Франціи еще на 5 лѣтъ. Его покровительство мало помогало; напротивъ, евреи еще пострадали изъ-за него, бывшаго непопулярнымъ въ народѣ. Бѣдное населеніе Парижа, доведенное непосильными поборами до отчаянія, цѣлыми толпами требовало помощи у несовершеннолѣтняго короля и регента и, по наущенію дворянства, подняло голосъ также противъ евреевъ, чтобы король изгналъ изъ страны этихъ „позорныхъ ростовщиковъ, разрушающихъ семьи“. Масса на этомъ не остановилась. Подстрекаемая тѣмъ же дворянствомъ, она напала (16-го ноября 1380 года) на еврейскіе дома, разбила кассу главныхъ сборщиковъ податей (семейства де-Везу), разграбила квартиры, разорвала долговыя обязательства, присвоила себѣ собранные заклады, убила нѣкоторыхъ евреевъ и вырывала маленькихъ дѣтей изъ рукъ убѣгающихъ и плачущихъ еврейскихъ женщинъ, чтобы тотчасъ крестить ихъ. Большая часть парижской общины избѣгла смерти, благодаря бѣгству въ крѣпость Шатле. Регентъ былъ сильно недоволенъ этими насиліями, которыя могли лишить его источника для удовлетворенія его алчности. Наказать виновныхъ онъ пока не могъ, такъ какъ масса была слишкомъ возбуждена.

Онъ пока позволилъ евреямъ поселиться въ своихъ домахъ и объявилъ, что имъ должны быть возвращены награбленныя имущества. Однако, немногіе обратили на это вниманіе. Парижскій городской голова, рыцарь Гюгъ Обріо, человѣкъ весьма дѣятельный, оказавшій большія услуги въ дѣлѣ украшенія и увеличенія столицы Франціи, горячо заступился за евреевъ. Онъ дѣйствительно настоялъ на томъ, чтобъ похищенныя и насильно обращенныя въ христіанство еврейскія дѣти были возвращены родителямъ. Онъ вызвалъ поэтому ненависть со стороны тѣхъ, которые пользовались наукой не для просвѣщенія ума, а для его затемненія. Городской голова Обріо, благодаря его любви къ порядку, нажилъ себѣ враговъ въ лицѣ университетскихъ профессоровъ и студентовъ Парижа, которые клеветническимъ образомъ представили какъ преступленіе его доброжелательство къ евреямъ. Онъ былъ обвиненъ парижскимъ епископомъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ еврейскими женщинами и даже въ томъ, что тайно признавалъ іудейство. Обвиненный въ ереси и невѣріи, онъ былъ осужденъ и долженъ былъ заплатить тюремнымъ заключеніемъ за свое человѣческое отношеніе къ евреямъ. Не только въ Парижѣ, но

и въ другихъ городахъ, гдѣ народъ возсталъ противъ непосильныхъ поборовъ, погибли нѣкоторые евреи, какъ жертвы возстанія. Спустя четыре мѣсяца такія же кровавыя событія повторились въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, т. н. Maillatins (вооруженные молотами) возстали противъ возстановленія налоговъ на пищевые продукты. Евреи въ теченіе трехъ или четырехъ дней подвергались грабежамъ, побоямъ и убійствамъ (1 марта 1381 г.). Король Карлъ VI или регентъ, хотя и старался защитить евреевъ и всяческими средствами вознаградить ихъ, но они уже не могли оправиться отъ столь сильнаго удара. При этихъ возстаніяхъ сыновья Манесье де-Везу погибли или вслѣдствіе обнищанія потеряли всякое значеніе.

Рядомъ съ этими перемѣнами возгорѣлась сильная борьба почти между всѣми общинами Франціи. Верховный равинъ, Матаѳія Провинси, умеръ. Общинами былъ выбранъ замѣстителемъ равина его старшій сынъ, Іохананъ, который и былъ утвержденъ королемъ. Послѣ пятилѣтняго выполненія равинскихъ обязанностей и завѣдыванія равинскимъ училищемъ прибылъ во Францію бывшій воспитанникъ его отца, Астрюкъ Исаія б.-Аба-Мари изъ Савойи; нѣмецкій верховный равинъ, Меиръ бенъ-Барухъ Галеви, выдалъ ему документъ, по которому онъ имѣлъ право содержать школу и посвящать воспитанниковъ ея въ равинскій санъ, а кто будетъ выполнять безъ его разрѣшенія равинскія обязанности и будетъ вѣдать брачными и бракоразводными дѣлами, будетъ преданъ проклятію, и исходящіе отъ такихъ равиновъ супружескіе договоры должны быть признаны недѣйствительными. Повидимому, Астрюкъ Исаія, протеже вѣнскаго равина, нашелъ нѣкоторыхъ приверженцевъ во Франціи, создавшихъ ему авторитетъ; даже его противники признавали его превосходство надъ собой въ талмудическихъ вопросахъ. Въ силу своихъ полномочій онъ отрѣшилъ Іоханана отъ равинской должности, такъ какъ этотъ послѣдній не хотѣлъ ему подчиниться (1380—90). Отрѣшенный Іоханаеъ не имѣлъ прочной опоры, такъ какъ семейство де-Везу либо совсѣмъ не существовало, либо не имѣло никакого значенія. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ французскихъ евреевъ были недовольны насильственнымъ и повелительнымъ поведеніемъ пришлаго равина, и жаловались на надменность нѣмецкаго равина, Меира Галеви. Особенно они были недовольны тѣмъ, что онъ распоряжался во Франціи, какъ въ нѣмецкой провинціи, и предписывалъ французскимъ общинамъ законы, на что онъ не имѣлъ никакихъ правъ, такъ какъ, по установившемуся обычаю, каждая община, а тѣмъ болѣе каждая страна были самостоятельны. Вслѣдствіе этого явилось волненіе среди французскихъ общинъ, которое усилилось, когда Исаія передалъ равинскія должности своимъ родствен-

никамъ. Но этотъ споръ не могъ быть разрѣшенъ въ самой странѣ. Поэтому Іохананъ обратился съ жалобой на несправедливое отношеніе къ нему и лишеніе его раввинской должности къ Хасдаю Крескасу и Бенъ-Шешету, двумъ виднѣйшимъ представителямъ испанскаго еврейства. Первый изъ нихъ, въ свою бытность во Франціи, былъ приглашенъ обѣими сторонами въ качествѣ третейскаго судьи [1]). Оба „великихъ мужей Каталоніи" (какъ ихъ тогда прозывали) высказались въ пользу Іоханана. Онъ, однако, не пользовался продолжительнымъ спокойствіемъ, несмотря на ихъ ходатайства и покровительство, такъ какъ дни евреевъ во Франціи были сочтены.

Гроза, которая на этотъ разъ грянула изъ Испаніи, поколебала до основанія старый стволъ, самые глубокіе корни котораго были въ этой странѣ (внѣшній блескъ исчезъ еще раньше). Чтобы окончательно вырвать его съ корнемъ, потребовался рядъ сильныхъ толчковъ въ теченіе вѣка. Во Франціи же евреи представляли лишь прививные черенки, посаженные на сыпучемъ пескѣ, и достаточно было одного дуновенія вѣтра, чтобы смести ихъ. Кровавая драма, первый актъ которой разыгрался къ концу XIV вѣка, а послѣдній—лишь къ концу слѣдующаго вѣка, была вызвана отчасти самими испанскими евреями. Когда враги евреевъ жаловались на то, что они слишкомъ приближаются ко двору и къ грандамъ, что они увеличиваютъ свои богатства лихоимствомъ, что они одѣваются въ шелковыя платья, то этотъ упрекъ былъ, конечно, направленъ ближайшимъ образомъ противъ знатныхъ евреевъ; но за неразуміе и гордость послѣднихъ должны были поплатиться всѣ евреи. Среди самихъ евреевъ были нравственные люди, которые тоже жаловались на эгоизмъ и алчность еврейскихъ богачей. „Въ этомъ недостаткѣ болѣе всего повинны еврейскіе магнаты и богачи; они думаютъ только о возвеличеніи своего имени и мало думаютъ о возвеличеніи имени Бога" [2]). И въ самомъ дѣлѣ, среди испанскихъ евреевъ развилась распущенность, которая сильно поколебала ихъ единство, бывшее до сихъ поръ ихъ силой. Завистливость и недоброжелательство между знатными подкопали братство, благодаря которому раньше всѣ были за одного и одинъ за всѣхъ. Великодушіе и благородство, бывшія нѣкогда характерной чертой испанскихъ евреевъ, встрѣчались теперь очень рѣдко. Одинъ современникъ яркими красками изображаетъ эту порчу нравовъ; если даже изображеніе это вѣрно лишь наполовину, то все же упадокъ нравовъ былъ ужасный.

---

[1]) Объ этомъ спорѣ говорится въ Resp. Исаака б.-Шешетъ № 268—272.

[2]) Исаакъ б.-Шешетъ Resp. № 373.

„Большинство знатныхъ евреевъ“, такъ пишетъ Соломонъ Алами въ своемъ нравоучительномъ или увѣщательномъ посланіи [1]), „которые вращаются въ королевскихъ дворцахъ и которымъ переданы ключи государственной казны, обладая большими богатствами и занимая высокое положеніе, держатъ себя очень высокомѣрно и забываютъ о бѣдныхъ. Они строятъ себѣ дворцы, разъѣзжаютъ въ роскошныхъ каретахъ или верхомъ на богато убранныхъ мулахъ, носятъ дорогія одежды и украшаютъ своихъ женъ и дочерей, словно княгинь, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Они равнодушны къ религіи, презираютъ скромность, ненавидятъ физическій трудъ и предаются праздности. Они думаютъ только о томъ, чтобы избавиться отъ налоговъ и возложить бремя податей на бѣднѣйшіе классы. Богатые любятъ танцы и игры, одѣваются въ испанскіе національные костюмы и разгуливаютъ съ остриженною бородой. Они наполняютъ свой желудокъ лакомствами, въ то время какъ молодые ученые обречены на хлѣбъ и воду. Поэтому равины въ презрѣніи, и всѣ классы охотнѣе обучаютъ своихъ дѣтей разнымъ низкимъ ремесламъ, чѣмъ закону Божію. Во время проповѣди въ синагогѣ богачи предаются сладкой дремотѣ или бесѣдѣ другъ съ другомъ, а проповѣдь прерывается криками мужчинъ и женщинъ за синагогой. Какъ благоговѣйны, наоборотъ, христіане въ своихъ храмахъ! Для милостыни знатные евреи не имѣютъ денегъ, сборщики приходятъ къ нимъ за милостыней десять разъ, и даютъ они только для того, чтобы создать себѣ имя. Въ каждомъ городѣ они борются другъ съ другомъ и изъ-за мелочей возбуждаютъ раздоры. Еще хуже зависть и недоброжелательство, которыя они питаютъ другъ къ другу; они клевещутъ другъ на друга передъ королями и князьями.

И въ самомъ дѣлѣ, въ то время среди евреевъ сильно распространились доносы, что было раньше очень рѣдкимъ явленіемъ среди нихъ, и часто доносы направлялись даже противъ равина. Какъ по навѣту какого-то низкаго доносчика стали преслѣдовать престарѣлаго Р. Нисима Герунди, Исаака б.-Шешетъ, Хасдая Крескаса и ихъ друзей, такъ нѣкоторые негодяи начали строить козни противъ равина изъ Алколеи де Цинка, Энъ-Цага Видаля де Толоза (сына знаменитаго Іомъ-Това Видаля де Толоза VIII), передъ арагонской королевой, съ цѣлью погубить его [2]).

Равины, которые еще съ нѣкоторыми засѣдателями составляли уголовный судъ, очень строго поступали съ доносчиками и съ измѣнниками и даже приговаривали ихъ къ смерти. Въ Кастиліи, Арагоніи, Валенсіи и Каталоніи этотъ обычай существовалъ съ давнихъ временъ [3]). Для

[1]) אגרת מוסר, соч. 1415 г. въ Португаліи, перв. изд. въ Константинополѣ 1619 г.

[2]) Исаакъ б.-Шешетъ Resp. № 473.

[3]) Т. же № 79. Также у Ayala Cronicas II, стр. 126.

приведенія въ исполненіе смертнаго приговора еврейскіе суды нуждались въ утвержденіи короля посредствомъ особаго документа съ приложеніемъ печати его (Albala, Chotam); но это можно было въ случаяхъ надобности достать либо при посредствѣ какого-нибудь еврейскаго царедворца, либо за деньги. Но такіе факты только увеличивали зло, а не лѣчили его; такъ какъ съ подобными доносчиками расправа была коротка, безъ долгаго слѣдствія и безъ свидѣтельскихъ показаній [1]), то это лишь способствовало тому, что сильно раздражала друзей и родныхъ доносчиковъ. Иногда судъ принималъ за измѣнническій доносъ выраженія, носившія совсѣмъ другой характеръ [2]). Безпощадный приговоръ еврейскаго суда противъ высокопоставленнаго и уважаемаго мужа, заподозрѣннаго въ доносѣ, былъ если не причиной, то во всякомъ случаѣ поводомъ перваго кроваваго гоненія на евреевъ въ Испаніи, которое привело въ конечномъ счетѣ къ изгнанію евреевъ изъ полуострова.

ГЛАВА III

Вѣкъ Хасдая Крескаса и Исаака Бенъ-Шешетъ.

Продолженіе.

Казнь Іосифа Пихона и волненія въ Севильѣ. Гнѣвъ короля Донъ-Жуана I противъ евреевъ и раввинскихъ коллегій. Лишеніе кастильскихъ евреевъ права уголовнаго судопроизводства. Враждебное настроеніе противъ кастильскихъ евреевъ. Лишеніе нѣкоторыхъ правъ. Португальскіе евреи, ихъ общинный бытъ, верховный и провинціальные равины. Еврейскіе государственные дѣятели: Іуда и Давидъ Негро. Споръ между Испаніей и Португаліей изъ-за замѣщенія верховнаго равината. Равинатъ и клиръ, синагога и церковь. Рыцари-хищники и евреи. Рѣзня евреевъ въ Прагѣ. Императоръ Венцель и евреи. Уничтоженіе во всей Германіи долговыхъ обязательствъ по отношенію къ еврейскимъ кредиторамъ. Кровавыя событія въ Севильѣ и чреватое послѣдствіями гоненіе въ Испаніи 1391 года. Преслѣдованіе во Франціи. Вторичное всеобщее изгнаніе евреевъ изъ Франціи. Французскіе изгнанники. Крещеный еврей Песахъ-Петръ и Липманъ фонъ-Мюльгаузенъ.

(1380—1400).

Іосифъ Пихонъ изъ Севильи, бывшій въ большой милости у Донъ-Генриха II, короля кастильскаго, и состоявшаго главнымъ откупщикомъ податей, былъ обвиненъ нѣкоторыми завистливыми еврейскими царедворцами въ утайкѣ денежныхъ суммъ. По приказанію короля онъ былъ арестованъ и оштрафованъ въ 40,000 дублоновъ; наконецъ онъ былъ освобожденъ. Впослѣдствіи онъ занялъ прежнее положеніе и пріобрѣлъ необыкновенную любовь христіанскаго населенія въ городѣ Севильѣ;

[1]) Бенъ-Шешетъ т. же № 234.

[2]) Ср. тотъ же № и также № 473.

своими же единовѣрцами онъ былъ сильно нелюбимъ. Іосифъ Пихонъ возвелъ на своихъ враговъ тяжкое обвиненіе. Такого рода поступокъ былъ вызванъ либо желаніемъ отомстить, либо желаніемъ выгородить *себя* самого. Между тѣмъ Донъ-Генрихъ умеръ. Въ столицѣ Старой Кастиліи, Бургосѣ, былъ коронованъ (1379) Донъ-Жуанъ I. Во время коронаціонныхъ празднествъ Іосифъ Пихонъ, который даже не былъ подвергнутъ допросу, былъ осужденъ еврейскимъ судилищемъ, какъ подстрекатель, доносчикъ и измѣнникъ (Malschin, Malsin, Moszér). Нѣкоторые евреи, которые имѣли доступъ ко двору, испросили позволеніе казнить нѣкоторое опасное лицо изъ своей среды; имени этого лица они не называли. Нужно было подкупить близкихъ королю лицъ, чтобы безъ разслѣдованія дѣла была возможность достать королевскую печать. Съ королевскимъ предписаніемъ и смертнымъ приговоромъ, выданнымъ коллегіей равиновъ, враги Пихона отправились къ начальнику полиціи (Alguacil), *Фернану Мартину*, съ просьбой содѣйствовать имъ въ приведеніи приговора въ исполненіе. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе верховный равинъ, то всякое колебаніе начальника полиціи исчезло. 21 августа, рано утромъ, когда Пихонъ обыкновенно еще спалъ, въ его домъ вошли два еврея, *донъ Сулема* и *донъ Цагъ*, въ сопровожденіи начальника полиціи. Воспользовавшись какимъ то предлогомъ, они разбудили его. Какъ только онъ показался на порогѣ своего дома, евреи, имѣвшіе приказаніе привести приговоръ въ исполненіе, не говоря ни слова, схватили его и обезглавили [1]).

Это ужасное, жестокое преступленіе противъ высокопоставленнаго лица, которое пало, какъ полагали, не согласно равинскимъ законамъ, а благодаря кознямъ его враговъ, вызвало всеобщее негодованіе. Молодой король, Донъ-Жуанъ I, былъ сильно возбужденъ противъ евреевъ: они убили и къ тому же въ день его коронаціи человѣка, оказавшаго большія услуги его отцу, и при этомъ хитростью добились у него же разрѣшенія на это преступленіе. Онъ приказалъ, поэтому, предать казни тѣхъ евреевъ, которые привели приговоръ въ исполненіе; той же участи подвергся судья равинъ. Начальникъ полиціи, оказавшій имъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, былъ также приговоренъ къ смерти. По ходатайству нѣкоторыхъ рыцарей, король даровалъ ему жизнь, но велѣлъ отрубить ему одну руку [2]). Этотъ случай имѣлъ еще болѣе печальныя послѣдствія. Прежде всего король отнялъ у равиновъ и у еврейскихъ судилищъ имѣвшееся у нихъ до сихъ поръ право на разборъ уголовныхъ дѣлъ [3]). Это послѣднее право служило источникомъ различныхъ злоупотребленій. На

[1]) Ayala, cronica II стр. 126. Zuniga, Annales da Sevilla II, стр. 211.
[2]) Т. же. [3]) Ayala т. же, стр. 127.

первомъ же собраніи кортесовъ въ Соріи, происходившемъ въ 1380 году, король превратилъ послѣднее свое распоряженіе въ постоянный законъ. Законъ этотъ гласитъ: Впредь ни равины, ни представители общинъ не имѣютъ права приговаривать къ смерти, либо тѣлесному поврежденію, либо изгнанію кого-либо изъ своихъ единовѣрцевъ; для разбора уголовныхъ дѣлъ евреи должны избирать судей христіанъ, такъ какъ они, евреи, по предсказанію пророковъ, будутъ лишены по появленіи Іисуса всякаго могущества и свободы [1]). Все еще раздраженный король повѣрилъ и другимъ доносамъ на евреевъ: они проклинаютъ въ своихъ молитвахъ христіанъ и церковь, они принимаютъ въ іудейство магометанъ, татаръ и представителей другихъ народностей и подвергаютъ ихъ обряду обрѣзанія. И то, и другое было запрещено подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. Въ кровавой расправѣ надъ Іосифомъ Пихономъ принимали участіе не частныя лица, а видные представители евреевъ и равины. Это обстоятельство служило причиной возбужденія противъ евреевъ не только короля и придворныхъ, но и всего кастильскаго населенія. Севильскіе христіане, которые уважали и любили казненнаго, такъ сильно возненавидѣли евреевъ, что ждали только удобнаго случая для мести [2]).

Обвиненія противъ евреевъ и старанія стѣснить ихъ дѣлаются съ этого времени обычнымъ занятіемъ собраній кортесовъ, какъ это бывало и раньше на совѣщательныхъ собраніяхъ при вестготскихъ короляхъ. Возбужденный Донъ-Жуанъ обыкновенно соглашался на это, поскольку отъ этого королевскимъ финансамъ не угрожала никакая опасность. На собраніи кортесовъ въ Вальядолидѣ (1385) онъ согласился осуществить каноническія ограниченія, о чемъ просило духовенство; онъ издалъ приказъ, запрещающій совмѣстное жительство евреевъ съ христіанами, кормленіе еврейскихъ младенцевъ христіанскими кормилицами и назначилъ за столь „ужасныя" преступленія публичныя наказанія палочными ударами. Тогда король издалъ новый законъ. „Ни одинъ еврей (или магометанинъ) не можетъ быть назначаемъ казначеемъ ни короля, ни королевы, ни наслѣднаго принца, тотъ же еврей (или магометанинъ), который займетъ подобную должность, будетъ лишенъ состоянія и подвергнутъ тѣлесному наказанію". Законъ этотъ по существу вздоренъ: онъ либо излишенъ, либо совсѣмъ невыполнимъ. Кортесы изъ Вальядолида добивались прекращенія исковъ къ христіанамъ со стороны евреевъ, отмѣны ихъ привилегіи назначать особыхъ экзекуторовъ для взысканія ихъ долговъ и особыхъ гражданскихъ судей (Alcades) и вообще ограниченія ихъ въ денежныхъ дѣлахъ. На это, однако, Донъ-Жуанъ не согласился, но рѣшилъ оставить

[1]) A. de los Rios т. же 336.

[2]) Zuniga Annales въ ук. м.

незатронутымъ обычай, установившійся еще при его предшественникахъ, такъ какъ онъ опасался, что такое ограниченіе принесетъ ему вредъ.

Этому королю, котораго, строго говоря, нельзя назвать врагомъ евреевъ, пришлось испытать странный случай: изъ-за спора объ испанскомъ верховномъ равинатѣ была вырвана изъ его рукъ португальская корона, которую онъ намѣревался уже надѣть на свою голову. Онъ или, вѣрнѣе, его вторая супруга, португальская принцесса Беатриса, была признана королемъ Фернандо, согласно договору, наслѣдницей престола, если не окажется наслѣдниковъ по мужской линіи. При королѣ Фернандо (1367—1383) португальскіе евреи переживали счастливѣйшій періодъ. Вообще въ этой странѣ вплоть до изгнанія они не подвергались продолжительнымъ преслѣдованіямъ и всегда были терпимы. Начиная съ 13 вѣка (1274) еврейская община имѣла здѣсь удобнѣйшія учрежденія, какихъ она не имѣла ни въ одномъ европейскомъ государствѣ; нѣкоторыя учрежденія существовали изстари. Во главѣ португальскихъ евреевъ стоялъ верховный равинъ (Ar-Rabbi Mor), который имѣлъ почти княжескія права; вниду важности его поста, онъ назначался королемъ. Этимъ высокимъ саномъ король обыкновенно награждалъ за оказанныя ему услуги, а также тѣхъ, къ кому особенно благоволилъ. Верховный равинъ имѣлъ собственную печать, въ его рукахъ сосредоточивалась высшая судебная власть, онъ издавалъ постановленія за собственной подписью и съ припиской: „отъ верховнаго равина, по указу Его Величества короля, къ общинамъ Португаліи и Алгарвы“. Онъ долженъ былъ ежегодно объѣзжать отдѣльныя общины для ревизіи и приглашать ихъ для принесенія жалобъ на притѣсненія даже со стороны равиновъ; онъ же долженъ былъ устранять найденныя злоупотребленія. Во время объѣзда его сопровождали верховный судья (Ouvidor), дѣлопроизводитель (Chanceller) съ канцеляріей при немъ, секретарь (Escrivão) и экзекуторъ (Porteiro jurado) для приведенія въ исполненіе приговоровъ. Верховные равины рѣдко были свѣдущи въ Талмудѣ. Верховный равинъ (Ar-Rabbi Mor) управлялъ провинціальными равинами (Ouvidores), которыхъ было семь; онъ же ихъ назначалъ. Мѣстопребываніемъ ихъ служили семь главныхъ общинъ семи провинцій: Сантарема, Віа, Карвильгао, Порто, Торе де Монткорво, Эворы и Фары. Они наблюдали за провинціальными общинами и были кассаціонными судьями для нихъ. Мѣстные равины выбирались при участіи всѣхъ членовъ общины; но окончательное утвержденіе и назначеніе на мѣсто давалось имъ верховнымъ равиномъ отъ имени короля. Португальскимъ равинамъ принадлежало не только гражданское, но и уголовное судопроизводство, которое сохранилось за ними гораздо дольше, чѣмъ у

испанскихъ. Офиціальные документы должны были быть написаны по-португальски. Форма присяги евреевъ даже въ процессахъ съ христіанами была очень проста; требовалось лишь присутствіе равина и держаніе Торы въ рукѣ.

Король Донъ-Фернандо имѣлъ двухъ любимцевъ евреевъ, которые вели его денежныя дѣла; изъ нихъ одинъ донъ-Іуда, главный королевскій казначей (Tesoreiro mor), а другой донъ-Давидъ Негро, довѣренное лицо и совѣтникъ короля (Almoxarif), происходившій изъ видной еврейской фамиліи Ибнъ-Яхія. Когда умеръ этотъ расточительный и легкомысленный король, регентство попало въ руки королевы Леоноры, очаровывавшей своею красотою и внушавшей ненависть своею неоднократною невѣрностью и страхъ своимъ злопамятствомъ и притворствомъ. Къ ней пришли представители Лисабона и настоятельно просили отмѣнить многія ненавистныя имъ мѣры умершаго короля. Между прочимъ, они просили не допускать евреевъ и мавровъ къ государственной службѣ [1]). Хитрая Леонора отвѣтила: еще при жизни короля она старалась устранить евреевъ отъ занятія государственныхъ должностей, но всѣ ея старанія тогда ни къ чему не привели; сейчасъ же послѣ смерти короля она отрѣшила Іуду отъ должности главнаго казначея, Давида Негро—отъ завѣдыванія финансами и всѣхъ еврейскихъ сборщиковъ податей. Тѣмъ не менѣе Іуда оставался ея приближеннымъ, такъ какъ онъ, благодаря своему богатству и опыту, казался полезнымъ Леонорѣ. Между тѣмъ ея планъ быть совершенно самостоятельной регентшей и раздѣлить власть управленія со своимъ любимцемъ, графомъ Андейро де-Оуремъ былъ разстроенъ еще болѣе хитрымъ, чѣмъ она, гросмейстеромъ Ависа, незаконнорожденнымъ принцемъ Донъ-Іоао. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе народа и удачно имъ воспользоваться. Королева вынуждена была оставить столицу. Пылая местью, она предалась своему зятю, кастильскому королю Донъ-Жуану 1-му, и вызвала этимъ кровавую гражданскую войну. Противъ дворянской партіи, стоявшей за регентшу и Донъ-Жуана I-го, образовалась народная партія, которая охотно собралась вокругъ избраннаго защитника португальской національности, Донъ-Іоао де-Ависъ. Леонора должна была все болѣе и болѣе отступать предъ гнѣвомъ народнымъ. Она искала защиты въ Сантаремѣ; оба еврейскихъ магната, Іуда и Давидъ Негро, которые, переодѣвшись, оставили Лисабонъ, были въ ея свитѣ. Сюда же прибылъ и Жуанъ, король кастильскій, въ пользу котораго Леонора отказалась отъ регентства, полагая, что она такимъ образомъ сможетъ отомстить своимъ врагамъ. Къ его же услугамъ она предложила почти

[1]) Fernao Lopes, Chronica del Rei Fernando въ Collecão da Academia т. IV, стр. 502.

все португальское дворянство и много крѣпостей страны. Планъ объединить Португалію съ Кастиліей могъ быть проведенъ лишь при единомысліи и совмѣстности дѣйствій зятя и тещи. А именно это единомысліе и было разстроено вопросомъ о замѣщеніи верховнаго равината и превратилось въ отчаянную вражду.

Когда освободился постъ кастильскаго равината (1384), вдовствующая королева хотѣла передать его своему любимцу, Іудѣ, и хлопотала о немъ предъ королемъ кастильскимъ. Но послѣдній уже обѣщалъ этотъ постъ, по просьбѣ своей супруги Беатрисы, Давиду Негро. Раздраженіе Леоноры достигло крайнихъ предѣловъ. Она сказала своимъ приближеннымъ: „Если король отказалъ въ такомъ незначительномъ дѣлѣ мнѣ, женщинѣ, королевѣ и матери, сдѣлавшей для него очень много, то на что мнѣ и вамъ остается еще надѣяться! Ужъ мой противникъ, Де-Ависъ, не такъ обошелся бы. Вы поэтому хорошо сдѣлаете, если уйдете къ нему, своему законному повелителю“ [1]).

Леонора возненавидѣла своего зятя, какъ раньше ненавидѣла гросмейстера Де-Ависа. Перемѣна въ ея отношеніяхъ объясняется тѣмъ, что ея планъ или, вѣрнѣе, капризъ назначить Іуду верховнымъ равиномъ не былъ исполненъ. Она задумала убить кастильскаго короля, который въ это время осадилъ Коимбру. Этимъ убійствомъ она хотѣла вернуть себѣ свободу и самостоятельность. Бывшій казначей, Іуда, имѣвшій большое значеніе у королевы, былъ посвященъ въ этотъ заговоръ. Но, благодаря вновь назначенному верховному равину, Давиду Негро, заговоръ не удался, и жизнь короля была спасена.

Какой-то францисканскій монахъ, служившій посредникомъ для заговорщиковъ въ гарнизонѣ Коимбры и королевскомъ лагерѣ, такъ былъ друженъ съ Давидомъ Негро, что настойчиво и таинственно совѣтовалъ ему оставить лагерь. Этотъ дружескій совѣтъ естественно удивилъ его и побудилъ разузнать больше подробностей у дружественнаго монаха. Давиду Негро удалось убѣдиться въ существованіи заговора противъ короля. Онъ счелъ своимъ долгомъ подѣлиться объ этомъ съ Жуаномъ, такъ какъ дѣло шло объ его жизни. Предупрежденный король приказалъ тотчасъ же предпринять мѣры противъ заговора. Прежде всего велѣно было арестовать вдохновительницу заговора, Леонору, къ которой онъ относился съ подозрѣніемъ со времени отказа въ ея просьбѣ назначить верховнымъ равиномъ Іуду. Этотъ послѣдвій вмѣстѣ съ камерфрау Леоноры были также арестованы. Подъ угрозою пытокъ они сознались. Своими показаніями они обнаруживали несомнѣнное участіе королевы въ заговорѣ. Королева поэтому была присуждена къ изгнанію въ Тордесилласъ. Іуду же предполагали

[1]) Nunes de Lião, Cronice de D. João, Joseph Juares de Sylva c. 19 memoria para a historia de Portugal т. III, гл. 212.

казнить; но его соперникъ, Давидъ Негро, такъ горячо заступился за него, что король даровалъ ему жизнь. Вслѣдствіе разрыва съ своей тещей и ареста ея онъ потерялъ много сторонниковъ въ Португаліи. Постоянно встрѣчая въ этой странѣ сопротивленія, онъ вынужденъ былъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы подчинить себѣ ее. Ни одинъ изъ его плановъ не удавался, и въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ оставить всякую надежду на присоединеніе Португаліи.

Нѣкоторые равины этого времени враждовали другъ съ другомъ; причиной такой вражды служили: тщеславіе, честолюбіе или другіе какіе нибудь мотивы. Такъ, Давидъ Негро враждовалъ съ Іудой, во Франціи—Исаія бенъ-Аба Мари съ Іохананомъ, на островѣ Маіоркѣ—Соломонъ Царфати съ Энъ Видалъ Эфраимомъ Герунди, а въ Валенціи—переселившійся изъ Туделы Хасдай бенъ-Соломонъ съ Амрамомъ Эфрати. Такія явленія, однако, были исключеніями. Для большинства равиновъ ихъ служеніе было священнымъ дѣломъ, которое они выполняли незапятнанными руками, чистымъ сердцемъ и безъ всякаго корыстолюбія. Они были для общинъ образцами не только учености и благочестія, но и благородства, добросовѣстности и нравственной чистоты. Даже вышеупомянутыхъ равиновъ можно только обвинить въ погонѣ за должностями и неуживчивости, но ихъ отнюдь нельзя сравнить со служителями церкви. Это было бы оскверненіемъ ихъ памяти. Ибо никогда христіанство такъ не унижалось его служителями, какъ въ XIV и слѣдующемъ за нимъ вѣкѣ. Съ того времени, какъ резиденціею папства сталъ Авиньонъ, оно дѣйствительно представляло собой смѣсь порочности и подлости. Этими свойствами было пропитано все духовенство, начиная съ самыхъ высшихъ его представителей и кончая самыми незначительными. Такое печальное состояніе церкви еще болѣе осложнялось страстной борьбой одного папы съ другимъ и одной колегіи кардиналовъ съ другою. Христіанскій міръ раздѣлился на два лагеря, которые вели между собою борьбу не на жизнь, а на смерть. Поэтъ Петрарка, очевидецъ этихъ пороковъ, такъ характеризуетъ упадокъ церкви: „Справедливость при дворѣ папъ считается безуміемъ, умѣренность—грубостью, цѣломудріе—позоромъ. Кто болѣе порочень и низокъ, тотъ и выше. Я здѣсь не говорю о развратѣ, кровосмѣшеніи, прелюбодѣяніи, преступленіяхъ, которыя составляютъ одни пустяки для похотливости духовенства [1]); я не говорю о томъ, что мужья подвергались ссылкѣ изъ-за похищенныхъ у нихъ женъ. Еще ужаснѣйшее существуетъ: духовныя лица заставляютъ мужей изнасилованныхъ женъ брать ихъ къ себѣ въ періодѣ беременности, а по разрѣшеніи вернуть ихъ опять къ преступному ложу. Все это не я одинъ только видѣлъ и узналъ, но это также извѣстно всему

[1]) Петрарка, epistolae sine titulo № 10.

народу, который пока молчитъ. Молчитъ онъ пока скорѣе вслѣдствіе отвращенія, чѣмъ боязни". Другой современникъ, французскій богословъ Николай изъ Клеманжи [1]), рисуетъ „упадокъ церкви" того времени очень мрачными красками. „Разнаго рода преступленія и даже самыя большія прощаются и проходятъ безнаказанно, если только уплачена извѣстная сумма денегъ. Я не стану много распространяться о различныхъ представителяхъ духовенства; скажу о нихъ только нѣсколько словъ: Какъ епископы, такъ и бѣлое духовенство невѣжественны, продажны, жадны, честолюбивы, завистливы и пронырливы, прожорливы, похотливы, сладострастны и живутъ со своими незаконнорожденными дочерьми, какъ съ женами". Нахальныя покушенія духовныхъ лицъ на честность женъ и непорочность дѣвушекъ были такъ велики, что многія общины признали возможнымъ допускать только такихъ священнослужителей, которые имѣли своихъ наложницъ. Женскіе монастыри называли не иначе, какъ домами позора.

Въ монастыряхъ самыя низкія преступленія совершались съ циничной откровенностью, происходили тамъ не только развратъ и кровосмѣшеніе, но и дѣтоубійство. И при такомъ глубокомъ паденіи церкви представители ея заявляли еще притязаніе на величайшее почитаніе! Враждовавшіе папы въ Римѣ и Авиньонѣ, которые правдами и неправдами обвиняли другъ друга въ самыхъ тяжкихъ порокахъ, требовали, тѣмъ не менѣе колѣнопреклоненія въ знакъ особаго къ нимъ уваженія. Представляется поэтому вполнѣ естественнымъ, что духовенство гнилымъ дыханіемъ своей необычайной безнравственности и порочности заразило свѣтскій міръ. Этотъ выродившійся, безчеловѣчный, страшно павшій христіанскій міръ осмѣливался непорочную, нравственно-чистую и глубоко религіозную синагогу считать порочною и проклятой Богомъ. Невѣжды и развратники отказывали во всякомъ человѣческомъ правѣ евреямъ, которые превосходили ихъ во всемъ, исключая разбойнической „добродѣтели" рыцарей и порочности. Что удивительнаго въ томъ, что ихъ травили, какъ дикихъ звѣрей и убивали! Въ Нердлингенѣ [2]) была перебита (въ 1384 г.) вся община вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Во всей Швабіи евреевъ мучили, а въ Аугсбургѣ ихъ такъ долго держали въ тюрьмѣ, что они вынуждены были заплатить 20.000 гульденовъ. Характеренъ слѣдующій случай, который отнюдь не единственный для того времени. Равины и представители общинъ предприняли путешествіе въ Вайсенфельзъ, чтобы тамъ, на съѣздѣ, послѣ предварительнаго обсужденія принять рядъ рѣшеній, касающихся общественной пользы и религіи (1386). Они запаслись выданными саксонскими князьями охранительными грамотами, безъ которыхъ не бы-

[1]) Nicolaus de Clemangis, de ruina ecclesiae.

[2]) Atetten, исторія Аугсбурга, стр. 127.

ла гарантирована въ то время безопасность въ дорогѣ ни для христіанъ, ни тѣмъ болѣе для евреевъ. Тѣмъ не менѣе на обратномъ пути членовъ съѣзда подкараулили рыцари-разбойники, надѣявшіеся найти у нихъ большую добычу, ограбили, избили и взяли ихъ въ плѣнъ. Они были отпущены за выкупъ въ 5000 грошей. Раввины и представители общинъ, съ которыми такъ жестоко обошлись, обратились съ жалобой по поводу разбойническаго нападенія къ князьямъ. Эти послѣдніе, оскорбленные такимъ неуваженіемъ къ ихъ имени, которое было на охранительныхъ грамотахъ, потребовали къ отвѣту упомянутыхъ рыцарей-разбойниковъ. Одинъ изъ отвѣтчиковъ оправдалъ себя и своихъ товарищей слѣдующимъ замѣчаніемъ: они вовсе не думали оскорбить княжескія охранительныя грамоты; они полагаютъ только, что евреи, какъ враги церкви, не заслуживаютъ защиты христіанскаго правительства, онъ же самъ, говорящій, будетъ всегда преслѣдовать и обижать враговъ Христа, гдѣ бы онъ ихъ не засталъ. Такая защита вызвала одобреніе. Она пришлась по душѣ большинству тогдашнихъ христіанъ. Обвиняемые были оправданы и княжескими судьями, а евреи были отпущены, осмѣянные по поводу проиграннаго дѣла. „Ибо отвѣтъ привелъ въ восторгъ князей“.

Погрязшее въ безнравственность духовенство, которое въ другое, болѣе благопріятное для общественной честности, время навлекло бы на себя всеобщее омерзеніе и отдачу въ исправительные дома, считало себя опозореннымъ близкимъ сосѣдствомъ евреевъ. Оно вызвало страшныя сцены еврейской рѣзни подъ тѣмъ предлогомъ, что евреи осквернили ихъ священный санъ. Въ Прагѣ, которая со времени Карла IV была резиденціей и главнымъ городомъ германо-римскаго государства, началось кровавое преслѣдованіе евреевъ, вызванное однимъ духовнымъ. Какой-то прагскій священникъ, можетъ быть, изъ тѣхъ духовныхъ, которыхъ императоръ Венцель велѣлъ поставить вмѣстѣ съ ихъ наложницами у позорнаго столба, отправлялся съ дароносицей въ Свѣтлое Воскресеніе (18 апрѣля 1389 г.) къ какому-то умирающему. Путь его пролегалъ по еврейской улицѣ. Былъ послѣдній день праздника Пасхи. Еврейскія дѣти играли на улицѣ, бросая другъ въ друга песокъ. Нѣсколько песчинокъ попало на платье священника. Сопровождавшіе его были такъ сильно возмущены этимъ, что жестоко избили игравшихъ дѣтей. На поднятый дѣтьми крикъ прибѣжали ихъ родители, чтобы вырвать ихъ изъ рукъ нападавшихъ. Священникъ сейчасъ же отправился на старый городской рынокъ и во всеуслышаніе заявилъ, что евреи оскорбили его священническій санъ. Чтобы возможно больше раздуть этотъ незначительный случай, онъ прибавилъ, что евреи бросали въ него камни такъ, что Св. Дары пали на землю. Тогда чернь съ примкнувшими къ ней гражданами напали на еврейскіе дома, вооружившись

самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Устрашеннымъ евреямъ было предложено одно изъ двухъ: смерть или крещеніе. Христіанамъ пришлось лишній разъ убѣдиться въ глубокой преданности евреевъ своей религіи. Чернь не замедлила начать свое убійственное дѣло. Въ этотъ день и въ слѣдующую за нимъ ночь погибло много тысячъ евреевъ; изъ нихъ многіе, въ томъ числѣ и престарѣлый равинъ, умертвили раньше своихъ близкихъ, а потомъ и самихъ себя. Синагога была сожжена, священное Писаніе разорвано и истоптано ногами. Даже кладбище сдѣлалось жертвой дикости рьяныхъ поборниковъ христіанства. Съ труповъ, валявшихся на улицахъ, снимали одежду, а затѣмъ сжигали ихъ вмѣстѣ съ трупами животныхъ.

За то же, т. е. за ничто, понесли наказаніе всѣ сосѣднія столицѣ общины. „Ихъ заключили въ тюрьму, терзали, избивали и мучили“. Папа выпустилъ 2 іюля 1389 г. буллу, въ которой онъ порицалъ происшедшія звѣрства. Въ этой буллѣ онъ указывалъ на распоряженіе Климента IV, которымъ евреямъ дано право свободно исповѣдывать свою религію и справлять свои праздники. Но булла не вызвала угрызенія совѣсти вѣрующихъ. Тщетно евреи обращались къ своему владѣтельному защитнику, императору Венцелю, въ самой столицѣ котораго произошли подобныя насилія. Этотъ князь, которому бы скорѣе подобало быть рыцаремъ-разбойникомъ, чѣмъ императоромъ, имѣлъ нѣкоторое разумѣніе только тогда, когда не былъ пьянъ; а это бывало съ нимъ очень рѣдко. Онъ высказался о происшедшемъ такъ: евреи заслужили это, такъ какъ они показывались внѣ своихъ домовъ въ Свѣтлое Воскресеніе. Онъ не замедлилъ воспользоваться оставшимся еврейскимъ имуществомъ для пополненія своей всегда пустой кассы. За нѣсколько лѣтъ до того онъ напрягалъ всѣ свои усилія присвоить себѣ долговыя обязательства, выданныя евреямъ, и съ этой цѣлью онъ велѣлъ собраться въ Ульмъ представителямъ швабскихъ городовъ (1385 [1]).

Императоръ Венцель издалъ декретъ, которымъ разрѣшалось опасное нарушеніе права собственности, и нѣмецкіе евреи доведены были до нищеты; народъ же, въ пользу котораго будто бы это распоряженіе было издано, ничего не выигралъ. Князья и властители Германіи хотѣли только самыми легкими способами найти необходимыя суммы для продолженія своей роскошной жизни и взаимной борьбы. Князья рѣшили просить императора объявить въ виду непомѣрныхъ процентовъ, взимавшихся богатыми евреями, что всѣ долги христіанъ евреямъ уничтожаются, не только проценты, но и капиталы, и всѣ заклады должны быть возвращены. Императору это предложеніе пришлось по душѣ, онъ надѣялся такимъ обра-

[1] Stobbe, евреи въ Германіи въ средніе вѣка стр. 134.

зомъ много выиграть. Должники-христіане должны были уплачивать ему по пятнадцати процентовъ съ своихъ долговъ. Общины юго-западной Германіи, особенно Баваріи, должны были съ этой цѣлью послать изъ своей среды уполномоченныхъ раньше въ Прагу къ верховному суду, а впослѣдствіи въ Нюрнбергъ на рейхстагъ. Несчастные нѣмецкіе евреи, которымъ угрожала не только потеря имущества, но и лишеніе средствъ къ существованію, изо всѣхъ силъ старались разстроить этотъ гибельный для нихъ планъ. Старанія ихъ ни къ чему не привели: на барышъ отъ ограбленія евреевъ надѣялись не только императоръ и князья, но и имперскіе города; ибо должники должны были платить проценты также ближайшему начальству. Со всѣхъ церковныхъ каѳедръ было торжественно возвѣщено императорское распоряженіе (16 сентября 1390 г.) объ уничтоженіи долговъ, какъ нѣкогда въ юбилейные годы. Но только одни князья и владѣтели имперскихъ городовъ имѣли право торжествовать. Должники гораздо болѣе притѣснялись своимъ правительствомъ, которому досталась львиная доля награбленныхъ имуществъ, чѣмъ еврейскими кредиторами [1]). При всеобщемъ обнищаніи евреевъ, у которыхъ производились еще и обыски для конфискаціи скрытыхъ закладовъ, императоръ потребовалъ, чтобы каждый еврей, даже юноша или дѣвушка, вносилъ „золотой жертвенный пфенигъ", одинъ гульденъ ежегодно. Онъ смотрѣлъ на еврейское имущество, какъ на свою собственность, и запретилъ его переписать на чужое имя или передать [2]). При всемъ этомъ императоръ Венцель не считался самымъ жестокимъ для евреевъ! Равинъ Авигедоръ Кара изъ Праги пользовался его дружбой. Нѣмецкіе евреи сообщали другъ другу шопотомъ: императору мало дѣла до ученія Христа [3]).

Ограбленіе и преслѣдованіе нѣмецкихъ евреевъ не имѣли важныхъ послѣдствій; положеніе ихъ отъ этого не измѣнилось: слишкомъ давно они привыкли подставлять свои щеки и спины ударамъ. Совсѣмъ другое вліяніе имѣло одновременное же преслѣдованіе испанскихъ евреевъ. Оно нѣкоторымъ образомъ попало въ самое сердце еврейства и составляетъ, поэтому, поворотный пунктъ въ исторіи евреевъ. Испанскіе евреи были до сихъ поръ болѣе ненавидимы, чѣмъ презираемы; но кровавое преслѣдованіе довело ихъ и до презрѣнія; оно ослабило ихъ духъ, парализовало дѣятельность и сломило ихъ твердость. Какъ въ Прагѣ, такъ и въ Испаніи оно было начато священникомъ и невѣжественной чернью; но здѣсь оно приняло грандіозные размѣры, и изъ разнообразнѣйшихъ сплете-

---

[1]) Т. же стр. 136.

[2]) Würfel, Nachrichten von der Judengemeinde Nürnberg, стр. 7. Gemeiner Regensburger Chronik II стр. 318.

[3]) Halichot Kedem Гавріила Полака стр. 79, статья Луцато.

ній образовалось драматическое дѣйствіе, имѣвшее потрясающіе результаты. Событія были вызваны священникомъ —фанатикомъ, Ферандомъ Мартинецомъ; онъ былъ деканомъ въ Эціи и викаріемъ севильскаго епископства. Пламенную ненависть къ евреамъ онъ положилъ въ основу своей религіи. Темой своихъ проповѣдей онъ выбралъ постоянное науськиваніе на евреевъ. Онъ металъ громы противъ ихъ закоснѣлаго безвѣрія, ихъ надменности, накопленныхъ богатствъ, жадности къ деньгамъ и ростовщичества. Въ Севильѣ онъ нашелъ слишкомъ внимательныхъ слушателей; ибо евреевъ здѣсь ненавидѣли не только за слишкомъ дѣятельное участіе въ борьбѣ между братьями, Донъ-Педро и Донъ-Генрихомъ II, но и за казнь пользовавшагося расположеніемъ христіанъ еврея Іосифа Пихона, которая совершилась при столь поразительныхъ обстоятельствахъ. Это враждебное настроеніе сильно возбуждалъ Мартинецъ и довелъ до страстнаго раздраженія. Онъ самовольно вмѣшивался въ споры между евреями и христіанами; запретилъ подъ угрозой отлученія отъ церкви всякія сношенія съ презрѣннымъ племенемъ, отбиралъ у евреевъ слугъ-мавровъ и крестилъ ихъ, приглашалъ народъ во время одной религіозной церковной процессіи избить палками и камнями тѣхъ евреевъ, которые въ это время показались на площади, и часто твердилъ, что необходимо разрушить всѣ 23 синагоги, которыя были въ Севильѣ. Генрихъ II и его сынъ, Донъ-Жуанъ I, побуждаемые жалобами со стороны придворныхъ евреевъ, запрещали Мартинецу неистовство его проповѣдей и насилія противъ евреевъ. Но это запрещеніе было тщетно. Онъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ подстрекать противъ евреевъ. У него хватило дерзости открыто заявить, что король и королева обрадуются, если евреи будутъ перебиты, и что участники убійствъ будутъ прощены. Мартинецъ, вѣроятно, имѣлъ при королевскомъ дворѣ единомышленниковъ, которые гарантировали ему безопасность въ его противодѣйствіяхъ приказу короля. Ибо, хотя король въ одномъ посланіи (1383) и грозитъ, что ему придется раскаяться, если онъ будетъ игнорировать королевскій приказъ, онъ тѣмъ не менѣе въ теченіе многихъ лѣтъ продолжалъ свирѣпствовать противъ евреевъ.

По совѣту благоразумныхъ и дружелюбно-настроенныхъ къ евреямъ христіанъ выступилъ въ качествѣ обвинителя Мартинеца передъ верховными судьями и ихъ помощниками представитель севильскихъ евреевъ, Донъ-Іуда Абенъ-Авраамъ (февр. 1388). Злобный священникъ долженъ былъ явиться для оправданія. Донъ-Іуда перечислилъ всѣ его рѣчи и дѣянія, направленныя къ ущербу евреевъ, и прочелъ актъ обоихъ королей, запрещавшій ему такую травлю. Но эта торжественная очная ставка не произвела никакого впечатлѣнія на рьянаго и очерствѣлаго фанатика.

Вмѣсто защиты онъ бросился въ еще большую аттаку; онъ заявилъ, что считаетъ долгомъ священника преслѣдовать евреевъ, такъ какъ они осуждены евангеліемъ за невѣріе. При этомъ онъ повторилъ самое задушевное свое желаніе: „дьявольскія синагоги должны быть уничтожены до основанія“.

Что предпринялъ король противъ такой насмѣшки надъ его приказомъ, когда ему были представлены на окончательное рѣшеніе жалоба евреевъ на Мартинеца и его контръ-объясненіе? Король хранилъ полное молчаніе, а деканъ, еще болѣе разсвирѣпѣвшій вслѣдствіе жалобы на него, увидѣлъ въ этомъ согласіе на еще большее враждебное отношеніе къ евреямъ. Въ своихъ проповѣдяхъ и рѣчахъ внѣцерковныхъ онъ подстрекалъ противъ евреевъ. Когда нѣкоторые человѣколюбивые священники упрекали его и показывали ему папскія буллы, по которымъ евреи могутъ свободно исповѣдывать свою религію и должны быть охраняемы отъ насилій, онъ осмѣлился выступить и противъ авторитета папъ, заявляя, что папы вовсе не непогрѣшимы и отступать отъ евангелія они во всякомъ случаѣ не имѣютъ права. Въ это время какъ разъ происходила борьба между двумя претендентами на папскій престолъ, римскимъ Урбаномъ VI и авиньонскимъ Климентомъ VII, которые не уступали другъ другу въ низости и обмѣнивались взаимными проклятіями. Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ Мартинецъ отказаться отъ своихъ полныхъ ненависти начинаній изъ-за папской буллы, настроенной дружелюбно къ евреямъ? Епископскому капитулу Севильи такое поведеніе казалось несомнѣнно слишкомъ дерзкимъ, и онъ отрядилъ двухъ лицъ, которыя должны были жаловаться на него передъ королемъ (лѣтомъ 1388). Король холодно отвѣтилъ: онъ обдумаетъ, какія мѣры принять противъ Мартинеца; хотя возмущеніе послѣдняго противъ дурныхъ и испорченныхъ евреевъ заслуживаетъ похвалы, все-таки слѣдуетъ опасаться, что его проповѣди и поведеніе могутъ вызвать насилія со стороны народа. Король, такимъ образомъ, своимъ ничего не говорящимъ отвѣтомъ оставилъ безъ разслѣдованія это дѣло. Тогда севильскій епископъ, *Педро Гомецъ Барозо*, заставилъ Мартинеца явиться для оправданія на общее собраніе духовныхъ и ученыхъ лицъ. Мартинецъ продолжалъ упорствовать. Епископъ лишилъ его каѳедры и пригрозилъ ему отлученіемъ за явное ослушаніе и за ересь (августъ 1389 [1]).

Къ несчастью умеръ (7 іюля 1390 г.) епископъ Барозо. Еще не прошло и года со дня возбужденія уголовнаго дѣла. Онъ былъ единственный человѣкъ, который еще былъ въ состояніи обуздать неистовство

[1]) Amador de los Rios.

Мартинеца. Три мѣсяца спустя послѣ смерти епископа, умеръ и король Донъ-Жуанъ (19 октября). Какъ мало этотъ послѣдній ни любилъ евреевъ, онъ все же не допускалъ насилій въ отношеніи къ нимъ. Послѣ Донъ-Жуана остался одиннадцатилѣтній наслѣдникъ, Генрихъ III. Было назначено регентство, члены котораго враждовали между собой. Угрожала, поэтому, гражданская война. Фанатичный священникъ рѣшился тогда пойти на крайность. Онъ повелъ себя, какъ епископальный викарій. Еще не прошло и двухъ мѣсяцевъ со смерти короля, а онъ уже разослалъ ко всѣмъ духовнымъ севильскаго епископства приказъ, въ которомъ повелѣвается уничтожить до основанія синагоги, въ которыхъ враги Бога и церкви, называющіеся евреями, совершаютъ свое языческое служеніе, и переслать ему всѣ украшенія и хозяйственныя принадлежности этихъ синагогъ. Въ случаѣ ослушанія онъ грозилъ отлученіемъ и насильственными мѣрами. Это было прямое подстрекательство къ началу насилій надъ евреями. Оно имѣло печальныя послѣдствія. Однажды (15 марта 1391 г.) Мартинецъ, какъ всегда, проповѣдывалъ на площади противъ евреевъ. Этотъ день памятенъ не только евреямъ и испанцамъ; онъ памятенъ и всемірной исторіи, такъ какъ тогда было положено начало тому грозному явленію, которое называется инквизиціей. Мартинецъ въ своихъ проповѣдяхъ этого дня подстрекалъ народъ противъ евреевъ. Онъ надѣялся заставить такимъ образомъ многихъ евреевъ креститься. Народъ все болѣе и болѣе воспламенялся и готовъ былъ броситься на евреевъ. Тогда на защиту евреевъ выступили начальствующія лица города, начальникъ полиціи (Alguacil Mayor), донъ Алваръ *Перецъ де Гуцманъ* и двое судей. По ихъ приказанію были схвачены и высѣчены два подстрекателя. Это обстоятельство еще болѣе возбудило народъ. Въ своемъ неистовствѣ онъ убилъ многихъ евреевъ и даже угрожалъ смертью губернатору, донъ *Жуану Альфонсу* графу Ніэблы, и начальнику полиціи, которые поспѣшили на помощь несчастнымъ евреямъ. Нѣкоторые видные евреи изъ Севильи, видя, что начальствующія лица не въ состояніи прекратить возстаніе, отправились ко двору молодого короля и тамъ умоляли регентскій совѣтъ остановить кровопролитіе. Совѣтъ, собравшійся у короля, вполнѣ согласился съ ними. Тотчасъ же были отправлены въ Севилью посланцы съ требованіемъ отъ имени короля прекратить насилія. Вслѣдствіе этого королевскаго приказа дворянство также выступило на защиту евреевъ, и ему удалось подавить возстаніе. Когда въ сосѣднихъ городахъ населеніе намѣревалось поступить, какъ и населеніе Севильи, тогда и туда были посланы совѣтомъ посланцы съ тѣмъ же приказомъ [1]). Такимъ образомъ

[1]) Ayala chronica II, стр. 361. Zuniga Annales de Sevilla II,230 и слѣд. Еврейскіе источники ничего не говорятъ объ этомъ первомъ возстаніи противъ евреевъ.

было на короткое время остановлено задуманное возстаніе противъ евреевъ. Совсѣмъ, однако, оно не было подавлено; напротивъ, оно снова возгорѣлось съ еще большей силой и въ большихъ размѣрахъ. Хотя нѣкоторые члены совѣта серьезно не желали насилій противъ евреевъ, но они все-таки не прибѣгли къ радикальной мѣрѣ, которая положила бы конецъ имъ. Нужно было обезвредить злодѣя-священника или, по меньшей мѣрѣ, запретить ему произносить зажигательныя рѣчи. Ничего подобнаго не сдѣлалъ регентскій совѣтъ; тому дана была полная свобода изливать ядъ своихъ рѣчей на евреевъ. Опираясь на разладъ въ правительственныхъ кругахъ, на полную свою безнаказанность и на броженіе въ странѣ, Мартинецъ осмѣлился еще разъ поднять противъ евреевъ севильское населеніе. На этотъ разъ возстаніе имѣло еще большія послѣдствія. Не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ послѣ перваго возстанія, какъ вспыхнуло новое. Рано утромъ, 6 іюня 1391 г., толпа, какъ бы сговорившись, безъ всякаго шума, со всѣхъ сторонъ бросилась на еврейскую часть города (Juderia), зажгла ее и начала свое кровавое дѣло. Дѣлалось это безъ всякаго угрызенія совѣсти. При опустошеніи, пожарѣ и посреди горъ труповъ присутствовалъ Мартинецъ, мнимый служитель религіи любви. Онъ оставался холоденъ къ плачу и стону раненныхъ и умирающихъ, и продолжалъ подстрекать толпу къ продолженію убійствъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены всѣ евреи. Изъ членовъ значительной и богатой севильской общины, которая насчитывала отъ 6000 до 7000 семействъ, слѣдовательно, около 20.000 или 30.000 душъ, уцѣлѣли только немногіе. 4000 пало отъ ударовъ оружія, а большинство, опасаясь смерти, крестилось. Обагренные въ крови люди продавали женщинъ и дѣтей въ рабство магометанамъ. Изъ 23 синагогъ большинство было уничтожено, а остальныя превращены въ церкви. Къ той огромной массѣ, которая предпочла крещеніе смерти, принадлежалъ и Самуилъ *Абрабанель*, родоначальникъ прославившейся семьи Абрабанель, который во времена Генриха II имѣлъ огромное вліяніе и считался украшеніемъ общины. Онъ назвался послѣ крещенія Жуаномъ де-Севилья [1]).

Изъ Севильи ураганъ еврейскихъ погромовъ понесся по сосѣднимъ городамъ, принадлежавшимъ къ севильскому епископству и населеннымъ евреями. Они произошли въ Кармонѣ, Эціи и другихъ городахъ. Въ этихъ городахъ не осталось ни одного еврея [2]). Погромы, какъ бы по тайному заговору, охватили огромную часть Испаніи. Хищническіе инстинкты играли

[1]) Шемъ-Товъ въ Schebet Jehuda № 48; de los Rios, стр. 360.
[2]) Закуто въ Jochasin.

въ этихъ событіяхъ большую роль, чѣмъ желаніе крестить евреевъ [4]). Прежде всего печальная участь постигла мать всѣхъ испанскихъ общинъ, Кордову, откуда исходилъ блескъ испанскихъ евреевъ. И здѣсь многіе погибли позорной смертью, многіе вынуждены были креститься. Синагоги были совершенно уничтожены, въ томъ числѣ одна роскошная, которая соперничала по красотѣ съ великолѣпными мечетями халифовъ[1]). Въ день поста въ память паденія Іерусалима (17 тамуза, т. е. 20 іюня) населеніе Толеды поднялось противъ ея самой большой еврейской общины. По улицамъ ручьями лилась кровь тѣхъ, которые оставались вѣрными своей религіи и не желали ее мѣнять. Среди павшихъ жертвъ были и потомки Ашери, которые встрѣтили смерть съ твердостью нѣмецкихъ евреевъ. Іегуда бенъ-Ашери II, правнукъ Ашери, жившій въ Бургосѣ, но въ это время бывшій въ Толедѣ, убилъ свою тещу и жену, а послѣ покончилъ и съ собой [2]). Но и въ Толедѣ большое число евреевъ крестилось. Около семидесяти общинъ подверглись страшнымъ преслѣдованіямъ. Среди нихъ были извѣстныя общины: Эціи, Гуэты, Логрона, Яена, Каріона, Окаун, Куэнки и Мадрида, который тогда не имѣлъ большого значенія; онъ все же насчитывалъ опредѣленное число евреевъ, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ окрестностяхъ. И здѣсь многіе были убиты, а оставшіеся—крещены. Доминиканскій монастырь поэтому лишился дохода, получавшагося отъ евреевъ, такъ какъ съ гибелью общины прекратились еврейскія подати. Здѣсь, какъ въ другихъ городахъ, преслѣдовали зачинщиковъ и наиболѣе виновныхъ въ убійствахъ, опустошеніяхъ и грабежахъ; нѣкоторыхъ даже арестовали. Но не думали серьезно ихъ наказать. Нѣкоторые члены городского совѣта, призваніе которыхъ защищать спокойствіе и безопасность, изъ-за желанія грабить или ненависти къ евреямъ, принимали участіе въ уничтоженіи евреевъ. Даже маврамъ и магометанамъ, которые жили въ севильскомъ королевствѣ, фанатики-христіане задумали устроить рѣзню. Но разсудительные христіане обратили ихъ вниманіе на большую опасность такого поступка. Жертвой мести могли сдѣлаться тѣ христіане, которые жили въ магометанскомъ королевствѣ Гранадѣ, или христіане, плѣненные маврами, жившими по другую сторону пролива. Предполагавшаяся рѣзня мавровъ осталась, поэтому, невыполненной. Только одни евреи должны были, вслѣдствіе своей слабости, выпить чашу до дна. Ничто насъ такъ не убѣждаетъ въ томъ, какъ духовенство развило въ народѣ человѣконенавистничество, какъ это событіе.

[1]) Ayala стр. 390. [2]) de los Rios.

[3]) Закуто въ Jochasin изд. Филипповскаго стр. 225: ואז היה בבורגוש חכם גדול דומה לאבותיו יודע כל התלמוד ר' יהודה בן אשר נינו של הראש ונהרג בטוליטולא קנ"א ועשה כבר הקות השמים.

Властители и народъ Арагоніи и Каталоніи всегда огораживали себя отъ Кастиліи и отличались отъ послѣдней своими взглядами и убѣжденіями. Но, когда дѣло касалось ненависти къ евреямъ и ихъ преслѣдованія, всякое расхожденіе исчезало. Арагонія и Каталонія тогда управлялись, если въ данномъ случаѣ можно говорить объ управленіи, доброжелательнымъ, но слишкомъ слабымъ Жуаномъ I. Онъ былъ страстнымъ охотникомъ и музыкантомъ, что дѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ народа; никакого значенія онъ не имѣлъ. Спустя три недѣли послѣ рѣзни въ Толедѣ, произошло возмущеніе противъ евреевъ въ провинціи Валенсіи (7 ава=9 іюля). Въ главномъ городѣ провинціи, Валенсіи, жило едва 1000 еврейскихъ семействъ, въ общей сложности 5000 душъ. Между ними было много богатыхъ, которые занимались морской торговлей. Донъ *Самуилъ Абравала* одолжилъ крупную сумму городу, когда онъ былъ осажденъ кастильскимъ королемъ, Донъ-Педро. Онъ кромѣ того обѣщалъ содержать на свой счетъ во все время осады сто рыцарей. Донъ *Іосифъ Абаримъ* имѣлъ состояніе въ 20.000 золотыхъ флориновъ. Такое благосостояніе служило приманкой для разнаго сброда и безсовѣстныхъ людей, которые надѣялись очень скоро обогатиться. Въ Валенсіи, расположенной на берегу моря, было большое множество буяновъ, каторжниковъ и авантюристовъ. Ихъ сюда привлекали какъ гражданскія, такъ и внѣшнія войны. Здѣсь была полная анархія; человѣческая жизнь совершенно не цѣнилась. Какъ только стало здѣсь извѣстно о рѣзнѣ въ Севильѣ и другихъ городахъ, кучка уличныхъ босяковъ, которыхъ было 30—40, съ приставшими къ нимъ отбросами населенія, захвативъ хоругвь и нѣсколько крестовъ, начала оглашать улицы криками: „Феранъ Мартинецъ пришелъ крестить васъ". Они пытались проникнуть въ еврейскую часть города, которая незадолго передъ этимъ была окружена стѣной съ воротами. При попыткѣ пройти въ ворота, которыя евреи немедленно загородили, нѣсколько босяковъ было заперто; одинъ изъ нихъ получилъ ударъ. Тогда всѣ оставшіеся подняли крикъ, что евреи хотятъ ихъ убить. На этотъ крикъ собралось много рыцарей и гражданъ, солдатъ и монаховъ. Они вооружились и пытались сломать деревянныя ворота. Во время защиты ихъ палъ одинъ злодѣй—христіанинъ. Тогда бѣшенство нападающихъ приняло огромные размѣры. Съ дикимъ ревомъ они ворвались въ еврейскую часть города. Еврейскіе юноши и мужи взялись за оружіе. Произошла отчаянная взаимная борьба. Но христіанъ было больше. Они грабили дома, убивали, насиловали дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ. Около 250 евреевъ пало въ этой борьбѣ; христіанъ пало около 10 или 12. Феранъ Мартинецъ могъ быть довольнымъ рѣзней въ Валенсіи. Его христіанство восторжествовало. Только немногіе спаслись бѣгствомъ въ со-

сѣднія горы; большинство, чтобы избѣгнуть смерти отъ рукъ злодѣйской шайки, приняло христіанство. Іосифъ Абаримъ только тогда крестился, когда самъ былъ раненъ, его братъ убитъ, его племянница и кормилица изнасилованы учениками Мартинеца, а все его имущество уничтожено. Донъ Самуилъ Абравала, благодѣтель города, долженъ былъ также креститься, чтобы избѣгнуть смерти. Не только въ главномъ городѣ свирѣпствовалъ народъ; во всемъ государствѣ онъ огнемъ и мечемъ уничтожалъ безоружныхъ евреевъ. Только одна община въ Мурвіедро была пощажена [1]).

Кровавое гоненіе перебралось по морю на островъ Маіорку. Въ главномъ городѣ, Пальмѣ, уличники и матросы ходили, какъ и въ Валенсіи, по улицѣ Монтесіонъ, населенной евреями, носили передъ собою дубины, сложенныя крестообразно, и кричали: „Смерть евреямъ“ (2 августа 1 элула). Бѣшенство толпы достигло крайнихъ предѣловъ, когда одинъ сильный еврей, окруженный толпою, взялся за оружіе и помялъ одного изъ нападавшихъ. Горя желаніемъ отомстить, они бросились на еврейскіе дома и начали убійства, не щадя никого. Напрасно губернаторъ поспѣшилъ со своими рыцарями на помощь этимъ несчастнымъ. Они не могли стать господами положенія. Народъ слѣпо повиновался какому-то фанатику, Николаю Бру де-Пала, и далъ губернатору форменное сраженіе. Даже христіанскіе дома, въ которыхъ скрылись нѣкоторые евреи, подвергались нападенію. Погибло 300 человѣкъ. Среди павшихъ былъ раввинъ, Энъ Видалъ Эфраимъ Герунди, который при жизни былъ во враждѣ съ Соломономъ Царфати [2]). Еще большее число евреевъ искало спасенія въ крещеніи. Около 800 человѣкъ спаслось въ укрѣпленномъ замкѣ. Дѣлались уже приготовленія для ихъ осады. Такъ какъ осажденные не могли бы тамъ долго держаться, то съ позволенія губернатора они въ темную ночь тихо оттуда выбрались и на судахъ отправились въ Берберію. Король Донъ-Жуанъ I (еще больше королева Віоланта) поступалъ такъ, какъ будто хотѣлъ дать возможность избитымъ и ограбленнымъ евреямъ найти правосудіе. Онъ оштрафовалъ городъ въ большую сумму; но и здѣсь повторилось то же, что и въ Валенсіи, гдѣ, несмотря на старанія городского совѣта наказать виновныхъ (около ста человѣкъ было уже въ тюрьмѣ), ужасная рѣзня была предана полному забвенію. Но, какъ оказалось, главная забота заключалась въ использованіи удобнаго момента для пополненія казны. Поэтому также дворянство и христіанскіе евреи должны были платить штрафъ. Напрасно депутація отъ дворянства приводила доказательство въ пользу того, что его сословіе [illegible] не принимало

¹) Посл. Хасдая Крескаса.
²) См. стр. 43; Симона Дурана респ. [illegible] II 256.

участія въ рѣзнѣ и даже, наоборотъ, защищало евреевъ. Король былъ непоколебимъ, и дворянству пришлось уплатить штрафъ болѣе, чѣмъ въ 100.000 флориновъ. Но наиболѣе былъ наказанъ островъ Маіорка: до еврейскаго погрома онъ достигъ торговаго расцвѣта, такъ что могъ соперничать съ итальянскими торговыми республиками; послѣ же погрома онъ пришелъ въ такой упадокъ, что и до самыхъ нашихъ дней онъ не въ состояніи больше оправиться.

Спустя три дня послѣ рѣзни въ Пальмѣ, начались кровавыя событія въ главномъ городѣ Каталоніи, Барцелонѣ, какъ будто существовалъ общій заговоръ. Барцелона была мѣстопребываніемъ многихъ еврейскихъ аристократовъ ума и благородства. Благосостояніе мѣстныхъ евреевъ, котораго они достигли благодаря обширной морской торговлѣ, повидимому, вызвало противъ нихъ возмущеніе христіанскаго населенія. Въ субботній день, который совпалъ съ праздникомъ Богородицы (5 августа), разсвирѣпѣвшее населеніе набросилось на евреевъ, какъ бы желая почтить свою царицу небесную человѣческими жертвами. При первомъ натискѣ пало приблизительно 250 человѣкъ. Большая часть евреевъ была охотно допущена губернаторомъ въ замокъ; скрывшимся здѣсь доставляли даже продовольствіе. Но и это не остановило черни. Она выступила съ оружіемъ противъ дворянства и, запасшись метательными снарядами, осадила замокъ. Въ концѣ концовъ они подожгли его. Евреи потеряли всякую надежду на спасеніе. Тогда многіе собственноручно покончили съ собой, бросались внизъ со стѣнъ замка, а другіе, оставивъ его, боролись до тѣхъ поръ, пока съ честью не пали [1]). Среди погибшихъ былъ единственный сынъ благороднаго Хасдая Крескаса, готовившійся къ своей свадьбѣ съ одной благородной дѣвушкой. Полагаютъ, что одиннадцать тысячъ евреевъ тогда крестились. Только немногіе спаслись; въ Барцелонѣ же не осталось ни одного еврея. Такой же участи подверглись и другіе общины и города, въ которыхъ часть была перебита, другая крестилась, а третья, самая незначительная, спаслась. Только въ строго-религіозной Геронской общинѣ, которая подверглась нападенію на пять дней позже (10 августа), крестилось незначительное число евреевъ. Равины показывали мірянамъ примѣры презрительнаго отношенія къ смерти и твердости въ своей вѣрѣ. Какъ въ провинціи Валенсія, такъ и въ Каталонскомъ королевствѣ немногіе были пощажены. Они избѣгли смерти только потому, что скрывались (за деньги конечно) въ дворянскихъ замкахъ. Въ Арагоніи пало меньше евреевъ, такъ какъ они своевременно и осторожно отдали свои богатства двору. Послѣдними погибли евреи двухъ старыхъ и видныхъ общинъ, Бургоса (12 августа) и Лериды. Въ нихъ погибло 78

[1]) Лафуенте historia general de Espana VII, стр. 413.

человѣкъ, трупы которыхъ были, какъ убитый скотъ, свалены въ одну телѣгу, чтобы зарыть ихъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь [1]).

Три мѣсяца продолжались въ различныхъ частяхъ Испаніи убійства евреевъ. Духъ евреевъ былъ до того подавленъ, что они долго не рѣшались оставить свои убѣжища. Благородный Хасдай Крескасъ, единственный сынъ котораго палъ отъ рукъ убійцъ, а имущество уничтожено, разсказываетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ о печальныхъ событіяхъ общинѣ въ Перпиньянѣ, поинтересовавшейся, изъ братскаго сочувствія, узнать свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ. Такимъ образомъ и испанскіе евреи подверглись той же участи, что и нѣмецкіе четверть столѣтія тому назадъ во времена черной смерти. И они имѣли матеріалъ для горестно-жалобныхъ пѣсенъ о кровавыхъ преслѣдованіяхъ. Эти пѣсни они помѣстили въ свои молитвенники. Послѣдствія погромовъ были для нихъ еще тяжелѣе: ихъ мужество сломлено, взоры затуманены, а духъ помраченъ. Робко пробираются нѣкогда гордые испанскіе евреи и боязливо уступаютъ дорогу всякому христіанину, такъ какъ въ немъ они привыкли видѣть убійцу или подстрекателя къ убійствамъ. Стоитъ только какому-либо уличному босяку задорно пробѣжать мимо значительной группы собравшихся евреевъ, и они бѣгутъ, какъ стая внезапно испуганныхъ птицъ [2]). Лишь теперь, послѣ погромовъ, и они почувствовали всю горечь изгнанія. До сихъ же поръ, если не считать нѣкоторыхъ непріятностей, они себя чувствовали такъ же спокойно, какъ у себя дома. Только съ этого времени они низко опустили свою гордую голову. Это уже не были тѣ евреи, которые такъ мужественно сражались за Донъ-Педро. Кровавый фанатизмъ и хищничество причинили Испаніи глубокія раны и уничтожили ея благосостояніе. Громадныя ткацкія мастерскія Севильи, Толеды, Лериды, Валенсіи, Теруэли и Пальмы, въ которыхъ у еврейскихъ хозяевъ работало много тысячъ христіанъ, были разрушены, кожевни и прекрасныя кожаныя издѣлія Кордовы были уничтожены. Большіе рынки, на которыхъ еврейскіе купцы продавали дорогія платья, драгоцѣнности и ковры, привозимые съ Востока, Дамаска, Персіи, были опустошены. Испанія сильно обѣднѣла. Ея государственные доходы значительно сократились, такъ что церкви, алтари и монастыри, доходы которыхъ составляли еврейскія подати, не могли покрыть убытковъ. Они должны были, поэтому, обратиться къ князьямъ съ просьбой поддержать ихъ.

Какова судьба изверга Ферана Мартинеца, который вызвалъ такое бѣдствіе для евреевъ и косвенно уничтожилъ благосостояніе страны? Ко-

[1]) Посланіе Хасдая Крескаса.

[2]) Schebet Jehuda № 7 стр. 9: ובה נאמר ממורך לבבם שאם ימצאו ברחוב מאה יהודים ויבא נער קטן נכרי ויאמר קום על היהודים יברחו כלם; ср. тамъ же стр. 117.

роль Генрихъ, достигнувъ совершеннолѣтія и взявъ бразды правленія въ свои руки, велѣлъ его арестовать и подвергнуть наказанію, какъ подстрекателя одной части населенія противъ другой. При этомъ было сдѣлано добавленіе, что не должно ему помогать даже изъ состраданія. Но его единомышленники позаботились о томъ, чтобы его наказаніе не было столь тяжкимъ. Онъ отбывалъ заключеніе въ монастырѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ могъ уже основать госпиталь Св. Маріи (de Santa Maria) и спокойно провелъ послѣдніе свои годы. Многими онъ считался образцомъ благочестія. Дурныя сѣмена, которыя были посѣяны Мартинецомъ, принесли плоды. Его послѣдователь появился, когда едва прошло два десятилѣтія. Этотъ послѣдній навлекъ на евреевъ еще большія бѣдствія.

Только въ одной Португаліи евреи были пощажены неистовствомъ фанатиковъ. Здѣсь король, Донъ Іоао I, возвысившійся расположеніемъ къ нему народа, могъ сильной рукой охранять порядокъ и энергично дѣйствовать противъ разныхъ выходокъ. Среди спасшихся въ Португалію евреевъ были и крещенные по принужденію, которые жили здѣсь по еврейскимъ обрядамъ; они были обвинены въ отпаденіи отъ церкви. Они ожидали строгой церковной кары. Однако главный равинъ, донъ *Моисей Наваро,* въ то же время лейбъ-медикъ короля, представилъ всѣ буллы папъ Климента VI и Бонифація IX, запрещавшія насильственными мѣрами принуждать евреевъ къ крещенію. Вслѣдствіе этого король издалъ постановленіе (17 іюля 1392) не трогать насильно крещенныхъ. Буллы были обнародованы во всѣхъ городахъ Португаліи и даже включены въ сводъ законовъ; благодаря этому Португалія стала убѣжищемъ для гонимыхъ изъ Испаніи евреевъ [1]). Между тѣмъ, хотя нападенія народа на евреевъ были прекращены, непостоянный король не всегда былъ дружественно расположенъ къ сынамъ Іакова. Онъ часто издавалъ притѣснительные для евреевъ законы: запрещалъ имъ по временамъ показываться внѣ своей квартиры, принуждалъ носить унизительный знакъ и вводилъ тормозящія ограниченія въ дѣла, находившіяся въ рукахъ евреевъ. Иногда ему приходилось смягчать законы изъ-за своего лейбъ-медика и своихъ финансовъ. Незначительныя общины въ Наварѣ были совершенно пощажены, ибо со времени кровавой рѣзни, устроенной по наущенію кровожаднаго священника, Олигоена, тамъ грабить было уже нечего. Число евреевъ уменьшилось, а оставшіеся обѣднѣли. Защитникомъ своихъ, и безъ того несчастныхъ, соплеменниковъ являлся лейбъ-медикъ короля, *Іосифъ Орабуэна,* въ то же время верховный равинъ и откупщикъ государствен-

[1]) Соломонъ Алами говоритъ въ אגרת המוסר с. 72 ואף גם זאת חשב ה׳ מחשבות לבלתי ידח ממנו נדח כי לא מצאנו באחד הדורות שיגזרו עלינו גזרות בזמן אלה המלכות אשר אנחנו מתגוררים עמם בחמלתו . . . וגם המלכות (פורטוגאל) נתן לנו מקום להשגב מפני חרב מרוטה׳

ныхъ доходовъ; ему наварскій королевскій домъ былъ многимъ обязанъ.

Погромы не миновали южно-французскихъ общинъ. Ураганъ пронесся черезъ снѣжные Пиренеи, захвативъ провансальскихъ евреевъ, подобно тому, какъ онъ перелетѣлъ черезъ море на островъ Маіорку. Только что успѣла проникнуть въ южную Францію вѣсть о кровавыхъ нападеніяхъ на евреевъ Испаніи, какъ населеніе возстало противъ провансальскихъ евреевъ, сопровождая это грабежами и убійствами. Даже при слабомъ королѣ, Карлѣ VI, королевская власть усилилась, а сила народа была сломлена вслѣдствіе кровавыхъ усмиреній частыхъ возстаній. При такомъ положеніи дѣлъ начальство могло успѣшно удержать народъ отъ нападеній на евреевъ. Король далъ евреямъ особыя охранныя грамоты (sauve garde), чѣмъ остановилъ грозившую бурю [1]).

Несмотря на покровительство, оказываемое французскимъ евреямъ слабоумнымъ и по временамъ безумнымъ королемъ и его дядями, они не могли дольше оставаться во Франціи. Непрочное существованіе сдѣлало ихъ предметомъ общей ненависти. Евреи имѣли право находиться во Франціи только до опредѣленнаго срока; хотя его постоянно удлиняли, они все же должны были быть всегда готовы къ изгнанію и стараться копить деньги, чтобы имѣть возможность найти себѣ убѣжище въ другой странѣ. Подобно своимъ предкамъ въ Египтѣ, они съ посохомъ въ рукѣ и со связанными узлами были во всякое время готовы къ тому, чтобы пуститься въ путь. Несмотря на то, что евреямъ разрѣшалось пріобрѣтать земельные участки, они должны были большей частью заниматься денежными операціями, чтобы использовать моментъ. Ростовщиками они были по нуждѣ. Нѣкоторые евреи злоупотребляли данными имъ привилегіями, беря слишкомъ высокіе проценты, а отъ неисправныхъ должниковъ брали и проценты съ процентовъ; но король положительно принуждалъ ихъ къ тому, чтобы они занимались чрезмѣрными и возмутительными ростовщическими дѣлами. Онъ требовалъ отъ нихъ для своихъ войнъ такъ много денегъ [2]), что безъ обхожденія закона ихъ немыслимо было достать. Народу же евреи вслѣдствіе такого живодерства стали ненавистны. Судьи и городскіе головы штрафовали еврейскихъ ростовщиковъ и вообще старались (скорѣе изъ злобы) вредить имъ. Но королю обогащеніе евреевъ было выгодно. Онъ выступилъ поэтому, по ходатайству еврейскихъ представителей: *Исаака, Христофля и Вивана де Монреаль*, противъ чиновниковъ и строжайше запретилъ имъ нанесеніе вреда евреямъ [3]). Это однако не уменьшило ненависти. Помимо того присоединилось еще одно об-

[1]) Vaisette. histoire général de Languedoc IV стр. 405.
[2]) Ordonances des rois de France т. VI стр. 171, также 225.
[3]) Т. же и стр. 232.

стоятельство, которое усилило недовольство населенія евреями. Чтобы принудить злонамѣренныхъ или неисправныхъ христіанскихъ должниковъ къ уплатѣ слѣдуемыхъ денегъ, еврейскіе кредиторы подвергали ихъ аресту за неуплату долга. На это въ то время смотрѣли, какъ на власть „сыновъ дьявола надъ сынами неба." Возбужденіе населенія противъ привилегіи евреевъ арестовывать должниковъ было такъ велико, что король вынужденъ былъ отмѣнить ее [1]). Съ другой стороны необходимо было дать еврейскимъ кредиторамъ это право, такъ какъ безъ него пропадали бы долги, и спустя мѣсяцъ король и парламентъ дали имъ его, правда, въ очень урѣзанномъ, слѣдующемъ видѣ: они имѣютъ право арестовывать только тѣхъ, которые въ долговыхъ обязательствахъ даютъ подъ залогъ свою личную свободу [2]).

Незначительное обстоятельство воспламенило ненависть къ евреямъ во Франціи. Одинъ богатый еврей, *Денисъ Машо изъ Вилла-Паризисъ*, перешелъ въ христіанство, а затѣмъ вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Шли всевозможные фантастическіе слухи. Одни говорили, что евреи его убили, другіе—что евреи способствовали его отъѣзду заграницу съ цѣлью облегчить ему переходъ въ іудейство. Въ дѣло это вмѣшалось духовенство, народъ былъ нафанатизированъ, и въ результатѣ было назначено слѣдствіе надъ семью почетными евреями [3]). Комиссія, куда входили юристы и духовныя лица, пытала обвиняемыхъ; она вымучила у нихъ признаніе: они будто совѣтовали Денису Машо оставить христіанство. Какъ подстрекатели къ отпаденію отъ христіанства, они были приговорены комиссіей къ сожженію. Парламентъ для виду смягчилъ наказаніе: обвиняемыхъ приговорили къ сѣченію въ трехъ публичныхъ мѣстахъ Парижа и къ заключенію въ тюрьмѣ до той поры, пока не вернется Денисъ Машо, къ конфискаціи ихъ имуществъ и къ изгнанію изъ Франціи. Исторія эта надѣлала необыкновенно много шуму. Страсти все больше разгорались.

Враждебный по отношенію къ евреямъ духъ проявился вскорѣ наружу черезъ назначенныхъ Карломъ преобразователей государства, которымъ было дано широкое полномочіе, именно устраненіе злоупотребленій чиновническаго произвола и несправедливостей. Эти реформаторы привлекали къ суду евреевъ; они прислушивались къ жалобамъ и слухамъ объ ихъ чрезмѣрномъ ростовщичествѣ, вымогательствахъ и фальсификаціи привилегій, сажали почетныхъ евреевъ въ парижскую тюрьму Консьержери, возбуждали противъ нихъ уголовныя дѣла и предлагали конфисковать ихъ имущества. Благодаря вліянію евреевъ и ихъ деньгамъ, удалось добиться отъ короля указа, которымъ съ евреевъ снимались взведенныя на нихъ обвиненія и прощались нѣкоторые поступки ихъ. Указомъ они освобождались также отъ подсудности чрезвычайнымъ судамъ (15 іюля 1394 [4]).

[1]) Т. же стр. 589. [2]) Т. же. [4]) Ordonances стр. 643
[3]) Depping, histoire des Juifs en moyen-age стр. 192.

Однако это покровительство не было продолжительнымъ. Духовенство и міряне своими частыми и усиленными просьбами о лишеніи евреевъ покровительства и изгнаніи ихъ изъ Франціи сумѣли подѣйствовать на слабоумнаго короля и его совѣтниковъ. Черезъ какую нибудь четверть года вѣтеръ повернулся въ противоположную евреямъ сторону, и враги ихъ добились, наконецъ, приказа объ изгнаніи [1]). Не безъ умысла, вѣроятно, приказъ былъ изданъ въ судный день (17 сент. 1394 [2]), который евреи провели въ синагогѣ въ посту. Въ виду того, что срокъ, до котораго евреямъ разрѣшалось находиться во Франціи, еще не истекъ, нужно было придумать для нарушенія договора какой нибудь удобный поводъ. Но ни какого либо опредѣленнаго проступка, ни преступленія не могъ поставить въ вину евреямъ король въ своемъ предписаніи; онъ прибѣгъ къ слѣдующимъ общимъ и туманнымъ выраженіямъ: король узналъ отъ достойныхъ довѣрія лицъ, а также слышалъ отъ своихъ прокураторовъ и чиновниковъ, что многіе жалуются на проступки евреевъ противъ святой вѣры и на злоупотребленія данными имъ привилегіями, т. е. они поощряли крещеныхъ евреевъ къ возвращенію въ іудейство и брали чрезмѣрные проценты (послѣднее король отчасти одобрилъ, отчасти простилъ); въ виду всего этого онъ, король, рѣшилъ издать законъ: евреямъ впредь безусловно воспрещается жительство во Франціи, какъ въ сѣверныхъ, такъ и южныхъ областяхъ.

Итакъ, послѣ тридцатичетырехлѣтняго вторичнаго пребыванія въ странѣ, французскіе евреи снова принуждены были взяться за странническій посохъ приблизительно черезъ девяносто лѣтъ послѣ перваго изгнанія при Филиппѣ Красивомъ. Карлъ обошелся однако съ ними мягче своего безсердечнаго предка. Онъ не ограбилъ евреевъ и не выгналъ ихъ нагими, а, напротивъ, приказалъ Парижскому головѣ и губернаторамъ провинцій позаботиться о томъ, чтобы евреи не пострадали ни матеріально, ни физически. Помимо того имъ былъ данъ срокъ до 3 ноября для взысканія долговъ. Залоги, оставленные должниками и не выкупленные до того времени, отнимались чиновниками; послѣдніе предлагали должникамъ либо выкупить залоги, либо отказаться отъ нихъ и чрезвычайно строго требовали въ пользу евреевъ уплаты долговъ, взятыхъ безъ залога. Евреямъ разрѣшалось оставаться въ странѣ вплоть до истеченія срока съ тѣмъ, однако, чтобы они не производили денежныхъ операцій. Вмѣстѣ съ этимъ чиновникамъ было указано переправить евреевъ черезъ границу съ предосторожностями и безъ нанесенія какого либо вреда. Евреи покинули

[1]) Т. же стр. 675 и Vaisette histoire gènerale de Languedoc IV къ г. 1394.

[2]) [illegible] въ ук. кн. стр. 676 и Vaisette въ ук. мѣстѣ.

Францію лишь къ концу 1394 г. или въ началѣ слѣдующаго года [1]). Нѣкоторые феодалы и города были недовольны изгнаніемъ евреевъ. Такъ, *графъ изъ Фуа* хотѣлъ во что бы то ни стало удержать евреевъ Памье, но королевскіе чиновники принудили его изгнать ихъ. Въ Тулузѣ осталось 12 еврейскихъ семействъ, а въ окрестностяхъ—семь; они удостоились, повидимому, особаго покровительства. Евреи остались также въ тѣхъ областяхъ, которыя не находились въ непосредственной зависимости отъ французской короны, въ Дофинэ, Арелатѣ, Провансѣ въ узкомъ смыслѣ, составлявшихъ ленныя владѣнія нѣмецкаго императора. Еще долго послѣ того имѣлъ еврейскую общину цвѣтущій, приморскій торговый городъ Марсель [2]). Даже папы въ Авиньонѣ терпѣли евреевъ въ своей маленькой церковной области, *Бенесинѣ*, и двухъ болѣе крупныхъ городахъ, *Авиньонѣ* и *Карпентрасѣ*; евреи удержались тамъ до новѣйшаго времени и придерживались особаго ритуала [3]), отличающагося отъ испанскаго и французскаго. Папству незачѣмъ было бояться доведенныхъ до безсилія евреевъ, и оно показало себя якобы терпимымъ по отношенію къ нимъ.

Большинство изгнанниковъ изъ Франціи, не нашедшихъ пріюта въ Авиньонѣ, Дофинэ и Провансѣ, переселилось въ Италію и Германію, меньшинство же направилось въ Испанію, нѣкогда самую гостепріимную для преслѣдуемыхъ евреевъ. Со времени рѣзни 1391 г. Испанія сдѣлалась адомъ для туземныхъ евреевъ, а чужіе избѣгали ее, если только находили себѣ пристанище въ другомъ мѣстѣ. Цѣлыя французскія общины поселились въ Пьемонтѣ, въ городахъ *Асти, Фосано* и *Монкальво*, гдѣ они могли придерживаться собственныхъ синагогальныхъ обрядовъ [4]). Равинъ Іоханавъ изъ Парижа, тотъ самый, который за нѣсколько лѣтъ до того велъ споръ съ Исаіей б.-Аба-Мари за верховный равинатъ во Франціи, поселился со своей общиной въ сѣверной Италіи [5]). Со многими изъ французскихъ изгнанниковъ случилось такъ, какъ сказано въ прекрасной притчѣ пророка Амоса *): „кто бѣжалъ ото льва и схваченъ былъ медвѣдемъ, пришелъ домой и оперся рукой о стѣну и его ужалила змѣя". Почти повсюду они подвергались преслѣдованіямъ, часто исходившимъ отъ крещеныхъ евреевъ. Одинъ изъ такихъ вѣроотступниковъ, *Песахъ*, принявшій при крещеніи имя *Петра*, выступилъ въ Германіи съ тяжкими обвиненіями противъ своихъ соплеменниковъ, желая, очевидно, вызвать новыя

[1]) Ordonances т. VII, стр. 32.

[2]) Carmoly, Revue orientale, г. 1842 стр. 217. Depping въ ук. соч. стр. 196.

[3]) מנהג קהל אויניון וקרפנטרש.

[4]) מנהג אפם, т. е. אסטי פוסאנו מונקלוו.

[5]) Моисей да Ріети въ его מקדש מעט стр. 104.

*) Гл. V, ст. 19. *Ред.*

преслѣдованія противъ нихъ. Къ старымъ обвиненіямъ, что евреи называютъ Іисуса „распятымъ и повѣшеннымъ“ и что въ одной изъ молитвъ они проклинаютъ христіанское духовенство, Песахъ-Петръ прибавилъ нѣчто новое: евреи въ своей выспренной заключительной молитвѣ о будущей власти Бога на землѣ (молитва алейну) дѣлаютъ оскорбительные для Іисуса намеки [1]). Онъ присовокупилъ еще другія лживыя и смѣшныя обвиненія. Многіе евреи въ Прагѣ были вслѣдствіе этого арестованы (3 августа 1399 г.). Между ними находился также первый и, можетъ быть, единственный въ средніе вѣка образованный еврей, Липманъ (Tab-Jomi) изъ Мюлгаузена [2]). Помимо Талмуда онъ занимался также Библіей, что много значитъ для того времени, и читалъ не только караимскія сочиненія, но также и Новый завѣтъ на латинскомъ языкѣ. Нѣмецкій равинъ, понимающій все это и къ тому еще по латински, даже если бы онъ слабо понималъ, былъ, безъ сомнѣнія, рѣдкой птицей для своего времени. Липману Мюлгаузену пришлось, конечно, оправдаться [3]) предъ общественнымъ мнѣніемъ еврейск. круговъ въ томъ, что онъ предпочелъ проторенной дорожкѣ новую, ничего общаго съ Талмудомъ не имѣющую. Онъ задалъ себѣ трудную задачу защитить равинское іудейство отъ нападокъ съ философской, еретической (караимск.) и христіанской стороны и сочинилъ для этой цѣли книгу „Ницахонъ“ (Побѣда), въ которой возражаетъ на многочисленныя нападки. Плечи его оказались однако черезчуръ слабыми для выполненія столь тяжелаго дѣла. Лучшими изъ его произведеній являлись нападки на христіанство. Ученые нѣмецкіе христіане, съ удивленіемъ смотрѣвшіе на еврея, который изучилъ Новый завѣтъ и былъ къ тому еще въ состояніи указывать его слабости, были такъ поражены его сочиненіемъ, что бранденбургскій епископъ, *Стефанъ Бодекеръ*, выпустилъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ появленія сочиненія Липмана возраженіе на него.

Липманъ Мюлгаузенъ, находившійся въ числѣ арестованныхъ, пострадавшихъ по обвиненію вѣроотступника Песаха-Петра, былъ вызванъ духовенствомъ для отвѣта на пункты обвиненія. Его возраженія оказались очень удачными; но они, какъ видно, не имѣли никакихъ послѣдствій, ибо въ день сверженія императора Венцеля съ престола и избранія Рупрехта Пфальцскаго королемъ (27 августа 1400 г.) было казнено семьдесятъ семь евреевъ; спустя три недѣли еще три были сожжены.

. . . .

[1]) Въ Nizzachon Липмана, въ концѣ.

[2]) См. о немъ у Вольфа I стр. 347.

[3]) Nizzachon № 3.

ГЛАВА IV.

Послѣдствія гоненія 1391 г. Вѣроотступники и литературные раздоры.

Несчастное положеніе евреевъ въ Испаніи. Мараны. Сатиры. Еврейскій тонъ въ испанской поэзіи. Перо Ферусъ и община изъ Алкалы. Діего де Валенція и Виласандино. Новообращенный Астрюкъ Раймухъ, его прозелитическая дѣятельность и Соломонъ Бонфедъ. Вѣроотступникъ Соломонъ. Павелъ де Санта Марія и его дѣйствія, враждебныя евреямъ. Іосифъ Орабуэна. Іошуа Лорки ибнъ-Вивесъ, его краснорѣчивое полемическое посланіе къ Павлу де Санта Марія Возраженіе послѣдняго. Хасдай Крескасъ и его антихристіанскій трактатъ. Остроумная сатира Профіата Дурана къ Эпъ Бонету Буенгіорну. Остальная дѣятельность Профіата Дурана (Эфоди). Меиръ Алгуадецъ, верховный равинъ и лейбъ-медикъ короля Генриха III. Философская работа Хасдая Крескаса. Смерть Дона Генриха—поворотный пунктъ. Павелъ де Санта Марія въ совѣтѣ регентовъ. Эдиктъ противъ евреевъ. Казнь Меира Алгуадеца. Продолженіе кабалы: Авраамъ изъ Гранады, Шемъ-Товъ ибнъ-Шемъ-Товъ и Моисей Ботарель, мессіанскій мечтатель изъ Циснероса. Переселеніе въ Берберію. Исаакъ б.-Шешетъ въ Алжирѣ. Мараны. Симонъ Дуранъ. Императоръ Рупрехтъ и первый верховный равинъ въ Германіи, Израиль.

(1395--1411)

Положеніе евреевъ въ двухъ главныхъ государствахъ иберійскаго полуострова было очень печально. Малочисленные остатки ихъ вслѣдствіе постигшаго горя не имѣли ни связи между собой, ни силы. Въ больших городахъ Кастиліи и Каталоніи не было ужъ собственно и общинъ, а только разрозненные отчаявшіеся отдѣльные люди. Король Жуанъ изъ Арагоніи совершенно уничтожилъ барцелонскую общину (сентябрь 1392), которая вслѣдствіе утвержденныхъ привилегій и свободъ наслаждалась счастьемъ. Помимо богатства, барцелонская община отличалась благородствомъ и умственнымъ развитіемъ. Жуанъ предписалъ, чтобы разрозненныя единицы никогда больше не объединялись въ одно цѣлое (Aljama [1]). Собственно говоря, это запрещеніе было излишне, ибо оставшіеся и упорствовавшіе, которые не обратились ко кресту, какъ къ якорю спасенія, были такъ озабочены обезпеченіемъ безопасности дальнѣйшаго существованія, что не могли думать о возрожденіи общинъ. Многіе, желая спасти свою жизнь, покинули мѣста, орошенныя еврейской кровью. Изъ Кастиліи евреи, жившіе на границѣ областей, находившихся въ рукахъ магометанъ, бѣжали туда. Гранада, Малага, Алмерія и другіе южные города магометанской Андалузіи были избѣгаемы евреями со времени изгнанія ихъ фанатичными алмогадами; теперь ихъ снова заселили еврейскіе бѣг-

[1]) Сообщено въ Monatsschrift Франкля 1866 г. стр. 91.

лецы [1]). Разгромленные изъ сѣверныхъ областей искали защиты въ Португаліи, гдѣ имъ также было довольно жестко [2]). Молодой кастильскій король, Генрихъ III, или его совѣтники поняли, что наступившее разстройство является причиной упадка благосостоянія и значительныхъ убытковъ для государства и двора. Они рѣшили поэтому попробовать вернуться къ старому порядку защитой евреевъ отъ повторныхъ проявленій ненависти. Тѣмъ, которые осмѣлятся нарушать спокойствіе евреевъ и покушаться на ихъ собственность, угрожали тяжкими наказаніями (1395). Довѣряя словамъ короля, члены общинъ Кордовы и другихъ южныхъ городовъ послушались его и снова вернулись изъ магометанскихъ владѣній къ своимъ разрушеннымъ жилищамъ. Жуанъ изъ Арагоніи изъ тѣхъ же побужденій отмѣнилъ свой эдиктъ о томъ, что въ Барцелонѣ не должно быть болѣе связанной между собой общины, и разрѣшилъ малочисленнымъ остаткамъ реорганизоваться по общинному статуту съ равинами и общинными служащими, какъ въ старое время [3]). Ни тотъ, ни другой король однако не придали силы своимъ указамъ, чтобы активнѣе провести ихъ въ жизнь. Кастильскій король чрезвычайно мягко наказалъ злодѣя Ферана Мартинеца, этого виновника столькихъ несчастій, разрушителя испанскаго благосостоянія, который многократно заслуживалъ смертную казнь [4]). Возможно, что болѣзненность короля мѣшала выполненію его серьезнаго намѣренія защитить евреевъ, которымъ постоянно грозила смерть. Его еврейскіе лейбъ-медики, сперва Моисей Царцалъ, а послѣ его смерти Меиръ Алгуадецъ, по всей вѣроятности, не упускали случая оказать вліяніе въ смыслѣ улучшенія положенія своихъ несчастныхъ братьевъ. Очень можетъ быть, что король не могъ противостоять бурнымъ требованіямъ кортесовъ объ ограниченіи и приниженіи евреевъ и потому согласился на ихъ рѣшеніе (1405): половина долговыхъ обязательствъ, выданныхъ христіанами еврейскимъ кредиторамъ, считается уничтоженной, свидѣтельскія показанія евреевъ противъ христіанъ на судѣ допускаются въ ограниченномъ размѣрѣ и вмѣняется въ обязанность ношеніе „знака“ и одежды изъ грубой матеріи [5]).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ положеніе оставшихся евреевъ было достаточно печальнымъ; оно еще болѣе ухудшилось изъ-за крещеныхъ. Тысячи евреевъ спасались отъ ужаснѣйшей рѣзни крещеніемъ. Страхъ предъ мечомъ и пламенемъ былъ такъ великъ, что въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ еврейское населеніе цѣликомъ прибѣгло къ крещенію и обратило синагоги свои въ церкви; послѣднія посвящались

[1]) Т. же стр. 413. [2]) Т. же 414.
[3]) Т. же 403. [4]) Т. же 414. [5]) Т. же стр. 420.

чудотворной Маріи (Santa Maria del Milagro [1]). Могли ли внушать имъ убѣжденіе въ истинности христіанской вѣры сжатые кулаки, окровавленные мечи, бѣшенное изступленіе благочестивыхъ убійцъ или предсмертное хрипѣніе зарѣзанныхъ родственниковъ, друзей, соплеменниковъ? Большинство насильно окрещенныхъ (Anusim) съ сокрушеннымъ сердцемъ почувствовало послѣ крещенія еще больше отвращенія къ христіансгву, чѣмъ до того[2]). Сбросить маску при первомъ удобномъ случаѣ и съ еще большимъ жаромъ потомъ придерживаться еврейства стало твердымъ намѣреніемъ многихъ изъ нихъ. Часть новообращенныхъ переселилась либо въ близлежащія мавританскія области, напримѣръ въ Гренаду либо въ Мароко, Тунисъ и Фецъ, лежащія за проливомъ. Мавританскія страны были значительно толерантвѣе и мягче христіанскихъ; они охотно принимали евреевъ съ ихъ деньгами и трудолюбіемъ. Многіе крещеные изъ желанія остаться вѣрными своей религіи спасались также въ Португалію, но тамъ народъ и духовенство, несмотря на папскія буллы, ненавидѣли ихъ, какъ вѣроотступниковъ. Были и такіе изъ крещеныхъ, которые не могли оставить Испанію, но въ то же время и отречься отъ родной вѣры; они соблюдали всѣ еврейскіе обряды, хотя офиціально считались христіанами. Короли Кастиліи, Арагоніи и Маіорки, будучи противъ принудительнаго крещенія, не воспрещали имъ этого. Начальники либо не замѣчали, либо не хотѣли замѣчать возвращенія крещеныхъ въ іудейство [3]). Инквизиція не имѣла силы въ то время; ея еще не существовало въ Испаніи. Мало-по-малу въ ней образовалась цѣлая группа номинальныхъ христіанъ, фактически остававшихся евреями; ихъ можно было бы называть іудео-христіанами. Христіанское населеніе относилось къ нимъ недовѣрчиво, называя ихъ *маранами* т. е. *осужденными*. Съ пламенной ненавистью оно слѣдило за ними даже больше, чѣмъ за оставшимися вѣрными евреями, не вслѣдствіе тайной любви крещеныхъ къ еврейству, а ихъ происхожденія, живости и притворства. То же отвращеніе питали и тѣ крещеные, которые охотно отстранились отъ еврейства. Среди нихъ были свѣтскіе люди, ставившіе жизненныя удовольствія, богатство, почести выше какой бы то ни было религіи, а также тѣ черезчуръ образованные, которыхъ философія [4]) сдѣлала скептиками; послѣдніе предпочли увѣровать въ то, что открывало имъ широкій просторъ и выводило изъ узкихъ рамокъ іудаизма. Этотъ классъ, вообще слабо связанный съ іудаизмомъ, былъ доволенъ вынужденной необходимостью креститься, ибо они.

[1]) Т. же 402.

[2]) Ибнъ-Верга Schebet Jehuda, стр. 96

[3]) Респонсы Симона б.- Цемахъ Дурана (תשבץ) № 46,

[4]) Шемъ-Товъ ибнъ-Шемъ-Товъ въ предисловіи къ его сочин. אמונות

не колеблясь, могли освободиться отъ оковъ іудаизма, въ которомъ они оставались раньше лишь изъ разныхъ видовъ или изъ стыдливости. Они увивались предъ христіанами, притворяясь ревностно вѣрующими, если это доставляло имъ какія либо выгоды, но не дѣлались ни болѣе религіозными, ни болѣе хорошими. Между новообращенными нашлись и такіе безсовѣстные, которые находили особое удовольствіе въ преслѣдованіи своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и прежней религіи. Чтобы отомстить представителямъ іудаизма, раввинамъ и другимъ, стоящимъ во главѣ его, лицамъ, новообращенные выступали противъ нихъ съ обвиненіями [1]; при этомъ угрожала опасность всему испанскому еврейству. Новообращенные обратились противъ лона, возрастившаго ихъ. Имъ мало было того, что еврейство потеряло образованныхъ и ученыхъ мужей, врачей, писателей, поэтовъ, что лишилось многихъ талантовъ, что обогатило, наконецъ, церковь не только деньгами, но и духомъ своимъ. Крещеные, будучи посвящены въ слабыя стороны іудаизма и еврейства, могли успѣшно поражать ихъ. Донъ *Перо Ферусъ*, крещеный еврей, избралъ предметомъ своихъ насмѣшекъ общину и равина Алкалы. Въ одномъ стихотвореніи онъ разсказываетъ: послѣ безсонныхъ ночей и продолжительнаго истощенія, онъ нашелъ, наконецъ, покой въ синагогѣ, гдѣ уснулъ; собравшіеся къ утренней молитвѣ „евреи съ длинными бородами и въ нечистыхъ одеждахъ“ безсердечно выгнали его оттуда. Въ отвѣтъ на это еврейскій поэтъ выпустилъ отъ имени общины Алкалы острую стрѣлу противъ „шутовскаго языка“ Феруса.

„Мы поемъ, правда, при утренней зарѣ
Молитву Святому Израиля
Въ благозвучныхъ тонахъ,
Недосягаемыхъ и для соловьевъ. [2])

Испанская поэзія очень выиграла отъ этого. Она была до того времени строгой, чопорной, торжественной, подобно придворному церемоніалу, господствовавшему въ Мадридѣ. Іудео-христіанскіе сатирики сообщили ей живость, остроуміе, игривость, уподобивъ новоеврейской поэзіи въ дни ея расцвѣта. Мало-по-малу и христіанскіе поэты стали подражать въ такомъ же духѣ и позаимствовали у евреевъ мѣткія и колкія выраженія. Крещеный монахъ, *Діего де Валенція,* желая насмѣхаться надъ евреями, ввелъ въ свое колкое стихотвореніе еврейскія выраженія [3]),

[1]) Респонсы Исаака б. Шешетъ № 11 כי יש מהם (מן האנוסים). . . מאחר שנשתמדו אף אם תחלתן באונס . . . פרקו עול שמים . . ולא עוד אלא שרודפים אחר היהודים האומללים . . . להעלילם כדי להכריתם ולא יזכר שם ישראל עוד.

[2]) Сатирическій сборникъ противъ евреевъ, изд. крещенымъ евреемъ Жуаномъ Альфонсо де Баена.

[3]) Родригецъ де Кастро, Bibliotheca I, стр. 332.

между тѣмъ какъ „князь стихотворцевъ", христіанскій сатирикъ, Альфонсо Алварецъ де Виласандино, употреблялъ еврейскія обозначенія съ поразительной ловкостью [1]). Злостный критикъ могъ бы замѣтить по этому поводу: испанская поэзія на пути къ принятію еврейскаго характера.

Нѣкоторые новообращенные были одержимы какой то страстью крещенія, какъ будто родились среди доминиканцевъ; они какъ будто чувствовали себя среди христіанъ одинокими и стремились привлечь въ свою новую среду бывшихъ друзей. Новообращенный врачъ, *Астрюкъ Раймухъ*, принадлежавшій въ бытность свою евреемъ къ столпамъ правовѣрія и сносившійся съ почетными евреями, какъ Бенвенисти ибнъ-Лаби изъ Сарагосы, занялся послѣ крещенія подъ именемъ *Франциска Готфлейша* (Dios-carne) прозелитизмомъ. Онъ раскинулъ широко сѣти предъ своимъ молодымъ другомъ, Энъ Шалтіелемъ Бонафосомъ, чтобы склонить его къ переходу. Какъ опытный еврейскій стилистъ, *Астрюкъ-Франциско* написалъ ему свое посланіе на еврейскомъ языкѣ. Въ немъ онъ ярко рисуетъ захудалость іудаизма и ревностно защищаетъ христіанскія догмы. Приложеніе библейскихъ стиховъ къ догмамъ о тріединствѣ,наслѣдственномъ грѣхѣ, спасеніи и причастіи выходило очень смѣшнымъ. Энъ Шальтіель отвѣчалъ уклончиво и въ мягкихъ выраженіяхъ. Не должны ли были, въ самомъ дѣлѣ, евреи взвѣшивать свои слова, чтобы не оскорбить какъ нибудь чувствительную церковь и ея вѣрныхъ служителей? Сатирикъ-поэтъ, *Соломонъ* б.-Рувинъ *Бонфедъ*, выказалъ,однако, больше смѣлости. Въ своемъ удачномъ обращеніи, написанномъ рифмованной прозой, онъ мало щадилъ Астрюка Франциско. Прежде всего онъ извиняется за свое вмѣшательство въ личныя дѣла друзей; но оправдываетъ себя тѣмъ, что посланіе Астрюка затронуло и его, какъ еврея: можетъ ли онъ молчать при видѣ того, какъ нападающій смѣшиваетъ прямую линію съ кривой и четное съ нечетнымъ? Соломонъ Бонфедъ подходитъ ближе къ христіанскимъ догмамъ о воплощеніи, о наслѣдственномъ грѣхѣ и причастіи и, указавъ въ сильныхъ выраженіяхъ ихъ несостоятельность, онъ дѣлаетъ правильное замѣчаніе: „Вы перетолковываете библейскіе стихи, чтобы обосновать тріединство; но и четырехединство вы бы могли также успѣшно и убѣдительно доказать изъ словъ Ветхаго завѣта" [2]). Онъ выражаетъ безпокойство о томъ, что страданія евреевъ въ изгнаніи тянутся долго, долго, а ожидаемый избавитель все не приходитъ; но успокаиваетъ себя тѣмъ, что грѣховность еврейскаго народа длилась свыше тысячи лѣтъ и, если онъ потерпитъ въ наказаніе удвоенное количество, времени, это будетъ вполнѣ справедливо.

[1]) Т. же стр. 290.

[2]) Посланіе Бонфеда: חדשים מקרוב באו יקריבו פסוקים רחוקים על שלשה. ואלו תהיה עמכם רוח אחרת חדשה תמצאו על (נ. כעל) שלשים על רבעים פסוקים מוסדים.

Изъ крещенныхъ въ 1391 евреевъ больше всего страданій принесъ евреямъ *Соломонъ Леви* изъ Бургоса, принявшій въ крещеніи имя *Павла Бургенсиса или Павла де Санта Марія* (род. въ 1351—52, умеръ въ 1435 [1]). Ему удалось занять высокое положеніе въ церковной іерархіи. До крещенія онъ былъ, можно сказать, равиномъ, потому что былъ посвященъ въ Библію, Талмудъ и равинскую литературу. Павелъ де Санта Марія, будучи евреемъ, повидимому, велъ ученую переписку съ самымъ виднымъ еврейско-испанскимъ авторитетомъ, Исаакомъ бенъ-Шешетъ [2]), который обходился съ нимъ, какъ съ равнымъ. Соломонъ Бургосъ не получилъ никакого философскаго образованія. Напротивъ, онъ былъ очень религіознымъ евреемъ, слѣдилъ за всѣми обрядами до пунктуальности, считаясь столпомъ еврейства въ своемъ кругу. Онъ былъ однако чрезвычайно уменъ и разсчетливъ; онъ понималъ, когда нужно говорить и когда молчать [3]). Школа, въ которой онъ провелъ много времени въ качествѣ учащагося и учащаго, стѣсняла и угнетала его честолюбіе и тщеславіе. Онъ тосковалъ по шумной дѣятельности, стремился приблизиться ко двору. Честолюбіе его было направлено на достиженіе сана еврейскаго алмошарифа или еще болѣе высокаго поста. Такъ какъ по дѣламъ онъ часто сталкивался съ христіанами и втягивался въ религіозныя бесѣды, то онъ познакомился съ церковной литературой, чтобы блистать своею ученостью. Кровавая рѣзня 1391 г. отняла у него всѣ виды на возможность, оставаясь евреемъ, занять высокій постъ, и онъ рѣшился на сороковомъ году своей жизни принять христіанство. Высокія ступени церковной и государственной іерархической лѣстницы, на которыя онъ потомъ взобрался, вѣроятно, уже тогда соблазнительно встали предъ его взоромъ. Чтобы использовать свое крещеніе, новообращенный Павелъ де-Санта-Марія распространялъ, будто онъ добровольно перешелъ въ христіанство, такъ какъ богословскія сочиненія схоластика Ѳомы Аквинскаго потрясли его душу. Но евреи, знавшіе его, сомнѣвались въ его искренности и приписывали этотъ шагъ его честолюбію и погонѣ за славой [3]). Его семья, жена и сыновья сначала отреклись отъ него, когда онъ перемѣнилъ свою вѣру.

Для достиженія недворяниномъ высокихъ должностей имѣлся тогда лишь одинъ путь, а именно посвященіе себя духовному званію. Соломонъ Павелъ зналъ это и пошелъ по этому пути. Онъ отправился въ Парижъ и занялся въ тамошнемъ университетѣ изученіемъ теологіи. Его знаніе еврейскаго языка доставило ему преимущество надъ другими и

[1]) Родригецъ де Кастро I стр. 237.

[2]) Респонсы Исаака б.-Шешетъ № 188 192 обращаются къ ההכם דון שלמה הלוי דבורגוש בר כבוד דון צאק הלוי

[3]) Іосифъ ибнъ Шемъ-Товъ ясно говоритъ это.

случай отличиться. Прошло немного времени, и равинъ былъ посвященъ въ католическіе священники. Тогда онъ отправился ко двору папы въ Авиньонъ, гдѣ высокомѣрный, упрямый и стремившійся къ обращенію всѣхъ въ свою вѣру кардиналъ Педро де-Луна былъ выбранъ антипапою подъ именемъ Бенедикта XIII (съ 28 сентября 1394 г.). Тутъ, во времена церковнаго раскола и спора папъ, открывалась самая благопріятная возможность для интригъ и возвышеній. Павелъ понравился папѣ своимъ умомъ, рвеніемъ и краснорѣчіемъ; онъ обѣщалъ стать полезнымъ орудіемъ въ рукахъ папы. И вотъ онъ былъ назначенъ архидіакономъ Тревино и каноникомъ Севильи. Это были первыя ступени іерархической лѣстницы католической церкви. Онъ же убаюкивалъ себя высокопарящими мечтами; онъ думалъ стать епископомъ, кардиналомъ; почему бы и не папой? Время было благопріятное. Павелъ намекалъ, что ведетъ свое происхожденіе отъ древняго еврейскаго рода Леви, того самого племени, къ которому принадлежала и Божья Матерь, Марія; потому онъ и называлъ себя де Санта-Марія. Онъ, слѣдовательно, былъ не просто священникъ, а имѣлъ предковъ, которые должны были найти признаніе въ церкви. По рекомендаціи папы, король Кастиліи, Донъ-Генрихъ III, позже осыпалъ его многочисленными знаками своей милости и почетными должностями. Его честолюбіе было удовлетворено.

Переходъ къ церкви Соломона-Павла, прежде уважаемаго равина, не только вызвалъ въ еврейскихъ кругахъ высочайшее изумленіе, но и преисполнилъ сердца страхомъ. Неужели останется этотъ примѣръ безъ подражанія въ эпоху столь тяжкихъ преслѣдованій и испытаній? Неужели не ободритъ онъ многихъ въ ихъ рѣшеніи перейти въ христіанство и, во всякомъ случаѣ, побудитъ мнимыхъ христіанъ не отказываться отъ разъ сдѣланнаго шага? Къ тому же Павелъ считалъ своей обязанностью обращать въ христіанство своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Ни одно средство не осталось не испробованнымъ. Словомъ и перомъ онъ боролся съ іудаизмомъ, причемъ еврейская литература доставляла ему оружіе. Немного спустя послѣ своего крещенія онъ направилъ посланіе къ своему бывшему знакомому, лейбъ-медику короля Карла III изъ Навары, верховному равину наварскихъ общинъ, Іосифу (José) Орабуенѣ [1]), и, изложивъ ему свое вѣроисповѣданіе, сводившееся къ признанію Іисуса Мессіей, возвѣщеннымъ пророками, повидимому, призываетъ его послѣдовать своему примѣру. Другому верховному равину и лейбъ-медику кастильскаго короля, Донъ-Генриха III, дону Меиру Алгуадецу, человѣку съ философскимъ образова-

[1]) Посланіе Іошуи Лорки къ Павлу въ началѣ: בא לידי כמו ב׳ חדשים טופס כתב ידך לר׳ יוסף אוראבואינה וראיתי בו יהותך מאמין ענין האיש אשר בא בסוף בית שני שהוא המשיח אשר היו קדמונינו מיחלים בו היותך.

ніемъ, Павелъ де Санта Марія послалъ еврейскую сатиру въ прозѣ и стихахъ [1]) гдѣ онъ издѣвается надъ однимъ безобиднымъ еврейскимъ праздникомъ. Огорченный, вѣроятно, и той незначительной веселостью, которой обыкновенно предавались евреи въ праздникъ Пурима, онъ, изображая все преувеличенно, напалъ на страсть къ пьянству у евреевъ, превознося свою собственную трезвость. Павелъ обнаруживаетъ въ этой сатирѣ много ловкости въ употребленіи новоеврейскаго языка, но весьма мало остроумія, столь естественнаго въ такой темѣ.

Достигнувъ вліянія при папскомъ дворѣ въ Авиньонѣ, онъ чернилъ евреевъ съ цѣлью, если будетъ возможно, вызвать новыя преслѣдованія противъ нихъ. Это настолько бросалось въ глаза, что самъ кардиналъ Пампелуны и другіе лица духовнаго званія приказали ему молчать. Правда, евреи должны были дорого заплатить за это молчаніе [2]). Онъ велъ интриги и противъ ревностнаго защитника своихъ единовѣрцевъ, Хасдая Крескаса. Вражда къ евреямъ этого ренегата доходила до того, что онъ совѣтовалъ королю Донъ-Генриху III не допускать ни на какую должность не только евреевъ, но и ново-христіанъ. Хотѣлъ-ли онъ этой мѣрой устранить соперничество какого нибудь ловкаго или въ чемъ-либо превосходящаго его единоплеменника? Въ качествѣ писателя, Павелъ де Санта-Марія столь же ядовито относился къ евреямъ и іудаизму. Въ то время, какъ урожденный христіанинъ, францисканецъ Николай де-Лира, рекомендовалъ еврейскихъ коментаторовъ и даже Раши, какъ образцовыхъ, бывшій равинъ Павелъ осуждалъ все, написанное какимъ-нибудь равиномъ, какъ нѣчто безвкусное, безсмысленное и богохульственное и превозносилъ, какъ нѣчто великое и несравненное, смѣшное толкованіе церковнаго писателя.

Проницательные евреи съ правомъ усмотрѣли въ этомъ ново-христіанинѣ своего ожесточеннѣйшаго врага и готовились къ борьбѣ съ нимъ. Правда, они были очень ограничены въ выборѣ оружія. Представители христіанства для утвержденія своихъ догмъ и ихъ доказательствъ имѣли не только свободное слово, но и кулакъ, и темницу, и смерть, между тѣмъ, какъ евреи принуждены были вертѣться и извиваться, чтобы рѣзкимъ словомъ не вызвать противъ себя насильственныхъ дѣйствій. Поэтому мужественное выступленіе горсти слабыхъ евреевъ противъ подавляющаго числа сильныхъ и высокомѣрныхъ христіанъ должно вызвать изумленіе у всѣхъ тѣхъ, кто преклоняется не предъ побѣдившей силой, а предъ борющимся правомъ.

[1]) Эта сатира на Пуримъ находится въ рукописи въ нѣкоторыхъ библіотекахъ и имѣетъ заголовкомъ: כתב שלחה דון שלמון הלוי ש"מ (שהיק טמיא) מעיר לונדריש (?) להרב דון מאיר אלווריש וכו'.

[2]) Сатира Эфоди

Первую схватку открылъ молодой человѣкъ, бывшій ученикъ Павла, де-Санта Марія, Іошуа б.-Іосифъ ибнъ-Вивесъ (Лорки [1]), врачъ и знатокъ арабскаго языка. Въ смиренномъ посланіи, якобы отъ внимательнаго ученика къ уважаемому учителю, Іошуа Лорки нанесъ своему ренегату-учителю весьма чувствительные удары и, подъ видомъ сомнѣнія, поколебалъ твердыни христіанства. Въ началѣ онъ замѣчаетъ: крещеніе его любимаго учителя, къ которому была привязана его вѣрующая душа, изумила его болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, и заставила много думать; онъ можетъ допустить лишь четыре побудительныхъ мотива къ такому неожиданному шагу; Павелъ побужденъ былъ къ крещенію либо честолюбіемъ и жаждой богатства, блеска и удовлетворенія чувственныхъ потребностей, либо философскимъ сомнѣніемъ въ истинности іудаизма и вообще всякой религіи, вслѣдствіе чего онъ предпочелъ ту религію, которая предоставляетъ ему, по крайней мѣрѣ, свободу и безопасность, либо увѣренностью, что, вслѣдствіе недавнихъ суровыхъ преслѣдованій евреевъ въ Испаніи, гибель еврейскаго племени неизбѣжна, либо, наконецъ, убѣжденіемъ въ истинности христіанства, онъ потому позволяетъ себѣ изслѣдовать этотъ вопросъ и рѣшить, поскольку онъ знаетъ характеръ своего бывшаго учителя, какой изъ указанныхъ четырехъ мотивовъ побудилъ его къ его шагу; правда, онъ не можетъ думать, что честолюбіе и жажда блеска побудили его къ этому, ибо онъ вспоминаетъ еще, какъ Павелъ, уже окруженный богатствомъ и слугами, скучалъ по своемъ прежнемъ и скромномъ положеніи, простомъ образѣ жизни и занятіи наукой, и назвалъ свое тогдашнее высокое положеніе лишь мало удовлетворяющимъ, призрачнымъ счастьемъ; онъ не можетъ также допустить, чтобы Павелъ былъ обезпокоенъ философскими сомнѣніями, ибо до крещенія онъ добросовѣстно выполнялъ всѣ еврейскія предписанія, а изъ философіи принялъ только ея ядро, не противорѣчащее вѣрѣ, и отбросилъ ея вредную скорлупу; точно также онъ долженъ отвергнуть и мысль, будто кровавыя гоненія на евреевъ заставили его усомниться въ возможности дальнѣйшаго существованія еврейскаго племени, ибо ему, вѣдь, должно быть извѣстно, что среди христіанъ живетъ лишь меньшинство евреевъ, а большая ихъ часть пребываетъ въ Азіи, гдѣ пользуется извѣстной самостоятельностью, такъ что, если бы Богу было угодно предать уничтоженію обиженныхъ въ христіанскихъ странахъ, еврейскій народъ отъ этого еще не исчезъ бы съ лица земли; поэтому ему остается только, продолжаетъ Іошуа Лорки, допустить, что Павелъ глубоко продумалъ христіанскія догмы и нашелъ ихъ истинными; онъ про-

[1]) Посланіе Лорки къ Павлу напечатано въ сборникѣ Dibre Chachamim Эліезера Ашкенази изъ Туниса, стр. 31.

ситъ его поэтому передать ему свои убѣжденія и разсѣять его сомнѣнія въ истинности христіанства.

Въ дальнѣйшемъ Лорки излагаетъ свои доводы противъ христіанскаго вѣроученія, которые большей частью весьма мѣтки. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что вмѣсто всеобщаго распространенія богопознанія и вѣчнаго мира, которые пророки связывали съ пришествіемъ Мессіи, на землѣ господствуютъ лишь невѣжество и постоянныя войны, которыя даже участились послѣ пришествія Іисуса. Какъ же можетъ быть, чтобъ Іисусъ и былъ ожидаемый Мессія? Какъ могъ онъ, въ качествѣ Мессіи, упразднить законъ іудаизма? И если онъ даже допуститъ мессіанство Іисуса, рожденіе отъ дѣвы, воскресеніе и всѣ эти непостижимыя чудеса, то онъ все же не можетъ примириться съ очеловѣченіемъ Бога, ибо это противорѣчитъ всякому просвѣтленному понятію о Богѣ. Его мучаютъ также и иныя сомнѣнія въ истинности христіанскихъ догмъ, которыя онъ, однако, не осмѣливается изложить письменно. Въ заключеніе, Іошуа Лорки предлагаетъ ему глубокомысленную дилемму для разрѣшенія. Обязанъ-ли всякій, родившійся и воспитанный въ извѣстной вѣрѣ, изслѣдовать и другія религіи, которыя учатъ, быть можетъ, лучшему? Если это такъ, то что станетъ съ твердой вѣрой, такъ какъ совѣсть всегда будетъ безпокоиться, находится ли она на вѣрномъ пути къ блаженству? Если же намъ нельзя изслѣдовать и сравнивать, а нужно оставаться въ вѣрѣ, въ которой мы воспитаны, тогда необходима увѣренность, что блаженство можно достигнуть именно на этомъ пути, такъ сказать, родной вѣры; въ противномъ случаѣ, Богъ оказался бы несправедливымъ, если бы онъ съ одной стороны запрещалъ изслѣдованіе, а съ другой доставилъ бы блаженство приверженцамъ одной опредѣленной религіи. Въ концѣ Лорки со смиренностью ученика проситъ своего учителя - ренегата разъяснить ему всѣ его вопросы и сомнѣнія. Каждое предложеніе въ этомъ посланіи было уколомъ для врага евреевъ, новохристіанина Павла.

Павелъ отвѣтилъ на это посланіе; но по отвѣту видно, что онъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ и хотѣлъ уклониться отъ преслѣдовавшихъ его вопросовъ. Онъ извинялся, что не въ состояніи выражаться на еврейскомъ языкѣ съ прежней ясностью, такъ какъ, занимаясь въ послѣднее время иными предметами, онъ нѣсколько отвыкъ отъ этого нарѣчія. Все, что онъ дальше говоритъ, указываетъ либо на неясность ума, либо на ханжество. Одно только можно усмотрѣть изъ его краткаго отвѣта, что каждый еврей долженъ объявить себя христіаниномъ, а, въ крайнемъ случаѣ, его нужно принудить къ этому. Онъ подписалъ посланіе слѣдующими словами: тотъ, кто подъ именемъ Соломона Леви неправильно позналъ

Бога, но какъ Павелъ де Бургосъ научился почитать Его истиннымъ образомъ [1]).

Философскій мыслитель Хасдай Крескасъ тоже выступилъ мужественнымъ борцомъ за вѣру своихъ предковъ. Онъ составилъ [около 1396 г.] полемическую статью (Tratado) о вѣрованіяхъ христіанства, которыя онъ разсматриваетъ съ философской точки зрѣнія, доказывая ихъ несостоятельность. Это сочиненіе предназначалось больше для христіанъ, чѣмъ для евреевъ, и было написано по настояніямъ нѣкоторыхъ знатныхъ христіанъ, съ которыми Хасдай находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Поэтому онъ написалъ его не на еврейскомъ, а на испанскомъ языкѣ, которымъ онъ также прекрасно владѣлъ, и въ спокойномъ, умѣренномъ тонѣ. Хасдай Крескасъ доказываетъ тамъ непостижимость ученія о грѣхопаденіи, искупленіи, троицѣ, воплощеніи, рожденіи отъ дѣвы и причастіи, и изслѣдовалъ вопросъ о цѣнности крещенія, появленіи Іисуса, а также объ отношеніи Новаго завѣта къ Ветхому съ такимъ безстрастіемъ, какъ будто онъ вовсе не зналъ, что все это жгучіе вопросы, изъ-за которыхъ могли вспыхнуть костры. Только изрѣдка пользовался онъ такими доказательствами, которыя онъ почерпнулъ изъ тогдашнихъ событій въ церкви. Христіанство выдаетъ себя, такъ говоритъ Крескасъ, за новое откровеніе, въ извѣстномъ смыслѣ дополняющее и улучшающее іудаизмъ. И вотъ это откровеніе, повидимому, настолько незначительно, что его одного не хватаетъ даже для устраненія столь продолжительнаго раскола въ церкви, и уже необходимо второе божественное откровеніе для разсѣянія губительныхъ заблужденій. Двое папъ и ихъ приверженцы забрасываютъ другъ друга буллами, проклинаютъ и осуждаютъ на адскія муки. Гдѣ же истина откровенія?

Глубоко врѣзалась и поранила острая стрѣла, пущенная въ христіанство и еврейскихъ новохристіанъ даровитымъ ученымъ, насильственно крещеннымъ, но затѣмъ снова перешедшимъ въ іудейство. Съ тѣхъ поръ, какъ іудаизмъ и христіанство борятся сочиненіями и диспутами, со стороны евреевъ не было выпущено такой острой сатиры, какъ опубликованная врачемъ, астрономомъ, историкомъ и филологомъ Профіатомъ Дураномъ, чье еврейское имя—Исаакъ б.-Моисей (родился въ Кордовѣ?), писательское же имя—Efodi (Ephodaeus[2]). Онъ оказался во время кровавыхъ преслѣдованій 1391 г. въ Каталоніи въ положеніи, вынуждавшемъ его для виду перейти въ христіанство. Вмѣстѣ съ нимъ подвергся крещенію и его другъ

[1]) Отвѣтъ Павла Іошуѣ Лорки напечатанъ въ сборникѣ Ozar Nechmad II стр. 5.

[2]) Знаменитая сатира: אגרת אל תהי כאבותיך Профіата Дурана, сокр. אני=אפוד פרופיט דוראן или אפודי, изд. впервые Исаакомъ Акришемъ въ Константинополѣ 1654.

Давидъ Энъ-Бонетъ Буэнъ-Гіорнъ [вѣроятно, сынъ астронома Якова Буэнъ-Гіорна Поэла]. Оба позже рѣшили отказаться отъ ненавистнаго имъ вѣроисповѣданія и переселиться въ Палестину, гдѣ они могли бы свободно исповѣдывать іудаизмъ и найти искупленіе за грѣхъ отпаденія. Послѣ того, какъ оба привели къ порядокъ свои дѣла, Профіатъ Дуранъ поѣхалъ въ портовой городъ южной Франціи, гдѣ и поджидалъ своего друга. Послѣдній, тѣмъ временемъ, встрѣтился съ ренегатомъ Соломономъ-Павломъ, который, быть можетъ, намѣренно посѣтилъ его и убѣдилъ остаться въ лонѣ христіанства.

Каково было изумленіе Профіата Дурана, когда онъ получилъ отъ Энъ Бонета письмо, въ коемъ тотъ съ большой хвастливостью излагаетъ свое христіанское исповѣданіе, призываетъ и Дурана остаться христіаниномъ и выражаетъ свое фанатическое преклоненіе передъ Павломъ де Санта-Марія, который тѣмъ временемъ попалъ въ милость у короля Кастиліи! Профіатъ Дуранъ не могъ молчать и въ отвѣтномъ письмѣ онъ далъ такую отповѣдь своему другу и еще больше Павлу, которая еще и по сей день не забыта. Это посланіе (выпущенное около 1396 г.) полно самой тонкой ироніи. Тонъ письма выдержанъ въ такомъ духѣ, какъ будто Профіатъ Дуранъ считаетъ своего друга правымъ во всемъ и укрѣпляетъ его въ намѣреніи остаться христіаниномъ. „Не будь такимъ, какъ твои родители“ (Al tehi ka-Avotecha)—таковъ постоянный припѣвъ посланія, и оно такъ удачно выдержано, что христіане приняли его (подъ заглавіемъ Alteca Boteca) за защиту христіанства [1]). Назвавъ для виду „вѣру отцовъ“ ошибочной, Профіатъ Дуранъ такъ ярко указалъ на слабыя стороны христіанскихъ догматовъ и таинствъ, что въ странахъ, гдѣ христіанство господствующая религія, трудно передать его содержаніе. Все, что здравый человѣческій разсудокъ, логическая послѣдовательность, философія и св. Писаніе могутъ возразить противъ христіанскаго вѣроученія,—все это приводитъ Дуранъ въ боевомъ порядкѣ противъ своего соблазненнаго друга, но, повидимому, не съ цѣлью переубѣдить его, а напротивъ, еще болѣе укрѣпить его въ католической вѣрѣ. Часть сатиры Эфоди направлена противъ врага евреевъ, Павла де Санта-Марія, превозношеніемъ коего было полно посланіе Энъ-Бонета. „По твоему мнѣнію, онъ настолько выдвинется, что станетъ папой; но ты забылъ сообщить мнѣ, пойдетъ ли онъ въ Римъ или останется въ Авиньонѣ“; это намекъ на церковный споръ между двумя папами. „Ты хвалишь его за то, что онъ постарался освободить еврейскихъ женщинъ и дѣтей отъ ношенія значковъ; принеси эту радостную вѣсть женщинамъ и дѣтямъ; мнѣ же сообщено, что онъ проповѣдуетъ гоненія на евреевъ и замолчалъ только

[1]) Предисловіе Акриша къ упомянутой сатирѣ.

лишь по настоянію кардинала Пампелуны и другихъ. Ты полагаешь, что твой учитель, Павелъ, скоро займетъ мѣсто епископа или даже одѣнетъ шапку кардинала; радуйся этому; тогда и ты достигнешь почестей, станешь священникомъ или левитомъ". Только къ концу Профіатъ Дуранъ оставляетъ иронію и пишетъ серьезно: „прошу своего бывшаго друга, въ качествѣ христіанина, не носить имени своего высокоуважаемаго отца; ибо, если бы послѣдній былъ въ живыхъ, онъ предпочелъ бы вовсе не имѣть сына, чѣмъ имѣть сыномъ отщепенца; теперь его душа въ иномъ мірѣ скорбитъ о ренегатствѣ своего сына". Это сатирическое посланіе должно было служить летучимъ листкомъ и было распространено. Авторъ послалъ его не только своему бывшему другу, но и верховному равину и лейбъ-медику короля Кастиліи, дону Меиру Алгуадецу. Оно произвело такое сильное впечатлѣніе, что духовенство, послѣ того какъ оно замѣтило сатирическій характеръ посланія, разыскивало его и сжигало [1]). Профіатъ Дуранъ составилъ, по порученію Хасдая Крескаса, еще одно политическое сочиненіе [2]), но уже не въ сатирическомъ духѣ, а въ спокойномъ тонѣ историческаго изслѣдованія. Хорошо знакомый съ Новымъ завѣтомъ и церковной литературой, онъ доказывалъ: христіанство съ теченіемъ времени выродилось; Іисусъ вовсе не выдавалъ себя ни за Бога, ни за часть Божества; онъ даже не хотѣлъ создавать новой религіи; лишь послѣдователи его, не понявъ его намѣреній, превратили его въ Бога. Профіатъ Дуранъ оригинально освѣщаетъ нѣкоторые пункты христіанскаго вѣроученія.

Павелъ изъ Бургоса, покровительствуемый и поддерживаемый антипапой, Бенедиктомъ XIII въ Авиньонѣ, возвышался между тѣмъ все болѣе и болѣе, сталъ епископомъ Картагены, канцлеромъ Кастиліи и тайнымъ совѣтникомъ короля Донъ-Генриха III. Однако его злой волѣ не удалось настроить короля, Кастиліи враждебно къ евреямъ и удалить ихъ отъ придворныхъ должностей. Донъ-Генрихъ имѣлъ двухъ лейбъ-медиковъ, которымъ онъ особенно довѣрялъ. Одного изъ нихъ, дона Меира Алгуадеца, астронома и знатока философіи, онъ назначилъ верховнымъ равиномъ надъ всѣми кастильскими общинами. Онъ всегда былъ въ свитѣ короля. Его прежнимъ лейбъ-медикомъ былъ донъ Моисей Царцалъ (Çarçal), вѣроятно, сынъ дона Авраама Царцала, который пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ Донъ-Педро (т. VIII), воспѣлъ въ полнозвучныхъ испанскихъ стихахъ долгожданное рожденіе престолонаслѣдника, позаимствовалъ въ ново-еврейской поэзіи все богатство ея красокъ для прославленія новорожденнаго инфанта и возвѣщалъ соединеніе всѣхъ государствъ пиренейскаго полуострова подъ его скипетромъ. Затишье между двумя свирѣпыми бурями, наступившее для испанскихъ евреевъ въ царствованіе Донъ-

[1]) Т. же. [2]) כלמת הגוים.

Генриха III, благопріятствовало появленію нѣсколькихъ литературныхъ запоздалыхъ ростковъ. Послѣдніе не имѣютъ большого значенія; ихъ цѣнность лишь въ томъ, что они сохранили сокровища благопріятныхъ временъ и не дали имъ перейти въ забвеніе. Профіатъ Дуранъ (совершенно неизвѣстно, какъ ему удалось, несмотря на свое крещеніе, остаться въ Испаніи или Перпиньянѣ) написалъ коментарій къ философскому сочиненію Маймонида, а также ко многимъ сочиненіямъ Ибнъ-Эзры, написалъ математическое сочиненіе, составилъ календарныя вычисленія (Cheschеb-Efod) и собралъ въ одномъ историческомъ сочиненіи всѣ свѣдѣнія о гоненіяхъ, которымъ подвергались евреи со времени ихъ разсѣянія. Его лучшей работой является еврейская грамматика (Maasze Efod, сост. въ 1403 г.), въ коей онъ сопоставилъ результаты прежнихъ изслѣдователей, исправилъ ихъ ошибки и даже сдѣлалъ попытки установить теорію еврейскаго синтаксиса. При этомъ онъ сѣтуетъ на неизлечимую болѣзнь времени, состоявшую въ одностороннемъ изученіи Талмуда и кабалистики, которое совершенно вытѣснило и обезцѣнило толкованіе Библіи и изслѣдованіе священнаго языка.

Далеко не заурядное произведеніе оставилъ Хасдай Крескасъ, стоя уже на краю могилы, разбитый гоненіями. Онъ былъ глубокій и всеобъемлющій мыслитель, который не терялся въ частностяхъ, а стремился охватить цѣлое. Уже одинъ его планъ написать сочиненіе по образцу Маймонида о всѣхъ сторонахъ іудаизма, изслѣдовать мысли и законы, которые составляютъ еврейское ученіе, снова связать частное съ общимъ, которыя съ теченіемъ времени распались, обнаруживаетъ не только его необыкновенную ученость, но еще больше ясность его ума. Это сочиненіе должно было быть одновременно и руководящей книгой для изученія Талмуда, и настольной книгой для практической жизни. Смерть, повидимому, помѣшала ему выполнить его грандіозную работу; онъ успѣлъ только разработать философскую часть или введеніе къ ней [1]). Въ этомъ введеніи Хасдай Крескасъ освѣщаетъ съ одной стороны принципы религіи вообще: существованіе Бога, божественное всевѣдѣніе, провидѣніе, свободу воли человѣка, цѣль вселенной, а съ другой стороны основныя истины іудаизма: ученіе о сотвореніи міра, безсмертіи и Мессіи. Хасдай, однако, руководился больше религіозной, чѣмъ философской потребностью. Ему важно было не столько убѣжденіе въ томъ, что основныя ученія іудаизма гармонируютъ съ философіей (что составляло главное стремленіе Маймонида, Герсонида и другихъ), сколько доказательство, что первыя нисколько не затронуты и тѣмъ менѣе потрясены послѣдней. Аристотелево-средневѣко-

[1]) Подъ заглавіемъ אור ה׳, впервые изд. въ Ферарѣ 1556 г., а потомъ въ Вѣнѣ 1860.

вая философія уже не импонировала ему такъ сильно, какъ его предшественникамъ, она потеряла для него многое изъ своего ореола, ибо его ясный умъ глубже другихъ видѣлъ ея слабости. Мужественной рукой онъ вырвалъ опоры могучаго идейнаго зданія [1]), возведеннаго Маймонидомъ на аристотелевомъ фундаментѣ для доказательства существованія Бога и его отношенія къ вселенной. Хорошо знакомый съ идейнымъ аппаратомъ схоластической философіи, онъ нападалъ на нее, нанося чувствительные удары.

Въ то время, какъ современная ему философія сбилась совершенно съ пути, не находя выхода, іудаизмъ стоялъ въ его глазахъ на своемъ прежнемъ неизмѣнномъ основаніи, и онъ пытался обнаружить несостоятельность всѣхъ нападковъ и доводовъ первой противъ послѣдняго. Философы религіи выбивались изъ силъ, чтобы только лишь спасти божественное всевѣдѣніе, ограничить его существеннымъ, постояннымъ и всеобщимъ. Хасдай Крескасъ отвергнулъ эту нерѣшительность и доказалъ, что всевѣдѣніе охватываетъ также частное и возможное [2]). Отсюда вытекало для него провидѣніе, которое простирается не только на роды, но и на отдѣльныя существа [3]). Допущеніе неограниченнаго божественнаго всевѣдѣнія повело Хасдая Крескаса къ слѣдующему смѣлому утвержденію: человѣкъ не совсѣмъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, все вытекаетъ съ необходимостью изъ опредѣленной причины; всякая причина, вплоть до первой, безошибочно опредѣляетъ наступленіе того или другого состоянія; воля человѣка слѣдуетъ не слѣпому выбору, а опредѣляется цѣлой цѣпью предшествовавшихъ причинъ и дѣйствій. Но если воля не свободна, то какъ могутъ существовать награды и наказанія? На это Хасдай Крескасъ отвѣчаетъ: награда и наказаніе даются не за *поступки*, а за *убѣжденія;* кто творитъ благо (хотя по необходимости) съ радостью въ сердцѣ, заслуживаетъ награжденія, кто же охотно творитъ зло, долженъ подвергнуться наказанію [4]).

Высшее благо, къ коему человѣкъ долженъ стремиться и конечная цѣль творенія есть духовное совершенство человѣка или вѣчная жизнь въ блаженствѣ. Но послѣднее не достигается, какъ философы думаютъ, путемъ умственнаго воспринимапія теоретическихъ и метафизическихъ истинъ, а единственно только *дѣятельной любовью къ Богу*. Въ этомъ сущность всякой религіи и въ особенности іудаизма [5]). Въ этомъ смыслѣ можно съ правомъ утверждать, что міръ сотворенъ ради Торы, ибо послѣдняя своими идеями и предписаніями хочетъ вызвать настроенія и поступки, чѣмъ способствуетъ вѣчной жизни [6]).

[1]) Въ томъ же сочин. Or Adonai I. 2, I—20.
[2]) Т. же II, I. [3]) Т. же. [4]) Т. же II. 2, 5
[5]) Т. же II. 6. 1. [6]) Т. же II, 6. 2 5.

Хасдай Крескасъ, который впервые отмѣтилъ разницу между общей религіей и особой формой религіи, іудаизмомъ и христіанствомъ, выставилъ, въ отличіе отъ Маймонида, всего лишь *восемь* символовъ вѣры, характеризующихъ іудаизмъ. Противъ тринадцати символовъ Маймонида онъ съ правомъ возразилъ, что ихъ либо слишкомъ много, либо слишкомъ мало, ибо въ нихъ перепутаны и не строго отдѣлены *основная истина всякой религіи* и *ученія іудейской вѣры* [1]). Восемь символовъ іудаизма таковы, что безъ нихъ, правда, мыслима религія вообще, но отрицающій ихъ не принадлежитъ болѣе къ іудаизму, онъ—еретикъ. Эти существенныя ученія суть: сотвореніе міра путемъ свободнаго волеваго акта Бога въ опредѣленное время; безсмертіе души; воздающая справедливость Бога; воскресеніе мертвыхъ въ опредѣленное время; неизмѣнность Торы; превосходство пророчества Моисея; ученіе о божественномъ возвѣщеніи черезъ первосвященника съ помощью уримъ и туммимъ и, наконецъ, надежда на Мессію [2]). Какъ Хасдай Крескасъ ни силился доказать важность всѣхъ этихъ символовъ вѣры, онъ все же не могъ прикрыть произвольности его допущеній. Онъ тутъ руководился болѣе Талмудомъ, чѣмъ строго логической послѣдовательностью. И въ защитѣ существованія демоновъ [3]) и вліянія заклинаній и магическихъ талисмановъ онъ тоже слишкомъ ревностно слѣдовалъ за Талмудомъ и школой Нахманида, въ которой онъ воспитался. Однако, его здравый смыслъ защитилъ его отъ дѣтскихъ глупостей кабалы, и онъ весьма сомнѣвался въ кабалистическомъ ученіи о переселеніи душъ [4]).

Кромѣ Профіата Дурана и Хасдая Крескаса, въ короткій промежутокъ времени между двумя кровавыми преслѣдованіями въ Испаніи, выдвинулся еще и кастильскій верховный раввинъ, донъ Меиръ Алгуадецъ, какъ философъ. Онъ не написалъ самостоятельной работы, а перевелъ (въ 1405 г. по просьбѣ Бенвенисти ибнъ-Лаби) ученіе о нравахъ (этику) Аристотеля на еврейскій языкъ и тѣмъ сдѣлалъ ее доступной для евреевъ, которые примѣняли ее въ жизни болѣе, чѣмъ греки, изъ среды коихъ она произошла, и болѣе, чѣмъ христіане, которые, обладая символами вѣры и церковными ученіями, мнили себя выше всякой морали.

Пока царствовалъ молодой, но болѣзненный монархъ королевства Кастиліи, Донъ Генрихъ III, евреи могли еще сносно жить. Какъ только этотъ король сошелъ въ могилу (конецъ 1406 г.), для евреевъ Кастиліи снова наступилъ несчастный поворотъ, предтеча скорбныхъ временъ. Престолонаслѣдникъ, Жуанъ II, достигъ едва двухлѣтняго возраста. Правленіе

[1]) Т. же III. Приложеніе.

[2]) Т. же большая ч. III отдѣла.

[3]) Т. же 5 и 6 изслѣдованія.

[4]) Т. же 8 изслѣдованіе.

за него вела королева-мать, *Каталина* (Екатерина) изъ Ланкастера, капризная, высокомѣрная, фанатичная молодая дама, которая мнила себя властительницей, на самомъ же дѣлѣ всегда находилась подъ властью своихъ фаворитокъ. Соправитель, инфантъ Донъ-*Фернандо* (позже король Арагоніи), хотя отъ природы умный и мягкій, подпалъ подъ вліяніе духовенства. Въ государственномъ совѣтѣ рядомъ съ нимъ сидѣлъ ренегатъ-раввинъ, похуже Елисея-Ахера, Соломонъ-Павелъ де Санта Марія, въ которомъ не только іудаизмъ вызывалъ ужасъ, но и евреи—отвращеніе. Король, Донъ-Генрихъ III, умирая, назначилъ его исполнителемъ своего завѣщанія и воспитателемъ престолонаслѣдника; такимъ образомъ Павелъ имѣлъ вліяніе въ совѣтѣ правителей. Хороши виды для евреевъ Кастиліи! Они скоро и почувствовали враждебный имъ духъ двора. Сперва хотѣли унизить знатныхъ евреевъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ придворными кругами и со знатными грандами, вытѣснить ихъ оттуда и напомнить имъ, что и они принадлежатъ къ презираемой кастѣ.

Отъ имени четырехлѣтняго короля былъ выпущенъ эдиктъ (25 октября 1408 г.), который привелъ въ исполненіе враждебные евреямъ параграфы законодательства Альфонса Мудраго (т. VIII). „Такъ какъ занятіе должностей евреями вредитъ христіанской вѣрѣ и вѣрующимъ“, то это запрещается на вѣчныя времена. Всякій еврей, который принимаетъ пожалованную ему дворяниномъ или городомъ должность, долженъ уплатить штрафъ, вдвое превышающій его доходъ; если же его состоянія не хватитъ для уплаты штрафа, то онъ совсѣмъ лишается имущества; кромѣ того подвергается пятидесяти ударамъ. Всякій христіанинъ, предоставляющій еврею должность, тоже подвергается денежному штрафу. Чтобы придать эдикту еще большую силу, установлено было, что всякій, доносящій о нарушеніи эдикта, а также судъ, осудившій за это еврея, долженъ получить по трети конфискованнаго имущества. Всѣмъ чиновникамъ было предписано всюду обнародовать этотъ указъ и слѣдить за его исполненіемъ. Тутъ сразу видна рука Павла де-Санта-Марія. Онъ хорошо зналъ сильныя и слабыя стороны испанскихъ евреевъ и разсчитывалъ, что знатные евреи, опасаясь потерять свое положеніе и свою должность, перейдутъ въ христіанство, а оставшіеся вѣрными вѣрѣ своихъ отцовъ, отрѣзанные отъ сношеній съ христіанскимъ обществомъ, лишенные права участія въ общественной жизни и предоставленные самимъ себѣ, подвергнутся презрѣнію и упадку.

Въ тоже время его ядовитая ненависть направилась и противъ бывшаго лейбъ-медика умершаго короля, *Меира Алгуадеца*. Имѣла ли королева-мать что-либо противъ него? Или ренегатъ Павелъ хотѣлъ его погубить, такъ какъ Меиръ Алгуадецъ былъ средоточіемъ всѣхъ тѣхъ элемен-

товъ, которые боролись противъ его плановъ и глубоко презирали его? Съ этой цѣлью былъ инсценированъ шумный процессъ. Когда королева-мать со своимъ коронованнымъ ребенкомъ была въ Сеговіи, нѣкоторые священники возвели тяжкое обвиненіе противъ одного еврея того города. Послѣдній будто купилъ у причетника просвиру, конечно, со святотатственными цѣлями; но она оказала такія страшныя чудеса, что покупатель, въ испугѣ и весь дрожа, доставилъ ее снова настоятелю монастыря. Былъ ли этотъ случай полностью вымышленъ или же былъ основанъ на какомъ-нибудь безобидномъ фактѣ, впослѣдствіи сознательно раздутомъ и превращенномъ въ тяжкое преступленіе,—какъ бы тамъ ни было, но епископъ, *Жуанъ Веласкезъ де Тордесиласъ*, придалъ этому дѣлу необычайную важность, приказалъ арестовать многихъ евреевъ, какъ соучастниковъ, въ ихъ числѣ и дона Меира Алгуадеца. Правительница, Каталина, возбудила уголовный процесъ. Алгуадецъ и другіе арестованные были пытаемы, и признали свою вину. Меиръ Алгуадецъ подъ пыткой сдѣлалъ, будто, еще одно признаніе что король, Донъ-Генрихъ III, погибъ отъ его руки. Хотя весь міръ зналъ, что монархъ съ молодыхъ лѣтъ хворалъ, донъ Меиръ, которому судьи подъ пыткой предложили вопросъ объ отравленіи короля, былъ казненъ самымъ свирѣпымъ образомъ; ему вырывали одинъ членъ за другимъ [1]). Та же судьба постигла и его сотоварищей по обвиненію. Не довольствуясь этимъ, епископъ Сеговіи обвинилъ нѣкоторыхъ евреевъ въ подкупѣ повара его, съ цѣлью его отравленія, за что обвиненные тоже поплатились жизнью. Синагога въ Сеговіи была къ тому времени превращена въ церковь.

Тревожное время, которое, собственно, было лишь тѣнью грядущихъ печальныхъ событій, породило мрачное появленіе новыхъ мессіанскихъ мечтаній. Они снова появились изъ среды мистиковъ. Кабала, которая, благодаря ловкому пріему провозглашенія Зогара священной книгой, распространялась все болѣе и болѣе, правда, не имѣла въ это время особенно даровитыхъ представителей, но за то имѣла очень подвижныхъ приверженцевъ. Три кабалиста особенно дѣятельно занимались распространеніемъ этого ученія: *Авраамъ* изъ *Гранады*, *Шемъ-товъ б.-Іосифъ* и *Моисей Ботарель*. Первый написалъ кабалистическое сочиненіе (между 1391 и 1409 г. [2]), смѣсь произвольныхъ и самыхъ вычурныхъ названій Бога и ангеловъ, забавныхъ перемѣщеній буквъ, знаковъ гласныхъ и удареній. Авраамъ изъ Гранады имѣлъ смѣлость утверждать, что всякій, кто не кабалистически познаетъ Бога, принадлежитъ къ числу маловѣрныхъ, грѣшитъ без-

[1]) Первоисточникъ свѣдѣній объ этомъ событіи есть Альфонсо де Спина въ его Fortalitium fidei въ самомъ концѣ.

[2]) ברית מנוחה. изд. въ Амстердамѣ 1643.

сознательно, и что на того Богъ не обращаетъ вниманія и не даруетъ ему особаго провидѣнія, какъ Онъ вообще предоставляетъ слѣпому случаю всѣхъ выродившихся и отступниковъ [1]). Далѣе онъ указываетъ, что отпаденіе многихъ образованныхъ евреевъ отъ своей вѣры объясняется въ конечномъ счетѣ ихъ гибельнымъ занятіемъ наукой и презрѣніемъ къ кабалѣ [2]). Съ другой стороны онъ видѣлъ въ гоненіяхъ 1391 г. и въ переходѣ въ христіанство многихъ видныхъ евреевъ предзнаменованіе месіанской эпохи, страданія, которыя должны ей предшествовать, и близость избавленія [3]). Шемъ-Товъ б.-Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ (ум. въ 1430 г.) прямо обвинялъ еврейскихъ философовъ, Маймонида, Герсонида и другихъ, въ томъ, что они завлекли народъ на путь ереси и невѣрія и потому являются настоящими виновниками вѣроотступничества многихъ въ эпоху тяжкихъ испытаній. Въ одномъ сочиненіи (Emunot [4]) онъ рѣзко напалъ на еврейскихъ мыслителей и на занятіе философіей и утверждалъ, что спасеніе Израиля лежитъ въ кабалѣ, которая, подобно древней еврейской традиціи, содержитъ лишь кристально-чистую истину. Вся его книга представляетъ собою длинную цѣпь тяжкихъ обвиненій противъ разумнаго мышленія въ области религіи и безпрерывное прославленіе кабалистическаго недомыслія.

Однако оба эти кабалиста, Авраамъ изъ Гранады и Шемъ-Товъ, были, хотя и ограниченные, но все же честные люди; совсѣмъ инымъ былъ Моисей Бонякъ Ботарель изъ Циснероса, который прямо таки разсчитывалъ на обманъ. Онъ написалъ сочиненіе для истолкованія загадочной «Книги творенія» (1409 г. [5]), предназначавшееся для маэстро Жуана, неосвѣдомленнаго въ кабалѣ. Въ этой книгѣ онъ, желая обосновать свои вздорныя утвержденія, приписалъ уважаемымъ авторитетамъ прежнихъ временъ кабалистическія изреченія и писанія или же просто придумывалъ имена мнимыхъ авторовъ мистическихъ книгъ. Въ качествѣ авторитетовъ въ пользу кабалистическихъ мечтаній онъ привелъ аморея р. Аши, гаоновъ Саадію и Гая, литургическаго поэта Калири, нѣкоего Натроная, главу школы Арона изъ Вавилоніи, причемъ увѣрялъ, что не лжетъ [6]); онъ вообще носился со своей скромностью [7]). Въ противоположность къ Шемъ-Тову, отвергавшему всякую философію, Ботарель заигрывалъ съ ней, превозносилъ Аристотеля, какъ мудреца, который, хотя и былъ язычникомъ, все же имѣлъ большее значеніе, чѣмъ пророкъ, упрекалъ своихъ современниковъ въ томъ, что они отвернулись отъ этой божественной науки, и утверждалъ, что философія и кабала имѣютъ одно и то же ученіе и расходятся только въ

[1]) Т. же, стр. 16. [2]) Т. же, стр. 14. [3]) Т. же, стр 15.
[4]) Sepher Emunot изд. въ Феррарѣ 1556.
[5]) Этотъ коментарій въ кн. Jezira изд. въ Мантуѣ 1562 г.
[6]) Т. же, стр. 34. [7]) Т. же предисловіе.

способѣ выраженія и въ формѣ; они связаны вмѣстѣ, какъ пламя съ углемъ [1]). Но все это пустыя слова. Моисей Ботарель не только не имѣлъ никакихъ познаній въ философіи, но не было у него и здраваго смысла. Это былъ ограниченный человѣкъ, вѣрившій въ чудодѣйственную силу амулетовъ и талисмановъ и хваставшійся умѣньемъ придумывать такія комбинаціи именъ [2]) Бога, которыя обладаютъ магическимъ дѣйствіемъ. Онъ научалъ искусству посредствомъ поста, омовеній, молитвъ и выкрикиваній именъ Бога и ангеловъ вызывать сновидѣнія, прорицающія будущее [3]). Онъ клялся своей душой въ томъ, что гаоны Саадія и Гай и даже Маймонидъ употребляли эти средства. Этотъ лгунъ, вѣроятно, былъ тѣмъ самымъ, который прежде выдавалъ себя за Мессію, помазанника пророка Ильи. Вслѣдствіе кровавыхъ гоненій, сердца были охвачены такимъ мрачнымъ настроеніемъ, что не мало евреевъ, въ томъ числѣ и философски образованный Хасдай Крескасъ, увѣровали въ фокусы Ботареля и высоко чтили его. Опираясь на своихъ вѣрующихъ приверженцевъ, вѣрный своему месіанскому призванію, Ботарель выдавалъ себя за главу великаго синедріона, обратился съ хвастливымъ и высокомѣрнымъ посланіемъ ко всѣмъ равинамъ Израиля, утверждая, что онъ въ состояніи освѣтить всѣ темныя мѣста и разсѣять всѣ сомнѣнія.

Какъ во времена вестготскихъ гоненій на евреевъ, которыя были вызваны королями и духовенствомъ, такъ и при повтореніи тѣхъ же сценъ, которыя на этотъ разъ исходили не отъ королей, но отъ еще болѣе жестокаго тирана, ослѣпленнаго народа, берберо-африканская прибрежная полоса, лежавшая насупротивъ Испаніи, явилась убѣжищемъ для гонимыхъ. Города сѣверной Африки: Алжиръ, Бугія, Константина, Миліана, Оранъ, Тенесъ, Тлемсенъ и другіе были населены евреями, спасшимися отъ рѣзни 1391 г., а также ново-христіанами, которые хотѣли отдѣлаться отъ ненавистнаго и навязаннаго имъ христіанства. Почти ежедневно туда прибывали новые пришельцы изъ всѣхъ частей Испаніи и Маіорки. Бѣглецы перенесли туда свои богатства, трудолюбіе, торговыя связи и интелигентность. Магометанскіе князья Берберіи, болѣе толерантные и гуманные, чѣмъ христіане, любезно приняли еврейскихъ бѣглецовъ, освободивъ ихъ даже отъ налога за въѣздъ въ страну. Сначала магометанское населеніе, правда, жаловалось на этотъ приростъ, такъ какъ оно опасалось вздорожанія жизненныхъ припасовъ. Когда же проницательный бей указалъ населенію на все безсердечіе и неосновательность жалобы, оно успокоилось и не ставило болѣе никакихъ препятствій переселенію евреевъ [4]). Небольшія еврейскія общины Берберіи, которыя образовались тутъ лѣтъ сто тому назадъ, послѣ

[1]) Т. же 24, 70. [2]) Т. же 34. [3]) Т. же 76.

[4]) Респонсы Исаака б.-Шешетъ № 66.

прекращенія гоненій со стороны алмогадовъ, получили, благодаря этому приросту, большое значеніе. Переселенцы изъ Испаніи руководили всѣми дѣлами общинъ.

Самый видный равинъ, Исаакъ бенъ-Шешетъ Барфатъ, спасшійся отъ преслѣдованій и поселившійся сперва въ Миліанѣ, а подъ конецъ въ Алжирѣ, былъ назначенъ королемъ Тлемсена верховнымъ равиномъ и судьей надъ всѣми общинами [1]). Ему помогъ въ этомъ одинъ изъ его почитателей, Саулъ Астрюкъ Когенъ, популярный врачъ, который вообще имѣлъ много заслугъ и не только оказывалъ медицинскую помощь безвозмездно, но и много жертвовалъ въ пользу магометанъ и евреевъ, не дѣлая между ними различія [2]). Королевскимъ указомъ было запрещено равинамъ совершать религіозныя и судебныя отправленія безъ разрѣшенія верховнаго равина, бенъ-Шешета. Какъ въ Испаніи, такъ и въ Алжирѣ его забрасывали запросами для окончательнаго разрѣшенія спорныхъ пунктовъ [3]). И тутъ онъ дѣйствовалъ съ религіозной добросовѣстностью и безпартійностью, стремясь отвратить несправедливость. Въ его общинѣ былъ одинъ злобный членъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у властей; онъ, изъ личныхъ выгодъ, хотѣлъ воспрепятствовать все возраставшему переселенію марановъ. Этотъ безсердечный человѣкъ сумѣлъ уговорить кади взимать дублонъ съ каждаго еврейскаго переселенца. Когда и это средство не помогло и, несмотря на него, бѣглецы толпами стекались сюда, онъ же, наигрывая на своекорыстіи общинъ, убѣдилъ ихъ воспротивиться приросту единовѣрцевъ. Пятьдесятъ пять перешедшихъ снова въ іудейство новохристіанъ изъ Валенсіи, Барцелоны и Маіорки ожидали въ гавани Алжира пропуска въ страну, и имъ было въ этомъ отказано самими же евреями, что было равносильно выдачѣ ихъ въ руки христіанскихъ палачей. Такого безсердечія, такой несправедливости не могъ стерпѣть верховный равинъ. Онъ предалъ отлученію тѣхъ бездушныхъ евреевъ, которые отказали въ гостепріимствѣ маранамъ. Никогда еще отлученіе не было такъ справедливо, какъ въ данномъ случаѣ. Противники, правда, дѣлали всевозможныя усилія, чтобы освободиться отъ наложенной на нихъ кары и настоять на своемъ, но, благодаря энергичному выступленію бенъ-Шешета, его приверженцы, Астрюкъ Когенъ и его братъ, постарались добиться для ожидавшихъ марановъ права на въѣздъ въ страну [4]). Бенъ-Шешетъ Барфатъ дѣйствовалъ въ Африкѣ много лѣтъ на благо своихъ единовѣрцевъ и на пользу религіи и нравственности. Однако у него появился сильный противникъ въ лицѣ молодого равина, переселившагося изъ Маіорки и быв-

---

[1]) Т. же, сравни респонсы Симона б.-Цемахъ Дурана (תשב״ץ) I № 158.

[2]) Респонсы Исаака б.-Шешетъ № 60.

[3]) Т. же № 5, 52, 60. [4]) Т. же № 60.

шаго выдающимся знатокомъ Талмуда, Симона б.-Цемахъ Дурана [1]), что омрачило его старость; въ своей общинѣ онъ, какъ передаютъ, былъ нелюбимъ до самой своей кончины [2]).

Послѣ смерти бенъ-Шешета, этотъ Симонъ Дуранъ (род. въ 1361 г., ум. въ 1444 г.), спасшійся отъ рѣзни въ Пальмѣ, былъ назначенъ его преемникомъ. Алжирская община выбрала его, однако, подъ условіемъ, чтобы онъ не добивался утвержденія королемъ, ибо его предшественникъ, опираясь на утвержденіе, дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно. Симонъ Дуранъ, который былъ свѣдущъ также въ математикѣ и медицинѣ, былъ первымъ равиномъ, получавшимъ жалованье отъ общины, чему до тѣхъ поръ не было примѣра въ испанско-еврейскихъ общинахъ. Онъ считалъ нужнымъ слѣдующимъ образомъ оправдаться въ этомъ предъ общественнымъ мнѣніемъ: онъ получаетъ жалованье изъ нужды, такъ какъ часть своего значительнаго состоянія онъ потерялъ во время погрома, а оставшееся имущество онъ потратилъ на подкупы, чтобы не быть выданнымъ, въ качествѣ марана, въ руки доминиканскаго Молоха; онъ пріѣхалъ въ Алжиръ почти нищимъ, а врачебное искусство, отъ котораго онъ разсчитывалъ получать средства на жизнь, не приноситъ ему ничего, такъ какъ врачебное сословіе не пользуется уваженіемъ среди берберовъ. Позже Симонъ Дуранъ пытался на основаніи Талмуда оправдаться въ полученіи жалованія за свои равинскія обязанности [3]). Были ли князья церкви, епископы и абаты тоже такъ добросовѣстны?

Замѣчательно, что, несмотря на господствовавшую въ средніе вѣка склонность съ одной стороны создать строгій духовный режимъ, а съ другой слѣпо подчиняться авторитету, въ средѣ еврейства никакъ не удавалось основать верховный равинатъ, который бы господствовалъ надъ общинами и равинами. Гдѣ это имѣло мѣсто, какъ въ Англіи, а въ концѣ также въ Испаніи и Португаліи, тамъ верховные равины (archipresbyter, Rabi mor) были буквально навязаны государствомъ общинамъ въ цѣляхъ взиманія государственныхъ поборовъ. Кромѣ того общины въ этихъ странахъ были такъ малы, что, быть можетъ, наряду съ равиномъ столицы не было столь же крупной и равнозначущей величины, такъ что подчиненіе было само собою понятно. Напротивъ, въ болѣе обширныхъ государствахъ, при большей густотѣ еврейскихъ общинъ, послѣднія не чувствовали никакой охоты разъ на всегда подчиниться стоявшему внѣ ихъ равину.

Императоръ Рупрехтъ Пфальцскій сдѣлалъ въ это время попытку создать нѣмецкій верховный равинатъ. Этотъ умный и мягкій монархъ,

[1]) Т. же 61. [2]) Т. же № 60, 101.

[3]) Его респонсы I № 148 и его коментарій къ Abot IV. 5, изд. Іеллинека стр. 64.

который, посредствомъ заговора противъ своего предшественника, Венцеля, добился императорскаго вѣнца (бывшаго въ сущности терновымъ вѣнцомъ), поплатился за свое возстаніе противъ легитимнаго правителя тѣмъ, что его не признала половина Германіи и что сами его приверженцы устроили заговоръ противъ него. Къ евреямъ онъ не былъ особенно снисходителенъ, но во всякомъ случаѣ и не тѣмъ варваромъ, что его предшественникъ. Онъ тоже разсматривалъ не только имущество, но и жизнь евреевъ, какъ свою собственность, и съ одной стороны подтвердилъ несправедливый указъ Венцеля о погашеніи долговъ, зато съ другой стороны даровалъ многимъ общинамъ освободительныя грамоты—все въ полной зависимости отъ того, что для него въ данный моментъ было выгоднѣе. Такъ какъ многіе города и князья возстали противъ него, не желая его признавать, а еврейскіе налоги, подъ названіемъ «güldner Opferpfennig» и другими наименованіями, не поступали, то онъ назначилъ, чему не было примѣра въ Германіи, двухъ евреевъ сборщиками: сперва Илію изъ Майнца и Исаака изъ Опенгейма, а двумя годами позже Меира изъ Кроненберга (въ концѣ 1403 г.), въ надеждѣ, что единоплеменники и единовѣрцы, лично къ тому же заинтересованные въ этомъ, смогутъ скорѣй увеличить притокъ его доходовъ. Средствомъ, къ которому должны были прибѣгать еврейскіе сборщики, чтобы сломить сопротивленіе отдѣльныхъ евреевъ и поддерживающихъ ихъ князей и городскихъ властей, было отлученіе. Строптивыхъ и неисправныхъ должно было исключить изъ общинъ. Для этого необходимо было согласіе равиновъ, такъ какъ безъ нихъ нельзя было произнести отлученіе. Но послѣдніе не всегда были склонны поддерживать интересы императора вопреки волѣ мѣстныхъ властей, и вотъ Рупрехтъ составилъ планъ созданія верховнаго равината (3 мая 1407 г.). Верховный равинъ или «глава надъ всѣми равинами, евреями и еврейками германскаго государства» долженъ былъ, путемъ отлученій, приглашеній и иныхъ средствъ, охранять права императора на его еврейскихъ подданныхъ, въ особенности же платежъ ими налога. Императоръ Рупрехтъ предоставилъ эту честь или, вѣрнѣе, бремя равину *Израилю* (вѣроятно изъ *Кремса*, написавшему дополненія и примѣчанія къ сочиненію Ашери). Императоръ далъ этому Израилю свидѣтельство въ томъ, «что онъ испытанный и старый знатокъ еврейской науки, пользуется въ еврействѣ прекрасной репутаціей, всегда былъ справедливъ къ евреямъ и, какъ ученый и честный еврей, никогда не подвергалъ еврея или еврейку отлученію». Чтобы не возбудить недовольства со стороны курфирстовъ и властей тѣхъ городовъ, въ которыхъ жили евреи, тѣмъ, что онъ предоставилъ верховному равину права надъ находящимися подъ ихъ властью общинами, Рупрехтъ увѣрялъ ихъ, что дѣлаетъ это въ ихъ же интересахъ, ибо часто случается,

что негодные люди присваиваютъ себѣ равинское званіе и подвергаютъ отлученію отдѣльныхъ членовъ общины съ цѣлью вымогательства денегъ, вслѣдствіе чего не одинъ уже обѣднѣлъ или былъ вынужденъ эмигрировать. Этому необходимо воспрепятствовать назначеніемъ верховнаго равина надъ еврействомъ всего государства, ибо тогда никакому иному равину не будетъ позволено предавать кого-нибудь отлученію [1]).

Но нѣмецкіе равины далеко не были склонны подчиняться новоназначенному императорскому верховному равину. Они внушали общинамъ подозрѣніе къ *Израилю,* который, принявъ религіозныя функціи отъ христіанской государственной власти, тѣмъ самымъ оскорбилъ еврейство. Они распускали слухъ, что онъ будетъ высоко оцѣнивать платежеспособность членовъ общины и будетъ отбирать у нихъ деньги для того, чтобы сохранить императорскую милость. Со многихъ сторонъ поступили въ Нюрнбергъ посланія, въ коихъ выражались требованія предать новоназначеннаго верховнаго равина отлученію, если онъ останется на своемъ посту. Его упрекали въ томъ, что онъ «перескочилъ» черезъ головы евреевъ. Императоръ Рупрехтъ, до котораго дошли жалобы на это сопротивленіе, былъ, конечно, весьма разгнѣванъ подобной дерзостью своихъ подданныхъ и выпустилъ посланіе (23 ноября 1407 г.) ко всѣмъ евреямъ государства, въ которомъ предписывалъ «не признавать главою или равиномъ никого, кромѣ Израиля», угрожая строптивымъ высокимъ штрафомъ въ двадцать марокъ золотомъ. Однако, свою угрозу онъ не былъ въ состояніи привести въ исполненіе. Какъ разъ въ томъ же году князья и города примкнули къ направленному противъ него союзу; руки его были связаны со всѣхъ сторонъ и въ послѣдніе три года своего правленія (1407—1410) онъ былъ императоромъ только по имени. Какъ низко пала власть германскаго императора, если уже евреи, которыхъ пугалъ и падающій листъ, не страшились угрозъ императора Рупрехта! Верховный нѣмецкій равинатъ умеръ сейчасъ же послѣ рожденія, а носитель его былъ наказанъ современниками упорнымъ молчаніемъ о немъ и его избраніи.

[1]) Этотъ документъ Рупрехта сообщ. Фишеромъ въ de statu et jurisdictione Judaeorum § 50 и Хмелемъ въ Regesta Ruperti regis, стр. 254.

ГЛАВА V.

Враждебный еврейству тріумвиратъ и продолжительный религіозный диспутъ въ Тортозѣ.

Іошуа Лорки Геронимо де Санта-фе. Виценте Фереръ и антипапа Бенедиктъ XIII. Рвеніе Ферера въ дѣлѣ обращенія въ свою вѣру. Законы кастильскаго двора, ставившіе евреевъ въ исключительное положеніе. Массовый переходъ евреевъ въ христіанство. Диспутъ въ Тортозѣ; еврейскіе депутаты донъ Видалъ, Іосифъ Альбо, Зерахія Саладинъ, Матаѳія Іицгари. Программа диспута. Злобное поведеніе Геронимо и обвиненіе противъ Талмуда. Расколъ среди еврейскихъ участниковъ диспута. Була о сожженіи Талмуда; ограниченія и насильственныя проповѣди. Конецъ папы Бенедикта. Папа Мартинъ и императоръ Сигизмундъ и ихъ отношеніе къ евреямъ. Благопріятная була папы Мартина.

(1411—1420).

Евреи въ Испаніи имѣли враговъ въ лицѣ обѣднѣвшихъ и облѣнившихся гражданъ и дворянъ, которые смотрѣли на благосостояніе евреевъ, какъ на совершенное у нихъ хищеніе; въ лицѣ шумливаго духовенства, прикрывавшаго свою безнравственность плащемъ ревностнаго обращенія въ свою вѣру, и въ лицѣ новокрещеныхъ выскочекъ, которые ненавистью къ своимъ соплеменникамъ хотѣли заставить забыть объ ихъ происхожденіи. Вдобавокъ въ началѣ XV вѣка выступили одновременно три лица, которыхъ можно отнести къ числу самыхъ ожесточенныхъ и злобныхъ враговъ еврейства: крещеный еврей, доминиканскій монахъ и всѣми покинутый папа. Эта тройка: Іошуа Лорки, Фрай Виценте Фереръ и Педро де Луна или антипапа Бенедиктъ XIII дала роковую завязку великой трагедіи испанскаго еврейства. Іошуа Лорки, задавшій своему учителю, Павлу де Санта-Марія, затруднившіе послѣдняго вопросы о цѣнности ученія Христа, повидимому, только съ цѣлью сдѣлать свой переходъ въ христіанство еще болѣе выгоднымъ, и послѣ крещенія названный Геронимо де-Санта-фе, сталъ лейбъ-медикомъ авиньонскаго папы, Бенедикта, и, подобно своему учителю, считалъ задачей своей жизни либо всевозможными средствами обратить своихъ бывшихъ единовѣрцевъ въ христіанство, либо всячески поносить ихъ. Виценте Фереръ, котораго церковь провозгласила святымъ, принадлежалъ къ тѣмъ мрачнымъ людямъ, которые смотрятъ на землю, какъ на юдоль плача и охотно превратили бы ее въ эту юдоль. Впрочемъ, онъ казался святымъ въ сравненіи съ тогдашнимъ свѣтскимъ духовенствомъ и монахами. Онъ не былъ порочень, не стремился къ золоту и блеску, былъ проникнутъ смиреніемъ и весьма серьезно относился къ своему призванію. Но онъ былъ охваченъ страстью къ обращенію. Полная испорченность и разложеніе всего христіанскаго

міра, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, предвѣщала, по его мнѣнію, близость конца міра, который можетъ быть спасенъ только тѣмъ, что всѣ люди примутъ христіанскую вѣру и будутъ вести монашескую жизнь. Виценте Фереръ возобновилъ поэтому старыя звѣрства самобичеванія, странствовалъ повсюду, окруженный толпой слѣпо вѣрующихъ, ежедневно бичевалъ себя по обнаженному тѣлу, воспламенялъ толпу къ тѣмъ же упражненіямъ и думалъ принести этимъ спасеніе міру. Обладая большимъ краснорѣчіемъ и симпатичнымъ голосомъ, этотъ доминиканскій монахъ пріобрѣлъ большую власть надъ многими сердцами. Когда онъ, рыдая, разсказывалъ о страданіяхъ Іисуса или рисовалъ близкій конецъ міра, его слова доводили слушателей до сильныхъ рыданій, и могъ увлечь ихъ за собой на всякое дѣло, хорошее и дурное. Онъ отказался отъ высокаго сана при дворѣ папы и сдѣлался простымъ монахомъ. Это обстоятельство особенно способствовало привлеченію къ нему многочисленныхъ почитателей и приверженцевъ, ибо такой отказъ отъ почетной должности и источника доходовъ со стороны духовнаго лица былъ въ то время невиданнымъ явленіемъ. Но Фереръ злоупотреблялъ своими природными дарами, своими голосовыми средствами и смиреніемъ души, благодаря которымъ онъ сдѣлался властителемъ сердецъ, и направлялъ ихъ на кровавыя насилія. Въ своихъ фанатическихъ рѣчахъ онъ громилъ не только евреевъ и еретиковъ, но даже и своего благодѣтеля, которымъ онъ былъ всѣмъ обязанъ. Поведеніе этого монаха всего ярче показываетъ всю глубину паденія церкви. Что церковь раздиралась тогда тремя папами, изъ коихъ каждый выдавалъ себя за намѣстника Божія и преслѣдовалъ словомъ и дѣломъ своихъ противниковъ, и что одинъ изъ папъ, Іоанъ XXIII (1410—1415), исчерпалъ всѣ пороки и смертные грѣхи, былъ пиратомъ, палачемъ, развратникомъ и торговцемъ разрѣшительныхъ грамотъ,—все это не характеризуетъ вырожденіе столь ярко, какъ то, что такой кристальночистый и нравственный человѣкъ, какъ Виценте Фереръ, носился съ мыслями, которыя и высказывалъ въ проповѣдяхъ, объ убіеніи всѣхъ тѣхъ, кто былъ несогласенъ съ его взглядами. Голубь превратился въ ядовитую змѣю, овца стала хищнымъ звѣремъ. Такая гниль коренилась не въ людяхъ, носителяхъ христіанской религіи, а въ самомъ ученіи.

Вмѣсто того, чтобы возвысить свой голосъ противъ недостатковъ церковныхъ учрежденій, какъ это сдѣлали Виклифъ и другіе реформаторы церкви, смиренный Фереръ все свое рвеніе направилъ противъ евреевъ, магометанъ и еретиковъ, которые, какъ отрицатели христіанства или какъ противники непогрѣшимости папы, были одинаково ненавистны ему. Рѣчью и перомъ онъ открылъ крестовый походъ противъ евреевъ. Сначала его рѣзкіе нападки были направлены противъ испанскихъ новохристіанъ, кото-

рые во время рѣзни 1391 г., хотя и перешли къ церкви, но большей частью такъ же тепло, какъ и прежде, исповѣдывали еврейство. Отчасти изъ боязни подвергнуться строгому наказанію за вѣроотступничество, а отчасти подъ вліяніемъ пламенныхъ и краснорѣчивыхъ словъ проповѣдника-монаха, многіе мараны раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, и Фереръ разсматривалъ это какъ великую побѣду церкви, какъ тріумфъ христіанской истины. Этотъ успѣхъ возбудилъ въ немъ надежды обратить въ свою вѣру всѣхъ евреевъ. Благодаря его вліянію на народъ, который почиталъ его за святого, Фереръ часто служилъ въ рукахъ королевы Испаніи орудіемъ для успокоенія разгоряченныхъ страстей и для умиротворенія народныхъ возстаній, вспыхивавшихъ во время безпорядковъ и гражданскихъ войнъ. Правительница Кастиліи, Дона Каталина пригласила однажды Ферера ко двору для проповѣди (декабрь 1411 г.). Его проповѣди произвели, какъ и всегда, глубокое и сильное впечатлѣніе. Ободренный предупредительнымъ къ нему отношеніемъ со стороны кастильской царствующей фамиліи, Фереръ испросилъ себѣ разрѣшеніе не только проповѣдывать въ синагогахъ и мечетяхъ, но и силой принуждать евреевъ къ выслушанію его капуцинскихъ проповѣдей. Прижавъ свитокъ Торы къ груди и держа въ рукѣ крестъ, сопутствуемый послушниками и копьеносцами, онъ «страшнымъ голосомъ» призывалъ евреевъ собраться всѣмъ подъ знаменемъ креста.

Какъ возвышенно-идеальна ни была дѣятельность Ферера, онъ все же прибѣгалъ къ насильственнымъ средствамъ для обращенія евреевъ въ христіанство. Онъ добивался у властителей Испаніи строгаго отдѣленія евреевъ отъ христіанъ, ибо сношенія послѣднихъ съ евреями и особенно съ ново-христіанами весьма вредны для ихъ вѣры [1]). Въ своихъ домогательствахъ онъ нашелъ весьма живой откликъ. По винѣ его и двухъ другихъ враговъ еврейства, на испанскихъ евреевъ посыпались такія несказанныя бѣдствія, что время отъ 1412—1414 г. можно считать однимъ изъ самыхъ печальныхъ во всей богатой страданіями еврейской исторіи. Скоро послѣ появленія Ферера при кастильскомъ дворѣ, правительница Дона Каталина, инфантъ донъ Фернандо и кромѣ того ренегатъ Павелъ Бургенсисъ де Санта Марія выпустили отъ имени несовершеннолѣтняго короля Жуана II эдиктъ, состоявшій изъ 24 статей (12 января 1412 г.) и имѣвшій цѣлью разорить евреевъ, оскорбить ихъ и опустить ихъ до самой презрѣнной ступени общественной лѣстницы. Они должны были жить только въ особыхъ еврейскихъ кварталахъ (Juderias), въ которыхъ должны были быть лишь одни ворота для входа и выхода; всякое нару-

[1]) О Вицентѣ Фererѣ см. монографію Гелера, изд. въ Берлинѣ 1830.

шеніе этой статьи влекло за собой потерю имущества и кромѣ того тѣлесное наказаніе. Они не должны были ни заниматься ремеслами, ни примѣнять врачебное искусство, ни вообще вступать въ торговыя сношенія съ христіанами. Само собой разумѣется, что они не вправѣ были имѣть христіанскую прислугу и занимать какія-нибудь должности. Они были лишены собственнаго судопроизводства, не только уголовнаго, которое у нихъ было уже раньше отнято, но и гражданскаго. Нѣкоторыя статьи эдикта опредѣляютъ особую одежду для евреевъ. Мужчины и женщины должны были носить длинныя платья, первые изъ грубаго сукна. Еврей, надѣвавшій туземный нарядъ или платье изъ болѣе тонкаго сукна, подвергался большому денежному штрафу, который, послѣ повторенія нарушенія, замѣнялся тѣлеснымъ наказаніемъ и конфискаціей имущества. Строжайше предписывалось ношеніе особыхъ еврейскихъ значковъ краснаго цвѣта. Мужчинамъ кромѣ того было запрещено снимать бороду или стричь волосы на головѣ; нарушители подвергались 100 ударамъ плетью. Ни къ какому еврею нельзя было ни устно, ни письменно обратиться съ почетнымъ именемъ: донъ (господинъ); крупный денежный штрафъ былъ назначенъ за нарушеніе этого пункта. Имъ запрещено было также ношеніе оружія. Они не могли отнынѣ переѣзжать изъ одного города въ другой, а оставались прикрѣпленными каждый къ своему мѣстожительству. Но они не вправѣ были и уклоняться отъ этого униженія. Еврей, который имѣлъ смѣлость рѣшиться выселиться и былъ пойманъ, терялъ все свое состояніе и становился крѣпостнымъ короля. Грандамъ и гражданамъ подъ страхомъ тяжелаго наказанія воспрещено было оказать какое-либо покровительство евреямъ [1]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ренегатъ Павелъ де Санта Марія участвовалъ въ составленіи этихъ столь враждебныхъ евреямъ законовъ. Послѣдніе должны были попасть въ самое больное для евреевъ мѣсто: ихъ гордость и чувство чести. Еврейскіе богачи, привыкшіе ходить въ драгоцѣнныхъ одѣяніяхъ и съ гладко выбритыми подбородками, должны были появиться въ уродующемъ нарядѣ, со взъерошенными, длинными бородами. Образованные евреи, которые, въ качествѣ врачей или совѣтниковъ грандовъ, находились въ сношеніяхъ съ высшими христіанскими сословіями, должны были ограничиться еврейскимъ кварталомъ или же креститься. Къ этому и стремились всѣ суровыя ограниченія, которыя и были проведены съ неумолимой строгостью. Современникъ (Соломонъ Алами) описываетъ весь ужасъ упомянутаго эдикта: «Тѣ, которые жили въ двор-

[1]) Этотъ эдиктъ наход. въ соч. Альфонсо де Спина fortalitium fidei III, изд. въ Нюрнбергѣ, стр. 93 и отчасти сообщ. Шемъ-Товомъ ибнъ-Шемъ-Товъ въ Schebet Jehuda № 49 и Соломономъ Алами въ אגרת המוסר, стр. 22.

цахъ, были изгнаны въ жалкіе углы, въ низкія и темныя хижины. Вмѣсто блестящихъ одѣяній мы получили жалкій нарядъ и вызывали къ себѣ одно лишь презрѣніе. Вмѣсто стриженыхъ бородъ, мы должны были ходить, точно пораженные скорбью. Богатые откупщики налоговъ стали терпѣть нужду, такъ какъ не знали ремесла, которымъ могли бы прокормиться. Но и ремесленники не находили себѣ пропитанія. Воцарилась всеобщая нужда. Дѣти умирали на рукахъ своихъ матерей, нагіе и голодные [1]».

Среди этой нужды доминиканскій монахъ Фереръ ходилъ по синагогамъ съ крестомъ въ рукѣ и громовымъ голосомъ проповѣдывалъ христіанство; однимъ онъ обѣщалъ всѣ наслажденія жизни и почетныя должности, а другимъ угрожалъ проклятіемъ земнымъ и небеснымъ. Толпа, доведенная зажигательными проповѣдями до фанатизма, совершала всевозможныя насилія надъ евреями и тѣмъ дѣлала проповѣди еще болѣе внушительными. Какое тяжелое испытаніе для несчастныхъ евреевъ Кастиліи! О бѣгствѣ отъ этого ужаса нельзя было и помышлять, ибо законъ грозилъ за это страшнѣйшимъ наказаніемъ. Нечего удивляться, слѣдовательно, тому, что слабые и робкіе люди, привыкшіе къ свѣтской жизни и къ комфорту, не выдерживали испытанія и спасались крещеніемъ. Такъ перешли въ христіанство многіе евреи общинъ *Валядолида, Цаморы, Саламанки, Торо, Сеговіи, Авилы, Беневенто, Леона, Валенсіи, Бургоса, Асторги* и другихъ небольшихъ городовъ, гдѣ проповѣдывалъ Вицентe Фереръ [2]). Нѣкоторыя синагоги были превращены въ

[1]) Соломонъ Алами, изд. Іелинека, стр. 23.

[2]) О страданіяхъ евреевъ въ разныхъ городахъ разсказывается въ одной элегіи изъ сборника Фирковича, которую Б.-Яковъ и Іелинекъ приводятъ во вступленіи къ מגן אבות Симона б.-Ц. Дурана, изд. въ Лейпцигѣ 1855. Изъ этой Kinah слѣдуетъ, что обращеніе евреевъ въ христіанство Вицентe Фереромъ совершалось не мирными средствами, какъ объ этомъ повѣствуетъ его біографъ Гелеръ и отчасти Амадоръ. Привожу здѣсь текстъ ея, ибо она, находясь въ укромномъ уголкѣ, мало извѣстна.

ק י נ ה

I

אללי לי, ברוב אבלי, כי חטאי לעד נשמר.
קול יללות, על קהלות, עולפו כתוא מכמר.
כי מביתם, בחרדתם, גורשו ביום המר.
בסמורא, הושם מורא, בחרדת צר יתאמר.
בסלמנקא. הושם ברית וחקה, בלבב רך לזר הומר.
ואף חרה, בעת צרה, בבלידוליד כים נחמר
קהל טורו, לחומר סורו, על כן בשרי סמר.
בקהל שגוביא, חרון אף יה, ואויב כה יתאמר.
עדת אוילא, אוי נא לה, כי לא פנה אל המנוחה.
הורגנו כל היום נחשבנו כצאן טבחה:

церкви. Когда въ самой многочисленной тогда, правда къ тому времени уже сильно порѣдѣвшей, общинѣ Толеды, гдѣ евреи проявили необычайную стойкость, проповѣдь его не имѣла успѣха, онъ съ крестомъ въ рукѣ вторгнулся въ синагогу, выгналъ оттуда собравшихся къ молитвѣ и превратилъ ее въ церковь подъ именемъ «Св. Маріи» [1]. Синагога въ Саламанкѣ была превращена въ церковь и окрещена именемъ «Истиннаго креста». Крещеные въ ней евреи назывались, по имени Виценте Ферера, вицентіанцами [2].

Когда, послѣ смерти короля Мартина, Фереръ былъ призванъ въ Арагонію, чтобы принять участіе въ совѣщаніи по поводу спора между нѣсколькими претендентами, и когда, благодаря его вліянію, арагонскій престолъ достался кастильскому инфанту, Донъ-Фернандо (іюнь 1414), для общинъ Кастиліи наступило небольшое облегченіе. Правительница, Дона Каталина, издала отъ имени своего сына указъ (17 іюля), согласно коему евреямъ, хотя было и впредь запрещено заниматься ремеслами, все же было разрѣшено посылать на рынки свои товары, правда, со многими ограниченіями и оговорками; согласно этому же указу, евреи, хотя и не должны были держать ни христіанскихъ, ни даже магометанскихъ слугъ, все же могли имѣть поденщиковъ для своихъ полей и виноградниковъ, садовниковъ для своихъ садовъ и пастуховъ для своихъ стадъ. Особенно нелѣпы были установленія эдикта касательно ухода за волосами; новый законъ разрѣшалъ причесывать волосы и стричь ножницами бороду, но не всю, а оставляя линію волосъ вокругъ подбородка, точно королева и ея мудрый совѣтъ не хотѣли задѣть религіозныя чувства ортодоксальныхъ евреевъ. Новый законъ разрѣшалъ также носить платья изъ мате-

II

סגור לבי, נקרע בי, לבינבינטו עיר תהלה.
ובא שאון לעיר ליאון, ובלינסא כחלחלה;
באשטורגא, ומיורגא, ובפלינסא עשו כלה.
ובכל סביבם, נחרו בם, להתעולל בם עלילה.
בשנת קע"ב, סבות בעב, מעבור תפלה.
ובא קדש, לפרידיש, ובורגוש היא כסוחה, הורגנו וכו'.

III

הכוני, פצעוני, וכתבו עלי מרורות.
לעם נחלה, על כל אלה, גזרו כמה גזירות.
והחמירו, עד הסירו, החקים והתורות.
אנא מי הוא זה, כל זה יחזה, וישכון בהשקט ובטחה. הורגנו וכו'.

[1] Амадоръ въ указ. соч. II, 426.
[2] Т. же стр. 430.

ріи стоимостью въ пятьдесятъ мараведи (по старому указу цѣна должна была быть вдвое меньше), но предписывалъ особый головной уборъ въ видѣ воронки, запретивъ украшать ихъ кисточками. Эдиктъ такъ ревностно нападаетъ на наряды еврейскихъ женщинъ, что сразу можно узнать въ немъ руку свѣтской женщины. Новый законъ предоставилъ евреямъ также и право свободнаго передвиженія; однако оставалось еще достаточно униженій и ограниченій. Кѣмъ или чѣмъ вызвано это незначительное смягченіе? Странно, что этотъ законъ относился только къ евреямъ; ограниченія же магометанъ (мудаяровъ) остались прежними.

Наступила пора бѣдствій и тяжкихъ испытаній и для общинъ этого королевства съ пріѣздомъ фанатика Ферера въ Арагонію. Новоизбранный король, кастильскій инфантъ и правитель Донъ Фернандо, обязанъ былъ своей короной доминиканскому монаху, который, ставъ на его сторону, провозгласилъ его королемъ и склонилъ народъ въ его пользу и противъ другихъ претендентовъ. Арагонскій король Фернандо почиталъ поэтому доминиканскаго монаха, какъ святого, назначилъ его своимъ исповѣдникомъ и совѣтникомъ и охотно исполнялъ всѣ его желанія. Самымъ же сильнымъ желаніемъ Ферера было обращеніе евреевъ въ христіанскую вѣру, и Фернандо, дѣйствительно, вскорѣ издалъ эдиктъ, приказывавшій евреямъ выслушивать проповѣди фанатика-монаха. И тутъ, въ каждомъ городѣ, куда Фереръ только попадалъ, онъ ратовалъ противъ евреевъ и многихъ обратилъ въ христіанство; такъ въ Сарагосѣ, Дарокѣ, Тортозѣ, Валенсіи, Маіоркѣ и другихъ городахъ. Всего въ Кастиліи и Арагоніи въ то время было насильственно крещено, по крайней мѣрѣ, 20.000 евреевъ [1]).

Но этимъ далеко еще не окончились страданія испанскихъ евреевъ. Папа Бенедиктъ XIII замышлялъ противъ нихъ нѣчто худшее и воспользовался для этой цѣли услугами своего новообращеннаго лейбъ-медика, Іошуи Лорки или Геронимо де Санта Фе. Этотъ папа, котораго вселенскій соборъ въ Пизѣ свергнулъ, какъ схизматика, еретика и клятвопреступника и еще за иныя преступленія, лишилъ духовнаго званія и отлучилъ отъ церкви,—всѣми силами стремился къ тому, чтобы привлечь еврейскія массы въ Испаніи къ церкви, которая всѣмъ міромъ признавалась

---

[1]) Закуто (въ изд. Филиповскаго, стр. 225) преувеличиваетъ это число: בשנה עק"ב היה שמד גדול שלא היה כמוהו בארגון ובקשטיליא על ידי גלח פרא ביסונטי (ביסינטי) דורש לנוצרים וע"י המלך דון פירנאנדו מלך ארגון . . . וע"י זונה קטלינא מלכת קאשטיליא שהיתה אלמנה שהמירו דתם יותר ממאתים אלף יהודים. והנשארים בהם היו ז' שנים באהלים בשדה ומהם ברחו לפורטוגאל. Въ Schebet Jehuda это число опредѣляется въ 16,000, а въ Emek ha-Bacha—15,000.

тогда опозоренной. На Пиренейскомъ полуостровѣ его еще признавали папой, и тутъ онъ привелъ всѣ рычаги въ движеніе, чтобы добиться всеобщаго признанія. Массовое обращеніе евреевъ въ христіанство должно было служить ему средствомъ для достиженія его цѣлей. Еслибъ ему удалось преодолѣть, наконецъ, упорство, ослѣпленіе и невѣріе Израиля, собравъ его подъ знаменемъ креста, развѣ не было бы это величайшимъ тріумфомъ для церкви и для него самого, не пристыдило бы это всѣхъ его враговъ и не сомкнулись бы развѣ тогда всѣ вѣрующіе вокругъ папы, который такъ прославилъ церковь, и не былъ бы онъ развѣ въ этомъ случаѣ среди многихъ лже-пастырей единственно истиннымъ? Въ нѣкоторыхъ церквахъ пѣли Te Deum, восхваляя Бога за рѣзню евреевъ въ 1391 г. [1]); развѣ не раздалась бы во всемъ христіанскомъ мірѣ еще болѣе пламенная хвалебная пѣснь, если бы ему удалось, безъ кровопролитія, обратить всѣхъ евреевъ въ христіанство?

Для этой цѣли папа, съ разрѣшенія короля Донъ-Фернандо, разославъ 25 ноября 1412 г. всѣмъ ученѣйшимъ равинамъ королевства Арагоніи приглашеніе явиться на религіозную бесѣду въ Тортозѣ. Тамъ хорошо начитанный въ еврейской литературѣ ренегатъ, Іошуа Лорки, который сыгралъ во всей этой исторіи главную роль, долженъ былъ доказать имъ, на основаніи Талмуда, что Мессія уже явился и воплотился въ Іисусѣ. Папскій дворъ хотѣлъ всѣми средствами повліять на высокопоставленныхъ евреевъ, склонивъ ихъ къ крещенію, ибо когда эти знаменосцы евреевъ покинутъ священный лагерь, то общины, весь этотъ обозъ, сами собой послѣдуютъ за своими вождями. Геронимо отмѣтилъ лицъ, которыхъ слѣдовало пригласить; папа, черезъ посредство епископовъ, настаивалъ на участіи въ диспутѣ всѣхъ приглашенныхъ, которымъ грозило со стороны короля или папы наказаніе за непослушаніе. Что оставалось имъ дѣлать? Принять приглашеніе или отклонить его, притти или отсутствовать—то и другое было одинаково опасно. И вотъ двадцать два именитѣйшихъ еврея Арагоніи явились въ Тортозу. Во главѣ ихъ стоялъ донъ Видалъ бенъ-Бенвенисти бенъ Лаби (Фереръ) изъ Сарагосы, человѣкъ принадлежавшій къ старинной еврейской аристократіи, большого образованія, весьма уважаемый врачъ и ново-еврейскій поэтъ; далѣе Іосифъ Альбо изъ Монреаля ученикъ Хасдая Крескаса, человѣкъ большихъ философскихъ познаній и чистой праведности; Зерахія Галеви Саладинъ изъ Сарагосы, переводчикъ одного арабскаго сочиненія по философіи; Матаѳія Іицгари (Энъ-Дуранъ?) изъ того же города, тоже образованный писатель; Астрюкъ Леви изъ Дароки или Алканеса, въ то время весьма извѣстная личность; далѣе донъ

[1]) Амадоръ II, стр. 400.

Тодросъ изъ уважаемой семьи ибнъ-Яхіи, весьма почтенный человѣкъ; бенъ Астрюкъ изъ Героны, котораго лже-папа особенно настоятельно приглашалъ, какъ знатока религіозныхъ писаній.

Хотя вся приглашенная еврейская знать стояла на высотѣ общаго образованія, а донъ Видалъ даже прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ, однако никто изъ нихъ не обладалъ той силой характера, которая импонируетъ и даже самому ожесточенному врагу и которой отличался, напримѣръ, Нахманидъ, сильно и энергично выступившій одинъ противъ двухъ ожесточенныхъ противниковъ, доминиканскаго монаха де-Пеньяфорто и ренегата Павла Христіани (т. VIII). Постоянныя униженія и преслѣдованія лишили и этихъ выдающихся представителей евреевъ мужества и превратили ихъ въ трусовъ. Выпавшая на ихъ долю опасная роль была имъ во всякомъ случаѣ не по плечу. Получивъ приглашеніе, они затрепетали. Хотя они между собой и сговорились выступать спокойно и разсудительно, диспутировать, не перебирая противника, и вообще дѣйствовать сообща и единодушно, однако они отклонились отъ своего намѣренія, сами ослабляли себя и, наконецъ, разбились на партіи.

Злобный отщепенецъ Геронимо, по порученію схизматическаго папы, уже раньше набросалъ програму диспута. Сначала должно было быть, на основаніи Талмуда и другихъ родственныхъ ему писаній, доказано, что Мессія уже появился и воскресъ въ лицѣ Іисуса изъ Назарета. Если бы это средство оказалось безуспѣшнымъ и не вызвало бы массоваго перехода евреевъ въ христіанство, каковой надеждой льстилъ себя папскій дворъ, то нужно было начать истребительную войну противъ Талмуда, содержащаго отвратительныя ученія и укрѣпляющаго евреевъ въ ихъ ослѣпленіи. Съ этой цѣлью Геронимо де-Санта-фе прежде всего написалъ сочиненіе, доказывающее месіанство и божественное происхожденіе Іисуса на основаніи еврейскихъ источниковъ. Въ этомъ сочиненіи онъ собралъ всѣ псевдо-доказательства, софистическія выкладки и искаженія текстовъ своихъ предшественниковъ, дававшихъ туманное и безсмысленное толкованіе, прибавилъ новый вздоръ, провозгласилъ наивные, безобидные и шутливые отрывки изъ агады существенными принципами вѣроученія и опровергнулъ возраженія, до того высказанныя евреями. Онъ привелъ двадцать четыре условія, выполненіе коихъ обязательно для пришествія Мессіи, и силился доказать, что они всѣ выполнены въ явленіи Іисуса. Главнымъ доказательствомъ служила предпосылка, что христіане образуютъ «истинный Израиль» и заняли въ божественной благодати мѣсто, прежде занятое еврейскимъ народомъ; библейскія же обозначенія: «гора, скинія, храмъ, домъ Божій, Сіонъ, Іерусалимъ» являются алегорическими названіями церкви. Необходимость алегорическаго толкованія библейскихъ мѣстъ Геро-

нимо доказывалъ, основываясь на еврейскихъ же коментаторахъ, Маймонидъ, Раши, ибнъ-Эзра и Моисей де-Герона также примѣняли этотъ методъ толкованія. Въ качествѣ образчиковъ его смѣхотворныхъ доказательствъ мы остановимся тутъ на нѣсколькихъ пунктахъ. Подобно Іоану изъ Валядолида, онъ въ неправильной орѳографіи одного слова въ стихѣ изъ Іешаи [1]) видѣлъ глубокое таинство дѣвственности Маріи и наступленія месіанской эпохи съ пришествіемъ Іисуса [2]). Другой стихъ изъ Пророковъ онъ такъ смѣшно и безстыдно истолковалъ, съ цѣлью обосновать рожденіе Іисуса отъ дѣвы, что мы этого толкованія и привести не можемъ. Это сочиненіе, которое одновременно пропитано духомъ и отцовъ церкви, и равиновъ, было просмотрѣно папой и кардиналами и должно было служить руководящей нитью для диспута.

Этотъ диспутъ является самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ бывшихъ ранѣе. Онъ съ перерывами продолжался годъ и девять мѣсяцевъ (отъ февраля 1413 г. до 12 ноября 1414 г.) и занялъ 69 засѣданій. На первомъ планѣ стоялъ папа, который, покинутый почти всѣми христіанами и изгнанный изъ своей столицы, ожидалъ благопріятнаго исхода диспута не для прославленія своей вѣры, а для собственнаго возвышенія; далѣе крещеный еврей, который съ равинскимъ оружіемъ боролся противъ равинскаго же іудаизма; на заднемъ планѣ бѣснующійся доминиканскій проповѣдникъ со своей кающейся братіей, которая уже начинала травить евреевъ, вѣроятно, съ цѣлью сдѣлать бесѣду въ Тортозѣ болѣе убѣдительной. Безпомощные и потерявшіе голову именитые евреи могли обратить свой взоръ лишь къ небу, ибо на землѣ они были окружены только ожесточенными врагами. Когда они сперва были допущены къ аудіенціи у папы Бенедикта (7 февраля 1413 года), и отъ нихъ потребовали внести свои имена въ протоколъ, ихъ обуялъ великій страхъ; они думали, что насталъ ихъ конецъ. Папа успокоилъ ихъ и объяснилъ, что его требованіе есть лишь обычная формальность [3]). Вообще же онъ сначала говорилъ съ ними весьма ласково и слащаво, какъ это присуще духовнымъ властителямъ, когда они хотятъ чего-либо добиться. Онъ успокоилъ ихъ, увѣряя: имъ не угрожаетъ никакой опасности; онъ призвалъ ихъ только лишь съ цѣлью самому убѣдиться, истинно ли утвержденіе Геронимо, что Талмудъ доказываетъ месіанство Іисуса, или же это только комедія. Онъ предоставилъ имъ полную свободу слова. Послѣ первой аудіенціи папа милостиво отпустилъ ихъ, предоставилъ всѣмъ участникамъ диспута жилища и вообще весьма заботился объ ихъ удобствахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ виду столь дружелюбнаго пріема, пред-

[1]) Іешая IX, 6 למרבה המשרה. [2]) Книга Іезекіиля XLIV.

[3]) Посланіе Бонастрюка въ Герону въ Schebet Jehuda 40.

сказывали счастливый исходъ для себя лично и для дѣла своей религіи; но они весьма мало знали Римъ и намѣстниковъ Бога на землѣ.

На слѣдующій день долженъ былъ начаться диспутъ. Когда евреи вошли въ залъ засѣданій, собраніе произвело на нихъ подавляющее впечатлѣніе. Папа Бенедиктъ въ своихъ блестящихъ одѣяніяхъ возсѣдалъ на высокомъ престолѣ; вокругъ него около семидесяти кардиналовъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ въ ихъ блестящихъ нарядахъ, разсчитанныхъ на ослѣпленіе глазъ, монахи и рыцари и около тысячи слушателей изъ высшихъ круговъ. Мужество оставило горсточку защитниковъ іудаизма при видѣ этого увѣреннаго въ своей побѣдѣ собранія христіанъ. Самъ папа руководилъ бесѣдой и открылъ собраніе рѣчью, въ которой онъ указалъ: споръ будетъ идти не объ истинности іудаизма или христіанства; ибо христіанская вѣра стоитъ выше всякаго спора и неуязвима; іудаизмъ былъ когда то истиной, но позднѣйшее откровеніе упразднило его; диспутъ долженъ поэтому касаться только одного пункта, дѣйствительно ли Талмудъ признаетъ Іисуса Мессіей. Такимъ образомъ евреи были весьма узко ограничены въ своей защитѣ. Когда папа уступилъ слово своей креатурѣ, Геронимо, послѣдній, предварительно поцѣловавъ ногу у папы, произнесъ чрезвычайно длинную рѣчь [1]), полную христіанскихъ, еврейскихъ и къ тому еще схоластическихъ тонкостей, и особенно подчеркнулъ великодушіе и милость папы, желающаго спасенія душъ евреевъ. При этомъ онъ примѣнилъ текстъ стиха изъ Іешаи *): „Если вы будете покорными и послушными, то вкусите блага земли; если же вы откажетесь и будете упорными, мечъ истребитъ васъ“, давая этимъ понять, въ чемъ состоитъ послѣдній, рѣшающій и самый убѣдительный доводъ церкви. Вслѣдъ за нимъ Видалъ Бенвенисти, котораго евреи назначили своимъ главнымъ ораторомъ, произнесъ возраженіе на латинскомъ языкѣ, что дало поводъ папѣ осыпать его комплиментами. Донъ Видалъ освѣтилъ озлобленность Геронимо, который уже въ началѣ спора, когда не были еще произнесены доводы ни за, ни противъ, грозитъ мечемъ и истребленіемъ. Папа призналъ упрекъ правильнымъ, но замѣтилъ, что это скверная привычка, которая осталась у Геронимо еще отъ того времени, когда онъ былъ евреемъ [2]). Наконецъ, евреи собрались съ духомъ и обратились къ папѣ съ просьбой освободить ихъ вообще отъ диспута. Мотивировали они свою просьбу тѣмъ, что ихъ противникъ пользуется схоластическимъ методомъ доказательствъ, котораго они принять не могутъ, такъ какъ ихъ вѣра покоится не на силлогизмахъ, а на традиціи. Конечно, папа

[1]) Родригецъ де Кастро Billiotheca I, стр. 207. *) I, 19, 20. *Ред.*

[2]) Посланіе Бонастрюка въ Герону въ Schebet Jehuda, стр. 69.

не согласился удовлетворить ихъ просьбу, пригласилъ ихъ на слѣдующій день для продолженія бесѣды и приказалъ своимъ сановникамъ сопровождать ихъ въ ихъ жилища.

Еще въ тотъ же день еврейскіе участники диспута и вся община Тортозы съ трепетомъ въ сердцѣ отправились въ синагогу и вознесли къ Тому, кто такъ часто приходилъ на помощь ихъ предкамъ, горячія мольбы о томъ, чтобы Онъ вложилъ въ ихъ уста надлежащія слова, дабы сорвавшееся необдуманное выраженіе не раздразнило львовъ, которые съ разинутыми пастями готовы каждую минуту наброситься на нихъ. Зерахія Галеви Саладинъ въ своей проповѣди выразилъ мрачное настроеніе собравшихся къ молитвѣ евреевъ Тортозы.

Диспутъ сначала сохранялъ свой дружественный характеръ. Геронимо приводилъ давно забытыя мѣста изъ Талмуда и иныхъ еврейскихъ писаній для того, чтобы доказать невѣроятную вещь, что самъ Талмудъ извѣстнымъ образомъ удостовѣряетъ мессіанство Іисуса. Папа часто руководилъ собраніями. Но при этомъ его терзали мучительныя заботы о поддержаніи своего сана, ибо государи созвали соборъ въ Констанцѣ, который провозгласилъ себя верховнымъ судилищемъ надъ всѣми тремя папами. Бенедиктъ долженъ былъ поэтому часто отсутствовать на диспутѣ и совѣщаться со своими друзьями. Въ его отсутствіи диспутомъ руководилъ генералъ доминиканскаго ордена или магистръ папскаго дворца. Доказательства, приводимыя Геронимо, были слишкомъ слабы, чтобы евреямъ трудно было ихъ опровергнуть. Однако ихъ слова искажались, и часто въ протоколъ заносилось, что они признали тотъ или другой пунктъ. Нѣкоторые поэтому считали необходимымъ излагать на бумагѣ свои возраженія. Но и тутъ продолжался произволъ. Тотъ или иной пунктъ не допускался къ дискуссіи, какъ не идущій къ дѣлу. Защитники іудаизма, которые на самый то диспутъ шли съ неохотой, были утомлены и затравлены безконечными возраженіями и хотѣли избѣгнуть дальнѣйшихъ словопреній. Тогда папа внезапно сбросилъ со своего лица маску друга, обнаружилъ свою истинную физіономію и сталъ угрожать имъ смертью [1]). Шестьдесятъ два дня продолжались уже эти словопренія, но у представителей еврейства все еще не видно было слѣдовъ столь ожидаемой церковью склонности къ переходу въ христіанство. Напротивъ, съ теченіемъ спора росла сила сопротивленія. По приказу папы, Геронимо выступилъ обвинителемъ противъ Талмуда, утверждая, что въ немъ содержатся всевозможныя богохульства, безнравственныя, еретическія и вообще отвратительныя ученія и что поэтому Талмудъ долженъ быть преданъ

[1]) Т. же стр. 74.

проклятію [1]). Нѣкоторые новохристіане, Андрей Белтранъ (Вертрандъ) изъ Валенсіи, завѣдывавшій призрѣніемъ бѣдныхъ при папскомъ дворѣ, и Гарци Алварецъ изъ Аларкона, оба знакомые съ еврейской письменностью, поддерживали Геронимо [2]).

Съ этой цѣлью Геронимо уже написалъ, по порученію папы, сочиненіе, въ которомъ онъ выложилъ всѣ тѣ необдуманныя выраженія, которыя когда-либо сорвались у одного изъ многочисленныхъ агадистовъ въ Талмудѣ. Однако онъ, изъ злобы или по невѣжеству, выставилъ противъ Талмуда и такія обвиненія, которыя, очевидно, ложны. Такъ Геронимо утверждалъ, что Талмудъ разрѣшаетъ бить родителей, поносить Бога и поклоняться идоламъ. Основывалъ онъ это утвержденіе на законахъ Талмуда, гласящихъ: кто бьетъ своихъ родителей, не нанося имъ ранъ, тотъ не подвергается установленной за это смертной казни; кто поноситъ Бога, называя Его инымъ именемъ, чѣмъ Іегова, тотъ не заслуживаетъ смерти; кто поклоняется идоламъ изъ страха предъ наказаніемъ, тотъ не заслуживаетъ осужденія (хотя Талмудъ и считаетъ всѣ эти дѣйствія проступками). Отсюда Геронимо вывелъ слѣдствіе, что ученіе Талмуда самое безнравственное и вредное [3]). Безобидную, чисто философскую книгу, Пирке ди р. Эліезеръ, онъ обвинялъ въ признаніи вѣчной матеріи, изъ которой Богъ сотворилъ міръ, основываясь на наивной агадической фразеологіи, что Богъ сотворилъ небо изъ свѣта своего одѣянія, а землю изъ снѣга, лежавшаго подъ престоломъ Божіимъ [4]). Далѣе Геронимо уже сознательно лгалъ, утверждая, что Талмудъ учитъ евреевъ клятвопреступничеству въ случаѣ, если они предварительно въ Судный день объявятъ клятву недѣйствительною. Педантичныя установленія относительно клятвы и обѣтовъ онъ превратилъ въ безсовѣстность. Отсюда онъ вывелъ, что евреи не исполняютъ клятвы, данной христіанамъ. Само собою разумѣется, что этотъ ренегатъ повторилъ клеветническое измышленіе Альфонсо изъ Валядолида (т. VIII стр. 238), будто евреи въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ проклинаютъ христіанъ. Всѣ тѣ мѣста, гдѣ Талмудъ враждебно отзывается частью о язычникахъ, частью же о ренегатахъ іудео-христіанахъ, Геронимо истолковалъ такъ, что онѣ оказались, относящимися къ христіанамъ [5]); этотъ подлогъ имѣлъ самыя печальныя послѣдствія для евреевъ. Ибо враги евреевъ стали въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ слѣпо повторять эти ужасныя обвиненія. Когда, вопреки ожиданію, нападки на Талмудъ стали предметомъ дискуссіи, представители еврейства защищали приведенныя въ обвиненіи мѣста Талмуда, но, сильно тѣснимые, они распались на двѣ партіи. Донъ Астрюкъ Леви подалъ письмен-

[1]) Извлеченіе изъ протоколовъ у де Кастро въ указ. м. стр. 221.
[2]) Т. же стр. 222.
[3]) Tractatus contra Talmud гл. 1, 2.
[4]) Т. же гл. 3.
[5]) Т. же гл. 4—6.

ное заявленіе, что онъ не придаетъ агадическимъ отрывкамъ Талмуда, изъ-за которыхъ обвиняется весь Талмудъ, никакого авторитета, считаетъ ихъ неимѣющими значенія и отрекается отъ нихъ. Большинство еврейскихъ депутатовъ [illegible] къ этому заявленію. Чтобы [illegible] [illegible]

[illegible]

быть, изъ антипатіи къ Талмуду, въ которомъ открылось столько непріятныхъ мѣстъ. Называютъ Тодроса Бенвенисти и Видала ибнъ-Лаби де ла Кабалерія, которые пользовались большимъ уваженіемъ и переходъ коихъ въ христіанство причинилъ много горя еврейскимъ участникамъ диспута и много радости всѣмъ врагамъ еврейства. Однако количественно эта побѣда была не велика для церкви. Бенедиктъ не могъ выступить на предстоявшемъ въ скоромъ времени соборѣ въ Констанцѣ побѣдителемъ невѣрія евреевъ, не могъ праздновать тріумфъ, который могъ бы дать ему перевѣсъ надъ двумя другими соперничавшими съ нимъ папами.

Въ своемъ гнѣвѣ онъ излилъ свою желчь противъ Талмуда и сузилъ и безъ того незначительную свободу евреевъ. Въ послѣднемъ засѣданіи тортозскаго диспута онъ весьма недружелюбно отослалъ еврейскихъ участниковъ диспута и приказалъ сообщить имъ его враждебныя евреямъ постановленія [1]), которыя, въ силу нѣкоторыхъ препятствій были опубликованы, лишь спустя полгода (11 мая 1415 г.) въ одной буллѣ, состоявшей изъ 13 статей [2]). Евреямъ было запрещено читать Талмудъ и принадлежащія къ нему писанія и обучать ему. Экземпляры Талмуда подлежали розыску и уничтоженію.

Антихристіанскихъ сочиненій, составленныхъ евреями, и особенно сочиненія Маръ мара Іисуса нельзя было читать подъ страхомъ наказанія за богохульство. Всякая община, большая или малая, могла имѣть только одну маленькую, скромно обставленную синагогу. Евреи должны были быть изолированы отъ христіанъ; послѣднимъ нельзя было ѣсть, купаться входить въ торговыя сношенія съ евреями; первымъ даже не разрѣшалось оказывать послѣднимъ въ субботу мелкія услуги, зажигать или погашать огни. По примѣру закона королевы Каталины, булла упраздняетъ всякое судопроизводство евреевъ между собою. Они не должны занимать какую либо должность, заниматься ремеслами или оказывать врачебную помощь. Папская булла снова категорически предписала ношеніе еврейскихъ значковъ краснаго или желтаго цвѣта. Наконецъ, всѣ евреи принуждены были три раза въ году, на Рождество, въ Пасху и лѣтомъ, слушать христіанскія проповѣди. Въ первой проповѣди имъ должно было быть, на основаніи пророковъ и Талмуда, доказано, что истинный Мессія уже пришелъ; во второй проповѣди евреямъ должно было быть показано (конечно, на основаніи сочиненія Геронимо), какая отвратительная ересь содержится въ Талмудѣ, который одинъ повиненъ въ ихъ невѣріи; и, на-

---

[1]) Извлеченіе изъ протоколовъ у де Кастро, стр. 222.

[2]) Т. же стр. 223.

конецъ, въ третьей проповѣди имъ должно было быть объяснено, что основатель христіанства предсказалъ паденіе іерусалимскаго храма и разсѣяніе евреевъ. Послѣ каждой проповѣди евреямъ должна была быть прочитана папская булла. Строгое наблюденіе за выполненіемъ всѣхъ предписаній, содержавшихся въ буллѣ, папа поручилъ сыну ренегата Павла, по имени Гонзало де-Санта Марія [1]), котораго отецъ совратилъ въ христіанство. Эта булла содержала лишь одинъ, благопріятный для евреевъ, пунктъ, по которому ихъ нельзя было насильно обращать въ христіанство, истязать и убивать. Характерное свидѣтельство объ убогости христіанской церкви то, что упомянутыя дѣянія нуждались въ особомъ запретѣ. Булла не осталась мертвой буквой. Въ Геронѣ была закрыта и замурована единственная, имѣвшаяся тамъ, синагога [2]).

Правда, ненависть папы Бенедикта не оказала никакого вліянія на положеніе евреевъ, ибо въ то время, какъ онъ занимался еще мучительствомъ евреевъ, соборъ въ Констанцѣ объявилъ его свергнутымъ съ папскаго престола. Такъ какъ онъ упорно не желалъ подчиниться требованіямъ короля Донъ-Фернандо и германскаго императора Сигизмунда и не захотѣлъ добровольно отречься отъ своего сана, то его испанскіе покровители тоже отвернулись отъ него. Стрѣлы, которыя онъ прежде металъ въ другихъ, вонзились въ его собственную голову. Фанатическія проповѣди Виценте Ферера отняли у него его послѣднихъ приверженцевъ. Фереръ не только увѣщевалъ арагонскаго короля отвернуться отъ „выродившагося и лицемѣрнаго папы", но проповѣдовалъ всюду, въ церквахъ и на улицахъ, что „такой человѣкъ, какъ этотъ папа, заслуживаетъ, чтобы всякій правовѣрный христіанинъ преслѣдовалъ и убилъ его" [3]). Бывшій равинъ, Соломонъ-Павелъ изъ Бургоса, котораго папа Бенедиктъ такъ возвысилъ, оказался неблагодарнымъ по отношенію къ своему бывшему покровителю и лишилъ послѣдняго милости арагонскаго короля. У всѣми преслѣдуемаго, покинутаго своими покровителями, друзьями и даже собственными ставленниками Педро де-Луна отъ всего былого великолѣпія осталась одна лишь небольшая крѣпость, Пенискола, гдѣ къ тому же король Фернандо грозилъ заморить его голодомъ. Честолюбивый и упрямый Педро въ концѣ сдѣлался еще посмѣшищемъ для всего міра. Запершись въ своей крошечной резиденціи, онъ продолжалъ разыгрывать свою роль папы, окруживъ себя коллегіей изъ четырехъ кардиналовъ, которыхъ онъ предъ смертью заклиналъ не признавать выбраннаго въ Констанцѣ

[1]) Zurita Annales de Aragon III. L. 12, гл. 53.
[2]) Амадоръ III стр. 524.
[3]) Baronius (Raynaldus) Annales ecclesiastici къ г. 1415, № 52.

папы, а назначить таковаго изъ своей среды. Они, послѣ его смерти, выбрали, вмѣсто одного, цѣлыхъ двухъ папъ. Такъ выглядѣла непогрѣшимость церкви, подъ ярмо которой хотѣли впрячь евреевъ. Что сталось со злобнымъ ренегатомъ Іошуой Лорки-Геронимо де-Санта-фе послѣ паденія папы, неизвѣстно. Въ еврейскихъ кругахъ онъ получилъ вполнѣ имъ заслуженное имя „клеветника" (Megadeph). Окруженный врагами евреевъ, арагонскій король Фернандо тоже сошелъ со сцены (1416 г.). Вслѣдъ затѣмъ умерла враждебно настроенная по отношенію къ евреямъ правительница Кастиліи, Каталина, бывшая орудіемъ въ рукахъ Виценте, гонителя евреевъ (1418 г.), и, наконецъ, умеръ онъ самъ (1419), испытавъ еще скорбь по поводу того, что его бичеванія, доставившія ему репутацію святого, были прокляты на соборѣ въ Констанцѣ, и онъ принужденъ былъ распустить свою „бѣлую шайку".

Однако, хотя носители ненависти къ евреямъ и сошли со сцены, созданное ими печальное положеніе все же продолжало существовать. Ограничительные законы въ Кастиліи и булла папы Бенедикта были еще въ силѣ. Дѣятельность Ферера нанесла глубокія раны испанскимъ и даже внѣ-испанскимъ общинамъ. Только въ Португаліи онъ не нашелъ отклика. Португальскій властелинъ, Донъ-Іоао I, преслѣдовалъ иные интересы, чѣмъ обращеніе евреевъ въ христіанство. Онъ тогда былъ занятъ первымъ завоеваніемъ на противулежащемъ побережьѣ Африки, которое должно было положить основаніе морскому владычеству Португаліи. Когда Виценте Фереръ просилъ у короля Іоао разрѣшенія пріѣхать въ Португалію, чтобы и тамъ съ кафедры и на улицахъ произносить свои мрачныя проповѣди о грѣховности міра и ослѣпленіи и упорствѣ евреевъ, португальскій король велѣлъ передать ему, что онъ можетъ придти въ его королевство, но съ вѣнцомъ изъ раскаленнаго желѣза на челѣ. Португалія была единственнымъ убѣжищемъ для евреевъ, претерпѣвшихъ столько горя отъ свирѣпости христіанскаго прозелитизма; туда бѣжали многіе изъ Испаніи, которымъ удалось спастись отъ травли. Однако и Донъ-Іоао, тѣснимый со многихъ сторонъ, издалъ позже законъ, согласно коему еврейскіе бѣглецы, которые свидѣтельскими показаніями будутъ уличены въ томъ, что они, совершивъ обрядъ крещенія, обратно перешли въ іудейство, должны быть наказаны, какъ ренегаты; благодаря этому закону, евреи всецѣло зависѣли отъ произвола судовъ и духовенства. Донъ-Іоао и помимо этого ввелъ многія ограниченія для евреевъ.

[1]) מגדף, начальныя буквы его имени Маэстро Geronimo De (st) Fe, упоминается уже въ Schebet Jehuda стр. 68.

[2]) Usque III № 21. Отсюда почерпнулъ это извѣстіе Іосифъ Когенъ въ Emek ha-Bacha стр. 71.

За то во многихъ другихъ странахъ Европы, куда ступила нога фанатическаго доминиканскаго монаха или куда проникла вѣсть о его славной или безславной дѣятельности, евреи должны были испить горькую чашу страданій до дна. Въ Савойѣ, которой коснулся Виценте Фереръ, евреи были вынуждены прятать свои священныя писанія въ горныхъ ущеліяхъ, дабы спасти ихъ отъ истребленія [1]). Германія всегда была благопріятной почвой для еврейскихъ гоненій, а анархія, царившая тамъ въ правленіе Сигизмунда и во все время собора въ Констанцѣ, еще болѣе способствовала имъ. Даже итальянскія общины, которыя большей частью совершенно уцѣлѣли, были объяты страхомъ, какъ бы травля фанатиковъ не нашла откликъ въ ихъ политически столь разорванной странѣ. Они поэтому учредили синодъ, сперва въ Болоньѣ (ноябрь 1415 г.), состоявшій изъ депутатовъ отъ общинъ Рима, Падуи, Ферары, Болоньи, Романьи и Тосканы, по два отъ каждой общины, съ цѣлью собрать деньги, съ помощью коихъ можно было бы расположить въ пользу евреевъ папскую курію и тѣмъ отклонить грозившую имъ опасность.

Когда затѣмъ, послѣ продолжительнаго раскола въ церкви и жестокихъ распрей между нѣсколькими антипапами, на соборѣ въ Констанцѣ былъ избранъ папа Мартинъ V, въ Форли снова собрались (май 1418 г). около двадцати делегатовъ итальянско-еврейскихъ общинъ, чтобы вымолить у него возобновленіе привилегій, которыя были одними папами дарованы евреямъ, но впослѣдствіи были упразднены другими, менѣе толерантными. Делегаты прекрасно знали, что съ пустыми руками нельзя было ничего добиться отъ куріи; поэтому они организовали новые сборы денегъ, сумма коихъ должна была быть весьма значительной [2]). Наряду съ этимъ синодъ сдѣлалъ постановленія противъ роскоши у евреевъ. Мартинъ V, о которомъ современники утверждали, что до избранія онъ былъ очень скромнымъ и добрымъ, впослѣдствіи же выказалъ себя весьма умнымъ, но совсѣмъ не добродушнымъ человѣкомъ, рѣзко встрѣтилъ евреевъ [3]), когда они въ торжественной процессіи съ зажженными свѣчами преподнесли ему свитокъ Торы и умоляли о подтвержденіи принципа вѣротерпимости, и сказалъ имъ, съ высоты своего бѣлоснѣжнаго коня, всего утопавшаго въ шелку и золотѣ: „Вы имѣете законъ, но вы не понимаете его; старое исчезло, а новое найдено“ (слѣпой упрекалъ зрячихъ). Однако онъ все-же отнесся къ нимъ довольно снисходительно. По предложенію императора Сигизмунда, папа подтвердилъ евреямъ Германіи и Савойи

[1]) Emek-ha-Bacha стр. 71.

[2]) Акты синодовъ Болоньи и Форли теперь изданы подъ заглавіемъ: תקנות קדמוניות נעשו בבולוניא ופורלי בש׳ קע״ו וקע״ח.

[3]) Ашбахъ, Императоръ Сигизмундъ II стр. 304.

всѣ привилегіи, дарованныя имъ его предшественниками (12 февр. 1418 г. [1]), т. е. онъ порицалъ насилія надъ евреями, ихъ жизнью, имуществомъ и вѣрой. Вслѣдъ за тѣмъ императоръ Сигизмундъ, который, хотя былъ легкомысленнымъ и корыстолюбивымъ монархомъ, хотя возложилъ расходы по устройству собора въ Констанцѣ главнымъ образомъ на еврейскія общины [2]) и вообще всячески выжималъ изъ нихъ деньги, гдѣ и какъ было только возможно, все же не былъ склоненъ къ преслѣдованіямъ, издалъ приказъ ко всѣмъ германскимъ князьямъ, чиновникамъ, городамъ и подданнымъ предоставить евреямъ всѣ милости и свободы, дарованныя имъ папой (26 февр. 1418 г. [3]). Когда еврейскіе депутаты итальянскаго синода просили защиты у всеобще признаннаго, послѣ столь долгаго раскола, папы, послѣдній выпустилъ въ ихъ пользу (кто знаетъ, за какую высокую цѣну) папскую буллу (янв. или февр. 1419 г.). Испанскіе евреи тоже, повидимому, отправили къ тому же папѣ депутацію, состоявшую изъ двухъ весьма видныхъ мужей, дона Самуила Абрабалы и дона Самуила Галеви. На жалобы евреевъ объ опасностяхъ для ихъ жизни, о нападкахъ на ихъ убѣжденія и объ оскверненіи ихъ святынь, папа издалъ буллу (отъ 31 янв. 1419 г.) со слѣдующимъ вступленіемъ: „Такъ какъ евреи созданы по образу Божію и остатокъ ихъ нѣкогда пребудетъ въ блаженствѣ, то на мольбу ихъ о защитѣ мы, по примѣру нашихъ предшественниковъ, постановляемъ, что ихъ нельзя ни безпокоить въ синагогахъ, ни оскорблять въ ихъ убѣжденіяхъ, правахъ и привычкахъ, ни насильно обращать въ христіанство, ни принуждать къ празднованію христіанскихъ праздниковъ и ношенію новыхъ значковъ, ни устранять отъ дѣловыхъ сношеній съ христіанами“ [4]). Что могло побудить папу Мартина выказать столь дружелюбное отношеніе къ евреямъ? Быть можетъ, онъ хотѣлъ противопоставить миролюбіе свое ненависти къ евреямъ Бенедикта, который, запершись въ своемъ уголкѣ, все еще считалъ себя папой. Главнымъ же образомъ его мягкость объясняется тѣми богатыми приношеніями, которыя сопровождали просьбы еврейскихъ депутатовъ. Ибо Мартинъ, хотя на соборѣ въ Констанцѣ былъ беднѣйшимъ кардиналомъ, за что ему и оказали предпочтеніе, на папскомъ престолѣ вовсе не пренебрегалъ деньгами. Безъ звонкой монеты у него ничего нельзя было добиться, съ деньгами же можно было добиться всего. „Ибо тутъ при (папскомъ) дворѣ конецъ всякой дружбѣ, если прекращаются подачки“, замѣтилъ посланникъ нѣмецкаго ордена. Когда императоръ Сигизмундъ возложилъ на германскихъ и итальянскихъ евреевъ чрезвычайные налоги, онъ оправдывался

[1]) Лангъ, Regesta Boica XII, стр. 276. [2]) Стобе въ ук. соч. стр. 36.
[3]) Лангъ въ ук. м. стр. 278.
[4]) Raynaldus, annales eccles. въ указ. мѣстѣ.

тѣмъ, что возобновленныя, по его ходатайствамъ, папой привилегіи евреевъ не могли быть достигнуты безъ денегъ и расходовъ [1]).

ГЛАВА VI.

Гуситы частью на сторонѣ евреевъ. Проповѣди доминиканскихъ монаховъ противъ богемскихъ еретиковъ затронули и евреевъ. Альбрехтъ австрійскій и преслѣдованія евреевъ; жена причетника въ Энсѣ. Крестоносцы противъ гуситовъ и одновременно противъ евреевъ. Побѣда гуситовъ при Заацѣ и спасеніе нѣмецкихъ евреевъ. Изгнаніе евреевъ изъ Кельна и рѣзня въ другихъ германскихъ округахъ. Нѣмецкіе равины, назначенные владѣтельными князьями; Яковъ Мелинъ и Менахемъ изъ Мерзебурга. Еврейскіе врачи въ Германіи.

(1420-1440)

Тѣмъ временемъ міровая исторія снова получила толчокъ, хоть слабый, все же двигающій впередъ. Все возраставшее разложеніе церкви, высокомѣріе и жадность боготворившихъ себя самихъ папъ, испорченность свѣтскаго духовенства и монашескихъ орденовъ вызывали возмущеніе нравственныхъ натуръ, открывали глаза ослѣпленнымъ и ободряли стремленія подкопаться подъ основы католической вѣры. Нельзя было ждать улучшенія отъ князей церкви, юристовъ и дипломатовъ, засѣдавшихъ на соборѣ въ Констанцѣ, съ цѣлью обсудить радикальную реформацію церкви. Ибо они имѣли предъ собой лишь свѣтскія цѣли и хотѣли лишь заново выбѣлить обветшалую стѣну, перенеся власть папы на высшихъ духовныхъ сановниковъ и учредивъ на мѣсто папскаго абсолютизма іерархическую олигархію. Одинъ чешскій священникъ, Іоаннъ Гусъ изъ Праги, подъ вліяніемъ англичанина Виклифа, произнесъ слѣдующую формулу, которая была въ состояніи распутать сѣти, въ кои церковь улавливала умы: Не тотъ или иной папа, а папство вообще и вся организація католической церкви—вотъ что составляло главную болѣзнь, изводившую христіанство. Костеръ, возведенный соборомъ въ Констанцѣ для мужественнаго священника, тѣмъ ярче освѣтилъ провозглашенную имъ истину. Онъ воспламенилъ въ Богеміи многихъ къ борьбѣ на жизнь и на смерть противъ католицизма. Каждый разъ, когда внутри христіанства образовывалась партія, враждебно настроенная противъ господствующей церкви, она всегда принимала ветхозавѣтную, такъ сказать, еврейскую окраску. Гуситы не безъ права смотрѣли на католицизмъ, какъ на язычество, а на себя, какъ на израильтянъ, которымъ предстояла священная война противъ филистимлянъ, моавитянъ и амонитянъ. Они огнемъ и мечемъ разрушали церкви и монастыри, какъ мѣста яраго идолопоклонства, какъ храмы Ваала и Молоха, какъ пещеры Астарты. Гуситскія войны,

[1]) Стобе т. же 37.

одновременно вызванныя и религіознымъ негодованіемъ, и рассовой ненавистью чеховъ къ нѣмцамъ, начали нѣсколько прочищать удушливую атмосферу церкви.

Этотъ взрывъ ярости не послужилъ на пользу евреямъ; напротивъ, имѣлъ для нихъ печальныя послѣдствія. Не дикіе гуситы, а возбужденный противъ новой ереси католическій фанатизмъ причинилъ страданія еврейству. Гуситы, въ крайнемъ случаѣ, разграбили, на ряду съ католическими, и нѣкоторые еврейскіе дома и ратовали противъ еврейскихъ ростовщиковъ. Объ особенной враждѣ гуситовъ къ евреямъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Напротивъ, католики даже обвиняли евреевъ въ тайномъ снабженіи гуситовъ деньгами и оружіемъ, за что и жестоко преслѣдовали ихъ въ граничащихъ съ богемскимъ лѣсомъ баварскихъ городахъ [1]). Доминиканскіе монахи, эти полчища антихриста (какъ они были прозваны), которые держали дышавшія местью проповѣди противъ гуситовъ, включали сюда и евреевъ и натравляли народы и правителей на этихъ „кроткихъ земли". Какъ крестовые походы противъ магометанъ и альбигойскихъ еретиковъ начались рѣзней евреевъ, такъ и борьба противъ гуситскихъ отщепенцевъ открылась еврейскими преслѣдованіями. Епископъ Майнца изгналъ изъ своего прихода евреевъ съ женами и дѣтьми (1420 г.) только потому, что не захотѣлъ терпѣть „ихъ грѣховность и злобу". Онъ отнялъ у нихъ все ихъ имущество и оставилъ имъ по тридцати пфениговъ въ память объ измѣнѣ Іуды Искаріота за 30 серебрениковъ [2]). Первыми испытали на себѣ дѣйствіе вновь раздутаго свирѣпаго фанатизма евреи Австріи, которая, подобно Испаніи, постепенно отъ терпимости къ евреямъ перешла къ преслѣдованію ихъ и вообще имѣла столь много родственнаго съ Испаніей, особенно въ смыслѣ ханжества, что эти обѣ страны въ концѣ концовъ нашли другъ друга и тѣсно сошлись. Серьезный, достойный эрцгерцогъ Альбрехтъ, имѣвшій виды на императорскую корону въ Германіи, былъ буквально натравливаемъ на „враговъ Бога". Одна сказка смѣнялась другой, даже не поражающей своей новизной; но всѣ эти вымыслы оказались вѣрнымъ средствомъ довести до крайности монарха, хотя обладавшаго сильнымъ характеромъ, все же не знавшаго лживости враговъ еврейства. Три христіанскихъ мальчика гуляли по льду въ Вѣнѣ, провалились и утонули. Когда убитые горемъ родители не нашли ихъ труповъ, злобные враги евреевъ распространили слухъ, что евреи убили ихъ, чтобы употребить ихъ кровь для ближайшаго праздника Пасхи. Затѣмъ одинъ изъ евреевъ былъ обвиненъ еще въ слѣдующемъ большемъ

[1]) Ашбахъ, исторія императора Сигизмунда III, стр. 51.
[2]) Stobbe, стр. 191.

преступленіи: жена причетника въ Энсѣ утащила изъ церкви просвиру и продала ее одному богатому еврею, Израилю, который разослалъ ее всѣмъ еврейскимъ общинамъ Австріи и другихъ странъ. Убіеніе христіанскихъ дѣтей и оскверненіе просвиры—это двойное обвиненіе еще въ XV вѣкѣ было очень популярно, и авторы его могли предвидѣть послѣдствія. По приказу герцога, жена причетника и ея два мнимыхъ сообщника или подстрекателя, Израиль и его жена, были доставлены въ Вѣну, допрошены и доведены до признанія своей вины. Правда, источники умалчиваютъ о средствахъ, которыя были употреблены для того, чтобы вырвать это признаніе. Но средства, употреблявшіяся средневѣковымъ христіанствомъ въ такихъ процессахъ, вдоволь извѣстны.

Вслѣдъ затѣмъ эрцгерцогъ Альбрехтъ издалъ приказъ раннимъ утромъ (10 сивана=23 мая 1420 г. [1]) бросить въ темницу всѣхъ евреевъ страны, что и было въ точности исполнено. Имущество состоятельныхъ евреевъ было конфисковано, бѣдные же были немедленно изгнаны изъ страны. Въ тюрьмахъ жены были отдѣлены отъ мужей, дѣти—отъ родителей. Когда они въ своей безпомощности были близки къ отчаянію, пришли священники съ крестомъ и слащаво-ядовитыми словами призывали ихъ перейти въ христіанство. Нѣкоторые малодушные принятіемъ крещенія спасли свою жизнь. Мужественные же сами покончили съ собой и со всѣми своими домочадцами путемъ вскрытія жилъ ремнями, веревками и чѣмъ только можно было. Оставшіеся въ живыхъ долго томились въ тюрьмѣ и претерпѣли ужасныя преслѣдованія. У нихъ были отняты ихъ дѣти и упрятаны въ монастыри. Тѣмъ не менѣе они проявили стойкость и, послѣ годового заключенія, были сожжены на кострахъ (9 нисана=12 марта 1421 г.); въ одной Вѣнѣ было сожжено болѣе ста евреевъ на лугу у берега Дуная, близъ Эрдельбурга. Эрцгерцогъ издалъ къ тому же приказъ, запрещавшій евреямъ проживательство въ Австріи.

Но и новообращенные евреи не доставили много радостей церкви. Большая часть пользовалась первымъ же случаемъ, чтобы куда либо выселиться и обратно перейти въ іудейство. Они отправлялись въ ставшую послѣ возстанія гуситовъ болѣе толерантною Богемію или на сѣверъ въ Польшу или на югъ въ Италію. Какой приверженностью къ своей вѣрѣ отличались австрійскіе евреи, показываетъ поведеніе одного даровитаго юноши. Послѣдній, принявъ крещеніе, сталъ любимцемъ герцога Фридриха, будущаго императора; хотя онъ былъ осыпаемъ милостями герцога, однако его охватило раскаяніе въ отпаденіи отъ вѣры отцовъ, и онъ открыто заявилъ, что хочетъ обратно перейти въ іудейство. Фридрихъ

[1] Иссерлейнъ (современникъ) въ תרומת הדשן Pesakim № 241.

всячески старался отговорить своего любимца отъ его рѣшенія; онъ просилъ, умолялъ, грозилъ, призвалъ къ нему священника для поученія. Все напрасно. Наконецъ, герцогъ предалъ „ослѣпленнаго отщепенца“ духовному суду, который приговорилъ его къ сожженію. Безъ цѣпей, съ еврейской пѣсней на устахъ, еврейскій юноша взошелъ на костеръ [1]).

Тѣмъ временемъ разгорѣлась опустошительная война между дикими гуситами и не менѣе варварскими католиками, между чехами и нѣмцами. Цѣлый рядъ народностей участвовалъ въ кровавой распрѣ за или противъ употребленія чаши при обрядѣ причастія лицами недуховнаго званія. Императоръ Сигизмундъ, который одними войсками своихъ наслѣдныхъ земель не могъ справиться съ повстанцами, призвалъ подъ знамена имперскую армію. Дикіе ратники, брабантцы и голландцы, были наняты въ войска. Со всѣхъ сторонъ стекались вооруженные отряды къ котловинѣ Богеміи и ея столицѣ Прагѣ, гдѣ слѣпой герой, Жишка, успѣшно сопротивлялся цѣлому міру враговъ. Во время своего похода нѣмецкія имперскія войска проявили свое мужество только въ отношеніи къ безсильнымъ евреямъ. „Мы идемъ въ далекія страны“, говорила толпа наемниковъ, „чтобы отомстить за нашего поруганнаго Бога; намъ ли щадить тѣхъ, кто распялъ Его?“ Гдѣ только они ни встрѣчали евреевъ, они ѣзали тѣхъ, которые не хотѣли принять крещеніе; такъ было на Рейнѣ, въ Тюрингіи и Баваріи. Крестоносцы угрожали евреямъ стереть ихъ съ лица земли, при своемъ возвращеніи послѣ одержанной побѣды. Преданные своей вѣрѣ отцы семействъ уже распорядились, чтобы по данному ими знаку дѣти ихъ были умерщвлены, дабы они не попались живыми въ руки палачей. Со всѣхъ сторонъ поступали письма съ жалобами на грозившую евреямъ опасность и съ просьбой вымолить спасеніе къ самому набожному и уважаемому тогда равину Майнца, Якову б. Моисей Мелину Галеви (сокращенно называвшемуся MaHaril, род. въ 1365 г., ум. въ 1427 г. [2]), который ввелъ еще по сю пору существующіе во многихъ нѣмецкихъ, польскихъ и венгерскихъ общинахъ синагогальный ритуалъ и синагогальные мелодіи. Яковъ Мелинъ, вслѣдствіе этого, разослалъ пословъ въ близлежащія общины, откуда снова послали людей въ сосѣднія общины, съ предписаніемъ установить всеобщій постъ съ горячими мольбами къ Богу. Нѣмецкія общины собрались въ синагоги, молились и постились четыре дня между Новымъ годомъ и Суднымъ днемъ (8—11 сентября 1421 г.), затѣмъ послѣ праздника Кущей—три дня подрядъ. Нѣмецкіе евреи переживали смертельный страхъ за свою жизнь. Они были

[1]) Arenpeck, Chronicon Austriacum у Вертгеймера, Евреи въ Австріи, стр. 99.

[2]) Гюдеманъ Geschichte des Erziehungsvesens der Juden III, 17, тамъ объяснено правильное произношеніе имени מולין=Möllin. Его מנהגים общепризнаны и записаны его ученикомъ, Соломономъ Штейнвардомъ.

шую еврейскую общину „во имя Бога и св. Дѣвы“; изгнанники поселились въ Дейтцѣ (1426 г. [1]). Въ другихъ мѣстахъ, въ южногерманскихъ городахъ Равенсбургѣ, Иберлингенѣ и Линдау евреи были сожжены по ложному обвиненію въ пользованіи кровью христіанъ (1430 г. [2]).

Литературная дѣятельность нѣмецкихъ евреевъ, въ силу упомянутыхъ обстоятельствъ, лишь слабо тлѣла и почти совсѣмъ погасла. Убійственные кулаки и безконечныя мучительства притупили духовныя способности евреевъ. Даже въ знаніи Талмуда нѣмецкіе равины не превышали средняго уровня и ничѣмъ себя не прославили. Нѣкоторые равины были назначаемы владѣтельными князьями; по крайней мѣрѣ, императоръ Сигизмундъ поручилъ одному изъ своихъ еврейскихъ агентовъ, Хаиму изъ Ландсгута, „назначить въ Германіи трехъ равиновъ (еврейскихъ магистровъ [3])“. Позже онъ поручилъ своему камерарію, Конраду изъ Вайнсберга, назначить Ансельма изъ Кельна (Аншеля Галеви) въ Нюрнбергѣ „верховнымъ рави“ надъ всѣми общинами Германія [4]). Не извѣстно навѣрное, но возможно, что онъ отказался отъ этого сана или, вѣрнѣе, бремени. Въ Германіи было мало талмудическихъ школъ. За содержаніе высшей школы для юношей, готовившихся въ равины, равинъ долженъ былъ платить высокій налогъ, хотя обученіе было безплатно. Часто содержаніе такихъ школъ вообще воспрещалось или же весьма ограничивалось [5]). На ряду съ Яковомъ Мелинымъ (см. выше стр. 109) изъ того времени осталось еще единственное имя, хоть сколько нибудь извѣстное, Менахемъ изъ Мерзебурга (по прозванію Меилъ Цедекъ, 1420—1450 [6]). Онъ составилъ обширное сочиненіе касательно практики равинскаго гражданскаго и брачнаго права, а также обложенія налогами для удовлетворенія потребностей общины, сочиненіе, которое саксонскія общины приняли за руководящую нить. Онъ, по крайней мѣрѣ, оставилъ безплодную и избитую методу своихъ болѣе старыхъ современниковъ или учителей, Якова Мелина и Айзака Тырнау, придававшихъ большое значеніе каждой мелочи въ литургіи. Постепенно Менахемъ изъ Мерзебурга былъ признанъ авторитетомъ, и одно его весьма удачное установленіе встрѣтило

---

[1]) Вейденъ, Geschichte der Juden in Köln, стр. 196.

[2]) Іосифъ Когенъ стр. 75.

[3]) Ашбахъ, Geschichte Kaiser Sigismund's т. III, стр. 460.

[4]) Гюдеманъ въ ук. м. стр. 36.

[5]) Гефнеръ, Juden in Franken, стр. 63.

[6]) Яковъ Вейлъ (Resp. № 133) сообщаетъ о немъ: תחלה אבאר לכם מי הוא הרב המובהק ר׳ מנחם ממירזבורק . . . דירתו היה במדינת זכשן היה למרן מופלג גדול בדורו הרבה דינים ופסקים שכתב וקבץ וחבר מהם ספר גדול . . . וכל מנהג מדינת זכשן אחר אותו ספר.

въ свое время всеобщее одобреніе. Среди евреевъ, какъ и у владѣтельныхъ князей, заключались въ то время весьма ранніе браки; несовершеннолѣтнія дѣвочки поспѣшно выдавались замужъ. По талмудическому закону, однако, несовершеннолѣтняя дѣвочка, если она была выдана замужъ не отцомъ, а матерью или братьями, имѣла, по достиженіи совершеннолѣтія, т. е. 12 лѣтняго возраста, а иногда и позже, право расторгнуть бракъ путемъ категорическаго заявленія или же вступленія въ иной бракъ (Miun). Менахемъ изъ Мерзебурга чувствовалъ все неприличіе подобнаго внезапнаго, часто, быть можетъ, вызываемаго настроеніемъ расторженія брака, и установилъ, что и въ этомъ случаѣ необходимъ формальный актъ о разводѣ. Онъ основывалъ свое установленіе на слѣдующемъ соображеніи: расторженіе заключеннаго въ малолѣтнемъ возрастѣ брака не должно происходить предъ коллегіей равиновъ; законныя установленія о наступленіи совершеннолѣтія (зрѣлости) не всякому извѣстны; поэтому легко возможно злоупотребленіе; кромѣ того можетъ укорениться мнѣніе, что всякій бракъ можетъ быть расторгнутъ безъ разводного документа. Это установленіе, однако, было въ слѣдующемъ столѣтіи снова устранено ссылкой на талмудическое предписаніе.

Замѣчательно, что, хотя въ средѣ нѣмецкихъ евреевъ всякая неталмудическая наука была презираема, а со стороны христіанъ былъ преграждаемъ доступъ къ разсадникамъ науки еврейскимъ жаждущимъ знанія юношамъ, тѣмъ не менѣе каждый разъ появлялись еврейскіе врачи; весьма популярные въ христіанскихъ кругахъ [1]). Яковъ изъ Страсбурга бывалъ приглашаемъ даже во Франкфуртъ. Герцогъ Фридрихъ австрійскій, который снова допустилъ евреевъ въ свои наслѣдныя земли, освободилъ отъ налоговъ и пошлинъ одного тирольскаго равина, по имени Рувимъ, за его врачебное искусство. Въ Вюрцбургѣ проживала еврейская женщина-врачъ Сара, имѣвшая столь значительную практику, что она пріобрѣла помѣстья одного дворянина, которыя были ей гарантированы каноникомъ, почти всѣмъ франконскимъ дворянствомъ и многими городами; въ качествѣ помощника при судѣ ей былъ предоставленъ рыцарь изъ Висентауна [2]). Въ Регенсбургѣ цырюльники подали жалобу въ совѣтъ, что почти всѣ жители лечатся у евреевъ [3]). Вѣроятно, еврейскіе врачи пріобрѣтали медицинскія познанія въ итальянскихъ врачебныхъ школахъ, такъ какъ въ Италіи была большая терпимость. Съ Испаніей нѣмецкіе евреи не имѣли никакихъ сношеній, и весьма сомнительно, допускались ли тамъ евреи въ университеты въ первыя два десятилѣтія пятнадцатаго вѣка, когда вдовствующая королева и схизматическій папа воспретили всякія сношенія съ евреями.

[1]) Гефнеръ. Juden in Franken, стр. 11, 44. [2]) Т. же стр. 13.
[3]) Gemeiner, Regensburgische Chronik IV. 291.

ГЛАВА VII.

Кратковременный отдыхъ испанскихъ евреевъ.

Евреи необходимы Испаніи. Жуанъ II и его всесильный любимецъ, Алваро де-Луна. Авраамъ Бенвенисти. Его дѣятельность, направленная противъ разстройства общинъ. Статутъ, выработанный въ Валядолидѣ. Враждебное отношеніе къ евреямъ со стороны фамиліи Павла де-Санта-Марія ди Картагена. Базельскій соборъ противъ евреевъ. Отраженіе враждебной буллы. Враждебное отношеніе къ новохристіанамъ въ Испаніи. Скрытая борьба между ними и Алваро де-Луна.

(1430—1456).

Въ это время испанскіе евреи могли, хотя не надолго, все же нѣсколько выбраться изъ того несчастнаго положенія, въ которое поставили ихъ сумасбродство церкви, злоба и преступные инстинкты и къ тому же втянули ихъ политическія осложненія. Серьезные государственные люди мало-по-малу все же пришли къ сознанію, что рѣзня евреевъ, массовое крещеніе ихъ, проведеніе суровыхъ законовъ, запрещавшихъ евреямъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ христіанами,—все это подорвало государственное благосостояніе и могло повести къ полному крушенію. Если недавніе богачи, вслѣдствіе разграбленія ихъ имущества и запрещенія вести дѣла съ христіанами, становились уличными попрошайками, то этимъ самымъ исчезалъ источникъ доходовъ, необходимыхъ для поддержанія государства. Управленіе помѣстьями дворянъ, предававшихся придворной праздности, и откупъ налоговъ, а также ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ были до тѣхъ поръ въ рукахъ еврейскихъ алмошарифовъ, причемъ финансы грандовъ и короля были въ превосходномъ состояніи. Съ обнародованіемъ эдикта королевы Каталины и буллы схизматическаго папы Бенедикта (или Маледикта, какъ его называли), за исполненіемъ коихъ весьма строго надзирали, упомянутые источники дохода были на-половину уничтожены. Христіанскихъ откупщиковъ пошлинъ не существовало; они либо не обладали необходимымъ знаніемъ дѣла, либо же не имѣли требовавшихся для этого средствъ для уплаты впередъ всей суммы откупа. Новохристіане не хотѣли этимъ заняться, чтобы не слыть за евреевъ, или же стремились къ болѣе высокимъ постамъ. Еще болѣе, чѣмъ послѣ рѣзни евреевъ въ Германіи по поводу черной смерти, выяснилась необходимость евреевъ для страны въ Испаніи.

Эту необходимость ясно сознавалъ любимецъ кастильскаго короля, Жуана II, по имени донъ Алваро де Луна, на котораго изнѣженный властелинъ, послѣ смерти матери, возложилъ бремя правленія. Это былъ

умный, искусный и предпріимчивый человѣкъ, который ни на минуту не терялъ изъ виду блага государства и короля. Король осыпалъ его высшими милостями. Преклоняясь предъ своимъ любимцемъ, весьма искуснымъ во всѣхъ дѣлахъ войны и мира, король подчинился его вліянію настолько, что ничего не предпринималъ безъ его совѣта. Алваро де-Луна былъ всесильнымъ правителемъ Кастиліи. Его правой рукой былъ обергофмейстеръ Фуртадо де Мендоза. Оба стремились остановить разстройство государства, которое за время несовершеннолѣтія короля было доведено безсовѣстнымъ государственнымъ совѣтомъ почти до полнаго упраздненія порядка въ странѣ. Они приблизили къ себѣ умнаго, благороднаго и энергичнаго еврея, дона Авраама Бенвенисти, который такимъ образомъ получилъ возможность смягчить нѣсколько несчастное положеніе своихъ единовѣрцевъ. Авраамъ Бенвенисти (род. въ 1390 г., ум. до 1456 г.) во время рѣзни и грабежей сохранилъ свои богатства и, несмотря на отпаденіе многихъ тысячъ евреевъ отъ іудаизма, онъ не отпалъ отъ своей вѣры. Его вліяніе было настолько велико, что враги любимцевъ короля (первыхъ было не мало) оправдывали свою вражду тѣмъ, что донъ Бенвенисти управлялъ этими любимцами [1]). Алваро де Луна нарушилъ эдиктъ, запрещавшій евреямъ занимать какую либо официальную должность и состоять казначеями. Іосифъ Наси, весьма богатый человѣкъ, получилъ въ откупъ весьма выгодныя портовыя пошлины (1427 г.), а нѣкій, помимо того ничѣмъ не извѣстный, Самуилъ Алсодаръ откупилъ налоги на предметы потребленія [2]). Къ великому огорченію стараго лицемѣра и врага своихъ бывшихъ братьевъ, Павла де Санта Марія, и вопреки прежнему эдикту, образованные евреи снова получили доступъ ко двору и стали опять врачами и совѣтниками грандовъ. Философски образованный проповѣдникъ, писатель и полемистъ, Іосифъ бенъ-Шемъ Товъ, имѣлъ доступъ ко двору, а въ свое время весьма знаменитый врачъ, Хаимъ ибнъ-Муса, даже былъ принятъ въ Гранадѣ. Оба, въ присутствіи короля, спорили съ образованными христіанами о религіозныхъ и философскихъ вопросахъ. Такъ какъ король былъ совершенно несамостоятеленъ, то положеніе при дворѣ заслуженныхъ еврейскихъ мужей всецѣло зависѣло отъ де-Луна, безъ коего никто не смѣлъ пошевелиться.

Всѣхъ выше былъ донъ Авраамъ Бенвенисти, который былъ назначенъ верховнымъ или придворнымъ равиномъ (el Rabi de la corte). Вмѣстѣ съ этимъ саномъ ему было даровано и право вести судопроизводство, даже въ уголовныхъ дѣлахъ, каковое право, какъ извѣстно, было отнято у евреевъ дѣдомъ этого короля, Жуаномъ I. Донъ Авраамъ былъ въ то же

[1]) Амадоръ III стр. 23. [2]) Т. же, стр. 32.

время верховнымъ судьей надъ всѣми кастильскими евреями. Онъ явился для нихъ утѣшеніемъ и благословеніемъ. Благодаря ему, они могли хоть нѣсколько оправиться отъ тяжкихъ страданій и глубокихъ ранъ, нанесенныхъ имъ массовыми убійствами и крещеніями. Благодаря своему положенію, онъ былъ въ состояніи остановить разложеніе и одичаніе, охватившія общины послѣ трагическихъ событій послѣдняго времени.

Даже нѣкогда крупныя общины за послѣднее время настолько уменьшились и опустились, что вся синагогальная и религіозная жизнь пришла въ застой. Школы для юношества во многихъ общинахъ либо вовсе не существовали, либо были въ запущенномъ состояніи. Ощущался также недостатокъ въ учителяхъ, такъ какъ многіе, которые были бы способны къ этому, перешли въ христіанство. Былъ даже недостатокъ въ синагогахъ, такъ какъ многія изъ нихъ были превращены въ церкви Винцете Фереромъ и его кающейся шайкой. Талмудическія школы въ большихъ городахъ, по большей части, опустились и осиротѣли, вслѣдствіе чего всеобщее невѣжество въ Талмудѣ было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было найти и трехъ свѣдущихъ лицъ для образованія коллегіи равиновъ. Но за то недостойные люди, путемъ протекціи, добивались духовнаго званія. Наряду съ развитіемъ умственнаго упадка шло развитіе упадка нравственности, ибо не было авторитета, который могъ бы остановить его. Молитвы нерѣдко сопровождались драками даже съ употребленіемъ ножей. Наглые мужчины и юноши принуждали угрозами или съ помощью христіанскихъ помощниковъ дѣвушекъ и вдовъ вступать съ ними въ бракъ, такъ какъ они насильно надѣвали на женщинъ обручальное кольцо, и послѣднимъ оставался выборъ либо жить съ этими наглецами, либо не выходить замужъ, ибо развода совсѣмъ не легко было добиться. Еще губительнѣй для общинъ дѣйствовалъ упадокъ нравственности вслѣдствіе доносовъ подлыхъ членовъ общинъ властямъ или грандамъ. Такъ какъ въ царствованіе Жуана II партійность и заговоры были весьма обычнымъ явленіямъ, такъ какъ многіе стремились свергнуть Алваро де Луна и даже короля, то участились доносы на своихъ же единовѣрцевъ, становившихся на сторону той или другой партіи, вслѣдствіе чего виновные подвергались денежному штрафу, тюремному заключенію и даже тѣлесному наказанію. Донъ Авраамъ Бенвенисти пытался противодѣйствовать этому многостороннему одичанію путемъ изданія статута для общинъ.

Король уполномочилъ его созвать равиновъ и именитыхъ евреевъ изъ всѣхъ еврейскихъ общинъ въ Валядолидъ, чтобы во дворцѣ короля обсудить и принятъ новое общинное положеніе; нарушители послѣдняго подвергались всевозможнымъ наказаніямъ: исключенію изъ общины, за-

ключенію въ темницу, ссылкѣ и даже смертной казни. Это еврейско-кастильское общинное положеніе, принятое всѣми общинами и утвержденное королемъ и пріобрѣвшее силу закона (закончено въ мѣсяцѣ сиванѣ 1432 г.), представляетъ собою документъ, который одновременно вызываетъ и скорбь объ упадкѣ, сдѣлавшемъ необходимой такую суровость, и преклоненіе передъ авторомъ его, боровшимся съ этимъ зломъ. Статутъ, выработанный въ Валядолидѣ, заботился объ изученіи „Талмуда" и обученіи юношества, о выборахъ судей-равиновъ и ихъ вознагражденіи, о достойномъ богослуженіи, упорядочилъ взиманіе общинныхъ налоговъ и стремился изгнать изъ жизни всякую низость и безчинства. Особенно сурово относится статутъ къ доносчикамъ, угрожая имъ денежнымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, тѣлеснымъ наказаніемъ и исключеніемъ изъ еврейства. Уличенный въ этомъ преступленіи подвергался сотнѣ ударовъ, наложенію клейма на лобъ раскаленнымъ желѣзомъ и изгнанію. Если кто въ третій разъ совершалъ доносъ, то верховный судья и равинъ, донъ Авраамъ, былъ вправѣ присудить его къ смертной казни и, съ согласія короля, привести приговоръ въ исполненіе. Въ этотъ статутъ донъ Авраамъ весьма мудро включилъ одинъ пунктъ, согласно коему еврей, который сообщаетъ королю нѣчто о своемъ соплеменникѣ, что можетъ быть полезно королю, не считается доносчикомъ и даже удостаивается похвалы. „Ибо мы, евреи, обязаны всѣ охранять интересы короля и препятствовать всякому, кто можетъ причинить ему вредъ". Если же доносъ оказывается лживымъ, то клеветника постигаетъ суровое наказаніе.

Важенъ также еще одинъ пунктъ въ Валядолидскомъ статутѣ, касающійся нарядовъ для мужчинъ и женщинъ. Изданный королевой-матерью, Каталиною, запретъ носить драгоцѣнныя платья мало примѣнялся въ правленіе ея сына, ко двору коего были приближены многіе евреи. Особенно еврейскихъ женщинъ нельзя было отучить отъ подражанія знатнымъ христіанкамъ, носившимъ шелковыя одѣянія съ длинными шлейфами, жемчуги, драгоцѣнныя застежки и иныя украшенія. Эта роскошь возбуждала въ христіанскомъ населеніи чувство зависти и непріязни по отношенію къ евреямъ. Послѣдній параграфъ этого общиннаго положенія запрещаетъ поэтому всякіе обращающіе на себя вниманіе наряды; „евреи не должны забывать, что они живутъ въ эпоху гоненій". Этотъ надзоръ со стороны представителей общины надъ страстью женщинъ къ роскоши былъ весьма необходимъ, такъ какъ послѣднія, не смотря на королевскіе запреты, никакъ не могли освободиться отъ этого; и самъ король, какъ говорятъ, сказалъ своимъ еврейскимъ приближеннымъ: „Если вы, муж-

чины, и ходите, какъ угольщики, то ваши жены за то нагружены, какъ папскій мулъ [1])“.

Это положеніе должно было остаться въ силѣ десять лѣтъ, и только по окончаніи этого срока его можно было, если потребуется, измѣнить. Было ли оно дѣйствительно цѣлебнымъ средствомъ для общинъ? Какъ бы тамъ ни было, необходимо считать огромной заслугой верховнаго равина, Авраама Бенвенисти, что онъ попытался снова оживить полуразвалившіяся еврейскія общины въ Кастиліи и воскресить почти погасшую духовную дѣятельность.

Но съ какими трудностями приходилось ему бороться, чтобы поднять физическій и духовный уровень кастильскихъ общинъ! Многочисленные враги любимца короля, Алваро де Луна, были врагами и его, и его единовѣрцевъ; а между тѣмъ къ числу первыхъ принадлежали могущественные инфанты, сыновья арагонскаго короля Фернандо и двоюродные братья короля Жуана II, которые оспаривали у него право на престолъ и нѣсколько разъ обошлись съ нимъ, какъ съ плѣнникомъ.

Наиболѣе яростно ненавидѣла евреевъ, ихъ защитника, Авраама Бенвенисти, и ихъ покровителя, Алваро де Луна, родня лицемѣрнаго епископа Бургоса, Павла де Санта-Марія. Къ этой роднѣ, называвшейся де Картагена, принадлежали двое братьевъ и четверо сыновей ренегата, которые всѣ были хитрые, лживые, безпринципные интриганты. Они приняли отъ канцлера высокія судебныя или гражданскія должности и званія, но тайкомъ участвовали въ попыткахъ свергнуть его. Еще на краю могилы, Павелъ де Санта-Марія написалъ сочиненіе (1434 г.), въ которомъ онъ снова облилъ евреевъ желчью и ядомъ и возбуждалъ къ новымъ гоненіямъ противъ нихъ. Въ этой книгѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что Богъ воспользовался, хотя невѣжественнымъ, все же благочестивымъ Фернаномъ Мартинецомъ въ Севильѣ, виновникомъ кровавой рѣзни, чтобы натравить храбрый народъ на евреевъ и отомстить имъ за пролитую кровь Христа [2]). Его сильнѣйшимъ желаніемъ было дожить до повторенія рѣзни 1391 г. Но пока Алваро де Луна руководилъ королемъ и правленіемъ, всякая попытка къ возстанію быстро и сурово подавлялась. Когда же Алваро, вслѣдствіе интригъ инфантовъ и ихъ приверженцевъ, къ числу коихъ въ первой линіи принадлежала фамилія де Картагена, былъ свергнутъ, эти ренегаты и закоснѣлые враги еврейства высоко подняли головы. Алваро де Луна послалъ на базель-

[1]) Этотъ статутъ наход. во французской національной библіотекѣ на смѣшанномъ еврейско-испанскомъ языкѣ. Статутъ наз. Teccana═תקנה или Escama═הסכמה

[2]) Въ его Scrutinium Scripturarium.

скій соборъ, въ качествѣ представителя кастильской церкви, второго сына Павла де Санта-Марія, назначеннаго, послѣ смерти отца, епископомъ Бургоса. Онъ былъ самымъ умнымъ, энергичнымъ, но и самымъ подлымъ изъ всѣхъ братьевъ Картагена. Какъ только онъ узналъ о сверженіи ненавистнаго ему канцлера, онъ открылъ на соборѣ походъ противъ евреевъ, съ цѣлью унизить и, если можно, истребить всѣхъ приверженцевъ іудаизма въ Кастиліи. Участники базельскаго собора не были знакомы со своеобразными условіями, въ которыхъ жили евреи, и даже не помышляли о томъ, чтобы сдѣлать евреевъ предметомъ обсужденія на соборѣ и разсматривать ихъ существованіе какъ опасность для христіанской вѣры. Альфонсо де Картагена, однако, поставилъ еврейскій вопросъ на очередь дня, возбудилъ противъ евреевъ и соборъ, и папу Евгенія IV и провелъ весьма враждебную буллу противъ нихъ.

Этотъ папа, на каждомъ шагу унижаемый и ограничиваемый во власти церковнымъ собраніемъ въ Базелѣ, одержалъ побѣду надъ соборомъ, благодаря измѣнѣ нѣкоторыхъ заправилъ послѣдняго и безпомощности нѣмецкихъ князей. Евгеній сначала не былъ настроенъ враждебно противъ евреевъ, хотя и обнаружилъ узкій кругозоръ ограниченнаго монаха. Въ первое время послѣ того, какъ Евгеній сталъ папой, онъ подтвердилъ всѣ привилегіи, дарованныя евреямъ его предшественникомъ, Мартиномъ V (см. выше, стр. 105), обѣщалъ имъ свою защиту и запретилъ насильно крестить ихъ и вообще причинять страданія [1]). Но впослѣдствіи папа, какъ и соборъ въ Базелѣ, подвергся такому внушенію вражды къ евреямъ, что онъ измѣнилъ свои взгляды. Это было вліяніе Альфонса де-Картагена. На базельскомъ соборѣ онъ горячо защищалъ папу Евгенія и потому сталъ любимцемъ его. Папа однажды сказалъ: „Если бы ко двору нашему пришелъ епископъ Бургоса, мы должны были бы отвести ему мѣсто на папскомъ престолѣ". Онъ называлъ этого епископа еврейскаго происхожденія „радостью Испаніи и славой прелатовъ". Альфонсо совершилъ далекую поѣздку въ Бреславль, къ императору Альбрехту для того, чтобы побудить послѣдняго признать главенство папы Евгенія. Не удивительно поэтому, что послѣдній тоже оказывалъ услуги Альфонсу. Вслѣдствіе клеветническихъ жалобъ на опасность евреевъ для Испаніи, Альфонсо добился у папы, а папа у собора полное подтвержденіе буллы схизматическаго папы Бенедикта XIII (см. выше, стр. 101) во всемъ ея объемѣ. Во введеніи къ буллѣ папы сказано: „до его ушей дошли жалобы на евреевъ въ томъ, что они, въ ущербъ вѣрующимъ, злоупотребляютъ привилегіями, дарованными имъ папскимъ престоломъ, и

[1]) Gemeiner, Regensburgische Chronik III. стр. 29.

совершаютъ цѣлый рядъ позорныхъ закононарушеній, способныхъ запятнать чистоту вѣры; въ виду этого, онъ видитъ себя вынужденнымъ отмѣнить всѣ индульгенціи, дарованныя евреямъ имъ, его предшественникомъ Мартиномъ и другими папами, объявивъ ихъ не дѣйствительными". Булла повторила и даже еще болѣе усилила всѣ прежнія каноническія ограниченія. Евреи не допускались ни къ какимъ должностямъ, не могли получать наслѣдство отъ христіанина, не должны были строить новыя синагоги или украшать старыя, не должны были въ Страстную недѣлю показываться на улицахъ, открывать двери или окна. Свидѣтельскія показанія евреевъ противъ христіанъ объявлены были не имѣющими никакой силы. Булла Евгенія снова строжайше запрещала христіанамъ находиться въ услуженіи у евреевъ и даже зажигать въ субботу огонь для нихъ; евреи должны были отличаться отъ христіанъ особымъ значкомъ и нарядомъ и должны были жить въ особыхъ кварталахъ. Все это само собою разумѣлось, по мнѣнію папы. Всякое выраженіе, произнесенное евреемъ и звучащее оскорбительно для Іисуса, Божьей матери или святыхъ, должно было строго наказываться свѣтскимъ судьей. Эта булла должна была быть обнародована во всей странѣ и черезъ тридцать дней вступить въ силу. Всякій нарушитель предписаній буллы подлежалъ строгому наказанію. Если это былъ христіанинъ, то онъ подвергался отлученію отъ церкви, даже тогда, если бы виновнымъ оказался король или королева. Если же виновный—еврей, то все его имущество, движимое и недвижимое, должно было быть конфисковано епископомъ въ пользу церкви. Въ особомъ посланіи папа Евгеній увѣщевалъ кастильское духовенство безжалостно слѣдить за исполненіемъ ограничительныхъ предписаній. Эта булла, угрожавшая существованію испанскихъ евреевъ, освященная соборомъ и папой и явившаяся порожденіемъ обезумѣвшей ненависти, имѣло болѣе ощутительное вліяніе, чѣмъ вызванная ренегатомъ Геронимо де-Санта-фе булла схизматическаго папы Бенедикта, авторитетъ коего былъ весьма спорнымъ.

Папская булла, предназначавшаяся для Кастиліи, была, безъ согласія короля Жуана II, опубликована въ нѣкоторыхъ испанскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Толедѣ. Фанатики торжествовали побѣду, видя въ этомъ исполненіе своихъ желаній. Обманутый народъ сталъ смотрѣть на евреевъ и магометанъ, какъ на стоящихъ внѣ закона, и въ отдѣльныхъ мѣстахъ совершалъ насилія надъ ихъ личностью и имуществомъ. Вѣрующіе христіане полагали, что, вслѣдствіе предписаній папы, имъ нельзя вступать въ торговыя сношенія съ евреями. Христіанскіе пастухи покидали стада евреевъ (или магометанъ), сельскіе рабочіе оставляли еврейскія поля на произволъ судьбы. Союзъ городовъ (Hermandad),

въ свою очередь, издалъ обязательныя постановленія для притѣсненія заклейменныхъ церковью евреевъ. Евреи съ горячими мольбами бросились къ королю. Но де-Луна нѣсколько раньше попалъ, вслѣдствіе интригъ своихъ враговъ, въ немилость, а самъ король былъ безпомощенъ.

Къ счастью для евреевъ этого королевства, де-Луна былъ засыпанъ просьбами снова вернуться ко двору и опять взять въ свои руки бразды правленія государствомъ и арміей. Король не могъ обойтись безъ него; но и гранды, и народъ видѣли въ немъ своего спасителя, такъ какъ только онъ одинъ былъ въ состояніи остановить воцарившуюся со времени его ухода анархію, прекратить все учащавшіеся преступленія и скандалы. Подобно оскорбленной женщинѣ, онъ заставилъ себя долго упрашивать и, какъ только де-Луна снова принялъ бразды правленія въ свои руки, точно чудомъ какимъ-то въ странѣ воцарились спокойствіе и порядокъ.

Онъ позаботился также о подавленіи начавшихся насильственныхъ актовъ противъ евреевъ и тѣмъ охотнѣе, что упомянутая булла, авторъ коей былъ ему хорошо знакомъ, основывалась на якобы преступномъ покровительствѣ евреевъ, т. е. была направлена противъ него, приблизившаго ко двору проницательныхъ и опытныхъ евреевъ; канцлеръ немедленно же отразилъ ударъ, нанесенный ему и евреямъ. Король, т. е. де-Луна, издалъ декретъ (6 апр. 1443 г. [1]), объясняющій буллу. Онъ не могъ просто отмѣнить буллу или же разоблачить тѣ гнусныя интриги, которыя подготовили ее. Но королевское объясненіе такъ истолковало ее, что она стала безвредной. Онъ выразилъ свое возмущеніе по поводу безстыдства тѣхъ, кто воспользовался папской буллой, какъ предлогомъ для насилій надъ евреями и магометанами; по каноническимъ и королевскимъ законамъ, они вправѣ жить среди христіанъ, не подвергаясь оскорбленіямъ и насиліямъ; кромѣ того, булла точно указываетъ всѣ ограниченія, которымъ подвергаются евреи и магометане; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что ихъ можно грабить, избивать и истязать; не слѣдуетъ также, что они не должны заниматься торговлей и ремеслами, не вправѣ быть ткачами, золотыхъ дѣлъ мастерами, столярами, цырюльниками, сапожниками, портными, мельниками, мѣдниками, сѣдельниками, веревочниками, горшечниками, каретниками, корзинщиками и т. д., и что христіане не должны быть ихъ помощниками; ибо христіане отъ этого нисколько не теряютъ въ своемъ авторитетѣ и вовсе не вступаютъ въ особенно близкія отношенія съ евреями, послѣдніе же, занимаясь ремеслами, не могутъ вызвать къ себѣ особаго уваженія, а, вѣдь, булла толь-

[1]) Этотъ декретъ сообщ. Линдо, history of the Jews in Spain, стр. 221 и слѣд.

ко этого и хотѣла избѣжать; правда, христіане не должны принимать лекарства, прописанныя еврейскими и мавританскими врачами, развѣ въ томъ случаѣ, если лекарства были приготовлены христіанами; но и изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нельзя пользоваться медицинской помощью искусныхъ лекарей іудейскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій или что нельзя принимать прописанныя ими лекарства тамъ, гдѣ нѣтъ христіанскихъ лекарей. Жуанъ II предписалъ поэтому всѣмъ городскимъ чиновникамъ оказывать особую охрану евреямъ и магометанамъ, защищая ихъ отъ всякой несправедливости и наказывая виновныхъ христіанъ заключеніемъ въ тюрьму и конфискаціей имущества. Его декретъ долженъ былъ быть обнародованъ во всей странѣ особыми глашатаями въ присутствіи нотаріуса. Конечно, нужно было слѣдить за тѣмъ, чтобы евреи и магометане носили на своихъ платьяхъ особые значки и чтобы они жили отдѣльно отъ христіанъ. Гдѣ не существовало отдѣльныхъ кварталовъ для евреевъ, нужно было, для удобства послѣднихъ, устраивать ихъ. Король обѣщалъ къ тому же добиться у папы смягченія содержащихся въ буллѣ предписаній, направленныхъ противъ евреевъ и ихъ защитниковъ.

Такимъ образомъ, евреи въ Кастиліи были вовлечены въ борьбу партій въ большей мѣрѣ, чѣмъ это имъ было желательно. Скверно было для нихъ уже и то, что они всецѣло зависѣли отъ защиты Алваро де-Луна, который охранялъ ихъ лишь изъ политическихъ расчетовъ и вся неограниченная власть коего покоилась лишь на слабости короля.

Въ партійную борьбу въ царствованіе Жуана II были вовлечены и мараны, изъ-за которыхъ отчасти и вспыхнула вся борьба. Между насильно-крещенными въ Кастиліи и Арагоніи въ 1391 г. и 1412—1414 г.г тѣ изъ нихъ, кто въ сердцѣ своемъ еще носилъ Бога своихъ отцовъ и его законъ, стояли вдалекѣ отъ политической жизни, довольные тѣмъ, что ихъ оставляютъ въ покоѣ, и отягченные угрызеніями совѣсти, такъ какъ они все еще для виду должны были исполнять всѣ церковные обряды. Они не стремились къ богатствамъ и отличіямъ, а жили лишь надеждой на скорое освобожденіе отъ этой ужасной моральной пытки. Совсѣмъ иначе чувствовали себя свѣтскіе ново-христіане, большей частью люди образованные и свѣдущіе въ Талмудѣ. Свою принадлежность къ христіанству они старались использовать въ своихъ интересахъ, добиваясь богатствъ и почетныхъ должностей; они назойливо втирались въ аристократическія семьи, роднясь съ ними и, благодаря этому, достигая славы и власти. Такимъ образомъ, они вторгнулись въ магистратъ, въ судебныя учрежденія, въ собранія кортесовъ, въ правительственныя сферы, въ академическіе круги и даже въ кабинеты инфантовъ и королей.

Въ Арагоніи браки мелкаго и крупнаго дворянства съ маранами происходили такъ часто, что позже утверждали, будто имѣется лишь одна единственная дворянская семья, въ которой нѣтъ еврейской крови. Тѣ изъ марановъ, которые были знакомы со св. Писаніемъ, гнались особенно за церковными должностями [1]), такъ какъ онѣ были одновременно и доходными и почетными. Эти еврейскіе каноники, деканы и епископы, лицемѣрно проявляли тѣмъ больше рвенія, чѣмъ слабѣе была ихъ христіанская вѣра, подтачиваемая постоянными сомнѣніями, сохранившимися у нихъ еще отъ прежняго времени. Чтобы проявить свое церковное правовѣріе, они большей частью боролись съ іудаизмомъ и его приверженцами и поносили ихъ съ безстыдной низостью. Какъ бывшій равинъ, Соломонъ-Павелъ де Санта-Марія и его сыновья въ Кастиліи и какъ ученикъ, достойный своего учителя, Лорки или Геронимо де Санта-фе, такъ и ихъ единомышленники словомъ и перомъ всячески поносили своихъ единовѣрцевъ. Выкрестъ Мицеръ Педро, происходившій изъ знаменитой еврейской семьи де ла Кабальера, написалъ сочиненіе, брызжущее ненавистью противъ евреевъ, подъ заглавіемъ: „Ревнитель Христа противъ евреевъ и магометанъ" [2]); въ немъ евреи клеймятся, какъ негодное племя, проклятое сѣмя, лицемѣрные, лживые люди, зараза и чума. Жуанъ де Эспана, который выдавалъ себя за равина, подъ вліяніемъ проповѣдей Виценте Ферера перешедшаго въ христіанство, тоже всячески поносилъ свое прежнее вѣроученіе и своихъ единоплеменниковъ. Въ одномъ сочиненіи, касающемся его перехода въ христіанство, и въ своемъ коментаріи къ 72-му псалму, онъ считаетъ христіанскимъ долгомъ насильно принуждать евреевъ къ отреченію отъ своихъ заблужденій [3]).

Благодаря своимъ обширнымъ знаніямъ, накопленнымъ богатствамъ, высокому положенію и связямъ съ правительствующими кругами, умные ново-христіане добились вліянія на ходъ политики и въ Кастиліи, раздираемой партійной борьбой, и въ Арагоніи, гдѣ, вмѣсто отправившагося на завоеваніе Альфонсо V, сперва правила женщина, весьма доступная для интригъ, Дона Марія, а въ послѣдствіи царствовалъ Жуанъ II, воевавшій противъ собственнаго сына.

Для честолюбивыхъ марановъ, желавшихъ заставить всѣхъ забыть о своемъ происхожденіи, открывалась такимъ образомъ въ обоихъ королевствахъ возможность выдвинуться, играть крупную роль и травить своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Многіе изъ новохристіанъ держали себя,

[1]) Amador de los Rios III стр. 91.
[2]) Zelus Christi contra judaeos et Saracenos. Сравни объ этомъ Amador III. 106.
[3]) Amador Estudios стр. 430.

какъ выскочки, высокомѣрно и нагло и тѣмъ возбуждали неприязнь и раздраженіе.

Однако, какъ новохристіане ни старались проявить свою ревностную вѣру, благочестивые старохристіане очень слабо вѣрили въ искренность ихъ приверженности къ церкви. Они подозрѣвали, что новохристіане либо тайно исполняютъ еврейскіе обряды, либо совсѣмъ не имѣютъ религіи и относятся къ христіанству съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ и къ іудаизму. Свѣтскіе старохристіане съ завистью смотрѣли на все возраставшее вліяніе марановъ. Въ распредѣленіи высокихъ должностей они считали себя обойденными и оскорбленными, и тѣмъ яростнѣе проклинали новохристіанъ. Особенно сильны были негодованіе и ненависть противъ новохристіанъ на югѣ, въ Толедѣ, Андалузіи и Мурсіи, гдѣ ихъ прямо обвиняли въ томъ, что они въ душѣ не сочувствуютъ христіанству и только лицемѣрно, изъ личныхъ интересовъ, выдаютъ себя за вѣрующихъ. Тутъ возникло насмѣшливое и ругательное имя, которое должно было заклеймить ихъ. Новохристіане стали называться алборайками; это имя взято изъ одного преданія, согласно коему Магометъ изъ іерусалимскаго храма вознесся къ небу на конѣ Алборакъ (молнія), который отличался отъ другихъ коней, соединяя въ себѣ признаки разныхъ животныхъ, птицъ и иныхъ существъ. Этому албораку подобны новохристіане; они ни евреи, ни христіане, ни магометане; они жадны, какъ дикіе звѣри, чванятся, какъ павлины, предаются праздности, какъ борзыя собаки, и особенно отличаются, подобно змѣямъ, ядовитостью; въ виду этихъ разнообразныхъ свойствъ и особенно потому, что они не тѣ, за кого себя выдаютъ, названіе алборайкъ прекрасно подходитъ къ нимъ. Отъ этого названія, въ которомъ выразились отвращеніе и негодованіе старохристіанъ противъ вторгнувшихся въ ихъ среду чужаковъ, на югѣ пылкой Испаніи былъ одинъ лишь шагъ до ожесточенной ненависти и гоненій.

Эта ненависть прежде всего прорвалась въ Толедѣ. Соборнымъ колоколомъ враги марановъ созвали народъ, который, предводительствуемый и возбуждаемый двумя старо-христіанскими канониками, напалъ въ возбужденіи на владѣнія богатаго новохристіанина, Альфонсо де-Кота, поджегъ ихъ и готовился уже поджечь весь кварталъ, населенный большей частью маранами. При всеобщемъ возбужденіи, охватившемъ городъ, многіе новохристіане вооружились и подъ предводительствомъ богатаго марана Жуана де-ла Кобдадъ, пытались остановить поджоги; однако, несмотря на мужественное сопротивленіе, они были отбиты; вожакъ и многіе видные мараны были даже убиты, и трупы ихъ толпа съ тріумфомъ волочила по всѣмъ улицамъ и повѣсила на висѣлицы ногами вверхъ (мартъ 1440 г.). Король Донъ-Жуанъ и его министръ донъ Алваро, правда, отправились

въ Толеду съ намѣреніемъ наказать виновныхъ. Но начальникъ города, Педро Сарміенто, закрылъ предъ ними городскія ворота, и они были принуждены вернуться обратно. Алваро, который вообще не позволялъ съ собою шутить и не допускалъ посягательствъ на достоинство короля, хотѣлъ тутъ, повидимому, манифестировать свою вражду къ ново-христіанамъ, которые тайкомъ подкапывались подъ его положеніе и стремились свергнуть его. Его равнодушіе къ этому разгрому должно было показатъ имъ, что, безъ его покровительства, они погибли.

Сарміенто пошелъ еще дальше въ своей враждѣ къ маранамъ. Онъ созвалъ особый трибуналъ или собраніе кортесовъ и, вмѣстѣ съ прокуроромъ, Гарсіей де-Толедо, провелъ статутъ, согласно коему отнынѣ никакой новохристіанинъ не могъ занимать свѣтскую или духовную должность Къ несчастью для марановъ, этотъ статутъ повсемѣстно распространился и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получилъ силу закона. Тщетно пустили они въ ходъ всѣ средства, чтобы объявить статутъ недѣйствительнымъ, и даже добились у папы Николая изданія двухъ буллъ, признававшихъ статутъ недѣйствительнымъ. Въ Толедѣ онъ остался въ силѣ. Сарміенто отставилъ послѣ этого тринадцать марановъ отъ ихъ должностей, въ томъ числѣ нѣсколькихъ судей, совѣтниковъ, нотаріусовъ, одного члена кортесовъ и одного синдика духовнаго суда. Благородныя дамы, рыцари и дворяне стали клеймить ихъ, какъ вредныхъ соблазнителей, невѣрующихъ и измѣнниковъ. [1])

Зато и новохристіане ненавидѣли всемогущаго Алваро со всей яростью, на которую только способна дикая жажда мести за испытанную несправедливость и перенесенныя униженія. Всю вину за то отчаянное положеніе, въ которомъ они очутились, они приписывали ему, такъ какъ онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, отразить нападки на нихъ. Они много способствовали его паденію. Когда трусливый король въ концѣ концовъ все же покинулъ его и даже захотѣлъ умертвить его, то епископъ Бургоса, маранъ Альфонсо де Картагена, предоставилъ въ распоряженіе короля свой домъ для этого убійства. Изъ совѣтниковъ трибунала, созваннаго королемъ для рѣшенія вопроса о казни Алваро, мараны наиболѣе рѣзко высказывались за его осужденіе [2]). Статутъ Толеды о запрещеніи маранамъ занимать должности не сталъ закономъ, и король Жуанъ и его преемники предоставляли имъ высокія должности и званія; но народъ изъ-за этого все болѣе и болѣе возстановлялся противъ нихъ. Въ Арагоніи этотъ статутъ имѣлъ меньшее вліяніе, ибо тамъ были совсѣмъ иныя обстоятель-

---

[1]) Амадоръ въ ук. м. стр. 92 и слѣд., 207 и слѣд.

[2]) Т. же 118. и слѣд.

ства, такъ какъ мараны оказывали королю Арагоніи значительныя услуги въ его борьбѣ съ Каталоніей. Въ Арагоніи они играли еще болѣе выдающуюся роль, чѣмъ въ Кастиліи. Цѣлый рядъ новохристіанъ, за приверженность къ королю, были посвящены послѣднимъ въ рыцари [1]. Однако событія въ Толедѣ и ихъ вліяніе на толпу, которая и въ Арагоніи не менѣе, чѣмъ въ Кастиліи, ненавидѣла новохристіанъ, могли бы послужить предостереженіемъ, что рано или поздно и они подвергнутся суровымъ испытаніямъ. Они отдѣлили свою судьбу отъ судьбы своихъ бывшихъ братьевъ и относились къ нимъ съ враждою. Не прошло много времени, и высокомѣрные мараны, вслѣдствіе ихъ лицемѣрія, подверглись такому ужасному испытанію, продолжительному и жестокому, котораго не пережили ни одинъ народъ, ни одна нація, ни одна религія; такому испытанію не подверглись даже и не измѣнившіе вѣрѣ своихъ отцовъ евреи; несчастные новохристіане, въ эти тяжелые для нихъ дни, снова прильнули къ своимъ отвергнутымъ братьямъ, вовлекая и ихъ въ свои неимовѣрныя страданія.

ГЛАВА VIII.

Состояніе еврейской литературы въ 15-мъ вѣкѣ.

Упадокъ духовной дѣятельности. Изученіе Талмуда, новоеврейская поэзія. Рифмоплетъ Дафейра, баснописецъ Видалъ, сатирикъ Бонфедъ. Итальянскій рифмоплетъ Соломонъ да-Ріети. Полемическая литература. Видалъ, Іосифъ Альбо, Давидъ Наси, Исаакъ Натанъ. Еврейскій конкорданцъ. Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ.

(1430—1456).

Донъ Авраамъ Бенвенисти, принявшись за реорганизацію еврейскихъ общинъ въ Кастиліи, прежде всего стремился къ пробужденію духовной дѣятельности. Будучи односторонне набожнымъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы были снова открыты высшія школы для изученія Талмуда. Своими богатствами онъ поддерживалъ учителей и учениковъ этихъ школъ; но его рвеніе не достигло блестящихъ результатовъ. Даже незаурядные талмудисты того времени не выдерживаютъ никакого сравненія съ ихъ предшественниками. Высшія науки, не находившія никакой поддержки, еще менѣе могли развиться. Можно даже удивляться тому, какъ, несмотря на то, что ряды еврейской духовной аристократіи постоянно рѣдѣли, вслѣдствіе рѣзни и перехода въ христіанство, стремленіе къ творчеству еще не изсякло и не смѣнилось полнымъ отупѣніемъ. Правда, новоеврейская поэзія, столь пышно распустившаяся на испанской

[1] Амадоръ т. же.

почвѣ, поблекла. Испанская поэзія, родившаяся во времена Генриха III и Жуана II, веселые мотивы *Вилены и Сантиланы* *) не вызвали эхо въ еврейскихъ кругахъ. Изъ еврейской груди даже не вырвалась потрясающая, скорбная пѣснь, въ которую вылились бы страданія ихъ полной трагизма жизни. Несмотря на то, что въ то время писалось много стиховъ, врядъ ли можно будетъ насчитать многихъ писателей, которыхъ можно назвать поэтами, даже при самомъ широкомъ снисхожденіи, т. е. считая таковыми сохранившихъ въ своемъ стихоплетствѣ, по крайней мѣрѣ, поэтическую форму.

Самыми значительными изъ нихъ были Соломонъ Дафіера [1]), донъ Видалъ Бенвенисти, руководитель еврейскихъ участниковъ диспута въ Тортозѣ, и Соломонъ Бонфедъ. Первый, потомокъ поэта Мешулама Дафіеры изъ Южной Франціи, боровшагося съ приверженцами Маймонида (VIII т., стр. 47), много перестрадалъ во время гоненій въ Испаніи и нашелъ себѣ убѣжище у Бенвенисти ибнъ-Лаби. Онъ былъ поэтъ по профессіи, весьма искусно владѣлъ риѳмованной прозой и версификаціей, составилъ полный словарь риѳмъ и написалъ даже поэтику. Но о поэзіи, которая завладѣваетъ сердцами людей, онъ не имѣлъ никакого представленія; его стихи были правильны и весьма искусны, но неплавны и безсодержательны, а его проза тяжела своимъ многословіемъ. Не лучше обстоитъ и съ поэзіей дона Видала Бенвенисти ибнъ-Лаби, который обучался поэтикѣ у Дафіеры. Онъ написалъ нравоучительную притчу (Meliza) объ Эферѣ и Динѣ въ риѳмованной прозѣ, перемѣшанной со стихами, которые представляютъ собою ничто иное, какъ искусственное примѣненіе библейскихъ стиховъ и звучныхъ риѳмъ. Содержаніе притчи: одинъ отжившій человѣкъ (Эферъ), потерявшій свою добродѣтельную жену, влюбился въ молодую, свѣжую красавицу (Дина), страстно добивается ея руки, вслѣдствіе чего становится посмѣшищемъ для всѣхъ, и въ концѣ обнаруживаетъ свое безсиліе. Вмѣсто того, чтобы предоставить читателю самому понять притчу и вывести изъ нея мораль, поэтъ донъ-Видалъ настолько лишенъ вкуса, что самъ излагаетъ мораль, вытекающую изъ его притчи. Онъ заявляетъ, что своей притчей и вообще поэтической аллегоріей онъ хотѣлъ лишь привлечь на одно мгновеніе вниманіе порочной молодежи и натолкнуть ее на моральныя размышленія. Большимъ поэтическимъ талантомъ обладалъ Соломонъ бенъ-Рувимъ Бонфедъ, для котораго Ибнъ-Гебироль былъ идеаломъ, къ которому онъ стремился. Обладая чувствительностью и легкой возбудимостью Ибнъ-Геби-

*) Знаменитые испанскіе поэты. *Ред.*

[1]) Его словарь риѳмъ אמרי נואש и сборникъ стиховъ אמרי שפר находятся еще въ рукописи.

роля, онъ полагалъ, что, подобно этой чуткой поэтической душѣ, онъ преслѣдуемъ судьбою и имѣетъ право быть колкимъ. Онъ мстилъ за это сатирическими стихотвореніями, направленными противъ его враговъ и общины, предавшей отлученію Ибнъ-Гебироля. Онъ влагаетъ въ уста послѣдняго слова утѣшенія для него и проклятія для „недостойныхъ евреевъ“ Сарагосы. Но у него не было того идеализма, который просвѣтлялъ душу Ибнъ-Гебироля [1]).

Способности къ поэтическому творчеству недоставало и евреямъ Италіи, гдѣ, въ началѣ эпохи Медичей, культура достигла весьма высокаго уровня и, вмѣстѣ съ гуситскимъ движеніемъ, какъ червь, подтачивала основы католическаго средневѣковья. Послѣ Эмануила Роми, итальянскіе евреи выдвинули только одного поэта, но и этотъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, не можетъ считаться поэтомъ въ благородномъ смыслѣ этого слова. Моисея бенъ Исаакъ (Гайо) да-Ріети въ Перуджіи (род. въ 1388 г., ум. послѣ 1451 г.), занимавшагося врачебнымъ искусствомъ, обладавшаго обширными философскими познаніями и владѣвшаго какъ еврейскимъ, такъ и итальянскимъ языками, можно было бы назвать художникомъ, если бы въ поэзіи все сводилось къ стихотворному размѣру и звучнымъ риѳмамъ. Ибо то и другое въ его превосходно задуманномъ стихотвореніи безукоризненны; Да-Ріети хотѣлъ воспѣть въ стихахъ всѣ науки, іудаизмъ, еврейскую древность и всѣхъ знаменитыхъ мужей прошлаго и выбралъ для этой цѣли искусственно построенныя строфы, въ коихъ каждые три стиха были связаны риѳмою. Но стиль Да-Ріети слишкомъ неровенъ, полонъ безвкусныхъ дѣтскихъ выдумокъ за недостаткомъ поэтической изобрѣтательности. Такъ, напримѣръ, онъ соединилъ въ стихи заголовки всей Мишны, включая названія отдѣльныхъ главъ. Талмудическія легенды и сказанія онъ помѣстилъ у себя полностью, даже не догадываясь о скрытомъ въ нихъ поэтическомъ содержаніи. Да-Ріети былъ простымъ риѳмоплетомъ, и, называя его еврейскимъ Данте, совершали по отношенію къ величайшему итальянскому поэту вопіющую несправедливость. Чтобы имѣть право на сопоставленіе съ Данте, Да-Ріети не доставало всего, а особенно глубины мысли. Его кругозоръ былъ вообще весьма ограниченъ. Онъ сознательно изгналъ изъ своего рая еврейскихъ мыслителей: Албалага, Леви бенъ-Герсонъ, Нарбони, какъ полуеретиковъ, а также своего собрата по искусству и ужъ навѣрное превосходившаго его своимъ талантомъ, Эмануила Роми, „за то, что онъ пѣлъ о любви“; наконецъ, онъ не отвелъ мѣста тамъ одно-

[1]) Удачную эпиграмму его сообщилъ Дукесъ изъ одной рукописи:

עולל אשר היה תמול תלמיד איך מהרתו רב בקהל רב?
מה נפלאת לו ישיבת עיר. בקר היות תלמיד וערב רב.

му, помимо того неизвѣстному, испанскому писателю, Мустину де Герера, „за то, что онъ писалъ противъ кабалы". Онъ допустилъ въ свое небесное царство поэтовъ заурядныхъ писателей, если они только извѣстны были своей набожностью. Остроумный и веселый Эмануилъ поблагодарилъ бы ему за это, ибо онъ не былъ бы въ состояніи пробыть долго въ скучномъ раю Да-Ріети. Только въ одномъ отношеніи стихотвореніе Да Ріети является прогрессомъ въ новоеврейской поэзіи. Еврейско-арабское стихосложеніе съ однозвучными риѳмами имъ окончательно отвергнуто. Его звучныя окончанія весьма разнообразны. Ухо не утомляется вѣчнымъ повтореніемъ одинаковыхъ или однозвучныхъ риѳмъ. Его строфы группируются въ стансы. Онъ также тщательно избѣгалъ скверной привычки испанско-еврейскихъ поэтовъ играть библейскими стихами. Да-Ріети нашелъ вѣрную внѣшнюю форму для новоеврейскаго стихосложенія, но онъ не былъ въ состояніи вложить въ эту форму красивое или хотя бы даже привлекательное содержаніе. Тѣмъ не менѣе итальянскія общины включили нѣкоторыя стихотворенія Да-Ріети въ свое богослуженіе и читали ихъ каждый день. Въ Римѣ онъ былъ однажды вынужденъ присутствовать на одной изъ христіанскихъ проповѣдей, которыя папы навязали евреямъ. Когда Да-Ріети хотѣлъ возразить доминиканскому монаху на его сильнѣйшіе выпады противъ іудаизма, проповѣдникъ отказался отъ диспута.

Въ то время на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ, несмотря на все возраставшую немощь, пульсъ исторической жизни еврейства бился все же сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ изгнанія, обѣ области духовной дѣятельности, углубленіе въ изслѣдованіе Талмуда и легкая игра поэтическаго творчества и пѣснопѣнія, которыя прежде во времена расцвѣта приводили въ напряженіе всѣ духовныя силы еврейства, потеряли всю свою привлекательность. Также мало занимались и изслѣдованіемъ св. Писанія, связаннымъ съ упомянутыми двумя областями. Литературная дѣятельность этой эпохи была направлена почти исключительно на одну цѣль, на борьбу съ назойливостью церкви, на защиту отъ ея нападокъ на еврейство, на мужественное сопротивленіе ея рвенію въ обращеніи иновѣрцевъ въ христіанство. Еврейскіе мыслители, преданные своей вѣрѣ, считали своей обязанностью громко провозглашать свои убѣжденія, предостерегать малодушныхъ евреевъ Испаніи и другихъ странъ отъ соблазна и укрѣплять ихъ въ приверженности съ іудаизму. Чѣмъ ревностнѣе монахи и особенно многочисленные перебѣжчики вродѣ Павла де Санта-Марія, Геронимо де Санта-фе и Педро де Кабалерія старались убѣдить евреевъ, что христіанское тріединство и есть истинный Богъ Израиля, и чѣмъ болѣе церковь раскладывала свои сѣти для уловленія евреевъ и

пользовалась всѣми средствами, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, тѣмъ болѣе евреи были вынуждены всѣми силами не допускать того, чтобы ихъ древнее достояніе ловкимъ фокусомъ было вырвано изъ ихъ рукъ или, вѣрнѣе, чтобы въ ихъ Святая святыхъ былъ внесенъ кумиръ. Слабые въ духовномъ отношеніи должны были быть особенно тщательно оберегаемы отъ этой путаницы въ религіозныхъ понятіяхъ и ученіяхъ. Еврейскіе проповѣдники выбирали поэтому болѣе, чѣмъ когда-либо, чистоту принципа объ единствѣ Бога темой для своихъ краснорѣчивыхъ проповѣдей. Они особенно старались подчеркнуть существенное и непримиримое различіе между еврейскимъ и христіанскимъ пониманіемъ Бога и считали смѣшеніе этихъ двухъ понятій ложнымъ и роковымъ. Эта эпоха походила на то время, когда еврейская партія эллинистовъ старалась склонить своихъ братьевъ къ отпаденію отъ единаго Бога, опираясь на поддержку свѣтской власти. Нѣкоторые проповѣдники зашли нѣсколько далеко въ стремленіи къ достиженію намѣченной цѣли. Вмѣсто того, чтобы укрѣплять вѣру въ единаго Бога, опираясь на Библію и богатую фантазіями агаду, они пользовались для этой цѣли схоластической философіей, употребляли формулы философовъ и, держа свитокъ Торы въ рукахъ, съ кафедры провозглашали имена Платона, Аристотеля, Авероеса наряду съ именами пророковъ и талмудическихъ мудрецовъ. Эти проповѣди, которыя снова принялись за игру въ аллегоріи и банально-философское истолковываніе библейскихъ стиховъ и талмудическихъ мѣстъ, вызывали поэтому отъ времени до времени справедливыя нареканія.

Однажды, когда одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, съ помощью схоластическихъ формулъ, распространенно доказывалъ необходимость признанія единства Бога, одинъ простой еврей перебилъ его болтовню словами: „Однажды въ Севильѣ на меня напали христіанскіе ревнители вѣры, ограбили меня до нитки, изранили и оставили меня полумертваго на произволъ судьбы; я претерпѣлъ все это за мое убѣжденіе, что нашъ Богъ единъ; теперь намъ хотятъ философской дребеденью доказать эту вѣру; я не въ состояніи слушать такую проповѣдь“. Съ этими словами онъ покинулъ синагогу, сопровождаемый многими членами общины, послѣдовавшими за нимъ.

Полемическая литература, которая въ то время сильно развилась, имѣла своею цѣлью защиту іудаизма отъ клеветническихъ измышленій его враговъ, а не уловленіе христіанскихъ душъ въ сѣти іудаизма. Она только намѣревалась открыть глаза единовѣрцамъ, дабы они, изъ невѣжества и ослѣпленія, не попали въ приготовленную для нихъ западню. Правда, она разсчитывала подѣйствовать и на новохристіанъ, подъ угрозой смерти перешедшихъ въ лоно церкви, убѣждая ихъ не относиться

серьезно къ своему вынужденному крещенію и не успокаиваться на привычномъ исповѣданіи христіанства. Большинство полемическихъ писаній было такимъ образомъ апологіями частью противъ нападокъ прежняго времени, главнымъ же образомъ противъ современныхъ враждебныхъ сочиненій, принадлежавшихъ перу марановъ. Кто знаетъ, сколько колеблющихся евреевъ было совращено съ пути іудаизма искреннимъ или лицемѣрнымъ рвеніемъ вышедшихъ изъ ихъ же среды и свѣдущихъ въ еврейской письменности новохристіанъ?

Велика заслуга тѣхъ мужей, которые, стремясь сохранить іудаизмъ, стали, не взирая на опасности, поучать народъ и укрѣплять его въ приверженности къ іудаизму. Это были тѣ же выдающіеся мужи, которые на диспутѣ въ Тортовѣ проявили столько мужества въ защитѣ іудаизма и Талмуда отъ издѣвательствъ и клеветническихъ измышленій: *донъ Видалъ ибнъ Лаби* и *Іосифъ Альбо*. Первый написалъ на еврейскомъ языкѣ возраженіе на обвиненія Геронимо противъ Талмуда (Kodesch ha-Kodaschim). Іосифъ Альбо изложилъ на испанскомъ языкѣ свою религіозную бесѣду съ однимъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицомъ. Еврей испанскаго происхожденія, *донъ Давидъ Наси*, попавшій въ Кандію и сдѣлавшійся совѣтникомъ, казначеемъ и учителемъ епископа *Франциско Бентиволіо* написалъ сочиненіе, въ которомъ онъ пытался, на основаніи самаго Новаго завѣта, доказать истинность іудаизма и несостоятельность христіанскихъ догмъ (1430 г.); кардиналъ былъ этимъ сочиненіемъ внутренне переубѣжденъ и проклиналъ свой санъ, принуждавшій его исповѣдовать христіанство. Родившійся въ Испаніи провансальскій еврей, происходившій изъ ученой фамиліи Натанъ въ Провансѣ, *Исаакъ бенъ Калонимосъ,* который много сталкивался съ христіанскими учеными и часто принужденъ былъ защищать свои убѣжденія, составилъ два полемическихъ сочиченія, одно въ опроверженіе памфлета Геронимо подъ заглавіемъ: „*Отповѣдь лже-учителю*" (Tochachat Matéh), а другое, тенденція коего не извѣстна, подъ заглавіемъ „Крѣпость" (Mibzar Isaak). Наконецъ, онъ составилъ кропотливый трудъ, который долженъ былъ облегчить защиту отъ нападокъ на іудаизмъ. *Исаакъ Натанъ,* сталкиваясь съ христіанами, часто слышалъ тотъ или иной доводъ противъ іудаизма, то или иное доказательство христіанскихъ догмъ, почерпнутое изъ еврейской Библіи, и онъ нашелъ, что всегда недоразумѣніе было основано на одномъ какомъ нибудь плохо понятомъ еврейскомъ выраженіи. Онъ и думалъ, что положитъ конецъ всѣмъ этимъ бреднямъ и лжетолкованіямъ, вытекающимъ изъ незнанія первоначальнаго текста, или, по крайней мѣрѣ, облегчитъ евреямъ защиту, если онъ составитъ обширный обзоръ всѣхъ словъ Библіи, благодаря чему будетъ незыблемо установлено правильное, неоспори-

мое и не зависящее отъ произвольнаго толкованія значеніе отдѣльныхъ словъ и стиховъ. Въ самое короткое время каждый могъ бы изъ этого обзора усмотрѣть не только, какъ часто употребляется каждое слово въ Библіи, но и какое значеніе оно имѣетъ въ связи съ другими. Съ этой цѣлью Исаакъ Натанъ предпринялъ грандіозный трудъ, которому онъ и посвятилъ много лѣтъ своей жизни (сент. 1437—1445). Онъ составилъ конкорданцъ Библіи, т. е. сгруппировалъ стихи въ алфавитномъ порядкѣ по корнямъ и основамъ. Въ качествѣ образца ему служилъ латинскій конкорданцъ библейскихъ мѣстъ, составленный доминиканскимъ монахомъ, *Арлото де Прато* [1]), который, однако, преслѣдовалъ при этомъ совсѣмъ иную цѣль, а именно облегченіе проповѣдникамъ отысканія текстовъ Писанія. Исаакъ Натанъ (написавшій еще много другихъ сочиненій), хотя его трудъ и былъ чисто-механическій, все же оказалъ составленіемъ конкорданца чрезвычайную и непреходящую услугу наукѣ библейскаго изслѣдованія. Ибо, только благодаря конкорданцу, стало возможнымъ основательное толкованіе Библіи, которое, не завися болѣе отъ произвольныхъ допущеній, получило такимъ образомъ прочное основаніе. Конкорданцъ Натана, правда, не лишенъ недостатковъ; онъ еще и по сіе время не совсѣмъ законченъ, хотя позже и были сдѣланы попытки улучшить и исправить его. Но онъ положилъ прочное основаніе, на которомъ можно было начать возведеніе постройки. Вызванный потребностями полемики, конкорданцъ сдѣлалъ возможнымъ тѣ продолжительныя побѣды, которыя іудаизмъ уже одержалъ въ прошломъ и которыя ему еще суждено одержать въ будущемъ.

Іосифъ ибнъ Шемъ-Товъ (род. 1400 г., умеръ мученикомъ 1460 г.), обладавшій философскимъ образованіемъ, бывшій плодовитымъ писателемъ и любимымъ проповѣдникомъ и принятый при кастильскомъ дворѣ (см. выше, стр. 114), тоже старался въ своихъ сочиненіяхъ освѣтить всю несостоятельность противорѣчащихъ разуму христіанскихъ догмъ. При своихъ частыхъ сношеніяхъ съ высокопоставленными христіанами, духовнаго и иного званій, онъ былъ вынужденъ познакомиться съ христіанскимъ богословіемъ во всемъ его объемѣ для того, чтобы быть въ состояніи отвергать дѣлавшіяся ему предложенія перейти въ христіанство, основываясь на солидныхъ доводахъ, и опровергнуть часто высказывавшійся взглядъ, будто христіанство обезцѣнило іудаизмъ. Часто приходилось ему въ религіозныхъ бесѣдахъ защищать свои убѣжденія, и онъ изложилъ добытые результаты своихъ бесѣдъ и изслѣдованій въ небольшомъ

[1]) Первый латинскій конкорданцъ составилъ Hugo a St. Caro въ 1244, затѣмъ Arlotto de Prato въ 1290 г.; Конрадъ изъ Галберштадта около того же времени дополнилъ его.

произведеніи подъ заглавіемъ: „Сомнѣнія въ истинности религіи Іисуса [1])“. Іосифъ ибнъ Шемъ-Товъ весьма мѣтко критиковалъ тамъ догмы первороднаго грѣха, искупленія и претворенія въ плоть. Кромѣ того онъ написалъ, въ поученіе своимъ единовѣрцамъ, обширный комментарій къ сатирѣ Профіата Дурана противъ христіанства (см. выше, стр. 74) и своимъ переводомъ съ испанскаго языка на еврейскій полемическаго сочиненія Хасдая Крескаса противъ христіанской религіи сдѣлалъ его доступнымъ и широкимъ еврейскимъ кругамъ. Ибо, какъ это ни удивительно, испанскіе евреи въ общемъ болѣе читали сочиненія, написанныя на еврейскомъ, чѣмъ на испанскомъ языкѣ [2]). Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ хотѣлъ доставить своимъ соплеменникамъ оружіе для защиты ихъ святыни.

Перечисляя авторовъ полемическихъ писаній противъ христіанства, необходимо отвести особое мѣсто одному современнику и ровеснику Іосифа ибнъ Шемъ-Товъ, хотя его имя до сихъ поръ было забыто. *Хаимъ ибнъ-Муса* изъ Беяра въ окрестностяхъ Саламанки (род. 1390 г., ум. 1460 г.), свѣдущій врачъ, стихотворецъ и писатель, имѣлъ, благодаря своему искусному врачеванію, доступъ къ испанской знати и ко двору. Онъ также часто имѣлъ случай спорить съ духовными лицами и иными образованными христіанами о различныхъ вѣроученіяхъ. Бесѣда, сообщенная Хаимомъ ибнъ-Муса, характеризуетъ отношенія, которыя господствовали въ Испаніи до того, какъ мрачная инквизиція задушила всякое свободное слово. Одинъ ученый духовный сановникъ спросилъ его однажды, почему евреи, которые утверждаютъ, что обладаютъ истинной вѣрой, не овладѣваютъ снова Св. землей и Св. городомъ. Ибнъ - Муса возразилъ на это, что такъ какъ евреи потеряли ихъ за грѣхи своихъ отцовъ, то они могутъ снова овладѣть ими лишь въ случаѣ полнаго покаянія и просвѣтлѣнія. Однако, задалъ онъ встрѣчный вопросъ, почему христіане не овладѣваютъ Св. гробомъ, почему послѣдній, а также всѣ другія священныя мѣста находятся въ рукахъ невѣрующихъ магометанъ, несмотря на то, что христіане каждую минуту могутъ, путемъ исповѣди и отпущенія грѣховъ, быть освобождены отъ послѣднихъ любымъ священникомъ? Не успѣлъ духовный сановникъ отыскать подходящее возраженіе, какъ въ разговоръ вмѣшался присутствовавшій тамъ же рыцарь, бывшій прежде въ Палестинѣ. Онъ замѣтилъ: только магометане и могутъ владѣть храмомъ и святыми мѣстами, ибо ни христіане, ни евреи не чтятъ такъ своихъ мо-

[1]) ספקות בעקרים על מעשה ישו הנצרי, рукоп. семинарской библіотеки № 38

[2]) Въ предисловіи къ переводу этой книги: בטול עקרי הנוצרים или מאמר הנבדל Іосифъ говоритъ: מאמר מעט הכמות ורב האיכות אשר חבר (הר' חסדאי) בלשון ארצו ולקצורו ועמקו נעלם מעיני בני עמינו תועלתו. מצורף אל זה זרות לשון לאשר לא הרגלו למוד החכמה בזולת לשוננו הקדושה.

литвенныхъ домовъ, какъ магометане; христіане въ ночи, предшествовавшія Пасхѣ (вигиліи), занимались въ іерусалимскихъ церквахъ самыми позорными дѣлами, развратничали въ нихъ, укрывали воровъ и убійцъ и заводили тамъ кровавыя распри; они такъ же оезчестили свои церкви, какъ нѣкогда евреи свой храмъ; потому Богъ въ своей мудрости отнялъ св. городъ отъ евреевъ и христіанъ и отдалъ его магометанамъ, ибо въ ихъ рукахъ городъ обезпеченъ отъ обезчещенія. Христіанскій священникъ и еврейскій врачъ могли лишь пристыженно молчать.

Хаимъ ибнъ-Муса всѣ свои усилія направилъ на разборъ сочиненій францисканскаго монаха, Николая де Лира (т. VIII, стр. 246), бывшихъ въ то время главнымъ источникомъ, изъ коего христіане черпали свои обвиненія противъ евреевъ; при этомъ онъ старался не только опровергнуть приведенныя въ этихъ сочиненіяхъ утвержденія, но главнымъ образомъ отнять у нихъ почву, питавшую ихъ. Столь участившіеся тогда диспуты не приводили ни къ какому результату, давая лишь поводъ обѣимъ партіямъ торжествовать побѣду; происходило это оттого, что диспуты большей частью вертѣлись вокругъ второстепенныхъ пунктовъ, такъ какъ партіи не уславливались относительно общихъ предпосылокъ и вели долго словопренія, которыя основывались на недоказанныхъ положеніяхъ. Хаимъ ибнъ-Муса и хотѣлъ внести въ споры извѣстный порядокъ и выяснить принципы, на которыхъ должна была основываться защита іудаизма. Онъ установилъ поэтому извѣстныя правила, которыя, будучи строго соблюдены, должны были привести къ цѣли. Прежде всего евреи, призванные къ участію въ диспутѣ, должны были придерживаться простого смысла св. Писанія, всегда обращать вниманіе на общую связь и особенно не допускать аллегорическаго и символическаго толкованій, ибо какъ разъ тутъ представители христіанства находили широкій просторъ для произвольныхъ истолковываній. Далѣе евреи должны были заявить, что они въ дѣлахъ вѣры не придаютъ никакого авторитета ни халдейскому (Targum), ни греческому (Septuaginta) переводамъ Библіи, ибо христіане главнымъ образомъ оттуда черпаютъ свои лже-доказательства. Даже отъ агадическаго толкованія они должны были отречься и безъ колебаній заявить, что послѣднее не существенно для іудейскаго вѣроученія. Примѣняя эти и иныя правила, Хаимъ ибнъ-Муса пытался опровергнуть сочиненіе Николая де-Лира отъ начала до конца и весьма успѣшно выполнилъ свою задачу въ своемъ обширномъ сочиненіи, которое онъ съ правомъ назвалъ: „Щитъ и мечъ".

Два писателя, отецъ и сынъ, которые, хотя жили въ Алжирѣ и, слѣдовательно, были отдалены отъ арены, на которой христіанское рвеніе разставило сѣти для уловленія евреевъ, все же были по происхожденію и

образованію испанцами, *Симонъ Дуранъ бенъ-Цемахъ* и его сынъ *Соломонъ Дуранъ*, тоже обогатили полемическую литературу противъ христіанства. Первый (род. въ 1361 г., ум. въ 1440 г.), въ своемъ философскомъ освѣщеніи іудаизма, посвятилъ одну главу и христіанству съ цѣлью защитить принципъ ненарушимости Торы отъ нападокъ христіанъ и магометанъ. Въ этой главѣ, озаглавленной „Лукъ и щитъ“ [1]), „оборонительно и наступательно“ Симонъ Дуранъ привелъ высказанныя уже прежними писателями, а въ послѣднее время Профіатомъ Дураномъ (смотр. выше стр. 74) положенія: Іисусъ никоимъ образомъ не хотѣлъ упразднить іудаизмъ; напротивъ, онъ рѣзко подчеркивалъ продолжающееся значеніе іудаизма, и только лишь его ученики, которые хотѣли привлечь на сторону мессіи языческій міръ, объявили, вопреки намѣренію Іисуса, еврейскіе религіозные законы упраздненными и болѣе не обязательными. Алжирскій равинъ обнаруживаетъ при этомъ необычайную начитанность въ новозавѣтныхъ писаніяхъ и основательное знакомство съ церковными сочиненіями, противъ коихъ онъ борется съ позаимствованнымъ у нихъ же оружіемъ, подвергая ихъ безпощадной критикѣ. Между прочимъ, онъ оспариваетъ происхожденіе Іисуса изъ дома Давида, какъ это описано въ евангеліи отъ Матѳея и Луки, и указываетъ на возникающія при этомъ неразрѣшимыя противорѣчія. По его словамъ, онъ познакомился съ двумя благородными французскими христіанами, которыхъ полная противорѣчій генеалогія Іисуса приводила въ такое непреодолимое раздраженіе, что они изъ-за этого перешли въ іудейство. Живя среди магометанъ, Симонъ Дуранъ обратилъ свое вниманіе и на исламъ, стараясь разбить доводы, приводимые магометанами въ доказательство истинности ихъ религіи.

Соломонъ Дуранъ I (родился 1400 г., ум. въ 1467 г. [2]), который, послѣ смерти отца, сталъ алжирскимъ равиномъ, соединялъ съ глубокимъ знаніемъ Талмуда рѣшительную склонность къ раціоналистическому пониманію іудаизма. Въ противоположность своему прадѣду, Нахманиду, и отцу, онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ кабалы. Еще при жизни отца и по его порученію, Соломонъ написалъ возраженіе на безстыдныя и лживыя обвиненія, высказанныя Геронимо де Санта-фе противъ Талмуда. Въ обширномъ изслѣдованіи (Война за долгъ [3]) Соломонъ Дуранъ удачно отвѣчаетъ на плоскія вылазки ренегата. Онъ отвергнулъ упрекъ, будто Талмудъ проповѣдуетъ противъ цѣломудрія, доказывая, что онъ, наоборотъ, крайне строго предписываетъ воздержаніе; евреи, жившіе согласно тал-

[1]) קשת ומגן Симона Дурана, составл. 1423 г.

[2]) Сеніоръ Заксъ Kerem Chemed IX стр. 114 и слѣд.

[3]) אגרת מלחמות חובה сост. 1437.

мудическимъ предписаніямъ, держались вдалекѣ отъ плотскихъ прегрѣшеній, презирали ихъ болѣе всѣхъ другихъ проступковъ и пальцами указывали на провинившихся въ этомъ; какъ могутъ христіане упрекать евреевъ въ нецѣломудріи, когда ихъ же праведники ежедневно предаются пороку, котораго цѣломудренные люди не рѣшаются и назвать и который извѣстенъ подъ именемъ „монашескаго грѣха"! Чтобы опровергнуть обвиненіе противъ неприличныхъ талмудическихъ изреченій, Соломонъ Дуранъ былъ, однако, вынужденъ прибѣгнуть къ помощи софистическихъ доказательствъ.

Философія религіи, поднятая еврейско-испанскими мыслителями до высоты науки, имѣла въ эту эпоху своихъ послѣднихъ представителей въ Испаніи. Тѣ же писатели, которые охраняли іудаизмъ отъ нападокъ христіанства, защищали его также и отъ поползновеній еврейскихъ мракобѣсовъ, которые хотѣли окончательно погасить въ немъ лучи свѣта и, подобно доминиканскимъ монахамъ, желали замѣнить разумное убѣжденіе слѣпой вѣрой. Ревнители іудаизма, какъ Шемъ-Товъ ибнъ-Шемъ-Товъ (см. выше, стр. 81) и другіе, односторонне воспитанные на Талмудѣ и введенные въ заблужденіе кабалой, видѣли въ научномъ изслѣдованіи начало ереси. То обстоятельство, что вліянію ревностныхъ проповѣдей Виценте Ферера и папы Бенедикта поддались главнымъ образомъ образованные евреи, только укрѣпило людей, вродѣ Шемъ-Това, въ ихъ убѣжденіи, что научное образованіе и даже простое размышленіе о религіи неминуемо ведетъ къ отпаденію отъ іудаизма. Разсматривая науку, какъ ересь, они вполнѣ послѣдовательно пришли къ проклятію Маймонида и всѣхъ тѣхъ еврейскихъ мыслителей, которые придавали въ дѣлахъ вѣры большое значеніе разуму. Противъ этого рвенія въ искорененіи ереси и выступилъ Іосифъ Альбо, составившій обширное религіозно-философское изслѣдованіе (Ikkarim, основныя ученія), гдѣ онъ попытался отдѣлить существенныя ученія іудаизма отъ несущественныхъ и установить границу между правовѣріемъ и ересью.

Іосифъ Альбо (род. 1380 г., ум. 1444 г.[1]) изъ Монреаля, одинъ изъ главныхъ представителей еврейства на диспутѣ въ Тортозѣ, который, вѣроятно, вслѣдствіе нетерпимости папы Бенедикта, выселился въ Сорію, былъ, какъ врачъ, хорошо знакомъ съ естественными науками того вре-

[1]) Его религіозно-философское соч. Ikkarim составлено, по словамъ Закуто, въ 1428 г., напечатано очень рано, принадлежа къ первымъ изд. типографіи Сонцино 1485; на латинскій языкъ оно было переведено Матѳеемъ Эліасомъ и частью Гильбертомъ Генебрардомъ, Перчемъ и друг. (срв. библіографовъ). О томъ, что Альбо при составленіи этого сочиненія жилъ не въ Монреалѣ, а въ Соріи (Старо-Кастиліи), свидѣтельствуетъ онъ самъ во введеніи: יושב פה שוריאה אשר הגעני הנה המגיע הראשון

мени, а какъ ученикъ Хасдая Крескаса, былъ свѣдущъ и въ современной ему философіи. Хотя Альбо и былъ строгимъ послѣдователемъ талмудическаго іудаизма, онъ все же, подобно своему учителю, питалъ склонность къ философскимъ идеямъ и стремился примирить въ себѣ эти оба элемента, но, конечно, такъ, чтобы іудаизмъ нисколько не пострадалъ отъ этого. Но Альбо не обладалъ той глубиной мысли, которая отличала его учителя, былъ скорѣе баналенъ и во всякомъ случаѣ далекъ отъ строгаго и систематическаго мышленія. По совѣту своихъ друзей, онъ предпринялъ изслѣдованіе по вопросу: поскольку въ предѣлахъ іудаизма разрѣшена свобода изслѣдованія въ религіозныхъ вопросахъ? Одновременно онъ хотѣлъ окончательно разрѣшить вопросъ, правильно ли число (13) символовъ вѣры въ системѣ Маймонида, можетъ ли оно быть увеличено или уменьшено и слѣдуетъ ли считать еретикомъ того, кто не признаетъ ихъ всѣхъ. Такъ возникла его религіозно-философская система, послѣдняя, выросшая на еврейско-испанской почвѣ. Изложеніе Альбо значительно разнится отъ манеры писанія, характерной для его предшественниковъ. Онъ былъ проповѣдникомъ, однимъ изъ самыхъ искусныхъ и привлекательныхъ, и это обстоятельство повліяло на его изложеніе, которое отличается легкостью, ясностью, общедоступностью и занимательностью. Альбо умѣетъ всякую философскую мысль уяснить мѣткимъ сравненіемъ и сдѣлать ее пріемлемой, искусно приправляя библейскими стихами и агадическими сентенціями. Благодаря этимъ достоинствамъ, изложеніе выиграло въ смыслѣ общедоступности; но съ другой стороны оно потеряло, такъ какъ стало слишкомъ ужъ расплывчатымъ.

Замѣчательно, что Альбо, который намѣревался изложить свою религіозно-философскую систему, стоя на почвѣ іудаизма, въ основаніе ея положилъ принципъ несомнѣнно христіанскаго происхожденія. Такъ вліяла окружающая атмосфера даже на тѣхъ, которые всячески старались освободиться отъ ея воздѣйствія. Основнымъ принципомъ религіозный мыслитель изъ Соріи провозгласилъ блаженство души, что является цѣлью человѣка на землѣ и къ чему главнымъ образомъ стремится іудаизмъ. Его учитель, Хасдай Крескасъ, и другіе проповѣдывали потустороннее блаженство, которое состоитъ въ близости къ Богу и въ соединеніи души съ міровымъ духомъ. По мнѣнію Альбо, высшее счастье не въ *возвышеніи души*, а скорѣе въ ея *спасеніи*. Такъ какъ это понятіе чуждо іудаизму, то онъ принужденъ былъ даже создать новое выраженіе для обозначенія блаженства души [1]). Это исходный и конечный пунктъ его религіозно-философской системы. Человѣкъ лишь послѣ смерти дости-

[1]) Кромѣ выраженія: הצלת הנפש встрѣчается лишь у Альбо терминъ תשועת הנפש III, гл. 35 для обозначенія блаженства.

гаетъ того совершенства, къ коему Богъ его предназначилъ; земная жизнь есть лишь подготовленіе къ потусторонней, высшей жизни. Какими средствами человѣкъ можетъ достичь этого? Имѣются, правда, троякаго рода учрежденія, стремящіяся къ возвышенію человѣка отъ состоянія животной грубости до ступени цивилизаціи: *естественное право*, особаго рода общественный договоръ воздерживаться отъ кражи, грабежа и убійства; далѣе *государственное законодательство*, которое подчиняетъ своей власти и дисциплину, и нравы; наконецъ, *философское законодательство*, которое заботится главнымъ образомъ о созданіи продолжительнаго счастья людей и стремится устранять, по крайней мѣрѣ, препятствія къ этому счастью. Однако всѣ эти учрежденія, даже и наиболѣе высоко развитыя, не въ состояніи создать истинное благо человѣка, именно, *спасеніе его души, его блаженство;* ибо они всѣ занимаются исключительно *поступками* людей и, хотя стремятся поднять нравственность, не сообщаютъ человѣку правильнаго *взгляда*, не внушаютъ ему *убѣжденій*, которыя лежатъ въ основѣ всякаго поступка. Поэтому философское законодательство впадаетъ въ заблужденія, какъ, напр., Платонъ, знаменитѣйшій философъ, рекомендовалъ въ своей философіи общность женщинъ въ видѣ вознагражденія за услуги государству. Нечего удивляться тому, что всѣ эти разнообразныя законодательства пошли по пути заблужденій. Ихъ творцы были люди, которые и при самой сильной дальнозоркости все же не могли предусмотрѣть всѣ возможные случаи и тѣмъ менѣе въ состояніи были провести границу между правомъ и безправіемъ, между нравственностью и порочностью. Человѣческое законодательство, по природѣ своей, ограничено; оно въ состояніи охватить только преходящія явленія [1]).

Если вѣчная жизнь, блаженство послѣ смерти, является высшей цѣлью человѣка, то необходимо должно быть *божественное законодательство*, безъ котораго люди должны были бы постоянно бродить въ потемкахъ и не могли бы достигнуть своей цѣли. Это божественное законодательство должно обладать всѣми тѣми совершенствами, которыхъ лишены человѣческіе законы. Оно должно быть основано на предпосылкѣ, что существуетъ совершенный Богъ, который хочетъ и можетъ спасти людей, должно дать увѣренность въ томъ, что этотъ Богъ открылъ людямъ извѣстное ученіе, приводящее ихъ къ блаженству, и, наконецъ, должно обѣщать возмездіе за поступки и помыслы людей.

Альбо не чувствовалъ настоятельной философской потребности доказать первый пунктъ, *существованіе Бога*. Ему достаточно было того,

[1]) Т. же I, гл. 5—8

что философія, на ряду со многими слабыми, приводитъ и нѣкоторыя серьезныя доказательства существованія Бога [1]) и, слѣдовательно, совпадаетъ въ этомъ пунктѣ съ предпосылкой всякой религіи. Важнѣе было для него доказать второй пунктъ, *необходимость божественнаго законодательства*. Если всѣ другія созданія природы не только имѣютъ свои особыя цѣли, но и достигаютъ ихъ, если въ человѣкѣ всѣ органы и отправленія исполняютъ свое предустановленное назначеніе, то вѣдь духъ человѣка, который даетъ ему превосходство надъ низшимъ міромъ и составляетъ его природу, несомнѣнно и необходимо долженъ имѣть не только извѣстную цѣль, но и возможность достигнуть ея. Но эта цѣль не можетъ, какъ это утверждаютъ философы, состоять въ теоретическомъ совершенствованіи, въ проникновеніи міровымъ духомъ и въ сліяніи съ нимъ. Ибо эта ступень метафизическаго развитія доступна лишь для немногихъ, высокоодаренныхъ натуръ, напр., Сократа и Платона. При этомъ допущеніи получилось бы, что духъ всѣхъ остальныхъ людей не только въ одну какую нибудь эпоху, а со времени возникновенія рода человѣческаго не достигаетъ своей цѣли и, слѣдовательно, безцѣленъ и безсмысленъ. Поэтому необходимо допустить, что, если человѣческій духъ не стоитъ ниже песчинки или былинки, то всякій человѣкъ можетъ достигнуть извѣстнаго совершенства, когда только будетъ проявлять правильную дѣятельность. Но эта дѣятельность, которая должна достигнуть цѣли духа, не можетъ, въ свою очередь, быть односторонне теоретическою, не можетъ состоять, напримѣръ, въ одномъ только мышленіи или самоуглубленіи, словомъ, въ одномъ философствованіи, ибо человѣческій духъ пребываетъ въ тѣлѣ, и человѣкъ, слѣдовательно, двойственное существо. Его дѣятельность для достиженія предустановленной ему цѣли должна поэтому быть одновременно и *духовной*, и *физической*. Каковы же должны быть дѣйствія людей, чтобы достигнуть совершенства? Они должны быть непремѣнно заранѣе предустановлены, ибо, въ противномъ случаѣ, человѣкъ бродилъ бы въ потемкахъ и сбился бы съ истиннаго пути. Нельзя также допустить, что поведеніе большинства людей является руководящей нитью для отдѣльнаго лица, ибо большинство людей сами дѣйствуютъ неправильно и даже сознаютъ это. Можно только сказать вообще, что добро является вѣрнымъ средствомъ для достиженія человѣческаго совершенства. Ибо чувство добра и права всякому человѣку прирождено. Всякій человѣкъ, если въ немъ только бьется сердце, радуется доброму дѣлу и безпокоенъ послѣ совершенія дурного дѣла, т. е. у него есть внутренняя совѣсть, которая любитъ добро и ненавидитъ зло. Но въ состояніи ли человѣкъ, обуреваемый страстями и влеченіями, найти

[1]) Тамъ же II гл. 4 5.

это добро въ самомъ себѣ, въ своей совѣсти? Философская этика, правда, говоритъ, что добро лежитъ между двумя противоположными влеченіями, напр., щедрость есть среднее между расточительностью и скупостью. Однако кто можетъ установить мѣру для этой середины? Мало того. Нужно признать, что человѣкъ можетъ достигнуть совершенства, только исполняя божественную волю безкорыстно и безъ заднихъ мыслей. Небесныя сферы, которыя, подобно человѣку, состоятъ изъ тѣла и души, тоже не дѣлаютъ ничего иного: пребывая въ вѣчномъ движеніи, онѣ лишь исполняютъ божественную волю. Въ чемъ же заключается эта божественная воля, которая должна руководить дѣйствіями людей? Эту волю человѣкъ можетъ еще менѣе, чѣмъ добро, отыскать въ самомъ себѣ, установить и выяснить. Слѣдовательно, если Создатель не хотѣлъ обречь столь богато одареннаго имъ человѣка на заблужденія и отпаденіе отъ Бога, то Онъ долженъ былъ дать ему откровеніе своей священной воли и указать ему истинный путь къ добру. Поэтому необходимо признать откровеніе божественнаго законодательства, которое руководитъ дѣйствіями человѣка и научаетъ его достигнуть своего высшаго назначенія [1]). Это *откровеніе* или это *божественное законодательство* должно было быть возвѣщено людямъ высокоодареннымъ существомъ, божественнымъ посланникомъ, пророкомъ, который могъ доказать несомнѣнность и неоспоримость своей божественной миссіи.

Это божественное законодательство основывается на трехъ принципахъ: на *бытіи Бога, откровеніи Его воли и справедливомъ возмездіи послѣ смерти*. Таковы три основы, на которыхъ оно покоится; въ большемъ оно не нуждается [2]). Конечно, эти три полные смысла и содержанія принципа заключаютъ въ себѣ много другихъ идей. Допущеніе справедливо царящаго Бога содержитъ одновременно и логическое условіе, что Онъ *совершененъ*, *духовенъ* (не матеріаленъ), *единъ* и *вѣченъ*. Постулатъ божественнаго откровенія предпосылаетъ *всевѣдѣніе* Бога, *пророчество* и *посредствующее лицо*, *воспринимающее откровеніе*. Наконецъ, допущеніе справедливаго возмездія основано на мысли о *провидѣніи*, т. е. что Богъ заботится о людяхъ и желаетъ доставить имъ счастье [3]). Но всѣ эти идеи являются лишь выводами изъ трехъ основныхъ принциповъ, упомянутыхъ выше.

Божественное законодательство такимъ образомъ совпадаетъ съ религіознымъ откровеніемъ. По мнѣнію Альбо, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ религій, іудейство отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, которыя можетъ предъявить разумъ къ божественному законодательству. Главное содержаніе іудаизма и составляютъ: *Богъ, поученіе и возмездіе*. Іудаизмъ

[1]) Ikkarim II гл. 1—8. [2]) Т. же гл. 10. [3]) Т. же I гл. 15.

признается даже своими противниками, приверженцами христіанства и ислама, божественнымъ откровеніемъ, что и подтверждается долгимъ историческимъ опытомъ и его содержаніемъ. Тысячи людей слышали голосъ Бога у горы Синая. Это исключаетъ какія-бы то ни было сомнѣнія въ бытіи духовнаго Бога, въ истинности и божественности Торы. Эта вѣра ведетъ къ блаженству, т. е. она ведетъ вѣрующаго къ его совершенству и къ спасенію, блаженству его души. Кто отрицаетъ одинъ изъ этихъ трехъ догматовъ вѣры: бытіе Бога, божественность Торы и справедливое возмездіе послѣ смерти со всѣми вытекающими изъ нихъ слѣдствіями, тотъ еретикъ и лишается блаженства [1]).

Правда, Альбо не легко доказать, что центръ тяжести его религіозной системы, *спасеніе души въ безсмертіи*, обоснованъ въ іудаизмѣ. Онъ принужденъ признать, что возмездіе, которое Тора и пророки обѣщаютъ праведникамъ и грѣшникамъ, есть *посюстороннее*, а именно благополучіе или несчастіе на землѣ. Въ своемъ затруднительномъ положеніи онъ ухватился за объясненіе, согласно коему вознагражденіе и наказаніе на землѣ относятся не къ отдѣльнымъ лицамъ, а ко всей еврейской націи, какъ органическому цѣлому. Это *національное* возмездіе разнится отъ индивидуальнаго, которое не матеріально, а духовно и наступаетъ не въ земной, а въ потусторонней жизни [2]). Еще труднѣй Альбо доказать, на основаніи Талмуда, что праведники награждаются безсмертіемъ; ибо „будущій міръ", о которомъ говоритъ талмудическая агада, находится въ связи съ вѣрой въ воскресеніе мертвыхъ, которое тоже понимается, какъ чудесное событіе *на землѣ*. Однако пестрая агадическая литература все же доставила ему нѣкоторые пункты, на которые онъ могъ опереться, доказывая свое основное положеніе о духовномъ безсмертіи и блаженствѣ [3]).

Іудаизмъ такимъ образомъ является, по мнѣнію Альбо, божественнымъ ученіемъ, доставляющимъ своимъ приверженцамъ блаженство души. Поэтому іудаизмъ, „божественное законодательство" (Dat Elohit), и содержитъ такъ много религіозныхъ законовъ (613 по обычному подсчету), чтобы каждый имѣлъ возможность добиться спасенія души. Ибо осмысленное и благоговѣйное исполненіе хотя бы единаго религіознаго предписанія безъ заднихъ мыслей и постороннихъ цѣлей уже ведетъ къ блаженству. Поэтому Тора съ ея огромнымъ числомъ предписаній не налагаетъ на своихъ приверженцевъ непосильнаго бремени и не угрожаетъ, какъ это утверждаютъ учители христіанства, проклятіемъ всякому, кто не

[1]) Т. же I гл. 11, 18 21.
[2]) Т. же IV гл. 40.
[3]) Т. же IV гл. 31.

исполнилъ всѣхъ предписаній; напротивъ, Тора лишь облегчаетъ путь къ высшему совершенству. Поэтому въ агадѣ и сказано, что всѣ евреи принимаютъ участіе въ вѣчной жизни (Olam ha-Ba), ибо каждый можетъ достигнуть этого, исполнивъ хотя бы единое религіозное предписаніе [1]).

Правда, имѣются и ступени блаженства. Чѣмъ больше религіозныхъ предписаній исполняетъ кто-нибудь, чѣмъ онъ постояннѣе въ своей праведности, чѣмъ большій религіозный смыслъ онъ связываетъ съ этимъ, тѣмъ большую награду онъ и получитъ, т. е. тѣмъ выше будетъ ступень его потусторонняго блаженства. Высшей ступени совершенства достигаетъ тотъ, кто съ внутренней радостью и изъ чистой любви къ Богу исполняетъ всѣ религіозныя предписанія [2]). Но не только приверженцы іудаизма призваны къ блаженству; такъ какъ всѣ люди—созданія Бога, то Онъ хотѣлъ и ихъ пріобщить къ блаженству. Поэтому Талмудъ и выставилъ принципъ: „Праведники всѣхъ народовъ участвуютъ въ блаженствѣ“ Для этой цѣли Богъ далъ и нееврейскимъ народностямъ религіозные законы, а именно семь Ноевыхъ предписаній [3]). Кто изъ неевреевъ исполнитъ ихъ, тотъ принимаетъ участіе въ блаженствѣ. Подтвержденіе своего взгляда о необходимости *божественнаго руководительства людьми путемъ законовъ* Альбо усматривалъ въ послѣдовательности нѣсколькихъ божественныхъ законодательствъ, которая въ Библіи только слабо намѣчена, но въ Талмудѣ уже болѣе опредѣленно формулирована. Создатель далъ и внушилъ Адаму сейчасъ же послѣ его сотворенія извѣстныя предписанія, которыя нужно поэтому разсматривать, какъ *первое, элементарное, простое божественное законодательство*. Послѣднее было позже увеличено и даже измѣнено новыми предписаніями, данными Ною и его сыновьямъ и, слѣдовательно, обязательными для всѣхъ народовъ, происходящихъ отъ нихъ. Дальнѣйшее откровеніе Бога дало Аврааму новыя предписанія, напр. обрѣзаніе. Синайское откровеніе съ его многочисленными предписаніями должно разсматриваться, какъ четвертое законодательство.

Дойдя до этого пункта, Альбо останавливается на вопросѣ: можетъ ли синайское откровеніе, іудаизмъ, когда-либо быть измѣнено въ такой же степени, въ какой прежнія законодательства были измѣнены синайскимъ? Этотъ вопросъ заслуживалъ тѣмъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія, что представители христіанства мучили евреевъ утвержденіемъ, что христіанство и есть новое откровеніе, „Новый завѣтъ“ упразднилъ „Ветхій“, Евангеліе исчерпало Тору, т. е. сдѣлало ее недѣйствительной. Чтобы не пасть жертвой выводовъ своей собственной системы, Альбо прибѣгнулъ къ

[1]) Т. же I гл 21, III гл. 29. [2]) Т. же III гл 30—36.
[3]) См. т. IV „Исторіи евреевъ“, стр. 361.

своеобразному различенію: откровеніе, данное *непосредственно самимъ* Богомъ, именно поэтому неизмѣнно и обязательно для всѣхъ временъ; напротивъ, откровеніе, возвѣщенное *посредствомъ* пророка, можетъ быть измѣнено и даже отмѣнено. Десять заповѣдей, возвѣщенныхъ Израилю самимъ Богомъ съ вершины охваченнаго пламенемъ Синая, неизмѣнны; въ нихъ высказаны всѣ три основныхъ принципа божественнаго законодательства. Остальныя предписанія іудаизма, возвѣщенныя народу Моисеемъ могутъ быть измѣнены и даже упразднены. Въ исторіи и бывало, что одинъ пророкъ отмѣнялъ изреченія другого. Предписаніе вести счетъ мѣсяцевъ съ начала весны, съ мѣсяца нисана, было отмѣнено послѣ вавилонскаго изгнанія и вмѣсто этого установлено начало года осенью, въ мѣсяцъ тишри. Эзра принялъ для св. Писанія не староеврейскія, а новыя, асирійскія письмена [1]). Однако способность къ измѣненію, признаваемая за частью или даже за большей частью религіозныхъ предписаній іудаизма, допускается пока *теоретически*, т. е. только какъ *возможность*. *Практически* же всѣ предписанія Торы обязательны и неизмѣнны до тѣхъ поръ, пока Богу не будетъ угодно возвѣстить новые законы устами столь же великаго пророка, какъ Моисей, и такъ же гласно и убѣдительно, какъ это произошло у горы Синая [2]). До сихъ поръ не было никакого пророка, который въ состояніи былъ упразднить іудаизмъ. Такъ Альбо отвергнулъ всѣ притязанія христіанства и ислама, мечтавшихъ объ упраздненіи іудаизма. Послѣдній, благодаря своему основному ядру, десяти заповѣдямъ, и своимъ все еще обязательнымъ предписаніямъ, является единственно истинной религіей, истиннымъ божественнымъ законодательствомъ.

Іудаизмъ, который стремится доставить блаженство потомкамъ Авраама, предлагаетъ для этого два средства: *истинную вѣру* и *правильное исполненіе заповѣдей*. Ибо іудаизмъ и состоитъ изъ этихъ двухъ главныхъ частей, изъ *религіозныхъ ученій* и *религіозныхъ предписаній* [3]). Для достиженія блаженства необходимо и то, и другое. Главными ученіями іудаизма являются три основныхъ принципа всякаго божественнаго законодательства: вѣра въ бытіе Бога, въ божественность Торы и въ справедливое возмездіе послѣ смерти. Такимъ образомъ Альбо уменьшилъ число символовъ вѣры съ тринадцати Маймонида и *восьми* своего учителя, Хасдая Крескаса, до *трехъ;* но эти три символа онъ расширилъ въ другомъ направленіи. Ибо, по его мнѣнію, первый символъ вѣры, бытіе Бога, заключаетъ въ себѣ и признаніе Его *единымъ, безтѣлеснымъ, вѣчнымъ* и *совершеннымъ;* второй символъ вѣры содержитъ и

[1]) „Ист. евр." т. III, стр. 113.
[2]) Ікарим III гл. 14—19..
[3]) Т. же III. гл. 24-25.

всевѣдѣніе Бога, пророчество вообще и миссію Моисея; третій предполагаетъ *промыселъ Божій.* Такимъ образомъ, въ общемъ получается восемь символовъ вѣры, т. е. какъ разъ столько, сколько установилъ Хасдай Крескасъ. Альбо далѣе говоритъ: основными ученіями или символами вѣры считаютя такіе принципы, признаніе коихъ означаетъ правовѣріе, отрицаніе же является ересью и равносильно отпаденію отъ еврейства [1]; іудаизмъ выставляетъ еще шесть другихъ принциповъ, которые, однако, существенно отличаются отъ предыдущихъ восьми; отрицаніе ихъ, правда, *тоже* является ересью, но не подрываетъ самаго іудаизма и потому не лишаетъ блаженства; эти шесть принциповъ суть: *сотвореніе Богомъ міра изъ ничего, высшее пророчество Моисея, неизмѣнность Торы, достиженіе блаженства* души путемъ благоговѣйнаго исполненія хотя бы одного религіознаго предписанія, *воскресеніе мертвыхъ* и, наконецъ, *пришествіе Мессіи* [2]) Такимъ образомъ въ предѣлахъ іудаизма обезпечена свобода изслѣдованія въ томъ смыслѣ, что, признавая и оставляя неприкосновенными основные символы вѣры, можно философскими размышленіями и библейскими толкованіями отклониться отъ общаго пониманія тѣхъ или иныхъ установленій. Слѣдовательно, тѣ, которые объявляютъ ересью и проклинаютъ малѣйшее уклоненіе отъ традиціи, совершенно не правы [3]) Самъ Альбо воспользовался этой свободой изслѣдованія и не призналъ вѣры въ Мессію, какъ существенный символъ іудейской вѣры, ибо даже многіе талмудисты и праведники не ожидали Мессіи и все же не считались еретиками. Стихи изъ Писанія касательно Мессіи могутъ быть иначе истолкованы. Надежда на пришествіе Избавителя - Мессіи, въ лучшемъ случаѣ, представляетъ передающуюся изъ поколѣнія въ поколѣніе традицію, но ни въ коемъ случаѣ не составляетъ основного символа вѣры [4]). Альбо, повидимому, хотѣлъ этимъ подорвать основу христіанства, покоющагося на мессіанизмѣ; но позже жестоко напали на него за это утвержденіе [5]).

Религіозная система Альбо далеко не удовлетворительна. Принявъ своимъ исходнымъ пунктомъ чуждый іудаизму христіанскій основной принципъ спасенія души, она принуждена была, тоже въ духѣ христіанства. разсматривать вѣру, какъ необходимое условіе для спасенія души, и считать предписанія и установленія іудаизма *таинствами,* вродѣ христіанскаго крещенія, причастія, соборованія, исполненіе коихъ обусловливаетъ блаженство. Онъ вертится къ тому же въ заколдованномъ кругу,

[1]) Т. же I гл, 15, 26. [2]) Т. же I, гл. 23. [3]) Т. же I гл. 2, 24.
[4]) Т. же IV гл. 42. [5]) Именно Абрабанелемъ въ его мессіанскихъ сочиненіяхъ въ особенности въ משמיע ישועה.

имѣя въ виду то всеобщее божественное законодательство, то особенные законы іудаизма. Альбо былъ настолько не лишенъ предразсудковъ, что онъ отвелъ извѣстное мѣсто и кабалѣ и не понималъ съ достаточной ясностью, что эта псевдо-религія и псевдо-философія одинаково противорѣчитъ іудаизму въ частности и разуму вообще. Зогаръ онъ призналъ священной книгой, что вызываетъ сомнѣніе относительно ясности его мышленія [1]). Его изложеніе тоже не вполнѣ выдержано. Проповѣдническій паѳосъ часто замѣняетъ у него логику. Альбо въ проповѣдническомъ тонѣ распространяется о толкованіяхъ Библіи и агады съ цѣлью придать своимъ взглядамъ видъ особаго глубокомыслія.

Болѣе строгимъ мыслителемъ былъ его болѣе молодой современникъ, *Іосифъ ибнъ-Шемъ Товъ*, хотя и онъ былъ проповѣдникомъ. Впавъ въ немилость у кастильскаго короля, онъ много странствовалъ и каждую субботу произносилъ предъ многочисленной публикой свои проповѣди. Онъ обладалъ хорошимъ философскимъ образованіемъ. Къ великому огорченію своего кабалистически-мрачнаго, фанатическаго отца, проклинавшаго философію, какъ источникъ всѣхъ бѣдствій, желавшаго Аристотелю всѣхъ мукъ ада и даже считавшаго еретикомъ самаго Маймонида, сынъ его Іосифъ со всѣмъ пыломъ своей юной души углубился въ аристотелево-маймонидово ученіе и такъ освоился съ нимъ, что даже составилъ коментарій къ ученію о душѣ, къ этикѣ Аристотеля и къ нѣкоторымъ философскимъ сочиненіямъ Авероеса [2]). Онъ прославлялъ Бога за то, что Онъ осѣнилъ своей мудростью язычника Аристотеля. Онъ стремился доказать, что стагирскій мыслитель совсѣмъ не отрицалъ божественнаго промысла въ жизни людей. Іосифъ ибнъ-Шемъ Товъ, нимало не стѣсняясь, обличалъ заблужденія своего отца, утверждавшаго, подобно многимъ другимъ его закала, что примѣненіе высшаго философскаго познанія къ религіи есть несчастье. По мнѣнію Іосифа, оно необходимо для осуществленія высшихъ цѣлей, къ которымъ призванъ человѣкъ и особенно еврей; еврей съ философскимъ образованіемъ, который добросовѣстно исполняетъ религіозныя предписанія іудаизма, несомнѣнно, скорѣе достигнетъ своей высокой цѣли, чѣмъ тотъ, кто слѣпо, безо всякаго пониманія и сознанія, выполняетъ ихъ; наука еще и потому имѣетъ высокую цѣнность, что она предостерегаетъ человѣческій духъ отъ уклоненій и заблужденій; ибо несовершенному человѣческому духу свойственно, на ряду съ

[1]) О Кабалѣ Альбо говоритъ въ I гл. 20; III гл. 25; IV гл. 41; о Зогарѣ въ IV гл. 32.

[2]) Его коментаріи къ אפשרות הדבקות Ибнъ-Рошда, къ מאמר השכל Александра Афродисіаса и къ Этикѣ Аристотеля наход. еще въ рукописи.

открытіемъ истины, впадать и въ заблужденія; но правильное познаніе и научаетъ отличать истину отъ заблужденій.

Хотя Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ и былъ влюбленъ въ схоластику Аристотеля-Маймонида-Авероеса, онъ все же видѣлъ и ея слабыя стороны и потому старался провести рѣзкую границу между ней и іудаизмомъ. Эту именно задачу и ставитъ себѣ его религіозно-философское сочиненіе, Kebod Elohim [1]), которое представляетъ собою незаконченную систему, а лишь остовъ ея. Онъ весьма рѣзко подчеркиваетъ мысль, которая и самому Маймониду не была ясна, а именно: неправильно утвержденіе, будто іудаизмъ и философія совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ и находятся въ прекраснѣйшей гармоніи между собою; напротивъ, они въ существенныхъ пунктахъ даже очень расходятся между собою; совершенно неправильно утвержденіе Маймонида и его преемниковъ, а особенно проповѣдниковъ, будто сотвореніе міра по Моисею совпадаетъ съ Аристотелевымъ ученіемъ о природѣ, или будто видѣніе пророка о колесницѣ Бога (Maasze Merkaba) учитъ тому же, что и метафизика Аристотеля; проистекшій отъ Бога іудаизмъ открываетъ совсѣмъ иныя истины, чѣмъ философія, являющаяся продуктомъ человѣческаго ума; если іудейская религія и ученіе разума содержатъ общія имъ истины, то отсюда еще не слѣдуетъ ихъ полное равенство; если далеко уклоняющіяся отъ философіи нѣкоторыя истины іудаизма и не могутъ быть доказаны путемъ умозаключеній, то ихъ тѣмъ не менѣе нельзя просто отвергнуть, ибо ихъ подтвержденіе и ихъ несомнѣнность кроются въ тѣхъ чудесахъ, которыя проявили пророки и праведники и въ истинности коихъ евреи непосредственно убѣдились въ теченіе многихъ вѣковъ. [2])

Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ такимъ образомъ отвергъ одну сторону философіи Маймонида. Насталъ конецъ миру, нѣкоторое время царившему между іудаизмомъ и философіей: между ними снова происходитъ разрывъ. Іосифъ обѣщалъ въ слѣдующемъ сочиненіи доказать, какія противорѣчія существуютъ между однимъ и другимъ ученіемъ и каковы заблужденія философіи [3]). Но, какъ только онъ открылъ слабую сторону Маймонида, онъ долженъ былъ отчаяться въ возможности раціоналистическаго пониманія іудаизма. Онъ вынужденъ былъ прильнуть къ Нахманиду, основывая іудаизмъ на чудесахъ [4]). Въ вопросѣ о назначеніи человѣка, Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ стоялъ на почвѣ аристотелевой системы, согласно коей высшее развитіе и совершенствованіе духа приближаетъ человѣческую душу къ Богу. Такова высшая цѣль человѣческой дѣятельности.

[1]) Соч. 1442. Сравни о немъ Мунка въ ук. м.

[2]) Kebod Elohim л. 22.

[3]) Т. же л. 27. [4]) Т. же л. 22.

Она много выше нравственнаго поведенія, ибо послѣднее имѣетъ цѣнность лишь въ существующемъ человѣческомъ обществѣ, высшее же познаніе независимо отъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ отношеній и можетъ быть достигнуто даже въ уединеніи. Однако, продолжаетъ Іосифъ ибнъ-Шемь-Товъ, изъ аристотелевой теоріи о достиженіи блаженства путемъ теоретическаго совершенствованія духа еще не слѣдуетъ, что эта преисполненная высокой мудрости душа достигнетъ безсмертія; пріобрѣтенная духомъ истина сохраняетъ свою цѣнность даже тогда, когда носительница ея, душа, со смертью ея постояннаго спутника, тѣла, сама тоже исчезаетъ и испаряется [1]).

Этотъ пробѣлъ въ философіи восполненъ лишь синайскимъ ученіемъ. Оно видитъ счастье человѣка въ продолженіи жизни духа послѣ разрушенія тѣла; оно поэтому стоитъ неизмѣримо выше философіи. Кромѣ того іудаизмъ даетъ средство для достиженія этого блаженства, а именно путемъ добросовѣстнаго выполненія религіозныхъ предписаній [2]). Тутъ Іосифъ ибнъ-Шемъ Товъ частью говоритъ то же, что и Альбо; также и по его мнѣнію установленія іудаизма носятъ характеръ таинствъ, но только онъ не подчеркиваетъ, подобно Альбо, принципа спасенія души. Іосифъ зашелъ такъ далеко, что вообще отрицалъ за религіозными предписаніями какія-нибудь познаваемыя цѣли и приписывалъ имъ своеобразное мистическое дѣйствіе [3]). Исходя изъ экзальтированнаго прославленія философіи, онъ пришелъ къ мистической вѣрѣ въ чудеса. Его доказательства весьма мало убѣдительны. Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ указываетъ только на разрывъ между философіей и вѣрой, который произошелъ въ душѣ еврейскихъ мыслителей того времени. Слѣдуетъ еще упомянуть, что его братъ, Исаакъ, еще рѣшительнѣе защищалъ систему Маймонида отъ нападокъ своего отца и опровергнулъ ихъ въ особомъ коментаріи къ „Вождю“ [4]).

При самомъ большомъ желаніи, Симона Дурана все же нельзя поставить на ряду съ Іосифомъ Альбо и Іосифомъ ибнъ-Шемъ-Товъ. Онъ, правда, обладалъ познаніями въ математикѣ и астрономіи, гордился этимъ, обладалъ также философской ученостью, умѣлъ долго и расплывчато говорить о всевозможныхъ религіозно-философскихъ вопросахъ и даже написалъ обширное сочиненіе [5]), въ которомъ онъ распространялся о всѣхъ возможныхъ и даже невозможныхъ вещахъ. Но въ его головѣ не было ясности; метафизическіе и научные вопросы затрагивали его лишь поверхностно. Если у него встрѣчается рядъ послѣдовательныхъ

---

[1]) Т. же л. 17-18, 26.

[2]) Т. же л. 21, 22 и еще подробнѣе въ его соч. עין הקורא.

[3]) Т. же л. 23, 24.

[4]) Resp. Моисея Алашкара № 117 изд. Zolkiew стр. 56. [5]) מגן אבות.

мыслей, то онъ позаимствованъ у Альбо. Будучи ученикомъ посредственнаго равина, Эн-Видала Эфраима [1]), онъ въ своей талмудической учености отличался болѣе всесторонностью, чѣмъ глубиной. Но такъ какъ онъ былъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ и до глубокой старости писалъ коментаріи, изслѣдованія и отзывы на талмудическія темы, то онъ прослылъ крупнымъ авторитетомъ. При всей своей обширной учености, Симонъ Дуранъ былъ, однако, равиномъ съ весьма ограниченнымъ кругозоромъ, и его знанія нисколько не вліяли на его душу. Симонъ Дуранъ не спускалъ глазъ со своей родины, острова Маіорки, откуда онъ, вслѣдствіе гоненій, принужденъ былъ бѣжать (см. выше, стр. 54). Остатки нѣкогда цвѣтущей и богатой общины Пальмы были еще болѣе ослаблены и уменьшены фанатическими проповѣдями монаха Виценте Ферера. Тѣмъ не менѣе въ ней царили сильные раздоры, и Симонъ Дуранъ часто обращался къ ней съ посланіями, въ коихъ онъ увѣщевалъ ея членовъ уживаться другъ съ другомъ и помнить, что не столько злоба враговъ, сколько внутренніе раздоры превратили нѣкогда цвѣтущую общину въ столь жалкую горсточку людей. Но Симонъ Дуранъ упрекалъ ихъ еще болѣе, чѣмъ въ дрязгахъ, въ религіозныхъ прегрѣшеніяхъ. Онъ ругалъ ихъ за то, что они поддерживали сношенія съ новообращенными въ христіанство евреями. Онъ предсказывалъ общинѣ Маіорки неизбѣжное наступленіе бѣдствій за то, что нѣкоторые члены ея покупали вино у магометанки, которая лишь для виду выдавала себя за еврейку [2]). Онъ былъ возмущенъ, когда узналъ, что еврейскіе юноши стригутъ свои бороды [3]).

[1]) Resp. Симона Дурана II № 256.

[2]) Т. же III № 226.

[3]) Т. же.

ГЛАВА VIII.

(продолженіе)

Новая травля евреевъ. Капистрано.

Папа Евгеній IV. Перемѣна въ его отношенія къ евреямъ. Печальныя послѣдствія его буллы въ Испаніи. Декретъ въ пользу евреевъ, изданный Жуаномъ II въ противовѣсъ буллѣ. Враждебное къ евреямъ отношеніе со стороны баварскаго герцога. Философъ Николай Куза и его отношеніе къ евреямъ. Мараны и прологъ инквизиціи. Францисканскій монахъ Капистрано и его свирѣпая вражда къ евреямъ. Послѣдствія ея въ Баварія. Изгнаніе изъ Вюрцбурга. Бреславльская община; оскверненіе просвиры (гостіи) и обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови. Изгнаніе и сожженіе евреевъ въ Бреславлѣ и другихъ городахъ Силезіи. Изгнаніе евреевъ изъ Брюна и Ольмюца; евреи въ Польшѣ и ихъ благопріятное положеніе въ правленіе Казимира IV. Возобновленныя привилегіи. Капистрано набрасывается на послѣднія и добивается ихъ отмѣны. Начало страданій евреевъ въ Польшѣ. Турція—новое убѣжище для евреевъ. Паденіе Византійской имперіи. Благопріятное положеніе евреевъ въ Турціи. Моисей Капсали, верховный равинъ, его мѣсто въ государственномъ совѣтѣ (диванѣ). Караимы въ Турціи. Нѣмецкая равинская школа. Яковъ Вейлъ и Израиль Иссерлейнъ. Синодъ въ Бингенѣ и угрожавшій расколъ. Охраненіе равинскаго званія отъ паденія.

(1444—1456).

Въ то время было не трудно предсказать скорое наступленіе тяжелыхъ дней для евреевъ. Ибо мрачный духъ церкви снова ожилъ и, шумно расправляя свои крылья, виталъ надъ странами Европы. Какъ во времена Инокентія III, такъ и теперь церковь, въ лицѣ своихъ наивысшихъ представителей, участниковъ Базельскаго собора, объявившаго себя непогрѣшимымъ и даже стоящимъ выше папы, самымъ торжественнымъ образомъ провозгласила свое намѣреніе унижать и поносить евреевъ. Какъ странно! Соборъ не могъ добиться мира въ собственномъ домѣ, не былъ въ состояніи вернуть въ лоно церкви издѣвавшихся надъ католицизмомъ гуситовъ, отчаялся въ возможности искоренить порочность и испорченность духовенства и монаховъ и, несмотря на это, все же не спускалъ глазъ съ евреевъ, желая во что бы то ни стало спасти ихъ. Паршивыя овцы хотѣли спасти неиспорченныхъ ягнятъ! Базельскій соборъ, засѣдавшій 13 лѣтъ (отъ іюня 1431 г. до мая 1443 г.) и обсуждавшій всѣ крупные европейскіе вопросы, занялся также и еврейскимъ вопросомъ. Для укрѣпленія христіанской вѣры необходимо было унизить евреевъ, вслѣдствіе чего вселенскій соборъ на своемъ девятнадцатомъ засѣданіи возстановилъ всѣ старыя огра-

ниченія, освѣживъ ихъ нѣсколькими добавленіями [1]). Къ прежнимъ каноническимъ постановленіямъ присоединились еще новые пункты о томъ, что евреи не могутъ получать университетское званіе [2]) и что въ высшихъ школахъ должны быть преподаваемы также еврейскій, халдейскій и арабскій языки для того, чтобы можно было лучше воздѣйствовать на евреевъ. Вселенскій соборъ, который говорилъ о себѣ, что онъ осѣненъ св. духомъ, стремился такимъ образомъ къ массовому переходу евреевъ въ христіанство. Онъ принялъ программу Пеньяфорте, Павла Христіани, Винценте Ферера и схизматическаго папы въ Тортозѣ, которые такъ горячо рекомендовали воздѣйствіе на евреевъ съ цѣлью вынудить у нихъ отреченіе отъ ихъ „невѣрія". Базельское церковное собраніе не оставило своими заботами и крещеныхъ евреевъ. Они, правда, должны быть осыпаемы милостями, но тѣмъ строже слѣдуетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они не заключали между собою брачные союзы, не праздновали субботу и другихъ еврейскихъ праздниковъ, не хоронили своихъ мертвецовъ по еврейскому ритуалу и вообще не слѣдовали еврейскимъ обычаямъ.

Рука Исава, сыновей Соломона-Павла де Санта-Марія, бывшихъ членами этого собора, видна въ этомъ эдиктѣ (см. выше, стр. 118). Изъ змѣинаго яйца, положеннаго отщепенцемъ-равиномъ, Соломономъ Леви изъ Бургоса, вылупились ящерицы. Они распространили его свирѣпую ненависть къ еврейству на всю Европу и воспользовались величайшимъ церковнымъ авторитетомъ, какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей.

Вслѣдствіе этого во многихъ пунктахъ Европы вспыхнула новая фанатическая, бѣшеная ненависть къ евреямъ. Начало положилъ островъ Маіорка [3]). Остатки общины въ Пальмѣ были ненавистны духовенству и черни, находившейся подъ вліяніемъ его, и всѣ весьма охотно повѣрили распространившемуся слуху, будто евреи въ страстную недѣлю (1435 г.) распяли мавританскаго слугу одного еврея, подвергши его ужаснымъ пыткамъ. Хотя этотъ мученикъ былъ въ живыхъ, тѣмъ не менѣе епископъ Гилъ Нуніоцъ велѣлъ бросить въ темницу двухъ евреевъ, которыхъ молва считала виновными. По этому вопросу между нимъ и губернаторомъ Жуаномъ Десфаромъ, къ которому обратились за помощью богатые члены общины, возникъ споръ о компетенціи. Губернаторъ утверждалъ, что евреи не подлежатъ духовному суду, такъ какъ составляютъ собственность короля, который одинъ вправѣ и судить ихъ. Епископъ вынужденъ былъ выдать заключенныхъ евреевъ, которые и перекочевали въ тюрьму намѣстника (6 мая). Но духовенство натравляло народъ на намѣстника и на

[1]) Mansi concilia т. 29, стр. 98. [2]) Т. же.

[3]) Кайзерлингъ, Geschichte der Juden von Navarra, стр. 173.

евреевъ, распространяя слухъ, что судъ подкупленъ. Прежде еще, чѣмъ Жуанъ Десфаръ могъ произвести разслѣдованіе для установленія виновности обвиняемыхъ, чернь была уже возбуждена противъ него. Намѣстникъ былъ вынужденъ проявить строгость и назначить судъ, состоявшій большей частью изъ доминиканскихъ и францисканскихъ монаховъ. Этотъ судъ не нашелъ болѣе цѣлесообразнаго средства къ открытію истины, какъ примѣненіе пытки. Подвергнутый пыткѣ, одинъ изъ обвиняемыхъ призналъ все, что отъ него требовали, и назвалъ своими соучастниками всѣхъ тѣхъ евреевъ, имена коихъ ему были подсказаны. Но этому признанію, быть можетъ, даже и въ то время не было бы придано большого значенія, если бы одинъ видный членъ общины, по имени Астрюкъ Сибили, который жилъ въ раздорѣ со многими членами общины и опасался быть вовлеченнымъ въ упомянутое дѣло, не выступилъ обвинителемъ противъ своихъ же единовѣрцевъ. Астрюкъ Сибили предсталъ предъ судомъ, призналъ, что слуга былъ дѣйствительно распятъ, и указалъ на многихъ евреевъ, какъ на преступниковъ. Хотя онъ и старался освободить себя отъ всякаго подозрѣнія, однако Астрюка тутъ же постигла кара за его клеветническій доносъ. Его тоже обвинили въ этомъ преступленіи и бросили въ темницу. Этотъ конецъ доносчика и бѣгство изъ Пальмы въ близлежащія горы нѣсколькихъ еврейскихъ семействъ, опасавшихся повторенія прежнихъ убійствъ, еще болѣе усилили возбужденіе христіанскаго населенія. Бѣглецы были настигнуты, закованы въ кандалы и привезены въ городъ; ихъ бѣгство послужило новымъ доказательствомъ участія въ преступленіи всей общины. Астрюкъ Сибили и еще трое другихъ были приговорены къ сожженію; однако судьи замѣнили имъ сожженіе повѣшеніемъ при условіи принятія ими христіанства. Они согласились на это, надѣясь, что это спасетъ имъ жизнь. Вся община, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ двухсотъ лицъ, мужчинъ женщинъ и дѣтей, тоже перешла въ христіанство изъ боязни за свою жизнь. Духовенство было по горло занято крещеніемъ новообращенныхъ. Какъ мало само духовенство вѣрило въ виновность евреевъ, показываетъ то обстоятельство, что, когда приговоренные къ смерти взошли уже на эшафотъ, духовенство стало взывать о помилованіи и склонило народъ къ милосердію. Губернаторъ подчинился общему настроенію, и осужденные были съ процессіей и церковнымъ пѣніемъ отведены съ эшафота въ церковь, гдѣ и былъ отслуженъ Te Deum. Таковъ былъ конецъ общины въ Пальмѣ, которая существовала болѣе тысячи лѣтъ и много способствовала расцвѣту Майорки. Вмѣстѣ съ нею исчезло и благосостояніе этого плодороднаго и благопріятно расположеннаго острова. Симонъ Дуранъ, глубоко огорченный переходомъ въ христіанство всей общины Пальмы, къ

которой онъ принадлежалъ всѣми фибрами своей души, утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ не скупился на увѣщеванія. [1])

Ядовитая ненависть къ евреямъ, особенно укоренившаяся въ Испаніи и Германіи, начиная со средины пятнадцатаго вѣка, все возрастала и достигла къ концу этого столѣтія своего апогея. Въ Испаніи эта ненависть была порождена чувствомъ зависти къ вліятельной роли, которую евреи, несмотря на всѣ униженія и ограниченія, все еще играли въ этой странѣ; напротивъ, въ Германіи, гдѣ евреи бродили, точно призраки, ненависть была вызвана грубостью нравовъ, связанною съ яростнымъ фанатизмомъ. Смерть императора Сигизмунда (къ концу 1437 г.) какъ разъ въ то время, когда базельскій соборъ возобновилъ стѣсненія и ограниченія евреевъ, была печальнымъ событіемъ для еврейскихъ общинъ. Хотя этотъ монархъ и не былъ ихъ надежнымъ защитникомъ, довольно часто бралъ съ нихъ деньги, всегда сильно нуждаясь въ нихъ, и даже всѣ расходы по устройству собора въ Констанцѣ возложилъ на евреевъ [2]), онъ все же, поскольку могъ, охранялъ ихъ отъ несправедливыхъ преслѣдованій и насилій. На его мѣсто былъ избранъ германскимъ королемъ и императоромъ тотъ самый австрійскій герцогъ Альбрехтъ, который проявилъ столь безчеловѣчную жестокость по отношенію къ евреямъ (см. выше, стр. 108). Альбрехтъ II былъ смертельнымъ врагомъ евреевъ и еретиковъ. Правда, истребить ихъ онъ не могъ, ибо гуситскіе еретики обладали мужествомъ и хорошимъ оружіемъ, а евреи составляли источникъ денегъ, безъ коего нельзя было обойтись. Но охотно санкціонировалъ Альбрехтъ всякія козни противъ нихъ. Когда совѣтъ города Аугсбурга постановилъ изгнать еврейскую общину (1439 г.), императоръ съ радостью далъ разрѣшеніе на это. Два года было предоставлено евреямъ для продажи ихъ домовъ и земель, а, по истеченіи этого срока, вся община была изгнана; надгробные камни еврейскаго кладбища были употреблены на исправленіе городскихъ стѣнъ. Аугсбургъ испыталъ позже много непріятностей вслѣдствіе этого изгнанія, ибо императоръ Альбрехтъ умеръ прежде, чѣмъ была выдана грамота объ императорскомъ разрѣшеніи на такую жестокость [3]). Къ счастью для евреевъ, Альбрехтъ царствовалъ лишь два года и оставилъ бразды правленія германо-римской имперіею или, вѣрнѣе, полную анархію въ этой имперіи добродушному, слабому, лѣнивому и легко поддававшемуся чужому

[1]) Симонъ Дуранъ Resp. II № 226.

[2]) Gemeiner Regensburg'sche Chronik III, стр. 24. Стобе въ ук. м. стр. 56

[3]) Stetten, Geschichte von Augsburg I стр. 169, 164, 177. Gemeiner Regensburgische Chronik III стр. 258. Schudt, jüdische Denkwürdigkeiten I, стр. 336. Stobbe т. же 86.

вліянію Фридриху III, который не только относился къ евреямъ совсѣмъ не враждебно, но и защищалъ ихъ всюду, гдѣ онъ только въ состояніи былъ что-либо сдѣлать въ ихъ пользу. Зато въ то время выступили два другихъ яростныхъ врага еврейства: папа Николай и францисканскій монахъ, Іоаннъ де-Капистрано, бывшій буквально людоѣдомъ въ образѣ смиреннаго послушника.

Преемникъ Евгенія, папа Николай V (отъ марта 1447 г. до марта 1455 г.), продолжалъ систему униженія и порабощенія евреевъ. Лишь только онъ занялъ папскій престолъ, какъ первымъ дѣломъ онъ уничтожилъ привилегіи итальянскихъ евреевъ, подтвержденныя Мартиномъ V и формально не отмѣненныя Евгеніемъ. Въ буллѣ отъ 23 іюня 1447 г. [1]), онъ подтвердилъ всѣ тѣ ограниченія итальянскихъ евреевъ, которыя ввелъ его предшественникъ, не смягчилъ ихъ ни на іоту, оставивъ даже и запретъ христіанамъ зажигать огонь евреямъ въ субботу. Хотя булла Николая и была лишь копіей, она все же имѣла большее значеніе, чѣмъ самъ оригиналъ. Ибо въ этой буллѣ папа назначилъ исполнителемъ своихъ постановленій палача евреевъ и еретиковъ, Іоанна де-Капистрано. Послѣдній долженъ былъ лично или же съ помощью своей братіи, францисканскихъ монаховъ, слѣдить за буквальнымъ соблюденіемъ всѣхъ постановленій и за наказаніемъ всѣхъ виновныхъ въ нарушеніи ихъ. Такимъ образомъ, монахъ Капистрано получилъ власть наказать, напр., еврейскаго врача, прописавшаго лекарство больному христіанину, и конфисковать все его имущество, и этотъ святой мужъ съ каменнымъ сердцемъ какъ разъ подходилъ къ этой роли.

Ненависть къ евреямъ, одушевлявшая базельскій соборъ и папъ, заразительно подѣйствовала на широкіе круги христіанскаго населенія. Когда папа Николай, чтобы поднять пошатнувшійся престижъ намѣстника Христа, собирался отпраздновать юбилей (въ 1450 г.), обѣщая всѣмъ паломникамъ, пришедшимъ въ Римъ, отпущеніе грѣховъ, евреевъ не безъ основанія обуялъ страхъ. Какъ легко могли грабители и убійцы устроить рѣзню евреевъ, разсчитывая на вѣрное отпущеніе и этого грѣха, если даже допустить, что они считали грѣхомъ истребленіе проклятаго племени. Равинъ Иссерлейнъ установилъ поэтому всеобщій постъ, чтобы Богъ смилоствился надъ ними и помогъ имъ противъ враждебно [illegible] къ еврейству „юбилейныхъ“ паломниковъ. Дикій и лицемѣрный баварскій герцогъ Ландсгута, по названію Людовикъ Богатый, [illegible] и евреевъ“, скоро по своемъ вступленіи на престолъ, приказалъ схватить въ одинъ день (понедѣльникъ 5 октября 1450 г.) всѣхъ

[1]) Эта булла сообщ. въ Capistranus triumphans Германа (Кельнъ 1700), стр.

евреевъ своей страны, мужчинъ бросить въ темницу, а женщинъ запереть въ синагогахъ, конфисковавъ въ свою пользу все имущество и всѣ драгоцѣнности евреевъ. Христіанскимъ должникамъ было предписано уплатить своимъ еврейскимъ кредиторамъ только взятый ими капиталъ, изъ котораго они вправѣ были вычесть проценты, уплаченные ими раньше. Продержавъ несчастныхъ четыре недѣли, герцогъ заставилъ ихъ внести за свою жизнь откупъ въ 30,000 гульденовъ, послѣ чего они всѣ нищими и почти нагими были изгнаны изъ страны. Людовикъ охотно продѣлалъ бы то же самое и съ богатой и многочисленной общиной Регенсбурга, которая тоже находилась подъ его властью. Но такъ какъ онъ имѣлъ лишь ограниченную власть надъ Регенсбургомъ, а кромѣ того евреи этого города, въ качествѣ гражданъ, находились подъ покровительствомъ совѣта и его правъ, то Людовикъ былъ принужденъ довольствоваться особой контрибуціей. Говорятъ, что многіе евреи изъ нужды и страха перешли тогда въ христіанство.

Европейскіе евреи смотрѣли на своихъ испанскихъ собратьевъ, какъ на счастливцевъ и удачниковъ; папство обратило свое особенное вниманіе на нихъ, стремясь не оставлять ихъ болѣе въ благопріятномъ положеніи въ государствѣ. Наперекоръ ли королю Жуану II, хлопотавшему о смягченіи строгихъ каноническихъ ограниченій противъ евреевъ, обѣщанномъ еще въ его декретѣ (стр. 120), или въ угоду врагамъ евреевъ, просившимъ подтвердить эти ограниченія, папа Николай издалъ новую буллу (1 марта 1451 г. [1]), въ которой онъ подтвердилъ исключеніе евреевъ изъ христіанскаго общества и всякой приличной профессіи и отмѣнилъ всѣ привилегіи, когда либо дарованныя испанскимъ и итальянскимъ евреямъ. Эта безчеловѣчная жестокость каноническаго законодательства противъ сыновъ Израиля была основана на своеобразномъ страхѣ. Мощное христіанство опасалось вліянія еврейскаго духа на христіанское населеніе. То, о чемъ папа умолчалъ въ своей высокопарной оффиціальной буллѣ, разоблачилъ близкій къ нему писатель, философъ и кардиналъ.

Николай изъ Кузы (Cues на Мозелѣ), послѣдній представитель схоластической философіи, который хотѣлъ слить ее со своеобразной мистикой, своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ только помѣшалъ улучшенію и облагороженію христіанства того времени. На базельскомъ соборѣ онъ былъ еще ревностнымъ защитникомъ вселенскаго собора, приписывая ему власть надъ самимъ папой; но позже онъ оставилъ соборъ, перешелъ на сторону папы Евгенія, всѣми силами стремился къ возстановленію папскаго всемогущества и много способствовалъ его побѣдѣ. Зато папа Николай и пожаловалъ ему званіе кардинала. Среди разрозненности и раздо-

[1]) Baronius (Raynaldus) въ ук. м. къ г. 1451 № 5.

ровъ въ христіанствѣ, Николай Куза въ своихъ философскихъ фантазіяхъ мечталъ о соединеніи всѣхъ религій въ одну вѣру. Онъ хотѣлъ пожертвовать христіанскими обрядностями, готовъ былъ даже допустить и обрядъ обрѣзанія, если только это могло бы побудить нехристіанскіе народы къ вѣрѣ въ тріединство. Онъ опасался только, какъ онъ объ этомъ ясно говорилъ, упорства со стороны евреевъ, которые слишкомъ цѣпко ухватились за свое единобожіе; но утѣшалъ себя мыслью, что невооруженная горсточка евреевъ не будетъ въ состояніи помѣшать всеобщему миру [1]). Конечно, евреи не были вооружены; но Николай Куза пытался лишить ихъ и духовной силы. Папа назначилъ этого кардинала посланникомъ въ Германіи, поручивъ ему хотя бы частично устранить испорченность, царившую тогда въ церквахъ и монастыряхъ (1450-51). Николай Куза занялся, однако, тоже, вѣроятно, по порученію, и евреями. На провинціальномъ соборѣ въ Бамбергѣ онъ возстановилъ каноническое постановленіе, согласно коему мужчины должны были носить на груди круглый, красный значокъ, а женщины на своемъ головномъ уборѣ голубую полоску; кромѣ того христіане, подъ страхомъ тягчайшаго отлученія, не должны были занимать деньги у евреевъ на проценты (май 1451 г. [2]). Неужели наложеніе позорнаго клейма на евреевъ могло излечить духовенство, монаховъ и испорченныхъ ими постороннихъ людей отъ порочныхъ наклонностей и разврата! Отдѣленіе евреевъ отъ христіанскихъ круговъ повело лишь къ тому, что первые остались незапятнанными порочностью. Кардиналу Николаю Кузѣ тоже не удалось поднять нравственный уровень духовенства и уничтожить басни о кровоточивости проколотыхъ гостій и чудотворности иконъ. Церковь по прежнему оставалась испорченной до мозга костей. Евреевъ, дѣйствительно, слѣдовало бы опасаться, если бы имъ дозволено было прикоснуться своими руками къ гноющимся ранамъ церкви.

Многія тысячи крещеныхъ евреевъ въ Испаніи, которыхъ рѣзня, кровавыя проповѣди и всевозможныя ограниченія обратили въ христіанство, оказались тяжелымъ бременемъ для церкви. Не только свѣтскіе новохристіане, но и тѣ, которые вступили въ духовное сословіе или облачились въ монашескую рясу, большей частью соблюдали, болѣе или менѣе тайно, религіозныя предписанія іудаизма. Софистическія выкладки усердствовавшихъ ренегатовъ вродѣ Санта-фе, какъ и церковный блескъ и проповѣди, въ которыхъ доказывалось, будто Ветхій завѣтъ и даже талмудическая агада подтверждаютъ мессіанство Іисуса, воплощеніе Бога въ человѣкѣ, тріединство и другія церковныя догмы, все это весьма весьма мало вліяло

[1]) Nicolaus Cusanus de pace seu concordantia fidei гл. 12 въ концѣ, также гл. 20.

[2]) Геснеръ, Juden in Franken, стр. 25.

на большинство марановъ. Они даже во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ оставались тѣми же, какими были и раньше, упрямыми и слѣпыми, т. е. преданными вѣрѣ своихъ отцовъ. Когда всемогущій министръ, де-Луна, нуждался въ остромъ оружіи противъ своихъ враговъ, новохристіанъ, онъ побудилъ короля пожаловаться папѣ на марановъ за отпаденіе отъ церкви. Обвиненія, направленныя противъ новохристіанъ, вѣроятно, не были цѣликомъ выдуманы; во всякомъ случаѣ папа Николай не сомнѣвался въ истинности ихъ. Онъ обратился поэтому съ посланіемъ къ епископу Осмы и къ профессорамъ Саламанки (20 ноября 1451 г.[1]) и уполномочилъ ихъ назначить *инквизиторовъ*, предъ трибуналомъ коихъ должны были предстать новохристіане, подозрѣвавшіеся въ склонности къ іудаизму. Судьи инквизиціи могли наказывать виновныхъ, заключать ихъ въ темницу, лишать имущества и чести, а, если они принадлежали къ духовному сословію, лишать званія или даже передавать ихъ свѣтской власти, что на цвѣтистомъ языкѣ церкви означало предавать ихъ сожженію, какъ еретиковъ. Это было прелюдіей къ кровавой инквизиціи, которая проявила больше безчеловѣчія, чѣмъ всѣ тираны и великіе преступники, гнусности коихъ заклеймены исторіей. Въ первый моментъ эта булла, повидимому, не вызвала никакихъ послѣдствій, ибо время еще не созрѣло для кровавыхъ сѣмянъ. Министръ Донъ-Жуана не далъ этой бумагѣ никакого примѣненія. Булла должна была только показать его новохристіанскимъ врагамъ, какое уничтожающее орудіе противъ нихъ находилось въ его рукахъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать свои враждебныя интриги для сверженія его. Онъ слишкомъ понадѣялся на независимость короля отъ него, и это слѣпое довѣріе привело его къ гибели. Его новохристіанскіе смертельные враги удвоили свои усилія свергнуть его, дабы не быть уничтоженными имъ. Черезъ года два послѣ изданія папской буллы объ инквизиціи, де-Луна былъ, по приказу своего покровителя, тѣснимаго смертельными врагами министра, приведенъ на эшафотъ. Булла до поры до времени осталась мертвой буквой.

Какимъ заблужденіемъ было стремленіе къ старымъ еврейскимъ выкрестамъ, лицемѣрно исповѣдывавшимъ съ виду христіанство, прибавлять еще новыхъ! Послѣднее было поручено францисканскому монаху, Капистрано. Этотъ безобразный монахъ съ изнуреннымъ лицомъ обладалъ вкрадчивымъ голосомъ и большой силой воли, благодаря чему онъ былъ въ состояніи растрогать, захватить, воодушевить, привести въ ужасъ и побудить къ праведному образу жизни и къ самымъ ужаснымъ преступленіямъ не только тупую чернь, но и высшіе слои общества. Какъ и у испанска-

[1]) Baronius (Raynaldus) Annales eccles. ad annum 1451 №1.

го доминиканца, Впценте Ферера (стр. 88), такъ и у Капистрано вся чудесная власть, которую онъ имѣлъ надъ сердцами людей, заключалась не столько въ увлекательномъ краснорѣчіи, сколько въ симпатичныхъ модуляціяхъ голоса и въ непреклонной вѣрѣ. Онъ самъ былъ глубоко убѣжденъ, что кровью, которую онъ собралъ изъ носа своего учителя, *Бернардина* изъ Сіены, и его капюшономъ онъ въ состояніи исцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ и творить всякія чудеса. Ослѣпленный народъ не только вѣрилъ въ его чудотворность, но еще и преувеличивалъ ее. Его строго аскетическій образъ жизни, его ненависть къ роскоши, довольству и излишествамъ производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что они ярко отличались отъ роскошной жизни духовенства и монашескихъ орденовъ. Гдѣ Капистрано ни выступалъ, къ нему стекались тысячи слушателей, чтобы быть тронутыми и потрясенными его проповѣдями, которыхъ они, однако, не понимали, такъ какъ онѣ произносились на латинскомъ языкѣ. Папы Евгеній IV и Николай V пользовались имъ, какъ хорошимъ орудіемъ для возстановленія пошатнувшагося престижа папскаго престола. Они предписывали ему ревностно проповѣдовать непогрѣшимость папы, уничтоженіе еретиковъ, т. е. не только гуситовъ, но и всѣхъ, дерзавшихъ критиковать папство, а также борьбу противъ побѣдоносно наступавшихъ турковъ и ничего не имѣли противъ того, что онъ разразился своими капуцинадами противъ невинныхъ игръ, безобиднаго времяпрепровожденія и утонченной жизни, ибо это нисколько не мѣшало имъ въ ихъ радостяхъ и наслажденіяхъ. Постоянными темами для проповѣдей Капистрано служили, на ряду съ желчными нападками на еретиковъ и турковъ, на роскошь и игры, также и яростныя обвиненія противъ евреевъ, ихъ невѣрія и ростовщичества. Папа Николай потому и назначилъ его инквизиторомъ, поручивъ ему строго наблюдать за исполненіемъ каноническихъ установленій противъ евреевъ. Уже раньше королева Іоанна изъ Неаполя назначила его инквизиторомъ надъ евреями и уполномочила подвергать ихъ строжайшимъ наказаніямъ, если они нарушатъ какой нибудь церковный законъ или не будутъ носить еврейскаго значка, знака Thau (смерть [1]).

Когда папа Николай назначилъ Капистрано легатомъ въ Германію и славянскія земли, гдѣ авторитетъ папства всего сильнѣе былъ потрясенъ гуситами и все усиливавшимся свободнымъ духомъ среди католиковъ, съ цѣлью снова вселить въ сердца слѣпую и покорную вѣру, Капистрано, будучи одержимъ тщеславнымъ желаніемъ побѣдъ, устроилъ въ Римѣ диспутъ съ раввиномъ, по имени *Гамаліилъ* (?). Благодаря краснорѣчію

[1] Германъ, Capistranus triumphans, стр. 272.

Капистрано, не только этотъ равинъ, но и еще сорокъ евреевъ будто бы были обращены въ христіанство[1]). Куда ни приходилъ въ Германіи этотъ капуцинскій монахъ, онъ всюду наводилъ страхъ и ужасъ на евреевъ. Они дрожали при одномъ произнесеніи его имени[2]). Но этотъ необузданный и желчный святой наводилъ ужасъ и на христіанъ[3]), а именно тѣхъ, которые не хотѣли ставить церковное благочестіе выше честныхъ и благородныхъ помысловъ. Стеченіе слушателей къ его проповѣдямъ было въ Германіи еще сильнѣе, чѣмъ въ Италіи, и, опираясь на приверженность массъ, онъ устанавливалъ законы и принуждалъ власти слѣпо подчиняться его распоряженіямъ. Въ Баваріи, Силезіи, Моравіи и Австріи, гдѣ церковное рвеніе католиковъ, вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ гуситамъ, и безъ того было напряжено, оно, вслѣдствіе проповѣдей Капистрано, еще болѣе усилилось и направилось сперва противъ евреевъ, такъ какъ съ еретиками въ Богеміи они ничего подѣлать не могли. Баварскіе герцоги, Людовикъ и Альбрехтъ, которые уже раньше изгнали евреевъ изъ своихъ областей, были еще болѣе фанатизированы Капистрано. Людовикъ поставилъ нѣкоторымъ графамъ и городу Регенсбургу требованіе изгнать всѣхъ евреевъ[4]). Бургомистръ и совѣтъ этого города не лишили евреевъ защиты и гражданскихъ правъ, которыми они издавна пользовались. Но они все же не были въ состояніи защитить евреевъ отъ мучительныхъ придирокъ духовенства[5]). Герцогъ Людовикъ настоялъ на томъ, чтобы строго слѣдили за ношеніемъ регенсбургскими евреями установленнаго значка (24 августа 1452 г.[6]). То же самое было предписано синодальнымъ постановленіемъ по отношенію къ еврейскимъ общинамъ аугсбургскаго прихода. Регенсбургскіе жители, несмотря на всѣ ихъ симпатіи къ своимъ еврейскимъ согражданамъ, увлеклись фанатизмомъ Капистрано и измѣнили свое отношеніе къ нимъ. Въ положеніи объ акушеркахъ, выпущенномъ въ томъ же году, находился законъ, запрещавшій христіанскимъ повивальнымъ бабкамъ оказывать помощь еврейскимъ женщинамъ, даже въ случаѣ опасности для жизни роженицъ[7]).

Перемѣну въ отношеніи къ евреямъ, вызванную Капистрано, можно всего лучше прослѣдить на поведеніи одного духовнаго сановника до и послѣ прибытія въ Германію капуцинскаго монаха. Епископъ Готфридъ изъ Вюрцбурга, въ то же время и герцогъ Франконіи, скоро послѣ сво-

[1]) Wadding Annales Minorum т. XII стр. 64.
[2]) Klose Geschichte von Breslau въ письмахъ т. II, ч. 2 стр. 39.
[3]) Gemeiner Regensburgische Chronik III, стр. 271.
[4]) Т. же стр. 205.
[5]) Aretin, Geschichte der Juden in Bayern стр. 36.
[6]) Gemeiner въ ук. м. стр. 205. [7]) Т. же.

его воцаренія, предоставилъ евреямъ такія привилегіи, лучше коихъ они и желать не могли. Онъ отъ своего имени и имени своихъ преемниковъ обѣщалъ всему тогдашнему еврейскому населенію и всѣмъ евреямъ, которые еще въ будущемъ поселятся въ его странѣ, особую защиту. Никого изъ евреевъ нельзя было привлекать къ свѣтскому или духовному суду; ихъ спорныя дѣла должны были разбираться особымъ судомъ. Льготная грамота Готфрида изъ Вюрцбурга объявила также равина (верховнаго магистра) Вюрцбурга свободнымъ отъ налоговъ и предоставила ему право имѣть въ своей школѣ столько учениковъ, сколько ему заблагоразсудится. Она освободила отъ всякихъ налоговъ синагоги и кладбище, категорически разрѣшила богатымъ евреямъ давать христіанамъ деньги въ ростъ и опредѣлила процентную таксу. Она предоставила имъ свободу передвиженія и обѣщала выселявшимся содѣйствіе въ полученіи долговъ и охрану. Эта льготная грамота содержала еще и другія благопріятныя привилегіи, значеніе коихъ намъ въ настоящее время не понятно; въ заключеніе Готфридъ обѣщалъ, что эта грамота никогда не будетъ отмѣнена. Деканъ и весь капитулъ признали эти привилегіи и гарантировали ихъ ненарушимость „отъ своего имени и имени своихъ преемниковъ въ капитулѣ“. Всякій еврей, вступавшій въ область епископа Готфрида, получалъ отъ него особую охранительную грамоту. Нѣкоего Давида онъ назначилъ равиномъ Вюрцбурга.

Но какъ измѣнился тонъ по отношенію къ евреямъ уже нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ проповѣдей Капистрано! Тотъ самый епископъ и герцогъ Франконіи, „вслѣдствіе горькихъ жалобъ подданныхъ его владѣній противъ евреевъ“, издалъ противъ нихъ *положеніе и уставъ* (1453 г.). Они должны были до января слѣдующаго года продать всѣ свои земли и черезъ четырнадцать дней выселиться, „ибо онъ не хотѣлъ больше терпѣть евреевъ въ своихъ владѣніяхъ“. Всѣмъ городамъ, графамъ, и судьямъ было предписано также изгнать своихъ евреевъ. Долговыя обязательства по отношенію къ евреямъ были сокращены. Таковы были плоды человѣконенавистническаго фанатизма, который довелъ благороднаго сановника церкви и цѣлый соборный капитулъ до нарушенія своего обѣщанія только потому, что послѣднее относилось къ евреямъ.

Всего губительнѣй отозвалось вліяніе Капистрано на евреевъ Силезіи; тутъ онъ проявилъ свою подлинную сущность, за которую приверженцы и прозвали его „бичемъ іудеевъ“. Въ этой провинціи, принадлежавшей наполовину Польшѣ, а на половину Богеміи, были двѣ главныя общины: въ Бреславлѣ и Швейдницѣ[1]). Бреславльскіе евреи часто страдали отъ про-

[1]) О значеніи равината г. Швейдница сравни Resp. Якова Вейла № 146, 76. Resp. Иссерлейна (פסקים) № 255, 261.

исковъ бургомистра и совѣта. Однажды послѣдній издалъ столь же безсмысленное, сколь и мучительное постановленіе, предписывавшее евреямъ, при принесеніи присяги, обнажать голову и произнести явное имя Бога (Ihwh), что Талмудъ, изъ религіознаго благоговѣнія, запрещаетъ. Встревоженная община обратилась къ самому видному тогда авторитету, равину *Израилю Исерлейну* бенъ-Петахія (равину Марбурга) съ просьбой разъяснить, обязаны ли они воспротивляться этому предписанію даже съ опасностью для жизни, ибо подобный способъ принесенія присяги заставляетъ ихъ совершать два прегрѣшенія. Исерлейнъ далъ бреславльцамъ слѣдующее разъясненіе: Если городскія власти своимъ постановленіемъ хотятъ не оскорбить іудаизмъ, а только лишь усилить значеніе присяги, то евреи могутъ безо всякихъ опасеній произносить явное имя Бога; присяга же съ непокрытой головой вообще не можетъ разсматриваться какъ религіозный проступокъ[1]).

Въ Силезіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, состоятельные евреи имѣли наличныя деньги, такъ какъ они не могли владѣть недвижимостью, и занимались денежными операціями. Большинство герцоговъ состояли ихъ должниками, также и многіе города, поручившіеся за своихъ монарховъ. Иной сіятельный должникъ тайкомъ мечталъ объ устраненіи евреевъ, чтобы избавиться отъ своихъ долговъ. Прибытіе фанатическаго капуцинскаго монаха открывало прекрасную возможность осуществить эти мечты.

По приглашенію епископа *Петра Новака* изъ Бреславля, который не могъ справиться со своимъ духовенствомъ, Капистрано прибылъ въ цвѣтущій тогда главный городъ Силезіи. При закрытыхъ дверяхъ церкви, францисканскій проповѣдникъ долженъ былъ изобличить духовенство въ его грѣховной, безнравственной и сладострастной жизни; никто изъ постороннихъ не долженъ былъ знать объ этомъ вырожденіи служителей церкви. Но важнѣе улучшенія нравовъ духовенства для него были уничтоженіе гуситовъ, которые къ тому времени появились и въ Силезіи, мучительство евреевъ, устраненіе игорныхъ столовъ и картъ и постройка новой церкви въ честь своего учителя, Бернардина изъ Фельтра, и во славу своего собственнаго имени, хотя въ то время въ Бреславлѣ было и безъ того слишкомъ много церквей, какъ замѣчаетъ честный муниципальный писарь, *Эшенлоеръ* Раздутый проповѣдями Капистрано безумный фанатизмъ бреславльской черни направился главнымъ образомъ противъ евреевъ. Былъ распространенъ слухъ, будто одинъ еврей, по имени *Меиръ*, одинъ изъ богатѣйшихъ евреевъ Бреславля, имѣвшій много долговыхъ обязательствъ, подписанныхъ гражданами и разорившимися дворянами,

[1]) Исерлейнъ въ ук. м. № 235: על ההיא גזירה שחדשו השלטונים בבריסל׳או שהיהודים המחויבים שבועה יצטרכו לישבע בשם המיוחד בקריאתו להדיא ובגילוי הראש . . ובגילוי הראש לא אשכחן קפידה להדיא לאיסור.

купилъ у одного мужика гостію, прокололъ ее, осквернилъ и части ея отослалъ общинамъ Швейдница, Лигница и еще другимъ для того же надругательства. Само собою разумѣется, что изъ этой гостіи потекла кровь. Этотъ тупоумный вздоръ, дошедшій до ушей совѣтниковъ города, встрѣтилъ въ нихъ полное довѣріе. Тотчасъ же всѣ евреи Бреславля, мужчины, женщины и дѣти, были брошены въ темницу, все ихъ имущество, бывшее на Еврейской улицѣ (нынѣ Ursulinerstrasse), было конфисковано, а долговыя обязательства (что, повидимому, особенно соблазняло устроителей этого разгрома), сумма коихъ достигала 25,000 венгерскихъ золотыхъ гульденовъ, были отняты (2 мая 1453 г.). Такъ какъ нѣкоторые евреи пытались спастись бѣгствомъ, но были снова схвачены, то обвиненіе казалось тѣмъ болѣе обоснованнымъ. Руководительство этимъ важнымъ процессомъ принялъ на себя Капистрано. Ему, какъ судьѣ надъ еретиками, принадлежало первое мѣсто въ преслѣдованіи осквернителей гостіи. Онъ былъ настолько хитеръ, что возбудилъ интересъ къ этому дѣлу въ тогда четырнадцатилѣтнемъ королѣ, Владиславѣ (Ладиславѣ) Постумѣ, сынѣ фанатика Альбрехта II (см. выше стр. 108), или, вѣрнѣе, въ его совѣтникахъ. Предводитель гуситовъ, Георгъ Подибрадъ, сильной рукой управлявшій Богеміею, еще не призналъ молодого короля и разсматривалъ сосѣднія земли, Силезію, Моравію и другія, какъ части Богеміи, которая впредь до предстоявшаго избранія короля принадлежала ему, а не Владиславу. Но Капистрано посовѣтовалъ бреславльцамъ предложить вести этотъ процессъ Владиславу и тѣмъ дать понять, что они признаютъ его своимъ правомѣрнымъ королемъ и ничего не хотятъ знать о Подибрадѣ. При вѣнскомъ дворѣ поступленіе жалобы изъ Бреславля вызвало большую радость. Тамъ сдѣлали видъ, будто поражены этимъ святотатствомъ, послали двухъ комиссаровъ въ Бреславль и дали имъ и бреславльскому совѣту полномочія свободно распоряжаться жизнью и имуществомъ евреевъ. Тогда Капистрано приказалъ подвергнуть нѣсколькихъ евреевъ пыткѣ и далъ указанія палачамъ, какъ пытать ихъ; у него былъ богатый опытъ въ этой области. Пытаемые признались во всемъ. Тѣмъ временемъ было распространено новое позорное измышленіе противъ евреевъ. Какая-то озлобленная крещеная еврейка донесла: бреславльскіе евреи уже однажды сожгли гостію, которая проявила столь поразительныя чудеса, что одна старая еврейка стала вѣрующей христіанкой, но евреи убили эту старую женщину. Далѣе, эта же крещеная еврейка разсказала, будто евреи откормили однажды украденнаго ими христіанскаго мальчика, затѣмъ положили его въ бочку съ воткнутыми внутри ея остроконечными гвоздями и катили ее такъ долго, покуда мальчикъ не испустилъ духъ; его кровь евреи разослали въ остальныя еврейскія

общины. Умудрились даже найти останки убитаго мальчика. Преступленія въ коихъ обвинялись евреи, казались доказанными; евреевъ общинъ Стригау, Яуера, Швейдница, Левенберга, Лигница и Рейхенбаха тоже, заключили въ темницу и отправили въ Бреславль; всего триста восемнадцать человѣкъ. Капистрано руководилъ судомъ надъ ними, и скоро приступили къ расправѣ. На улицѣ Salzring (теперь Blücherplatz), гдѣ жилъ Капистрано, были сожжены сорокъ признанныхъ виновными евреевъ (2 Іюня 1453 г. [1]). Равинъ (Пинхасъ?) повѣсился, посовѣтовавъ и другимъ покончить самоубійствомъ. Остальные евреи были изгнаны изъ Бреславля; дѣти же, не достигшіе семилѣтняго возраста, были насильно у нихъ отняты, крещены и преданы христіанамъ для воспитанія. Такова была воля Капистрано; въ ученомъ трактатѣ онъ доказалъ королю Владиславу, что все это вытекаетъ изъ христіанской религіи и правовѣрія. Честный муниципальный писарь, Эшенлоеръ, не дерзавшій сдѣлать рѣзкое замѣчаніе по поводу этой безчеловѣчной жестокости, занесъ въ свой дневникъ: „божественно ли это или нѣтъ, я предлагаю рѣшить духовнымъ учителямъ“. Духовные же учители превратились въ канибаловъ. Имущество сожженныхъ и изгнанныхъ евреевъ было, конечно, конфисковано, и на полученныя отъ этого средства построена бернардинская церковь. Долговыя обязательства объявлены были погашенными. Это не единственная церковь, построенная на кровныя деньги евреевъ. Евреевъ другихъ городовъ Силезіи постигла не лучшая участь. Часть ихъ была сожжена, а остальные нагишомъ изгнаны.

Когда бреславльскій городской совѣтъ просилъ молодого Владислава издать законъ, воспрещающій евреямъ впредь селиться въ Бреславлѣ, онъ не только принялъ упомянутое предложеніе „во славу Бога и къ чести христіанской вѣры“, но даже одобрилъ убійства силезскихъ евреевъ, замѣтивъ, что „они пострадали по заслугамъ“. Это замѣчаніе достойно сына Альбрехта II, приказавшаго сжечь евреевъ въ Австріи (стр. 108). Тотъ же король, несомнѣнно по проискамъ Капистрано, нѣсколько мѣсяцевъ пробывшаго въ Ольмюцѣ, далъ свое согласіе на изгнаніе евреевъ изъ Ольмюца и Брюна. Послѣ ихъ выселенія (между іюлемъ и ноябремъ 1454 г.) Владиславъ раздарилъ жителямъ еврейскіе дома, синагоги и даже кладбище; часть брюнской синагоги онъ предоставилъ мясни-

[1]) Въ Resp. современника Израиля Бруны № 267 намекается объ этомъ: כבר ידוע שכל המדינה שנופל בה עלילה מן העלילות דלא שייכי בממון אפילו בעיר אחת אז כל המדינה בסכנה כדמוכח בעונותינו במדינת שילזיא. Эшенлоеръ, Geschichte der Stadt Breslau, т. I стр. 14; Клозе, Geschichte von Breslau т. II, ч. 2 стр. 39; Wadding, Annales Minorum т. XII стр. 142; Schudt, Jüdische Denkwürdigkeiten I, стр. 387, 389.

камъ для устройства тамъ бойни. Кто знаетъ, сколько еще горя, не зарегистрированнаго лѣтописью, причинилъ евреямъ монахъ Капистрано, этотъ „бичъ іудеевъ", въ другихъ странахъ Европы?

Его пропитанное желчью и ненавистью къ евреямъ краснорѣчіе доходило до самой Польши, наполняя тревогой еврейскія общины этой страны, жившія до тѣхъ поръ спокойной и мирной жизнью. Дѣло въ томъ, что Польша уже издавна служила убѣжищемъ для всѣхъ травимыхъ, преслѣдуемыхъ и гонимыхъ евреевъ. Изгнанники изъ Германіи, Австріи и Венгріи встрѣчали радушный пріемъ на берегахъ Вислы. Привилегія, дарованныя имъ герцогомъ *Болеславомъ* и возобновленныя и утвержденныя королемъ Казиміромъ Великимъ (т. VIII стр. 282), были все еще въ силѣ. Правда, въ правленіе неаполитанской династіи, воцарившейся послѣ того, какъ вымерли пясты, а особенно въ царствованіе женщинъ, доминиканскимъ монахамъ, заклятымъ врагамъ евреевъ, дозволялось изобрѣтать и распространять клеветническія измышленія объ оскверненіи гостіи и умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, а также строить противъ евреевъ всяческія козни. Но статуты Болеслава и Казиміра оставались неоспоримымъ закономъ, защищавшимъ интересы евреевъ въ Польшѣ. Дѣло въ томъ, что они въ этой странѣ были еще болѣе незамѣнимы, чѣмъ въ другихъ частяхъ христіанской Европы. Ибо, такъ какъ въ Польшѣ было только два сословія, дворяне и крѣпостные, то евреи замѣщали собой недостающее третье сословіе, заботились о товарахъ и наличныхъ деньгахъ и приводили въ движеніе мертвые капиталы страны.

Когда Казиміръ IV, послѣ своего восшествія на престолъ, проживалъ въ Познани, этотъ, тогда уже цвѣтущій, городъ сталъ добычей пламени. При этомъ пожарѣ погибла и льготная грамота, дарованная евреямъ Казиміромъ Великимъ сто лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого еврейскіе депутаты польскихъ общинъ Познани, Калиша, Серадза, Ленчица, Бреста и Владислава отправились къ королю Казиміру, жалуясь на пропажу столь важной для нихъ грамоты и прося его составить, на основаніи оставшихся копій, новую грамоту, которая бы укрѣпляла и утверждала ихъ старыя права. Казиміръ не заставилъ себя долго упрашивать и, „дабы евреи могли спокойно и счастливо жить во все время его благополучнаго царствованія", онъ далъ имъ привилегіи, какими они не пользовались ни въ какомъ европейскомъ государствѣ (изданы въ Краковѣ 14 Августа 1447 г.). Вообще этотъ король не былъ рабомъ церкви и настолько энергично укрощалъ высокомѣрное духовенство, что послѣднее вопіяло о его жестокости. Онъ строжайше воспретилъ вмѣша-

тельство служителей церкви въ государственныя дѣла и говорилъ, что „надѣется на свои собственныя силы“ [1]).

Привилегіи, предоставленныя евреямъ Польши статутомъ Казимира IV, были гораздо значительнѣе всѣхъ прежнихъ льготъ либо потому, что ему представили для утвержденія измѣненную копію оригинала, либо же потому, что онъ самъ хотѣлъ расширить ихъ. Чтобы не думали, что онъ ужъ чрезмѣрно заботится о евреяхъ, онъ выдалъ свои льготы за простое подтвержденіе старыхъ. Новый статутъ не только предоставилъ имъ право свободной торговли и передвиженія во всемъ тогда очень обширномъ польскомъ государствѣ съ категорической оговоркой, что они не должны платить больше пошлинъ, чѣмъ христіане, но и упразднилъ каноническіе законы, которые такъ часто издавались папами, а незадолго до того и всеобщимъ церковнымъ собраніемъ въ Базелѣ. Грамота Казимира категорически разрѣшала евреямъ имѣть общія съ христіанами бани и вообще имѣть сношенія съ ними. Особенно подчеркивалось: христіанинъ не вправѣ былъ привлекать еврея къ духовному суду; если же онъ дѣлалъ это, то еврей не былъ обязанъ явиться на судъ. Провинціальные намѣстники должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы духовенство не безпокоило евреевъ и вообще оказывать имъ энергичную поддержку. Далѣе никакой еврей не могъ быть обвиненъ въ употребленіи христіанской крови (въ праздникъ Пасхи) или въ оскверненіи гостіи, такъ какъ „евреи неповинны въ этомъ преступленіи, которое къ тому же противорѣчитъ ихъ религіи“. Если христіанинъ выступитъ обвинителемъ противъ отдѣльнаго еврея, провинившагося въ употребленіи христіанской крови, то онъ долженъ былъ доказать справедливость своего обвиненія свидѣтельствомъ *туземныхъ, заслуживающихъ довѣрія евреевъ и четырехъ такихъ же христіанъ*; но и въ этомъ случаѣ подвергнуться наказанію должно не все еврейство, а лишь уличенный въ этомъ преступленіи еврей. Если же христіанскій обвинитель не въ состояніи доказать преступленіе показаніями заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей, то онъ самъ подвергается смертной казни. Этимъ создавалось препятствіе для участившихся въ это время ложныхъ обвиненій евреевъ въ употребленіи крови и слѣдовавшихъ за ними гоненій на евреевъ. Жизнь и собственность евреевъ были уже гарантированы старымъ статутомъ, и Казимиру IV оставалось лишь подтвердить это. Онъ призналъ также за евреями право собственнаго судопроизводства. Въ уголовныя дѣла между евреями или же между евреями и христіанами не должны были вмѣшиваться обыкновенные суды; ими вѣдалъ особый судъ, въ которомъ вмѣстѣ съ

[1]) Длугошъ (Longinus), Historia Polonica II, стр. 157.

евреями засѣдалъ и намѣстникъ (или его замѣститель). Въ мелкихъ процессахъ право выносить постановленія предоставлялось еврейскимъ *старѣйшинамъ* (равинамъ). Они же получили и право подвергать лицъ, не послѣдовавшихъ ихъ приглашенію, штрафу въ 6 марокъ, изъ коихъ три поступали въ пользу судей, а три—въ пользу намѣстника. Штрафъ повышался, если обвиняемый продолжалъ оказывать непослушаніе суду. Но приговоръ суда имѣлъ законную силу лишь въ томъ случаѣ, если ему предшествовало формальное приглашеніе, переданное черезъ посредство еврейскаго синагогальнаго служки (Skolny) или же королевскаго судейскаго чиновника (Ministerialis). Чтобы устранить возможность произвола въ еврейскомъ судопроизводствѣ, Казиміръ IV постановилъ, что приговоръ (отлученіе?) надъ евреемъ долженъ быть подтвержденъ всей общиной. Ни въ одной странѣ христіанской Европы евреи не пользовались такими льготами и привилегіями, какъ въ Польшѣ; такихъ правъ у нихъ не было даже и въ Кастиліи въ царствованіе Жуана II, когда имъ покровительствовалъ Авраамъ Бенвенисти. Король возобновилъ и издалъ новую льготную грамоту съ одобренія польскихъ магнатовъ. Казиміръ возобновилъ и подтвердилъ (1446) также и льготы, дарованныя литовскимъ герцогомъ, *Витольдомъ,* въ XIII вѣкѣ караимскимъ общинамъ въ Трокахъ, Луцкѣ и другихъ городахъ [1]).

Духовенство между тѣмъ косо посматривало на это покровительство евреямъ и всѣми силами старалось побудить короля Казиміра упразднить дарованныя имъ льготы. Во главѣ враждебнаго евреямъ польскаго духовенства стоялъ тогда вліятельный епископъ и кардиналъ Кракова, по имени Збигневъ Олесницкій. Его сильно огорчало покровительство короля евреямъ и гуситамъ. Богемское еретическое ученіе нашло многочисленныхъ и благородныхъ приверженцевъ въ Польшѣ, чему всего болѣе способствовали сами же епископы, ибо своимъ корыстолюбіемъ, взаимной враждою и совсѣмъ не святымъ образомъ жизни они дѣлали проповѣдуемое ими католическое ученіе только ненавистнымъ всѣмъ. Епископъ *Збигневъ* настойчиво приглашалъ пріѣхать въ Польшу монаха Капистрано, дабы можно было начать свирѣпую кампанію противъ гуситовъ. Въ Краковѣ онъ съ тріумфомъ былъ встрѣченъ королемъ и духовенствомъ, какъ какое-то высшее существо. Все время, которое монахъ пробылъ въ Краковѣ (отъ 28 августа 1453 г. до мая 1454 г. [2]), онъ вмѣстѣ съ епископомъ Збигневымъ натравливалъ короля Казиміра на гуситскихъ еретиковъ и евреевъ. Капистрано публично призывалъ его къ отвѣту, угрожалъ ему всѣми муками ада и пророчилъ ему скверный исходъ задуманной

[1]) Изъ одной рукописи въ Трокахъ, скопированной Фирковичемъ.

[2]) Длугошъ въ ук. м. II., стр. 122.

имъ войны противъ прусскаго рыцарскаго ордена, если онъ не измѣнитъ всѣхъ льготъ, дарованныхъ имъ евреямъ, и не отдастъ гуситскихъ еретиковъ на растерзаніе жаждавшаго крови духовенства. Пораженіе Казимира въ войнѣ противъ прусскихъ рыцарей можно было тѣмъ легче предсказать, что папа и даже польское духовенство поддерживали ихъ противъ Казимира.

И вотъ, когда рыцарскій орденъ, спѣша на помощь Пруссіи, объявилъ форменный крестовый походъ противъ Польши и обратилъ польскія войска въ позорное бѣгство, когда король Казимиръ, побѣжденный и глубоко униженный, принужденъ былъ оставить поле битвы (сентябрь 1454 г.), духовенство тріумфировало. Оно распространило мнѣніе, будто пораженіе Польши послѣдовало въ наказаніе за непослушаніе церкви со стороны короля и за покровительство, которое онъ оказывалъ евреямъ и еретикамъ [1]). Чтобы поправить дѣло и предпринять энергичный походъ противъ Пруссіи, Казимиръ нуждался въ помощи епископа Збигнева, который такимъ образомъ могъ диктовать королю свои условія. Король вынужденъ былъ пожертвовать евреями и ихъ оставить на произволъ судьбы. Въ ноябрѣ (1454 г.) Казимиръ отмѣнилъ всѣ привилегіи, которыя законъ предоставлялъ евреямъ, „такъ какъ невѣрующіе не могутъ пользоваться преимуществами сравнительно съ почитателями Христа, и рабы не могутъ быть поставлены лучше собственныхъ сыновей". Постановленіе короля было особыми глашатаями прочитано во всей странѣ. Кромѣ того Казимиръ постановилъ, чтобы евреи носили особый нарядъ, который отличалъ бы ихъ отъ христіанъ. Капистрано побѣдилъ по всей линіи. Его усиліями евреи были унижены даже тамъ, гдѣ они до того находились въ особенно благопріятномъ положеніи. Послѣдствія вскорѣ обнаружились. Еврейскія общины въ своемъ отчаяніи сообщили своимъ братьямъ въ Германіи: „монахъ" занесъ свой ужасный бичъ надъ ними, которые до того столь счастливо жили въ Польшѣ подъ скипетромъ короля Казимира и могли давать убѣжище своимъ гонимымъ и преслѣдуемымъ братьямъ изъ другихъ странъ; они раньше ни за что не повѣрили бы, что врагъ ихъ вторгнется во врата Польши, а теперь имъ приходится стонать подъ ярмомъ короля и магнатовъ".

Между тѣмъ надъ христіанствомъ свершился судъ Божій. Обремененная грѣхами *византійская имперія*, которая, хотя ужъ давно насквозь прогнила, все же продолжала существовать еще многіе вѣка, послѣ тысячелѣтняго существованія, рушилась, наконецъ, съ паденіемъ Константинополя (29 мая 1453 г.). Случилось это какъ

[1]) Т. же стр. 157.

разъ послѣ того, какъ послѣднему греческому императору, офиціальному греческому духовенству и папѣ Николаю V удалось объединить греческую церковь съ латинской (Henotikon). Турецкій завоеватель, *Магометъ II*, принесъ новому Риму рабство, позоръ, смерть и всяческіе ужасы и муки; но все это не искупало и части всѣхъ тѣхъ преступленій, которыя онъ совершилъ надъ другими и надъ самимъ собой. Начиная съ перваго основателя византійской имперіи, *Константина*, который вложилъ въ руку церкви обагренный кровью мечъ, и кончая послѣднимъ императоромъ, палеологомъ *Константиномъ Драгосесомъ* весь длинный рядъ ея правителей (за исключеніемъ отпавшаго отъ христіанства Юліана) были болѣе или менѣе преисполнены высокомѣрія, доходившаго до обоготворенія собственной персоны, коварства и предательства, лицемѣрія, лживости и страсти къ преслѣдованіямъ. Какъ народъ, такъ и служители государства и церкви были достойны своихъ правителей. Изъ Константинополя исходило не только порабощеніе умовъ, но и униженіе евреевъ. Христіанскіе султаны византійской имперіи отняли у нихъ равноправіе съ другими гражданами, которымъ они до того пользовались въ римской имперіи. У нихъ именно и позаимствовали германскіе, романскіе и славянскіе народы и представители церкви тотъ принципъ, согласно коему евреи должны быть истреблены или же унижены до степени исключительнаго о ложенія. И вотъ Византія, созданіе перваго христіанскаго императора, представляла собой груду развалинъ. Дикіе варвары построили на нихъ новое турецкое государство; сурова была ихъ месть. Еврейскіе и маранскіе оружейные мастера и знатоки военнаго дѣла, которые, вслѣдствіе насильственныхъ крещеній, принуждены были покинуть Испанію и нашли себѣ убѣжище въ Турціи, много способствовали паденію Византіи. Магометъ II, завоеватель Константинополя, имѣлъ виды и на всю остальную Европу, на государства латинской церкви. Все христіанство пребывало въ большой опасности. И все же христіанскіе правители и народы не могли найти въ себѣ мужество, чтобы оказать энергичное сопротивленіе турецкому завоевателю. Лживость и испорченность папъ принесли теперь горькіе плоды. Когда клятвопреступный папа, Николай V, хотѣлъ призвать все христіанство къ всеобщему крестовому походу противъ турковъ, его легатамъ на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ пришлось выслушать много рѣчей, безпощадно разоблачавшихъ всю гниль церкви. Тамъ было высказано, что папа и императоръ и не помышляютъ о веденіи войны противъ турковъ; они просто хотятъ промотать собранныя деньги. Всѣ говорили: „Зачѣмъ намъ жертвовать нашимъ добромъ, добытымъ въ потѣ лица, хлѣбомъ нашихъ дѣтей въ то время, какъ папа скрываетъ въ башняхъ, защищенныхъ толстыми стѣнами, сокровища св. Петра, которыя онъ дол-

женъ былъ прежде всего потратить для защиты христіанской вѣры?". Напрасно проповѣдывалъ Капистрано до хрипоты, чтобы вызвать воодушевленіе къ кресговому походу противъ турковъ, готовившихся вторгнуться въ Венгрію и подчинить власти Полумѣсяца, которому уже принадлежали земли на правомъ берегу Дуная и лѣвый берегъ его. Его капуцинады никого не привлекали болѣе; и вокругъ него собрался лишь сбродъ изъ студентовъ, крестьянъ, нищенствующихъ монаховъ, голодающихъ и экзальтированныхъ фанатиковъ. Европейскіе рыцари не тронулись съ мѣста, ставъ трезвыми и недовѣрчивыми. Средневѣковый призракъ сталъ исчезать съ наступленіемъ утра.

Венгерскій воинъ, Гуніядъ Корвинъ, и Капистрано предводительствовали крестоносцами, число коихъ достигало 60000, и близъ Бѣлграда капризный богъ войны даровалъ имъ незначительную побѣду надъ Магометомъ II и турками; послѣдніе принуждены были до поры до времени отказаться отъ завоеванія Венгріи, отложивъ это на будущее время. Какой крикъ восторга и ликованія пронесся надъ христіанскимъ міромъ по поводу бѣлградской побѣды! Гонцы за гонцами возвѣщали тріумфъ креста. Ослѣпленіе Капистрано дошло до того, что онъ весь успѣхъ приписывалъ себѣ и въ посланіи къ папѣ ни единымъ словомъ не упомянулъ о героѣ Гуніядѣ. Скорѣе хитрый, чѣмъ вѣрующій, безпринципный, но остроумный Эней Сильвій Пиколомини, который, бывъ сначала тайнымъ секретаремъ императора, достигъ позже папскаго престола (подъ именемъ Пія II), произнесъ слѣдующее вѣрное сужденіе относительно упомянутаго поступка Капистрано: „Францисканскій монахъ могъ презирать всякую собственность, отречься отъ всѣхъ сладостей жизни, подавить въ себѣ жажду наслажденій; но онъ не смогъ преодолѣть свое тщеславіе; онъ хотѣлъ побѣдой при Бѣлградѣ увѣковѣчить только свое имя" [1]). Странно, что одинъ еврей (Моисей Сонцинъ [2]) хвастался, будто со своимъ отрядомъ онъ побѣдилъ Капистрано. Во всякомъ случаѣ, фанатикъ не долго наслаждался славой, за которой онъ такъ гнался; смерть скосила его еще въ томъ же году (23 октября 1456 г.); но этимъ еще не прекратилось дѣйствіе его яростной ненависти противъ евреевъ, ибо его многочисленные ученики и соратники-монахи съ неутомимой настойчивостью слѣдовали его примѣру.

Временами кажется, будто само Провидѣніе позаботилось объ установленіи новой Турецкой имперіи какъ разъ въ эпоху участившихся и

[1]) Эней Сильвій, historia Bohemiae гл. 8, 66.

[2]) Герсонъ Сонцинъ, издатель многихъ сочиненій, замѣчаетъ на заглавномъ листѣ своего изданія Michlol, соч. Кимхи: אמר גרשם איש שונצין בן הח"ר משה והוא נלחם בעיר פירט נגד הרשע פרא יואן די קפיסטרנו וגרש אותו עם כל חילו משם.

усилившихся гоненій противъ евреевъ въ Европѣ, дабы создать для гонимыхъ и затравленныхъ бѣглецовъ гостепріимное убѣжище. Когда, три дня спустя послѣ своей расправы надъ Константинополемъ, султанъ Магометъ II обнародовалъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ всѣхъ скрывавшихся и бѣжавшихъ жителей безъ страха вернуться въ свои дома и жилища, онъ дружелюбно отнесся и къ евреямъ. Онъ разрѣшилъ имъ свободно селиться въ Константинополѣ и другихъ городахъ, отвелъ имъ особые участки земли и позволилъ имъ строить синагоги и школы. Магометъ II имѣлъ еврейскаго лейбъ-медика, Хекима Якова, котораго онъ особенно отличилъ, назначивъ его управителемъ финансовъ (дефтердаромъ[1]). Хекима Якова или другого врача (Гамона?), переселившагося въ Турцію изъ Испаніи и тоже уважаемаго султаномъ, послѣдній освободилъ отъ всѣхъ податей, распространивъ эту льготу и на потомство его.

Подобно тому, какъ султанъ сейчасъ же послѣ завоеванія Константинополя, приказалъ избрать греческаго патріарха, котораго назначилъ политическимъ владыкой надъ всѣми греками своего новаго царства, такъ онъ назначилъ и надъ всѣми еврейскими общинами Турціи верховнаго хахама въ лицѣ благочестиваго, ученаго и благороднаго *Моисея Капсали.* Магометъ призвалъ въ совѣтъ министровъ верховнаго равина и оказывалъ ему всяческія почести, предоставивъ ему мѣсто на ряду съ Муфти, магометанскимъ верховнымъ пастыремъ, и впереди патріарха Генадіоса. *Моисей Капсали* (род. 1420 г., ум. 1495 г.) получилъ отъ султана и извѣстную политическую власть надъ еврейскими общинами Турціи. Онъ распредѣлялъ налоги которые турецкіе евреи должны были платить отдѣльно или цѣлыми общинами, собиралъ ихъ и доставлялъ въ кассу султана. Моисей Капсали имѣлъ право подвергать различнымъ наказаніямъ всѣхъ членовъ общинъ, утверждалъ равиновъ, словомъ, былъ верховнымъ главой и офиціальнымъ представителемъ соединенныхъ еврейскихъ общинъ.

Караимство, пребывавшее въ состояніи полнаго окаменѣнія, отъ соприкосновенія съ рабанитами въ Турецкой имперіи, нѣсколько оживилось. Караимскія общины въ Константинополѣ и Адріанополѣ тоже получили прирость[2]) изъ Крыма, Азіи, а также изъ южной Польши. Караимы, принципъ коихъ заключался въ изслѣдованіи Библіи и въ толкованіи ея согласно требованіямъ разума, отличались тогда столь крупнымъ невѣжествомъ[3]), что

[1]) Сравни von Hammer Geschichte des osmanischen Reichs II, стр. 247.

[2]) Илія Башяци אדרת אליהו стр. 32: ונמשך זה ונתפרסם והיתר הדלקת הנר בערב שבת) בכל הקהל זולת אנשים מעט אשר באו מארץ מרחקים האיים הרחיקים אשר לא שמעו את שמעה שם וזה כבדי שלשים שנה.

[3]) Т. же I, 28: אמנם בעונות בזמן הזה אין כבוד לחכמים וגם לא ליודעים חן אמנם יד הסכלות פשטה ומחשיבים אותם כאחד הסכלים עמי הארץ לבד לא נשאר הכבוד כי אם בכרם וזקן ובבעלי לשון ובבעלי העושר.

вся ихъ религіозная постройка для нихъ еще болѣе, чѣмъ для рабанитовъ, являлась чѣмъ-то разъ на всегда даннымъ и традиціей, покоившейся на древнихъ авторитетахъ. Они, презиравшіе традиціи, кончили тѣмъ, что возвели ее въ культъ. О степени ихъ невѣжества можно приблизительно судить по тому обстоятельству, что они въ теченіе столѣтія не выдвинули ни одного сколько нибудь самостоятельнаго религіознаго писателя. Въ теченіе долгаго промежутка времени, слѣдовавшаго за Ароном Никомеди (т. VIII, стр. 264), выдвинулся одинъ лишь авторъ, *Авраамъ б. Іегуда*, который, однако, написалъ лишь комментарій, въ коемъ столько же позаимствовалъ у рабанитовъ и даже у Талмуда, сколько у своихъ единомышленниковъ. Тѣ караимы, которые хотѣли пріобрѣсти нѣкоторыя познанія, должны были сдѣлаться учениками рабанитскихъ учителей и позаимствовать у нихъ толкованіе св. Писанія и Талмуда. Гордые толкователи Библіи стали незрѣлыми учениками нѣкогда презираемыхъ ими рабанитовъ. Окаменѣлость караимства доказывается и другимъ событіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ Европейской Турціи. Караимская коллегія, состоявшая изъ *Менахема Башяци*, его сына *Моисея Башяци*, *Менахема Мароли*, *Михаила Старшаго*, его сына *Іосифа* и еще другихъ (въ Адріанополѣ) затѣяла нововведеніе, которое состояло въ разрѣшеніи въ пятницу готовить свѣчи для субботней ночи, дабы не приходилось сидѣть въ потьмахъ. Коллегія привела цѣлый рядъ основаній, оправдывающихъ эту затѣю. По принципу караимовъ, не только духовная власть, но и отдѣльное лицо вправѣ, опираясь на правильное толкованіе, отмѣнить старинный обычай и упразднить любое установленіе. Тѣмъ не менѣе позже (около 1460 г.) образовалась сильная оппозиція противъ упомянутой затѣи, такъ какъ послѣдняя противорѣчила обычаю, который относился еще ко времени основателя караимства, Анана, и, слѣдовательно, обладалъ святостью семивѣковой старины. Это вызвало пренія и расколъ. Та часть общины, которая позволила себѣ приготовлять свѣчи для субботы, была объявлена болѣе строгой партіей еретической и безбожной [1]). Расколъ между караимами по поводу начала времени праздниковъ продолжался еще въ это время. Палестинскія и окрестныя караимскія общины устанавливали простой и високосный годы по урожаю ячменя; они все еще слѣдили за наступленіемъ новолунія, чтобы соотвѣтственно съ этимъ установить дни праздниковъ. Отдаленныя же общины въ Турціи, Крыму и южной Польшѣ придерживались календаря рабанитовъ. Эта наслѣдственная болѣзнь все еще тянулась, ибо не было никакого средства, способнаго исцѣлить ее и установить прочныя нормы.

Очевидная слабость караимства и невѣжество его приверженцевъ

---

[1]) Илія Башяци въ ук. м. стр. 32. Гурляндъ גנזי פטרסבורג, стр. 31.

побудили рабанитовъ въ Турціи примирить ихъ съ талмудическимъ іудаизмомъ и, во всякомъ случаѣ, устранить ихъ враждебное къ нему отношеніе. Рабанитскіе учители, *Ханохъ Сапорта* (переселившійся изъ Каталоніи), *Элеазаръ Капсали* изъ Греціи и *Илія Галеви* изъ Германіи ставили караимскимъ ученикамъ, которымъ они преподавали Талмудъ, необходимымъ условіемъ воздерживаться въ рѣчахъ и писаніяхъ отъ поношенія талмудическихъ авторитетовъ и не нарушать праздниковъ рабанитскаго календаря. Въ своемъ затруднительномъ, безпочвенномъ положеніи, жаждавшіе учиться караимы принуждены были дать это обѣщаніе. Но главный равинъ въ Турціи, Моисей Капсали, былъ того мнѣнія, что вовсе не нужно посвящать караимовъ въ Талмудъ, такъ какъ они его отвергаютъ. Онъ былъ ученикомъ строгой нѣмецкой школы, которую нельзя было подвинуть ни на какую уступку даже въ томъ случаѣ, если бы такимъ путемъ удалось достигнуть постепеннаго возвращенія въ старое лоно какой нибудь оторвавшейся секты. Основнымъ положеніемъ этой школы было то, что запретъ, наложенный на вещь какимъ нибудь ритуальнымъ произведеніемъ даже новѣйшаго времени, не можетъ быть снятъ ни однимъ равиномъ [1]).

Поистинѣ изумительно, что изученіе Талмуда въ тогдашней Германіи, не взирая на отвратительнѣйшія условія: „постоянные страхи, трепетъ, мученія и преслѣдованія [2])“, могло достигнуть снова расцвѣта. Ученики изъ отдаленнѣйшихъ общинъ устремлялись въ высшія школы Эрфурта, Нюрнберга, Регенсбурга, и получившіе здѣсь образованіе равины у всѣхъ были на счету, какъ наиболѣе способные, и не должны были опасаться ничьего соперничества. Въ Германіи снова ожилъ остроумный тосафистскій методъ изученія, богатый комбинаціями и тонкими различеніями и соединенный съ той основательностью, которая царила въ школахъ Рамерю, Санса и Парижа [3]). Ученая основательность и глубокомысліе нѣмцевъ передались также и нѣмецкимъ евреямъ. Наиболѣе выдающимися равинами, снова занявшимися культивированіемъ этого духа и передавшими его своимъ преемникамъ, были *Яковъ Вейлъ* и *Израиль Исерлейнъ*. Первый изъ нихъ (его дѣятельность около 1425 г., умеръ до 1456 г.), ученикъ *Якова Мелина* (стр. 109), соединялъ въ себѣ основа-

[1]) Исерлейнъ Terumat ha-Deschen Pesakim № 241.

[2]) Т. же № 198.

[3]) Яковъ Вейлъ, Resp. № 164 и Израиль Бруна № 29: כי ודאי כשאנו מפלפלים כלומדים חריפות כגון בזמן התוספות אז אנו רגילין למשקל ולמטרה בדקדוקים ובחלוקים דקים המיעל פילא בקופא דמחטא אבל לפסוק הדין או להתיר האיסור אין לפסוק הדין ואין להתיר ואסור אלא בראיות ברורות מלובנות ומהורות מתוך פשטים סוגיא דשמעתא ולא מתוך הדקדוק. Сравни выраженія Израиля Бруны עקר הרבנות תלוי בפלפול (Resp. Іосифа Когена № 170 стр. 188) и дальше стр. 189: אמנם הפלפול הוא דבר חשוב ודאי פשיטא שכן הוא. הבקיאות הוא דבר חשוב מאוד,

тельную освѣдомленность послѣдняго въ Талмудѣ и всей равинской литературѣ съ выдающейся глубиной мысли. Уполномоченный своимъ учителемъ на исполненіе равинскихъ обязанностей въ Нюрнбергѣ, онъ долгое время воздерживался отъ этого изъ скромности, чтобы не причинить непріятность давно уже жившему тамъ *Соломону Когену*. Когда позже Яковъ Вейлъ сдѣлался равиномъ въ Эрфуртѣ, ближайшія и болѣе отдаленныя общины признали его авторитетъ и стали подчиняться его рѣшеніямъ. Онъ, кромѣ своихъ авторитетныхъ рѣшеній, не оставилъ послѣ себя ни одного значительнаго литературнаго произведенія; но и они достаточно свидѣтельствуютъ какъ о ясности ума, такъ и о благородствѣ его характера. Равинское званіе не такое значеніе имѣло въ его глазахъ, чтобы считать себя выше міранъ. Отъ участія въ процессахъ онъ уклонялся, насколько это только было возможно, и всегда совѣтовалъ спорящимъ сторонамъ довѣряться лучше третейскому суду компетентныхъ лицъ[1]). Тамъ же, гдѣ дѣло шло о защитѣ чьихъ либо правъ, этотъ добродушный и мягкій человѣкъ выступалъ съ энергіей, не щадившей знатности лица. Это онъ и доказалъ однажды по отношенію къ своимъ собственнымъ родственникамъ.

У одного очень богатаго, знатнаго и ученаго талмудиста, *Авраама Эзры*, который пользовался большимъ значеніемъ у одного епископа (изъ Мерзебурга или Магдебурга), какой-то герцогъ отобралъ жену и внучку и бросилъ ихъ въ тюрьму, вѣроятно съ цѣлью принудить его къ уплатѣ большой суммы денегъ. Молодую дѣвушку хотѣли насильно крестить. Всего вліянія Авраама Эзры на епископа недостаточно было, чтобы вернуть свободу заключеннымъ. Тогда за несчастныхъ заступился нѣкій *Давидъ Ценеръ* и, за значительную сумму денегъ, добился ихъ освобожденія послѣ 5-ти мѣсячного заключенія. Но мужъ и дѣдушка вмѣсто того, чтобы отблагодарить спасителя своихъ близкихъ, отказался вернуть послѣднему расходы подъ тѣмъ предлогомъ, что его жена и внучка и безъ стараній перваго были бы освобождены епископомъ. Авраамъ Эзра былъ не только скряга, но и мошенникъ, дурными дѣлами пріобрѣвшій свое богатство и къ тому же еще мстительный и опасный для тѣхъ, кто мѣшалъ ему. Равинъ его мѣстности не рѣшался призвать его и заставить заплатить Давиду Ценеру. Тогда Яковъ Вейлъ, хотя и родственникъ Эзры, возбудилъ противъ него дѣло и угрожалъ ему тяжелымъ отлученіемъ, если онъ въ короткій срокъ не вернетъ издержанной суммы [2]).

Молодой современникъ Якова Вейла, *Израиль Исерлейнъ* бенъ Петахія, вѣроятно внукъ того Израиля изъ Кремса, котораго импера-

[1]) Яковъ Вейлъ Resp. № 146.

[2]) Т. же № 148—150, также Resp. Израиля Бруны № 235. 236.

торъ Рупрехтъ сдѣлалъ главнымъ равиномъ (стр. 85.), былъ сначала равиномъ въ Марбургѣ (Штиріи), потомъ въ Нейштатѣ при Вѣнѣ (его дѣятельность 1427—1460). Его главнымъ учителемъ былъ р. *Озеръ* изъ Силезіи [1]), котораго Исерлейнъ превзошелъ плодовитостью и тонкостью ума. Поэтому всѣ равины слѣдующаго столѣтія считали его равинскимъ авторитетомъ первой величины и ставили его рядомъ съ Ашери [2]). Онъ также отличался высокой нравственностью и благородствомъ, былъ непримиримымъ врагомъ всякихъ эгоистическихъ стремленій и насильственныхъ мѣръ. Когда однажды равинъ *Илія* изъ Праги сталъ добиваться благопріятнаго для себя рѣшенія въ процессахъ путемъ отлученія и съ помощью христіанскихъ властей, Исерлейнъ сильно осуждалъ его образъ дѣйствій, говоря: „создай себѣ имя мудростью и возвышеніемъ учебнаго дѣла, а не насиліемъ и доносами" [3]). Исерлейнъ заявлялъ, что равинамъ вообще не дѣлаетъ чести пользованіе сборами со свадебъ, разводныхъ писемъ и другихъ равинскихъ документовъ [4]). При всякомъ удобномъ случаѣ онъ выступалъ противъ надменности тѣхъ равиновъ, которые, подобно христіанскому духовенству, претендовали на духовную власть, и энергично защищалъ общинную свободу. Благодаря уваженію, которымъ пользовался Исерлейнъ, удалось предотвратить близкій разрывъ и подавить расколъ въ рейнскихъ общинахъ.

Въ Бингенѣ на Рейнѣ (община котораго подчинена была майнцскому архіепископу) жилъ тогда уважаемый равинъ, Зелигманъ Опенгеймъ. Ученики его занимали мѣста равиновъ на нижнемъ Рейнѣ. Считая себя центромъ въ этой мѣстности, онъ захотѣлъ ввести новые порядки и придать себѣ до извѣстной степени значеніе рѣшающаго авторитета. Съ этой цѣлью Зелигманъ созвалъ въ Бингенѣ равинскій синодъ (около 1455—56 г.) и пригласилъ въ него общинныхъ делегатовъ округовъ Кельна, Гельдерна и Юлиха, не сообщивъ имъ однако предварительно въ программѣ пунктовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію этого синода. Не смотря на то, что эти общины не послали ни одного делегата, Зелигманъ заставилъ синодъ принять извѣстныя рѣшенія, обязательныя для всѣхъ рейнскихъ общинъ, за неисполненіе которыхъ имъ угрожало отлученіе. Но общины *Майнца, Вормса, Франкфурта, Опенгейма, Кельна, Гельдерна* и *Юлиха* протестовали противъ притязанія наложить на

[1]) Моисей Исерлесъ въ Additamenta къ Jochasin изд. въ Краковѣ.

[2]) См. Азулаи s. v. Соч. Исерлейна: 1) отвѣты на воображаемые вопросы שאלות; 2) отвѣты на сдѣланные запросы פסקים וכתבים, подъ заглавіемъ תרומת הדשן; 3) объясненія коментарія Раши къ Пятикнижію; 4) примѣч. къ שערי דורא Исаака Дурана.

[3]) Исерлейнъ Pesakim № 64.

[4]) Т. же № 128.

нихъ обязательства и тяготы, на которыя они не согласились дать свое утвержденіе, что требовалось дѣйствовавшимъ до тѣхъ поръ обычнымъ правомъ. Зелигманъ и его сторонники тѣмъ не менѣе настаивали на обязательности для рейнскихъ общинъ принятыхъ въ Бингенѣ рѣшеній. Вслѣдствіе этого возникли раздоры. Тогда протестанты обратились къ р. Израилю Исерлейну въ Нейштатѣ при Вѣнѣ и пригласили его въ качествѣ третейскаго судьи и окончательно рѣшающаго авторитета. Послѣдній со всей рѣшительностью выступилъ противъ Зелигмана и доказалъ ему, на основаніи постановленій равиновъ, что онъ ни въ коемъ случаѣ не имѣлъ права навязать общинамъ безъ ихъ вѣдома и согласія невыгодныя для нихъ рѣшенія. „Если даже и позволительно для какой нибудь общепризнанной равинской знаменитости издавать собственной властью какія нибудь общеполезныя постановленія, то ты именно не долженъ смотрѣть на себя, какъ на таковую, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ ты только мѣстная знаменитость“. Исерлейнъ старался уговорить его не нарушать мира и согласія въ общинахъ въ такое время, когда надъ ихъ головами собирается новая опасность со стороны майнцскаго архіепископа (Дитриха, Дитера фонъ Изенбурга). Въ томъ же смыслѣ высказались и опрошенные болѣе молодые равины: *Аронъ Лурія, Израиль Бруна* изъ Регенсбурга, *Залманъ Кицингенъ* изъ Ульма и *Мейстерлейнъ* изъ Нейштата при Вѣнѣ. Послѣдній также заклиналъ Зелигмана и его сторонниковъ не рвать изъ легкомыслія или упрямства узъ единенія, которыя такъ тѣсно связывали евреевъ. Р. Мейстерлейнъ обращалъ ихъ особое вниманіе на то, что только мирное сожительство евреевъ одно въ состояніи спасти ихъ отъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ опасностей и бѣдъ. Онъ обрисовалъ имъ положеніе польскихъ евреевъ, которые съ мольбой простираютъ руки къ своимъ братьямъ въ Германіи, ожидая отъ нихъ совѣта и помощи въ борьбѣ съ фанатизмомъ, раздутымъ противъ нихъ въ Польшѣ монахомъ Капистрано. Увѣщанія Исерлейна и другихъ равиновъ произвели, повидимому, впечатлѣніе на Зелигмана и заставили его отказаться отъ Бингенскихъ рѣшеній; по крайней мѣрѣ, нигдѣ болѣе не упоминается ни о нихъ, ни о ссорахъ между рейнскими общинами.

Значительную пользу развитію еврейства принесло то обстоятельство, что два наиболѣе уважаемыхъ равина того времени, Яковъ Вейлъ и Израиль Исерлейнъ, оба проникнутые благочестіемъ и смиреніемъ, положили предѣлъ нарождавшейся притязательности нѣкоторыхъ равиновъ. Ибо, рядомъ съ Иліей въ Прагѣ и Зелигманомъ въ Бингенѣ, и другіе равины, увлеченные дурнымъ примѣромъ, представляемымъ церковью, тоже захотѣли присвоить себѣ особыя духовныя права по отношенію къ міранамъ. „Имѣются равины“, такъ бичуетъ ихъ Яковъ Вейлъ, „ко-

торые врядъ ли основательно прошли Талмудъ, и все же осмѣливаются щеголять равинскимъ вѣнцомъ изъ властолюбія и честолюбія или корыстолюбія; они лишены всѣхъ добродѣтелей, которыхъ требуетъ Талмудъ отъ своихъ послѣдователей; нѣкоторые даже провинились въ проступкахъ, создавшихъ имъ худую славу, и тѣмъ оскверняютъ имя Господне" [1]). Когда же иные изъ этихъ недостойныхъ равиновъ, ссылаясь на Талмудъ, начали налагать денежный штрафъ на мірянъ, оскорбившихъ ихъ какимъ нибудь обиднымъ словомъ, и вздумали подвергать ихъ анаѳемѣ для осуществленія своего личнаго права, то Яковъ Вейлъ прямо заявилъ, что въ настоящее время равины не имѣютъ никакихъ преимуществъ передъ мірянами, никто не можетъ считаться молодымъ мудрецомъ (Talmid Chacham) въ смыслѣ талмуда, и они ни въ коемъ случаѣ не имѣютъ права налагать на кого нибудь за личное оскорбленіе денежный штрафъ или проклятіе [2]). Очень строго Яковъ Вейлъ относился къ тѣмъ полузнайкамъ, которые пріобрѣтали у мѣстныхъ владѣтельныхъ князей или у начальства должность духовнаго равина, а въ особенности къ тѣмъ странствующимъ равинамъ и къ самозванцамъ, выдававшимъ себя за равиновъ, которые по пути своихъ странствованій исполняли духовныя функціи, совершая обряды вѣнчанія и развода [3]). Хотя равины нѣмецкихъ общинъ: Яковъ Вейлъ, Израиль Исерлейнъ и ученики послѣднихъ: *Израиль Бруна* и *Іосифъ Колонъ*, оба Менца и еще нѣкоторые другіе, которые съ половины 15-го столѣтія все болѣе и болѣе становились учителями и образцами для всего европейскаго еврейства, никакой значительной литературы не создали, но они, поскольку это отъ нихъ зависѣло, охраняли равиновъ отъ одичанія и развращенія, что при тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергались евреи въ Германіи и другихъ сосѣднихъ странахъ, не можетъ быть достаточно высоко оцѣнено.

Въ сравненіи съ плачевнымъ положеніемъ евреевъ въ Германіи, конца которому и нельзя было предвидѣть, евреи, жившіе въ новой Турецкой имперіи, должны были чувствовать себя, какъ въ раю. Еврейскіе выходцы изъ Германіи, избавленные отъ ежедневныхъ мученій, приходили въ настоящій восторгъ отъ благопріятныхъ условій жизни турецкихъ евреевъ. Имъ не приходилось платить „золотой пфенигъ", „коронныя деньги" и третью часть своего состоянія, и они были почти свободны отъ всякихъ налоговъ. Торговля и всякія иныя занятія были имъ дозволены. Они могли свободно распоряжаться своей собственностью, пользоваться свободой передвиженія по всему государству, могли одѣ-

[1]) Яковъ Вейлъ Resp. № 163.
[2]) Т. же
[3]) Т. же № 85, 148.

ваться по своему желанію и щеголять въ золотѣ и шелку. Богатая всякими дарами страна, отнятая у лѣнивыхъ грековъ-христіанъ, стала для евреевъ, при ихъ дѣловитости, богатымъ источникомъ доходовъ. Турція была страной, которой, по словамъ одного восхищеннаго еврея, „рѣшительно ничего не недоставало“. Два молодыхъ еврея *Калманъ* и *Давидъ,* прибывшіе въ Турцію, выразились: если бы нѣмецкимъ евреямъ была извѣстна хоть десятая часть того, что они могутъ найти въ этой странѣ, то, наперекоръ всѣмъ непріятностямъ, они массами переселились бы сюда. Вслѣдствіе этого они оба обратились къ человѣку, который еще раньше перекочевалъ въ Турцію и имя котораго, *Исаакъ Царфати,* было не безызвѣстно въ Германіи, съ предложеніемъ выпустить окружное посланіе къ евреямъ Швабіи, Рейнской области, Штиріи, Моравіи и Венгріи обрисовать имъ благопріятное положеніе евреевъ подъ скипетромъ полумѣсяца въ противоположность ихъ игу подъ скипетромъ креста и уговорить ихъ оставить обширный застѣнокъ Германіи и переселиться въ Турцію. Свѣтъ и тѣни не могли быть ярче изображены, чѣмъ изображена была эта разница въ положеніи евреевъ Исаакомъ Царфати въ его посланіи (1454 г.), написанномъ живымъ, мѣстами слишкомъ ужъ пересыпаннымъ остротами, большей частью непередаваемымъ языкомъ. „Мнѣ передавали о мукахъ, болѣе горькихъ, чѣмъ смерть, которыя постигли нашихъ братьевъ въ Германіи, о тираническихъ законахъ, о насильственныхъ крещеніяхъ, объ изгнаніяхъ, имѣющихъ мѣсто изо дня въ день. И когда они убѣгаютъ изъ одного мѣста, ихъ постигаетъ въ другомъ еще худшее несчастье. Я слышу, какъ наглый народъ возвысилъ свой яростный голосъ противъ правовѣрныхъ, я вижу его поднятую руку. Горе внутри, горе внѣ насъ! Ежедневно новые приказы деспотовъ, вымогающихъ деньги... Духовныя лица, монахи, лживые священники, ополчились на несчастный народъ и говорятъ: „мы будемъ преслѣдовать ихъ до ихъ полнаго уничтоженія, да исчезнетъ имя Израиля!“ Имъ кажется, что вѣра ихъ въ опасности, потому что евреи могутъ вдругъ купить церковь надъ гробницей Христа; поэтому они издали приказъ: каждаго еврея, который на христіанскомъ кораблѣ направляется на востокъ, бросать въ волны. Что сталось со священными нѣмецкими общинами, какъ ослаблена ихъ сила! Они не только прогоняютъ евреевъ съ одного мѣста на другое, но покушаются на ихъ жизнь, заносятъ острый мечъ надъ ихъ головой, кидаютъ ихъ въ пылающій огонь, въ стремительныя волны, въ смрадныя болота. Мои братья и наставники, друзья и знакомые! Я, Исаакъ Царфати, который происходитъ изъ Франціи, родился въ Германіи, гдѣ сидѣлъ у ногъ своихъ учителей, я говорю вамъ: Турція—страна, въ которой нѣтъ недостатка ни въ чемъ. Если вы согласитесь, то вамъ

можетъ быть хорошо. Черезъ эту страну вы можете безопасно достигнуть Святой земли. Развѣ не лучше жить съ магометанами, чѣмъ съ христіанами? Здѣсь каждый можетъ одѣваться въ самыя тонкія матеріи, здѣсь каждый можетъ спокойно жить подъ своей смоковницей, подъ своей виноградной лозой, между тѣмъ, какъ въ христіанской странѣ вы не смѣете даже попробовать одѣть вашихъ дѣтей въ красное или въ синее, не рискуя увидѣть ихъ избитыми до красноты и синяковъ. Поэтому вы должны ходить бѣдно одѣтыми, въ лохмотьяхъ. Всѣ ваши дни тусклы, тусклы также ваши субботы и другіе праздники. Чужіе пользуются вашимъ состояніемъ. На что нужны богатому еврею его сокровища? Онъ хранитъ ихъ только на собственное несчастье, и въ одинъ день все потеряно. Вы называете эти сокровища своими? Нѣтъ, они принадлежатъ имъ [1]), христіанамъ. Лживыя обвиненія они измышляютъ противъ васъ. Они не щадятъ ни возраста, ни ученаго званія. И если они дадутъ тебѣ обезпеченіе за шестьюдесятью печатями, то все же они нарушатъ его [2]). Они всегда налагаютъ двойной штрафъ, осуждаютъ на мучительную смерть и разграбляютъ имущество. Они запрещаютъ преподаваніе въ школахъ, мѣшаютъ молитвѣ и запрещаютъ еврею работать и заниматься дѣлами въ христіанскіе праздники. Итакъ, Израиль, почему ты спишь? Встань и покинь эту проклятую страну [3])!“ Воззваніе Исаака Царфати вѣроятно подвинуло кое-кого на переселеніе въ Палестину и въ Турцію. Переселенцы-евреи изъ Германіи рѣзко отличались отъ восточныхъ и греческихъ единовѣрцевъ своимъ мрачнымъ характеромъ, своей архинабожностью, своей долгополой одеждой и ермолками, и скоро стали оказывать вліяніе на природныхъ жителей [4]).

Запрещеніе евреямъ переселиться въ Палестину сопровождалось особенными обстоятельствами. Еврейскіе обитатели Іерусалима выхлопотали себѣ отъ папы разрѣшеніе построить синагогу на одномъ участкѣ Сіонской горы. Это мѣсто находилось рядомъ съ собственностью Фран-

---

[1]) Очень остроумно примѣненіе талмудической фразы къ необезпеченному обладанію имуществомъ еврейскихъ государственныхъ рабовъ Германіи (посланіе стр. 22, строка 7) :ולא יועיל הון ביום עברתו ואבד העשר ההוא. דלכון אמרי ? דלהון הוא

[2]) Т. же строка 20: ואף אי כתב לך אשרתא וקיוכהון בשתין גושפנקי עדי התימי כרתי

[3]) Въ концѣ страница 24: לאפוקי מהמינים המאמינים . . . בשלוש ונשמות, ואמודים בפסיק רישיהי ולא ימות, רחמנא ליצלן מהאי דעת אבא שקרא, ובן כוזיבא... וכתיב ועד השלשה לא בא.

[4]) О нѣмецкихъ евреяхъ въ Турціи сообщаетъ Башяци: אדרת אליהו (стр. 6 b) וכפני שיראת אנשים מלומדה מהאנשים התלמודיים הבאים מאשכנז שאוכלים השלגא עם השומים ועולה בגוהם ומרעישים הקהלות עם הציציות והתפילין והמלבושים הארוכים עד רגליהם ומלבוש הראש המקושט שהוא הקפוצי הרום נתון על שכמם וזה כדי לדראות ולהפחיד המון האנשים. אמנם בלתי זה היו החכמים הנמצאים פה ובגלילות אחרות ובספרד שרודפים אחר הפשט היו מודים על האמת.

цисканскаго ордена, на которой находилась разрушенная капела, называвшаяся *„капелой Давида"*. Монахи стали громко роптать на это, словно святой городъ и вся страна издавна составляли ихъ наслѣдственную собственность. Они обратились къ папѣ съ жалобой, указывая на то, что, если это будетъ такъ продолжаться, то евреи присвоятъ себѣ также и церковь гроба Господня. Въ отвѣтъ на это папа издалъ буллу, которой всякому христіанскому собственнику корабля воспрещалось принимать на него евреевъ для переѣзда въ Святую землю. А такъ какъ морская переправа въ Левантъ находилась тогда преимущественно въ рукахъ венеціанцевъ, то заставили дожа *) приказать всѣмъ судовымъ капитанамъ континента и острововъ, чтобы они не принимали на свои суда, направляющіяся въ Палестину, ни одного еврея.

ГЛАВА IX

Закатъ славы испанскихъ евреевъ.

Отсталость испанскихъ евреевъ. Послѣдніе талмудисты въ Испаніи; представители науки. Кабала и ея посягательства. Книга Кана и Пелія. Кабала на службѣ у христіанства. Политическое положеніе въ послѣднія десятилѣтія передъ изгнаніемъ. Еврейское населеніе въ Кастиліи. Авраамъ Бенвенисти и растущее вліяніе евреевъ въ Испаніи. Ихъ жестокій врагъ, Альфонсо де Спина, вызываетъ преслѣдованія. Мученики Сепулведы. Ожесточеніе населенія противъ марановъ. Педро де Герера, его планъ въ пользу марановъ не удается.

(1456—1474).

Въ какой упадокъ пришли евреи Пиренейскаго полуострова, тѣ самые евреи, которые когда-то служили блестящимъ образцомъ всего еврейства, видно изъ того, что они въ толкованіи Талмуда, который тогда служилъ духовнымъ мѣриломъ, не могли соперничать съ нѣмецкими евреями. Конечно не они были виновны въ этомъ упадкѣ. Служители церкви частью скосили способныя еврейскія головы, частью переманили ихъ въ лоно христіанства. Послѣ того, какъ вымерло поколѣніе, выдержавшее богатырскую борьбу съ отступниками, Павломъ Бургосскимъ и Геронимомъ де Санта-Фе, слѣдующія поколѣнія уже не обладали этой силой. Труды испанскихъ и португальскихъ равиновъ въ талмудической области равнялись нулю. Благочестивое усердіе, съ какимъ Авраамъ Бенвенисти, его сынъ, Іосифъ, и его внуки, донъ Видалъ и донъ Авраамъ II, тратили свое большое состояніе на возстановленіе школъ и поддержку наставниковъ и учениковъ, не могло уже предупредить это паденіе. Плачевное положеніе, униженіе и обѣдненіе отнимали досугъ и омрачали радость напряженныхъ умственныхъ упражненій. Равинъ *Исаакъ*

*) Титулъ высшаго правителя Венеціи. *Ред.*

Кампантонъ, проживвшій больше столѣтія (род. 1360, ум. въ 1463 [1]), бывшій свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ Ферана Мартинеца и Виценте Ферера со всѣми ихъ страшными послѣдствіями, хотя и восхваляемый, какъ яркій свѣточъ и гаонъ Кастиліи, ничего не создалъ, кромѣ одного незначительнаго произведенія по методикѣ Талмуда, не свидѣтельствующаго ни о богатыхъ познаніяхъ, ни о большомъ умѣ. Онъ оставилъ послѣ себя трехъ учениковъ [2]), очень знаменитыхъ въ Испаніи, но не обогатившихъ ничѣмъ оригинальнымъ ни еврейской литературы вообще, ни изслѣдованія Талмуда. Это были: *Исаакъ де Леонъ* (род. въ 1420, ум. въ 1490), *Исаакъ Авоавъ* въ Толедѣ (род. въ 1433, ум. въ 1493), занявшій равинское мѣсто своего учителя, Кампантона, и *Самуилъ бенъ-Авраамъ Валенси* (Валенци, Валенціано, род. въ 1435, ум. въ 1487). Первый извѣстенъ только, какъ чудодѣй, и, вѣроятно, не оставилъ никакого литературнаго наслѣдства. Исаакъ Авоавъ, слѣпой на одинъ глазъ, былъ плодовитый писатель, но и онъ написалъ только комментаріи и безвкусныя проповѣди [3]), состряпанныя изъ отдѣльныхъ положеній философовъ и кабалистовъ. Если къ нимъ еще прибавить *Іосифа Хаюна* (его дѣятельность 1450—1480 [4]), то этимъ перечнемъ исчерпывается число послѣднихъ равинскихъ знаменитостей на Пиренейскомъ полуостровѣ. Іосифъ Хаюнъ былъ очень благочестивый, очень достойный человѣкъ, но безъ выдающагося значенія; онъ болѣе налегалъ на легкую агаду, чѣмъ изученіе Талмуда, требующее напряженія ума.

Успѣхи испанскихъ евреевъ въ другихъ областяхъ знанія въ послѣднія десятилѣтія не болѣе этого достойны упоминанія. И въ этой странѣ наука находилась въ подозрѣніи, если не въ опалѣ, и считалась опасной. *Исаакъ Арама*, любимый проповѣдникъ, не только въ свое время, но и позже, проживавшій поочередно въ Цаморѣ, Тарагонѣ, Фрагѣ и Калатаюдѣ (1450—1490 [5]), ревностно старался вмѣстѣ съ другими проповѣдниками и равинами лишить науку ея послѣднихъ послѣдо-

[1]) Закуто въ Jochasin изд. Филиповскаго стр. 226: ר׳ יצחק (קנפנטון) נקרא גאון בקשטיליא . . . והוא נפטר בפיניאפיל רכ״ג ליצירה.

[2]) О нихъ см. т. же, а о послѣднихъ двухъ см. Schulchan Aruch, Orach Chajim № 141: ומעשה באחד שקרא כמו שהיא כתובה (בענין קרי וכתיב) בפני גדולי הדור הר׳ יצחק אבוהב והר׳ אברהם ואלאנסי והר׳ שמואל ואלאנסי בנו והתרו בו שיקרא כפי המסורת ולא רצה ונדוהו והורידוהו מהתיבה.

[3]) Сочиненія Исаака Авоава суть: 1) Толкованіе Раши; 2) Толкованіе коментарія Нахманида къ Пятикнижію, первое изд. въ Венеціи 1558; 3) שטות къ нѣкоторымъ трактатамъ Талмуда, Венеція 1608. 4) דרשות подъ заглавіемъ נהר פישון, Константинополь 1638; 5) Примѣчанія къ Turim; 6) Респонсы.

[4]) О немъ см. въ предисловіи къ его соч. מלי דאבות (Венеція 1605).

[5]) О немъ см. въ пред. Полака къ главн. соч. Арамы עקדת יצחק или מאה שערים Сочин. Арамы חזות קשה направлено противъ науки.

вателей. Въ философіи, въ которой еврейско-испанскіе философы прежде считались мастерами, они къ этому времени до того отстали, что *Али бенъ Іосифъ Хабиліо*[1]), изъ Монцона, занимавшійся философіей, перевелъ на древне-еврейскій языкъ произведенія схоластиковъ: *Ѳомы Аквинскаго, Дунса Скота* и *Вилгельма Окамскаго*, пользовавшихся, какъ извѣстно, непосредственно или косвенно духовнымъ наслѣдствомъ еврейскихъ мыслителей. Не многимъ значительнѣе былъ его современникъ, *Авраамъ-бенъ Шемъ-Товъ Бибаго*, учившій сначала въ Гюэскѣ, а потомъ въ Сарагосѣ (1446—1489[2]) и, вѣроятно, бывшій врачемъ при дворѣ Жуана II Арагонскаго. Бибаго былъ, собственно, скорѣе проповѣдникомъ, чѣмъ метафизическимъ мыслителемъ, и оставилъ по этому послѣ себя только проповѣди; онъ переводилъ уже существовавшія философскія произведенія и разработалъ ихъ идеи въ своемъ собственномъ трудѣ (Путь вѣры), который тоже имѣетъ характеръ проповѣди. Онъ уже долженъ былъ бороться съ глубокоукоренившимся общественнымъ предразсудкомъ, будто всякое научное изслѣдованіе, выходящее за тѣсный кругъ религіи, достойно осужденія и ведетъ къ ереси. Испанскіе евреи большей частью уже гордились своимъ невѣжествомъ и слѣпымъ правовѣріемъ. Другъ Хабиліо, *Шемъ-Товъ II* бенъ Іосифъ ибнъ Шемъ-Товъ, сынъ философа-теолога (стр. 131) и внукъ усерднаго врага науки (стр. 81), жившій въ Сеговіи и Алмацонѣ (1461—1489[3]), занимался много философіей и издалъ много коментаріевъ (среди нихъ одинъ къ „Путеводителю" Маймонида), но онъ также не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, двигался въ старой колеѣ и пользовался избитыми школьными формулами. Какъ и его отецъ, Шемъ-Товъ бенъ-Іосифъ былъ проповѣдникомъ и еще болѣе перваго не проникалъ глубоко въ философскую и религіозную мысль.

Какъ ни ослѣплены были вожаки испанскаго еврейства въ послѣдніе полъ-вѣка до изгнанія евреевъ, все же не совсѣмъ отсутствовалъ голосъ, порицавшій и предостерегавшій ихъ: нашелся человѣкъ, ясно видѣвшій нравственное паденіе еврейства и испытывавшій чувство скорби, при сравненіи своего времени съ прежнимъ блестящимъ періодомъ. Ибо низкій духовный уровень испанскихъ евреевъ, происшедшій изъ ихъ унизительнаго положенія въ обществѣ и изъ ихъ равнодушія или даже презрѣнія къ научному изслѣдованію, оказался не только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, а охватилъ, подобно проникшему во всѣ части организма болѣзненному яду, всю религіозную и общественную жизнь. Современникъ, *Іосифъ бенъ-Мешуламъ* (?), безпощадно разоблачилъ эти пороки въ

[1]) О немъ см. соч. Іелинека „Ѳома Аквинскій въ евр. литерат".

[2]) Его главное соч. דרך אמונה.

[3]) Мункъ, Melanges стр. 509.

сатирическомъ произведеніи, обладающемъ значительной ораторской цѣнностью. Авторъ (1468), имѣвшій, должно быть, основаніе скрывать наполовину свое имя, начинаетъ свою бичующую сатиру вымышленной бесѣдой, въ которой мы находимъ размышленія о плачевной участи еврейскаго племени и, какъ на причину послѣдней, указывается на вырожденіе іудаизма. „Чистый источникъ Божественнаго откровенія замутился до неузнаваемости дѣлами человѣка. Не только Библія, но и ученіе Талмуда заглушено многочисленными добавленіями и суевѣрными обычаями, а нелѣпости кабалы съ своей стороны способствовали этому затемнѣнію. Идолопоклонствующіе израильтяне нѣкогда взывали: „О, Ваалъ, услышь насъ!“*), а евреи настоящаго времени подобнымъ же образомъ возносятъ свои молитвы къ архангелу Михаилу или къ какой-нибудь кабалистической сефирѣ и такимъ образомъ принижаютъ Бога. Остроумная сатира выводитъ въ образѣ сонная видѣнія женское существо все въ ранахъ и гнойныхъ нарывахъ, съ истерзаннымъ тѣломъ, возносящее къ трону Небеснаго Царя жалобы объ истязаніяхъ и увѣчьяхъ. Это есть олицетвореніе *молитвы*, которая жалуется Господу на искаженіе, многочисленныя некрасивыя добавленія, безсмысленности и нашептыванія. Авторъ бичуетъ въ особенности раввиновъ за то, что они, „бѣдные главари“, не радѣютъ о Библіи и наукѣ, а занимаются хитроумными толкованіями талмуда, измышляютъ праздные вопросы и средство превращаютъ въ цѣль“.

Дикая кабала съ ея пустыми химерами и спутанными грезами была тогда настолько истощена и ослаблена, что, не будучи въ состояніи творить, она занялась *разрушеніемъ*. Вообще она насчитывала тогда въ своей первоначальной родинѣ, Испаніи, очень мало радѣтелей и послѣдователей [1]). Въ воспоминаніяхъ сохранилось всего какихъ нибудь три имени: *Авраамъ Саба*, *Іегуда Хаятъ* и *Іосифъ Сарко* [2]). Послѣдній, хотя врачъ и, въ качествѣ лейбъ-медика, очень принятый въ португальской графской фамиліи *де Менецесъ*, предавался тѣмъ не менѣе самой безсмысленной мистикѣ. Эти кабалисты не оставили послѣ себя никакихъ самостоятельныхъ трудовъ, а только коментаріи къ старымъ кабалистическимъ сочиненіямъ, молитвамъ и изреченіямъ. Но, чтобы предложить хоть что-нибудь новое и пріобрѣсти новыхъ друзей для оставленнаго всѣми тайнаго ученія, одинъ учитель кабалы обратилъ свое оружіе противъ почитателей Талмуда, противъ самого Талмуда и даже противъ религіозныхъ

[1]) פליאה (рукопись стр. 30): ואם ימצא אחד מעיר ושנים ממשפחה לדעת ספרי החכמה ילעיגו בו ולא יקשיבו לקולו והם אינם יודעים כי היא בלי בלבול דעת ובלי ספק כלל

[2]) О Іосифѣ Сарко, по-евр. שרגא, см. у Кайзерлинга, Geschichte d. Juden in Portugal стр. 70.

*) 1-ая кн. Царей XVIII, 26. *Ред.*

предписаній іудаизма. „Никто не строитъ дома безъ того, чтобы не уравнить почву, а если на ней находится ветхое зданіе, то нужно снести его, чтобы можно было возвести новое строеніе. Такъ и наше ученіе должно быть разрушено и упразднено для того, чтобы мы потомъ могли построить болѣе прочное зданіе". Эту задачу поставилъ себѣ безвѣстный кабалистъ, называвшій себя то Кана, то Элкана и выдававшій себя за отпрыскъ мишнаитскаго рода, *Нехуніи бенъ-Гакана*. Свое, частью смѣлое, частью умопомрачительное, тайное ученіе онъ влагаетъ въ уста то своему старому отцу, *Ибнъ-Гедару (или Ави-Гедару)*, то своему трехлѣтнему сыну, *Науму*, то пророку *Иліи* или другимъ мистическимъ существамъ. Онъ несомнѣнно жилъ въ Испаніи и при помощи мистическихъ выкладокъ надъ числами предсказывалъ пришествіе Мессіи въ 1490 году. Этотъ безвѣстный кабалистъ написалъ два обширныхъ произведенія (Кана и Пелія, Чудеса), въ которыхъ онъ съ утомительными подробностями повторяетъ вздоръ полубезумнаго мессіанскаго мечтателя, Авраама Абулафіи (т. VIII), его игру съ числами и перемѣщеніемъ буквъ и его толкованія. Новымъ является у него только его особый способъ съ дѣтской легкостью примѣнять къ кабалѣ талмудическіе пріемы, толкованія и ходячія формулы.

Въ то же время этотъ кабалистическій писатель не могъ въ достаточной мѣрѣ выразить свой гнѣвъ противъ равиновъ, учениковъ талмуда. Онъ поносилъ ихъ за то, что они „громкимъ голосомъ и съ молніеносной подвижностью" ведутъ диспуты о талмудическихъ проблемахъ, открываютъ будто бы новые выводы, при этомъ ведутъ пріятный образъ жизни, не наставляютъ народа на истинный путь и въ особенности не обращаютъ вниманія на кабалу. „Эти слѣпцы, гордые своей слѣпотой, спорятъ о пустыхъ вещахъ и мнятъ себя мудрыми оттого, что умѣютъ спорить. Нѣтъ, не можетъ быть названъ мудрымъ даже тотъ, кто понимаетъ весь Талмудъ; мудръ только тотъ, кто проникъ въ тайны кабалы". Замаскированный Кана въ спорѣ съ Талмудомъ пользуется талмудическимъ оружіемъ. Онъ называетъ его злокачественнымъ наростомъ на благородныхъ частяхъ тѣла; нужно вырѣзать это зло съ корнемъ, чтобы принялось здоровое мясо, т. е. кабала, конечно. Только благодаря послѣдней обряды іудаизма могутъ сохранять свою цѣнность; безъ кабалистической основы нужно было бы признать, что весь іудаизмъ съ разрушеніемъ храма потерялъ смыслъ, значеніе и обязательность. Съ талмудической точки зрѣнія слѣдовало бы такъ разсуждать: такъ какъ Господь отказался отъ своего народа, прогналъ его на чужбину, въ нѣкоторомъ родѣ продалъ его, то тѣмъ самымъ Онъ уволилъ его отъ служенія Себѣ и освободилъ его отъ религіозныхъ обязательствъ. „Нельзя служить двумъ

господамъ". Безымянный кабалистъ употребляетъ самыя рѣзкія выраженія, чтобы представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ ученіе Талмуда. „Талмудическій законъ ухитрился вывести, что женскій полъ освобожденъ отъ исполненія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядностей, связанныхъ съ извѣстнымъ временемъ; онъ этимъ унижаетъ бѣдную еврейскую женщину и приравниваетъ ее къ рабу. „О, Господи, что сдѣлалъ Ты съ нами? Ты въ своемъ законѣ приказалъ ничего не прибавлять къ нему, а потомъ Ты насъ предалъ въ руки талмудистовъ съ тѣмъ, чтобы мы не отклонялись отъ ихъ правилъ; они же не мало прибавили къ Твоему закону". Такъ кабалистъ, скрывающійся подъ именемъ Кана, сноситъ зданіе талмудическаго іудаизма, ставитъ щекотливѣйшіе, опаснѣйшіе вопросы, конечно, только для виду, чтобы потомъ снова построить такое же зданіе, т. е. чтобы отвѣтить на вопросы кабалистическими несообразностями и такимъ путемъ показать и обосновать превосходство и необходимость кабалы. Прежде еще, чѣмъ прошли триста лѣтъ со времени возникновенія этой мистики, Талмудъ и кабала сдѣлались врагами и давали другъ другу кровавыя битвы, а спустя еще два столѣтія они сдѣлались смертельными врагами.

Чтобы прославить христіанство, одинъ крещеный еврей въ Арагоніи, *Паулусъ деГередія*[1]), употребилъ знакомый фокусъ: устами стариннаго почтеннѣйшаго авторитета онъ провозгласилъ мистическое ученіе. Онъ также злоупотреблялъ для мистификаціи именами мишнаита Нехуніи бенъ-Гакана, его предполагаемаго сына Гакана и Іегуды Ганаси. Паулусъ де Гередія (род. 1405 г.), будучи еще евреемъ въ молодости, много диспутировалъ съ христіанскими теологами, защищая іудаизмъ. Несмотря на это, онъ позже перешелъ въ христіанство и напалъ на своихъ прежнихъ единовѣрцевъ въ одномъ сочиненіи, „Мечъ Павла" (Ensis Pauli). Чтобы доказать евреямъ и христіанамъ, что талмудическіе мудрецы признавали таинства христіанства, онъ написалъ мистическую книгу, „*О таинствахъ*" (Iggeret ha-Sodot), и приписалъ ее Нехуніи и его сыну Гаканѣ, передавая, что онъ только открылъ ее и перевелъ на латинскій языкъ. Но Де-Гередія былъ такъ невѣжественъ въ талмудической литературѣ, что Нехунія говоритъ у него словами позже его писавшаго Іегуды Ганаси. Въ книгѣ послѣдняго „Откровеніе таинствъ (Galia Raze") собиратель Мишны отвѣчаетъ на мистическіе вопросы, предлагаемые ему его царственнымъ другомъ, Антоніемъ, въ христіанскомъ духѣ. Онъ признаетъ христіанскую Троицу, непорочное зачатіе Іисуса и его мессіанское назначеніе, согласенъ съ тѣмъ, что съ появленіемъ Христа іудейскіе законы должны считаться отмѣненными и толкуетъ таинственныя

[1]) Родригецъ де Кастро Bibliotheca I, стр. 363.

имена Бога (изъ 4-хъ и 42-хъ буквъ), какъ указанія на Христа. Сообщивъ своему сыну всѣ вопросы и отвѣты, Нехунія убѣждаетъ его признать Христа, какъ истиннаго Мессію, и Гакана излагаетъ послѣ этого свое христіанско-католическое вѣроученіе. Но Паулусъ де Гередія этимъ самымъ выдаетъ себя, какъ неловкаго поддѣлывателя. Кто изъ евреевъ могъ повѣрть ему, когда онъ влагаетъ въ уста Гаканы слѣдующія слова: „Я одинъ изъ тѣхъ, которые вѣруютъ въ Христа, и принялъ святое крещеніе". Были ли лучше его сочиненія противъ Талмуда (de Mysteriis fidei) и о порочномъ зачатіи Маріи (Corona regia), которыя онъ посвятилъ папѣ Инокентію XIII? Еврейскіе писатели игнорировали грубыя поддѣлки Де Гередіи.

При поверхностномъ наблюденіи могло бы казаться, что прежній блескъ испанскихъ евреевъ, хотя ихъ численность и умственный уровень понизились, все таки не совсѣмъ погасъ, несмотря на то, что темныя тучи чрезвычайно омрачили его. Пламенные оптимисты могли, хватаясь за знаменія времени, питать надежды на лучшіе дни, а въ правленіе кастильскаго короля, Дона-Генриха IV (1454—1474), и арагонскаго короля, Дона-Жуана II (1456—1479), положеніе испанскихъ евреевъ именно и казалось сравнительно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія. Но это было до извѣстной степени затишье передъ опустошительной грозой. Безсильный въ обоихъ значеніяхъ этого слова, кастильскій король проявлялъ мягкость, неподобающую государю. Его уступчивость часто граничила съ трусостью, а по несамостоятельности онъ превосходилъ даже отца. Онъ также предоставлялъ руководить собою любимцамъ, которые, однако, не были ему столь преданы, какъ Альваро де Луна былъ преданъ отцу его; они давали ему дурные совѣты, которыми пользовались его враги, часто покидали его и переходили на сторону его недруговъ. Кастилія при немъ раздиралась партійною борьбою; гранды были сильнѣе короля и однажды даже смѣстили его самымъ смѣхотворнымъ образомъ въ пользу враждебнаго ему брата. Больше всего несчастій принесъ ему интимнѣйшій его совѣтникъ, *донъ Жуанъ де-Пахеко*, не однажды предавшій его и, вмѣстѣ со своимъ братомъ, *Педро Гирономъ*, происходившій отъ еврея, Рюя Капонъ-Тавира [1]). Такъ же безсовѣстно поступалъ съ нимъ и дворцовый министръ, *Діего Аріасъ Давила*, тоже изъ рода крещенаго еврея [2]), навлекшій, вслѣдствіе своей алчности, ненависть на себя и короля. Эти государственные люди были, впрочемъ, не столь низки, чтобы еще болѣе придавить своихъ бывш. соплеменниковъ или отравить имъ жизнь; они не мѣшали ихъ скромному существованію. Давила предоставлялъ зарабатывать и еврейскимъ финанси-

[1]) Амадоръ historia III стр. 34. [2]) Т. же стр. 131.

Особенно губительной оказалась для евреевъ гражданская война, поднятая придворными интриганами и министромъ, дономъ Пахеко, во главѣ ихъ. Въ Авилѣ они свергли съ престола Дона-Генриха, прибѣгнувъ къ грубому фарсу и отдавъ корону младшему брату его, Альфонсу. Приверженцы послѣдняго, отличавшіеся ненавистью къ евреямъ, какъ и безсовѣстностью, задумали истребить Севильскую общину и разграбить ее. Друзьямъ порядка пришлось употребить большія усилія, чтобы возстановить спокойствіе. Такъ какъ король былъ лишь игрушкой въ рукахъ дворянства и высшаго духовенства, то кортесы, находясь подъ вліяніемъ своихъ сочленовъ, враждебныхъ евреямъ, имѣли возможность вырвать у короля самыя вредныя ограничительныя постановленія. Такъ толедскимъ кортесамъ (въ 1465 г.) удалось настоять на томъ, чтобы тягостный исключительный законъ королевы Каталины снова вступилъ въ силу. Этимъ самымъ устранялся благопріятный эдиктъ Жуана II. Но такъ какъ даже враждебные евреямъ гранды не могли не сознавать, что евреи необходимы для благосостоянія страны и что они выселятся, чтобы уйти отъ мученій, то къ ограничительнымъ статьямъ было прибавлено примѣчаніе о привятіи всевозможныхъ мѣръ для препятствія ихъ эмиграціи [1]). Науськиванія Де-Эспины на евреевъ все болѣе подогрѣвали враждебное настроеніе всѣхъ классовъ населенія, чему вращавшіеся при дворѣ еврейскіе врачи и любимцы тѣмъ менѣе могли препятствовать, что король былъ совершенно безсиленъ.

Еще злобнѣе неистовствовалъ Де-Эспина противъ новохристіанъ или, какъ онъ ихъ называлъ, „тайныхъ евреевъ“[2]). Безъ сомнѣнія, многіе мараны, сыновья или внуки насильственно крещенныхъ, питая отвращеніе къ безнравственному поведенію тогдашнихъ представителей христіанства, болѣе или менѣе *скрытно* возвращались къ вѣрѣ отцовъ, стараясь съ одной стороны не преступать законовъ еврейства, съ другой же не давать повода къ изобличенію себя въ отступничествѣ или возбудить хотя бы только подозрѣніе. У желчнаго францисканскаго монаха во всякомъ случаѣ имѣлись свѣдѣнія о приверженности нѣкоторыхъ марановъ къ іудейству, но, прибѣгая къ умышленному преувеличенію, онъ говорилъ, что *многіе* новохристіане исполняютъ еврейскіе обычаи, именно благодаря своимъ сношеніямъ съ евреями. Въ книгѣ, изданной имъ для этой травли, онъ писалъ: „Если бы въ наше время существовала добросовѣстная ин-

[1])Амадоръ т. же стр. 164.

[2]) См. респонсы Соломона б.-Симонъ Дурана № 90 (רשב״ש сост. до 1467 г.): ושאלתי על אלה האנוסים אשר לבם לשמים וחפצים לקיים המצות כפי יכלתם איך תהיה בפסח הנהגתם בענין אכילתם שלא יבואו לידי כרת . . . כי אפילו אם יאכלו אורז ודומה לו יעלילום הנוצרים לאמר עדין אתם מתנהגים בחקות אבותיכם לאכול אורז בפסח כי בכל הבתים מבשלים אורז.

квизиція (какъ во времена вестготовъ) для еврейскихъ выкрестовъ, то многіе изъ нихъ, дерзко іудействующіе, были бы преданы огню". Въ договорѣ, который кортесы представили униженному королю, содержалось и требованіе объ инквизиціи[1]). Де-Эспина пожелалъ перейти отъ слова къ дѣлу. Францисканскіе теологи Саламанкскаго университета имѣли въ рукахъ папскую буллу, разрѣшавшую имъ учредить судилище противъ еретиковъ (стр. 155). Оставалось, такимъ образомъ, только привлечь на свою сторону свѣтскую власть. Тогда францисканцы потребовали у короля привести папскую буллу въ дѣйствіе. Но такъ какъ Донъ-Генрихъ, хотя пораженный изображеніемъ отпаденія столь многихъ новохристіанъ въ іудейство, не спѣшилъ исполнить ихъ волю, то они прибѣгли къ помощи необузданнаго и яростнаго *Гернандо де ла Плаца*, проповѣдника мадридской каѳедры, заставивъ его гремѣть (1461 г.) противъ богохульства новохристіанъ, чтобы вызвать возбужденіе народа и податливость короля. Проповѣдникъ увѣрялъ: онъ имѣетъ очевидныя доказательства того, что не менѣе сотни новохристіанъ подвергли своихъ дѣтей обрѣзанію. Хотя произведенное королемъ по поводу этихъ обвиненій розысканіе показало, что проповѣдникъ нагло лгалъ, тѣмъ не менѣе возбужденіе въ Мадридѣ противъ марановъ было такъ сильно, что король вынужденъ былъ побудить другого проповѣдника изъ ордена іеронимистовъ, *Альфонса де-Оропеза*, успокоить народъ[2]).

Событія эти, во всякомъ случаѣ, породили мысль о тщательномъ разслѣдованіи тайнаго образа жизни марановъ, и *примасъ**) Испаніи поручилъ генералу того же ордена произвести это разслѣдованіе въ Толедѣ, гдѣ снова вспыхнула вражда между старо и новохристіанами, сопровождавшаяся кровавыми столкновеніями.

Въ Толедѣ имѣлись двѣ враждебныя партіи, сгруппировавшіяся вокругъ двухъ враждовавшихъ фамилій: партія Де-Сильвы, во главѣ которой стояли герцоги Эйфуентеса, и партія Де-Аялы, которою руководили герцоги Фуенсалиды. Партійные раздоры, въ этомъ ослабѣвшемъ до полнаго безсилія государствѣ, представляли дѣло обычное. Партія Де-Сильвы покровительствовала новохристіанамъ, которыхъ противная сторона, само собою разумѣется, ненавидѣла. Поводомъ къ кровавому столкновенію (въ 1467 г.) послужило то обстоятельство, что толедскій капитулъ допустилъ къ арендѣ нѣкоторыхъ доходовъ, между прочими, и еврейскихъ соискателей, а великій алкальдъ (главный судья), *Алваръ Гомецъ*, распорядился изгнать ихъ изъ города, чѣмъ капитулъ чувствовалъ себя оскорблен-

[1]) Lafuente IX 227. [2]) Амадоръ III 142.

*) Въ католической церкви высшій изъ епископовъ. *Ред.*

нымъ. Предводительствуемая этимъ алкальдомъ и знатнѣйшимъ изъ новохристіанъ, *Фернандомъ де-ла-Торе*, огромная толпа народа ворвалась въ принадлежавшій капитулу соборъ и съ криками „смерть, смерть осквернителямъ церкви!“ сразила не впускавшаго ихъ церковнаго придверника у одного изъ алтарей, ударила въ набатъ и овладѣла при помощи партіи Де-Сильвы мостами и городскими воротами. Противная же партія призвала къ оружію населеніе предмѣстья, поджегшее дома новохристіанъ; огонь, подъ вліяніемъ лѣтней жары, распространился съ такой быстротой, что въ тотъ же день превратилъ въ пепелъ 1600 зданій, въ которыхъ жило слишкомъ 4000 новохристіанъ. Испуганные и обезкураженные приверженцы Де-Сильвы и мараны принуждены были отказаться отъ борьбы. Де-ла Торе и братъ его, попавшіе въ руки побѣдителей, были повѣшены; погибшихъ при погромѣ новохристіанъ насчитывалось больше ста тридцати. Оставшіеся мараны, боясь за свою жизнь въ населенныхъ окрестностяхъ, бѣжали въ горы[1]).

Какъ только со смертью Дона-Альфонса (1468 г.) распалась партія этого кукольнаго короля, сейчасъ же возникла на ея мѣстѣ другая, воспользовавшаяся предлогомъ защиты инфанты *Изабеллы*, сестры Дона-Генриха. Безграничная слабость, проявленная королемъ по отношенію къ мятежникамъ, поощрила ихъ къ самому наглому подрыванію его правъ. Собравшіеся въ Оканѣ въ 1469 г. кортесы, желая его униженія, занимались также и евреями, напомнили королю объ изданныхъ его предками законахъ, говоря, что они не допускали къ должностямъ ни евреевъ, ни магометанъ, „и что у тѣхъ королей имѣлось достаточное основаніе для такого закона“. Кортесы затѣмъ бросили королю прямо въ лицо обвиненіе, что онъ нарушилъ законы своихъ предковъ, что главныя должности для сбора королевскихъ доходовъ онъ довѣрилъ евреямъ, что въ виду примѣровъ, даваемыхъ сверху, даже церковные іерархи отдаютъ евреямъ на откупъ свои епархіи, а откупщики сами производятъ въ церквахъ раскладку. Кортесы настаивали на томъ, чтобы прежнія постановленія снова вошли въ силу, а нарушеніе ихъ влекло бы строгое наказаніе. Отвѣтъ Дона-Генриха остался неизвѣстнымъ, но, безъ сомнѣнія, онъ не удовлетворилъ кортесовъ. Финансы этого короля, который, при своей щедрости и въ виду подавленія безпрестанныхъ возстаній, нуждался въ большихъ суммахъ, попали бы въ весьма печальное положеніе, если бы онъ довѣрился христіанскимъ откупщикамъ. Послѣдніе предлагали низкія цѣны или же могли, въ случаѣ чего, прибѣгнуть къ защитѣ мятежныхъ партій и совершенно освободиться отъ необходимости платить. Король Донъ-Генрихъ, го-

[1]) Т. же 147.

ворившій своему казначею: „давай однимъ, чтобы они служили мнѣ, и другимъ, чтобы они меня не грабили, такъ какъ ради этого я царствую и имѣю для сего казну и доходы“[1]), такой король не могъ обходиться безъ еврейскихъ финансистовъ. Въ Кастиліи, поэтому, возникъ разладъ между анти-еврейскими законами и интересами государства, и разладъ этотъ разжигалъ народъ, полный церковнаго фанатизма и въ равной мѣрѣ алчной зависти къ своимъ еврейскимъ согражданамъ, все болѣе и болѣе подстрекая его къ яростнымъ неистовствамъ.

Выходъ замужъ инфанты Изабеллы за арагонскаго инфанта, Донъ-Фердинанда (19-го октября 1469 г.), представляетъ трагическій поворотный пунктъ въ исторіи испанскихъ евреевъ. За спиною своего царственнаго брата и открыто измѣнивъ своему слову (торжественно обѣщавъ выйти замужъ только съ согласія брата), она отдала руку арагонскому принцу, который, какъ въ еврейской, такъ и въ испанской исторіи, оставилъ за собою подъ именемъ „Католика“ память, достойную проклятія.

Интересно будетъ отмѣтить то обстоятельство, что за бракъ этотъ стоялъ умный еврейскій совѣтникъ, голосъ котораго имѣлъ большой вѣсъ у нѣкоторыхъ грандовъ. Это былъ *донъ Авраамъ Сеніоръ*, впослѣдствіи занимавшій выдающееся положеніе. Благодаря его совѣту и усердію, друзья инфанты Изабеллы отдали преимущество Фердинанду Арагонскому, хотя руки принцессы искали принцы Португаліи, Франціи и Англіи, а самъ король и многіе свѣтскіе и духовные вельможи менѣе всего желали брака съ Фердинандомъ. Сеніоръ же, какъ полагаютъ, такъ усердно хлопоталъ въ его пользу потому, что это было въ интересахъ его единовѣрцевъ, такъ какъ прабабушка Фердинанда была еврейкой[2]), и можно было предположить, что, вступивъ на престолъ Арагоніи и Кастиліи, онъ, помня свое происхожденіе, выкажетъ евреямъ расположеніе. Поэтому донъ Авраамъ способствовалъ тайному свиданію и бракосочетанію Фердинанда и Изабеллы въ Валядолидѣ. Впослѣдствіи тотъ же Авраамъ Сеніоръ устроилъ въ Сеговіи примиреніе короля Генриха съ сестрой, исходатайствовалъ у него согласіе на столь ненавистный ему бракъ, какъ и признаніе за Изабеллой права престолонаслѣдія. Изабелла чувствовала къ Сеніору такую благодарность, что опредѣлила ему ежегодный доходъ въ сто тысячъ мараведи изъ королевскихъ имѣній[3]). Бракъ этотъ, послужившій основаніемъ къ возвеличенію Испаніи и затѣмъ къ ея же паденію, прежде всего повергъ въ несчастіе марановъ. Приверженцы Изабел-

[1]) Lafuente historia general de Espana IX стр. 38.

[2]) Илія Капсали, Хроника стр. 47 [3]) Амадоръ III, 279.

лы, какъ бы предчувствуя, что при ней и ея мужѣ преслѣдованія станутъ закономъ, напали въ Валядолидѣ, резиденціи Изабеллы, съ оружіемъ въ рукахъ на новохристіанъ (въ сентябрѣ 1470 г.). Послѣдніе прибѣгли къ самозащитѣ, но потерпѣли пораженіе, въ виду чего они послали къ королю Генриху IV депутацію съ просьбой о помощи. Король, хотя и собралъ войско, съ которымъ вошелъ въ мятежный городъ, былъ радъ уже тому, что граждане его впустили; о наказаніи же зачинщиковъ нечего было и думать.

Между тѣмъ фанатизмъ въ Испаніи со дня на день свирѣпствовалъ все больше и больше, выбирая жертвы то среди марановъ, то среди евреевъ. Жалкое положеніе евреевъ не удовлетворяло фанатическихъ враговъ, желавшихъ ихъ полнаго уничтоженія. Чтобы подготовить это, озлобленные враги распустили слухъ, что евреи небольшой общины въ Сепулведѣ (близь Сеговіи), по наущенію своего равина, *Соломона Пихона*, тайно истязали на страстной недѣлѣ христіанскаго ребенка, который испустилъ духъ на крестѣ. По иниціативѣ епископа Жуана Аріаса Давилы, сына происходившаго отъ евреевъ Діего Давилы (стр. 183), схвачены были въ Сепульведѣ восьмеро евреевъ, обвиненныхъ народною молвой, и отправлены въ Сеговію, гдѣ ихъ приговорили къ костру, висѣлицѣ и удушенію (въ 1471 г.). Одинъ мальчикъ, попавшій въ число обвиненныхъ, умоляя о жизни, обѣщалъ принять крещеніе и поэтому былъ пощаженъ и отправленъ въ монастырь. Нѣсколько дней спустя онъ раскаялся и отказался отъ религіи, ведущей къ блаженству черезъ висѣлицу и костеръ. Сепульведскіе христіане напали на незначительную общину и убили нѣсколько человѣкъ. Остальные, убѣжавшіе изъ города, не могли найти защиты[1]). Не удивительно ли, что въ Кастиліи и Силезіи, въ Испаніи и Польшѣ одновременно возникли такія же обвиненія, повлекшія за собою тѣ же приговоры? Современникъ этой эпохи, *Іосифъ ибнъ-Цадикъ* изъ Аревало, добросовѣстно перечислившій событія своего времени, при разсказѣ о происшествіи въ Сепулведѣ, сказалъ: „они были невинно казнены“; но эти слова можно точно такъ же сказать относительно тѣхъ же обвиненій и въ другихъ странахъ.

Епископъ Давила, создавшій этихъ мучениковъ, могъ бы, конечно, на основаніи своихъ еврейскихъ семейныхъ воспоминаній засвидѣтель-

[1]) Закуто Jochasin изд. Филиповскаго стр. 226) сообщаетъ: וביום שבת כ״ז לסיון שנת רל״א קדשו את השם ח׳ יהודים משיפולבינה (ч. טשיפולבידה) על לא חמס בכפיהם מחמת עדות שקר שנים נחנקו וב׳ נשרפו והד׳ נתלו.
Іосифъ ибнъ-Цадикъ въ соч. קיצור זכר צדיק сообщаетъ: יום ז׳ כז׳ לסיון ש׳ ה׳ אלפים הרל״א קדשו את השם ח׳ יהודים מששולבידא ויהרגו אותם במאמר השופט אשר למלך על לא חמס בכפם וכו׳.

ствовать, что обвиненные были непричастны къ навязаннымъ имъ преступленіямъ, тѣмъ болѣе, что въ Испаніи никогда еще не было примѣра подобнаго процесса. Но онъ могъ желать, чтобы его еврейское происхожденіе было забыто. Однако, едва прошло два десятилѣтія, какъ, къ ужасу его, ему объ этомъ напомнили. Партія фанатиковъ, которая, зная набожность инфанты Изабеллы, надѣялась на ея помощь въ выполненіи своего глубоко задуманнаго плана вытѣснить христіанъ еврейскаго происхожденія изъ занятаго ими высокаго положенія или даже совершенно уничтожить ихъ, вовсе не скрывалась, открыто выступала противъ нихъ и называла ихъ лже-христіанами. Въ Кордовѣ планъ этотъ открыто выполнялся, порождая печальныя явленія для новохристіанъ. Нѣкоторыя духовныя лица учредили подъ покровительствомъ епископа и другихъ важныхъ особъ братство (Cofradia) подъ названіемъ „Христіанская любовь“, изъ котораго они исключили всѣхъ новохристіанъ, даже высокопоставленныхъ мірянъ и духовныхъ. Для освященія братства устроена была торжественная процессія (въ мартѣ или апрѣлѣ 1473 г.) съ ношеніемъ изображенія Божьей Матери, патронесы братства. Улицы и площади, черезъ которыя процесія должна была пройти, блестяще украсились гирляндами и коврами. Новохристіане же, въ видѣ безмолвнаго протеста, оставили свои дома безъ украшеній и заперли ихъ, въ чемъ толпа усмотрѣла насмѣшку надъ предметомъ своего обожанія и пришла въ возбужденіе. Вдругъ какой-то кузнецъ, очутившись возлѣ дома одного очень богатаго марана, испустилъ крикъ ярости. Что тамъ произошло? Онъ разсказалъ, что молодая дѣвушка, именно дочь домовладѣльца-новохристіанина, вылила на изображеніе Божьей Матери грязную жидкость. Кузнецъ схватилъ факелъ, приготовленный для процесіи, и съ крикомъ „да здравствуетъ вѣра!“ поджегъ домъ, а тысячеголосая толпа, повторяя этотъ возгласъ, стала поджигать дома другихъ новохристіанъ, грабила и устроила рѣзню марановъ. Намѣстникъ *Альфонсъ Агиларъ*, дворянинъ королевской крови, поспѣшилъ со своими людьми къ мѣсту рѣзни и пронзилъ своимъ копьемъ кузнеца-подстрекателя. Но это внесло еще большее возбужденіе. Подстрекаемая заново мельникомъ, толпа, разсѣявшаяся было подъ натискомъ солдатскихъ копій, увидѣла трупъ кузнеца и объявила его мученикомъ за вѣру. Около 20.000 старохристіанъ повысыпали на улицы и возобновили сцены убійства и поджоговъ въ домахъ новохристіанъ. Агиларъ и его солдаты не могли удержать толпу отъ рѣзни. Онъ самъ очутился въ опасности и вернулся въ крѣпость, проявивъ свое рыцарство тѣмъ, что увелъ съ собою многихъ марановъ и евреевъ, жизнь которыхъ тоже висѣла на волоскѣ. Оставшіеся въ городѣ мараны получили милостивое разрѣшеніе покинуть свое убѣжище и выселиться. Изгнанники, однако, подверглись

нападенію поселянъ, были ограблены и перебиты. Огонь и мечъ свирѣпствовали противъ марановъ во всей кордовской епископіи, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ. Гдѣ они попадались на глаза, тамъ неизбѣжно ожидала ихъ постыдная смерть. Крестьяне на поляхъ убивали ихъ, не задумываясь. Рѣзня марановъ перекатывалась изъ города въ городъ. Въ Яенѣ народъ такъ неистовствовалъ противъ новохристіанъ, что убилъ въ церкви военнаго чиновника, *Иранцу*, желавшаго ихъ защищать.

Кордовскіе бѣглецы, нашедшіе кратковременное убѣжище въ близлежащемъ городѣ Пальмѣ, занялись розысканіемъ безопаснаго мѣста, гдѣ кровожадность и фанатизмъ возбужденнаго противъ нихъ населенія не могли бы найти ихъ. Одинъ изъ нихъ, *Педро де-Герера*, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у своихъ товарищей по страданію и у коменданта Агилара, отправился съ этой цѣлью къ намѣстнику, герцогу Мединѣ-Сидоніи, въ Севилью и просилъ предоставить ему крѣпость Гибралтаръ, лѣтъ десять тому назадъ отнятый у магометанъ, въ качествѣ убѣжища для своихъ братьевъ подъ ихъ собственной командой. Герера обѣщалъ за это уплачивать ежегодно значительную сумму. Герцогъ согласился на это предложеніе, и потому новохристіане выѣхали изъ Пальмы въ Севилью, чтобы подписать договоръ. Друзья герцога отклоняли его отъ этого шага, такъ какъ, не довѣряя маранамъ, они выражали опасеніе, что новохристіане могутъ вступить въ союзъ съ магометанами и передать имъ эту важную крѣпость, ключъ къ берегамъ Испаніи; но герцогъ настоялъ на заключеніи договора. Тогда враги марановъ дали сигналъ севильской черни, которая сейчасъ же собралась толпами, полная фанатической ярости. Намѣстнику съ трудомъ удалось защищать пріѣзжихъ. Вынужденные поспѣшно вернуться въ Пальму, они были по дорогѣ ограблены и избиты (1473). Планъ Педро де-Герера и его друзей вовлекъ всѣхъ новохристіанъ еще въ большее несчастіе, породивъ опасность и для евреевъ. Угрожаемый заклятыми врагами этихъ несчастныхъ, герцогъ вынужденъ былъ вызвать въ городъ сильный отрядъ для защиты марановъ.

Кровавыя выступленія противъ новохристіанъ стали явленіемъ до того обычнымъ, что хитрый и честолюбивый министръ, Пахеко, воспользовался ими для государственнаго переворота. Этотъ безсовѣстный интриганъ, въ теченіи двадцати лѣтъ безпрерывно сѣявшій величайшія смуты въ Кастиліи, со злостью смотрѣлъ на примиреніе короля Генриха съ престолонаслѣдницей Изабеллой, угрожавшее его вліянію. Чтобы вызвать новыя осложненія, онъ затѣялъ овладѣть Алказаромъ, важною крѣпостью Сеговіи, гдѣ тогда находился король. Съ этой цѣлью онъ, при помощи своихъ приверженцевъ, подготовилъ кровавое выступленіе противъ крещеныхъ евреевъ, забывъ о собственномъ происхожденіи. Въ ожидавшей-

ся суматохѣ помощники его должны были захватить начальника дворца, *Кабреру*, а если возможно, и короля. Хотя заговоръ и былъ открытъ за нѣсколько часовъ до его осуществленія, тѣмъ не менѣе травля новохристіанъ началась. По улицамъ Сеговіи потянулись вооруженныя банды, вламывались въ дома марановъ и убивали всѣхъ, кто попадался имъ въ руки; улицы и площади были покрыты трупами (16 мая 1474 г.). Если бы Кабрера не выслалъ солдатъ противъ убійцъ, то ни одинъ сеговійскій новохристіанинъ или еврей не остался бы въ живыхъ [1]). Къ довершенію несчастья умеръ король Генрихъ (въ декабрѣ 1474 г.), и владыками всей Испаніи стали лицемѣрно набожная сестра его, руководимая духовниками, ненавидѣвшими евреевъ, и супругъ ея, безсовѣстный Донъ-Фернандо, король-ханжа. Сыновъ Іакова поджидала на Пиренейскомъ полуостровѣ еще болѣе ужасная судьба.

ГЛАВА X.

Евреи въ Италіи до изгнанія ихъ изъ Испаніи.

Положеніе евреевъ въ Италіи. Еврейскіе банкиры. Іехіель изъ Пизы и Абрабанель Еврейскіе врачи: Гугліелмо ди-Порталеоне. Наука у итальянскихъ евреевъ. Первыя еврейскія типографіи въ Италіи. Месеръ Леонъ и Илія дель-Медиго; его отношенія къ Пико ди-Мирандола. Іоханамъ Алеманъ и влеченіе христіанъ къ кабалѣ. Религіозная система Медиго. Аронъ Алраби. Овадія да-Бертиноро. Евреи на островѣ Сициліи. Выселившіеся въ Италію нѣмецкіе раввины: Іосифъ Колонъ, его характеръ и вражда съ Месеромъ Леономъ. Іуда Менцъ противъ Иліи дель-Медиго. Медиго вынужденъ покинуть Италію. Вражда монаховъ къ итальянскимъ евреямъ. Бернардинъ де-Фельтръ и его ядовитыя проповѣди противъ евреевъ.

(1474—1492)

Евреямъ Испаніи, отличавшимся прирожденной проницательностью и пріобрѣтенною опытомъ мудростью, не трудно было замѣтить невыносимость своего дальнѣйшаго пребыванія въ этой странѣ. Поэтому многіе изъ нихъ заблаговременно обратили свои взоры на страны, жители которыхъ въ то время относились къ евреямъ лучше, чѣмъ въ остальной Европѣ. Такими странами были Италія и оторванная отъ христіанскаго господства Византія. Въ Италіи, гдѣ порочность папъ и духовенства пользовалась наибольшей извѣстностью и гдѣ народъ ежедневно терпѣлъ отъ эгоистическихъ стремленій своихъ пастырей, церковь и ея служители не имѣли особеннаго вліянія на населеніе. Міровыя сношенія цвѣтущихъ и богато торговыхъ республикъ, *Венеціи, Флоренціи, Генуи*,

[1]) Colmenares, Historia de Segovia 33 § 10.

Пизы и др., частью преодолѣли вѣрующую ограниченность и расширили ея кругозоръ. Интересы биржи вытѣснили на задній планъ интересы церкви. Деньги и умъ придавали цѣну и тѣмъ, которые не твердили католическаго символа вѣры. Въ деньгахъ нуждались помимо купцовъ и чуждые имъ властители для содержанія кондотьеровъ съ ихъ наемниками въ виду ежедневно возобновляющихся распрей. Евреевъ, въ качествѣ владѣльцевъ капиталовъ и умныхъ совѣтниковъ, поэтому легко терпѣли. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее. Когда городъ Равена пожелалъ присоединиться къ Венеціанской республикѣ и выставилъ условія этого присоединенія, то между прочимъ было высказано, чтобы богатые евреи были посланы въ Равену для устройства заемнаго банка, на помощь бѣдному населенію [1]).

Поэтому еврейскіе капиталисты во многихъ городахъ Италіи получили отъ владѣтельныхъ князей или правительствующаго сената привилегіи на открытіе банковъ, на веденіе денежныхъ операцій и даже на взиманіе высокихъ процентовъ (до 20 [2]). Архіепископъ въ Мантуѣ объявилъ (1476) отъ имени папы, что онъ разрѣшаетъ евреямъ давать ссуды въ ростъ. Каноническіе законы о ростовщичествѣ не могли устоять передъ общимъ интересомъ. Какъ правители, такъ и общины съ ихъ уставами защищали еврейскихъ банкировъ отъ конкуренціи. Равины предавали отлученію тѣхъ членовъ общинъ, которые безъ дозволенія начальства отдавали деньги въ ростъ [3]). Надъ денежнымъ рынкомъ города *Тосканы* господствовалъ еврей, *Іехіель* изъ Пизы (1470—1490), который вовсе не былъ безсердечнымъ денежнымъ мѣшкомъ, какъ клеветали на него клерикалы, а, наоборотъ, отличался благороднымъ образомъ мыслей и мягкосердечіемъ, помогалъ своими деньгами бѣднымъ, а несчастныхъ утѣшалъ словомъ и дѣломъ. Іехіель былъ свѣдущъ и въ еврейской литературѣ, относился къ ней съ теплымъ интересомъ и стоялъ на дружеской ногѣ съ *Исаакомъ Абрабанелемъ*, послѣднимъ еврейскимъ государственнымъ человѣкомъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Когда португальскій король, Альфонсъ V, завладѣлъ африканскими портовыми городами, Арцилой и Танжеромъ, забравъ, среди прочихъ плѣнниковъ, и евреевъ всякаго возраста и пола, португальскіе евреи близко приняли къ сердцу дѣло выкупа ихъ. Абрабанель сталъ во главѣ комитета, собравшаго для этой цѣли деньги. Такъ какъ однако у португальскихъ евреевъ не хватило, средствъ для продовольствія освобожденныхъ до пріиска занятій, то Абрабанель обратился къ Іехіелю съ указаніемъ объ устройствѣ въ Италіи де-

[1]) Acta Sanctorum Sept. т. VII. стр. 925. № 318.

[2]) Т. же № 312.

[3]) Респонсы Іосифа Колона № 187; респ. Меира изъ Падуи № 41.

нежнаго сбора для вспомоществованія. Среди членовъ посольства при папѣ нашелся у Абрабанеля пріятель, при помощи котораго письмо Исаака было доставлено Іехіелю вмѣстѣ съ нѣсколькими учеными его сочиненіями; въ то же время жена Абрабанеля послала женѣ Іехіеля вѣрную рабыню въ видѣ подарка[1]).

Впрочемъ, въ Ломбардіи евреи не пользовались исключительнымъ правомъ давать деньги въ ростъ[2]). Помимо того къ евреямъ обращались не только какъ къ банкирамъ и денежнымъ людямъ, но прибѣгали и къ медицинскимъ ихъ знаніямъ. Несмотря на то, что въ Салерно была врачебная школа, число способныхъ христіанскихъ врачей было невелико, и такъ какъ даже высшее духовенство (оно-то паче другихъ) дорожило здоровьемъ тѣла больше, чѣмъ очищеніемъ души, то двери вельможъ были открыты еврейскимъ врачамъ[3]). Гугліельмо (Веніаминъ?) ди-Порталеоне изъ Мантуи, знаменитый еврейскій врачъ, былъ раньше лейбъ-медикомъ неаполитанскаго короля, Фердинанда, возведшаго его въ дворянство; затѣмъ онъ поступилъ на службу къ миланскому герцогу, Галеацо Сфорца; наконецъ (1479), герцогъ Людовикъ Гонзага[4]) взялъ его въ лейбъ-медики. Онъ сдѣлался родоначальникомъ благороднаго дома и опытныхъ врачей въ Италіи.

Возникшее въ это время въ Италіи увлеченіе древностями греческой и римской эпохи съ цѣлью ввести свѣжую струю въ тѣсныя рамки церкви и схоластическихъ школъ пробудило интересъ также къ библейскимъ и другимъ еврейскимъ книгамъ. Задававшіе тонъ представители высшихъ итальянскихъ круговъ взяли на себя задачу ознакомиться съ еврейскимъ и греческимъ языками. Съ этой цѣлью они разыскивали евреевъ, знакомыхъ со своей литературой. Еврейскіе учителя и переводчики нужны были имъ и для того, чтобы изучить философію. Графъ *Пико де-Мирандола*, большой оригиналъ, и не уступавшій ему въ чудачествѣ кардиналъ *Эгидіо де-Витербо*, а равно и умный кардиналъ *Доменико Гримани*, произнесшій вѣское слово защиты въ одномъ жгучемъ еврейскомъ вопросѣ, должны были, подобно многимъ другимъ лицамъ съ звучными именами, углубившимся въ еврейскую письменность, усѣсться на школьной скамейкѣ къ ногамъ еврейскихъ учителей. Явленіе это проложило путь къ сближенію итальянскихъ и еврейскихъ круговъ и дало поводъ къ дружелюбной связи между членами церкви и синагоги. Когда одинъ богатый

---

1) Maskir V стр. 146: שתי קינות והספד על ר׳ יחיאל מפיסא שהיה חכם ועשיר ומרבה להטיב והניח שני בנים נכבדים . . . יצחק ושמואל ומת ר׳ יחיאל י״ט אדר א׳ בשנת ר״ן.

2) Acta Sanctorum № 152.

3) Wadding, Annales Minorum т. XIV, стр. 132.

4) Carmoly, histoire des medecins juifs стр. 130.

еврей, *Лео* въ *Кремѣ*, устроилъ по случаю бракосочетанія своего сына блестящее празднество, длившееся недѣлю, то въ немъ принимали участіе многіе христіане, танцовавшіе и веселившіеся на свадьбѣ къ досадѣ духовенства. Забытой казалась булла, недавно еще выпущенная папой Николаемъ V, въ которой онъ отмѣнилъ всѣ привилегіи, данныя евреямъ его предшественниками, подвергъ ихъ самымъ унизительнымъ ограниченіямъ, а въ особенности строжайше запретилъ всякую короткость, всякое общеніе съ ними и приглашеніе еврейскихъ врачей. Вмѣсто предписанныхъ церковью значковъ на одеждѣ, еврейскіе врачи носили почетное облаченіе, какъ и христіане того же сословія, а близкіе къ княжескимъ дворамъ евреи носили золотыя цѣпи и другіе почетные знаки [1]). Различіе въ положеніи евреевъ въ Италіи и другихъ странахъ уясняется двумя сходными и одновременно произошедшими случаями въ Италіи и Германіи, имѣвшими различный исходъ. Въ Павіи нѣкая мать семейства, недовольная мужемъ, выразила желаніе принять христіанство. Ее уже помѣстили въ монастырѣ, гдѣ она должна была получить подготовку къ крещенію, а викарій епископа и другія духовныя лица уже дѣятельно готовились поднести ей спасеніе души, какъ вдругъ она раскаялась. Епископъ нисколько не пожелалъ наказать ее за это или оказать ей помѣху, а, наоборотъ, вступился за нее передъ мужемъ, уговорилъ его немедленно взять ее изъ монастыря и далъ ей свидѣтельство въ хорошемъ поведеніи, чтобы ей не пришлось, по требованію еврейскаго закона, развестись съ мужемъ, такъ какъ онъ былъ „каганъ“ (потомокъ Арона [2]). Въ томъ жѣ году случилось въ Регенсбургѣ, что нѣкій канторъ, *Калманъ*, человѣкъ злого характера, возымѣлъ желаніе перейти въ христіанство. Онъ часто сносился съ монастыремъ, посѣщалъ церковь, былъ, наконецъ, принятъ въ домъ викарнаго епископа и обучался христіанскому закону Божію. Желая снискать милость христіанъ, онъ оклеветалъ своихъ единовѣрцевъ, якобы имѣющихъ книги, поносящія христіанство. Впослѣдствіи, однако, и Калманъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, сталъ тайно ходить въ синагогу и, наконецъ, во время отсутствія викарнаго епископа, покинулъ его домъ и снова перешелъ въ іудейство. Регенсбургское духовенство извергало на него огонь и пламя, предало его церковному суду и обвинило въ томъ, что онъ все время лишь насмѣхался надъ церковью, Богомъ и Божьей Матерью. Въ особенности же ставили ему въ вину его заявленіе, что, если онъ будетъ крещенъ, то станетъ исповѣдывать христіанство лишь до того момента, пока его не выпустятъ на свободу. Затѣмъ Калмана приговорили къ смерти и утопили [3]).

[1]) Іосифъ Колонъ Resp. № 88, 149. [2]) Т. же № 160.

[3]) Gemeiner, Regensburgische Chronik III стр. 456.

Всюду, гдѣ евреямъ предоставлено было хоть сколько нибудь свѣжаго воздуха и свѣта, дремлющія силы ихъ оживали, а итальянскимъ евреямъ тѣмъ легче было ихъ развить, что они еще раньше, при Эмануилѣ и Леонѣ Романо, достигли нѣкоторыхъ ступеней культуры. Поэтому они приняли живое участіе въ духовномъ расцвѣтѣ и въ возрожденіи наукъ, столь прославившемъ эпоху Медичи. Еврейская молодежь посѣщала итальянскіе университеты и усваивала высшее образованіе [1]).Они первые воспользовались новоизобрѣтеннымъ искусствомъ Гутенберга [2]) и открыли типографіи во многихъ итальянскихъ городахъ, въ *Реджіо, Мантуѣ, Ферарѣ, Піевѣ ди-Сако, Болоньѣ, Сонцино, Исціонѣ, Неаполѣ.* Въ творческихъ искусствахъ того времени, въ живописи и скульптурѣ, евреи не принимали участія и стояли въ сторонѣ отъ нихъ. Зато нѣкоторые образованные евреи содѣйствовали расцвѣту и распространенію науки въ Италіи. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ *Месеръ Леонъ* и *Илія дель-Медиго*, послѣдній не только получилъ духовную пищу, но и раздавалъ ее.

Месеръ Леонъ (или по еврейскому имени *Іегуда бенъ-Іехіель*) изъ Неаполя (его дѣятельность 1450 — 1490) былъ одновременно равиномъ и врачемъ въ Мантуѣ, былъ отлично знакомъ съ латинской литературой, помимо еврейской, и цѣнилъ стилистическія тонкости Цицерона и Квинтиліана. Приверженецъ аристотелевой школы, онъ коментировалъ нѣкоторыя сочиненія этого, столь высокочтимаго въ синагогѣ и церкви, философа, написалъ грамматику и книгу о логикѣ, все на еврейскомъ языкѣ и для еврейскаго круга. Еще важнѣе представляется его риторика (Нофетъ цуфимъ), разсматривающая законы, на которыхъ основаны пріятность, убѣдительность и дѣйствіе краснорѣчія, и доказывающая, что законы эти примѣнены и въ священной литературѣ. Месеръ Леонъ — первый еврей, сопоставившій языкъ пророковъ и псалмопѣвцевъ съ языкомъ Цицерона, что для того времени было дѣломъ несомнѣнно смѣлымъ, такъ какъ большинство евреевъ и христіанъ ставили св. Писаніе на такую недосягаемую высоту, что уже одно его сопоставленіе со свѣтской языческой литературой считалось своего рода хуленіемъ. Правда, это было возможно только въ эпоху Медичи, когда любовь къ греко-латинскимъ древностямъ превратилась въ бурную страсть. Месеръ Леонъ, образованный равинъ изъ Мантуи, былъ вообще человѣкъ свободомыслящій. Онъ всячески порицалъ слѣпо-вѣрующихъ за ихъ стремленіе удалять еврейство отъ постороннихъ вліяній, какъ будто они

[1]) Письмо Якова Провансали въ сборникѣ Dibre Chachamim стр. 73.

[2]) О первыхъ еврейскихъ типографіяхъ срв. de Rossi Annales hebraeo-typographici. Первыя еврейскія изданія принадлежатъ 1475-1476 г.

могли осквернить его. Наоборотъ, Месеръ Леонъ былъ того мнѣнія, что библейская литература при сравненіи ея съ древне-классической могла только выиграть, ибо только при этомъ могли ясно выступить на свѣтъ ея красота и величіе [1]).

Илія дель-Медиго или *Илія Критскій* (б. Моисей Аба 1460-1497), происходившій изъ фамиліи, выселившейся изъ Германіи на островъ Критъ, представляетъ выдающееся явленіе, первую величину, созданную итальянскимъ еврействомъ. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, онъ уже обратилъ на себя вниманіе евреевъ и христіанъ, благодаря своему уму и характеру. Это былъ человѣкъ со свѣтлой мыслящей головой, ясно выступающій изъ гумана того времени, обладатель многихъ и основательныхъ познаній классическаго и философскаго образованія. Онъ до того сжился съ латинскимъ стилемъ, что не только писалъ на этомъ языкѣ, но и составлялъ еврейскія фразы въ латинской конструкціи. Онъ держался вдали отъ неоплатоническаго шарлатанства, возродившагося благодаря *Фицинусу* и [illegible]тельно дѣйствовавшаго на умы итальянскихъ полумыслителей, и примкнулъ къ здравымъ мыслителямъ, къ Аристотелю, Маймониду и Авероэсу, которыми онъ руководствовался въ философіи. Съ этими системами онъ ознакомилъ устнымъ и письменнымъ путемъ, переводными и самостоятельными работами христіанскихъ ученыхъ въ Италіи. Юный графъ Джі[illegible] *ди Мирандола*, чудо того времени, познакомился съ Дель-Медиго [illegible] ровесникомъ, и сдѣлался его ученикомъ, другомъ и покровителемъ. [illegible] Мирандола, возбуждавшій въ свое время изумленіе своей необык[illegible] памятью, многообъемлющей ученостью и діалектическимъ искус[illegible] и состоявшій въ дружбѣ съ правительствующимъ домомъ Медичи [illegible], учился у своего друга не только еврейскому языку, но и [illegible] арабской философіи. Онъ могъ бы поучиться у него и [illegible] мыслить.

[illegible], когда въ падуанскомъ университетѣ возникъ ученый споръ, [illegible] профессоровъ и студентовъ на двѣ партіи, и для разрѣшенія [illegible] было уже, по христіанскому обычаю, къ помощи рапиръ [illegible], въ согласіи съ венеціанскимъ сенатомъ, желав[illegible] споръ, пригласилъ Илію дель-Медиго въ качествѣ по[illegible] ученности ожидалось окончательное рѣшеніе, какъ и без[illegible] Медиго повелъ въ Падуѣ диспутъ при открытыхъ две[illegible] рѣшенія доставилъ побѣду одной изъ партій. [illegible] ненависть побѣжденныхъ. Благодаря этому слу[illegible] каѳедру философіи и открылъ въ Падуѣ и Флоренціи

публичныя лекціи, имѣвшія многочисленныхъ слушателей [1]). Это было довольно удивительное зрѣлище, какъ на глазахъ папства, трудившагося на уничиженіе и порабощеніе евреевъ, христіанскіе юноши черпали мудрость изъ устъ еврейскаго учителя. Папство въ Испаніи метало на покровителей евреевъ церковныя проклятія, между тѣмъ какъ въ Италіи оно должно было молча смотрѣть, какъ христіане благоволили къ нимъ.

Пико ди-Мирандола, скорѣе ученый, чѣмъ мыслитель, пожелалъ также спуститься въ бездны таинственнаго ученія кабалы. Въ лабиринтъ этого ученія ввелъ его переселившійся въ Италію мистикъ, *Іохананъ Алеманъ* [2]), который, не обладая яснымъ умомъ, увѣрялъ его, что кабала возникла въ древнѣйшія времена и проникнута глубочайшею мудростью. Пико ди-Мирандола, обладавшій необыкновенною воспріимчивостью, усвоилъ кабалистическія формулы и нашелъ въ нихъ подтвержденіе христіанскихъ догмъ и, вообще, больше христіанскихъ элементовъ, чѣмъ еврейскихъ. Лжеученіе кабалы подтверждало ему истинность Троицы, вочеловѣченія, первороднаго грѣха, паденія ангеловъ, чистилища и адскихъ мукъ. Пико призналъ неотложной необходимостью перевести съ еврейскаго языка на латинскій нѣкоторыя кабалистическія книги, чтобы ознакомить христіанскихъ читателей съ этой тайной мудростью. Между 900 тезисовъ, которые двадцати-четырехлѣтвій Пико взялся защищать, для чего онъ приглашалъ въ Римъ ученыхъ всего міра, обѣщавъ уплатить имъ путевыя издержки, имѣлось также и положеніе, что ни одна наука не доказываетъ съ такою достовѣрностью божественность Христа, какъ магія и кабала [3]). Благодаря этому обстоятельству, самъ папа Сикстъ IV (1471—1484) возымѣлъ такое высокое понятіе о кабалѣ, что обнаружилъ большое усердіе въ заботахъ на счетъ переводовъ на латинскій языкъ кабалистическихъ сочиненій на пользу церкви [4]).

Илія дель-Медиго держался въ сторонѣ отъ этого безпорядочнаго круженія мысли, отъ этого дѣтскаго увлеченія ложнымъ ученіемъ кабалы, что является убѣдительнымъ доказательствомъ его трезваго ума и здравомыслія. Онъ глубоко презиралъ кабалистическія бредни и не стѣснялся обнаруживать ихъ ничтожество. У него нашлась даже храбрость высказаться, что кабала выросла на болотной почвѣ, что въ Талмудѣ нѣтъ и слѣда этого ученія, что признанные древніе авторитеты еврейства ничего не знали о немъ и что окруженная ореоломъ святости и древности кни-

[1]) Саулъ Когенъ, посланіе къ Абрабанелю стр. 10 (изд. въ Венеціи); Іосифъ дель-Медиго Mazref стр. 3.

[2]). Гедалія ибнъ-Яхія сообщаетъ: הרב ר׳ יוחנן אלמאן . . . מלמד דון פיקו דלמירנדולה (Schalschelet 50).

[3]) Apologia стр. 42 въ его Opera I.

[4]) Gaffarelli, у Вольфа стр. 9.

га „Зогаръ“, основа кабалы, вовсе не вышла изъ-подъ пера прославленнаго Симона бенъ-Іохай, а представляетъ продуктъ фальсификаціи. Дель-Медиго нашелъ смѣшнымъ и даже нечестивымъ ученіе кабалы, что можетъ человѣкъ, еврей, посредствомъ извѣстныхъ, предписанныхъ религіей, дѣйствій или молитвъ, воздѣйствовать на высшій міръ и на божество; вѣдь люди едва въ состояніи вліять на улучшеніе самихъ себя, какъ же они могутъ давать направленіе высшему міру! Кабала сшита изъ лоскутовъ нео-платонизма [1]). У Дель-Медиго, вообще, имѣлись весьма здравыя понятія о религіи. Хотя онъ и былъ горячимъ приверженцемъ іудаизма и почитателемъ его талмудическихъ элементовъ[2]), однако онъ далеко не признавалъ всего, что Талмудъ въ себѣ заключаетъ. Побужденный однимъ изъ своихъ еврейскихъ учениковъ, *Сауломъ Когеномъ Ашкенази* изъ Кандіи, изложить принципы своего еврейскаго вѣроисповѣданія и вообще представить свой взглядъ на признаки истинной религіи, Илія изъ Крита написалъ небольшое, но содержательное произведеніе „Испытаніе вѣры“ (Бехинатъ га-датъ[3]), дающее возможность глубоко прослѣдить его образъ мышленія.

Дель-Медиго, хотя и большой почитатель Маймонида, держался иной точки отправленія, чѣмъ этотъ великій философъ религіи. Дель-Медиго принималъ: іудаизмъ основанъ на *религіозныхъ дѣяніяхъ*, а отнюдь не на *догмахъ;* этимъ іудаизмъ существенно отличается, съ одной стороны, отъ другихъ формъ религіи, а съ другой—отъ философіи [4]); предписываемые іудаизмомъ религіозные законы или сами по себѣ нравственны, или же только имѣютъ цѣлью зарождать и поддерживать нравственный образъ мышленія, а этимъ именно и обусловливается счастье индивидуумовъ, семьи и государства [5]); такъ какъ законосодержащая часть іудаизма обладаетъ высокою самостоятельною цѣнностью (а не только подчиненною, какъ принимаютъ философы религіи), то въ этомъ самомъ находятъ свое оправданіе и устные законы или талмудическія преданія; вѣдь, если и человѣческіе законы нуждаются въ разъясненіяхъ и коментаріяхъ, то тѣмъ паче они нужны для законовъ божественныхъ, которые, во всякомъ случаѣ, считаются болѣе неясными [6]). Возраженіе же, какъ это мыслимо такое разнообразіе мнѣній относительно каждаго отдѣльнаго закона, какое мы находимъ въ Талмудѣ, если преданія божественны, Дель-Медиго считалъ неважнымъ: это разнообразіе мнѣній есть слѣдствіе того

[1]) Bechinat ha-Dat стр. 39. и 68.

[2]) Респ. Іосифа Колона № 94.

[3]) Впервые появилось въ сборникѣ תעלומות חכמה Самуила Ашкенази, Базель 1619.

[4]) Т. же, вѣнское изд. стр. 27, 71.

[5]) Т. же стр. 66.

[6]) Т. ж. стр. 29-34.

несчастія, въ которое попалъ еврейскій народъ, несчастія, разсѣявшаго законодательное и законотолковательное учрежденіе (синедріонъ) и помутившаго въ памяти ясность преданій; пока существовало такое авторитетное учрежденіе, далеко расходящихся мнѣній не было [1]); тѣмъ не менѣе не все, выступающее въ Талмудѣ въ формѣ преданія, пріемлемо, какъ таковое, такъ какъ часто законъ выводится путемъ своеобразнаго толкованія, а это уже человѣческое, и потому подверженное ошибкамъ разъясненіе, но не преданіе [2]); еще съ меньшимъ правомъ могутъ считаться откровеніями содержащіеся въ Талмудѣ агадическіе элементы: это скорѣе изреченія людей, которые въ то же время были носителями преданій; поскольку агада противорѣчитъ разуму, она не заслуживаетъ вѣры, ибо даже къ словамъ пророка, если онъ ихъ произноситъ не въ качествѣ пророка, а какъ человѣкъ и мудрецъ, слѣдуетъ примѣнять пробный камень и узнать, обоснованы ли они, т. е. согласуются ли они съ разумомъ или нѣтъ, а тѣмъ болѣе нуждается въ такой пробѣ агада [3]); агадическія сентенціи могутъ содержать въ себѣ зерно глубокой мысли, но руководствомъ въ дѣлѣ вѣры онѣ никоимъ образомъ служить не могутъ; устанавливая принципы религіи, не слѣдуетъ вовсе принимать во вниманіе агаду, какъ случайный отростокъ преданія; далеко еще меньшую цѣнность имѣетъ такъ называемое тайное ученіе кабалы; раньше всего слѣдуетъ еще доказать, что оно въ дѣйствительности то, за что выдаютъ его, т. е. что оно есть преданіе и древняго происхожденія, а это будетъ дѣло нелегкое.

Іудаизмъ содержитъ, конечно, рядомъ съ законами, и извѣстные принципы вѣры, какъ единство и невещественность Бога, Его справедливость съ присущимъ ей возмездіемъ, вѣру въ чудеса, содѣянныя Богомъ для откровенія своего ученія и для народа Израиля, надежду на пришествіе Мессіи и на воскресеніе мертвыхъ (безсмертіе). Содержаніемъ этихъ основныхъ мыслей іудаизмъ отличается отъ другихъ религій, особенно отъ христіанства. Ибо принципы эти не заключаютъ въ себѣ никакого логическаго противорѣчія, какъ напримѣръ тріединство (Троица), и не насилуютъ основныхъ человѣческихъ воззрѣній и чувственныхъ воспріятій, какъ вѣра въ претвореніе гостіи. Наоборотъ, основное ученіе іудаизма, съ одной стороны, понятно здравому человѣческому разсудку, а, съ другой, удовлетворяетъ требованіямъ развитого философскаго ума и, по крайней мѣрѣ, не приходитъ въ столкновеніе съ нимъ [4]). Дель-Медиго выступилъ противъ бывшаго до того въ ходу у мыслящихъ евреевъ взгляда, будто на каждомъ лежитъ религіозная обязан-

[1]) Т. ж. стр. 36. [2]) Т. же.

[3]) Т. же стр. 53—58 [4]) Т. же стр. 13—16.

ность усвоить основныя истины іудаизма путемъ философской науки съ цѣлью превратить вѣру въ прочное убѣжденіе. По мнѣнію Дель-Медиго пріобрѣтеніе высшихъ познаній нельзя вмѣнить въ долгъ каждому человѣку; еврейскій мыслитель, въ свою очередь, также не долженъ принимать основное ученіе потому, что оно—истина, а потому, что оно откровеніе[1]); разумѣется, отъ одаренныхъ умомъ людей требуется, чтобы они уяснили себѣ вѣру, а іудейская религія такова, что ей нечего бояться философскаго мышленія; правда, предположеніе, что іудаизмъ и философія покрываютъ себя во всѣхъ частяхъ и что содержаніе ихъ одинаково, невѣрно; это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; можно только сказать, что іудейскую религію философское мышленіе поколебать не можетъ, такъ какъ она пріобрѣтается другимъ и вѣрнымъ путемъ, инымъ методомъ; ни одинъ дѣйствительно образованный, духовно развитой еврей, никакой мыслитель не можетъ не признать іудаизма[2]); только недоучившіеся умы подрываютъ іудаизмъ, а равно и философію; эти полузнайки ищутъ средняго пути между двумя полюсами, не отдавая должной справедливости ни одному, ни другому[3]).

Нельзя утверждать, что *„Испытаніе вѣры“* Дель-Медиго заключаетъ новыя мысли. Вообще, итальянцамъ не суждено было оплодотворить іудаизмъ новыми идеями. Притомъ онъ скорѣе держался точки зрѣнія вѣрующаго, чѣмъ мыслителя, и болѣе отражалъ нападки на іудаизмъ, чѣмъ доказывалъ его. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ эпоха эта въ умственномъ отношеніи представляла безотрадную пустыню, то его здравое сужденіе являлось оазисомъ. Слѣдуетъ также вмѣнить ему въ заслугу, что онъ, по крайней мѣрѣ, призналъ искаженія, внесенныя въ іудаизмъ кабалистами и лже-философами, чуждымъ наростомъ и стремился устранить его.

Если бросить взглядъ на внушавшихъ ему отвращеніе полученыхъ дѣятелей того времени, то значеніе его выступаетъ еще яснѣе. Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ *Аронъ* бенъ-Гершонъ *Алраби (Араби*[4]*)* изъ Катаніи въ Сициліи. Зять дона *Моисея Габая* (выселившагося изъ Майорки въ Сѣв. Африку) и, повидимому, тоже изгнанникъ, Алраби совершилъ далекія путешествія, посѣтилъ Турцію, Египетъ, объѣхалъ всю Святую землю, добрался до Кафы и еще далѣе. Во время путешествій онъ накопилъ множество знаній, обладалъ также умомъ и способностью къ критикѣ. Въ Италіи онъ имѣлъ доступъ къ папскому двору и велъ бесѣды съ папой и нѣкоторыми кардиналами. Однако Алраби былъ лишь поверхностный ученый, не проникшій въ сущность науки, и отсюда его фантазіи

[1]) Т. же стр. 2-8. [2]) Т. же стр. 9-20.
[3]) Т. ж. стр. 52, 58.
[4]) Объ Алраби см. сообщенія Шора въ журн. Zion I стр. 166, 193.

въ разсужденіяхъ о іудаизмѣ. Между прочими несообразностями онъ утверждалъ, что книги Моисея представляютъ лишь переводъ арабскаго оригинала. Алраби написалъ много книгъ различнаго содержанія, которыя не дошли до насъ, о чемъ особенно сожалѣть не слѣдуетъ.

Образованные люди Италіи, даже вродѣ Алраби, составляли, какъ и вездѣ, лишь незначительное меньшинство; большею же частью евреи относились къ наукамъ равнодушно, а нѣкоторые даже враждебно. Даже кроткій и милый *Овадія да-Бертиноро* изъ *Чита-ди-Кастело* (въ Романьи, дѣятельность его 1470—1520 г.г.), которому мрачное, почти монашеское и преувеличенное благочестіе нѣмецкихъ евреевъ и религіозныя заблужденія внушали отвращеніе, питалъ антипатію къ философскимъ изслѣдованіямъ. Онъ, который (какъ видно изъ описанія его путешествія изъ Италіи въ Святую землю) смотрѣлъ открытыми глазами на міръ Божій, былъ настолько образованъ, что считалъ восточныхъ евреевъ варварами и отмѣчалъ, въ какихъ странахъ и городахъ онъ видалъ грязно или чисто одѣтыхъ евреевъ и гдѣ встрѣчались красивыя женщины, и снисходительно причислялъ къ евреямъ не только караимовъ, но и самаритянъ, проклиналъ Аристотеля, философовъ и тѣхъ, которые занимались философіей[1]). Ниже всѣхъ, по своему невѣжеству, стояли евреи въ Сициліи, гдѣ они жили подъ крайне тяжелымъ ярмомъ и даже отправляли барщину при постройкѣ гаваней и на верфяхъ. Вслѣдствіе недостаточнаго образованія и дружелюбныхъ сношеній съ христіанами въ миролюбивыя времена, они многое заимствовали у христіанъ, и религія ихъ носила католическую окраску. Евреи въ Палермо, которыхъ было тогда около 850 семействъ, чрезвычайно строго держались религіозныхъ обрядовъ, но уже никоимъ образомъ не соблюдали съ такою же добросовѣстностью правила нравственности и цѣломудрія. Пить у христіанина вино считалось у нихъ смертнымъ грѣхомъ, межъ тѣмъ какъ большинство невѣстъ являлись къ обряду вѣнчанія съ признаками наступающаго материнства. Овадія да-Бертиноро, проповѣди котораго въ бытность его въ Палермо привели ихъ въ восторгъ, видѣлъ себя окруженнымъ такимъ обожаніемъ, какимъ пользовались святые у католиковъ, что, однако, тяготило его, какъ человѣка скромнаго и смиреннаго. Еврейская чернь дралась, чтобы заполучить часть его одежды; одна женщина, которой посчастливилось выстирать его рубаху, считала, что спасеніе ея души обезпечено[2]).

Рѣшительными врагами философскаго изслѣдованія и ихъ представителей въ Италіи, *Иліи дель-Медиго* и *Месера Леона*, выступили

[1]) Посланіе Бертиноро стр. 215 и коментарій его къ Abot V.

[2]) Т. же стр. 196, 198. О евреяхъ Сициліи смот. у Цунца, Zur Geschichte стр. 495, 517 и у Гюдемана, Geschichte des Erziehungswesens der Juden in Italien 268.

переселившіеся туда изъ Германіи равины. Ихъ искреннее, но одностороннее и преувеличенное благочестіе бросало отъ себя мрачную тѣнь всюду, куда горькая судьба загоняла ихъ. Новыя бури, разразившіяся надъ нѣмецкими общинами, перебросили по ту сторону Альпъ множество нѣмецкихъ евреевъ, несчастнѣйшихъ среди ихъ соплеменниковъ. Въ царствованіе Фридриха III, съ изумительнымъ равнодушіемъ глядѣвшаго въ теченіе полустолѣтія на самыя наглыя противогосударственныя нарушенія со стороны властолюбивыхъ независимыхъ князей, хищническихъ дворянъ, безнравственнаго духовенства и самолюбивыхъ маленькихъ городскихъ патриціевъ, въ царствованіе этого нечувствительнаго императора многимъ нѣмецкимъ общинамъ часто приходилось вкушать чашу горестей. Онъ вовсе не былъ враждебно настроенъ къ евреямъ и, наоборотъ, часто обнародывалъ указы въ ихъ защиту. Однако его приказанія, большей частью, оставались мертвой буквой, а его небрежность въ управленіи государствомъ поощряла злыхъ людей на самыя безчеловѣчныя и позорныя дѣйствія. Нѣмецкому еврею было опасно даже выдти за городскія стѣны[1]). Каждый былъ его врагомъ и поджидалъ его, чтобы утолить имъ свой фанатизмъ или корыстолюбіе. Каждый раздоръ, то и дѣло вспыхивавшій въ различныхъ мѣстахъ загнившаго организма нѣмецкаго государства, приносилъ евреямъ несчастіе. Борьба двухъ архіепископовъ, *Дитера Изенбургскаго и Адольфа Насаускаго* за курфиршество въ Майнцѣ, поддерживавшаяся обѣими сторонами и папскимъ дворомъ помощью самыхъ наглыхъ и низкихъ средствъ, также имѣла для нѣмецкихъ евреевъ печальныя послѣдствія. Хотя Дитеръ обращался съ ними подъ впечатлѣніемъ каприза, то умилостивляясь, то опять [illegible], какъ „упрямыхъ чертей", строжайшими законами, которые онъ, за значительныя суммы, снова отмѣнялъ, майнцскіе евреи все-таки были болѣе расположены къ нему, чѣмъ къ его противнику. Когда же Адольфъ, [illegible] измѣнѣ, проникъ въ городъ, то евреи, вмѣстѣ съ другими горожанами, расположенными къ Дитеру, дорого поплатились. Они были [illegible] изъ города. Среди изгнанниковъ были два знатока Талмуда, двоюродные братья, *Іуда* и *Моисей Менцы*, изъ которыхъ первый переселился въ Италію и получилъ въ Падуѣ равинатъ, а другой остался [illegible] въ Германіи и впослѣдствіи выѣхалъ въ Познань. Въ виду [illegible] и преслѣдованій устремились въ Италію равины и изъ другихъ [illegible] мѣстностей, таковы, напр., р. *Лива* (Іуда) *Ландау* и сынъ [illegible] переѣхавшіе въ Павію, *Авраамъ Нѣмецъ* (изъ Саксоніи), [illegible] въ Болонью и многіе другіе[2]). Обладая превосходнымъ знані-

[1]) [illegible] № 21.
[2]) [illegible] № 9? [illegible]

емъ Талмуда, выселившіеся получили въ Италіи самыя значительныя равинскія должности и распространили свою односторонность и ограниченность среди евреевъ этой страны, которая тогда напрягала всѣ усилія чтобы сбросить съ себя средневѣковыя цѣпи.

Знаменитѣйшими итальянскими равинами были тогда *Іуда Менцъ* и *Іосифъ Колонъ*; они-то и выступили самыми ярыми врагами свободнаго движенія мысли въ іудаизмѣ, энергично возставъ противъ носителей свободнаго направленія. *Іосифъ* бенъ-Соломонъ *Колонъ* (дѣятельность его 1460—1480 г.г.), хотя и былъ по происхожденію французомъ, такъ какъ предки его были изгнаны изъ Франціи, однако получилъ образованіе въ нѣмецкой талмудической школѣ. Онъ жилъ со своими родственниками въ Шамбери, пока евреи не были изгнаны, наконецъ, и изъ Савойи. Іосифъ Колонъ, вмѣстѣ со многими товарищами по страданію, ушелъ въ Ломбардію, добывая себѣ пропитаніе въ качествѣ учителя мальчиковъ, а затѣмъ его избрали въ равины Болоньи и Мантуи. Одаренный чрезвычайной проницательностью и обладая основательнымъ знаніемъ Талмуда, присущимъ нѣмецкимъ равинамъ, Колонъ превосходилъ ихъ, благодаря своему знакомству съ коментаріями и рѣшеніями тосафистской школы, сохранившейся, путемъ преданій и рѣдкихъ книгъ, въ кругу французскихъ евреевъ. Поэтому Іосифъ Колонъ прославился въ свое время въ качествѣ равинскаго авторитета первой величины, и его школа соперничала съ нѣмецкой. Къ нему направлялись запросы изъ итальянскихъ и даже нѣмецкихъ общинъ. Но вещи, лежавшія внѣ Талмуда, и науки были ему такъ же мало знакомы, какъ и нѣмецкимъ его коллегамъ. Отличаясь рѣшительностью и твердой волей, Іосифъ Колонъ защищалъ свои взгляды въ области религіи съ безпощадной суровостью. Рѣзкость его характера вовлекла его въ непріятную исторію съ Моисеемъ Капсали въ Константинополѣ и въ горячій споръ съ образованнымъ Месеромъ Леономъ въ своей же общинѣ. Хотя оба они нѣкоторое время и имѣли другъ съ другомъ сношенія, однако Іосифъ Колонъ и Месеръ Леонъ, одинъ упорный талмудистъ, а другой эстетикъ, не могли долго уживаться рядомъ. Когда они разошлись, то вся община Мантуи приняла участіе въ ихъ несогласіяхъ и раскололась на двѣ партіи: одна стала за Колона, другая за Леона. Борьба, наконецъ, приняла такой острый характеръ, что герцогъ Іосифъ въ Мантуѣ обоихъ изгналъ изъ города (1476—77). Послѣ этого Колонъ получилъ равинатъ въ Павіи. Еще круче были отношенія между равиномъ *Іудой Менцемъ* и философомъ Иліей дель-Медиго. Первый изъ нихъ (1408—1509), человѣкъ стараго закала, огромной эрудиціи въ области Талмуда и изумительной проницательности, рѣшительно питалъ отвращеніе ко всякому научному изслѣдованію и свободному движенію мысли на поч-

нѣ религіи, распространяя въ Падуѣ и вообще въ Италіи односторонній духъ нѣмецкихъ равиновъ. Такъ какъ Илія дель-Медиго не скрывалъ своихъ взглядовъ на іудаизмъ и кабалу, то равины нѣмецкой общины въ Падуѣ обвинили его въ ереси, быть можетъ, за его религіозно философское произведеніе „Испытаніе вѣры". Между обоими возгорѣлся сильный споръ, перешедшій въ полемическую печать. Въ употребленіи литературнаго оружія противъ своего противника Іуда Менцъ вынужденъ былъ ограничиться малымъ, потому что, подобно нѣмецкимъ евреямъ вообще, онъ былъ тяжелъ на подъемъ въ выраженіяхъ и не умѣлъ даже ясно и толково изложить свои мысли въ области Талмуда. Повидимому, онъ тогда прибѣгнулъ къ отлученію и вытѣснилъ Илію дель-Медиго изъ Павіи[1]). Послѣдній даровитый представитель умѣреннаго іудаизма, преслѣдуемый своими еврейскими и христіанскими противниками, принужденъ былъ оставить Италію и выѣхать на родину, въ Кандію.

Положеніе евреевъ въ Италіи, отчасти обезпеченныхъ и пользовавшихся нѣкоторымъ уваженіемъ, вызывало зависть монаховъ-фанатиковъ, стремившихся скрыть свою развратную жизнь или честолюбивое вмѣшательство въ свѣтскія дѣла подъ плащемъ пламеннаго религіознаго рвенія. Чѣмъ равнодушнѣе становился христіанскій міръ въ концѣ пятнадцатаго вѣка къ церковнымъ учрежденіямъ, тѣмъ болѣе усердствовало монастырское духовенство противъ евреевъ. На каѳедрахъ не умолкали изувѣрныя капуцинскія проповѣди монаховъ, призывавшихъ запросто къ истребленію евреевъ[2]). Самымъ лютымъ врагомъ евреевъ былъ въ это время *Бернардинъ де-Фелтръ*, достойный ученикъ кровожаднаго Капистрано. Неизмѣнной темой его проповѣдей было положеніе, что „христіанскіе родители не должны спускать бдительныхъ глазъ съ дѣтей своихъ, дабы евреи ихъ не крали, не истязали, не распинали". Онъ выставлялъ монаха Капистрано, „жидорѣза", образцомъ истиннаго христіанина[3]). Дружелюбныя сосѣдскія сношенія съ евреями были, въ его глазахъ, мерзостью, высшимъ прегрѣшеніемъ противъ церковныхъ законовъ. По его мнѣнію, правда, христіанская любовь требуетъ соблюденія человѣчности и справедливости также относительно евреевъ, такъ какъ и они люди; но каноническіе законы запрещаютъ водиться съ ними, участвовать съ ними на обѣдахъ и обращаться къ еврейскимъ врачамъ. Такъ какъ знатные люди изъ-за выгоды всюду стояли на сторонѣ евреевъ, то Бернардинъ натравливалъ низшіе классы населенія на евреевъ и ихъ покровителей. Изъ за нѣсколькихъ еврейскихъ капиталистовъ и ихъ удачныхъ денеж-

[1]) О спорѣ между Іудою Менцемъ и Дель-Медиго сравн. Mazref Іосифа дель-Медиго.

[2]) Resp. Іосифа Колона № 192. [3]) Acta Sanctorum № 253.

ныхъ предпріятій онъ объявилъ огуломъ всѣхъ евреевъ и каждаго въ отдѣльности кровопійцами и воздвигалъ на нихъ народный гнѣвъ. „Неужели я, питающійся подаяніями и ядущій хлѣбъ нищихъ, долженъ быть смирной собакой и не лаять, когда я вижу, что евреи пожираютъ мозги бѣдныхъ христіанъ? Неужели я не долженъ лаять во славу Христа?"[1]) Вотъ каковы были его проповѣди! Чтобы устранить нужду въ еврейскихъ капиталахъ, Бернардинъ, странствуя по итальянскимъ городамъ, гдѣ просилъ подаянія и проповѣдывалъ, старался собирать деньги съ цѣлью устройства ссудныхъ кассъ для выдачи пятипроцентныхъ займовъ бѣднякамъ (Mons pietatis). Но какъ трудно было побудить къ этому христіанскихъ капиталистовъ! Если бы не здравый смыслъ итальянскаго населенія, то францисканецъ Бернардинъ сталъ бы для итальянскихъ евреевъ тѣмъ же, чѣмъ былъ въ началѣ того же столѣтія доминиканецъ Виценте Фереръ для испанскихъ евреевъ, а Капистрано для германскихъ общинъ и славянскихъ земель. Однако власть имущіе затруднили ему ремесло преслѣдователя, а его кровожадныя проповѣди часто были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Миланскій герцогъ, Галеацо, запретилъ ему проповѣдовать въ *Бергамо* и *Тичини*[2]). Во Флоренціи и вообще въ Тосканѣ меценатъ-правитель и сенатъ твердо стали на сторону евреевъ. Въ виду этого ядовитый монахъ распустилъ слухъ, что Iехіель изъ Пизы и другіе евреи подкупили ихъ значительными суммами. Поэтому, когда Бернардинъ натравилъ на евреевъ молодежь, и народное возстаніе готово было уже вспыхнуть, начальство посовѣтовало ему оставить Флоренцію и страну и онъ долженъ былъ подчиниться (1487 [3]). Герцогъ Калабріи и неаполитанскій король, Фердинандъ, тоже энергично защищали евреевъ отъ нападеній фанатическаго францисканца[4]). Послѣдній, однако, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы повредить имъ. Онъ побудилъ своимъ изувѣрствомъ дочь короля Фердинанда, супругу герцога де-Ферара, склонить отца на свою сторону[5]). Мало-по-малу ему все же удалось безустаннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же обвиненій повернуть общественное мнѣніе противъ евреевъ до такой степени, что и венеціанскому сенату часто не подъ силу было защищать ихъ[6]). Въ концѣ концовъ Бернардинъ таки осуществилъ кровавое преслѣдованіе евреевъ, если не въ Италіи, то въ Тироли, распространившееся до Германіи.

[1]) Т же № 218, 219.
[2]) Т. же 87.
[3]) Т. же 216—220
[4]) Т. же № 252.
[5]) Т. же № 278.
[6]) Т. же № 217—220, 338. 372.

ГЛАВА XI.

Евреи въ Германіи и Турціи до ихъ изгнанія изъ Испаніи.

Товій и Брунета изъ Тріента. Проповѣди Бернардина и махинаціи противъ евреевъ въ Тріентѣ. Мнимое мученичество Симона въ Тріентѣ вызываетъ новыя преслѣдованія во многихъ странахъ. Венеціанскій дожъ и папа Сикстъ IV защищаютъ евреевъ. Евреи въ Регенсбургѣ. Отступники Петръ Шварцъ и Гансъ Байолъ. Израиль Бруна и его страданія; арестъ его за дѣтоубійство. Императоръ Фридрихъ и чешскій король принимаютъ его подъ свою защиту и добиваются его освобожденія. Мученія еврейскихъ общинъ въ Регенсбургѣ. Изгнаніе евреевъ изъ Майнца и Рейнской области. Евреи въ Турціи. Мардохай Комтино, Соломонъ Шарвитъ-загавъ, Сабатай бенъ-Малкіель. Раздоры между равинитами и караимами. Илія Башяци и его религіозный кодексъ. Моисей Капсали и интрига противъ него. Состояніе Палестины и Іерусалима; Илія изъ Ферары. Старшины и ихъ безсовѣстное поведеніе. Овадія да-Бертиноро въ Іерусалимѣ. Оклеветаніе Моисея Капсали. Несправедливый гнѣвъ противъ него Іосифа Колона. Ихъ примиреніе.

(1472—1492).

Въ бытность свою въ Тріентѣ францисканскій монахъ, Бернардинъ, замѣтилъ, къ великому своему огорченію, дружелюбныя сношенія между евреями и христіанами. Одинъ опытный еврейскій врачъ, *Товій*, и умная еврейка, *Брунета*, пользовались у высшихъ сословій большимъ расположеніемъ и высокимъ довѣріемъ. Это обстоятельство въ особенности подняло въ немъ желчь. Поэтому и въ Тріентѣ раздались съ каѳедры его гнусныя проповѣди противъ евреевъ. Когда нѣкоторые христіане стали возражать противъ его ненависти и замѣтили ему, что тріентскіе евреи, хотя у нихъ и нѣтъ истинной религіи, все же хорошіе люди, монахъ отвѣтилъ: „Вы не знаете, какое несчастіе причинятъ вамъ эти добрые люди; еще прежде, чѣмъ пройдетъ Свѣтлое воскресеніе, вы получите доказательство объ ихъ отмѣнныхъ качествахъ“. Ему было легко пророчествовать, потому что онъ и другіе попы затѣяли коварный планъ, который не только довелъ къ гибели тріентскую общину, но и навлекъ великое несчастье на евреевъ многихъ странъ. Благопріятный случай помогъ имъ.

Въ праздникъ Пасхи (1475) утонулъ въ Тріентѣ, въ рѣкѣ Эчъ, трехлѣтній мальчикъ, по имени Симонъ, сынъ бѣдныхъ христіанскихъ родителей, и трупъ его застрялъ въ рѣчной рѣшеткѣ какъ разъ около дома еврея. Чтобы предупредить ложные толки, еврей поспѣшилъ къ епископу *Гиндербаху* и увѣдомилъ его о случившемся. Епископъ взялъ съ собою двухъ высокопоставленныхъ лицъ, прибылъ на мѣсто и велѣлъ по-

нести утонувшаго ребенка въ церковь. Какъ только вѣсть объ этомъ разнеслась по городу, Бернардинъ и другіе попы, ненавистники евреевъ, подняли яростный вопль, заявляя, что евреи истязали ребенка, убили и бросили его въ воду. Трупъ мнимо - убитаго дитяти былъ выставленъ на показъ, чтобы возбудить народную ярость. Затѣмъ епископъ Гиндербахъ распорядился заковать въ цѣпи всѣхъ евреевъ, отъ мала до велика, возбудилъ противъ нихъ процессъ, а врачъ *Матвей Тиберинъ* былъ призванъ для удостовѣренія насильственной смерти ребенка. Крещеный еврей, каллиграфъ *Вольфканъ* изъ Регенсбурга, выступилъ при этомъ съ самыми злобными обвиненіями противъ своихъ соплеменниковъ. Эти обвиненія были приняты тѣмъ охотнѣе, что арестованные евреи признались подъ пытками въ растерзаніи ребенка и употребленіи его крови въ пасхальный вечеръ. Брунета якобы доставила для этого булавки. У равина Моисея будто бы нашлось письмо, полученное изъ Саксоніи, съ требованіемъ добыть для наступающаго праздника Пасхи христіанской крови. Только одинъ изъ мучениковъ, по имени Моисей, терпѣливо перенесъ всѣ пытки, не подкрѣпивъ лживыхъ сплетеній враговъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ тріентскіе евреи были сожжены, и было постановлено, что ни одинъ еврей не допускается на жительство въ Тріентъ. Врачъ Товій, какъ говорятъ, наложилъ на себя руки. Только четверо перешли въ христіанство и были помилованы[1]).

Тріентскій епископъ, Гиндербахъ, и монахи всѣхъ орденовъ употребляли всяческія усилія, чтобы воспользоваться этимъ случаемъ и погубить евреевъ. Трупъ ребенка былъ набальзамированъ и всенародно признанъ святымъ. Тысячи богомольцевъ ходили на поклоненіе мощамъ ребенка. Безумцы утверждали, что останки маленькаго Симона издаютъ блескъ. Обо всемъ этомъ говорили такъ много, что сами авторы повѣрили мученичеству Симона. Доминиканцы трубили во всѣхъ церквахъ о новомъ чудѣ и усердствовали въ своей злобѣ противъ евреевъ. Два падуанскихъ юриста, пріѣхавшихъ въ Тріентъ, чтобы убѣдиться въ истинности происшествія, были избиты фанатическою толпою до полусмерти[2]). Въ чудо повѣрили, и евреямъ снова предстояла опасность во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Даже въ Италіи евреи не осмѣливались выходить изъ городовъ, чтобы не быть убитыми первымъ встрѣчнымъ, какъ дѣтоубійцы. Въ виду жалобы евреевъ на неувѣренность въ своей жизни и имуществѣ, дожъ *Піетро Моцениго* и венеціанскій сенатъ приказали падуанской власти энергично защитить евреевъ и воспретить проповѣдникамъ-монахамъ натравлять на нихъ народъ. При этомъ дожъ замѣтилъ, что слухъ объ убій-

[1]) Іосифъ Когенъ Emek ha-Bacha, стр. 79. [2]) Т. же

ствѣ тріентскими евреями ребенка—ложь, хитрость ихъ враговъ и выпущенъ съ какою-нибудь цѣлью[1]). Когда къ папѣ Сиксту IV обратились съ просьбой признать маленькаго Симона святымъ мученикомъ, онъ энергично воспротивился этому, разослалъ во всѣ итальянскіе города циркуляры соотвѣтственнаго содержанія (10-го октября 1475 г.), запретилъ почитать Симона тріентскаго святымъ, пока онъ не изслѣдуетъ это дѣло и унялъ возбужденіе противъ евреевъ. Онъ, говорятъ, выслалъ въ Тріентъ собственнаго легата для разбора этого случая, но въ Бернѣ легатъ былъ избитъ[2]). Духовенство тѣмъ не менѣе объявило останки Симона мощами и устроило странническое хожденіе въ воздвигнутую по сему случаю церковь. Въ Германіи ненависть къ евреямъ получила вслѣдствіе этого новую пищу. Жители Франкфурта на Майнѣ поставили на мосту, ведущемъ въ Заксенгаузенъ, статую съ изображеніемъ замученнаго ребенка и евреевъ, въ гнусной позѣ вступающихъ въ связь съ дьяволомъ, и съ надписью изъ двухъ скверныхъ стиховъ:

Пока не забыты Тріентъ и ребенокъ,
Останется въ памяти дѣло жидовъ[3]).

Лживая молва о тріентскомъ дѣтоубійствѣ распространилась съ быстротою огня по многимъ странамъ христіанскаго міра и причинила евреямъ новыя страданія; нигдѣ, однако, эти страданія не были такъ упорны, какъ въ славномъ имперскомъ городѣ, Регенсбургѣ. Мученія евреевъ въ этомъ городѣ доставляютъ наглядное изображеніе печальнаго состоянія Германіи того времени.

Еврейская община этого города, одна изъ старѣйшихъ въ южной Германіи, считалась вообще не только весьма благочестивой, но и очень нравственной. Не было еще случая, чтобы коренной еврей города подвергся суду за безнравственный поступокъ[4]). Родство съ регенсбургскимъ евреемъ почиталось за честь. Община этого города прослыла самой ученою и уважалась, какъ мать всѣхъ остальныхъ еврейскихъ общинъ[5]). Съ древнихъ временъ она пользовалась утвержденными вольностями, которыя императоры, при вступленіи на престолъ, возобновляли за ея платежи государственныхъ сборовъ. Регенбургскіе евреи были признаны почти бюргерами и, подобно христіанамъ, служили въ городской милиціи[6]). Можно

[1]) Эдиктъ дожа и сената Венеціи въ пользу евреевъ находится въ падуанскомъ архивѣ.

[2]) Іосифъ Когенъ въ ук. м.

[3]) Schudt, Jüdische Denkwürdigkeiten II, стр. 256.

[4]) Gemeiner, Regensburgische Chronik III стр. 332.

[5]) Т. же стр. 617.

[6]) Т. же I стр. 449; II стр. 14, 167; III стр. 361.

сказать, что баварскіе князья и различныя сословія просто перебивали ихъ другъ у друга, конечно, чтобы тянуть у нихъ деньги. Поэтому, во второй половинѣ XV столѣтія они сдѣлались настоящимъ яблокомъ раздора. Раньше всего заявилъ на нихъ свои права императоръ Фридрихъ III, который, будучи стѣсненъ со всѣхъ сторонъ ограниченіями въ своемъ государствѣ и даже въ наслѣдственныхъ земляхъ, хотѣлъ наполнить еврейскими богатствами свою пустую кассу. Онъ, поэтому, когда, по пріѣздѣ изъ Рима, былъ коронованъ, потребовалъ отъ регенсбургской общины „третьяго пфеннига“ ея имущества „согласно старому доброму обычаю“[1]). Герцогъ же баваро-ландсбергскій и одновременно рейнскій пфальцграфъ, Людовикъ Богатый, наоборотъ, заявилъ, что регенсбургская община, какъ и вообще баварскіе евреи ничего не должны платить императору, такъ какъ императоръ Людовикъ Баварскій, за сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, заложилъ евреевъ у герцоговъ баварскихъ за 46.000 гульденовъ, а потому евреи имѣютъ платить герцогамъ, а не Фридриху[2]). Самъ герцогъ Людовикъ смертельно ненавидѣлъ евреевъ, изгналъ ихъ изъ своей области и охотно изгналъ бы ихъ изъ Регенсбурга, если бы у него была на это власть; но онъ не хотѣлъ, чтобы богатства евреевъ уплыли въ карманъ императора Фридриха, тѣмъ болѣе, что онъ враждовалъ съ нимъ. Кромѣ того, права на евреевъ заявили родъ *Камерау* [3]), городской совѣтъ и епископъ [4]). Въ виду этихъ противорѣчивыхъ притязаній и споровъ регенсбургскіе евреи никоимъ образомъ не благоденствовали. Вскорѣ, то съ одной стороны, то съ другой, городской совѣтъ сталъ получать приказанія заключить въ тюрьму евреевъ или ихъ старшинъ, или ихъ равина, именно многострадальнаго *Израиля Бруну*, и держать ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока тюремныя стѣны не смягчатъ ихъ, и они не уплатятъ[5]). Городской совѣтъ, правда, старался ихъ защищать, но лишь до тѣхъ поръ, пока это не угрожало бюргерамъ и пока христіанскіе цехи не чувствовали еврейской конкуренціи[6]).

Чтобы избавиться отъ хлопотъ и безсердечнаго произвола, евреи умно поступили, прибѣгнувъ къ защитѣ гуситскихъ дворянъ или воиновъ съ цѣлью доставить себѣ такимъ путемъ большую безопасность, чѣмъ они пользовались подъ такъ называемымъ покровительствомъ императора[7]). Неуклюжіе нѣмцы все еще боялись проворныхъ гуситовъ. Хотя гуситы почти освободились отъ своего еретическаго фанатизма и подчинились като-

[1]) Т. же III стр. 224.
[2]) Т. же 205, 225, 569, 579.
[3]) Т. же 66, 255.
[4]) Т. же 530 и 566.
[5]) Т. же 252, 354, 528.
[6]) Т. же 415.
[7]) Т. же 561, 570.

лическимъ королямъ, героизмъ ихъ все еще внушалъ сильный страхъ католикамъ, въ особенности духовенству. Послѣдствія показали, что евреи умно поступили, прибѣгнувъ къ защитѣ гуситовъ. Въ это время въ Регенсбургѣ былъ избранъ епископъ (*Генрихъ*), человѣкъ мрачнаго характера, не знавшій жалости. Онъ строго настаивалъ на исполненіи каноническихъ ограниченій, изданныхъ противъ евреевъ, и безпощадно наказалъ, въ примѣръ другимъ, христіанскую дѣвушку, поступившую на службу къ еврею, а затѣмъ христіанскаго баньщика, пустившаго еврею кровь. Его ненависть къ евреямъ заразила и другихъ. Когда однажды еврейская бабка заболѣла, и пришлось призвать къ еврейскимъ роженицамъ христіанскую, то городской совѣтъ не осмѣлился разрѣшить это безъ согласія епископа[1]). Епископъ Генрихъ и герцогъ Людовикъ, единодушные въ своей ненависти къ евреямъ, преслѣдовали, повидимому, сообща составленный планъ разорить регенсбургскихъ евреевъ или обратить ихъ въ христіанство. Съ этой цѣлью они заручились, съ одной стороны, согласіемъ папы, а съ другой—помощью вліятельныхъ членовъ городскаго совѣта[2]).

Они начали свою кампанію попытками обращенія въ христіанство и лживыми обвиненіями, прибѣгнувъ къ услугамъ двухъ негодяевъ-выкрестовъ. Одинъ изъ нихъ, по имени *Петръ Шварцъ*, написалъ доносы и ругательства на своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Для соблюденія формы герцогъ Людовикъ выпросилъ у епископа разрѣшеніе Петру Шварцу произносить проповѣди для обращенія евреевъ, при чемъ послѣдніе силою вынуждались слушать его. Епископъ Генрихъ сдѣлалъ Людовику это удовольствіе и принудилъ евреевъ выслушивать въ епископской часовнѣ, въ праздникъ Пасхи, направленныя противъ нихъ ругательныя рѣчи отступника[3]). Другой выкрестъ, Гансъ Вайолъ, забрасывалъ сѣдовласаго равина, Израиля Бруну, самыми тяжкими обвиненіями, утверждая, между прочимъ, что равинъ купилъ у него семилѣтняго христіанскаго мальчика и зарѣзалъ его[4]). Ввиду этого надъ головой регенсбургскаго равина, и безъ того уже надломленнаго страданіями, повисъ смертный приговоръ.

Израиль Бруна изъ Брюна (1400-1480) принадлежалъ къ тѣмъ несчастливцамъ, которые то и дѣло попадаютъ изъ одного злополучія въ другое. Ученикъ Якова Вейла въ Эрфуртѣ и Израиля Исерлейна въ Нейштатѣ при Вѣнѣ, онъ соединялъ въ себѣ изумительное знаніе Талмуда съ чрезвычайною проницательностью ума и имѣлъ право на самую значительную равинскую должность. Вѣроятно вслѣдствіе изгнанія евре-

[1]) Т. же 512. [2]) Т. же 530.

[3]) Мартъ 1474. Gemeiner т. же 530. Aretin, Geschichte der Juden in Baiern стр. 16.

[4]) Мартъ 1474. Gemeiner т. же III, 532.

евъ изъ Брюна, гдѣ уже признали въ немъ равинскій авторитетъ[1]), онъ, послѣ долгихъ странствованій, прибылъ изъ Праги[2]) въ Регенсбургъ съ намѣреніемъ заняться равинской дѣятельностью въ кругу тѣхъ, у которыхъ онъ снискалъ себѣ довѣріе. Но проживавшій тамъ знатокъ Талмуда, *Амшель*, хотя и представлялъ собою только частное лицо и вовсе не былъ облеченъ равинской властью отъ имени общины, возсталъ противъ конкурента и запретилъ ему имѣть при себѣ учениковъ, давать разводъ, вообще выполнять функціи, связанныя въ то время съ равинатомъ, и дѣлить съ нимъ почетъ. Но такъ какъ приверженцы были у обоихъ, то въ регенсбургской общинѣ возникъ расколъ. За преслѣдуемаго Израиля Бруну вступились учителя его, Яковъ Вейлъ и Исерлейнъ, представители свободнаго равината и непримиримые враги духовной бюрократіи; къ нимъ присоединился и нюренбергскій равинъ, *Давидъ* (Тевеле) *Шпринцъ*. Они привели весьма ясные доводы, что никакому еврею не возбраняется заниматься равинскою дѣятельностью, если только онъ обладаетъ достаточными познаніями, имѣетъ соотвѣтственное удостовѣреніе отъ учителя и ведетъ благочестивую и нравственную жизнь. Въ защиту Израиля Бруны они привели еще тотъ доводъ, что онъ участвуетъ въ уплатѣ общинныхъ налоговъ и потому по праву считается членомъ общины[3]). Тѣмъ не менѣе разногласіе въ регенсбургской общинѣ не прекращалось, и Израиль Бруна часто подвергался оскорбленіямъ со стороны противниковъ. Однажды, когда онъ приготовился къ публичному чтенію, нѣсколько зачинщиковъ вышли изъ аудиторіи, и многіе послѣдовали ихъ примѣру[4]). Ученики его противниковъ исподтишка изображали на мѣстѣ его сидѣнія въ синагогѣ крестъ, надписывали тамъ ужасное слово „еретикъ“ (Epicuros) и всячески поносили его[5]). Постепенно, а въ особенности по смерти знаменитыхъ равиновъ, Якова Вейла и Израиля Исерлейна, Бруна былъ признанъ безспорнымъ равинскимъ авторитетомъ и получалъ отовсюду запросы; но страданія его не закончились. Когда императоръ Фридрихъ потребовалъ отъ регенсбургской общины денегъ для государственной казны, а герцогъ Людовикъ воспротивился этому, между тѣмъ какъ городской совѣтъ стоялъ въ нерѣшимости, не зная, кому оказать послушаніе, а кому сопротивленіе, Бруна посаженъ былъ, по приказанію императора, въ темницу съ тѣмъ, чтобы онъ, подъ

---

[1]) Resp. № 25.; Исерлейнъ, Pesakim № 128.

[2]) Resp. Израиля Бруны № 130.

[3]) Респ. Якова Вейла № 153; Исерлейнъ, Pesakim № 126—128; респ. Израиля Бруны № 253.

[4]) Resp. Израиля Бруны № 231.

[5]) Респ. Моисея Менца № 76.

страхомъ [illegible] членовъ общины, принудилъ ихъ уплатить третью часть всего своего имущества. Онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы лишь послѣ того, какъ поручился всѣмъ своимъ добромъ. Въ довершеніе всего выкрестъ Гансъ Вайолъ выступилъ противъ него со страшнымъ обвиненіемъ въ дѣтоубійствѣ и другихъ преступленіяхъ.

Епископъ Генрихъ и духовенство задумали воспользоваться этимъ обвиненіемъ въ цѣляхъ своей ненависти къ евреямъ, а глупый народъ тѣмъ легче повѣрилъ этой сказкѣ, что слухи объ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей съ каждымъ днемъ все болѣе распространялись. Лишь за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе такихъ обвиненій, маркграфъ баденскій предалъ пыткамъ и казнямъ многихъ евреевъ, а у прочихъ конфисковалъ имущество. Правда, императоръ написалъ ему по этому поводу строгое письмо и довелъ до свѣдѣнія нѣмцевъ всякаго сословія, что папы, на основаніи показаній свѣдущихъ людей, убѣдились въ неупотребленіи евреями крови; но голоса его слушались такъ же мало, какъ и разсудка. Въ Регенсбургѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что престарѣлый Израиль Бруна убилъ христіанскаго ребенка, и по требованію духовенства онъ долженъ былъ быть казненъ. Чтобы спасти его отъ ярости народа, городской совѣтъ, боявшійся отвѣтственности за это, велѣлъ посадить его въ тюрьму.

Между тѣмъ испуганная община обратилась не только къ безсильному императору, но и къ чешскому королю, *Владиславу*, котораго нѣмцы болѣе боялись, и вслѣдъ за тѣмъ оба они энергично потребовали освободить Бруну изъ тюрьмы безъ выкупа[1]). Но городской совѣтъ оправдывался страхомъ передъ епископомъ и чернью. Тогда отъ императора послѣдовало повелѣніе отложить казнь Израиля Бруны до пріѣзда его на регенсбургскій сеймъ. Этимъ городской совѣтъ остался еще менѣе доволенъ, боясь, при этомъ случаѣ, потерять судебную власть надъ евреями. Поэтому онъ приступилъ къ рѣшительному дѣйствію. Совѣтъ велѣлъ схватить обвинителя, Ганса Вайола, и вывести его на каменный мостъ, гдѣ уже ожидалъ его палачъ; ему объявили смертный приговоръ, причемъ предложили ему отказаться отъ ложнаго обвиненія до перехода въ другой міръ. Закоснѣлый грѣшникъ остался при своемъ въ обвиненіяхъ противъ евреевъ вообще; однако сознался, что равинъ, Израиль Бруна, невиненъ во взведенномъ на него обвиненіи въ дѣтоубійствѣ. [illegible] это [illegible] новое посланіе со стороны императора. [illegible] умеръ на кострѣ, а Бруна былъ выпущенъ на свободу. При [illegible] онъ долженъ былъ дать присягу, что не будетъ мстить за при-

[1]) [illegible] въ ук. м. стр. 532.

чиненныя ему долгія страданія[1]). Какъ будто бѣдный, слабый старикъ могъ мстить!

Едва это несчастіе отвернулось отъ регенсбургской общины, пришло другое, еще болѣе тяжкое. Императоръ Фридрихъ предпринялъ энергичный походъ противъ смѣлаго герцога, Карла Бургундскаго. Для этого ему, конечно, нужны были деньги. Евреи, эти живые золотые рудники, снова должны были дать себя ограбить. Регенсбургская община подвергнута была чрезвычайному военному налогу въ 4000 гульденовъ[2]). Въ состояніи ли она была уплатить эту сумму, объ этомъ не спрашивали. Но если бы она и была платежеспособна, то все-таки ей не разрѣшалось платить: городской совѣтъ и герцогъ Людовикъ были рѣшительно противъ этого. Первый боялся, что это обстоятельство вообще вызоветъ у императора претензію на право собирать, по своему усмотрѣнію, военные налоги у жителей имперскаго города, а второй считалъ, что имущество евреевъ находится у него въ залогѣ. Евреи, поэтому, должны были отказаться платить. Такъ какъ императоръ нуждался въ деньгахъ, то онъ послалъ въ Регенсбургъ комисара съ полномочіемъ, въ случаѣ настойчиваго отказа евреевъ, закрыть синагоги, загородить еврейскій кварталъ и задержать подъ арестомъ всю общину[3]). Община очутилась въ жестокихъ тискахъ: въ случаѣ неплатежа она возбудила бы гнѣвъ императора, въ случаѣ же платежа ее ожидало нѣчто еще худшее со стороны герцога. Разумѣется, ей ничего другого не оставалось, какъ раздѣлаться съ королевскимъ казначействомъ скрытнымъ образомъ. Но это подогрѣло ненависть герцога и духовенства. Обязанность платежа естественно упала на богатыхъ, а они занимались банкирскими дѣлами. Чѣмъ больше имъ приходилось платить, тѣмъ болѣе они были вынуждены заниматься отдачей денегъ въ ростъ. Тогда епископъ и герцогъ, возбужденные противъ евреевъ, внезапно запретили это занятіе и объявили христіанскихъ должниковъ свободными отъ уплаты капитала и процентовъ. Напрасно еврейскіе капиталисты ссылались на то, что императоръ выхлопоталъ у папы буллу, разрѣшающую имъ отдавать деньги въ ростъ. Напрасно императоръ Фридрихъ посылалъ епископу и городскому совѣту повелѣнія „не обращаться съ евреями такъ жестоко, а поступать съ ними согласно старымъ обычаямъ“ (въ августѣ 1475 г.); духовенство было сильнѣе немощнаго главы государства. Городской совѣтъ тоже хотѣлъ было помочь евреямъ, но за это сочувствіе члены его были отлучены отъ церкви[4]).

Въ это время въ Регенсбургъ пришло извѣстіе о мнимой мученической смерти Симона въ Тріентѣ, и это подлило масла въ огонь. Епис-

[1]) Т. же.
[2]) Сентябрь 1474 г.
[3]) Т. же стр. 521.
[4]) Т. же стр. 528, 539, 547.

конъ Генрихъ чувствовалъ себя весьма счастливымъ, что нашелъ случай, давшій ему возможность безнаказанно и въ интересахъ религіи мучить и преслѣдовать евреевъ. По пути въ Римъ онъ кое-что узналъ о дѣтоубійствѣ въ Тріентѣ; по возвращеніи онъ захотѣлъ лично ознакомиться съ актами процесса, а изъ показаній регенсбургскаго выкреста, Вольфкана, пришелъ къ убѣжденію, что нѣсколько регенсбургскихъ евреевъ восемь лѣтъ тому назадъ купили христіанскаго ребенка и зарѣзали его. Самымъ важнымъ дѣломъ его по возвращеніи въ городъ было заставить городской совѣтъ возбудить противъ указанныхъ Вольфканомъ евреевъ уголовный процессъ. Большинство членовъ совѣта вмѣстѣ съ казначеемъ *Ротшерфомъ*, ненавистникомъ евреевъ, охотно согласились на это и тѣмъ охотнѣе, что, въ случаѣ изгнанія регенсбургской общины, еврейскія жилища стали бы собственностью города. По своей мѣщанской трусости городской совѣтъ, однако, пожелалъ удостовѣриться, защититъ ли его герцогъ Людовикъ въ случаѣ могущихъ отсюда произойти затрудненій, для чего герцогу послана была просьба о разрѣшеніи затѣять дѣло. Этотъ заклятый ненавистникъ евреевъ, разумѣется, разрѣшилъ еще больше, чѣмъ отъ него желали, и пока что схвачено было шесть регенсбургскихъ евреевъ; ихъ бросили въ тюрьму и обвинили въ убійствѣ христіанскаго ребенка (въ мартѣ 1476 г.). Городскіе, герцогскіе и епископскіе комисары руководили разслѣдованіемъ. Подверженные пыткамъ, несчастные сознались не только во взведенномъ на нихъ обвиненіи, но и въ томъ, что они въ разное время безчеловѣчно истязали и убили многихъ дѣтей. По ихъ словамъ, деньги на покупку дѣтей они получали изъ кассы общины; кровь они собирали и дарили ее отдаленнымъ друзьямъ, посылая ее въ наперсткахъ или пропитывая ею ткани; такую кровь евреи пьютъ, смѣшивая ее съ виномъ въ пасхальный вечеръ или смазывая пасхальный пирогъ, чтобы предохранить себя отъ проказы или получить здоровый цвѣтъ лица. Обвиненные сами указали, гдѣ они похоронили останки убитыхъ дѣтей, и останки эти дѣйствительно были найдены въ указанномъ мѣстѣ[1]). Безумцы повѣрили всему этому или притворялись, что вѣрятъ. Между тѣмъ безпристрастные христіане утверждали, что городской совѣтъ приказалъ извлечь изъ могилъ останки дѣтей и зарыть ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, чтобы имѣть улики преступленія[2]). На основаніи вымученныхъ пытками показаній, къ шести арестованнымъ евреямъ прибавилось еще одиннадцать, впутанныхъ въ процессъ, и, кромѣ того, арестъ былъ наложенъ на всю общину. У четырехъ воротъ еврейскаго квартала стояла днемъ и ночью стража, никого не выпуская и никого не впуская. Арестъ былъ наложенъ

[1]) Т. же стр. 567-575. [2]) Т. же стр. 590.

и на все имущество всѣхъ регенсбургскихъ евреевъ, и комисары переписали его. Несчастныхъ ожидалъ страшный судъ.

Между тѣмъ процессъ этотъ, надѣлавшій въ свое время много шума, причинилъ бюргерамъ не меньше вреда, чѣмъ евреямъ. Въ самомъ началѣ разслѣдованія многіе евреи покинули Регенсбургъ и отправились въ Богемію и къ императору, употребляя всѣ средства для спасенія своихъ несчастныхъ братьевъ. Однако евреи понимали, что для доказательства своей невинности прежде всего нужно собрать деньги, много денегъ. Для сбора ихъ многіе баварскіе равины созвали въ *Нюренбергѣ* синодъ (вѣроятно, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго равина, Якова Марголеса) и рѣшили, что всѣ баварскія общины и каждый сколько-нибудь имущій членъ ихъ должны сдѣлать соотвѣтственный взносъ, чтобы получить сумму, необходимую для освобожденія обвиненныхъ регенсбургскихъ евреевъ. Синодъ справедливо разсудилъ, что это, насквозь пропитанное ложью, обвиненіе коснется всѣхъ баварскихъ общинъ. Нюренбергская община, однако, боялась произнести проклятіе противъ тѣхъ членовъ ея, которые откажутся отъ взноса, такъ какъ, въ случаѣ доноса, начальство могло взыскать съ нея за это. Поэтому она обратилась къ *Іосифу Колону*, знаменитому итальянскому равину, съ цѣлью придать больше вѣса своему рѣшенію. Іосифъ Колонъ сейчасъ же выпустилъ циркуляръ съ обращеніемъ ко всѣмъ баварскимъ, а, можетъ быть, и къ другимъ нѣмецкимъ общинамъ, не отказаться отъ взносовъ согласно опредѣленіямъ нюренбергскаго синода и проникнуться состраданіемъ къ своимъ братьямъ въ Регенсбургѣ.

Между тѣмъ вовсе не требовалось столькихъ усилій для сбора предположенной суммы. Когда дѣло шло о спасеніи братьевъ, евреи, хотя и любили деньги, не скупились. Правда, ходатайство чешскихъ дворянъ, подъ покровительство которыхъ отдались многіе регенсбургскіе евреи, не имѣло благопріятныхъ послѣдствій въ пользу послѣднихъ[1]); но зато оказали вліяніе денежныя средства, которыя довѣренныя лица регенсбургской общины употребили, ходатайствуя передъ императоромъ Фридрихомъ и его совѣтниками. Слѣдуетъ отдать этому, вообще слабому, императору справедливость, что онъ выказалъ въ этомъ процессѣ много энергіи и настойчивости. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ лживости кроваваго обвиненія, что никакія росказни не могли ввести его въ заблужденіе. Онъ написалъ регенсбургскому совѣту, повелѣвъ немедленно выпустить арестованныхъ евреевъ и освободить изъ-подъ ареста ихъ имущество (въ апрѣлѣ 1476 г.). Такъ какъ городской совѣтъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ приказъ, то онъ

[1]) Т. же стр. 570.

снова отправилъ къ нему письмо съ отмѣткой: „онъ, къ великому своему неудовольствію, замѣчаетъ, что регенсбургскіе евреи еще не освобождены“ (10-го мая [1]). Городской совѣтъ, однако, находилъ невозможнымъ сдѣлать это, не роняя своего достоинства. Къ тому же монахи усердно проповѣдывали въ церквахъ, даже въ присутствіи императорскаго комисара, противъ евреевъ, такъ что можно было опасаться, что, въ случаѣ освобожденія ихъ, фанатическая чернь набросится на нихъ. Поэтому городской совѣтъ старался оправдаться передъ императоромъ, взваливая все на герцога Людовика, который держалъ евреевъ въ залогѣ и ревниво относился къ своимъ правамъ на нихъ. Императоръ Фридрихъ тѣмъ настойчивѣе требовалъ освобожденія евреевъ, что дѣло шло тутъ и объ упроченіи поколебавшагося императорскаго престижа въ глазахъ князей и вольныхъ городовъ.

Въ виду этого онъ отправилъ въ Регенсбургъ высокопоставленныхъ чиновниковъ, наслѣдственнаго маршала, *Папенгейма*, и намѣстника *Сумерау*, чтобы миролюбивымъ путемъ склонить герцога Людовика къ уступчивости, городскому же совѣту угрожать, въ случаѣ дальнѣйшаго ослушанія, нанесеніемъ ущерба торговлѣ и ремесламъ города. Герцогъ Людовикъ и даже епископъ Генрихъ, виновники всѣхъ этихъ лживыхъ сплетеній, уже поколебались было, когда городской совѣтъ напрягъ всѣ усилія, привлекъ на свою сторону герцога и отправилъ къ императору новое посольство. Императоръ Фридрихъ разсердился на упрямыхъ мелочныхъ бюргеровъ въ особенности вслѣдствіе донесенія, что, вопреки императорскому приказу, городской совѣтъ велѣлъ казнить нѣсколько евреевъ. Поэтому, за упорное ослушаніе, онъ объявилъ городъ „подъ опалой, штрафомъ и покаяніемъ“ и потребовалъ къ себѣ виновныхъ къ отвѣту (14 Іюля). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Регенсбургъ императорскаго фискала, чтобы лишить городъ права уголовнаго судопроизводства и угрожать ему другими тяжкими наказаніями (2-го сентября).

Такимъ образомъ городской совѣтъ попалъ въ скверное положеніе. Дѣло шло о чести города, и судебныя издержки достигли 180 фунтовъ. Кто уплатитъ ихъ? Въ виду этого отцы города поспѣшили прежде всего удостовѣрить нотаріальнымъ порядкомъ, что всѣ семнадцать обвиненныхъ евреевъ еще живы, и составили опись имуществу общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ городской совѣтъ настоялъ на томъ, чтобы герцогскія, епископскія и городскія депутаціи совмѣстно повліяли на императора и, помощью значительныхъ суммъ, на его совѣтниковъ. Городъ послалъ просьбу о помощи и [illegible] займѣ. Но деньги на этотъ разъ не рѣшили дѣла: императоръ [illegible] заявилъ, что евреи должны быть немедленно освобождены, а

[1] [illegible] же стр. 570

королевскій фискалъ настойчиво преслѣдовалъ городъ[1]). Совершавшіяся въ городѣ преступленія оставались безъ наказанія; торговля, въ виду беззащитности купцовъ, остановилась; завистливый городъ Нюренбергъ старался перетянуть ее къ себѣ. Когда въ еврейскомъ кварталѣ вспыхнулъ пожаръ, городской совѣтъ былъ страшно озабоченъ тѣмъ, чтобы евреи не понесли ущерба лично или въ имуществѣ, за что отвѣтственность упала бы на него. Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить императора, городской совѣтъ выпустилъ на свободу всѣхъ членовъ общины, не обвиненныхъ въ дѣтоубійствахъ непосредственно; но они должны были торжественно обѣщать, что не выѣдутъ изъ города (въ октябрѣ 1477). Депутаты города ѣздили по разнымъ мѣстамъ съ полномочіями на значительные расходы денегъ для полученія отъ императора согласія на наказаніе евреевъ. Но императоръ былъ такъ сердитъ на Регенсбургъ, что даже не допустилъ ихъ къ аудіенціи.

Тогда городской совѣтъ вошелъ въ связь съ папскимъ легатомъ, *Александромъ*, чтобы при его посредствѣ выйти изъ затрудненія. Тутъ же выработали апеляціонную жалобу къ папѣ, чтобы возстановить его противъ евреевъ. Но послѣдніе и съ своей стороны не замедлили передать легату письменный документъ, въ которомъ они доказывали свою непричастность къ дѣтоубійству, и ссылались на то, что сами папы нерѣдко вступались за нихъ противъ несправедливыхъ обвиненій[2]). Въ то же время евреи отправили императору Фридриху посланіе, въ которомъ они, помощью мнимыхъ документовъ, доказывали, что предки ихъ задолго до Рождества Христова жили въ Германіи и Регенсбургѣ, а потому они не могутъ отвѣчать за распятіе Христа. Легатъ Александръ, однако, сталъ на сторону христіанъ и старался повліять на императора во вредъ евреямъ[3]). Тѣмъ не менѣе императоръ продолжалъ энергично поддерживать ихъ.

Когда городскіе депутаты, послѣ долгихъ усилій и дорогихъ подарковъ, получили однажды аудіенцію и оклеветали евреевъ замѣчаніемъ: „ничто не можетъ насъ оправдать передъ Богомъ и людьми, если поступимъ съ евреями благожелательнѣе и снисходительнѣе, чѣмъ съ христіанами“ (т. е. если послѣднимъ даже не разрѣшается казнить невинныхъ евреевъ), то императоръ даже не удостоилъ ихъ прямымъ отвѣтомъ и велѣлъ своему канцлеру сказать имъ, что касательно регенсбургскихъ евреевъ онъ остается при прежнемъ, приказывая освободить ихъ. Другого слова нельзя было добиться отъ императора[4]). Фридрихъ, обыкновенно столь вялый, обнаружилъ въ этомъ случаѣ изумительную твердость. Противъ ев-

[1]) Т. же стр. 577—581.
[2]) Т. же стр. 589—91, 594.
[3]) Т. же стр. 602.
[4]) Т. же стр. 595

реевъ поднялись даже новыя обвиненія въ оскверненіи церкви. Ихъ обвиняли въ томъ, что они купили у христіанина въ Пасау гостіи и терзали ихъ, причемъ произошли чудеса, а именно, поколотыя освященныя облатки превратились въ голубей или ангеловъ. Послѣ этого епископъ города Пасау велѣлъ казнить множество евреевъ, однихъ милостиво мечомъ, другихъ огнемъ на кострѣ, а третьихъ, вырывая куски тѣла раскаленными щипцами. И „во славу Божію" и въ память объ этой безчеловѣчности воздвигнута была новая церковь (весною 1478 г.). Еврей и еврейка въ Регенсбургѣ объявлены были соучастниками этого преступленія и посажены въ тюрьму. Обо всѣхъ этихъ случаяхъ императору посылались сообщенія со всѣхъ сторонъ, чтобы возбудить въ немъ фанатизмъ. Однако онъ оставался при своемъ убѣжденіи въ невинности регенсбургскихъ евреевъ и послалъ новый приказъ: обвиненныхъ въ оскверненіи гостій евреевъ не пытать и не казнить, а поступить съ ними такъ же, какъ и съ прочими арестованными. Напрасно городской совѣтъ посылалъ къ императору одну депутацію за другой и предлагалъ большую для того времени сумму въ 4000 гульденовъ. Въ городъ прибылъ чиновникъ съ императорскимъ повелѣніемъ выдать императору въ теченіе трехъ недѣль всѣхъ арестованныхъ евреевъ подъ угрозой опалы, лишенія всѣхъ привилегій и штрафа въ 1000 марокъ золотомъ (въ мартѣ 1478 г.).

Въ виду серьезности этой угрозы городской совѣтъ раскололся на двѣ партіи: одна предлагала сопротивляться, другая уступить. Однако, согласно мѣщанскому характеру совѣта, былъ избранъ средній путь, путь проволочекъ. Враги евреевъ расчитывали на скорую смерть императора. „Въ этомъ случаѣ они однимъ ударомъ сбросили бы евреевъ съ плечъ долой, изгнали бы ихъ изъ города, срыли бы до основанія еврейскіе дома или же присвоили бы ихъ себѣ"[1]). Начались новые переговоры, сдѣланы были новыя предложенія. Для переубѣжденія императора былъ привлеченъ нѣкій *Рамунгъ*, игравшій роль въ преслѣдованіяхъ евреевъ въ Тріентѣ и Пасау. Но и эта махинація разбилась о твердость императора. Онъ высказался напрямикъ: „Согласно справедливости не могу я и не хочу допустить, чтобы евреи были казнены, а эти презрѣнные бюргеры, столь долго упорствующіе въ своемъ непослушаніи, уже не будутъ ихъ судить"[2]).

Такимъ образомъ городской совѣтъ послѣ долгаго упорства долженъ былъ покориться необходимости и подписать актъ объ освобожденіи арестованныхъ евреевъ и вообще о невысылкѣ ихъ изъ города изъ-за процесса. Кромѣ того, городъ обязанъ былъ уплатить императорскому каз-

[1]) Т. же III стр. 603—605. [2]) Т. же стр. 607.

начейству 8000 гульденовъ и поручиться за уплату регенсбургскими евреями штрафа въ 10.000 гульденовъ; неизвѣстно, по какой причинѣ онъ былъ наложенъ. Апеляціи къ папѣ не было по тому соображенію, „что папскій дворъ еще алчнѣе императорскаго".

Когда регенсбургской еврейской общинѣ было объявлено о томъ, что ей даруется свобода подъ условіемъ уплаты не только наложеннаго на нее штрафа, но и городской пени и издержекъ судопроизводства, то она отказалась отъ этого платежа. Представители евреевъ объяснили, что требуемая сумма превышаетъ по цѣнности все ихъ имущество тѣмъ болѣе, что въ теченіе трехъ лѣтъ они были лишены свободы и возможности что-либо заработать (лѣтомъ 1478 г.). Арестованные евреи заявили, что предпочитаютъ оставаться въ своемъ жалкомъ положеніи, чѣмъ нищенствовать. Напрасно императоръ требовалъ отъ нихъ черезъ придворнаго еврея, *Давида* (бенъ-Аронъ изъ Марбурга?), подчиниться этому рѣшенію[1]). Такъ они оставались подъ арестомъ еще два года, частью изъ-за наложеннаго на нихъ штрафа, частью изъ-за требуемаго за нихъ поручительства. Они получили свободу лишь тогда, когда присягнули, что не будутъ мстить за нанесенныя имъ обиды и ни сами не уйдутъ изъ Регенсбурга, ни вывезутъ своего имущества (4 сентября 1480 г.[2]). Баварскій герцогъ, *Георгъ*, сынъ ненавидѣвшаго евреевъ Людовика, обвинилъ городской совѣтъ въ томъ, что онъ слишкомъ вяло велъ дѣло противъ евреевъ и не рѣшилъ его короткой расправой прежде, чѣмъ императорскимъ совѣтникамъ пришлось вмѣшаться. Онъ запретилъ евреямъ платить своимъ поручителямъ частичными суммами. Имъ приходилось сносить мученія отъ тѣхъ, которые, не имѣя права убить ихъ, донимали ихъ мелкими уколами. Защита, которую далъ имъ императоръ, оказалась обманомъ[3]). Герцоги ничего другого не желали, какъ изгнать евреевъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше[4]).

Десять лѣтъ тому назадъ были изгнаны евреи старинной общины *Майнца* и вообще всего майнцскаго архіепископства. Ихъ заклятый врагъ, *Адольфъ* Насаускій, по отрѣшеніи Дитриха Изенбургскаго (стр. 214), былъ утвержденъ папой въ санѣ архіепископа курмайнцскаго. Въ началѣ, благодаря значительнымъ суммамъ, онъ склонился было къ терпимости, какъ вдругъ онъ отказался отъ защиты ихъ и назначилъ имъ очень короткій срокъ (отъ 5 сент. до 29 окт.), послѣ котораго они должны были всѣ выселиться. Старую синагогу онъ превратилъ въ церковь. Напрасно изгнанные евреи обращались къ императору Фридриху, а этотъ послѣдній предло-

---

[1]) Т. же стр. 611. [2]) Т. же 699. 11, 647, 639, 640.
[3]) Т. же 649, 671. 775. [4]) Т. же 734.

жилъ графу Ульриху Вюртембергскому взять ихъ подъ свою защиту: упрямый пастырь не принималъ никакихъ указаній. Съ этого момента только единичные евреи подъ спеціальнымъ покровительствомъ и за большія деньги могли жить въ Майнцѣ и его окрестностяхъ[1]). Въ это же время были изгнаны евреи изъ Швабіи; поводъ и ближайшія обстоятельства неизвѣстны.

Вслѣдствіе изгнанія евреевъ изъ различныхъ областей Германіи во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія и адскихъ мученій ихъ въ Испаніи, центръ тяжести еврейскаго населенія все болѣе склонялся къ востоку. Убѣжищами евреевъ стали Польша и Турція. Среди турецкихъ евреевъ вскорѣ обнаружилась несомнѣнная духовная свѣжесть, пробудилась склонность къ наукамъ и къ участію въ умственныхъ интересахъ. Здѣсь появились люди, которые, помимо Талмуда, занимались и другими отраслями знанія. *Мардохай бенъ-Элеазаръ Комтино* (или Комтіано, главн. дѣятельность въ 1460—1490 г.г.), переселившійся изъ Константинополя въ Адріанополь, былъ знатокомъ математики и астрономіи. Онъ полюбилъ произведенія *Ибнъ-Эзры*, коментировалъ ихъ и истолковалъ Пятикнижіе, постоянно сообразуясь съ караимскими писателями. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Комтино не успокаивался на давно высказанныхъ взглядахъ, а пробивалъ собственныя дорожки, не подчиняя слѣпо своего разсудка старымъ авторитетамъ. Раввиниты и караимы сидѣли у его ногъ и учились у него мудрости и взаимной терпимости. О караимахъ онъ отзывался съ уваженіемъ и признательностью[2]). Исаакъ Царфати, авторъ посланія изъ Турціи (стр. 175), выпросилъ у него популярнаго истолкованія произведеній Аристотеля и Маймонида по логикѣ.

Еще и другіе евреи, менѣе ученые, занимались въ Турціи свѣтскими науками или же примыкали къ Ибнъ-Эзрѣ, въ которомъ воплощалось разумное истолкованіе Библіи. *Соломонъ* бенъ-Илія *Шарвитъ-загавъ* (главн. дѣятельность въ 1470—1500 г.г.[3]) въ *Салоникахъ* и *Эфесѣ*, поэтъ, проповѣдникъ и грамматикъ, написалъ астрономическое произведеніе съ таблицами и также углубился въ писанія Ибнъ-Эзры. *Сабатай бенъ-Малкіель* Когенъ, переѣхавшій въ Турцію съ одного греческаго острова, пожелалъ проникнуть въ духъ Ибнъ-Эзры глубже, чѣмъ

[1]) Шаабъ. Diplomatische Geschichte der Juden von Mainz стр. 120, 130.

[2]) Іосифъ Баги въ אגרת קריה נאמנה говоритъ: והנה לך עדים נאמנים על מה שאמרתי דברי הרב מרדכי (כומטינו) בעצמו שאמר על הקהלה הקראית שהיה באדריאנופולי זה לשונו: ראיתי אנשים חכמים ונבונים אבות על רודפי צדק מבקשי התורה . . . חוקרים ודורשים הראיות והפרושים ואמר בפרמות מעלת כיר׳ יוסף רבצי (רביצי .ч).

[3]) Илія Башяци говоритъ: כי כן אמרו . . . ר׳ שלמה שרביט הזהב ומורי . . מרדכי כומטיינו.

Комтино, и завязалъ съ нимъ съ этой цѣлью ученый споръ. Въ Турціи готова была благопріятная почва для свѣжаго насажденія еврейской научной мысли; но молодой посѣвъ испорченъ былъ дурными вліяніями. Дружелюбныя и сосѣдскія сношенія раввинитовъ и караимовъ и ихъ ссоры другъ съ другомъ прорвали ограниченность преувеличеннаго благочестія, которое любитъ рабски придерживаться буквы. У Комтино получили свое образованіе два караима: *Илія* бенъ-Моисей *Башяци* изъ Адріанополя и *Іосифъ Ревици*[1]). Первый пріобрѣлъ безспорный авторитетъ у караимовъ, благодаря своему своду религіозныхъ законовъ (соч. 1480—90 г.), образующему итогъ ряда караимскихъ религіозныхъ писаній, а потому признанному впослѣдствіи нормою. Въ то время, однако, Иліи Башяци приходилось бороться съ архи-ортодоксальной караимской партіей, переселившейся въ Турцію изъ Крыма и Россіи. Партія эта не хотѣла согласиться съ новшествомъ, допускающимъ освѣщеніе въ ночь на субботу[2]). Съ одной стороны ученые раввиниты вели форменную атаку на караимство, именно Комтино, хотя дружелюбный и ласковый къ караимамъ, Соломонъ Шарвитъ-загавъ, *Моисей Капуцато* и юный *Илія Мизрахи* изъ Константинополя; съ другой стороны караимы утверждали, что благоразумные раввиниты безъ затрудненія присоединились бы къ вѣроученію Анана, если бы они не боялись криковъ темныхъ и фанатическихъ нѣмецкихъ евреевъ. Нѣкій донъ *Гедалья ибнъ-Яхія Негро*, выселившійся изъ Лисабона, чтобы поѣхать въ Палестину, но оставшійся въ Константинополѣ, работалъ, съ согласія караимовъ, надъ соединеніемъ обѣихъ столь долго разъединенныхъ сектъ (1487); однако многіе раввиниты воспротивились этому соединенію[3]).

Ибо не только еврейско-нѣмецкіе переселенцы, но и великій равинъ турецкихъ общинъ, *Моисей Капсали* (стр. 168), твердо соблюдалъ раввинскій іудаизмъ и уклонялся отъ всякаго сближенія съ караимствомъ. Этотъ первый хахамъ-паша, получившій образованіе въ нѣмецкой школѣ, велъ столь же аскетическую, какъ и честную жизнь. Несмотря на высокій санъ, полученный имъ при *Баязетѣ II*, преемникѣ Магомета II, и на свое благосостояніе, онъ часто постился и никогда не спалъ въ постели, а только на твердой землѣ. Моисею Капсали въ особенности было противно идти на встрѣчу караимамъ; онъ считалъ неприличнымъ, что раввиниты обучаютъ ихъ Талмуду, котораго они не признаютъ. Несмотря на свою пунктуальность въ религіозныхъ дѣлахъ, онъ, однако, не избѣгнулъ ненависти и злословія тѣхъ, которые изъ преувеличеннаго до извращенія

[1]) О יוסף רביצי сообщаетъ Іосифъ Баги.

[2]) Башяци, Aderet Eliahu стр. 31.

[3]) Ибнъ-Яхія въ Schalschelet стр. 50.

благочестія или изъ ханжества или даже по личнымъ мотивамъ посягали на его санъ, за то, что онъ не допускалъ ихъ безпорядочной дѣятельности. Нѣкоторые противники оклеветали его, этого строгаго блюстителя благочестія, въ нарушеніи предписанныхъ религіей наставленій. Интриги одной константинопольской партіи вовлекли Моисея Капсали въ ожесточенную вражду съ пылкимъ до страстности равиномъ, Іосифомъ Колономъ въ Мантуѣ, и вообще вызвали обостренный конфликтъ въ іудаизмѣ.

Поводомъ къ борьбѣ, раскинувшейся на большое пространство, послужило печальное состояніе палестинскихъ, а въ особенности іерусалимскихъ евреевъ. Священный городъ, съ тѣхъ поръ, какъ вѣнецъ его былъ поверженъ въ прахъ, всегда служилъ ареной мелочныхъ раздоровъ всякихъ исповѣданій. Еврейская община не была постоянная, а всегда мѣнялась вслѣдствіе новыхъ переселенцевъ. Въ пятнадцатомъ столѣтіи перевѣсъ, повидимому, былъ на сторонѣ итальянскихъ выходцевъ, и когда въ Іерусалимъ прибылъ талмудистъ и врачъ, *Илія ди-Ферара*, человѣкъ, впрочемъ, мало извѣстный, то старшины поспѣшили передать ему равинатъ[1]), такъ какъ въ ихъ средѣ не было ученаго человѣка. Когда впослѣдствіи прибыли въ Іерусалимъ нѣмецкіе выходцы, туземные евреи вздумали приписать себѣ нѣчто вродѣ патриціанства, придирались къ нимъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, а, если не могли сами подступить къ нимъ, доносили на нихъ пашѣ и подвергали ихъ различнымъ опасностямъ. Несчастные нѣмецкіе евреи всюду служили козломъ отпущенія; на головы ихъ чужіе и соплеменники сыпали всякаго рода бѣдствія. Чтобы утолить алчность султана-мамелюка, *Мелка Эшрефа Каитбая*, и сановниковъ, евреи должны были собирать много денегъ, а старшины-туземцы налагали наибольшія тягости на нѣмецкихъ выходцевъ[2]). Первые довели дѣло до того, что въ концѣ концовъ возникли замѣшательства, которыя имъ же повредили. Отягощенные и обремененные свыше силъ, нѣмецкіе евреи покинули городъ, принесшій имъ вмѣсто душевнаго покоя одни бѣдствія, и оставили тамъ, въ большинствѣ случаевъ, своихъ женъ и дѣтей, лишенныхъ средствъ, такъ что мало-по-малу безпомощныя женщины далеко превысили по числу мужчинъ-работниковъ. Изъ трехсотъ отцовъ семействъ едва осталось семьдесятъ[3]). Вслѣдствіе этого бѣдность оставшихся достигла невѣроятныхъ размѣровъ, а старшины вынуждены были прибѣгать къ самымъ безсовѣстнымъ мѣрамъ, чтобы добыть подати и купить

---

[1]) Интересное посланіе Иліи де Ферара въ сборникѣ Dibre Chachamim стр. 61.

[2]) Израиль Исерлейнъ, Pesakim № 88: ומה שכתבת לי עוד מעלותך לארץ צבי ולעיר הקדש . . . שמענו כמה פעמים שיש שם בני ברית מערבים נחשבים לרשעים גמורים מוסרים מפורסמים והם מורדים ומבלבלים האשכנזים שהם שומרי תורה.

[3]) Овадія да Бертиноро въ описаніи путешествія его стр. 209, 213.

себѣ расположеніе магометанскаго начальства. Они продавали больницы, украшенія синагогъ, книги и даже свитки Торы, продавали ихъ христіанамъ[1]), наживавшимся на этомъ, такъ какъ за свитки изъ Іерусалима платились въ Европѣ большія деньги. Гнетъ іерусалимскихъ старшинъ довелъ одного еврея до того, что онъ принялъ магометанство, а одна мать изъ мести за обиды, причиненныя соплеменниками ея сыну, отдала свой домъ въ переднемъ дворѣ большой синагоги на постройку мечети. Магометанское начальство немедленно вступило во владѣніе мѣстомъ, а, когда мечеть была готова, оно объявило, что синагога загораживаетъ ходъ, такъ какъ изъ-за стоящихъ кругомъ еврейскихъ домовъ магометане не имѣютъ доступа къ мечети. Когда за тѣмъ домъ одного еврея случайно обвалился и открылъ проходъ, магометане рѣшились запретить перестройку его. Все это привело къ процессу и ожесточенному спору, и, въ концѣ концовъ, по наущенію шейха, синагога была разрушена (1473—1475). Такимъ образомъ коренные евреи вкусили горькій плодъ своей заносчивости. Но такъ какъ въ то время на Востокѣ, какъ и въ христіанской Европѣ, можно было добиться за деньги всего, что угодно, то іерусалимскіе старшины выхлопотали у султана пересмотръ дѣла въ Каиро; нѣкоторые судьи и шейхъ были наказаны, а разрушенный еврейскій храмъ разрѣшено было возстановить. Благодаря этому, передъ алчными „старшинами" открылся настоящій золотой рудникъ. На востокъ и западъ разосланы были послы для сбора денегъ на постройку синагоги въ священномъ городѣ, и большая часть денегъ переходила въ собственные карманы старшинъ. Въ случаѣ смерти еврейскаго пилигрима въ Іерусалимѣ, старшины, подъ мнимымъ предлогомъ покрытія расходовъ на постройку, наслѣдовали его и дѣлились съ пашей. Въ случаѣ заболѣванія эмигранта въ Іерусалимѣ, друзья его и сосѣди не смѣли даже посѣтить его, такъ какъ имъ угрожала опасность подвергнуться обвиненію въ ограбленіи больного, а это наказывалось палочными ударами или смертью[2]). Безсовѣстные поступки іерусалимскихъ старшинъ разогнали лучшихъ жителей города, которые чувствовали, что ихъ непріятныя увѣщанія или даже скрытое недовольство вовлекутъ ихъ въ опасность. Изъ страха передъ доносами вынужденъ былъ оставить, управляемый разбойниками, священный городъ такой выдающійся человѣкъ, какъ *Натанъ Шалалъ* изъ Верберіи, богатый, благочестивый, ученый и старый; онъ былъ выбранъ въ Египтѣ верховнымъ равиномъ (нагидъ) всѣхъ общинъ[3]). Когда сердечный и милѣйшій проповѣдникъ, *Овадія да-Бертиноро*, прибылъ въ Египетъ (1488), чтобы удовлетворить своему страстному желанію увидѣть Святую землю, Натанъ настойчиво увѣщевалъ его не ѣхать въ этотъ разбойничій вер-

[1]) Т. же 209, 214. [2]) Т. же 214. [3]) Т. же стр. 209.

тем, Іерусалимъ. Но Овадія, вооруженный мужествомъ мученика, не далъ себя уговорить. Онъ также былъ счастливъ сообщить, что по прибытіи въ Іерусалимъ ни туземные евреи, ни старшины не причинили ему вреда[1]). При этомъ онъ выразилъ сомнѣніе, будетъ ли такъ дальше. Но и дальше не могло быть плохо, потому что Овадія да-Бертиноро своимъ кроткимъ характеромъ, трогательнымъ голосомъ и краснорѣчіемъ обезоружилъ злобу безсовѣстныхъ людей. Община съ благоговѣніемъ прислушивалась къ его проповѣдямъ, которыя постепенно проникали въ самую душу слушателей. Старшины выказали по отношенію къ нему нѣчто вродѣ раскаянія и съ тѣхъ поръ обращались менѣе жестоко съ пришельцами [2]).

Между тѣмъ на постройку синагоги и на поддержку іерусалимскихъ бѣдняковъ все еще повсюду собирались деньги разъѣзжающими послами. Одинъ изъ нихъ, по имени *Моисей Двадцать-четыре*, заѣхалъ въ Константинополь, прося у великаго раввина, Моисея Капсали, разрѣшенія побудить богачей, путемъ проповѣдей въ турецкихъ общинахъ, къ жертвованіямъ въ пользу Іерусалима. Но, такъ какъ турецкій султанъ, Баязетъ II, велъ въ это время войну съ египетскимъ халифомъ, Мелекомъ Эшрефомъ Каитбаемъ (1487—1488), и вывозъ денегъ изъ Турціи въ египетскія провинціи и, слѣдовательно, въ Палестину былъ запрещенъ, то Моисей Капсали не смѣлъ и не могъ поддержать денежный сборъ въ пользу Іерусалима. Безъ рекомендаціи великаго раввина іерусалимскій посолъ не встрѣтилъ участія въ общинахъ и потому былъ раздраженъ. Хотя Моисей Капсали въ другихъ отношеніяхъ всячески ему покровительствовалъ и далъ удовлетвореніе, когда молодой проповѣдникъ, *Илія Мизрахи*, однажды велѣлъ ему сойти съ каѳедры, тѣмъ не менѣе Моисей Двадцать-четыре присоединился къ интриганамъ, дѣйствовавшимъ противъ хахама Капсали. Четыре коварныхъ и безсовѣстныхъ человѣка; *Илія* староста (Parnas?), *Аронъ б.-Абайи*, *Исаакъ Алтирно* и *Ашеръ* изъ Кельна возбудили противъ него тяжкія обвиненія въ томъ, будто онъ прибѣгаетъ при рѣшеніи брачныхъ дѣлъ къ легкомысленнымъ нововведеніямъ. Пункты обвиненія были слѣдующіе: молодая дѣвушка, обрученная съ молодымъ человѣкомъ чрезъ врученіе имъ ей смоквы, получила разрѣшеніе выйти за другого безъ разводнаго листа, а первое обрученіе было найдено недѣйствительнымъ, такъ какъ Капсали постановилъ, что бракъ долженъ заключаться лишь при десяти свидѣтеляхъ; онъ освободилъ бездѣтную жену выкреста отъ обязанности выйти за своего шурина; онъ въ одномъ разводномъ листѣ назвалъ разведеннаго мужа неизвѣстнымъ его именемъ, вмѣсто извѣстнаго, и тѣмъ

[1]) Т. же 213, 220, 223.
[2]) Т. же 213.

формально уничтожилъ силу развода; наконецъ, онъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, объявилъ свободною невѣсту человѣка, перешедшаго въ христіанство. Всѣ эти обвинительные пункты четверо противниковъ Капсали изложили въ посланіи, которое они передали іерусалимскому сборщику денегъ съ порученіемъ вручить его Іосифу Колону въ Италіи. Они снабдили его еще устными свѣдѣніями, имѣвшими цѣлью оклеветать Капсали и возстановить противъ него Колона, извѣстнаго, какъ пылкій ревнитель религіи.

Все это, однако, было не чѣмъ инымъ, какъ сплетеніемъ самой низкой лжи. Тѣмъ не менѣе, какъ только Моисей Двадцать-четыре вручилъ Іосифу Колону посланіе, онъ сейчасъ же повѣрилъ заявленію подписавшихся четырехъ лицъ, полагаясь на ихъ имена, принадлежавшія, какъ ему описали, почтеннымъ людямъ. Съ присущей ему пылкостью и яростью обрушился онъ въ своемъ рвеніи на Капсали, какъ будто со стороны послѣдняго іудаизму угрожали величайшія опасности. Онъ разослалъ циркуляръ (1488 г.), въ которомъ изображалъ Капсали, какъ человѣка невѣжественнаго, позорящаго равинское званіе, и призывалъ всѣ четыре константинопольскія общины (старую византійскую, негропонтскую, нѣмецкую и итальянскую) отказать ему въ повиновеніи и въ равинскомъ санѣ, „такъ какъ онъ многихъ вводитъ въ грѣхъ, даетъ поводы къ соблазну и оскверняетъ имя Божіе". Іосифъ Колонъ угрожалъ отлученіемъ всѣмъ за одно лишь титулованіе Капсали „равиномъ". Этотъ, отрѣшающій отъ равинскаго званія, декретъ, направленный итальянскимъ, равиномъ противъ своего коллеги въ Турціи, былъ, во всякомъ случаѣ, посягательствомъ на самостоятельность общинъ даже въ томъ случаѣ, если бы обвиненія имѣли основанія. Но кто же долженъ былъ привезти въ Константинополь посланіе и обнародовать его? Самъ посолъ держалъ его въ карманѣ почти два года и не осмѣлился публично выступить съ нимъ. Когда же оно, наконецъ, попало въ руки Капсали, онъ самъ пригласилъ къ себѣ членовъ общинъ и прочелъ имъ его. Слушатели были охвачены величайшимъ негодованіемъ противъ этой безосновательной клеветы и жалобы на ихъ незапятнаннаго, уважаемаго и добросовѣстнаго великаго равина. Виновники клеветы, какъ передаютъ, уже умерли во время чумы. Капсали написалъ Колону возраженіе, въ которомъ онъ, въ сознаніи своей оскорбленной невинности, не пожалѣлъ рѣзкихъ словъ. Такъ какъ Колона трудно было убѣдить, что обвиненія основаны на одной лишь лжи и что онъ послужилъ лишь орудіемъ злоупотребленія въ рукахъ злобныхъ интригановъ, то вначалѣ онъ настаивалъ на своемъ рѣшеніи. Дѣло поэтому получило огласку и произвело повсемѣстно тяжелое впечатлѣніе. На защиту Капсали, тяжко оскорбленна-

го, поднялись не только именитѣйшіе евреи въ Константинополѣ, но и самые значительные равины Италіи и Германіи: *Іуда Менцъ* въ Падуѣ, три ученыхъ брата *Дель-Медиго* (*Элкана* въ Кандіи, *Моисей*, впослѣдствіи переѣхавшій въ Іерусалимъ, и *Илія*), затѣмъ *Яковъ Марголесъ*, нюренбергскій равинъ, и другіе; всѣ они свидѣтельствовали, что Капсали отличается безупречнымъ характеромъ, примѣрной религіозностью и глубокими талмудическими познаніями, и безпощадно порицали поведеніе Колона.

Такъ какъ Колонъ вступилъ въ борьбу не изъ-за честолюбія или страсти къ диспутамъ, а изъ чистаго рвенія къ мнимо-оскорбленной религіи, то онъ, въ концѣ концовъ, поколебался и, какъ только убѣдился въ своей несправедливости по отношенію къ Капсали, открыто покаялся. Будучи на смертномъ одрѣ (1490 г.), онъ послалъ своего сына, *Переца Колона*, въ Константинополь, съ просьбою о прощеніи за обиду, чтобы не уйти въ другой міръ съ такимъ тяжелымъ грѣхомъ. Капсали былъ настолько великодушенъ, что забылъ обиду и не только отнесся съ теплымъ участіемъ къ сыну своего обидчика (какъ поступилъ нѣкогда Алфаси относительно сына своего противника, Албаліи), но и отзывался всегда съ глубокимъ почтеніемъ о Іосифѣ Колонѣ. Вотъ какія добродѣтели украшали духовныхъ вожаковъ евреевъ въ эту эпоху, когда христіанскіе пастыри въ бѣшенствѣ изливали ядъ, настоящій ядъ, другъ на друга. Еще чаще изливали они его на тѣхъ, изъ священныхъ писаній которыхъ они черпали одну лишь ненависть, а не гуманность. Когда изувѣрство въ соединеніи съ хищничествомъ загнало на чужбину испанскихъ и португальскихъ евреевъ, и они устремились въ открытые для нихъ вольные города Италіи и Турціи, то францисканскій монахъ, Бернардинъ де-Фелтръ, стоялъ въ гаваняхъ, подобно свирѣпому чудовищу, чтобы помѣшать дружелюбному пріему потерпѣвшихъ крушеніе несчастныхъ [1]).

[1]) Acta Sanctorum сентябрь, т. VII стр. 375.

ГЛАВА XII.

Инквизиція въ Испаніи.

Мараны, ихъ приверженность къ іудаизму и ихъ непобѣдимое отвращеніе къ христіанству. Доминиканцы жаждутъ человѣческихъ жертвъ; Алонсо де-Оіеда, Діего де-Мерло и Педро де-Солисъ. Катехизисъ для марановъ. Полемическое сочиненіе противъ католицизма и деспотизмъ правительства благопріятствуютъ введенію инквизиціи. Учрежденіе судилища. Мигуэль Морильо и Педро-де Санъ-Мартинъ, первые инквизиторы. Маранъ-поэтъ Монторо Роперо. Первое судилище инквизиціи въ Севильѣ. Статьи для распознаванія отступниковъ еретиковъ. Процесія ауто-да-фе. Число обвиненныхъ и казненныхъ. Папа Сикстъ IV вначалѣ за инквизицію, потомъ противъ нея; непостоянство его въ мѣрахъ кротости и строгости. Инквизиція при Томасѣ Торквемадѣ, первомъ генералѣ инквизиціи; его постановленія. Мараны въ Арагоніи. Заговоръ противъ инквизитора Арбуеса. Его смерть навлекаетъ бѣдствія на марановъ. Гоненія на заговорщиковъ и ихъ покровителей. Возрастаніе числа жертвъ. Процесъ противъ двухъ епископовъ іудейскаго происхожденія, Де-Авилы и Аранды. Еврейская кровь въ жилахъ испанскаго дворянства.

(1474—1492).

Одинъ еврейскій поэтъ[1]) назвалъ Испанію *адомъ для евреевъ*. И дѣйствительно, ядовитые „калибаны“ *) въ монашеской рясѣ, изобрѣтатели инквизиціи, превратили эту прекрасную страну въ адъ. Эти изверги въ облаченіи смиренія причинили евреямъ Пиринейскаго полуострова всевозможныя бѣдствія, всѣ трагическія страданія, доступныя только чрезмѣрной фантазіи поэта, всѣ виды горя, потрясающіе человѣческую душу до сокровенной глубины ея. И эти калибаны говорили: „Сожгите только ихъ книги, потому что въ нихъ сила ихъ“. Не только тѣло, но и душу евреевъ хотѣли убить доминиканцы. Разумѣется, жизнь іудаизма они не могли убить; имъ удалось только постепенно превратить райскую страну, Испанію, въ огромную тюрьму, въ которой самъ король лишенъ былъ свободы. Инквизиціонное судилище, созданное монахами, нанесло евреямъ глубокія, но не неизлѣчимыя раны. Онѣ нынѣ почти зарубцевались. Испанія же и по сей еще день болѣетъ отъ ранъ, нанесенныхъ ей инквизиціей. *Фердинандъ Католикъ* и *Изабелла Благочестивая*, которые, благодаря соединенію Кастиліи и Арагоніи и открытію Америки, положили основаніе къ возвеличенію Испаніи, въ то же время, создавъ инквизиціонное судилище, внесли въ нее начала гибели и гніенія.

Новохристіане, тысячи которыхъ жили въ королевствахъ Кастиліи и Арагоніи, не давали спать монахамъ. Многіе изъ этихъ новохристіанъ,

[1]) Самуилъ Уске.

*) Въ „Бурѣ“ Шекспира Калибанъ—получудовище-получеловѣкъ. *Ред.*

несмотря на гоненія и на отвращеніе къ нимъ старохристіанъ (стр. 191), были важными сановниками на государственной службѣ и въ церконой іерархіи въ Толедѣ и Кордовѣ, въ Кастиліи, а еще больше въ Арагоніи, пріобрѣли, благодаря своимъ богатствамъ, большое вліяніе на руководящія сферы и породнились съ фамиліями высшаго дворянства [1]). Новохристіане составляли третью часть городскихъ жителей, были образованы, прилежны и подвижны. Многіе мараны, въ тайникахъ сердца, сохранили свою любовь къ іудаизму и своему народу. Даже тѣ, которые отъ знакомства съ философскими принципами, относились къ іудаизму безразлично, питали непобѣдимое отвращеніе къ христіанству, которое, по принужденію, ихъ уста должны были публично признавать. Если они и не совершали надъ своими дѣтьми обряда обрѣзанія (стр. 187), а, наоборотъ, приносили ихъ къ купели, они все же пренебрегали церковными обрядами и таинствами болѣе или менѣе скрытнымъ образомъ. Евреи, уважавшіе религіозныя воззрѣнія своихъ отпавшихъ соплеменниковъ, помогали имъ въ выполненіи законовъ вѣры. Въ глазахъ католическаго духовенства большинство марановъ, если не всѣ, были іудействующими христіанами или еретиками-отступниками. На происхожденіе ихъ обращенія, добытаго огнемъ и мечомъ, оно не обращало вниманія; разъ они воспріяли таинство крещенія, то этимъ самымъ они и ихъ потомство осуждались на пребываніе въ христіанской вѣрѣ, какое бы отвращеніе они ни питали къ ней. Разумное законодательство предоставило бы имъ свободу вернуться къ іудаизму или, во всякомъ случаѣ принудило бы ихъ къ выселенію во избѣжаніе соблазна. Но представители церкви понимали тогда все навыворотъ. Вѣра, которая обусловливается полнѣйшей свободой души, добывалась насиліями къ вящей славѣ Божіей.

Возникшій съ различныхъ сторонъ планъ, вначалѣ по инииціативѣ Жуана II или, скорѣе, Алваро де-Луна, объ учрежденіи судилища противъ еретиковъ (стр. 155), не получилъ при слабомъ королѣ Генрихѣ IV опредѣленной обработки, тѣмъ болѣе, что формулировка вопроса не шла дальше требованія передать дѣло инквизиціи въ руки епископовъ, между тѣмъ какъ епископскую должность занимали многіе мараны, и потому дѣло вяло подвигалось впередъ или вовсе не шло. Тогда планъ былъ подхваченъ доминиканцами, которые и занялись имъ со свойственнымъ этому ордену пламеннымъ усердіемъ и настойчивымъ упрямствомъ. Они стремились къ тому, чтобы судилище состояло изъ членовъ ихъ ордена и было независимо отъ епископовъ. Этимъ они намѣревались доставить своему ордену силу и превосходство надъ другими, а вмѣстѣ съ тѣмъ добиться права требовать къ суду и высокопоставленныхъ іерарховъ. Отъ новой королевской четы доминиканцы ожидали большой помощи своему

[1]) Амадоръ III стр. 237.

предпріятію, такъ какъ Изабеллу исповѣдники превратили въ свою рабу, а Донъ-Фернандо, хотя не былъ чрезмѣрно преданъ церкви, охотно скрывалъ свою алчность подъ мантіей религіи. Говорятъ, что исповѣдникъ, *Томасъ де-Торквемада*, однажды вынудилъ инфанту Изабеллу дать обѣтъ посвятить свою жизнь истребленію еретиковъ во славу Божію и возвеличенію католической религіи, когда она достигнетъ престола[1]). Теперь она, наконецъ, стала королевой, „и тронъ ея былъ проченъ". Умъ ея былъ достаточно омраченъ, чтобы думать: „Богъ ее возвысилъ только для того, чтобы очистить христіанскую Испанію отъ пятна іудаизма". Пріоръ доминиканскаго монастыря въ Севильѣ, *Алонсо де-Оіеда*, къ словамъ котораго королевская чета неизмѣнно прислушивалась, представилъ ей страшную картину оскверненія религіи новохристіанами. Онъ разсказалъ, что рыцарь, остановившійся въ домѣ маранской семьи, замѣтилъ, какъ многіе новохристіане, на Страстной пятницѣ, оскверняли религію и даже распяли ребенка. Папскій нунцій въ Испаніи, *Николо Франко*, поддерживалъ предложеніе монаховъ объ учрежденіи чрезвычайнаго судилища, которое призвало бы къ отвѣту новохристіанъ за ихъ проступки. Донъ-Фернандо согласился на это предложеніе, не долго размышляя, такъ какъ предвидѣлъ, что его касса обогатится, благодаря конфискаціямъ имѣній осужденныхъ; мнительная же королева колебалась. Королевская чета обратилась съ запросомъ къ папѣ Сиксту IV, а двое пословъ при римскомъ дворѣ, братья *Фрацискъ* и *Діего де-Сантиляна*, подготовляли папу и коллегію кардиналовъ къ выполненію желанія своихъ монарховъ. Сикстъ, у котораго за деньги можно было добиться всего, хорошаго и злого, тоже взглянулъ на дѣло со стороны матеріальной выгоды, издалъ соотвѣтственную буллу (1-го ноября 1478 г.[2]) и уполномочилъ королевскую чету избрать изъ среды епископовъ, бѣлаго и чернаго духовенства, чрезвычайныхъ инквизиторовъ для истребленія еретиковъ и вѣроотступниковъ, для преданія суду и осужденія ихъ покровителей. Страннымъ кажется то обстоятельство, что королевская чета пропустила почти два года прежде, чѣмъ воспользоваться этой буллой, удовлетворявшей ихъ сокровенное желаніе.

Изабелла, на которую вліяли и голоса, говорившіе въ пользу новохристіанъ, не желала, какъ кажется, сейчасъ же прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ; она раньше испробовала путь кротости. По ея порученію, архіепископъ Севильи, кардиналъ *Педро Гонзалезъ Мендоза*, выработалъ катехизисъ для употребленія его новохристіанами (1478) и пере-

[1]) Zurita Annales de Aragon IV стр. 323.

[2]) Эту буллу Фидель Фита открылъ и сообщилъ въ Boletin de la Rea Academia de la historia 1889 т. XV, стр. 449—452.

далъ его духовенству своихъ епархій для обученія марановъ принципамъ вѣры, религіознымъ обрядамъ и таинствамъ. Мысль о томъ, что крещеные евреи, благодаря сухому катехизису, откажутся отъ ежедневно выроставшей антипатіи къ христіанству, была, конечно, достойной удивленія наивностью. Многіе мараны, естественно, такъ и остались въ своемъ ослѣпленіи, по воззрѣніямъ церкви, т. е. въ своемъ чистомъ познаніи божества и въ преданности родной религіи. Но, когда однажды новохристіанинъ оскорбилъ королевскую чету изданіемъ небольшого произведенія, въ которомъ онъ одновременно заклеймилъ католицизмъ съ его идолопоклонническимъ культомъ и государственное правленіе съ его деспотическимъ характеромъ, королева стала все болѣе склоняться на предложеніе учредить кровавое судилище[1]). Это сочиненіе произвело такое сильное впечатлѣніе, что исповѣдникъ королевы, *Фернандо де-Талавера* (іудейскаго происхожденія), впослѣдствіи епископъ Гранады, написалъ, по высочайшему приказанію, опроверженіе. Настроеніе двора противъ новохристіанъ становилось все враждебнѣе. Поэтому, когда комисія, назначенная королевской четой для донесенія объ исправленіи или упорствѣ марановъ, заявила, что мараны неисправимы, королевская чета одобрила учрежденіе инквизиціоннаго судилища и назначила членовъ его (7 сентября 1480 г.). Въ составъ судилища вошли люди, вполнѣ достойные выполнять его кровавый кодексъ: два доминиканца, *Мигуэль Морильо*, дотолѣ инквизиціонный судья въ русильонскомъ округѣ и испытанный спасатель еретическихъ душъ помощью застѣнка, и *Жуанъ де-Санъ-Мартинъ;* затѣмъ асистентъ, абатъ *Жуанъ Рюицъ*; наконецъ, фискальный прокураторъ, *Жуанъ Лопецъ дель Барко*. Они были утверждены папой, Сикстомъ IV, въ качествѣ духовныхъ судей еретиковъ[2]). Это первое судилище противъ марановъ было учреждено прежде всего въ Севильѣ и ея окрестностяхъ, такъ какъ эта мѣстность стояла подъ непосредственною королевской властью и не имѣла кортесовъ, а мараны здѣсь жили въ значительномъ числѣ. Три недѣли спустя королевская чета дала предписаніе соотвѣтственнымъ чиновникамъ поддерживать инквизиторовъ всѣми средствами. Въ то же время назначенъ былъ высокопоставленный сановникъ, *Діего де-Мерлве*, для конфискаціи имущества осужденныхъ.

Интересно замѣтить, что населеніе было недовольно введеніемъ судилища противъ еретиковъ съ самаго момента, какъ оно узнало объ этомъ, какъ будто предчувствуя, что оно и само можетъ запутаться въ сѣти, раскинутыя для крещеныхъ евреевъ. Раньше кортесы Медины дель-Кампо сами предложили учредить судилище противъ новохристіанъ; состоявшійся же въ томъ же году въ Толедѣ многочисленный сеймъ, первый

[1]) Амадоръ III. 241. [2]) Т. же 247.

со времени воцаренія Фернандо и Изабеллы и тотъ самый, который новыми законоположеніями преобразовалъ общественныя отношенія, обошелъ этотъ вопросъ полнѣйшимъ молчаніемъ, какъ бы желая уклониться отъ всякаго участія въ столь гибельномъ дѣлѣ. Страхъ, наведенный на марановъ этими духовными судьями, извѣстными своею безпощадной жестокостью (они сейчасъ же проявили свою дѣятельность требованіемъ къ суду и заключеніемъ въ тюрьму подозрительныхъ и богатыхъ новохристіанъ), побудилъ многихъ несчастныхъ въ Севильѣ, Кордовѣ, Толедѣ и другихъ мѣстахъ спастись бѣгствомъ. Число бѣжавшихъ, какъ говорятъ, достигло 8000 [1]). Они отдались подъ защиту дона *Родриго Пеце де-Леонъ*, маркиза кадикскаго, игравшаго блестящую роль въ войнахъ съ магометанами. Маркизъ, какъ и другіе гранды, даже магистры орденовъ въ пограничной области, пріютили у себя бѣглецовъ. Такъ велико было недовольство учрежденіемъ инквизиціи. Но это только удвоило строгость духовныхъ судей. Они угрожали знатному маркизу, какъ и всѣмъ грандамъ, лишеніемъ сана и должностей, возмущеніемъ противъ нихъ подчиненныхъ, если они, къ опредѣленному сроку, не доставятъ бѣглецовъ связанными въ тюрьмы судилища и не арестуютъ ихъ имущества. Чтобы помѣшать бѣгству оставшихся, инквизиторы поставили стражу у городскихъ воротъ, угрожая немедленной смертью бѣглецамъ, которые будутъ схвачены.

Настроеніе марановъ, даже тѣхъ, которые отвернулись отъ іудаизма и вели безупречную христіанскую жизнь, наглядно изображается поэтомъ еврейскаго происхожденія, послѣднимъ испанскимъ трубадуромъ, *Антономъ де Монторо Роперо*, носившимъ кличку „злобнаго когена“, данную ему, послѣ крещенія, его противниками. Поэтъ этотъ осмѣлился сдѣлать королевѣ въ своихъ стихахъ представленія по поводу строгостей противъ новохристіанъ. Въ стихотвореніи его замѣчается и сатирическое жало [2]).

Ахъ, Роперо скорбный, тебя
Не мучитъ ли жгучая боль?
Шестьдесятъ лѣтъ тебѣ ужъ
. . . . ;
Ты Творцомъ своимъ не клялся,
„Символъ“ ревностно читалъ,
И куски свиного мяса
Безъ брезгливости ѣдалъ;
Слушалъ обѣдню и молился,
Не снималъ съ себя креста,
Но ничто съ тебя не сняло
Слѣда крещенаго жида!

Я закатывалъ глаза,
И на Пасху я на дняхъ
Слушалъ въ церкви съ умиленьемъ
О Господнихъ страстяхъ.
Я молился о прощеньи,
Но позорное имя „жидъ“
И сейчасъ, какъ въ дни былые,
На Роперо все лежитъ.
Королева грозной власти,
Ты не жги еретиковъ!
Ждетъ Спаситель покаянья
Отъ заблудшихся сыновъ. . .

[1]) Т. же 250.

[2]) Montoro Poesias varias у Кайзерлинга, Sephardim стр. 91.

Между тѣмъ именитые севильскіе новохристіане собрались на совѣтъ, чтобы отвести направленный на нихъ ударъ [1]). Главными вожаками ихъ въ Севильѣ и ея предмѣстьяхъ были: *Діего де-Сусанъ*, который, какъ говорятъ, обладалъ десятью милліонами мараведи, *Бенедева*, сынъ котораго былъ каноникомъ и церковнымъ старостой, *Жуанъ Фернандо Аболафіо*, ученый верховный судья и главный сборщикъ королевскихъ пошлинъ; затѣмъ были многіе судьи, судебные старшины, полицмейстеры. Такъ какъ они пользовались любовью народа и имѣли власть и деньги, то они сговорились, въ случаѣ, если инквизиторы и ихъ сыщики захотятъ ихъ арестовать, выйти со своими людьми, поднять народъ, напасть на своихъ враговъ и убить ихъ. Съ этой цѣлью они тайно роздали оружіе и деньги и сговорились на счетъ плана нападенія. Но заговоръ былъ открытъ прекрасною дочерью Сусана, имѣвшею любовную связь со старохристіанскимъ рыцаремъ, которому она довѣрила тайну [2]). Прекрасная дѣвушка, какъ ее всѣ называли, дала кровавому судилищу случай сейчасъ же открыть свою дѣятельность. Многіе заговорщики были арестованы, а вмѣстѣ съ ними богатые и знатные мараны, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ. Другіе, въ значительномъ числѣ, бѣжали въ сосѣдній магометанскій городъ, Гранаду, въ Португалію и даже въ Римъ, чтобы при дворѣ папы дѣйствовать противъ кроваваго судилища. Съ арестованными инквизиціонные судьи обращались безпощадно. Какъ только судилище организовалось въ севильскомъ монастырѣ св. Павла (2-го января 1481 г.) и выпустило воззваніе о выдачѣ бѣглыхъ марановъ и наложеніи ареста на ихъ имущество, высшее и низшее дворянство, повидимому, поспѣшило задержать и отправить въ Севилью несчастныхъ, которыхъ они не задолго передъ тѣмъ взяли подъ свою защиту. Число арестованныхъ новохристіанъ было такъ велико, что суду пришлось озаботиться пріисканіемъ другого помѣщенія для своихъ функцій, тѣмъ болѣе, что монастырь не былъ достаточно укрѣпленъ и могъ подвергнуться нападенію марановъ и ихъ друзей. Судъ выбралъ для себя замокъ въ Тріанѣ, предмѣстьѣ Севильи. Главный входъ этого кроваваго мѣста впослѣдствіи украсился, нѣкоторымъ образомъ ради насмѣшки надъ евреями, надписями изъ слѣдующихъ стиховъ св. Писанія, чѣмъ характеризуется полное бездушіе судей: „Возложи на Господа бремя твое!" *), „Ловите намъ лисицъ!" [3] **). Съ захваченными бѣглецами обращались, какъ съ уличенными еретиками. Уже на четвертый день, съ момента учрежденія инквизиціи, судилище приступило къ первому кро-

[1]) Амадоръ 249. [2]) Т. же

[3]) Zuniga, Annales de Sevilla III стр. 398.

*) Псалмы, LV, 23. **) Пѣснь пѣсней II, 15. *Ред.*

вавому акту. Шесть марановъ, признавшихъ передъ судьями свою старую вѣру или давшихъ подъ пыткою ужасныя показанія, и пять изъ захваченныхъ заговорщиковъ были осуждены и сожжены на кострѣ [1]). Съ каждымъ днемъ число жертвъ росло, такъ что городъ Севилья долженъ былъ уступить инквизиціи площадь (Tablada) для постоянныхъ костровъ. Впослѣдствіи она получила названіе „пепелище“ (el Quemadero). Четыре безобразныя статуи пророковъ указываютъ это мѣсто, которое къ стыду Испаніи сохранилось еще понынѣ.

Въ теченіе трехъ столѣтій слишкомъ можно было видѣть это страшное зрѣлище, какъ подымался къ небу дымъ отъ обуглившихся тѣлъ невинныхъ. Первое кровавое дѣло, названное безсердечными жрецами Молоха „актомъ вѣры“ (auto da fé), было освящено торжественною процесіею, а освятительную рѣчь произнесъ фанатическій доминиканецъ, пріоръ Алонсо де-Оіеда. Чума, которая вскорѣ послѣ того свирѣпствовала въ Севильѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Испаніи, правда, вынудила кровавыхъ жрецовъ оставить городъ; однако она не прекратила ихъ работы. Ибо въ городкѣ *Араценъ*, куда они переселились, они также раскладывали костры и сожгли двадцать три марана [2]). Вернувшись въ Севилью, они снова сожгли на площади Квемадеро (26 марта) семнадцать новохристіанъ, сознавшихся въ тайной преданности іудаизму; между ними были трое лицъ изъ бѣлаго духовенства, пять монаховъ и одинъ видный проповѣдникъ, по имени *Сабаріего* [3]). До начала ноября, т. е. едва въ теченіе одного года, въ одной Севильѣ погибли на кострѣ 280 марановъ [4]). Среди нихъ были такіе, которые до послѣдняго мгновенія оставались вѣрными іудаизму и не отрицали своего отпаденія отъ церкви. Удивительная вѣрность и постоянство! Ибо это были внуки тѣхъ, которые перешли въ христіанство при рѣзнѣ 1391 г. или при массовомъ крещеніи во времена Виценте Ферера.

Впрочемъ, смерть еще не была гарантіей противъ ярости святой инквизиціи. Сыщики религіи вырывали изъ могилъ кости новохристіанъ, іудействовавшихъ передъ смертью [5]), отбирали имущество изъ рукъ ихъ наслѣдниковъ, осуждали послѣднихъ на позоръ и бѣдность, такъ что они лишались права когда-либо занимать почетную должность. Передъ алчнымъ королемъ раскрылся огромный просторъ для дѣятельности. Въ случаѣ, если нельзя было иначе прицѣпиться къ какому-нибудь богатому наслѣднику, стоило только привести доказательства, что его покойный отецъ іудействовалъ, и его имущество переходило частью въ королевскую каз-

[1]) Амадоръ 250. [2]) Т. же 251. [3]) Т. же.
[4]) Т. же 152. [5]) Т. же.

ну, частью въ пользу инквизиціоннаго судилища. Если же мараны убѣгали, то сжигались ихъ изображенія.

Это ужасное кровавое дѣло, само собою разумѣется, подняло въ Испаніи много шуму и, въ особенности, возбудило страхъ и ужасъ въ сердцахъ всѣхъ новохристіанъ. Никто не былъ обезпеченъ отъ обвиненій и осужденія. Однако были еще христіане съ человѣческимъ сердцемъ, которыхъ эти жестокости привели въ негодованіе. Выдающійся историкъ, *Фернандо де-Пулгаръ*, порицалъ такую безпощадную ярость. Благодаря этому возникла мысль о предоставленіи маранамъ срока, въ теченіе котораго они могли бы добровольно сознаться въ своей винѣ, вымолить прощеніе церкви и тѣмъ самымъ избѣгнуть сыска и смерти.

Въ виду этого Мигуэль Морильо и его товарищи заговорили въ томъ общеизвѣстномъ медоточивомъ тонѣ, который подъ голубиной кротостью такъ ловко скрываетъ змѣиную мудрость и змѣиный ядъ; они потребовали (въ іюлѣ 1482 г.) отъ новохристіанъ, виновныхъ въ отступничествѣ, добровольно явиться къ извѣстному сроку въ инквизицію, за что они получатъ разрѣшеніе отъ грѣховъ и удержатъ за собою свое имущество. Это былъ *актъ милосердія*, который въ то же время заключалъ и угрозу: въ случаѣ, если мараны пропустятъ срокъ и будутъ уличены въ отступничествѣ, къ нимъ будетъ примѣненъ со всею строгостью каноническій законъ о ереси и отступничествѣ. Легковѣрные въ большомъ числѣ подчинились этому призыву, предстали, сокрушенные, предъ кровожадными судьями, сознались въ своихъ страшныхъ грѣхахъ, въ томъ, что они іудействовали, и надѣялись на отпущеніе грѣховъ и на безопасное существованіе. Но инквизиторы поставили имъ предварительное условіе выдать всѣхъ извѣстныхъ имъ іудействующихъ отступниковъ съ указаніемъ именъ, сословія, жилища и др. подробностей. Показанія эти должны были даваться подъ присягой. Отъ нихъ требовали, во имя Бога, сдѣлаться доносчиками и предателями: другъ долженъ былъ предать друга, братъ брата, сынъ отца. Страхъ и увѣреніе въ сокрытіи имени предателей передъ ихъ жертвами развязывали у малодушныхъ языкъ, и судилище получало списокъ еретиковъ, благодаря которому оно могло продолжать свое кровавое ремесло. Оно и продолжало его въ теченіе свыше трехъ столѣтій [1]).

Однако инквизиторы требовали предательства не только отъ преслѣдуемыхъ марановъ, но и отъ всѣхъ испанцевъ. Во избѣжаніе тяжкаго отлученія всякій долженъ былъ, въ теченіе трехъ дней, донести на всѣхъ знакомыхъ ему лицъ, виновныхъ въ іудейской ереси и въ отпаденіи въ

[1]) Послѣдній костеръ для сожженія еретиковъ былъ въ Севильѣ въ 1781 г. Въ 1808 г. Наполеонъ отмѣнилъ инквизицію закономъ.

іудейство. Это былъ призывъ къ отвратительнѣйшимъ человѣческимъ страстямъ, ко вступленію въ союзъ съ судилищемъ, къ злобѣ, ненависти и мщенію для удовлетворенія себя доносами, призывъ къ алчности, чтобы обогатить себя, призывъ къ религіозному слабоумію для достиженія блаженства путемъ предательствъ. Каковы же были признаки ереси или отступничества? Чтобы каждый доносчикъ зналъ, чего держаться, инквизиція, которой нельзя было отказать въ практичности, составила длинный списокъ признаковъ, именно: если крещеные евреи надѣялись на пришествіе Мессіи; если они полагали, что Моисеевъ законъ столь же дѣйствителенъ для спасенія души, какъ и законъ Іисуса; если они праздновали субботу или другой еврейскій праздникъ; если они совершали обрядъ обрѣзанія надъ своими дѣтьми; если соблюдали религіозныя предписанія относительно пищи; если кто-либо носилъ въ субботу чистую сорочку или лучшую одежду, накрывалъ столъ скатертью, не зажигалъ въ этотъ день огня; если ходилъ въ Судный день безъ обуви или просилъ у другого прощенія, или отецъ клалъ свои руки на голову сына, не сотворяя при томъ креста; далѣе, если кто-либо при молитвѣ обращался лицомъ къ стѣнѣ или двигалъ при этомъ головой, произносилъ благословеніе надъ бокаломъ съ виномъ (Baraha, Beracha) и давалъ вкушать отъ него сотрапезникамъ. Само собою разумѣется, что пренебреженіе церковными обрядами было самымъ сильнымъ поводомъ къ подозрѣнію и обвиненію; напр., если новохристіанинъ читалъ псалмы, не заключая ихъ словами „хвала Отцу, Сыну и т. д.", или если онъ ѣлъ мясо въ постъ, если женщина, сорокъ дней послѣ разрѣшенія отъ бремени, не посѣщала церкви, если родители давали своему ребенку еврейское имя. Даже невинные поступки, которые были у евреевъ въ обычаѣ, считались признаками злой ереси. Если кто-либо, въ еврейскій праздникъ кущей, получалъ отъ евреевъ пищу въ видѣ подарка или, наоборотъ, дарилъ ее евреямъ; если онъ купалъ новорожденнаго въ водѣ, бросивъ въ нее золото или хлѣбныя зерна; если умирающій, испуская духъ, поворачивался лицомъ къ стѣнѣ [1]). Люди безъ совѣсти получили удобное руководство для доносовъ, и судилище могло обвинить въ ереси даже самыхъ вѣрныхъ церкви марановъ при желаніи сократить ихъ вліяніе или воспользоваться ихъ имуществомъ. Покаявшіеся или примирившіеся (reconciliados) подвергались опалѣ и всевозможнымъ мученіямъ церковнаго характера.

Евреи, оставшіеся вѣрны своей религіи, должны были страдать вмѣстѣ съ маранами. Изувѣры инквизиціи взвалили вину „отступничества" новохристіанъ на евреевъ, будто бы соблазнявшихъ ихъ тайно держаться

[1]) 37 пунктовъ о признакахъ іудейской ереси въ Revue des Etudes Juives т. XI стр. 96.

іудаизма. Обыкновенно столь кроткій генералъ іеронимитскаго ордена, *Альфонсъ де-Оропеза*, порицавшій жестокость кроваваго судилища, травилъ евреевъ и устно и письменно, говоря: ихъ сношенія съ маранами породили все это несчастье; они, враги христіанства, совращали въ свою вѣру или въ безвѣріе не только марановъ, но и старохристіанъ, почти открыто губили христіанскихъ дѣвицъ и т. д. Съ различныхъ сторонъ послышались громкія требованія совершенно изолировать марановъ отъ евреевъ. Королевская чета вняла этимъ требованіямъ и повелѣла (1480—81) евреямъ выселиться изъ Андалузіи, въ особенности изъ севильской и кордовской епархій, гдѣ новохристіане жили въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, и поселиться гдѣ-либо въ другихъ областяхъ. Приказъ этотъ сначала выполнялся не строго; еврейскимъ жителямъ этихъ городовъ данъ былъ срокъ къ переселенію. Интересы королевскихъ финансовъ и общаго благосостоянія, которые могли бы пострадать отъ переселенія, снова взяли верхъ. Но мало-по-малу выселеніе все-таки было осуществлено, а именно по требованію инквизиціи. Многія тысячи евреевъ, предки которыхъ жили въ этой странѣ, быть можетъ, еще до переселенія готовъ и ихъ обращенія въ христіанство, должны были оставить ее (1481). Свыше четырехъ тысячъ домовъ, принадлежавшихъ евреямъ, остались частью незаселенными[1]). Въ городахъ внѣ Андалузіи, въ которыхъ имъ разрѣшалось селиться, законъ о полномъ изолированіи ихъ отъ христіанъ и о ношеніи евреями позорнаго значка, законъ, столь часто издававшійся и столь часто пренебрегаемый, теперь соблюдался съ суровою строгостью[2]). Только еврейскимъ врачамъ, безъ которыхъ испанское населеніе не могло обходиться, вопреки часто повторяемымъ запретамъ, позволено было посѣщать христіанскіе дома. Прошло то время, когда вліятельные придворные евреи могли смягчить подобныя жестокія мѣры. При дворѣ тогда находился донъ *Авраамъ Сеніоръ*, весьма популярный, благодаря своему уму, находчивости и богатству. Военныя предпріятія королевской четы противъ магометанскихъ владѣній въ южной Испаніи обязаны были своимъ счастливымъ исходомъ предусмотрительности этого еврея, которую онъ проявилъ въ заботахъ о продовольствіи арміи и денежныхъ средствахъ[3]). Онъ былъ назначенъ, вопреки каноническимъ и королевскимъ повелѣніямъ, главнымъ управляющимъ всѣхъ государственныхъ доходовъ, а королевская чета поставила его великимъ

[1]) По Пулгару и Цуритѣ.

[2]) Хроника Іосифа б.-Цадикъ изъ Аревало:
בשנת רמ״ב התחילו השופטים לחקור כנגד כל האנוסים . . . בזאת השנה צוה המלך בכל מלכותו להבדיל בין ישראל לגוים במגוריהם ובכל מושבותם.

[3]) Амадоръ III. 280, 295.

равиномъ надъ испанскими общинами, въ качествѣ преемника Якова Нунеса. Донъ Авраамъ не разъ обнаруживалъ свое теплое участіе къ судьбѣ своихъ соплеменниковъ. При взятіи испанцами Малаги между плѣнниками оказалось свыше четырехъ сотъ пятидесяти лицъ еврейскаго происхожденія, большей частью женщинъ, а среди нихъ и такія, которыя бѣжали, какъ мараны, изъ Севильи и Кордовы и нашли пріютъ въ томъ городѣ. Королевская чета издала приказъ тутъ же убить отступниковъ. Остальныхъ донъ Авраамъ выкупилъ за 20.000 дублоновъ[1]). Но декретъ о герметической изоляціи евреевъ въ Испаніи онъ не могъ устранить.

Тѣ изъ преслѣдуемыхъ марановъ, которымъ удалось бѣжать въ Римъ, обратились къ тогдашнему папѣ, Сиксту IV, съ мольбою и жалобой на жестокія и произвольныя дѣйствія противъ ихъ товарищей по страданію. Такъ какъ они не явились съ пустыми руками, то мольбы ихъ были услышаны. Папа отправилъ королевской четѣ весьма рѣзкое посланіе (29-го января 1482 г.[2]) и открыто порицалъ дѣйствія инквизиторовъ такъ: его убѣдили въ томъ, что они нарушаютъ всѣ правовыя формы, многіе несправедливо посажены въ тюрьму и подвергнуты жестокимъ пыткамъ, невинные объявлены еретиками, а ихъ наслѣдники лишены своего имущества. Папа объявилъ, что булла объ учрежденіи инквизиціи выпущена имъ необдуманно. Въ сущности слѣдовало бы, замѣчалъ далѣе папа, дать отставку инквизиторамъ Де-Морильо и Санъ-Мартину; однако изъ уваженія къ королевской четѣ онъ соглашается пока оставить ихъ на должности, но не дольше того момента, какъ подымутся на нихъ новыя жалобы; если же это произойдетъ, то онъ передастъ инквизиціонное учрежденіе въ руки тѣхъ, кому оно по праву принадлежитъ. Папа Сикстъ также отклонилъ просьбу короля Фердинанда объ учрежденіи чрезвычайныхъ инквизиціонныхъ судовъ и въ другихъ областяхъ соединеннаго королевства.

Однако это высоконравственное негодованіе было лишь пустымъ лицемѣріемъ. Въ душѣ папа радовался смерти грѣшниковъ, къ которой чрезвычайное инквизиціонное судилище присуждало марановъ, такъ какъ этимъ самымъ уничтожалась самостоятельность епископовъ, которымъ раньше принадлежало право по слѣдственнымъ дѣламъ. Трудно повѣрить, что едва прошли двѣ недѣли со времени посылки негодующей буллы противъ возмутительнаго поведенія первыхъ инквизиторовъ, какъ Сикстъ, по предложенію королевской четы, назначилъ въ своей грамотѣ (11-го февраля 1482 г.) шесть новыхъ инквизиторовъ, потому что прежнихъ двухъ, Де-Морильо и Санъ-Мартина, было недостаточно для искорененія „чумы но-

[1]) Т. же 298.

[2]) Это папское посланіе наход. у Fidel-Fita въ Boletin XV. 459.

вохристіанской секты“ въ королевствѣ Кастиліи и Леонѣ. Этимъ новымъ судьямъ папа внушилъ „основательно вырвать всѣ губительные корни изъ виноградника Господа Саваоѳа и истребить маленькихъ лисицъ“. Среди новыхъ шести инквизиторовъ былъ и кровопійца, *Томасъ де Торквемада*[1]). Въ то же время (17 апрѣля 1482 г.) папа назначилъ инквизиторовъ и для Арагоніи съ ея сопредѣльными мѣстностями и уполномочилъ ихъ, не стѣсняясь правовыми формами, судить потребованныхъ къ отвѣту марановъ. Но эти противозаконныя дѣйствія судилища въ странѣ, гдѣ даже королевскія права были ограничены контролемъ верховнаго судьи (Justicia), возбудили такое недовольство, раздраженіе и столько жалобъ, что самъ Фердинандъ попросилъ папу измѣнить повелѣніе, данное имъ арагонскимъ инквизиторамъ, замѣнивъ его другимъ, соотвѣствующимъ законамъ страны).

Папѣ Сиксту IV такъ пришлась по душѣ истребительная война съ новохристіанами, которую онъ считалъ святымъ дѣломъ въ интересахъ католической церкви, что онъ пожелалъ ввести осужденное имъ раньше жестокое инквизиціонное учрежденіе и въ принадлежавшую Арагоніи Сицилію, гдѣ, конечно, тоже укрывались преслѣдуемые или тайно іудействующіе мараны. Но здѣсь, гдѣ споконъ вѣковъ существовали дружелюбныя отношенія между евреями и христіанами, введенію инквизиціи воспротивилось даже королевское начальство къ великой досадѣ папы (1482—1483).

Въ Кастиліи тоже царило глухое броженіе противъ ежедневно растущаго числа жертвъ инквизиціи. Передавались втихомолку слухи о томъ, что королева потребовала учрежденія инквизиціи вовсе не изъ-за религіозной ревности, а изъ честолюбія и алчности. Папа, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ настроеніемъ, отлично извѣстнымъ ему, и настоять на правомѣрныя дѣйствія по отношенію къ обвиняемымъ, отмѣнивъ возмутительную конфискацію имуществъ сжигаемыхъ на кострѣ жертвъ, хвалилъ фанатизмъ королевы и ея ярость противъ новохристіанъ (23-го февраля 1483 г.[3]). Такъ какъ часто случалось, что осужденные инквизиціоннымъ судилищемъ новохристіане, если имъ удавалось бѣжать въ Римъ, получали, за звонкую монету, отпущеніе грѣховъ и подвергались одному только легкому и неявному наказанію, то старанія королевской четы искоренить марановъ, очистить религію и, въ особенности, завладѣть имуществомъ новохристіанъ часто терпѣли крушенія самымъ непріятнымъ образомъ. Поэтому дворъ сталъ усиленно хлопотать у папы о на-

[1]) Эта папская грамота сообщена Фиделемъ Фитой въ Boletin стр. 462—464.
[2]) Llorente IV, стр. 349; также въ Boletin, стр. 465—8.
[3]) Llorente IV. 352. Boletin, т. же 468—79.

значенія имъ въ Испаніи же апеляціоннаго судьи съ тѣмъ, чтобы инквизиціонные процесы не попадали внѣ страны подъ зависимость новаго рѣшенія, подвергающагося всевозможнымъ неблагопріятнымъ вліяніямъ. Сикстъ согласился на это и назначилъ (25-го мая 1483 г.) епископа Севильи, *Иниго Манрика*, верховнымъ судьею на тѣ случаи, когда осужденные потребуютъ пересмотра своего процеса[1]). Польза отъ этого мѣропріятія для несчастныхъ была весьма сомнительна. Ибо какіе доводы можно было выставить противъ своего осужденія, когда процесъ разбирался тайно, а обвиняемые не знали, кто обвинитель и кто свидѣтель? Врядъ ли инквизиціонное судилище даже оставляло время для составленія апеляціонной жалобы. Между приговоромъ и сценой ауто-да-фе срокъ былъ очень короткій. Папа одобрилъ еще и другое мѣропріятіе испанскаго двора, тоже направленное на то, чтобы заранѣе уничтожить всякую надежду на оправданіе. Дѣло было въ томъ, что крещеные евреи или новохристіане, отъ нихъ происходившіе, занимали епископскія должности и чувствовали склонность выступать на защиту своихъ несчастныхъ преслѣдуемыхъ соплеменниковъ. И вотъ папа выпустилъ буллу, которою запрещалось участвовать въ процесахъ противъ еретиковъ въ качествѣ судьи всякому епископу, викарію или высшему іерарху, который происходилъ отъ еврея, все равно, съ отцовской ли стороны или съ материнской[2]). Отъ этого исключенія оставался одинъ только шагъ къ осужденію духовенства еврейскаго происхожденія на костеръ. Одинъ инквизиторъ въ Валенсіи, по имени *Христовалъ Галвецъ*, былъ смѣщенъ папой съ должности за свое безстыдство и безбожіе. Проявилъ ли этотъ членъ инквизиціоннаго судилища слишкомъ большую строгость или мягкость? Изъ того обстоятельства, что самъ король Фердинандъ усердно хлопоталъ объ его отставкѣ, слѣдуетъ допустить послѣднее[3]).

Если бы папа Сикстъ не былъ, по другимъ обстоятельствамъ, заклейменъ славой порочной твари, сластолюбца, алчнаго и лишеннаго совѣсти человѣка, который возводилъ оскверненныхъ имъ юношей въ санъ епископа и кардинала и никого не утверждалъ въ церковной должности безъ полученія платежа наличными, какъ свидѣтельствуетъ его современникъ, римскій канцлеръ *Инфесура*[4]), то его поведеніе относительно инквизиціи вполнѣ характеризовало бы его. Въ теченіе короткаго времени онъ объявлялъ самыя противоположныя рѣшенія и едва давалъ себѣ трудъ скрывать свое непостоянство подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Какъ только онъ высказался въ своей буллѣ за самую крайнюю

[1]) Boletin. въ ук. м. 472—74. [2]) Т. же 475, [3]) Т. же 473.

[4]) У Гислера, Исторія церкви II, четвертый отдѣлъ, стр. 160.

строгость къ іудействующимъ еретикамъ и учредилъ апеляціонное судилище, онъ, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, уже уничтожилъ часть прежнихъ постановленій и выпустилъ другую буллу, въ которой предписывалъ инквизиторамъ дѣйствовать помягче: но и эта булла вскорѣ была отмѣнена.

Дѣло было въ томъ, что преслѣдуемые псевдо-христіане, а между ними и мужественный *Жуанъ де-Севилья*, хлопотали при папскомъ дворѣ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые уже подверглись въ Римѣ неявной эпитиміи, больше не подвергались въ Испаніи со стороны алчнаго короля и кровожадной инквизиціи преслѣдованіямъ, а, наоборотъ, считались добрыми христіанами и пользовались соотвѣтственнымъ обхожденіемъ. Вначалѣ папа согласился на это и выпустилъ буллу „на вѣчную память и для руководства въ будущемъ" (2-го августа 1483 г.), въ которой онъ особенно подчеркиваетъ, что по отношенію къ новохристіанамъ слѣдуетъ соединять строгость съ кротостью, между тѣмъ какъ строгость инквизиціи преступаетъ всякое чувство справедливости[1]). Булла приказывала инквизиціи оставить своими преслѣдованіями и освободить отъ суда всѣхъ новохристіанъ, которые покаялись въ Римѣ великому пенитенціарію и подверглись наказанію. Булла заклинала короля и королеву „сердцемъ Іисуса Христа" поразмыслить, что только милость и кротость уподобляютъ человѣка Богу, и потому да пожелаютъ они подражать Іисусу, которому присуща жалость и пощада. Папа разрѣшилъ сдѣлать съ этой буллы по возможности больше копій, которымъ присвоена была сила оригинала, дабы каждому извѣстенъ былъ образъ мыслей его святѣйшества касательно новохристіанъ. Наконецъ, папа прибавилъ, что онъ выпускаетъ эту буллу по собственному побужденію, безъ какого-либо посторонняго вліянія, хотя въ высшихъ кругахъ было извѣстно, что имъ руководятъ предложенныя ему новохристіанами деньги. Тѣмъ не менѣе королевская чета ничего и знать не хотѣла о жалости и пощадѣ; она хотѣла смерти грѣшниковъ и ихъ имуществъ, да и самъ папа тоже не помышлялъ о кротости. Едва прошло десять дней, какъ онъ уже отмѣнилъ буллу (11-го августа), просилъ у короля извиненія за ея содержаніе и замѣтилъ, что она выпущена была черезчуръ поспѣшно[2]). Что за твердость и непогрѣшимость! Напрасно донъ Жуанъ де-Севилья, повліявшій на изданіе этой буллы, старался распространить ее. Онъ не нашелъ въ Испаніи ни одного духовнаго учрежденія, которое захотѣло бы скопировать ее и удостовѣрить ея подлинность. Поэтому онъ обратился къ португальскому архіепископу въ Эворѣ, который далъ ее нотаріусу ско-

[1]) Boletin т. же 477 89. [2]) Boletin 439.

пировать и признать за подлинную. Инквизиція, однако, относилась подозрительно къ тѣмъ маранамъ, которые искали въ Римѣ отпущенія грѣховъ и получали его. Донъ Жуанъ де-Севилья и его товарищи не ушли изъ сѣтей ихъ и подверглись тяжкому наказанію[1]).

У королевской четы имѣлось двоякое желаніе: во-первыхъ, назначить великимъ инквизиторомъ и облечь чрезвычайною властью пріора доминиканскаго ордена въ Авилѣ, *Томаса де Торквемада*, человѣка жестокаго, недоступнаго побужденіямъ сердца; во-вторыхъ, ввести инквизицію и въ Арагонію. Папа Сикстъ исполнилъ оба эти желанія и назначилъ Торквемаду (14-го сентября 1483 г.) верховнымъ судьею, уполномочивъ его не считаться съ формами обычнаго права, слѣдовательно, произносить приговоры, не соблюдая правильнаго выслушиванія свидѣтелей и не допуская защитниковъ. Однако, въ арагонскомъ королевствѣ, гдѣ дворянство и горожане пользовались вѣскимъ голосомъ въ общественныхъ дѣлахъ, осужденіе евреевъ-еретиковъ безъ правильнаго судопроизводства возбуждало сильное негодованіе.

Какъ ни жестоко до сихъ поръ дѣйствовала инквизиція, сколько ни погибло потомковъ насильственно крещеныхъ, частью сожженныхъ въ пламени костровъ, частью сгнившихъ въ тюрьмахъ, частью бѣжавшихъ изъ страны и впавшихъ въ бѣдность въ теченіе неполныхъ трехъ лѣтъ существованія судилища, однако все это было лишь дѣтскою игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ, во что инквизиція превратилась, когда во главѣ ея сталъ патеръ, сердцу котораго чуждо было всякое состраданіе, уста котораго дышали лишь смертью и гибелью, который соединялъ въ себѣ кровожадность гіены съ хитростью и ядовитостью змѣи. До тѣхъ поръ инквизиція ограничивалась только югомъ Испаніи, областью Севильи и Кадикса и христіанскою Андалузіей и не могла собственно найти себѣ доступъ въ остальныхъ провинціяхъ Испаніи. Если тамъ и сямъ и попадались въ прочихъ провинціяхъ инквизиціонные судьи, то они были единичны и не имѣли никакой связи другъ съ другомъ. Они не могли доставлять другъ другу жертвы. Король Фердинандъ, слѣдовательно, присвоилъ себѣ еще недостаточно имѣній, а благочестивая Изабелла видѣла еще недостаточное число новохристіанъ, погибающихъ въ пламени. Чтобы добиться удовлетворенія въ томъ и другомъ, монархи и возвели доминиканца *Томаса де-Торквемада* въ санъ верховнаго инквизитора (17-го октября 1483 г.). Существуютъ люди, которые доводятъ злыя или добрыя свойства души, направленія и принципы въ ихъ крайней послѣдовательности до полнаго выраженія и являются ихъ воплощеніемъ. Торквемада

[1]) Т. же 477.

является одушевленною и воплощенною инквизиціей съ ея адскою злобою, съ ея бездушною суровостью, съ ея кровожадною жестокостью.

„Изъ Рима привезено дикое чудовище такого страннаго вида и такое ужасное, что одно уже названіе приводитъ въ трепетъ всю Европу. Тѣло его сдѣлано изъ жесткаго желѣза въ смѣси со смертельнымъ ядомъ и покрыто твердой оболочкой изъ стальной чешуи. Чудовище это подымается съ земли помощью тысячи тяжелыхъ и полныхъ яда крыльевъ. По характеру своему оно напоминаетъ страшнаго льва и змѣя африканской пустыни. Зубы его длиннѣе клыковъ исполинскаго слона. Его свистящій звукъ убиваетъ быстрѣе самаго ядовитаго василиска. Изъ его глазъ и рта постоянно изливаются огонь и пламя. Оно питается человѣческимъ мясомъ. Оно превосходитъ орла по быстротѣ. Куда бы оно ни пришло, его черная тѣнь распространяетъ мрачную тьму. Какъ бы ни сіяло солнце, слѣды этого чудовища оставляютъ за собою египетскую ночь. Куда бы оно ни направляло свой полетъ, каждый лужокъ, гдѣ оно ступитъ, каждое цвѣтущее дерево, котораго коснется его нога, засыхаетъ, теряетъ цвѣтъ и отмираетъ. Всеразрушающей пастью оно истребляетъ все съ корнемъ, до основанія, а ядовитымъ своимъ дыханіемъ оно превращаетъ сферу своего движенія въ пустыню подобно сирійской, гдѣ не развивается никакое растеніе, не всходитъ ни одна былинка“. Такъ описываетъ инквизицію еврейскій поэтъ, который и самъ погибъ въ ея пламени¹).

Надпись, которую поэтъ Данте заставляетъ читать у воротъ ада „Оставь надежды всякъ, сюда входящій“, еще болѣе приличествуетъ воротамъ инквизиціонныхъ зданій, открытыхъ Торквемадой почти во всѣхъ большихъ городахъ Испаніи. Онъ немедленно учредилъ еще три судилища въ *Кордовѣ*, *Яенѣ* и *Вилареалѣ* (Ciudad-Real), а впослѣдствіи и въ Толедѣ, тогдашней столицѣ южной Испаніи. Онъ наполнилъ инквизицію исключительно фанатическими и горящими усердіемъ доминиканцами, волю которыхъ Торквемада подчинилъ себѣ до того, что всѣ они функціонали подобно органамъ одного существа, готовые по одному его знаку совершать самыя ужасныя звѣрства съ такимъ спокойствіемъ, которому позавидовали бы каннибалы. Испанія наполнилась въ эту эпоху запахомъ тюремной гнили, смрадомъ труповъ и дымомъ костровъ, гдѣ сжигались невинные, принуждаемые принимать религію, лживость которой обличалъ каждый шагъ церковнаго служителя. По всей землѣ прекрасной Испаніи раздался стонъ, проникавшій до мозга костей; но ихъ величіе сдерживали руки тѣхъ, которые, будучи охвачены жалостью, хотѣли уничтожить эту кровавую человѣческую бойню.

¹) Samuel Usque Consolaçoes III № 25.

У Фердинанда имѣлся планъ упрочить инквизицію и на своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, чтобы наполнить свою казну и деньгами тамошнихъ новохристіанъ. Планъ этотъ онъ представилъ своему тайному совѣту во время собранія кортесовъ въ Тарагонѣ (въ апрѣлѣ 1484 г.) и отмѣнилъ старыя привилегіи страны, съ древнихъ временъ подтвержденныя грамотой, которая гласила, что никакой арагонецъ, какое бы преступленіе онъ ни совершилъ, не можетъ быть наказанъ конфискаціей имущества. Затѣмъ верховный инквизиторъ, Торквемада, назначилъ для архіепископства Сарагосы (4-го мая) двухъ инквизиціонныхъ судей, не уступавшихъ ему въ кровавомъ фанатизмѣ, а именно: каноника, *Педро Арбуеса де-Эпила*, и доминиканскаго монаха, *Гаспара Юглара*. За этимъ назначеніемъ послѣдовалъ королевскій указъ, направленный во всѣ государственныя учрежденія и ко всѣмъ дворянамъ, всячески приходить на помощь инквизиторамъ. Верховный судья Арагоніи и другіе высокопоставленные сановники должны были дать присягу, что употребятъ всѣ усилія для истребленія указанныхъ судилищемъ жертвъ[1]).

Теперь Торквемада, душа инквизиціи, обратилъ свое вниманіе на составленіе кодекса, который служилъ бы судьямъ руководствомъ для мѣропріятій съ цѣлью затянуть петлю какъ можно туже. Для обсужденія кодекса собрались въ Севильѣ четырнадцать инквизиторовъ подъ предсѣдательствомъ Торквемады и выработали законы, названные *конституціями* (обнарод. 9 янв. 1485 г.), которые вызывали бы трепетъ и въ томъ случаѣ, если бъ они оставались только на бумагѣ. Существуетъ мнѣніе, что монахи инквизиціи только скопировали заключенія церковнаго собора при вестготскихъ короляхъ относительно наказанія крещеныхъ евреевъ. Правда, что и законоположенія Рецесвинта наказываютъ сжиганіемъ на кострѣ или побіеніемъ камнями всякаго христіанина, уличеннаго въ выполненіи еврейскихъ обрядовъ[2]). Тѣмъ не менѣе сравненіе это фальшиво. Ибо не только содержаніе законовъ о еретикахъ, но и примѣненіе ихъ превращаетъ инквизиціонную „конституцію" въ самое жестокое дѣло, когда-либо вышедшее изъ человѣческаго сердца. Кажется, словно злобные демоны собрались на совѣтъ, чтобы рѣшить, какъ бы запутать невинныя человѣческія созданія и погубить ихъ. Одинъ изъ этихъ законовъ опредѣлялъ льготный срокъ въ 30 или 40 дней для тѣхъ, которые добровольно сознаются въ замѣченномъ за ними отступничествѣ; сознавшіеся освобождаются отъ наказанія и конфискаціи имущества, за исключеніемъ небольшого денежнаго штрафа и, для спасенія души, церковнаго покаянія до скончанія жизни. Однако они должны изложить свое сознаніе

[1]) Llorente т. же стр. 186. Amador III, 257—8.

[2]) Сравни Ист. Греца т. VI, стр. 126.

письменно и правдиво, нелицемѣрно отвѣтить на всѣ заданные имъ вопросы и, въ особенности, донести на всѣхъ соучастниковъ, даже на тѣхъ, которыхъ они только подозрѣваютъ въ отступничествѣ. Кто, по истеченіи льготнаго срока, не явится и не сознается, тотъ теряетъ все свое имущество не исключая и того, которое имѣлось за нимъ въ день отступничества и успѣло перейти въ другія руки; при этомъ виновный подвергается чувствительному наказанію, напр., пожизненному заключенію въ тюрьмѣ. Только не достигшіе двадцати лѣтъ новохристіане освобождаются, при болѣе позднемъ сознаніи, отъ потери своего имущества; но они присуждаются къ ношенію позорнаго значка, покаянной одежды (sam benito), и должны въ этой одеждѣ участвовать въ процесіяхъ и стоять при большой обѣднѣ. Раскаявшіеся по прошествіи указаннаго срока, хотя получаютъ отпущеніе грѣховъ, остаются навсегда опозоренными, не имѣютъ права занимать общественную должность, ни они, ни потомство ихъ, и носить украшенія изъ золота, серебра, жемчуга и платье изъ шелка или тонкой шерсти; позорная „покаянная одежда“ всегда должна быть на нихъ. Если раскаявшійся утаилъ отъ инквизиціи часть своего преступленія, т. е. своего іудействующаго поведенія, то онъ, какъ нераскаявшійся, осуждается на сожженіе. Не допускается давать добровольно раскаявшимся неявное отпущеніе грѣховъ: оно всегда должно быть публичное.

Если инквизиторы находили, что сознаніе раскаявшагося было притворнымъ, то они должны были отказать ему въ отпущеніи грѣховъ и поступить съ нимъ, какъ съ ложно-раскаявшимся, т. е. сжечь на кострѣ. Если раскаявшійся сознался только наполовину, скрывши часть своихъ преступленій, то его присуждали къ смертной казни. Свидѣтели, которые показывали противъ іудействующихъ новохристіанъ, могли передавать свои показанія чрезъ другихъ лицъ, если имъ невозможно было лично. Свидѣтельскія показанія сообщались обвиненному не во всѣхъ подробностяхъ, а только вкратцѣ и для ознакомленія съ содержаніемъ. Если, вопреки сообщеннымъ ему свидѣтельскимъ показаніямъ, онъ все-таки настаивалъ на своемъ утвержденіи, что онъ никогда не іудействовалъ, то онъ, какъ нераскаявшійся, приговаривался къ сожженію. Если противъ марана возбуждалось недостаточно доказанное обвиненіе въ возвращеніи къ іудаизму, то онъ подвергался пыткамъ; въ случаѣ признанія подъ пытками, онъ долженъ былъ вторично подвергнуться допросу. Если онъ подтверждалъ добытое путемъ пытокъ признаніе, онъ осуждался; въ случаѣ отрицанія, онъ вторично подвергался пыткѣ. Если обвиненный не являлся на судъ, несмотря на приглашеніе, то его осуждали, какъ уличенный преступникъ, т. е. имущество его конфисковалось[1]).

[1]) [illegible], стр. 175

При такомъ образѣ дѣйствій, судопроизводствѣ и предубѣжденіи судей, во что бы то ни стало желавшихъ осудить обвиняемаго, какой маранъ могъ доказать, что онъ невиненъ въ грѣхѣ? Тюрьма и пытки часто вселяли въ обвиненныхъ такую апатію и пресыщенность жизнью, что они давали относительно себя, друзей и даже близкихъ показанія, которыя, какъ казалось, оправдывали необходимость инквизиціи. Каждый процесъ ново-христіанина впутывалъ другихъ въ кажущуюся вину и приводилъ къ новымъ розыскамъ, къ новымъ обвиненіямъ, все умножая число обреченныхъ жертвъ.

Кромѣ Севильи, въ Кастиліи учреждены были, какъ уже сказано, еще два судилища, въ Ленѣ и Вилареалѣ. Въ послѣднемъ, который впослѣдствіи получилъ имя *Ціудадъ-Реалъ*, повидимому, жили когда-то богатые мараны, ибо, въ первые годы по открытіи судилища, тамъ погибло на кострахъ свыше сорока человѣкъ, при чемъ сначала принялись за слабыхъ женщинъ.

Даже лица, облеченныя въ духовное званіе, не были свободны отъ подозрѣнія и гибли на кострахъ. Каноникъ, *Педро Фернандецъ де-Алкаудета*, рожденный и воспитанный въ христіанской религіи и занимавшій въ кордовскомъ соборѣ должность казначея, привлеченъ былъ къ инквизиціонному суду по обвиненію въ весьма тяжкомъ преступленіи. Онъ будто втайнѣ носилъ еврейское имя, соблюдалъ еврейскіе праздники, а на Пасху ѣлъ мацу. Противъ него выставили еще худшее обвиненіе, а именно, что онъ, находясь въ сношеніяхъ съ маранами, увѣщевалъ ихъ соблюдать іудаизмъ и выдавалъ христіанство за ложное ученіе. Доказаны ли были всѣ эти обвиненія? Инквизиція въ Кордовѣ приговорила каноника къ смерти, и онъ былъ живой сожженъ на кострѣ (фев. 1484[1]).

Въ маѣ 1485 г. судилище Вилареала перенесено было въ Толеду. Во главѣ его стояли главный деканъ Талаверы, по имени *донъ Васко Рамирецъ* и лиценціатъ и каноникъ, *Перо Діасъ*. Открытіе и здѣсь началось проповѣдью о благочестивомъ дѣлѣ инквизиціи и чтеніемъ буллы папы Сикста IV, дававшей судьямъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью. Произнесена была и угроза великаго отлученія отъ церкви противъ всѣхъ, кто провинится словомъ или дѣломъ передъ инквизиціей; всѣ королевскіе чиновники присягнули въ подачѣ руки помощи инквизиціи, а отъ мdespite мараnовъ потребовано было предстать передъ судилищемъ, раскаяться въ своемъ отпаденіи въ іудаизмъ и получить искупленіе, для чего имъ предоставлялся льготный срокъ въ сорокъ дней. Однако въ теченіе первыхъ двухъ недѣль никто изъ нихъ не явился съ самообвиненіемъ.

[1]) Boletin 1884, 104. Revue des etudes X. 287.

Наоборотъ, мараны составили заговоръ о нападеніи во время процессіи на инквизиторовъ съ цѣлью перебить ихъ, какъ и свиту ихъ, дворянъ и рыцарей, а вмѣстѣ съ ними, какъ впослѣдствіи было вымышлено, и все христіанское населеніе въ Толедѣ. Впрочемъ затѣя эта не представляла никакой опасности, такъ какъ во главѣ заговорщиковъ не было ни одной выдающейся по знатности и положенію личности: вліятельные мараны въ Толедѣ были убиты или принуждены спастись бѣгствомъ еще за два десятилѣтія тому назадъ (стр. 188). Одинъ изъ зачинщиковъ и вожаковъ былъ молодой ученый, *де ла Торе*, а соучастники его были ремесленники. Предпріятіе это, которое и безъ того не имѣло бы успѣха, было открыто путемъ измѣны: градоначальникъ, *Гомецъ Манрике*, арестовалъ четырехъ или пять соучастниковъ и повѣсилъ ихъ. Многіе, конечно, спаслись бѣгствомъ. Однако, боясь обезлюдить Толеду немедленнымъ принятіемъ строгихъ мѣръ противъ заподозрѣнныхъ марановъ, градоначальникъ ограничился наложеніемъ на нихъ штрафа въ пользу войны съ магометанской областью Гранады.

Въ виду неудачи заговора, маранамъ въ Толедѣ ничего другого не оставалось, какъ подчиниться, т. е. сознаться, что они до сихъ поръ болѣе или менѣе іудействовали, и просить о прощеніи и искупленіи; это поведеніе, по свидѣтельству очевидца, скорѣе вытекало изъ страха, чѣмъ изъ любви къ католической религіи. Чтобы убѣдиться въ истинности показаній и искренности раскаянія, инквизиторы объявили жителямъ, что каждый изъ нихъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности передъ инквизиціей, обязанъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ донести обо всемъ, что ему извѣстно о еретической жизни и поведеніи марановъ. Затѣмъ они призвали раввиновъ толедскаго округа, заставили ихъ присягнуть на Торѣ, подъ [illegible] смерти въ случаѣ непослушанія, что они потребуютъ въ синагогахъ отъ каждаго еврея, подъ опасеніемъ тяжкаго отлученія, донести на [illegible], которые, съ ихъ вѣдома, виновны въ исполненіи какихъ-либо [illegible] обрядовъ и обычаевъ. Это былъ дьявольскій планъ, достойный его автора, великаго инквизитора, Торквемады, и имѣвшій цѣлью [illegible] къ отвѣтственности всѣхъ марановъ, тайно преданныхъ іудаизму. Сами евреи должны были сдѣлаться предателями своихъ соплеменниковъ и [illegible], даже кровныхъ родственниковъ, такъ какъ они все [illegible] псевдо-христіанъ. Привело ли это средство къ цѣли? Изъ [illegible] видно, что многіе евреи показывали противъ марановъ[1]. Во [illegible] случаѣ, тѣ, которые сознались добровольно и выдали соучастниковъ, [illegible] инквизиціи достаточный матеріалъ для того, чтобы можно

[1] [illegible] 1887 г. же стр. 294.

было приступить къ проклятому дѣлу. Мараны, не представшіе съ самообвиненіемъ и обличенные путемъ доносовъ, а равно и тѣ, которые сознавшись и покаявшись, дали ложныя показанія, брошены были въ мрачную тюрьму, изъ которой они впослѣдствіи были извлечены для допроса и приговора.

Первыми жертвами инквизиціи въ Толедѣ пали трое мужчинъ и столько же женщинъ, которыхъ злая судьба толкнула въ объятія кроваваго судилища. Мараны: *Санхо де Ціудадъ* съ женою *Маріей Діацъ*, ихъ сынъ и невѣстка и *Гонзалезъ де Теба* съ женой изъ Вилареала, тайно преданные іудаизму и не сомнѣвавшіеся, что они будутъ осуждены инквизиціей этого города на сожженіе, бѣжали въ Валенсію и наняли тамъ судно, чтобы покинуть Испанію. Не мало дней они уже плавали по океану, какъ вдругъ противный вѣтеръ загналъ ихъ въ испанскую гавань, гдѣ они были арестованы, отправлены въ Толеду и сожжены на кострѣ[1]).

Средства, примѣнявшіяся инквизиціей для примиренія марановъ съ христіанствомъ, были столь превратны, что они скорѣе внушали ужасъ къ религіи, задушившей въ сердцахъ своихъ представителей всякое гуманное чувство. Не только смерть на кострѣ непоколебимо преданныхъ іудаизму марановъ, но и самый способъ, которымъ притворно раскаявшіеся обращались въ вѣру, безчестіе и наказанія, которымъ подвергала ихъ инквизиція, служили лишь къ тому, чтобы погасить въ ихъ сердцахъ всякій слѣдъ вѣры и возбудить чувство отвращенія. Съ трудомъ можно было бы повѣрить, что безчеловѣчные инквизиціонные судьи обрекли на такія пытки кающихся, если бы изувѣрные очевидцы, видѣвшіе въ этихъ ужасающихъ сценахъ побѣду церкви, не описали ихъ съ самыми мелкими подробностями, какъ бы желая дать потомству наглядный примѣръ, до чего выродилась религіозная система, основатели которой проповѣдовали братскую любовь. Въ Толедѣ, гдѣ, послѣ Севильи, устроено было второе по величинѣ инквизиціонное судилище (въ 1486—87 г.г.), поведено было для публичнаго примиренія съ церковью свыше 5000 раскаявшихся изъ города и архіепископства, для чего было устроено религіозное зрѣлище. Въ чемъ же состояло это зрѣлище? Унижая и подвергая марановъ душевнымъ и тѣлеснымъ мученіямъ, ихъ гнали въ процесіи въ церковь, не разомъ всѣхъ, а поочередно группами изъ разныхъ приходовъ, гдѣ они жили, чтобы, повтореніемъ тѣхъ же процесій въ теченіе года слишкомъ, произвести длительное впечатлѣніе. Населеніе столицы и окружности валило большими толпами, чтобы присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, какъ будто это было дѣломъ высокаго благочестія.

---

[1]) Т. же.

Вначалѣ, въ февралѣ 1486 г., устроена была процесія изъ 750 марановъ, мужчинъ и женщинъ, добровольно сознавшихся въ іудейской ереси; они были собраны изъ нѣкоторыхъ приходовъ и поведены въ церковь съ потушенными свѣчами въ рукахъ, съ непокрытыми головами, безъ башмаковъ и чулокъ, хотя стоялъ рѣзкій холодъ. Впрочемъ, христіанское милосердіе позволило имъ привязывать къ ногамъ подошвы. Толпа глазѣла на несчастныхъ съ фанатическимъ злорадствомъ. Дрожа отъ холода, злосчастные испускали жалобные стоны и рвали на себѣ волосы. У церковной паперти два священника сотворили крестное знаменіе на лбу каждаго въ отдѣльности со словами: „Прими знакъ, отъ котораго ты отрекся и который ты потерялъ изъ-за обмана!“ Въ церкви стояли собравшіеся инквизиторы, а священникъ служилъ передъ вопившимъ народомъ обѣдню и проповѣдывалъ. Затѣмъ перечислены были, по списку, всѣ ихъ грѣхи, по показаніямъ, даннымъ ими передъ судилищемъ, послѣ чего наложено было церковное наказаніе за грѣхи. Въ чемъ же состояло это наказаніе? Въ теченіе шести недѣль, безъ перерыва, каждую пятницу они должны были, соблюдая постъ съ утра до вечера, отправляться процесіей въ церковь, гдѣ ихъ по обнаженнымъ плечамъ бичевали пеньковымъ канатомъ. Тогда имъ было объявлено: въ продолженіе всей жизни они лишены права занимать общественную должность, даже службу привратника у дворянина, не должны носить шелковую одежду и какое-либо украшеніе, не могутъ свидѣтельствовать на судѣ, не имѣютъ права ѣздить верхомъ: каждый долженъ отдать пятую долю своего имущества въ пользу войны съ магометанской *Гранадой*. Несчастные, которые не знали, чѣмъ прокормить себя, должны были отдать еще часть своего имущества. Вотъ какимъ образомъ они были обречены на позоръ и бѣдность. Въ концѣ концовъ имъ еще угрожали костромъ, какъ отступникамъ, въ случаѣ, если они провинятся въ невыполненіи наложенныхъ на нихъ взысканій. Раскаявшихся грѣшниковъ не щадили даже въ февральскіе и мартовскіе холода: они и тогда должны были отправляться по пятницамъ процесіями въ церковь и получать по оголеннымъ плечамъ удары бичей. Большинство обвиненныхъ въ іудействующей ереси получило, кромѣ того, еще другое позорное прибавленіе: смотря по тяжести обвиненія они должны были въ теченіе года или пожизненно появляться на улицѣ исключительно въ „покаянной одеждѣ“, окрашенной въ красновато-коричневый цвѣтъ съ крестомъ позади. Кто показывался публично безъ этого отступническаго знака, тотъ, какъ рецидивистъ, подвергался сожженію.

Подобное вопіющее зрѣлище терзаемыхъ людей повторялось и въ другихъ церковныхъ приходахъ, состоя въ апр. изъ 900 марановъ, въ іюнѣ изъ 750,

затѣмъ въ декабрѣ изъ 900, въ январѣ слѣдующаго года изъ 700, а въ мартѣ изъ 1200; всѣ они были собраны изъ мѣстностей толедскаго архіепископства.

Зрѣлища эти чередовались съ торжественностью костровъ. Прежде всего сожгли 25 іудействующихъ марановъ (10 авг. 1486), пять женщинъ и двадцать мужчинъ; все это были люди съ высокимъ положеніемъ, и между ними членъ ордена въ Сантяго, докторъ, *Алонсо Кота*, прокуроръ и совѣтникъ. Ихъ волокли къ площади, привязавъ канатомъ руки къ шеѣ; они были одѣты въ „санбенито" изъ грубаго холста съ надписью имени жертвы, а на головѣ была высокая пирамидальная шапка. Когда осужденные очутились на площади, имъ перечислили списокъ всѣхъ ихъ грѣховъ и передали ихъ въ руки свѣтской власти, другими словами, палачи потащили ихъ на ровное мѣсто, гдѣ зажженъ былъ костеръ, и они погибли въ пламени. Надъ двумя духовными лицами совершенъ былъ спеціальный актъ вѣры (17-го авг.), чтобы наказаніе за ихъ преступленіе произвело еще большее впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ былъ молодой врачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ капеланъ въ толедской часовнѣ ихъ величествъ, а другой священникъ въ церкви Талаверы. Оба они навлекли на себя страшное обвиненіе въ ереси: будучи духовнаго сословія, они соблюдали законы іудаизма. Прежде всего на нихъ надѣли священническое облаченіе и дали имъ въ руки церковную чашу и евангеліе. Затѣмъ облаченіе было снято, такъ что они остались въ нижнемъ платьѣ, руки ихъ связали канатами и, наконецъ, ихъ повели на костеръ. Спустя девять мѣсяцевъ (въ маѣ 1487 г.) въ томъ же городѣ погибло на кострѣ двадцать три марана и между ними каноникъ, который служилъ обѣдню. Подверженный пыткамъ, онъ сознался, что изъ отвращенія къ христіанству онъ загадилъ крестъ, а на обѣднѣ поносилъ таинство. Въ слѣдующемъ году въ Толедѣ сожжено было еще больше: одинъ разъ двадцать мужчинъ и семь женщинъ (2 го іюля 1488 г.), а спустя два дня съ особенной торжественностью—соборный священникъ и два монаха изъ іеронимитскаго ордена. Мараны, искавшіе покоя въ христіанствѣ, охотно вступали въ этотъ орденъ, уставъ котораго не былъ особенно строгъ. Но и монашеская ряса не спасала ихъ отъ ярости доминиканцевъ. Въ другой разъ сожжены были нѣсколько пріоровъ, три монаха и представители духовенства высокаго званія. Если для религіознаго зрѣлища не доставало живыхъ людей, то фанатизмъ населенія поддерживался замѣнявшими ихъ трупами. Изъ могилъ вырывались останки умершихъ марановъ, которые іудействовали, вкладывались въ гробы съ обозначеніемъ ихъ именъ, волочились въ процесіи на площадь и предавались сожженію. Такимъ образомъ въ одинъ день брошено было въ То-

ни онъ, ни другіе присутствовавшіе въ этомъ собраніи мараны не возражали. Послѣ этого король объявилъ инквизицію законной и назначилъ судей ея, каноника, *Педро де Арбуесъ де Эпила*, для Арагоніи и доминиканскаго монаха, *Гаспара Югларa*, для Валенсіи (въ маѣ 1485 г.[1]). Затѣмъ были созваны королевскіе чиновники и городскіе совѣтники, на которыхъ возложили обязанность всячески помогать судилищу. Между чиновниками были многіе мараны, какъ *Санхо де Паторной*, главный королевскій казначей, *Франциско де Санта-фе* сынъ злобнаго отступника *Іошуи Лорки* (стр. 95), помощникъ губернатора Арагоніи, и многіе другіе. Была ли эта услужливость маской или безразсуднымъ самообманомъ? Они упустили много времени прежде, чѣмъ стать противъ инквизиціи. Они спокойно смотрѣли, какъ Арбуесъ наполнялъ тюрьмы инквизиціи ихъ заподозрѣнными товарищами и какъ онъ выкапывалъ старые процесы противъ умершихъ марановъ.

Сколько жертвъ предала огню инквизиція въ этой странѣ при главенствѣ Арбуеса въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ его управленія? Въ Сарагосѣ не оказалось очевидца, какъ въ Толедѣ, который при учрежденіи ауто-да-фе находилъ радость въ указываніи числа и именъ осужденныхъ. Извѣстно только то, что въ Сарагосѣ погибло на кострѣ много новохристіанъ и между ними сестра дѣятельнаго марана, *Жуана де ла Абадія*, и трое мужчинъ. Въ качествѣ делегата Торквемады, Арбуесъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ предписанія, какъ и присущую ему склонность, дѣйствовать безпощадно, отдавая тюрьмѣ, что надлежитъ тюрьмѣ, и смерти, что надлежитъ смерти. Страхъ передъ нимъ былъ такъ великъ, что, какъ въ Севильѣ и Толедѣ, множество марановъ спаслось бѣгствомъ. Арагонская инквизиція вначалѣ, повидимому, искала свои жертвы среди средняго сословія.

Только тогда, когда одинъ изъ самыхъ знатныхъ марановъ, *Леонардо де Эли*, былъ брошенъ въ тюрьму, они, наконецъ, освободились отъ своего заблужденія, будто рука инквизиціи слишкомъ коротка, чтобы забраться такъ высоко. Самые знатные между ними стали тайно собираться, чтобы рѣшить, какъ бы отвратить угрожающій имъ ударъ. Наибольшее усердіе обнаружили братья *Санхесъ*, происходившіе отъ обращеннаго въ христіанство *Элеазара Іосифа*; одинъ изъ нихъ, *Габріель*, былъ королевскимъ казначеемъ, а другой, *Франциско*, главнымъ гофмейстеромъ короля Фердинанда. Они вступили въ связь съ *Санхо де Патерной*, главнымъ совѣтникомъ при королевскомъ счетоводствѣ, *Луисомъ де Сантажелъ*, отецъ котораго былъ облеченъ высокимъ саномъ

[1]) Т. же Llorente I стр. 186.

Sa[illegible], и выдающимся юристомъ, Яиме де Монтфеавъ. Эти лица, будучи въ родствѣ со старохристіанскими фамиліями, имѣли большія связи съ дворомъ и льстили себя надеждой, что, благодаря ихъ вліянію, король, по крайней мѣрѣ, откажется отъ конфискаціи имущества осужденныхъ марановъ, а это устранитъ и главную цѣль гоненій на новохристіанъ и смыслъ существованія инквизиціи. Они также послали довѣренныхъ лицъ ко двору новаго папы, Инокентія VIII, съ цѣлью побудить его ходатайствовать о прекращеніи гоненій. Но такъ какъ всѣ эти средства оказались недѣйствительными, то рѣшено было дѣйствовать на инквизицію страхомъ. Предполагалось лишить жизни инквизитора Арбуеса и двухъ его кровожадныхъ товарищей, чтобы тогда ни у кого не хватило смѣлости взять на себя опасную службу. Зачинщики заговора такъ пренебрегли осторожностью, что слѣдуетъ удивляться, какимъ образомъ онъ не былъ преждевременно открытъ, какъ это случилось въ Севильѣ и Толедѣ. [illegible] часто собирались то въ своихъ жилищахъ, то въ церквахъ и посвящали въ свою тайну множество марановъ и родственныхъ имъ старохристіанъ въ Сарагосѣ и другихъ мѣстахъ. Каждый соучастникъ давалъ [illegible] для расходовъ, и взносы собирались казначеями. *Жуанъ де ла* [illegible], сестра котораго погибла на кострѣ, нанялъ убійцъ и составилъ [illegible] планъ убійства[1]. Заговорщики были ободрены волненіями въ нѣ[illegible] городахъ королевства, которыя указывали на недовольство на[illegible] [illegible]денiемъ инквизиціи. Въ Теруелѣ, Валенсіи и нѣкоторыхъ дру[illegible] городахъ вспыхнули яростныя возстанія народныя, какъ только воз[illegible] [illegible] марановъ (1485); возстанія эти были подавлены лишь [illegible] [illegible]кровопролитія[2].

[illegible] нанесенія удара инквизитору Арбуесу *Жуанъ де ла Абадія* [illegible] [illegible]женныхъ людей, *Жуана де Эсперендео, Видала Фран*[illegible] [illegible] и еще четырехъ. Арбуесъ, однако, предчувствовалъ опас[illegible] [illegible] носить панцырь, а голову защищатъ желѣзнымъ шлемомъ. [illegible] 1485 г., когда онъ, еще до разсвѣта, съ фонаремъ въ [illegible] въ церковь къ заутренѣ, къ нему подкрались [illegible] Абадіи, Жуанъ де Эсперендео и Видалъ де Урансо и, [illegible] [illegible] опустился на колѣни, нанесли ему смертельныя раны. [illegible] кровью, вынесли изъ церкви, и черезъ два дня онъ [illegible] [illegible] о нападеніи на главнаго инквизитора распростра[illegible] [illegible] произвело обратное дѣйствіе. Старохристіане со[illegible] [illegible] страшнымъ голосомъ: „На костеръ марановъ,

[1] [illegible] Amador III 259.

[2] [illegible]

которые убили судью инквизиціи!“ Всѣ мараны были бы перебиты, если бы въ дѣло не вмѣшался незаконнорожденный сынъ королевской четы, молодой архіепископъ, *Альфонсъ арагонскій*, вскочившій верхомъ на лошади въ толпу и удержавшій ее отъ насилій. Онъ обѣщалъ дать ей полное удовлетвореніе и строго наказать виновниковъ и ихъ соучастниковъ¹).

Король Фердинандъ отлично воспользовался этимъ неудачнымъ заговоромъ, чтобы укрѣпить инквизицію въ Арагоніи. Смерть Арбуеса послужила королевской четѣ поводомъ къ созданію настоящаго идолопоклонства. Убитому воздвигли статую, а заслуги его въ религіи и истребленіи іудействующихъ еретиковъ были увѣковѣчены. Насильственная смерть перваго инквизитора была не менѣе желательна и доминиканцамъ: имъ какъ разъ нуженъ былъ мученикъ для того, чтобы окружить кровавое судилище ореоломъ святости. Старанія ихъ теперь направились къ тому, чтобы объявить Педро Арбуеса святымъ, т. е. полубогомъ. Спустя короткое время они выдумали, что святой судья инквизиціи объявился въ небесномъ откровеніи, увѣщевая весь міръ поддерживать инквизицію и содѣйствовать ей и успокаивая сомнѣнія членовъ суда относительно осужденія столь многихъ людей на сожженіе: судей за это ожидаютъ высшія почетныя мѣста на небѣ²).

Неудачный заговоръ марановъ въ Сарагосѣ бросилъ въ объятія Молоха множество новыхъ жертвъ. Многіе заговорщики открыто признались во всемъ, и инквизиторы такимъ образомъ получили списокъ всѣхъ соучастниковъ. Они подверглись двойному преслѣдованію, какъ іудействующіе еретики и враги святой инквизиціи. Пойманныхъ соучастниковъ заговора повлекли по улицамъ Сарагосы (1487), отрубили имъ руки, затѣмъ они были повѣшены, а трупы сожжены. Свыше двухсотъ новохристіанъ были осуждены, какъ соучастники, и множество мужчинъ и женщинъ изъ самыхъ знатныхъ маранскихъ фамилій, особенно изъ фамилій *Санхеса* и *Сантъ-Анжела*, приговорены были къ смерти на кострѣ. *Францеско де Санта-фе*, сынъ отступника Іошуи Лорки, заложившаго въ своей ненависти къ евреямъ и іудаизму первый камень къ постройкѣ инквизиціи, былъ осужденъ на сожженіе, и наложилъ на себя руки въ тюрьмѣ, какъ и Де ла Абадія³). Многіе родственники Педро де ла Кабалерія, который своимъ обвинительнымъ сочиненіемъ „Ревнитель Христа“, какъ отступникъ, помогалъ распалять религіозную ярость (стр. 122), были

¹) Т. же стр. 190—192 и Zurita. Annales de Aragon I. XX гл. 65. Amador III. 261.

²) Llorente т. же I стр. 192.

³) Т. же стр. 204. 223. Amador III 264.

Въ посланіи своемъ онъ объявилъ себя противъ маніи преслѣдованія Торквемады, напомнивъ, что, согласно одной старой папской буллѣ, процесъ по обвиненію высокопоставленныхъ іерарховъ въ ереси долженъ вестись исключительно спеціальной апостольской комисіей. Поэтому онъ потребовалъ къ себѣ для разсмотра обвинительные акты Давилы и Де-Аранды. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа воспользовался случаемъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Кастиліи (а это всегда могло быть выгодно) и послалъ чрезвычайнаго нунція, *Антонія Палавичини*, для разслѣдованія дѣла. Исходъ былъ различный. Въ то время, какъ Жуанъ Аріасъ Давила принятъ былъ въ Римѣ съ почетомъ и до смерти пользовался уваженіемъ, Педро де-Аранда, который тоже долженъ былъ отправиться въ Римъ, лишился своего епископскаго и даже духовнаго званія и до самой смерти оставался въ тюрьмѣ Св. Ангела [1]).

Торквемада и его инквизиторы достигли, наконецъ, такой самостоятельности, что осмѣлились сопротивляться не только притязаніямъ папы, но и волѣ королевской четы. Топоръ поднялся противъ руки, рубившей имъ, пила поднялась противъ того, кто двигалъ ею. Торквемада и его подвластные, вопреки желанію короля Фернандо, возбудили обвиненіе противъ вице-канцлера, дона Альфонса де-Кабалерія (1488), участвовавшаго въ покушеніи на жизнь инквизитора Арбуеса. Дѣдъ и бабка Кабалеріи были евреями, и кости его бабки, Віоланты, какъ іудейской еретички, были сожжены. Даже первая жена Кабалеріи была обвинена въ ереси и приговорена къ публичному покаянію въ покаянной одеждѣ при ауто-да-фе. Хотя Альфонсъ де Кабалерія [2]) пользовался особенною милостью короля, онъ все же былъ обвиненъ въ іудейской ереси и соучастіи въ заговорѣ. Но онъ апелировалъ къ папѣ и отвергнулъ исключительный судъ инквизиціи, какъ некомпетентный для себя. Такъ какъ происходившій изъ еврейскаго дома вице-канцлеръ былъ очень богатъ, то папа сталъ на его сторону: король тоже принялъ его подъ свою защиту, и инквизиція, въ концѣ концовъ, принуждена была его оправдать и принять въ лоно церкви, какъ раскаявшагося. Двѣ его дочери были замужемъ за знатными дворянами, а одинъ изъ его сыновей женился на королевской внучкѣ, теткѣ императора Карла V. Въ жилахъ почти всего высшаго дворянства Испаніи течетъ еврейская кровь, хотя лишь по женской линіи, отъ родоначальниковъ *дона Давилы* и графа *Пугнонростро* въ Кастиліи [3]). Въ Арагоніи графы *Рибегорцы* и герцоги *Де-Лунасы* вели свой родъ отъ еврейки, *Эстанцы*, дочери *Авіатара Конейо* (Когенъ),

[1]) Llorente т. же 267. Amador III. 270.

[2]) Llorente т. же стр. 250.

[3]) Т. же I, предисловіе XXVI.

вышедшей замужъ за незаконнорожденнаго сына Фердинанда Католика. Король этотъ, причинившій испанскимъ евреямъ несчетныя бѣды, былъ и съ другой стороны въ родствѣ съ однимъ еврейскимъ домомъ.

Если бы инквизиція не свирѣпствовала съ такою яростью противъ марановъ, то послѣдніе влили бы въ испанцевъ вмѣстѣ со своею кровью и бодрый еврейскій духъ и освѣжили бы своими здоровыми соками это вырождающееся племя.

ГЛАВА XIII.

Изгнаніе евреевъ изъ Испаніи.

Связь между маранами и евреями. Торквемада принуждаетъ равиновъ доносить на марановъ. Іуда ибнъ-Верга; изгнаніе евреевъ изъ Андалузіи и Севильи. Еврейскіе придворные при Фернандо и Изабеллѣ. Исаакъ Абрабанель, его жизненный путь и сочиненія. Евреи въ Португаліи при Альфонсѣ V. Гедалія и Іосифъ ибнъ-Яхія. Бѣгство Абрабанеля изъ Португаліи и его должность въ Испаніи. Евреи въ Гранадѣ; Исаакъ Гамонъ; фамилія Гависонъ, Саадія ибнъ-Дананъ и его произведенія. Паденіе Малаги. Еврейскіе плѣнники. Авраамъ Сеніоръ и Соломонъ ибнъ-Верга. Сдача Гранады и печальная судьба испанскихъ евреевъ. Эдиктъ Фердинанда и Изабеллы объ изгнаніи. Дѣйствіе эдикта. Торквемада и его средства къ обращенію евреевъ. Выселеніе изъ Испаніи въ Португалію. Исаакъ Авоавъ. Горестное прощаніе съ могилами. Число выселившихся. Паденіе Испаніи вслѣдствіе изгнанія евреевъ. Превращеніе синагогъ и училищъ въ церкви и монастыри. Оставшіеся мараны, масса инквизиціонныхъ жертвъ. Страхъ смерти Торквемады. Обвиненіе его преемника, Децы, въ тайномъ іудействѣ. Удачный отзывъ Баязета объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи.

(1483—1492).

Инквизиціонное чудовище, направившее вначалѣ свою ярость на новохристіанъ, мало-по-малу простерло свои руки и къ евреямъ и обрекло ихъ на горестную судьбу. Связь между евреями и многими маранами была слишкомъ тѣсная, такъ что первые не могли не питать глубокаго сочувствія къ послѣднимъ. Они жили другъ съ другомъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ, въ братскомъ единеніи. Евреи относились къ своимъ несчастнымъ братьямъ, носившимъ съ отвращеніемъ маску христіанства, со сердечнымъ состраданіемъ и старались сохранять ихъ связь съ собою. Они обучали родившихся въ христіанствѣ марановъ еврейскимъ обрядамъ, тайно молились съ ними на религіозныхъ сходкахъ, доставляли имъ религіозныя книги, указывали имъ посты и праздники, посылали имъ на Пасху мацу, а въ теченіе всего года мясо, приготовленное согласно требованіямъ еврейскаго обряда, и подвергали обрѣзанію ихъ новорожден-

мірѣ, отлично понимавшій финансовую часть и, во всякомъ случаѣ, государственную науку, но философомъ онъ не былъ ни въ коемъ случаѣ. Тогдашній король Португаліи, Альфонсъ V, образованный, ласковый и любезный государь, справедливо оцѣнилъ его талантъ, призвалъ его къ себѣ, поручилъ ему вести финансы и оказывалъ ему довѣріе при рѣшеніи важныхъ вопросовъ [1]). Благородный характеръ Абрабанеля, его глубоко искренняя религіозность, скромность безъ всякаго тщеславія и безкорыстный умъ пріобрѣли ему въ придворной сферѣ и внѣ ея чистосердечное расположеніе грандовъ. Абрабанель стоялъ на короткой ногѣ съ могущественнымъ, мягкимъ и доброжелательнымъ герцогомъ, *Фернандо браганцскимъ* (который управлялъ пятьюдесятью городами, мѣстечками, замками и бургами и могъ выставить 10,000 человѣкъ пѣхоты и 3,000 всадниковъ), съ его братьями, *маркизомъ Монтемара*, португальскимъ констаблемъ, и *графомъ Фаро*, жившимъ съ братомъ въ единодушіи, приличномъ этому родству [2]). Абрабанель также былъ связанъ тѣсною дружбою съ ученымъ *Іоао Сецирой*, который пользовался при дворѣ большимъ уваженіемъ и весьма благожелательствовалъ евреямъ. Абрабанель самъ описываетъ свою счастливую жизнь при дворѣ короля Альфонса:

„Мирно проживалъ я въ унаслѣдованномъ мною домѣ въ славномъ городѣ Лисабонѣ, гдѣ Богъ одарилъ меня благословеніемъ, богатствомъ и почестями. Я построилъ себѣ большія зданія съ просторными залами. Домъ мой былъ средоточіемъ ученыхъ и мудрецовъ. Я пользовался любовью во дворцѣ короля Альфонса, могущественнаго и справедливаго короля, при которомъ всѣ евреи наслаждались свободой и благосостояніемъ. Я стоялъ къ нему близко, онъ опирался на меня и, пока онъ жилъ, я свободно вращался въ его дворцѣ“. Правленіе Альфонса было послѣднимъ моментомъ золотого вѣка евреевъ въ этой части Пиренейскаго полуострова. Хотя при Альфонсѣ V создано было португальское уложеніе законовъ (Ordenacoes de Affonso V), которое содержало византійскіе элементы и каноническія ограниченія евреевъ, однако несовершеннолѣтній еще въ это время король не принялъ никакого участія въ составленіи уложенія, и затѣмъ эти гнусныя законоположенія не соблюдались. Въ его время евреи не носили одежды съ постыдными значками, а щеголяли верхомъ на лошадяхъ и мулахъ, украшенныхъ драгоцѣнной сбруей и блестящими чепраками; они носили длинные каф-

[1]) Предисловіе Абрабанеля къ толкованію книги Іошуи.

[2]) Т. же Абрабанель говоритъ: ויתפוש (דון יואן מלך חרש) שר וגדול ומשנת למלך וימת אותו בחרב ואחיו ותנשארים הרה נסו ברחו לנפשם . . . מימי קדם קדמתה . . . היתה אהבתי עצומה את השרים הנרדפים האלה וידמו למו עצתי.

ныхъ мальчиковъ[1]). Такъ какъ въ Севильѣ и вообще въ Андалузіи, вслѣдствіе дикихъ нападеній на евреевъ по почину Фернандо Мартинеца, а позже въ періодѣ 1412—1414 г., по причинѣ повторявшихся преслѣдованій, было множество новохристіанъ, то у евреевъ оказалась благодатная почва для дѣятельности, именно поддержки въ іудаизмѣ отпавшихъ братьевъ. Наибольшую дѣятельность въ этомъ отношеніи проявилъ въ Севильѣ *Іуда ибнъ-Верга*[2]), кабалистъ и астрономъ, пользовавшійся уваженіемъ у намѣстника Андалузіи. Поэтому, когда королевская чета задумала учредить инквизицію, первая мысль ея направилась на строжайшее отдѣленіе евреевъ отъ христіанъ, въ особенности отъ новохристіанъ, разрушивъ всякую связь между ними. Только еврейскимъ врачамъ[3]) разрѣшалось жить внѣ еврейскаго квартала, такъ какъ не могло обходиться безъ нихъ христіанское населеніе. Однако, разобщеніе это, обставленное во всей странѣ всевозможными строгостями, не могло порвать любовь между евреями и маранами. Они все таки сносились другъ съ другомъ, хотя тайно и осторожно. Чѣмъ опаснѣе было открытіе этой связи, тѣмъ болѣе ихъ тянуло встрѣчаться, утѣшать и укрѣплять другъ друга вопреки шпіонству духовенства и ихъ помощниковъ. Эти сходки евреевъ и марановъ, въ виду таинственнаго способа ихъ осуществленія и подстерегающихъ ихъ при этомъ опасностей, носили романтическую окраску. Между ними возникло нѣчто въ родѣ любовной связи, которая становилась тѣмъ крѣпче и тѣснѣе, чѣмъ болѣе старались ее уничтожить.

Порвать эту связь—таковъ былъ новый дьявольскій планъ главнаго инквизитора, Торквемады. Раввинамъ подъ страшными угрозами повелѣвалось обязать всѣхъ евреевъ предать марановъ, оставшихся вѣрными іудаизму (стр. 248), и привести ихъ въ церковь или, вѣрнѣе, на костеръ. Это была потрясающая душевная борьба, полная трагизма! Врядъ ли, однако, можно допустить, что приказъ этотъ нашелъ много исполнителей; скорѣе слѣдуетъ предположить, что равины предпочли подвергаться наказаніямъ или стараться, чтобы наказанія эти не были выполнены. Іуда ибнъ-Верга, отъ котораго требовали доносовъ на псевдо-христіанъ, тайно преданныхъ іудаизму, предпочелъ оставить свой родной городъ, Севилью, и бѣжалъ въ Лисабонъ (гдѣ умеръ впослѣдствіи мученикомъ), такъ какъ онъ не хотѣлъ предавать марановъ[4]). Инквизиція

[1]) Эдиктъ Фердинанда и Изабеллы объ изгнаніи.

[2]) Ибнъ-Верга, Schebet Jehuda № 62 בעיר הגדולה שביליא היה ר׳ יהודה ן׳ וירגא ז״ל וכאשר באה החקירה שם אמרו תושבי הארץ שאם ירצו לדעת מי הם האנוסים נוהגים יהדות שיתפשו להר׳ יהודה ן׳ וירגא כי על ידו היו עושים כל מעשה היהודים ומצותם.

[3]) Revue d. Et. XIII. 247.

[4]) Ибнъ-Верга Schebet Jehuda т. же.

врядъ ли достигла своей цѣли посредствомъ евреевъ, которые, несмотря на всѣ принятыя мѣры, продолжали тайно сноситься съ новохристіанами. Но тѣмъ строже слѣдили за изоляціею евреевъ отъ христіанскаго общества.

Въ виду всѣхъ этихъ печальныхъ происшествій кастильскіе и арагонскіе евреи не могли не придти къ мысли, что ихъ пребыванію въ странѣ скоро наступитъ конецъ. Но они такъ любили Испанію, что не могли разстаться съ нею безъ принудительной силы; королевская же чета часто защищала ихъ отъ обидъ. Во время переселенія въ особые еврейскіе кварталы Фердинандъ и Изабелла позаботились, чтобъ имъ не причинили вреда и непріятностей. Однажды случилось, что королева Изабелла открыто выразила свое недовольство чиновникамъ Толеды и Гипускои за распоряженія ихъ, враждебныя евреямъ [1]). Кромѣ того, испанскіе евреи разсчитывали на то, что христіане не могутъ обходиться безъ нихъ. Больные предпочитали обращаться къ еврейскимъ врачамъ; низшіе классы населенія прибѣгали къ совѣтамъ еврейскихъ законовѣдовъ въ случаѣ тяжбы и даже обращались къ нимъ для прочтенія посланій, получаемыхъ отъ духовенства [2]). Затѣмъ евреи возлагали слишкомъ много надеждъ на людскую помощь, на весьма уважаемаго при дворѣ *Авраама Сеніора*, облеченнаго въ санъ великаго равина и содѣйствовавшаго королю, благодаря своимъ финансовымъ способностямъ и богатству, въ его войнѣ противъ послѣднихъ магометанъ въ Гранадѣ. Евреи надѣялись, что онъ устранитъ враждебныя имъ вліянія. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что какъ разъ въ то время, когда Торквемада затягивалъ въ свою петлю марановъ и евреевъ, знаменитый *Абрабанель* получилъ при кастильскомъ дворѣ весьма важную должность и пользовался довѣріемъ и вліяніемъ, подъ защитой котораго евреи надѣялись устоять противъ всей ярости ядовитыхъ доминиканцевъ. Благопріятное придворное положеніе Абрабанеля, который своимъ характеромъ, любовью къ іудаизму и наукѣ и испытанною мудростью напоминалъ Самуила Нагрелу, убаюкивало ихъ ложными надеждами.

Донъ *Исаакъ* бенъ-Іуда *Абрабанель* (род. въ Лисабонѣ въ 1437, ум. въ Венеціи въ 1508 г. [3]) является достойнымъ и послѣднимъ звеномъ того ряда еврейскихъ государственныхъ мужей въ Испаніи, которые, начиная съ Хасдая ибнъ-Шапрутъ, пользовались своимъ именемъ и положеніемъ для защиты своихъ соплеменниковъ. Абрабанели считали себя потомками короля Давида, противъ чего не встрѣчалось возраженій, и современники находили, что происхожденіе это проявляется въ благо-

[1]) Пулгаръ, Letras № 31.

[2]) У Кайзерлинга, Евреи въ Наварѣ, стр. 127.

[3]) Біографія Абрабанеля, сост. Carmoly Ozar Nechmad II, гл. 47.

родномъ образѣ мыслей Исаака. Дѣдъ его, *Самуилъ Абрабанель*, который во время гоненій 1391 г. принялъ для вида крещеніе, вѣроятно, только на очень короткое время, также отличался великодушіемъ и щедростью и поддерживалъ еврейскую науку и ея представителей. Объ отцѣ же его, Іудѣ, извѣстно очень мало. Онъ былъ казначеемъ португальскаго принца, былъ очень богатъ и много помогалъ бѣднымъ.

Исаакъ Абрабанель.

Исаакъ Абрабанель развился рано, обладалъ умомъ яснымъ, трезвымъ, но безъ широкаго размаха и неглубокимъ. То, что лежало вблизи, предметы и отношенія настоящаго и осязательную дѣйствительность онъ охватывалъ съ безошибочной вѣрностью; но все отдаленное, отодвинутое отъ глазъ и трезваго чувства, лежало передъ нимъ въ туманѣ; онъ не могъ ни проникнуть въ него, ни одолѣть его. Іудаизмъ, его блестящая древность и лежащая въ немъ идея божества были любимою его темой еще съ дѣтскихъ лѣтъ; будучи юношей, онъ написалъ произведеніе съ цѣлью разъяснить общіе и частные случаи промысла Божія для народа израильскаго [1]). Однако философскія понятія у него были скорѣе заимствованныя. Для разрѣшенія философскихъ вопросовъ у него не было данныхъ. Донъ Абрабанель былъ человѣкъ опытный въ дѣловомъ

[1]) Юношескіе труды Абрабанеля суть: עטרת זקנים и коментарій къ Второзаконію.

мірѣ, отлично понимавшій финансовую часть и, во всякомъ случаѣ, государственную науку, но философомъ онъ не былъ ни въ коемъ случаѣ. Тогдашній король Португаліи, Альфонсъ V, образованный, ласковый и любезный государь, справедливо оцѣнилъ его талантъ, призвалъ его къ себѣ, поручилъ ему вести финансы и оказывалъ ему довѣріе при рѣшеніи важныхъ вопросовъ [1]). Благородный характеръ Абрабанеля, его глубоко искренняя религіозность, скромность безъ всякаго тщеславія и безкорыстный умъ пріобрѣли ему въ придворной сферѣ и внѣ ея чистосердечное расположеніе грандовъ. Абрабанель стоялъ на короткой ногѣ съ могущественнымъ, мягкимъ и доброжелательнымъ герцогомъ, *Фернандо браганцскимъ* (который управлялъ пятьюдесятью городами, мѣстечками, замками и бургами и могъ выставить 10,000 человѣкъ пѣхоты и 3,000 всадниковъ), съ его братьями, *маркизомъ Монтемара*, португальскимъ констаблемъ, и *графомъ Фаро*, жившимъ съ братомъ въ единодушіи, приличномъ этому родству [2]). Абрабанель также былъ связанъ тѣсною дружбою съ ученымъ *Іоао Сецирой*, который пользовался при дворѣ большимъ уваженіемъ и весьма благожелательствовалъ евреямъ. Абрабанель самъ описываетъ свою счастливую жизнь при дворѣ короля Альфонса:

„Мирно проживалъ я въ унаслѣдованномъ мною домѣ въ славномъ городѣ Лисабонѣ, гдѣ Богъ одарилъ меня благословеніемъ, богатствомъ и почестями. Я построилъ себѣ большія зданія съ просторными залами. Домъ мой былъ средоточіемъ ученыхъ и мудрецовъ. Я пользовался любовью во дворцѣ короля Альфонса, могущественнаго и справедливаго короля, при которомъ всѣ евреи наслаждались свободой и благосостояніемъ. Я стоялъ къ нему близко, онъ опирался на меня и, пока онъ жилъ, я свободно вращался въ его дворцѣ“. Правленіе Альфонса было послѣднимъ моментомъ золотого вѣка евреевъ въ этой части Пиренейскаго полуострова. Хотя при Альфонсѣ V создано было португальское уложеніе законовъ (Ordenacoes de Affonso V), которое содержало византійскіе элементы и каноническія ограниченія евреевъ, однако несовершеннолѣтній еще въ это время король не принялъ никакого участія въ составленіи уложенія, и затѣмъ эти гнусныя законоположенія не соблюдались. Въ его время евреи не носили одежды съ постыдными значками, а щеголяли верхомъ на лошадяхъ и мулахъ, украшенныхъ драгоцѣнной сбруей и блестящими чепраками; они носили длинные каф-

---

[1]) Предисловіе Абрабанеля къ толкованію книги Іошуи.

[2]) Т. же Абрабанель говоритъ: ויתפוש (דון יואן מלך חדש) שר וגדול ומשנת למלך וימת אותו בחרב ואחיו והנשארים הרה נסו ברחו לנפשם . . . מימי קדם קדמתה . . . היתה אהבתי עצומה את השרים הנרדפים האלה וידמו למו עצתי.

таны съ красивыми капюшонами, обычную одежду въ странѣ, шелковые камзолы и позолоченныя шпаги. Ихъ ничѣмъ нельзя было отличить отъ христіанъ. Большинство откупщиковъ государственныхъ доходовъ въ Португаліи (Rendeiros) были евреи. Даже іерархи поручали евреямъ собирать церковныя дани, что вызывало жалобы лисабонскихъ кортесовъ[1]). При Альфонсѣ сохранялась самостоятельность еврейскихъ общинъ подъ главенствомъ великаго равина и семи провинціальныхъ равиновъ, и самостоятельность эта была узаконена въ уложеніи[2]). Уложеніемъ же признано было за евреями право представлять документы не на португальскомъ языкѣ, какъ водилось раньше (стр. 41), но и на еврейскомъ [3]).

Впрочемъ, Абрабанель не былъ единственнымъ евреемъ-любимцемъ при дворѣ Альфонса. Два брата *Ибнъ-Яхія Негро*, сыновья дона Давида, посовѣтовавшаго передъ смертью своимъ тремъ (или четыремъ) наслѣдникамъ не вкладывать своего богатаго наслѣдства въ земельныя предпріятія въ виду угрожающаго евреямъ изгнанія[4]), тоже вращались въ лисабонскихъ придворныхъ сферахъ. Одинъ изъ нихъ, *Гедалія ибнъ-Яхія*, человѣкъ съ научнымъ образованіемъ (род. въ 1436 г., ум. въ 1487 г.[5]), принадлежалъ къ свитѣ лейбъ-медиковъ и астрономовъ Альфонса, но послѣ смерти его переселился въ Константинополь, гдѣ и умеръ. Еще большимъ расположеніемъ этого короля пользовался братъ его, *Іосифъ ибнъ-Яхія* (род. въ 1424, умеръ въ Ферарѣ въ 1498 г.[6]), интимный совѣтникъ Альфонса. Іосифъ ибнъ-Яхія, повидимому, былъ не очень свѣдущъ въ еврейской литературѣ; однако онъ поддерживалъ ее своимъ большимъ богатствомъ. Король Альфонсъ, любитель наукъ и религіозныхъ бесѣдъ, однажды предложилъ своему любимцу щекотливые вопросы [7]), на которые тотъ отвѣтилъ смѣло, но не всегда удачно. Король спросилъ его: почему евреи не признаютъ въ Іисусѣ божества или, по крайней мѣрѣ, части божества, не смотря на то, что онъ творилъ много чудесъ; далѣе, какъ доказать, что іудаизмъ представляетъ собою откровеніе для всѣхъ вѣковъ и не можетъ быть уничтоженъ никакою новой силой; наконецъ, если волшебство небылица, основанная на обманѣ, то почему моисеевы законы наказывали за это? Альфонсъ также спросилъ его, склоняется ли Богъ, по мнѣнію евреевъ, на молитву христіанина? Іосифъ ибнъ-Яхія отвѣтилъ на это утвердительно безъ всякаго колебанія; но долженъ былъ согласиться съ поправкой короля, что нѣкоторые талмудисты утверждаютъ противное. Король также высказалъ

[1]) Lindo history of the Jews in Spain, стр. 326.
[2]) Ordonancoes de Affonso L. II пунктъ 81 (Коимбра 1792).
[3]) Т. же L. II 93.
[4]) Ибнъ-Яхія, Schalschelet стр. 49.
[5]) Т. же.
[6]) Т. же 59.
[7]) Ибнъ-Верга, Schebet Jehuda № 65.

ему упрекъ: почему онъ (бывшій вѣроятно въ то время великимъ равниномъ) не удерживаетъ мужчинъ и женщинъ отъ ношенія бросающихся въ глаза нарядовъ, дающаго народу поводъ думать, что евреи, щеголяющіе въ шелкѣ и богатыхъ украшеніяхъ, добыли свою роскошь ограбленіемъ христіанъ? „Я не желаю никакого отвѣта отъ тебя", сказалъ король, „потому что знаю, что только грабежъ или насильственная смерть исправитъ васъ". Такимъ образомъ и при полной чашѣ благоденствія евреевъ не миновали горькія капли. Кортесы, въ свою очередь, сердились на короля за его дружелюбіе къ евреямъ и часто вносили предложенія ограничить ихъ права согласно каноническимъ и государственнымъ законамъ.

Пока Абрабанель пользовался расположеніемъ короля, онъ былъ для своихъ соплеменниковъ „щитомъ и стѣною, спасалъ страдальцевъ отъ насилій своихъ враговъ, лечилъ раны и отгонялъ яростныхъ львовъ", какъ пишетъ его поэтическій сынъ, *Іуда Леонъ*[1]). Абрабанель, тепло сочувствовавшій всѣмъ страдальцамъ, отечески относившійся къ сиротамъ и утѣшавшій плачущихъ, выказывалъ еще больше состраданія, когда дѣло касалось его несчастныхъ соплеменниковъ. Когда Альфонсъ завоевалъ портовый городъ, Арцилу, въ Африкѣ, войско привезло съ собою не мало тысячъ плѣнныхъ мавровъ, а въ ихъ числѣ 250 евреевъ, проданныхъ, какъ рабы, по всему королевству. Сердце Абрабанеля не выдержало горести при сознаніи, что евреи и еврейки осуждены на жалкое рабство. По его почину, въ Лисабонѣ собрался комитетъ изъ двѣнадцати членовъ еврейской общины и сталъ собирать деньги. Самъ Абрабанель вмѣстѣ съ коллегой объѣхалъ затѣмъ всю страну, выкупая еврейскихъ рабовъ, часто за высокую цѣну. Этимъ дѣло еще далеко не закончилось. Выкупленнымъ евреямъ и еврейкамъ, взрослымъ и дѣтямъ, приходилось еще доставлять одежду, пріютъ и пищу, пока они не научились языку страны и не получили возможность сами заботиться о себѣ.

Когда король Альфонсъ отправилъ къ папѣ Сиксту IV посольство для поздравленія его со вступленіемъ на папскій престолъ и извѣщенія о своей побѣдѣ надъ африканскими маврами, въ посольствѣ участвовалъ и докторъ *Іоао Сецира*, съ которымъ Абрабанель жилъ душа въ душу. Абрабанель взялъ у него клятву поговорить съ папой въ пользу евреевъ. Въ виду этого онъ попросилъ своего итальянскаго друга, Іехіеля изъ Пизы, оказывать Сецирѣ всевозможныя любезности и объяснить ему, какъ и главѣ посольства, *Лопо де-Алмейда*, какъ пріятно итальянскимъ евреямъ извѣстіе о расположеніи короля Альфонса къ ев-

[1]) Въ стихотвореніи передъ коментаріемъ Абрабанеля къ Пророкамъ.

реямъ, чтобы польстить послѣднему и его слугамъ [1]). Такимъ образомъ Абрабанель дѣлалъ все, что было въ его власти, ради своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ.

Однако политическія событія въ Португаліи вырвали у него изъ рукъ счастіе, которымъ онъ наслаждался вмѣстѣ со своей добродѣтельной и образованной женой и тремя талантливыми сыновьями: *Іудой Леономъ, Исаакомъ* и *Самуиломъ*. Его благодѣтель, Альфонсъ V, умеръ, а на престолъ вступилъ сынъ его, Іоао II (1481—1495), совершенно непохожій на отца, человѣкъ сильной воли, жесткаго характера и обладавшій большимъ искусствомъ притворяться. Онъ былъ коронованъ еще при жизни отца и выказалъ мрачное недовольство, когда Альфонсъ, считавшійся погибшимъ, неожиданно снова былъ найденъ въ Португаліи. Іоао II слѣдовалъ политикѣ своего современника, безсовѣстнаго французскаго короля, Людовика XI, чтобы освободиться отъ португальскихъ грандовъ и создать для себя неограниченное, абсолютное королевство. Прежде всего онъ имѣлъ въ виду *Фернандо браганцскаго*, герцога королевской крови, почти столь же могущественнаго и знаменитаго, какъ самъ король, и, во всякомъ случаѣ, болѣе популярнаго. Іоао II, который ненавидѣлъ герцога, какъ и брата его, хотѣлъ устранить обоихъ съ пути. Лаская герцога браганцскаго, онъ въ то же время приказалъ составить обвинительный актъ съ указаніемъ на то, что онъ поддерживалъ съ королевской четой Испаніи сношенія для заговора, основательность котораго еще по сіе время не обнаружена. Давъ ему поцѣлуй Іуды, онъ его арестовалъ, обвинилъ въ государственной измѣнѣ, велѣлъ его обезглавить и присвоилъ себѣ его обширныя имѣнія (въ іюнѣ 1483 г.). Братьямъ герцога пришлось бѣжать, чтобъ не раздѣлить его судьбу. Такъ какъ Абрабанель жилъ въ дружбѣ съ герцогомъ браганцскимъ и его братьями, то король Іоао и его заподозрилъ въ томъ, что онъ былъ посвященъ въ мнимый планъ о заговорѣ, а враги Абрабанеля еще укрѣпили подозрѣніе короля. Въ виду этого король приказалъ ему явиться къ себѣ. Ничего не предчувствуя, Абрабанель намѣревался уже исполнить приказаніе; но неизвѣстный другъ остановилъ его по дорогѣ, сообщилъ ему, что опасность угрожаетъ его жизни, и посовѣтовалъ ему поспѣшно бѣжать. Предупрежденный судьбою герцога браганцскаго, Абрабанель послушался совѣта друга и бѣжалъ въ Испанію. Король послалъ въ погоню всадниковъ; но тѣ не нагнали его, и онъ благополучно достигъ испанской границы. Въ своемъ скромномъ, но мужественномъ посланіи онъ удостовѣрялъ свою невинность во взведенномъ на него преступномъ замыслѣ, совершенно оправдывая и герцога браганцскаго

[1]) Carmoly т. же стр. 68.

отъ всякой вины [1]). Подозрительный деспотъ, не повѣрившій увѣреніямъ посланія, не только конфисковалъ все имущество Абрабанеля, но и имущество его сына, Іуды Леона [2]), который былъ уже самостоятельнымъ врачомъ. Но женѣ и дѣтямъ онъ разрѣшилъ уѣхать въ Испанію къ Абрабанелю.

Въ столицѣ Толедѣ, гдѣ Исаакъ Абрабанель поселился, онъ съ почетомъ былъ принятъ всѣми евреями, въ особенности учеными. Вокругъ прославленнаго и невинно преслѣдуемаго португальскаго государственнаго мужа собрался кружокъ ученыхъ и учениковъ. Онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ равиномъ Исаакомъ Авоавомъ (стр. 261) и главнымъ откупщикомъ податей, *Авраамомъ Сеніоромъ*. Послѣдній, какъ только Абрабанель поселился въ Толедѣ, сдѣлалъ его участникомъ откупа [3]). Абрабанель укорялъ себя, что онъ, ради государственныхъ дѣлъ и на службѣ мамонѣ, пренебрегалъ изученіемъ божественнаго закона, и смиренно призналъ свое несчастье справедливымъ наказаніемъ неба. Онъ немедленно, по настоятельной просьбѣ друзей, взялся за разъясненіе книгъ четырехъ историческихъ пророковъ (2-го мархешвана = 11-го октября 1483 г. [4]), которыя до сихъ поръ, въ виду кажущейся удобопонятности, оставались въ пренебреженіи. Такъ какъ еще раньше онъ часто занимался этимъ предметомъ, то успѣлъ составить коментаріи къ книгѣ Іисуса (Іошуи) въ шестнадцать дней, къ книгѣ Судей въ двадцать пять дней и въ три мѣсяца слишкомъ къ обѣимъ книгамъ Самуила (1483—1484). Можно съ достовѣрностью утверждать, что никто не былъ въ состояніи коментировать вышеуказанныя библейски-историческія книги, какъ Абрабанель. Онъ, кромѣ знанія языка, обладалъ рѣдкимъ опытомъ въ житейскихъ дѣлахъ, вѣрнымъ пониманіемъ политическихъ отношеній и усложненій, абсолютно необходимыхъ для освѣщенія нѣкоторыхъ неясностей въ библейскомъ изложеніи, для восполненія иныхъ пробѣловъ, а въ особенности для чтенія между строкъ объ изложенныхъ событіяхъ. Онъ также имѣлъ преимущество надъ другими коментаторами тѣмъ, что могъ пользоваться христіански-экзегетическими сочиненіями Іеронима, Николая де-Лира и даже крещенаго Павла изъ Бургоса, извлекши изъ ихъ книгъ все цѣнное. Поэтому Абрабанель въ своихъ коментаріяхъ внесъ нѣкоторый свѣтъ во многіе темные вопросы. Главное свое вниманіе онъ обратилъ на политическія дѣла израильскихъ судей и царей, на лѣстницу чиновнаго міра согласно описанію въ Библіи, на монетную систему и на многое

[1]) Предисловіе коментарія къ кн. Іошуи и Царей.

[2]) Іуда Леонъ въ элегіи (Ozar Nechmad II стр. 71).

[3]) Абрабанель въ предисловіи ком. къ кн. Іошуи; Amador III 295.

[4]) Заключеніе коментарія Абрабанеля къ кн. Іошуи, Судей и Самуила.

другое, что представлялось побочною вещью прежнимъ коментаторамъ. Вообще онъ обработалъ эти книги научнымъ путемъ, внесъ въ нихъ порядокъ, предпослалъ каждой книгѣ ясное введеніе и таблицу содержанія, ловко пользуясь методомъ, заимствованнымъ у христіанскихъ ученыхъ. Если бы Абрабанель не писалъ такъ растянуто и многорѣчиво, не имѣлъ привычки предпосылать каждой главѣ рядъ вопросовъ, часто излишнихъ, то его коментаріи сдѣлались бы народными или, по крайней мѣрѣ, заслужили бы это. Конечно, ему тогда не слѣдовало бы также выйдти изъ своей области и пускаться въ философскія изслѣдованія. Чѣмъ меньше знаній у него было въ этой сферѣ, тѣмъ больше онъ распространялся о ней. Абрабанель сталъ на точку зрѣнія вѣрующихъ школы нахманидо-хасдаевой и въ области этой ходилъ по широко протоптаннымъ дорожкамъ общихъ мѣстъ. У него даже не хватало терпѣнія спокойно выслушать свободное слово объ іудаизмѣ и его догматахъ, назвалъ ересью изслѣдованія Албалага, Каспи, Нарбони и Самуила Царцы и даже оскорбилъ ихъ, ставя ихъ на одну линію съ безсовѣстнымъ отступникомъ, Авнеръ-Альфонсомъ изъ Валядолида [1]). Онъ сердился и на Леви бенъ-Герсонъ за то, что онъ освѣщалъ философски нѣкоторые предметы въ іудаизмѣ и не придерживался безусловно вѣры въ чудеса. Подобно современнымъ ему слѣпо вѣрующимъ, подобно Іосифу Явецу, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что униженія и гоненія, которымъ евреи подвергались въ Испаніи, имѣютъ своей причиной ересь, появлявшуюся то тамъ, то сямъ [2]). Но развѣ набожные нѣмецкіе евреи, не имѣвшіе никакого понятія о еретической философіи, терпѣли меньше страданій?

Не долго пришлось Абрабанелю отдаваться любимому занятію: оно вскорѣ опять должно было уступить мѣсто государственной службѣ. Онъ было уже принялся за освѣщеніе цѣлаго ряда іудейскихъ и израильскихъ царей, какъ былъ призванъ ко двору Фернандо и Изабеллы, поручившихъ ему управленіе финансами [3]). Испанское войско потерпѣло весною 1483 г. страшное пораженіе отъ магометанъ Гранады въ горахъ Аксаркіи. Казна была пуста; субсидіи, доставленныя папой Сикстомъ для этой, такъ называемой, священной войны, тоже растаяли. Фернандо уже хотѣлъ прекратить войну съ невѣрными; но королева пылала усердіемъ доставить кресту окончательную побѣду надъ полумѣсяцемъ. Оставался вопросъ, гдѣ добыть денегъ для новаго ополченія. Въ этотъ то моментъ и потребовалась помощь португальскаго финансиста-еврея. Подъ его рукою государственные доходы были, очевидно, въ отличномъ состояніи, такъ какъ въ теченіе восьми лѣтъ его управленія (мартъ 1484—мартъ 1492)

[1]) Коментарій къ кн. Іисуса гл. 10.

[2]) Т. же.

[3]) Предисловіе коментарія къ кн. Царей.

дѣло шло безупречно. Онъ отдалъ королевской четѣ и умъ свой, и совѣты. Абрабанель самъ разсказываетъ, что онъ пріобрѣлъ на королевской службѣ богатства и имѣнія и пользовался почетомъ въ придворной сферѣ и среди грандовъ. Можно себѣ представить, какъ онъ былъ имъ необходимъ, если они, ультра-католическіе монархи, на глазахъ ядовитаго Торквемады, вопреки каноническимъ законамъ и частнымъ рѣшеніямъ кортесовъ о недопущеніи еврея къ какой либо должности, все-таки принуждены были довѣрить еврейскому министру финансовъ нервъ государственной жизни!

Повидимому, дворъ столько цѣнилъ Абрабанеля, какъ и другихъ еврейскихъ финансистовъ, что онъ, къ удивленію друзей и враговъ евреевъ, допустилъ нарушеніе каноническихъ ограниченій, рекомендованныхъ папами, церковными соборами и кортесами къ строжайшему соблюденію. Папа Закстъ IV горько жаловался (31-го мая 1484 г.) на широкія вольности, предоставленныя евреямъ въ Испаніи, особенно въ провинціи Андалузіи: евреи не носили позорнаго значка на одеждѣ, держали въ своихъ домахъ христіанскую прислугу и мамокъ; еврейскіе врачи практиковали у христіанскихъ паціентовъ и давали имъ лекарства; аренда мірскихъ и духовныхъ имѣній и даже управленіе государственными доходами были въ рукахъ евреевъ, и вообще евреи и христіане сносились другъ съ другомъ безпрепятственно на посрамленіе католической религіи и въ ущербъ спасенію души простоватыхъ вѣрующихъ христіанъ. Само собою разумѣется, папа этотъ настаивалъ на строгомъ проведеніи ограниченій для униженія евреевъ. Кажется даже, что стоявшіе у трона королевской четы евреи, какъ Абрабанель и Авраамъ Сеніоръ, пользовались своимъ вліяніемъ для смягченія горькой судьбы марановъ, терзаемыхъ инквизиціей. Они разъясняли, что многіе обычаи, въ исполненіи которыхъ обыкновенно обвиняли новохристіанъ, вовсе не принадлежатъ къ еврейскимъ обрядамъ и что, если евреи показываютъ противъ марановъ, показанія эти не должны вести къ осужденію обвиняемыхъ, ибо евреи въ этомъ случаѣ руководятся только фанатической ненавистью къ нимъ. Эта защита инквизиціонныхъ жертвъ, повидимому, принята была дворомъ въ уваженіе, такъ какъ доминиканцы поручили составить книгу подъ названіемъ „*Цензура и опроверженіе Талмуда*, которую они вручили главному инквизитору, Торквемадѣ, для оправданія его дѣйствій. Абрабанель, безъ сомнѣнія, стоялъ близко къ этой защитѣ своихъ единовѣрцевъ, не измѣнившихъ религіи. Однако свѣдѣнія объ оказанныхъ имъ услугахъ не дошли до насъ въ благодарныхъ воспоминаніяхъ страдальцевъ вслѣдствіе обрушившихся затѣмъ ужасныхъ несчастій. Тѣмъ не менѣе онъ былъ для нихъ въ Кастиліи, какъ и въ Португаліи, оплотомъ,

ибо у доминиканцевъ, ихъ заклятыхъ враговъ, не было недостатка въ ложныхъ и зажигательныхъ обвиненіяхъ. То они выдумывали, что евреи въ одномъ приходѣ поносили крестъ, то говорили, что они украли христіанскаго ребенка и распяли его; въ Валенсіи евреи якобы тоже попытались сдѣлать это, но имъ помѣшали (1488—1490).

Между тѣмъ гранадская война, столь гибельная для мавровъ и евреевъ и длившаяся съ перерывами семь лѣтъ (1484—1491), снова пошла своимъ ходомъ, причемъ евреямъ тоже приходилось участвовать въ ней деньгами. Еврейскія общины были обложены чрезвычайной военной податью (Alfarda, подать инородцевъ), которую королевскій фискалъ, *Вилярисъ*, собиралъ съ крайней строгостью. Въ то время, какъ евреи принуждались, до извѣстной степени, приносить дрова для собственнаго костра, народъ хохоталъ, повторяя стихи, составленные для насмѣшки надъ несчастными[1]).

Въ королевствѣ Гранадѣ, павшемъ вслѣдствіе своего высокомѣрія, жило не мало евреевъ, число которыхъ еще болѣе возросло вслѣдствіе бѣгства марановъ изъ Испаніи, чтобы избавиться отъ костровъ инквизиціи. Правда, и здѣсь ихъ положеніе было незавидное, такъ какъ испанская ненависть перешла къ нимъ и въ Гранаду; однако, на религію ихъ, по крайней мѣрѣ, не нападали здѣсь и жизни ихъ не всегда угрожала опасность. *Исаакъ Гамонъ* былъ лейбъ-медикомъ послѣдняго гранадскаго короля и пользовался при дворѣ большими милостями. Однажды, когда на улицахъ Гранады произошла драка, окружающіе заклинали дерущихся жизнью пророка разойтись, но тѣ не обратили на это вниманія. Но затѣмъ, когда то-же увѣщаніе было сдѣлано съ упоминаніемъ имени королевскаго врача, драка сейчасъ же прекратилась. Этотъ случай, показавшій, что Исаакъ Гамонъ пользуется у населенія большимъ уваженіемъ, чѣмъ пророкъ Магометъ, возбудилъ нѣкоторыхъ фанатиковъ-магометанъ, которые напали на евреевъ Гранады и перебили ихъ. Спаслись только тѣ, которые пріютились въ укрѣпленномъ королевскомъ замкѣ. Съ этого времени еврейскіе врачи Гранады отказались носить шелковую одежду и ѣздить верхомъ на лошадяхъ[2]), чтобы не возбуждать зависть магометанскаго населенія.

Въ Гранадѣ въ это время жило весьма уважаемое семейство *Гависонъ* (Габисонъ), бѣжавшее изъ Севильи во время гоненій 1391 и выдѣлившее изъ своей среды даровитыхъ людей, писателей, поэтовъ и

[1]) Iudio de longa nariz — Еврей длинноносый
Paga la farda a Villaris, — Деньги Вилярису платитъ,
Paga la farda a Villaris — Деньги Вилярису платитъ
Judio de longa nariz. — Еврей длинноносый.

[2]) Ибнъ-Верга Schebet Jehuda № 37.

въ особенности, мучениковъ, не боявшихся смерти[1]). Равиномъ гранадской общины и всѣхъ евреевъ этого небольшого государства былъ *Садія бенъ-Маймонъ ибнъ Дананъ* (главная его дѣятельность 1460—1505 г.), происходившій изъ древней фамиліи и принадлежавшій къ рѣдкимъ явленіямъ того времени: изучивъ Талмудъ и владѣя еврейскимъ языкомъ, онъ еще интересовался исторіей и поэзіей, самъ былъ поэтомъ и пѣлъ романсы:

„Милая у меня на колѣняхъ,
Арфа у нея на колѣняхъ,
Я отъ пѣсенъ ея умираю."

Рожденный и воспитанный въ арабской части Испаніи, Садія ибнъ-Дананъ былъ мало проникнутъ тѣмъ мрачнымъ религіознымъ настроеніемъ, которое, возникнувъ въ христіанской Испаніи съ прибытіемъ ашеридовъ и будучи питаемо гоненіями, все болѣе и болѣе овладѣвало умами. Садія представлялъ еще отголосокъ прекрасной эпохи Іегуды Галеви и Ибнъ-Эзры. Нежизнерадостный равинизмъ и мрачное преувеличенное благочестіе еще не осѣли тяжелымъ свинцомъ на его душѣ и не парализовали полета его фантазіи. Садія ибнъ-Дананъ очень высоко ставилъ поэзію и считалъ поэтовъ *полу-пророками* и даже полными пророками, если ихъ муза отдавалась на службу религіи. Однако размѣръ и риѳма, орудія ново-еврейской поэзіи, казались ему менѣе необходимыми, такъ, какъ библейская поэзія не знаетъ ихъ. Подобно поэзіи, онъ высоко цѣнилъ и еврейскую исторію. Садія ибнъ-Дананъ обработалъ для учениковъ краткое обозрѣніе израильскихъ и іудейскихъ царей отъ Саула до Ирода и Баръ-Кохбы, принявъ во вниманіе лѣтосчисленіе, и затѣмъ обозрѣніе цѣлаго ряда собирателей преданій, отъ Іегуды Наси, собирателя мишны, до Маймонида, не пропуская хронологическихъ данныхъ[2]), поскольку онъ могъ добыть ихъ изъ источниковъ.

Инквизиція съ ея кровожадностью дала Садіи ибнъ-Дананъ поводъ выставить отъ себя равинское рѣшеніе. Нѣкій маранъ, предки котораго, почти за сто лѣтъ тому назадъ, были насильно обращены въ христіанство, бѣжалъ изъ Кастиліи въ Малагу, перешелъ въ іудейство, женился и вскорѣ умеръ бездѣтнымъ. Тогда возникъ вопросъ, долженъ ли этотъ бракъ разсматриваться, какъ бракъ еврея отъ рожденія или прозелита, лежатъ ли на оставленной вдовѣ брачныя обязанности по отношенію къ живымъ братьямъ покойника, пребывающимъ въ христіанствѣ или псевдо-христіанствѣ.

[1]) Авраамъ Гависонъ въ עומר השכחה стр. 138.
[2]) Респ. פאר הדור № 225.

Когда одно некомпетентное лицо высказалось, что по закону слѣдуетъ со всѣми новохристіанами безъ исключенія обходиться, какъ съ отступниками отъ іудаизма, Саадія ибнъ-Дананъ рѣшительно выступилъ противъ этого мнѣнія, подтвердивъ свое сужденіе слѣдующимъ мѣткимъ отвѣтомъ: сами христіане поносятъ и ненавидятъ, какъ евреевъ, несчастныхъ марановъ, внутренне проклинающихъ насильно навязанную имъ религію; мараны часто жертвуютъ для религіи жизнью, и потому съ ними должно обходиться, какъ съ евреями, если они даже родились и воспитаны въ христіанствѣ.

Недолго оставалась прекрасная гавань Малага, жемчужина Андалузіи, убѣжищемъ для несчастныхъ марановъ, которые желали открыто исповѣдывать іудаизмъ. Раздоры соперничающихъ правителей Гранады послужили причиной того, что Малага сдалась христіанскимъ побѣдителямъ, и архи-католическая королевская чета торжественно вошла въ ворота города (18 авг. 1487 г.). Всѣ жители взяты были въ рабство. Между ними было около 450 евреевъ, и еврейское состраданіе естественно отозвалось и на ихъ горе. Главный откупщикъ податей въ Кастиліи, *Авраамъ Сеніоръ* (и, конечно, его компаньонъ, Исаакъ Абрабанель), сталъ во главѣ общества для сбора выкупныхъ денегъ. Молодой *Соломонъ ибнъ-Верга* (сынъ благороднаго Іуды ибнъ-Верга, тотъ самый, который впослѣдствіи собралъ воспоминанія о страдальческой исторіи своихъ разсѣянныхъ соплеменниковъ) объѣхалъ испанскія общины и собралъ 27000 золотыхъ дублоновъ (около 98000 талеровъ); еврейскіе плѣнники были выкуплены и отправлены въ Берберію [1]). Двѣнадцать евреевъ Малаги, признанныхъ виновными въ лже-христіанствѣ, были умерщвлены въ невыразимыхъ мученіяхъ [2]).

Послѣ долгой и кровавой войны величественная Гранада, наконецъ, перешла въ руки гордыхъ испанцевъ. Послѣдній легкомысленный король, *Мулей абу-Абдала* (Боабдилъ, Абулхасанъ), подписалъ тайный договоръ (25 ноября 1491 г.) въ пользу Фернандо и Изабеллы, обязавшись передать имъ черезъ два мѣсяца городъ и область. Такъ какъ самостоятельность послѣднихъ была потеряна, то слѣдуетъ считать очень благопріятными слѣдующія условія сдачи: мавры сохраняютъ свободу совѣсти, самостоятельное судопроизводство, право выселенія и вообще всѣ нравы и обычаи; они должны платить тѣ же подати, которыя и раньше платили мавританскимъ правителямъ; ренегаты, т. е. христіане, принявшіе исламъ, или, вѣрнѣе, мудеяры-лжехристіане, бѣжавшіе отъ инквизи-

[1]) Закуто Jochasin изд. Филиповскаго стр. 227. Ибнъ-Верга Schebet Jehuda: ואני הדל שלמה בן וירגה שלחוני קהלות (לקהלות?) בפרד לקבץ פדיון לשבויי מאלקה.

[2]) Zurita Annales de Aragon L. XX, гл. 71.

ціи въ гранадскую область, чтобы снова вернуться къ исламу, пользуются безопасностью и неприкосновенностью: инквизиція не можетъ употребить противъ нихъ насиліе. То же самое условіе ясно выговорено и въ пользу евреевъ столицы Гранады, округа Албаицина, предмѣстій и Алпуярскихъ горъ: они тамъ пользуются тѣмъ же снисхожденіемъ и тѣми же правами; только перешедшіе обратно въ іудейство мараны обязаны выселиться въ теченіе одного мѣсяца по сдачѣ города; при дальнѣйшемъ же пребываніи они попадаютъ подъ власть инквизиціи. Небезынтересно обратить вниманіе на одинъ пунктъ, который выговорилъ себѣ послѣдній мавританскій король: ни одинъ еврей не долженъ имѣть права получать должность сборщика податей, комисара или судьи среди подчиненныхъ мавровъ. 2-го января 1492 г. Фернандо и Изабелла вмѣстѣ съ войскомъ при звонѣ колоколовъ и съ набожнымъ тщеславіемъ вошли въ городъ. Магометанское государство исчезло на полуостровѣ, какъ сказка изъ тысячи и одной ночи. Послѣдній властелинъ, Мулей абу-Абдала, бросилъ послѣдній мрачный взоръ разлуки на свое исчезнувшее величіе, удалился въ предоставленную ему область Алпуярскихъ горъ, но не могъ преодолѣть свое неудовольствіе и переправился въ Африку. Такимъ образомъ, по прошествіи почти восьми столѣтій, весь Пиренейскій полуостровъ снова сталъ христіанскимъ, какъ во времена вестготовъ. Небо, однако, не могло радоваться этой побѣдѣ, такъ какъ она доставила служителямъ ада новыя жертвы. Евреи раньше всѣхъ почувствовали трагическія послѣдствія побѣды, одержанной надъ Гранадой.

Война съ магометанской Гранадой, представлявшая вначалѣ простую оборону противъ рѣзкихъ пограничныхъ нарушеній и карательныя экспедиціи за несоблюденіе договоровъ, мало-по-малу приняла характеръ крестоваго похода противъ невѣрныхъ, священной борьбы для возвеличенія креста и распространенія христіанства. Побѣда опьянила пламеннымъ фанатизмомъ не только благочестивую королеву и ханжу-короля, но и всѣхъ испанцевъ. Невѣрные магометане побѣждены, а еще болѣе невѣрнымъ евреямъ должно ли быть предоставлено свободно жить въ странѣ, ради которой Святая Дѣва и Святой Яковъ сотворили столько чудесъ? Вопросъ этотъ былъ слишкомъ близкій, и потому отвѣтъ на него не могъ быть иной, какъ въ роковомъ для евреевъ смыслѣ. Настоянія безчеловѣчнаго Торквемады и его единомышленниковъ, у которыхъ евреи давно были бѣльмомъ на глазу, на изгнаніи ихъ изъ страны въ началѣ вызывали только пожиманіе плечъ; но теперь, при упоеніи побѣдой, встрѣчали больше вниманія. Къ тому же евреи, эта живая касса, со времени обогащенія казны несмѣтной добычей, взятой въ богатыхъ городахъ побѣжденной гранадской области, ужъ не казались необходимыми. Еще прежде,

чѣмъ крестоносное знамя стало развѣваться въ Гранадѣ, Фернандо и Изабелла уже думали о томъ, чтобы изгнать евреевъ изъ Испаніи. Съ этой цѣлью они отправили къ папѣ Инокентію VIII посольство съ извѣстіемъ, что они хотятъ изгнать евреевъ изъ своей страны, если онъ самъ подастъ имъ въ этомъ отношеніи примѣръ, ибо онъ, вѣдь, представитель Іисуса и долженъ отомстить за смерть его убійцамъ. Однако этотъ столь низкій папа, произведшій на свѣтъ семь незаконнорожденныхъ сыновей и столько же дочерей и нарушившій свою торжественную клятву сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, не стоялъ за изгнаніе евреевъ. *Мешуламъ* въ Римѣ, узнавшій о рѣшеніи папы, съ радостью сообщилъ итальянскимъ и неаполитанскимъ общинамъ о томъ, что папа не соглашается на ихъ изгнаніе[1]). Но королевская чета Испаніи рѣшилась выполнить свой планъ и безъ согласія папы.

Чтобы уничтожить послѣднія сомнѣнія королевской четы относительно столь важнаго мѣропріятія, заправилы инквизиціоннаго судилища возбудили процесъ, который, будучи основанъ на лжи и обманѣ, долженъ былъ закончиться такъ, чтобы вѣрующіе христіане не могли не содрогнуться въ ужасѣ отъ выяснившихся злодѣйствъ евреевъ и іудействующихъ марановъ и чтобы всѣ убѣдились въ опасности, проистекающей отъ сношеній новохристіанъ съ евреями. Нужно было дать почувствовать, что, пока евреи останутся въ странѣ, не умолкнутъ возбуждающія ужасъ поношенія догматовъ христіанской религіи. Процесъ этотъ, сотканный изъ чистѣйшей лжи, заведенъ былъ и производился такъ ловко, что признанія нѣкоторыхъ невинно обвиненныхъ въ измышленныхъ преступленіяхъ считались доказанными въ теченіе многихъ столѣтій, да и нынѣ еще находятъ вѣру у людей даже неглупыхъ. Процесъ этотъ, тянувшійся полтора года (іюнь 1490—ноябрь 1491), начался тѣмъ, что шестеро новохристіанъ и трое евреевъ брошены были въ тюрьму инквизиціи, а обвинитель этого, столь прославившагося своей безчеловѣчностью, учрежденія оговорилъ ихъ въ совершеніи самыхъ тяжелыхъ преступленій, а именно: арестованные евреи склонили своихъ товарищей марановъ іудействовать и поносить Христа, Богоматерь и христіанскія таинства; всѣ обвиненные подвергли трехлѣтняго христіанскаго ребенка тѣмъ же мученіямъ, какимъ евреи когда-то подвергли Іисуса, и затѣмъ умертвили его; они вырѣзали у него сердце, добыли освященную гостію и наконецъ приготовили изъ этого сердца и гостіи волшебное средство, чтобы обез-

[1]) Это сообщеніе въ Schebet Iehuda Ибнъ-Верги: כתב אשר שלח השר . . משולם איש רומי לקהלות כל ממשלת האפיפיור ממשלת נאפוליש . . . דעו לכם כי המושיע הרב ונאמן אשר עמד עליכם בימי קדם הוא העומד תמיד להצילכם . יום ראשון לנאדאל באו ימני האפיפיור שני שרים מן המלך מלך ספרד לגרש היהודים אשר במלכותו ושיגרשם הוא ראשונה וכו׳

силить дѣятельность инквизиторовъ, причинить имъ смерть и даже истребить всѣхъ христіанъ. Всѣ эти обвиненія были связаны съ злодѣйствомъ, совершеннымъ надъ *„святымъ дитятей изъ Ла-Гардіи“*. Главный инквизиторъ, Торквемада, приказалъ своимъ подчиненнымъ разслѣдовать это дѣло. Такъ какъ обвиняемые все отрицали, а для изобличенія ихъ не было ни одного свидѣтеля, ни одного подозрительнаго обстоятельства, то всякій другой судъ долженъ былъ ихъ освободить, тѣмъ болѣе, что обвиненіе относительно ребенка было очевидной выдумкой, потому что не оказалось никакой матери, потерявшей дитя, а самъ обвинитель не могъ сказать, къ какой семьѣ дитя принадлежитъ и въ какомъ мѣстѣ оно жило. Однако инквизиціонное судилище нашло способъ добыть ложныя доказательства преступленія. Когда одинъ изъ обвиняемыхъ евреевъ тяжело заболѣлъ и просилъ прислать ему единовѣрца, который читалъ бы съ нимъ предсмертныя молитвы, инквизиція отправила къ нему монаха, переодѣтаго равиномъ. Шпіонъ этотъ и пользовавшій больного врачъ предложили ему замысловатые вопросы, отвѣты на которые могли быть приняты за признанія. Но главнымъ образомъ инквизиція прибѣгала къ помощи пытокъ, подвергая имъ всѣхъ обвиняемыхъ и не щадя даже восьмидесятилѣтняго старика. Тѣ, которые устояли въ первый разъ, снова и снова подвергались пыткамъ, каждый разъ съ увеличеніемъ мученій. Признанія, которыя мученики давали при пыткахъ на предложенные вопросы, записывались. Вопросы эти нарочно обставлялись такимъ образомъ, что пытаемый обвинялъ не только себя, но и того или другого изъ остальныхъ обвиняемыхъ. Такимъ образомъ кровавое судилище получило сколько угодно доказательствъ о томъ, что евреи, а между ними совершенно юный сапожникъ и его восьмидесятилѣтній отецъ, склонили множество христіанъ отречься отъ своей религіи, что всѣ обвиняемые истязали и убили ребенка, кощунствуя надъ Іисусомъ, и что они осквернили освященную гостію. Всѣ были приговорены къ смерти: евреи сожжены живыми, а христіане, въ виду раскаянія, предварительно были удавлены.

Теперь оставалось, пользуясь процесомъ объ убійствѣ „святого дитяти изъ Ла-Гардіи“ и сопутствовавшими ему обстоятельствами, извлечь все нужное, чтобы всѣ вѣрующіе христіане и королевская чета узнали объ этихъ злодѣяніяхъ. Съ этой цѣлью разослано было поспѣшно сообщеніе о процесѣ и о признаніи одного изъ обвиняемыхъ, словамъ котораго придавалась большая важность, при чемъ объявлено было о казни всѣхъ обвиненныхъ, съ присовокупленіемъ, что сообщеніе это должно быть прочитано съ каѳедры въ церквахъ. Жителямъ городка Ла-Гардіи, недовѣрчиво перешептывавшимся по поводу процеса, такъ какъ среди нихъ и по близости никто не потерялъ ребенка, вмѣнили въ долгъ оставить

вблизи своего городка невспаханнымъ и освятить мѣсто, въ которомъ могли бы оказаться останки ребенка (останки вымышленнаго призрака), ибо тамъ могутъ еще твориться чудеса. Торквемада послалъ вышеупомянутое сообщеніе даже каталонцамъ, ненавидѣвшимъ инквизицію и еще въ 1487 г. противившимся ея введенію [1]); при этомъ пришлось сдѣлать переводъ, такъ какъ каталонское нарѣчіе уклонялось отъ испанскаго языка. Такимъ то образомъ испанцевъ довели до того, что они стали съ содроганіемъ разсказывать о чудовищныхъ преступленіяхъ евреевъ и новохристіанъ. Сообщеніе о признаніяхъ *Бендито Гарціи*, одного изъ обвиненныхъ и казненныхъ, въ особенности годилось для того, чтобы вызвать негодованіе. Гарція признался: онъ,соблазненный евреями,не только соблюдалъ обряды іудаизма, субботу, пасху, праздничные и постные дни, пренебрегая христіанскими обязанностями, употребляя мясо по пятницамъ и въ великопостные дни, но и поносилъ таинства, говоря: это только суевѣріе и все, касающееся Іисуса и Маріи, во что христіане вѣрятъ, есть вздоръ; Іисусъ не родился отъ дѣвы, а былъ сыномъ Іосифа и развратной женщины (fijo de mujer corruta), христіане— идолопоклонники, такъ какъ они обожаютъ гостію, которая не что иное, какъ мука и вода, и всѣ изображенія христіанскихъ святыхъ кажутся ему идолами. Все это Бендито Гарція будто утверждалъ и совершалъ, согласно показанію, и вовлеченъ былъ во все это евреями. Въ Авилѣ, гдѣ невинныя жертвы взошли на костеръ, происшествіе это такъ озлобило народъ противъ евреевъ, что они боялись за жизнь и умоляли королевскую чету о защитѣ.

Ускорилъ ли этотъ ужаснувшій христіанъ процесъ рѣшеніе королевской четы объ изгнаніи евреевъ или нѣтъ—неизвѣстно; но едва прошло пять мѣсяцевъ послѣ гибели на кострѣ обвиненныхъ, какъ изгнаніе это было рѣшено.

Находясь въ волшебномъ дворцѣ, Алгамбрѣ, *„католическіе монархи“* издали указъ о выселеніи всѣхъ испанскихъ евреевъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ изъ всѣхъ областей Кастиліи, Арагоніи, Сициліи и Сардиніи подъ угрозой смерти (31-го марта 1492 г. [2]). Имущество свое они могли забрать, за исключеніемъ золота, серебра, монетъ или запрещенныхъ къ вывозу товаровъ; все прочее, допускаемое къ вывозу, они вправѣ были унести съ собою. Въ этомъ безсердечномъ и безчувственно-холодномъ указѣ Изабелла и Фернандо старались оправдать свою жестокость

[1]) Amador III. 603. Абрабанелъ въ предисловіи ком. къ кн. Царей говоритъ: וכרוזא קרא בחיל . . . וכמשלש חדשים לא תשאר פרסה מכל אשר יקרא בשם יעקב: Закуто (изд. Филиповскаго стр. 227) сообщаетъ: ובשנת רנ״ב . . . ר״ח איניר כבש ואת גראנטה ואז גזרו גרוש על היהודים ואחר ארבעה חדשים נתנו הכרוז בסוף ארבל (אבריל ч.) בכל מדינה ומדינה בחצוצרות שילכו כל היהודים ממלכותו עד ג׳ חדשים שהגיע לשבעה ימים מחודש אב.

[2]) Llorente I, стр. 211.

доводами, выдуманными скорѣе для населенія и заграничныхъ государствъ, чѣмъ для заинтересованныхъ. Указъ этотъ ничуть не упрекаетъ евреевъ, что они занимались чрезмѣрнымъ ростовщичествомъ, несправедливо обогащались, высасывали народные соки, оскверняли гостіи или распинали дѣтей. Обо всемъ этомъ въ указѣ ничего не говорится; въ немъ только разъясняется: причина недовольства лежитъ въ томъ, что новохристіане впадаютъ въ „еврейское невѣріе", имѣя сношенія съ евреями. Для устраненія этого зла (говорится въ указѣ) королевская чета, съ одной стороны, обособила евреевъ въ отдѣльныхъ кварталахъ, а, съ другой, учредила инквизицію. Однако, несмотря на то, что инквизиціонный судъ открылъ виновныхъ и наказалъ ихъ, зло все еще продолжается, какъ объ этомъ сообщаютъ инквизиторы и другія духовныя, какъ и свѣтскія лица, а происходитъ это именно благодаря сношеніямъ обращенныхъ съ евреями. Ибо послѣдніе употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы соблазнять марановъ, ихъ губить, отторгать отъ католичества и удерживать въ іудаизмѣ на позоръ святой католической религіи.

Въ указѣ далѣе разъяснялось: было бы въ порядкѣ вещей, если бы евреи были еще раньше изгнаны изъ-за ихъ соблазнительныхъ подстреканій къ отпаденію отъ христіанства; но королевская чета пыталась вначалѣ дѣйствовать съ кротостью, выселила евреевъ только изъ Андалузіи и самыхъ виновныхъ евреевъ наказала, вполнѣ надѣясь, что средство это поможетъ; однако средство это оказалось недостаточнымъ: евреи, наоборотъ, ежедневно осуществляли свой злой умыселъ отвращать новохристіанъ отъ католической религіи; а потому королевской четѣ ничего другого не остается, какъ совершенно изгнать ихъ, лишивъ ихъ этимъ возможности отторгнуть отъ религіи тѣхъ, которые доселѣ оставались вѣрными христіанству, а равно и другихъ, которые, хотя прежде отпали, уже раскаялись и вернулись къ святой матери-церкви. Затѣмъ указъ приводитъ въ оправданіе: никакое общество не можетъ существовать, если въ его средѣ нѣкоторые члены совершаютъ позорныя преступленія; дурные жители города должны быть изгнаны, если они нарушаютъ покой горожанъ; тѣмъ паче необходимо изгнать евреевъ, которыхъ опасныя и заразительныя злодѣянія направлены противъ католической религіи; въ виду этого королевская чета, по совѣщаніи съ нѣкоторыми церковными іерархами, грандами и учеными, рѣшила выселить евреевъ изъ всѣхъ областей государства. Никакой христіанинъ не долженъ, по истеченіи срока, защищать или пріютить еврея подъ страхомъ конфискаціи его имущества. Такимъ образомъ эдиктъ Фернандо и Изабеллы выдаетъ тогдашнимъ евреямъ Испаніи благопріятное удостовѣреніе, что они неповинны ни въ какомъ преступленіи, кромѣ

вѣрности своей религіи и старанія удержать въ ней своихъ соплеменниковъ-марановъ. Для оправданія этой безчеловѣчной несправедливости была выдумана басня: королевская чета потому такъ ожесточена противъ евреевъ, что инфантъ въ подаренномъ ему еврейскимъ придворнымъ апельсинѣ нашелъ изображеніе Іисуса въ гнусномъ положеніи [1]).

Такимъ образомъ былъ, наконецъ, нанесенъ ударъ, котораго дальновидные люди давно уже боялись. Испанскіе евреи должны были оставить страну, съ которой они срослись всѣми фибрами своего сердца, въ которой отцы ихъ покоились въ могилахъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пятнадцати столѣтій и которая столь много обязана была имъ своей славой, богатствомъ и образованіемъ. Указъ произвелъ на всѣхъ дѣйствіе оглушительнаго грома. Абрабанель и Авраамъ Сеніоръ еще надѣялись отвести его силу, благодаря своему вліянію. Они поспѣшили къ королевской четѣ, предлагая ей отъ евреевъ бѣшеныя деньги за отмѣну указа. Христіанскіе друзья ихъ, выдающіеся гранды, поддерживали ихъ просьбу. Фердинандо, который болѣе интересовался деньгами, чѣмъ возвеличеніемъ католической религіи, склонялся уже къ уступкѣ. Тогда, говорятъ [2]), фанатическій и ядовитый инквизиторъ, Торквемада, возвысилъ свой мощный голосъ. Разсказываютъ, что, услышавъ во дворцѣ о переговорахъ, онъ бросился въ залъ къ королевской четѣ и, держа въ рукѣ распятіе, произнесъ крылатое слово: „Іуда Искаріотъ продалъ Христа за 30 сребрениковъ, а Ваши Величества хотятъ продать Его за 300.000 золотыхъ; вотъ Онъ, возьмите и продайте Его!“ Съ этими словами онъ оставилъ залъ. Эти слова или вліяніе другихъ духовныхъ лицъ побудили Изабеллу энергично настаивать на осуществленіи эдикта, и она, будучи, вообще, смѣлѣе короля, поддержала въ немъ враждебное евреямъ настроеніе. *Жуанъ де [illegible]*, членъ королевскаго совѣта въ Арагоніи, выполнявшій функціи министра, тоже проявилъ настойчивую дѣятельность въ осуществленіи эдикта. Въ концѣ апрѣля по всей странѣ стали расхаживать глашатаи и трубачи, объявляя: евреи для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ могутъ оставаться въ странѣ только до конца іюля; кто по истеченіи этого срока останется на испанской землѣ, тотъ подвергается смертной казни.

Несмотря на неизмѣримое отчаяніе, въ которое впали евреи, вынужденные отрекаться отъ дорогой родины и могилъ своихъ отцовъ и идти на встрѣчу неизвѣстной судьбѣ, къ чужому, къ народамъ, языка которыхъ они не понимали и которые, быть можетъ, окажутся еще фанатичнѣе испанскихъ христіанъ, они все-таки должны были пріучить

[1]) Yanguas y Miranda Diccionario de Antiguedades de Navarra, статья Judios II, [illegible]

[2]) [illegible] стр. [illegible]

себя къ мысли о необходимости выселиться и серьезно подготовиться къ этому. На каждомъ шагу они убѣждались, что ихъ ожидаетъ еще болѣе страшная судьба, чѣмъ изгнаніе. Если бы они могли уйти вмѣстѣ со своими богатствами, какъ это было съ англійскими евреями въ концѣ тринадцатаго вѣка и съ французскими на столѣтіе позже, то они устроили бы себѣ на чужбинѣ сносное существованіе. Но еврейскіе капиталисты лишены были права вывозить свои наличныя деньги и были вынуждены отдать ихъ подъ векселя. Испанія въ эту эпоху, въ виду господствовавшаго въ ней рыцарскаго и церковнаго элемента, не имѣла, какъ Италія, міровыхъ рынковъ, гдѣ бумаги ея принимались бы въ качествѣ цѣнностей. Крупныя дѣла, большей частью, были въ рукахъ евреевъ и марановъ, а послѣдніе, изъ страха передъ инквизиціей, должны были держаться вдали отъ своихъ соплеменниковъ. Владѣльцы недвижимостей принуждены были сбыть ихъ за безцѣнокъ, такъ какъ покупатели отсутствовали; они умоляли христіанъ дать имъ въ обмѣнъ хотя бы незначительную цѣнность. Одинъ современникъ, *Андреасъ Бернардецъ*, священникъ изъ Лосъ-Палаціоса, разсказываетъ, что лучшіе еврейскіе дома и великолѣпныя помѣстья продавались за бездѣлицу. Домъ былъ обмѣненъ на осла, виноградникъ на кусокъ сукна или холста. Такимъ образомъ растаяли безслѣдно еврейскія богатства и не могли имъ принести помощь въ черные дни. Въ Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи было еще хуже. Торквемада, который при этихъ обстоятельствахъ хотѣлъ еще перещеголять всѣ доселѣ совершенныя имъ звѣрства, запретилъ христіанамъ входить съ ними въ какія бы то ни было сношенія. Въ этихъ областяхъ король Фернандо наложилъ арестъ на имущество изгоняемыхъ не только для покрытія ихъ долговъ, но и для удовлетворенія притязаній, которыя предъявятъ имъ монастыри[1]). Даже и такое дьявольское средство Торквемада употребилъ для церковныхъ цѣлей. Онъ надѣялся, что евреи впадутъ въ отчаяніе и ухватятся за крестъ. Въ виду этого онъ вмѣнилъ доминиканцамъ обязанность всюду проповѣдывать христіанство, увѣщевать ихъ принять крещеніе и оставаться въ странѣ. Въ противность этому равины увѣщевали общины непоколебимо стоять за религію, принять бѣдствіе, какъ испытаніе, и уповать на Бога, столь часто помогавшаго имъ въ нуждѣ. Эти пламенныя увѣщанія равиновъ, однако, были излишни. Евреи сами ободряли другъ друга на вѣрность и стойкость. „Будемъ сильными“, говорили они, „въ нашей религіи и ученіи нашихъ отцовъ вопреки поносителямъ и врагамъ. Если они оставятъ насъ въ живыхъ, будемъ жить; если они насъ убьютъ, мы умремъ. Мы не желаемъ осквернить договоръ съ нашимъ Богомъ, не будемъ впадать въ уныніе; будемъ жить съ именемъ нашего

[1]) Zurita, Annales de Aragon V, стр. 9.

ности[1]). Что касается Абрабанела, которому, конечно, тоже дѣлали заманчивыя предложенія, то онъ остался твердымъ, какъ скала. Онъ и сыновья его были преисполнены духомъ іудаизма. Абрабанелъ покинулъ свою высокую должность и богатства и уѣхалъ въ Неаполь.

Общее несчастіе и уравнившее всѣхъ страданіе возбудили у испанскихъ евреевъ въ послѣднее время передъ изгнаніемъ чувство тѣснаго братства и приподнятое настроеніе. Богатые евреи, хотя имущество ихъ растаяло, братски дѣлились съ бѣдняками, давали имъ все необходимое, спасая ихъ отъ когтей „ловителей душъ", и заботились о покрытіи издержекъ переселенія. Сѣдовласый раввинъ, *Исаакъ Авоавъ*, другъ Абрабанела, заранѣе отправился вмѣстѣ съ тридцатью выдающимися евреями въ Португалію, чтобы завязать переговоры съ королемъ Іоао II относительно переселенія въ его страну или проѣзда испанскихъ изгнанниковъ[2]); дѣйствительно, имъ удалось выхлопотать сравнительно благопріятный договоръ. Но, конечно, скорбь отъ сознанія, что страстно любимая страна должна быть покинута, не могла быть побѣждена. Чѣмъ ближе подходилъ день разлуки, тѣмъ больше обливались кровью сердца несчастныхъ. Могилы предковъ были имъ дороже всего, разлука съ ними была наиболѣе тяжелая, и мысль объ этомъ наполняла ихъ мрачною печалью. Евреи города Виторіи, во избѣжаніе оскверненія ихъ могилъ, подарили комунальному правленію города еврейское кладбище вмѣстѣ съ принадлежавшей къ нему пашней на вѣчныя времена подъ условіемъ никогда не разрушать кладбища и не пахать его. Даръ этотъ былъ утвержденъ документомъ, подписаннымъ еврейскимъ судьей (раввиномъ), старшиной, городскимъ головой и другими лицами. Городской голова долженъ былъ дать присягу о неприкосновенности принятаго имъ еврейскаго кладбища[3]). Въ Сеговіи евреи провели послѣдніе три дня предъ уходомъ на могилахъ отцовъ, оросили могильную пыль своими слезами, взволновавъ душу раздирающими жалобами католиковъ[4]). Надмогильныя плиты они взяли себѣ, унесли, какъ драгоцѣнныя реликвіи, или подарили оставшимся маранамъ.

Наконецъ наступилъ день, когда испанскіе евреи должны были взяться за страннический посохъ. Они вымолили еще два дня отсрочки, какъ преступникъ передъ казнью, и, вмѣсто 31-го іюля, покинули страну на два дня позже, какъ разъ въ траурный день девятаго *ава*, напоминающій имъ гибель ихъ древняго величія и такъ часто видѣв-

[1]) Илія Капсали стр. 73.

[2]) Эмануилъ Авоавъ, Nomologia II гл. 27.

[3]) Амадоръ III, стр. 610.

[4]) Colmenares historia de Segovia гл. 35.

[illegible], на протяженіи еврейской исторіи, сыновъ Израиля въ печали и страданіяхъ [1]). Около 300,000 евреевъ покинули горячо любимую страну, которую они должны были проклинать, и потянулись частью на сѣверъ, въ оплакивавшее королевство Навару, частью на югъ, чтобы переселиться въ Африку, Италію и Турцію, но большинство удалилось въ Португалію. Чтобы отвлекать народъ во время странствованія отъ печальныхъ мыслей, которыя могли бы склонить того или другого измѣнить свое ученіе и креститься съ цѣлью остаться въ странѣ, нѣкоторые раввины заставляли женщинъ и дѣтей пѣть пѣсни, играть на дудкахъ и громко бить въ барабаны, вытѣсняя на короткое время грызущую тоску [illegible]. Лишившись евреевъ, Испанія потеряла двадцатую часть наиболѣе [illegible], производительнаго, образованнаго населенія, вообще [illegible] среднее сословіе, какъ разъ тотъ классъ народа, который не [illegible] создавалъ богатство страны, но и поддерживалъ въ ней постоянное [illegible], какъ кровь поддерживаетъ движеніе въ организмѣ. Ибо евреи [illegible] въ Испаніи не только капиталистами, купцами, земледѣльцами, [illegible] и учеными, но и ремесленниками, оружейными мастерами и [illegible] всякаго рода металлическихъ издѣлій и ужъ, во всякомъ [illegible], не [illegible]. Благодаря вскорѣ послѣдовавшему открытію Амери[illegible] [illegible] бы Испанію въ самое богатое, цвѣтущее и прочное [illegible], которое, въ виду своего политическаго объединенія, могло [illegible] случаѣ, соперничать съ Италіей. Но Торквемада этого не [illegible] воспитывать испанцевъ въ духѣ кровожаднаго [illegible]. Выходъ евреевъ вскорѣ далъ знать о себѣ христіанамъ [illegible] образомъ. Воодушевленіе, подвижность и цвѣтущая куль[illegible] Испаніи вмѣстѣ съ изгнанниками. Небольшіе города, ко[illegible] [illegible] нѣкоторую жизнь, быстро потеряли свое населеніе, [illegible] положенія незначительныхъ мѣстечекъ, потеряли чувство [illegible] и свободы и, вмѣсто сопротивленія, оказывали помощь [illegible] деспотизму испанскихъ королей и тупоумной [illegible] духовенства. Многіе города совершенно превратились [illegible]. Черезъ короткое время послѣ изгнанія евреевъ, испанскіе [illegible], что ихъ города и мѣстечки потеряли свое зна[illegible] и говорили, что, если бы они могли предви-

[1]) [illegible] въ коммент. къ книгѣ Іеремія гл. I): הנה כשגזר מלך
[illegible] ספרד גרוש על כל היהודים אשר בכל מלכותו שיצאו [illegible]
[illegible] ט׳ באב והוא לא ידע מזה הזמן דבר ויאיו [illegible] (къ кн.
[illegible] והנה זה השמד האחרון ... גרוש ירושלים אשר [illegible]
[illegible] הדשים ויום האחרון אשר בו נהתם גזר דינם היה [illegible]
צבאות ה׳ מכל ארצות בפרד

дѣть эти вредныя послѣдствія, то они оказали бы сопротивленіе королевскому приказу[1]). Недостатокъ во врачахъ далъ себя почувствовать раньше всего. Городъ Виторія и округъ его вынужденъ былъ, по уходѣ евреевъ, вызвать изъ далекихъ мѣстъ врача, назначивъ ему высокое жалованье; населеніе, въ случаѣ заболѣванія, попадало въ руки шарлатановъ, губителей, невѣждъ, хвастуновъ или суевѣрныхъ заклинателей, обманщиковъ или самообманывающихся. Однимъ словомъ, Испанія, потерявъ евреевъ, опускалась въ варварство, а деньги, которыя основанныя въ Америкѣ колоніи доставляли своей метрополіи, только содѣйствовали тому, что жители дѣлались еще лѣнивѣе, глупѣе и рабски-подвластными. Имя еврея все болѣе исчезало въ странѣ, въ которой этотъ народъ игралъ такую важную роль и литература которой была оплодотворена еврейскими элементами до такой степени, что образованные люди не переставали вспоминать о евреяхъ. Училища, больницы и, вообще, все то, что евреи не могли или не смѣли увезти съ собой при изгнаніи, король приказалъ пріобщить къ казнѣ, превратилъ молельни въ церкви, монастыри или школы, въ которыхъ народъ одурачивался и дресировался для рабскаго подданства. Великолѣпная толедская синагога, построенная еврейскимъ государственнымъ мужемъ, Самуиломъ Абулафіей, превращена была послѣ своего полутораста-лѣтняго существованія въ церковь (de nuestra Senora de san Benito или del Transito) и понынѣ еще, благодаря своему мавританскому стилю, изящнымъ колоннамъ и обширнымъ помѣщеніямъ, составляетъ красу города[2]). Но въ другихъ городахъ Испаніи, сохранившихся съ лучезарнымъ сіяніемъ въ еврейской исторіи и въ памяти потомства изгнанниковъ: въ Севильѣ, Гранадѣ, Кордовѣ, въ густонаселенной евреями Луценѣ, въ Сарагосѣ и Барселонѣ исчезъ всякій слѣдъ пребыванія сыновей Іакова или еврейскаго дворянства (какъ утверждаютъ гордые евреи Испаніи). Правда, въ Испаніи еще остались евреи, евреи съ маской христіанства, многіе іудео-христіане или новохристіане, усердно помогавшіе своимъ братьямъ при выселеніи. Не мало марановъ приняли отъ изгнанниковъ золото и серебро, что при случаѣ возвращали посредствомъ довѣренныхъ лицъ или сохраняли у себя, или же выдали за это переводные векселя съ платежемъ за границей. Но помощь эта часто оказывалась призрачной. Ибо, когда фанатическая королевская чета узнала объ этомъ, она приказала отыскивать отданныя на сохраненіе цѣнности, налагать на нихъ арестъ и помѣшать уплатѣ по векселямъ. Нѣкоторые выселившіеся евреи получили долговую росписку на 428000 мараведи для полученія платежа отъ жившаго въ Лондонѣ

[1]) Jmanuel Aboab стр. 295.

[2]) См. „Ист. Евр.“ Греца т. I, стр. 292.

испанца, *Діего де Соріа,* и, такъ какъ испанецъ отказался платить, то евреи, черезъ англійскій судъ, наложили арестъ на его имущество. Діего де Соріа пожаловался Фернандо и Изабеллѣ, которые поспѣшили уполномочить испанскаго посла въ Лондонѣ обратиться отъ ихъ имени къ королю Генриху VII съ просьбой снять арестъ, присовокупивъ, что этимъ онъ окажетъ имъ чрезвычайную услугу. Еврейскіе кредиторы, по заявленію королевской четы, не имѣютъ права на полученіе этой суммы, такъ какъ они вывезли съ собой запрещенное богатство[1]).

Однако, какъ ни велики были преграды, многіе мараны не охладѣли въ своемъ усердіи по отношенію къ изгнаннымъ соплеменникамъ. Всѣхъ тѣхъ, которые обнаружили безчеловѣчную жестокость относительно изгнанниковъ, они преслѣдовали съ неумолимою ненавистью, предавая ихъ инквизиціи, т. е. обращая орудіе противъ самихъ виновниковъ. По иниціативѣ марановъ посаженъ былъ въ инквизиціонную тюрьму *донъ Жуанъ де Луцена*, братъ могущественнаго министра короля Фернандо, и содержался подъ строгимъ надзоромъ, такъ что ни одинъ родственникъ не имѣлъ доступа къ нему. Министръ, который вслѣдствіе своего исключительнаго положенія былъ недоступенъ для инквизиціи, стоялъ за изгнаніе евреевъ и содѣйствовалъ этому, а братъ его безжалостно отбиралъ ихъ имущество [2]). Но мараны должны были теперь вести себя еще осторожнѣе, чѣмъ раньше, не смѣли нарушать обряды и тѣмъ усерднѣе принуждены были креститься, перебирать четки и шептать „Отче нашъ", чѣмъ преданнѣе они были іудаизму въ душѣ. Иногда чувство преодолѣвало волю, прорывало цѣпь на устахъ и вело къ тяжелымъ послѣдствіямъ, какъ это случилось съ тѣмъ мараномъ въ Севильѣ[3]), который при видѣ изображенія, долженствовавшаго представить Христа и поднятаго въ церкви для поклоненія, воскликнулъ: „Горе тому, кто это видитъ, кто долженъ вѣрить этому!" Другой маранъ въ Лисабонѣ, стоя у чудотворнаго распятія, передъ которымъ, во время засухи, народъ преклонилъ колѣни, благоговѣя передъ яркостью и блескомъ изображенія, не могъ воздержаться отъ ироническаго замѣчанія: „Лучше было бы, если бы это изображеніе сотворило чудо посредствомъ воды!" Такія выраженія въ минуту забывчивости, конечно, давали отличный поводъ къ розыску, заключенію въ тюрьмѣ, къ подверганію пыткамъ и ауто-да-фе, причемъ страдалъ не только пойманный на мѣстѣ преступленія маранъ, но и его родственники, друзья и всѣ изъ его рода, владѣвшіе имуществомъ. Частое зрѣлище предсмертныхъ мукъ жертвъ довело притупленный народъ до

[1]) Bergenrath Calender of letters etc. I. гл. LI.
[2]) Llorente IV, стр. 377.
[3]) Ибнъ Верга Schebet Jehuda № 64 стр. 96.

того, что лицезрѣніе человѣческихъ жертвоприношеній стало для него потребностью. Поэтому неудивительно, что при первомъ главномъ инквизиторѣ, *Томасѣ Торквемадѣ*, сожжено было въ теченіе четырнадцати лѣтъ столько тысячъ несчастныхъ въ качествѣ нераскаявшихся грѣшниковъ[1]). Зато его ненавидѣли такъ, что онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ смерти. На столѣ его лежалъ рогъ единорога, которому суевѣріе той эпохи приписывало свойство уничтожать дѣйствіе яда. Выходя на улицу, Торквемада окружалъ себя тѣлохранителями (Familiares), пятьюдесятью всадниками и двумястами пѣхотинцами, которые должны были защищать его въ случаѣ нападенія[2]). Его преемникъ, главный инквизиторъ, *Деца*, воздвигъ еще больше костровъ; но вскорѣ дѣло дошло до того, что палачи стали сами терзать другъ друга. Деца передъ смертью былъ обвиненъ въ тайномъ іудействованіи[3]). Когда затѣмъ начались еще гоненія на оставшихся мавровъ и морисковъ, а равно и на приверженцевъ нѣмецкаго реформатора, Лютера, то ярость святой инквизиціи буквально превратила Испанію въ человѣческую бойню. Что въ сравненіи съ этимъ была жестокость Нерона? Императоръ одинъ только разъ въ припадкѣ цезарскаго безумія приказалъ сжечь небольшое число оказавшихся тогда въ Римѣ христіанъ для увеселенія зрителей. Инквизиція же изъ года въ годъ, безстрастно и призывая имя Божіе, сжигала на кострахъ тысячи. Совершенно справедливо, поэтому, всѣ почти европейскія государства и даже парижскій парламентъ горько порицали превратную идею Фернандо и Изабеллы, изгнавшихъ столь полезное населеніе. Тогдашній султанъ, Баязидъ (Баязетъ), сказалъ объ этомъ: „Вы считаете Фернандо умнымъ королемъ; однако онъ разорилъ собственную страну и обогатилъ нашу“ [4]).

[1]) Llorente I, стр. 272 и IV, стр. 242.

[2]) Т. же I, стр. 285.

[3]) Т. же стр. 347.

[4]) Im. Aboab, стр. 295.

ГЛАВА XIV.

Изгнаніе евреевъ изъ Навары и Португаліи.

Выселеніе въ Навару и изгнаніе оттуда. Выселеніе въ Неаполь; неаполитанскій король, Фердинандъ I, и Абрабанелъ. Леонъ Абрабанелъ и его страданія. Рядъ несчастій, преслѣдовавшихъ евреевъ въ Берберіи, Фецѣ, Генуѣ, Римѣ и на греческихъ островахъ. Гуманное обращеніе султана Баязета съ евреями; старанія Моисея Капсали въ ихъ пользу. Испанскіе изгнанники въ Португаліи. Ихъ значительное число. Еврейскіе астрономы въ Португаліи: Авраамъ Закуто и Іосифъ Везино. Еврейскіе путешественники, раби Авраамъ де Бея и Іосифъ Цапетейро. Эпидемія среди испанскихъ евреевъ въ Португаліи. Бѣдствія португальскихъ переселенцевъ. Іуда Хаятъ и его товарищи по несчастью. Жестокость короля Іоао II къ евреямъ. Дружелюбіе Манoеля въ началѣ его правленія. Авраамъ Закуто. Женитьба короля Маноела на испанской инфантѣ къ несчастью для евреевъ. Ея ненависть къ евреямъ заражаетъ португальскаго короля. Насильственное крещеніе еврейскихъ дѣтей, а затѣмъ и взрослыхъ. Леви бенъ-Хавивъ, Исаакъ Каро и Авраамъ Закуто. Посольство крещеныхъ евреевъ къ папѣ Александру VI. Процесъ епископа Де-Аранды. Обѣщанія короля Маноела въ пользу португальскихъ марановъ. Кончина благочестивыхъ страдальцевъ, Симона Маими и Авраама Сабы. Благородная месть евреевъ.

(1492—1498).

Въ данный моментъ сѣверо-испанскіе евреи изъ Каталоніи и Арагоніи, направившіе свои взоры на близлежащую Навару и устремившіеся туда, чтобы найти убѣжище, были еще сравнительно счастливы. Какъ ни сократились и опустились въ послѣднее время наварскія общины, можно было, по крайней мѣрѣ, надѣяться кое-какъ просуществовать тамъ, чтобы имѣть возможность поискать другого мѣстопребыванія. Въ Наварѣ инквизиція встрѣтила единодушное противодѣйствіе со стороны правителя и народа. Когда нѣкоторые мараны, соучастники въ убійствѣ инквизитора Арбуеса (стр. 254), убѣжали въ это государство, и кровожадные инквизиціонные судьи потребовали ихъ выдачи, приславъ своихъ сыщиковъ, то городъ Тудела объявилъ, что не потерпитъ столь несправедливыхъ притязаній по отношенію къ лицамъ, ищущимъ въ немъ убѣжища, и не впустилъ сыщиковъ. Напрасно король Фернандо, точившій на Навару зубы, грозилъ ей немилостью и гнѣвомъ: граждане Тудeлы настояли на своемъ. Однако одинъ наварскій принцъ, по имени *Яковъ наварскій*, все-таки поплатился за то, что спряталъ у себя бѣглаго марана. Инквизиція внезапно арестовала его, посадила въ тюрьму и осудила, какъ врага святой инквизиціи, на позорное выставленіе въ церкви, при чемъ ему публично прочли совершенные имъ грѣхи и обѣщали ему отпущеніе

грѣховъ только тогда, когда онъ приметъ бичеваніе отъ рукъ священника[1]).

Евреи изъ Сарагосы и другихъ сѣверо-испанскихъ городовъ обратились въ Туделу съ просьбой разрѣшить имъ переселиться въ этотъ городъ, расчитывая на дружелюбный отвѣтъ. Королевская чета, *Жуанъ д'Алберъ* и *Катарина*, какъ казалось, склонны были принять ихъ. Но горожане были тогда уже такъ озлоблены противъ евреевъ, что они готовились оказать сопротивленіе. Жители *Туделы* сдѣлали запросъ у горожанъ *Тофалы*, къ какому рѣшенію они думаютъ придти въ этомъ дѣлѣ. Но тофалскій городской совѣтъ уже далъ отвѣтъ своими поступками, изгнавъ изъ города нѣсколько кастильскихъ евреевъ, тайно пробравшихся туда. Горожане Тофалы, отвѣчая на запросъ города Туделы, сказали (въ іюнѣ 1492 г.): слѣдуетъ объяснить правителямъ страны, что будетъ противно долгу передъ Богомъ, и страна дойдетъ до гибели, если евреи будутъ приняты; несчастье, разразившееся надъ евреями Кастиліи, заслуженное наказаніе отъ Бога, которое не должно отвращать; они не желаютъ принять ни одного еврея, и слѣдуетъ соединенными силами настоять на этомъ даже вопреки волѣ правительствующей четы [2]). Однако 12.000 кастильскихъ изгнанниковъ было допущено въ Навару. Большинство изъ нихъ принялъ графъ леринскій. Но недолго они пользовались здѣсь покоемъ. Свирѣпая настойчивость короля Фердинанда, преслѣдовавшаго изгнанниковъ съ жестокою злостью, привела къ тому, что и наварскій король предложилъ несчастнымъ выборъ между выселеніемъ и крещеніемъ. Большинство приняло христіанство, ибо имъ предоставлено было слишкомъ короткое время, чтобы подготовиться къ уходу, а для обдуманнаго рѣшенія у нихъ вовсе не хватило времени. Въ еврейской общинѣ Туделѣ, прославившейся своимъ благочестіемъ, крестилось 180 семействъ [3]).

Въ сравнительно счастливомъ положеніи были еще тѣ кастильскіе евреи, которые не убаюкивали себя призрачными надеждами на отмѣну указа объ изгнаніи, не выждали конца срока, а еще до наступленія его отправились въ Италію, Африку и Турцію. Слава испанскихъ евреевъ разнеслась въ ту эпоху такъ далеко, и изгнаніе ихъ вызвало въ Европѣ такой шумъ, что въ испанскихъ гаваняхъ появилось множество судовъ, не только туземныхъ, но и итальянскихъ, генуэзскихъ и венеціанскихъ, для пріема и дальнѣйшей отправки изгнанниковъ[4]). Судовладѣльцы надѣялись

---

[1]) Llorente въ ук. м. III стр. 2 Janguas y Miranda, Diccionario de las Antiguedades de Navarra II стр. 85.

[2]) Janguas II стр. 120. [3]) Amador III 332.

[4]) Илія Капсали, Хроника гл. 70.

на выгодныя дѣла. Множество евреевъ изъ Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи намѣтили себѣ Неаполь и послали депутацію къ тогдашнему королю, Фердинанду I, съ просьбой о разрѣшеніи переселиться. Король не только былъ свободенъ отъ предубѣжденія противъ евреевъ, но даже сочувствовалъ, до извѣстной степени, ихъ несчастью. Фердинандъ также былъ покровителемъ наукъ, принималъ ученыхъ на государственныя должности и самъ оставилъ послѣ себя сборникъ изящныхъ рѣчей и писемъ, давшій ему почетное мѣсто въ итальянской литературѣ. Возможно, что онъ также надѣялся на значительную промышленную и духовную пользу, которую испанскіе евреи принесутъ съ собою. Былъ ли это съ его стороны простой расчетъ или благородный образъ мыслей, но онъ ихъ принялъ, открывъ для нихъ страну. Многія тысячи высадились въ гавани Неаполя (24 авг. 1492[1]) и были дружески встрѣчены. Еврейскія общины отнеслись братски къ новоприбывшимъ, уплатили стоимость переѣзда за бѣдныхъ и позаботились объ удовлетвореніи ихъ настоятельныхъ потребностей.

Въ Неаполь прибылъ и Абрабанелъ со всей своей семьей. Вначалѣ онъ жилъ здѣсь частнымъ человѣкомъ, продолжая свои коментаріи къ библейскимъ книгамъ Царей, прерванные занятіями на государственной службѣ въ Испаніи. Когда неаполитанскій король узналъ о его пребываніи, онъ пригласилъ его къ себѣ и далъ ему службу при дворѣ[2]), вѣроятно, по финансовой части. Возможно, что онъ возлагалъ большія надежды на опытъ Абрабанела, особенно въ виду войны, которою угрожалъ ему французскій король. Либо изъ собственнаго благороднаго побужденія, либо по ходатайству Абрабанела, неаполитанскій король выказалъ переселившимся евреямъ трогательную гуманность, составлявшую рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ жестокостью испанскихъ королей. Несчастнымъ приходилось бороться со множествомъ бѣдствій, и какъ только они считали себя свободными отъ одного, то подвергались другому, еще худшему. Губительная эпидемія преслѣдовала испанскихъ переселенцевъ по пятамъ вслѣдствіе мрачнаго настроенія ихъ или переполненія на судахъ, и они приносили съ собою смерть повсюду. Не успѣли они прожить шесть мѣсяцевъ въ Неаполѣ, какъ многіе изъ нихъ погибли отъ чумы. Тогда король Фердинандъ, боясь возбужденія народа противъ евреевъ, далъ имъ намекъ хоронить покойниковъ ночью и безъ шума. Когда же чуму нельзя было долѣе скрывать, и смертность возрастала съ каждымъ днемъ, то народъ и дворянство настойчиво приступили къ королю съ просьбами прогнать евреевъ. Но король не могъ согласиться на такое безчеловѣчное предложеніе; говорятъ, что онъ даже угрожалъ отказаться отъ престола

[1]) Т. же.

[2]) Абрабанелъ, комент. къ кн. Царей.

въ случаѣ нанесенія обиды евреямъ [1]). Онъ приказалъ построить за городомъ больницы, присылалъ имъ врачей и продовольствіе. Цѣлый годъ онъ съ безпримѣрнымъ благородствомъ заботился о несчастныхъ, которыхъ изгнаніе и чума превратила въ живые трупы. Феррарскій герцогъ, *Геркулесъ I*, также принялъ къ себѣ много семействъ, предоставилъ имъ благопріятныя условія для пребыванія въ его странѣ и далъ имъ ту же свободу передвиженія, которою пользовались мѣстные евреи. Только переселившимся врачамъ онъ не могъ безусловно разрѣшить практику среди христіанъ, такъ какъ это шло въ разрѣзъ съ каноническимъ закономъ, и необходимо было получить позволеніе папы. Евреи, имѣвшіе счастье попасть въ портовый городъ Пизу, тоже встрѣтили братскій пріемъ. Сыновья *Іехіеля изъ Пизы,* стараго друга Абрабанела, *Исаакъ* и *Соломонъ*, устроили, такъ сказать, свою квартиру въ гавани, чтобы принимать переселенцевъ, заботиться о нихъ, пріютить или отправлять далѣе [2]). Отецъ ихъ умеръ два года тому назадъ, повидимому, отъ печали, такъ какъ дочь его приняла крещеніе [3]).

По смерти неаполитанскаго короля, сынъ его, Альфонсъ II, хотя непохожій на отца, удержалъ государственнаго мужа, Абрабанела, на службѣ и взялъ его съ собою, по отреченіи отъ престола въ пользу сына, въ Сицилію. Абрабанелъ остался вѣрнымъ Альфонсу II и въ постигшемъ его несчастіи до самаго конца (отъ янв. 1494 г. по іюнь 1495 [4]). Вслѣдствіе завоеванія Неаполя слабоумно-рыцарскимъ королемъ Франціи, Карломъ VIII, семья Абрабанела раздѣлилась, и члены ея разсѣялись. Но никому изъ нихъ не досталось на долю столько душевныхъ мукъ, сколько старшему сыну Исаака, *Іудѣ Леону Медиго* (род. 1470 г., ум. 1530 г.). При испанскомъ дворѣ онъ былъ столь любимъ, что тамъ не могли обходиться безъ него и очень хотѣли удержать его, конечно, если онъ приметъ христіанство. Съ этой цѣлью повелѣно было не выпускать его изъ Толеды или же отобрать его двѣнадцатимѣсячнаго сына, наскоро крестить его и такимъ образомъ приковать отца къ Испаніи. Іуда Абрабанелъ, однако, догадался объ этомъ замыслѣ противъ его свободы и тайно услалъ ребенка съ мамкой къ португальской границѣ, „какъ уворованное добро"; но онъ не могъ искать себѣ пріюта въ странѣ, гдѣ угрожали смертью его отцу, и отправился съ нимъ въ Неаполь. Его подозрительность по отношенію къ португальскому королю слишкомъ скоро оправдалась.

[1]) Илія Капсали т. же.

[2]) Гедалія ибнъ-Яхія Schalschelet.

[3]) Срв. Maskir V стр. 156, гдѣ приводится אגרת ששלח דון יצחק אברבנאל . . . אל הגאון ר׳ יחיאל (מפיסא) תנחומין על צרת הבת שהמירה דתה ועל מיתת אשתו.

[4]) Кармоли въ ук. м.

Іоао II, узнавъ о пребываніи внука Абрабанела въ Португаліи, приказалъ задержать его, какъ заложника, и не выпустить его съ отъѣзжающими евреями. Маленькій Исаакъ, конечно, никогда уже не видѣлъ ни родителей своихъ, ни дѣда. Онъ былъ крещенъ и воспитанъ въ христіанствѣ. Страданіе отца, оплакивавшаго своего заживо похороненнаго сына, было безгранично; до самой смерти онъ не находилъ себѣ ни покоя, ни утѣшенія; написанная имъ по этому поводу элегія навѣваетъ грусть на читателей[1]). Но что значитъ страданіе изъ-за одного ребенка въ сравненіи съ горемъ, постигшимъ тысячи евреевъ, изгнанныхъ изъ Испаніи?

Множество евреевъ изъ южно-испанскихъ общинъ, жившихъ недалеко отъ побережья, возложили свои надежды на берберскія приморскія страны, гдѣ пріютились сто лѣтъ тому назадъ бѣглецы, спасшіеся отъ рѣзни 1391 г. Счастливы были тѣ, которые, избѣгнувъ морскихъ опасностей, достигли *Орана*, *Алжира* или *Бугіи*. Берберское населеніе, боясь, чтобы большія массы евреевъ не переполнили ихъ городовъ, стали въ нихъ стрѣлять при высадкѣ и многихъ убили. Одинъ знатный еврей при берберскомъ дворѣ обратился къ султану за защитой своихъ несчастныхъ соплеменниковъ и выхлопоталъ имъ разрѣшеніе высадиться. Тѣмъ не менѣе ихъ не впустили въ города, вѣроятно потому, что чума свирѣпствовала и среди нихъ и они должны были устроиться передъ городскими стѣнами въ деревянныхъ баракахъ; дѣти собирали лѣсъ, а отцы прилаживали бревна для временнаго жилища.

Но самыя ужасныя бѣдствія разразились надъ головами тѣхъ изгнанниковъ, которые вздумали отправиться въ городъ *Фецъ*. Они были очень рады, когда усѣлись на двадцати судахъ подъ управленіемъ капитана *Педро Кабрау* и вышли изъ гавани Санта-Маріи по направленію къ востоку. Но, подъѣзжая къ показавшемуся уже порту, они къ ужасу своему замѣтили появленіе страшнаго пирата, *Фрагозо*, шнырявшаго поблизости на своемъ катерѣ: имъ угрожало сдѣлаться его добычей, попасть въ рабство и, въ качествѣ невольниковъ, разсѣяться по бѣлу свѣту. Между тѣмъ предводителю евреевъ, *Леви Когену*, отправившемуся къ пирату на челнокѣ, удалось заключить договоръ съ нимъ, согласно которому евреи, взамѣнъ значительной суммы, получили возможность высадиться безъ вреда для себя. Въ это время капитанъ неожиданно снялся съ якоря и вышелъ въ открытое море. Всѣ стихіи какъ будто поднялись противъ евреевъ: разразившаяся буря потопила три судна, а остальныя [illegible] были выброшены на испанскій берегъ. Въ виду столькихъ

[1]) См. стр. [illegible]

несчастій свыше 500 евреевъ, близкихъ къ помѣшательству, приняли крещеніе, чтобы спасти свою жизнь, лишенную всего необходимаго. Болѣе твердые товарищи ихъ не захотѣли измѣнить своимъ убѣжденіямъ и снова сѣли на суда, чтобы, черезъ лежащую на западномъ берегу Африки Арцилу, незадолго передъ тѣмъ занятую португальцами, добраться до Феца. Бей Феца, Мулей Шейхъ, движимый гуманностью и дружелюбнымъ чувствомъ, выказалъ готовность принять всѣхъ несчастныхъ. Онъ направилъ къ еврейскому посреднику проводниковъ, которые должны были повести всѣхъ переселенцевъ въ его страну. Но по дорогѣ первая группа, съ вѣдома проводниковъ или безъ вѣдома, подверглась нападенію дикихъ берберовъ, которыми она была избита и ограблена, а женщины обезчещены. При извѣстіи объ этомъ несчастіи одна изъ оставшихся въ Арцилѣ группъ побоялась итти въ Фецъ и попросила у жившаго тамъ графа, *Іоанна де-Борба*, разрѣшенія креститься, такъ какъ этотъ жестокосердный и фанатическій человѣкъ не жалѣлъ ни обѣщаній, ни угрозъ для обращенія большого числа изгнанниковъ въ христіанство [1]).

Остальные, которые, послѣ долгихъ мученій и опасностей, достигли, наконецъ, Феца и его окрестностей, гдѣ и поселились, пользовались, какъ казалось, благоволеніемъ судьбы. *Мулей Шейхъ* оказалъ имъ гостепріимство и дружелюбно обращался съ ними. Отставшіе мало-по-малу стали прибывать сюда большими толпами. Вначалѣ берберскіе жители проявили къ нимъ враждебность, боясь вздорожанія съѣстныхъ припасовъ отъ увеличивавшагося числа переселенцевъ. Но мягкосердечный правитель сумѣлъ успокоить возбужденіе. Однако и здѣсь, гдѣ испанскіе переселенцы считали, что обрѣли, наконецъ, покой, одно несчастіе преслѣдовало ихъ за другимъ. Вспыхнувшій пожаръ въ одинъ день уничтожилъ легкіе деревянные бараки, построенные новоприбывшими. Затѣмъ появился голодъ, и имъ приходилось жить на открытомъ полѣ, питаясь кореньями подобно животнымъ.

По субботамъ они отгрызали растенія зубами, чтобы не провиниться въ оскверненіи священнаго дня. Голодъ, чума и жестокосердіе магометанскаго населенія свирѣпствовали противъ нихъ, какъ на перебой. Полагаютъ, что въ Фецѣ и его окрестностяхъ погибло около двадцати тысячъ несчастныхъ. Отцы доведены были отчаяніемъ до того, что продавали дѣтей въ рабство, чтобы прокормить себя и остальныхъ членовъ семьи, матери убивали дѣтей, чтобы не видѣть, какъ они борются въ пред-

[1]) Источники для исторіи изгнанниковъ суть: 1) Bernaldez (Cura de los Polacios Chronica гл. CXII; 2) Авраамъ изъ Тарутіела, авт. ספר הקבלה (Anecdota Oxon, стр. 112); 3) Илія Капсали, хроника דבי אליהו; 4) Іосифъ ибнъ-Верга Schebet Jehuda № 53—59 5); Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha.

смертной агоніи съ грызущимъ ихъ голодомъ. Одинъ сынъ, видя своего отца умирающимъ отъ голода, поспѣшилъ продать своего ребенка, чтобы накормить старика.

Алчные судовладѣльцы пользовались у побережій отчаяніемъ изгнанниковъ, заманивали къ себѣ на корабли проголодавшихся и нищенствовавшихъ дѣтей, предлагая имъ хлѣбъ, и увозили ихъ, не слушая горестнаго плача родителей, чтобы продать ихъ за хорошія деньги въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Одинъ берберъ обезчестилъ красивую еврейскую дѣвушку въ присутствіи ея родителей, черезъ нѣсколько времени вернулся и пронзилъ ее мечемъ. Впослѣдствіи правитель Феца объявилъ по всей странѣ, что всѣ еврейскія дѣти, пріобрѣтенныя въ обмѣнъ на съѣстные припасы, должны быть отпущены на свободу[1]).

Дыбомъ встаютъ волосы на головѣ отъ описанія современниками безчисленныхъ страданій, всюду преслѣдовавшихъ изгнанныхъ испанскихъ евреевъ. Тѣ, которыхъ пощадили голодъ и чума, гибли отъ рукъ безчеловѣчныхъ извергов. Распространился слухъ, будто евреи проглотили куски золота и серебра, котораго имъ не дозволили вывезти изъ Испаніи, чтобы впослѣдствіи поддерживать имъ свое существованіе, и каннибалы распарывали имъ животы, чтобы искать въ ихъ внутренностяхъ золото. Самымъ безчеловѣчнымъ образомъ обращались съ ними моряки изъ Генуи, которымъ довѣрились изгнанники. Изъ алчности или изъ удовольствія видѣть агонію евреевъ, они выбрасывали нѣкоторыхъ изъ нихъ въ море. Одинъ капитанъ хотѣлъ обезчестить красивую дочь еврейскаго переселенца, по имени *Палома* (голубка), и мать, чтобы избавить ее отъ позора, бросила ее вмѣстѣ съ другими дочерьми въ морскую пучину, куда она послѣдовала за ними. Несчастный отецъ написалъ душу раздирающую элегію, оплакивая гибель своихъ милыхъ[2]).

Изгнанникамъ, достигшимъ гавани Генуи, пришлось бороться съ новыми бѣдствіями[3]). Въ этомъ цвѣтущемъ торговомъ городѣ существовалъ законъ, запрещавшій евреямъ оставаться тамъ долѣе трехъ дней. Такъ какъ суда, на которыхъ евреи должны были отправиться далѣе къ востоку, нуждались въ починкѣ, то начальство, не впуская переселенцевъ въ городъ, разрѣшило имъ остановиться недалеко отъ мола, пока суда не будутъ исправлены. Подобно призракамъ сошли они изъ судовъ, изнуренные, блѣдные, съ впавшими глазами, и, если бы не ихъ движеніе, когда они по инстинкту оставляли свою корабельную тюрьму, ихъ

[1]) Ибнъ-Верга Schebet Jehuda № 53—55. Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha стр. 85. [2]) Іосифъ Когенъ въ ук. м. стр. 84.

[3]) Современникъ *Сенарега* у Muratori Scriptores rerum Italicarum т. XXIV стр. 531. Также Ибнъ-Верга въ ук. м. № 56, Іосифъ Когенъ въ ук. м. и Илія Капсали.

можно было принять за мертвецовъ. Проголодавшіяся дѣти ходили по церквамъ и принимали крещеніе за кусокъ хлѣба, а христіане были столь жестокосердны, что не только принимали эту жертву, а сновали среди евреевъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой хлѣбъ и соблазняя ихъ этимъ путемъ на крещеніе. Изгнанникамъ, оставшимся у мола въ Генуѣ, разрѣшено было поселиться тамъ лишь на короткое время; но часть зимы уже прошла, а суда еще не были въ исправности. Чѣмъ больше уходило времени, тѣмъ больше таяло число переселенцевъ вслѣдствіе перехода ихъ въ христіанство, особенно юношей, и всевозможнаго рода бѣдствій. Другіе итальянскіе города не пустили ихъ на берегъ даже и на короткое время, частью потому, что въ то время какъ разъ свирѣпствовалъ голодъ, частью по той причинѣ, что евреи приносили съ собою эпидемію.

Остатки страдальцевъ въ Генуѣ, которые отправились въ Римъ, испытали еще большія бѣдствія. Ихъ собственные единовѣрцы и соплеменники уговорились не допустить ихъ въ городъ изъ боязни, чтобы приростъ новыхъ поселенцевъ не причинилъ вреда ихъ ремеслу. Они собрали 1000 дукатовъ, чтобы предложить ихъ папѣ Александру VI, этому прославленному извергу, ходатайствуя о недопущеніи испанскихъ евреевъ. Но этотъ, обыкновенно столь жестокій глава церкви, до того возмутился такимъ поразительнымъ безсердечіемъ туземцевъ къ собственнымъ соплеменникамъ, что приказалъ выгнать изъ Рима рѣшительно всѣхъ евреевъ. Римской общинѣ пришлось уплатить еще 2000 дукатовъ, чтобы отмѣнить приказаніе, и приняли переселенцевъ [1]).

Греческіе острова, Корфу, Кандія и другіе, наполнились несчастными евреями изъ Испаніи, которые или сами притащились туда, или привезены были въ качествѣ рабовъ. Большинство общинъ сочувствовало имъ, старалось помогать имъ и даже выкупало ихъ. Они употребляли всѣ усилія, чтобы достать денегъ, и продавали синагогальныя украшенія, лишь бы не оставлять своихъ братьевъ въ нуждѣ или рабствѣ. Персы, которые въ это время прибыли на острова, покупали испанскихъ изгнанниковъ, чтобы получить за нихъ отъ евреевъ своей страны большой выкупъ [2]). *Элкана Капсали*, старшина (Condestable) еврейской общины въ Кандіи, былъ неутомимъ въ отыскиваніи денегъ для нуждъ евреевъ. Самыми счастливыми были тѣ, которые достигли турецкихъ границъ. Ибо турецкій султанъ, Баязетъ II, оказался монархомъ не только гуманнымъ относительно евреевъ, но и самымъ проницательнымъ и умнымъ. Онъ понималъ лучше христіанскихъ государей, какія скрытыя сокровища принесли съ

[1]) Ибнъ-Верга въ ук. м. № 57.

[2]) Илія Капсали, Хроника гл. 73.

[illegible] чтобы [illegible]

[illegible] много- [illegible]

ники получатъ разрѣшеніе на продолжительное пребываніе въ Португаліи. Но даже португальскіе евреи находили эту милость крайне рискованной, ибо число евреевъ увеличилось бы въ несоотвѣтственной мѣрѣ въ этой небольшой странѣ, и обѣднѣвшіе въ большинствѣ изгнанники стали бы бременемъ для португальскихъ общинъ и короля, который и безъ того не былъ очень человѣколюбивъ и, сверхъ того, не терпѣлъ евреевъ въ данномъ же случаѣ онъ возненавидѣлъ бы и португальскихъ евреевъ. Въ виду этого еврейскіе нотабли Португаліи собрались на совѣтъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ высказали жестокое мнѣніе, что они сами вынуждены предпринять шаги противъ допущенія испанскихъ изгнанниковъ. Благородный старецъ, *Іосифъ* изъ фамиліи *Ибнъ-Яхія*, заговорилъ въ самомъ тепломъ тонѣ въ пользу несчастныхъ братьевъ; но голосъ его былъ заглушенъ другими. О переселеніи въ Португалію уже не было рѣчи, и дѣло шло лишь о разрѣшеніи на кратковременное пребываніе для дальнѣйшаго выселенія. Всѣ тридцать депутатовъ и Авоавъ въ ихъ главѣ, которые несомнѣнно принадлежали къ самымъ выдающимся членамъ испанскихъ общинъ, поселились, по указанію короля, въ Опорто. Ведя переговоры съ дворомъ, они добились весьма благопріятныхъ условій, причемъ богатые, какъ всегда бываетъ, получили преимущество. Шестистамъ первоклассныхъ богачамъ разрѣшено было остаться навсегда въ странѣ, и за это каждый изъ нихъ долженъ былъ уплатить сто золотыхъ крузадо, что составляло значительную сумму въ 600.000 крузадо (около 200.000 марокъ), высокую цѣнность для той эпохи, когда золото еще не добывалось въ Америкѣ. Ремесленники, особенно производители металлическихъ предметовъ и оружейные мастера, въ которыхъ Португалія нуждалась столь же, сколько въ золотѣ, тоже могли остаться навсегда въ странѣ, но должны были уплатить по четыре крузадо. Весь остальной народъ могъ оставаться только восемь мѣсяцевъ, внесши за это восемь крузадо съ человѣка. Зато король обѣщался позаботиться о доставкѣ дешевыхъ судовъ, которыя переправятъ переселенцевъ въ другую страну. Евреи, которые по истеченіи указаннаго срока оказались бы въ Португаліи, или не могли бы предъявить квитанціи о пропускномъ платежѣ, были бы обращены въ рабство.

По принятіи этихъ условій огромное число испанскихъ евреевъ (ихъ насчитывали до 20.000 семействъ или 120.000 душъ) перешло португальскія границы. Король указалъ переселенцамъ опредѣленные города для временнаго пребыванія, при чемъ имъ пришлось еще уплатить налогъ въ пользу горожанъ. *Исаакъ Авоавъ*, прославленный учитель столь многихъ учениковъ, получившихъ впослѣдствіи должности равиновъ въ Африкѣ, Египтѣ и Палестинѣ, мирно умеръ въ это время въ Опорто;

надъ гробомъ его говорилъ (въ концѣ 1492 г. [1]) ученикъ его, *Авраамъ Закуто*, прославившійся, какъ географъ, астрономъ и лѣтописецъ. Лишь немногимъ изъ его товарищей по страданію досталась на долю спокойная смерть.

Король Іоао II, никогда не руководившійся гуманными чувствами, а дѣйствовавшій только по расчету, проявилъ, какъ уже сказано, нѣкоторую терпимость, имѣя къ тому интересъ. Ни въ общемъ, ни въ частности онъ не былъ особеннымъ доброжелателемъ евреевъ, хотя онъ и пользовался нѣкоторыми изъ нихъ. Когда кортесы Эворы, по вступленіи его на престолъ, пожаловались на богатыя одежды и рыцарскія манеры многихъ евреевъ (и мавровъ), онъ запретилъ евреямъ носить шелковое платье, приказалъ замѣнить его шерстянымъ и прицѣпить особый значекъ (нагрудную звѣзду). Но зато онъ былъ достаточно уменъ, чтобы отклонить безсмысленную жалобу кортесовъ на то, что еврейскіе ремесленники, имѣя въ силу закона право искать работы въ деревняхъ, соблазняли христіанскихъ женщинъ и дѣвушекъ въ отсутствіи мужчинъ, занятыхъ на поляхъ.

Лихорадочное безпокойство, охватившее тогда маленькую Португалію въ ея стремленіи найти неизвѣстныя страны и вступить съ ними въ торговыя сношенія, дало практическую цѣнность двумъ наукамъ, считавшимся дотолѣ любимымъ занятіемъ праздныхъ людей, именно астрономіи и математикѣ. Науки эти какъ разъ были излюбленныя спеціальности образованныхъ евреевъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Если бы Индія, страна золота и пряностей, открытіе которой португальцы ожидали со страстнымъ нетерпѣніемъ, была найдена, то господствовавшее дотолѣ береговое судоходство, медленное и опасное, должно было бы прекратиться, замѣнившись дальнимъ плаваніемъ. Но тогда судамъ предстояла опасность потерять направленіе и заблудиться въ безконечной пустынѣ водъ. Поэтому мореплаватели, искавшіе новыхъ земель, старались добыть астрономическія таблицы, которыя указали бы имъ твердыя данныя для руководства высотою солнца и звѣздъ надъ горизонтомъ при плаваніи. Въ этой спеціальности евреи и были знатоками. Толедскій канторъ, *Исаакъ (Цагъ) ибнъ Сидъ*, составилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ таблицы, извѣстныя подъ именемъ *„альфонскихъ таблицъ“* (т. VIII стр. 102), принятыя и спеціалистами въ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи съ весьма незначительными измѣненіями [2]).

[1]) Эмануилъ Абоавъ стр. 300; Jochasin изд. Филиповскаго стр. 226.

[2]) Закуто замѣчаетъ объ этихъ таблицахъ: כי מסורת שמש עד מבואו אשכנז צרפת ואינגליטירא וכל איטליא וספרד שברו כל הלוחות הראשונים ותפשו היותה [illegible] צבא השמים של ר' יצחק בן סיד, זיג אלפונשו) עד היום.

Когда португальскій король, Іоао II, для открытія Индіи въ Атлантическомъ океанѣ, вознамѣрился послать корабли вдоль африканскихъ береговъ, онъ созвалъ нѣчто вродѣ астрономическаго конгреса, которому поручено было составить практичныя таблицы звѣздъ. На этомъ конгресѣ, рядомъ со знаменитымъ нѣмецкимъ астрономомъ, *Мартиномъ Бегаймомъ*, ученикомъ рано прославившагося *Регіомонтана*, и съ христіанскимъ лейбъ-медикомъ, *Родриго*, сидѣлъ и еврей, тоже лейбъ-медикъ, *Іосифъ* (Iose Vecinho или de Viseu). Іосифъ въ основаніе своихъ астрономическихъ вычисленій положилъ вѣчный астрономическій календарь или таблицы семи планетъ, когда-то выработанныя вышеупомянутымъ Аврамомъ Закуто для одного саламанкскаго епископа, ему же посвященныя. Іосифъ вмѣстѣ съ христіанскими спеціалистами также исправилъ инструментъ для измѣренія звѣздной высоты (мореходную астролябію), столь необходимый для мореплавателей. Только благодаря этому обстоятельству Васко де Гама получилъ возможность найти морской путь въ Индію, объѣхавъ мысъ Доброй Надежды; быть можетъ, и Колумбу, вслѣдствіе этого, удалось открыть неизвѣстную часть свѣта. Въ данномъ случаѣ произошло то, что часто бывало: евреи раскидывали умомъ, а христіане пожинали славу. Когда, въ то же время, *Христофоръ Колумбъ* предложилъ королю Іоао довѣрить ему суда, чтобы добраться до Индіи по западному направленію, король представилъ этотъ планъ на обсужденіе епископу Цеуты и своимъ лейбъ-медикамъ, христіанину Родриго и еврею *Іосифу Везино*[1]), которые единогласно рѣшили, что предположеніе Колумба о возможности добраться до Индіи по западному направленію основано на воображаемой близости острова Ципанго (Японіи). Отчасти они были правы. Ибо открытіе части Америки и Вестъ Индіи было дѣломъ случая, на который самъ Колумбъ не могъ расчитывать и который, вѣрнѣе, долго держалъ его въ заблужденіи, такъ какъ онъ полагалъ, что открытая имъ страна составляетъ часть Остъ-Индіи. Колумбъ, желая открыть Индію, такъ сказать, наткнулся на Америку. Король Іоао II воспользовался также географическими знаніями и опытностью двухъ другихъ евреевъ, *раби Авраама де Бея* и *Іосифа Цапатейро де Ламего*, которыхъ король послалъ въ Азію къ своимъ лазутчикамъ, имѣвшимъ порученіе отправиться въ баснословную страну священника Іоанна: оба еврея должны были получить отъ нихъ свѣдѣнія и передать имъ таковыя отъ короля [2]). Нѣкоторые члены знаменитой фамиліи Ибнъ-Яхіи (Негро) тоже вращались при дворѣ короля [3]).

[1]) Barros Asia, decada I, coro III, гл. 11.
[2]) T. же I, III, 5.
[3]) Гедалія ибнъ-Яхія Schalschelet стр. 49.

Хотя, такимъ образомъ, Іоао II пользовался для своихъ цѣлей свѣдущими и опытными евреями, сердце его не лежало къ еврейскому народу; онъ скорѣе относился къ евреямъ безразлично или даже враждебно, какъ только они становились ему или его набожному чувству поперекъ дороги. Въ томъ же году, когда онъ послалъ за свѣдѣніями въ Азію Іосифа Цапатейро и Авраама де Бея, онъ учредилъ, по порученію папы Инокентія VIII, инквизиціонную комисію для бѣжавшихъ въ Португалію испанскихъ марановъ и, подобно Фернандо и Изабеллѣ въ Испаніи, осудилъ всѣхъ болѣе или менѣе приверженныхъ іудаизму на сожженіе или на пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ. Когда нѣкоторые мараны переѣхали въ Африку, чтобы свободно исповѣдывать тамъ іудейскую религію, онъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, запретилъ крещенымъ евреямъ или новохристіанамъ переселяться за море [1]). Въ это именно время умеръ мученической смертью Іуда ибнъ-Верга въ Лисабонѣ, такъ какъ онъ не хотѣлъ предать іудействующихъ марановъ. Отъ одного слова этого жестокаго, безсердечнаго государя зависѣла жизнь или смерть сотенъ тысячъ еврейско-испанскихъ изгнанниковъ.

Противъ этихъ несчастныхъ возстали и въ Португаліи не только злые люди, но и сама природа. Сейчасъ же, по ихъ прибытіи, среди нихъ стала свирѣпствовать злокачественная эпидемія, уносившая тысячи жертвъ. Португальское населеніе, тоже страдавшее отъ чумы, полагало, что она занесена евреями. И въ самомъ дѣлѣ, возможно, что отчаяніе, мучительная жара во время переселенія, нужда и бѣдствія породили среди нихъ всевозможныя опустошительныя болѣзни. Значительная часть испанскихъ переселенцевъ погибла въ Португаліи отъ чумы [2]). Населеніе поэтому ворчало на короля за привлеченіе въ страну проклятыхъ евреевъ, за которыми чума гналась по пятамъ. Въ виду этого Іоао строже настаивалъ на выполненіи условія эмиграціи евреевъ въ восьмимѣсячный срокъ, чѣмъ это было бы при другихъ обстоятельствахъ. Вначалѣ, согласно договору, онъ доставлялъ имъ суда по низкой цѣнѣ, приказывая капитанамъ обращаться съ евреями по-человѣчески и отправлять ихъ, куда они укажутъ. Но капитаны, исполненные въ большинствѣ случаевъ ненавистью къ евреямъ и руководимые алчностью, выходя въ море, очень мало заботились о приказаніи короля, такъ какъ они не боялись, что ихъ звѣрства найдутъ себѣ жалобщиковъ. Они требовали денегъ сверхъ ранѣе условленныхъ и выжимали ихъ изъ безпомощныхъ жертвъ; они водили несчастныхъ по морю такъ долго, пока не истощались съѣстные припасы;

[1]) Ruy de Pina Chronica de D. Joào гл. 64.

[2]) Закуто Iochasin стр. 227: ולא נשארו אלא מעט מהם (מק״כ אלף נפשות) במגפה

тогда они за доставку пищи требовали большихъ суммъ, такъ что несчастные, въ концѣ концовъ, вынуждены были отдавать за хлѣбъ свою одежду и высаживались на берегъ почти нагіе. Женщинъ и дѣвушекъ они безчестили въ присутствіи мужей и родителей, позоря христіанскую славу [1]). Часто эти чудовища высаживали несчастныхъ въ пустынную мѣстность Африки, предоставляя ихъ на жертву голоду, отчаянію и ярости варварскихъ мавровъ, порабощавшихъ оставшихся въ живыхъ.

О страданіяхъ португальскихъ переселенцевъ во время плаванія сообщаетъ очевидецъ, кабалистъ *Іуда бенъ-Яковъ Хаятъ* [2]) (изъ благородной и зажиточной фамиліи). Судно, на которое онъ, его жена и еще двѣсти пятьдесятъ товарищей по страданію разнаго возраста и пола сѣли, вышло зимою (въ началѣ 1493 г.) изъ Лисабона и четыре мѣсяца блуждало по волнамъ, такъ какъ ни одна гавань не принимала ихъ изъ-за чумы. Съѣстные припасы, конечно, истощились. Затѣмъ судно было схвачено бискайскими пиратами, разграблено и потянуто въ испанскую гавань Малагу. Здѣсь имъ запретили выйти на берегъ, но и не разрѣшили уѣхать и не дали имъ съѣстныхъ припасовъ. Духовенство и городскія власти хотѣли ихъ склонить къ христіанству мученіями голода. Дѣйствительно, имъ удалось завербовать сто человѣкъ съ изможденными лицами и впалыми глазами. Прочіе остались непоколебимы въ своей вѣрѣ, и пятьдесятъ изъ нихъ, старцы, юноши, дѣвушки и дѣти, погибли голодною смертью, между послѣдними была и жена Хаята. Только тогда жители Малаги нѣсколько смягчились и доставили имъ хлѣба и воды. Когда оставшіеся въ живыхъ, спустя два мѣсяца, получили разрѣшеніе уѣхать на африканскій берегъ, они попали въ другую горькую бѣду. Изъ-за чумы ихъ не впускали ни въ одинъ городъ, и имъ предстояло питаться развѣ травою на полѣ. Самъ Хаятъ былъ обвиненъ однимъ магометаниномъ, прежнимъ его согорожаниномъ, тоже изгнаннымъ изъ Испаніи, въ какомъ-то преступленіи, когда они прибыли въ мавританское государство Фецъ; онъ брошенъ былъ въ ужасную тюрьму, кишѣвшую змѣями и черными ящерицами, гдѣ отъ него требовали принять исламъ, предлагая заманчивыя условія и угрожая побить камнями въ случаѣ отказа. Но всѣ эти нагромождавшіяся гибельныя страданія ни на одну минуту не поколебали его религіозныхъ убѣжденій. Наконецъ, онъ былъ выкупленъ евреями одного маленькаго городка и ушелъ въ Фецъ. Тамъ свирѣпствовалъ такой страшный голодъ, что Хаяту приходилось ради куска хлѣба, отъ котораго отказалась бы и собака, ежедневно вертѣть ручную мельницу. Ночью же онъ и товарищи по страданію, загнанные въ Фецъ, ночевали за городомъ среди городского мусора.

[1]) Епископъ. Іеронимъ Озорій въ de rebus. gestis Emmanuelis стр. 7.

[2]) Хаятъ въ предисл. его коментарія מנחת יהודה къ кабалист. кн. מערכת אלהות

Какъ ни старались португальскіе моряки скрыть совершенныя ими надъ евреями звѣрства, о нихъ все таки стали носиться слухи, и оставшіеся боялись сѣсть на ихъ суда. Къ тому же у бѣдняковъ и денегъ не было на проѣздъ и продовольствіе. Поэтому они откладывали отъѣздъ со дня на день и убаюкивали себя надеждою, что король пренебрежетъ закономъ ради милосердія и будетъ ихъ терпѣть въ Португаліи. Но Донъ Іоао не былъ королемъ, сердце котораго согрѣвается лучами милосердія и состраданія. Онъ утверждалъ, что въ Португалію перешло больше евреевъ, чѣмъ было условлено, и требовалъ точнаго выполненія договора. Евреи, оставшіеся по истеченіи восьми мѣсяцевъ, дѣйствительно были обращены въ рабовъ и подарены или проданы дворянамъ по ихъ выбору (1493 [1]).

Король Іоао II пошелъ еще дальше въ своей жестокости по отношенію къ несчастнымъ испанскимъ евреямъ. Онъ приказалъ отобрать у всѣхъ порабощенныхъ родителей ихъ дѣтей отъ трехъ до десяти лѣтъ и, посадивъ ихъ на суда, отправить на новооткрытые острова *Св. Ѳомы* или *Змѣиные*, или, какъ ихъ еще называли, *Потерянные* (Ilhas perdidas), чтобы тамъ воспитать ихъ въ христіанской религіи [2]). Ни жалобные крики безутѣшныхъ матерей, ни визги дѣтей, ни ярость отцовъ, рвавшихъ на себѣ отъ мукъ волосы, ничто не могло заставить жестокаго деспота отмѣнить приказаніе. Матери умоляли позволить имъ сопровождать дѣтей. Одна мать, у которой сыщики похитили семерыхъ, бросилась къ ногамъ короля при его выходѣ изъ церкви и умоляла оставить ей хотя самаго младшаго. Донъ Іоао спокойно далъ оттѣснить ее, и она выла, „какъ собака, у которой отнимаютъ дѣтенышей“. Слѣдуетъ ли удивляться, что нѣкоторыя матери бросались со своими дѣтьми въ море, чтобы оставаться вмѣстѣ со своими любимыми? На островахъ Св. Ѳомы, куда потащены были дѣти, жили ящерицы, ядовитыя змѣи и преступники; послѣдніе были сосланы туда изъ Португаліи за преступленія. Большинство еврейскихъ дѣтей погибло по дорогѣ или сдѣлалось добычей дикихъ звѣрей. Оставшіеся въ живыхъ впослѣдствіи заключали между собою браки, при чемъ братья и сестры сочетались по незнанію, и обрабатывали острова. Быть можетъ, причиною этого озлобленія и ожесточенія, выразившагося въ звѣрствахъ надъ евреями, была смерть единственнаго законнаго сына короля. Его еврейскій фаворитъ, *Іосифъ ибнъ-Яхія*, покинулъ въ это время (1494) вмѣстѣ со многими членами своей семьи Португалію, вѣроятно, боясь худшихъ временъ или потому, что король принуждалъ его креститься. Онъ уѣхалъ въ Пизу [3]).

[1]) Осорій въ ук. м. стр. 7. [3]) Гедалія ибнъ-Яхія Schalschelet стр. 49, 95.
[2]) Объ этомъ сообщаютъ Пина, Геркулано, Уске и Ибнъ-Верга.

Послѣ того, какъ Іоао II безрадостно сошелъ въ могилу (въ концѣ окт. 1495 г.) и на престолъ вступилъ его преемникъ, двоюродный братъ его, *Маноелъ*, прямая противоположность Іоао II, человѣкъ ласковый, кроткій, любитель наукъ, португальскимъ евреямъ и оставшимся испанскимъ изгнанникамъ казалось, что надъ ними взошла новая звѣзда. Маноелъ, не одобрявшій обращенія испанскихъ евреевъ въ рабство, зная, что они пропустили данный имъ срокъ по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ и изъ страха передъ тысячью угрозъ смерти, подарилъ свободу всѣмъ порабощеннымъ. Опьяненные радостью, они предложили ему золото, но онъ отказался принять его [1]). У него, въ этомъ случаѣ, имѣлась, безъ сомнѣнія, задняя мысль, какъ сообщаетъ его біографъ, епископъ Озорій, привлечь евреевъ въ христіанство путемъ кротости. Еврейскаго математика и астронома, *Авраама Закуто*, выселившагося изъ сѣверной Испаніи (гдѣ онъ даже христіанъ обучалъ своимъ любимымъ наукамъ) въ Лисабонъ и оставшагося здѣсь, Маноелъ назначилъ придворнымъ астрологомъ [2]). Король этотъ придавалъ астрологіи большое значеніе, дѣлалъ этому призрачному искусству запросы относительно успѣха судовъ, отправляемыхъ для открытій, и имѣлъ при себѣ двухъ христіанскихъ астрологовъ, одного послѣ другого, *Діего Мендеца Вецино* и *Томаса де Торесъ*. Закуто служилъ у него не только для толкованія положенія звѣздъ. Онъ, хотя былъ человѣкъ сухой, ограниченный, раздѣлявшій суевѣрія своей эпохи, обладалъ и положительными знаніями въ астрономіи, написалъ сочиненіе объ этой наукѣ (кромѣ астрономическихъ таблицъ) и устроилъ для мореходства точный металлическій инструментъ, измѣряющій звѣздную высоту вмѣсто употреблявшагося дотолѣ ненадежнаго деревяннаго. Маноелъ также любилъ заглядывать въ прошедшее, охотно читалъ лѣтописи и сдѣлалъ Закуто своимъ хронографомъ, такъ какъ послѣдній былъ начитанъ въ исторіи. Конечно, Закуто и не подозрѣвалъ о духовномъ движеніи въ исторіи.

Въ эпоху Дона Маноела, при которомъ Португалія обогатилась Индіей и частью Америки, евреи вздохнули нѣсколько свободнѣе. Кажется, что сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, онъ издалъ приказъ, чтобы суды не принимали обвиненій противъ евреевъ въ дѣтоубійствѣ, такъ какъ они основаны на злобныхъ и лживыхъ измышленіяхъ. Онъ запрещалъ фанатическимъ проповѣдникамъ-монахамъ проповѣдывать противъ нихъ. Однажды, когда одинъ изъ такихъ монаховъ произнесъ противъ евреевъ капуцинскую проповѣдь, и еврейскіе придворные стали умолять короля о защитѣ, послѣдній, какъ говорятъ, замѣтилъ: „Васъ, дѣйствительно, пугаетъ шумъ колеблющагося листа, какъ предвѣщалъ вамъ

[1]) Озорій въ ук. м. стр. 7.

[2]) Эмануилъ Абоабъ въ указ. м. стр. 300,306.

пророкъ *). Вамъ нечего бояться, разъ вы знаете, что я защищаю васъ". Слово короля, однако, вовсе не оказывалось дѣйствительнымъ талисманомъ противъ злобы еврейскихъ враговъ. Въ самой Португаліи легко возникло бы обвиненіе въ употребленіи евреями крови, если бы этому не помѣшала ловкость одной еврейки. Дѣло было въ томъ, что христіанинъ, убившій въ припадкѣ гнѣва ребенка своей сосѣдки, бросилъ трупъ въ домъ еврейки и привелъ еще сыщиковъ, чтобы сдѣлать обыскъ. Еврейка привязала трупъ къ своему тѣлу и показала видъ, что рожаетъ. Обыскъ поэтому ни къ чему не привелъ. Впослѣдствіи оказалось, что убійство совершено христіаниномъ, въ чемъ сознался самъ убійца. Еврейка, спрошенная, куда дѣвался трупъ, вначалѣ отрицала свой маневръ, но потомъ, успокоенная на счетъ послѣдствій, призналась. Король Маноелъ удивлялся ея уму[1]).

Недолго, весьма недолго, однако, продолжалось мерцаніе счастья евреевъ при Маноелѣ: мрачное благочестіе испанскаго двора погасило его совершенно. Съ момента вступленія юнаго короля Португаліи на престолъ испанская королевская чета помышляла связать его съ Испаніей брачными узами, чтобы превратить своего враждебнаго сосѣда въ друга и союзника. Она предложила ему въ супруги младшую дочь свою, *Іоанну,* впослѣдствіи прославившуюся своей ревностью и безумными поступками. Маноелъ охотно согласился на этотъ союзъ, но имѣлъ въ виду старшую сестру, *Изабеллу II,* вышедшую раньше замужъ за португальскаго инфанта, но вскорѣ затѣмъ овдовѣвшую. Хотя Изабелла питала рѣшительное отвращеніе ко вторичному браку, исповѣднику удалось уговорить ее и дать ей понять, что замужествомъ она сможетъ возвеличить христіанскую религію. Испанскій дворъ съ огорченіемъ взиралъ на то, что португальскій король принималъ еврейскихъ и магометанскихъ бѣглецовъ. Дружелюбное поведеніе короля Маноела относительно бѣглецовъ кололо испанцамъ глаза, и теперь Фердинандо и Изабелла полагали, что, удовлетворивъ желаніе португальскаго короля, они гораздо скорѣе достигнутъ своей цѣли. Поэтому они обѣщали ему руку своей старшей дочери подъ условіемъ, если онъ вступитъ съ ними въ союзъ противъ французскаго короля, Карла VIII (предпринявшаго тогда завоевательный походъ въ Италію), и если онъ изгонитъ изъ Португаліи евреевъ, какъ туземныхъ, такъ и пришлыхъ изъ Испаніи. Оба эти условія были королю Маноелу весьма непріятны. Съ Франціей онъ поддерживалъ хорошія отношенія, а отъ евреевъ онъ извлекалъ значительную пользу, благодаря ихъ деньгамъ, подвижности, опытности и знаніямъ. Поэтому онъ обсудилъ со своими довѣренными грандами этотъ важный для государства еврейскій вопросъ. Мнѣнія раздѣлились. Одни объявили, что

*) Левитъ XXVI. 35.

[1]) Ибнъ-Верга.

изгнаніе евреевъ противно интересамъ страны, а въ особенности обѣщанію короля, которое онъ далъ при вступленіи на престолъ. Дружески расположенные къ евреямъ совѣтники привели еще слѣдующіе благопріятные для евреевъ доводы: не только итальянскіе, нѣмецкіе и венгерскіе государи терпятъ ихъ въ своихъ странахъ, но и самъ папа такъ поступаетъ; если евреи вредны, то было бы не по-христіански посылать ихъ въ другія христіанскія государства и, до извѣстной степени, сваливать зло на другихъ; можно предвидѣть, что изгнанные евреи поселятся въ магометанскихъ странахъ, въ Африкѣ и Турціи, и унесутъ туда свое имущество и свои знанія; наконецъ, пока евреи живутъ въ христіанскомъ государствѣ, есть еще надежда обратить ихъ въ христіанскую религію. Враги евреевъ, съ своей стороны, привели слѣдующіе доводы за изгнаніе (ненависть всегда логичнѣе и краснорѣчивѣе кротости): евреи еще раньше изгнаны изъ Франціи, а въ настоящее время и изъ нѣкоторыхъ областей Германіи, а также изъ Кастиліи и Арагоніи, такъ какъ ихъ сношенія съ христіанами гибельно вліяютъ на религію, и простоватые люди принимаютъ ихъ заблужденія; слѣдуетъ опасаться, что они, враги христіанскаго міра, могутъ передать государственныя тайны врагамъ Португаліи; выгоды, получаемыя короной отъ еврейскаго богатства, значительно меньше вреда, причиняемаго тѣмъ, что собственность, путемъ хитрости и ловкости, постепенно переходитъ въ ихъ руки.

Тѣмъ не менѣе Маноелъ еще колебался нѣкоторое время, такъ какъ его благородная натура возмущалась этой жестокостью и нарушеніемъ королевскаго слова, и только инфанта *Изабелла* рѣшила дѣло. Она питала фанатическую, почти органическую ненависть къ евреямъ и воображала или дала себя уговорить духовенству, что несчастье, разразившееся надъ королемъ Іоао II въ послѣднее время его царствованія, произошло отъ допущенія имъ евреевъ въ государство, и она, вскормленная суевѣріемъ, боялась, что и ея бракъ съ Маноеломъ закончится несчастьемъ, если евреи будутъ терпимы въ Португаліи. Что за безпричинная жестокость въ сердцѣ молодой женщины! У короля Маноела возникла непримиримая душевная борьба. Честь, государственные интересы и человѣчность требовали не изгонять безпомощныхъ евреевъ; но для женитьбы на испанской инфантѣ и надежды на полученіе испанской короны требовалось несчастіе евреевъ. И вотъ любовь склонила чашу вѣсовъ въ пользу ненависти. Когда король ожидалъ свою невѣсту на границѣ, онъ получилъ отъ нея письмо, что она не въѣдетъ въ Португалію раньше, чѣмъ страна не будетъ очищена отъ „проклятыхъ евреевъ".

Такимъ образомъ брачный договоръ между королемъ Маноеломъ и испанской инфантой, Изабеллой, былъ скрѣпленъ печатью еврейскаго зло-

получія. 30-го ноября 1496 г. онъ былъ подписанъ, и уже 25-го слѣдующаго мѣсяца король издалъ указъ, чтобы всѣ евреи его государства приняли крещеніе или покинули, въ теченіи опредѣленнаго срока, страну подъ угрозой смертной казни [1]). Чтобы успокоить свою совѣсть, король вначалѣ высказалъ кротость тѣмъ, которыхъ его указъ повергалъ въ безграничное несчастье. Онъ далъ довольно значительный срокъ для выселенія, до октября слѣдующаго года, такъ что у евреевъ оставалось время для подготовленія; затѣмъ онъ назначилъ три гавани для свободнаго отъѣзда (Лисабонъ, Опорто и Сетубалъ). Что же касается его желанія привлечь евреевъ въ христіанство обѣщаніями почета и выгодъ, то обвинять его въ этомъ не слѣдуетъ, такъ какъ это было въ духѣ того извращеннаго вѣка. Однако вначалѣ лишь немногіе принимали крещеніе.

Кротость Маноела между тѣмъ послужила еще къ большему злополучію евреевъ. Такъ какъ у нихъ было время подготовиться къ выселенію, и не запрещалось вывезти золото и серебро, то многіе думали: имъ нечего спѣшить и отъѣздъ можно отложить; быть можетъ, король еще измѣнитъ свое рѣшеніе; у нихъ при дворѣ друзья, работающіе въ ихъ пользу. Кромѣ того въ зимніе мѣсяцы неудобно было довѣриться морскому путешествію. Такимъ образомъ большинство евреевъ выжидало наступленія весны. Въ это время мнѣнія короля, дѣйствительно, измѣнились, но только въ сторону страшной участи евреевъ. Ему было досадно, что лишь немногіе евреи рѣшились принять христіанство. Ему не хотѣлось, чтобы они уѣхали вмѣстѣ со своими богатствами и познаніями, и онъ сталъ думать, какъ бы удержать ихъ въ странѣ, но, конечно, въ качествѣ христіанъ. Усиліе ему требовалось только для перваго шага; второй уже не былъ ему труденъ.

Онъ снова возбудилъ въ государственномъ совѣтѣ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли крестить евреевъ насильно. Къ чести португальскаго духовенства должно сказать, что оно рѣшительно высказалось противъ насильственнаго обращенія въ христіанство. Епископъ *Фернандо Кутино* изъ Алгарвіи доказывалъ на основаніи церковныхъ авторитетовъ и папскихъ буллъ, что евреевъ не слѣдуетъ вынуждать къ принятію христіанства, требующаго свободнаго, а не вынужденнаго исповѣданія. Но Маноелъ такъ страстно желалъ удержать у себя трудолюбивыхъ евреевъ, что прямо заявилъ: существующіе законы и авторитеты не имѣютъ для него значенія, и онъ будетъ поступать по собственнымъ соображеніямъ. По совѣту безсовѣстнаго отступника, *Леви бенъ-Шемъ-Товъ* [2]), онъ прежде

[1]) Damiao de Coes; Usque III № 28 и Эмануилъ Авоавъ стр. 295.

[2]) Авраамъ изъ Торутіела стр. 103: לבן הארמי לוי בן שם רע (טוב) חטא ומחטיא את ישראל יותר מירבעם . הוא יעץ למלך שיקח בתי כנסיות ובתי מדרשות וכל אינש די יבעא מן אלה . . . הדמין יתעבד . . . ואחר שיעץ לוי בן שם רע שיקחו בתי כנסיות יעץ

всего запретилъ евреямъ собираться для богослуженія, велѣлъ закрыть всѣ синагоги и школы и угрожалъ ослушникамъ жестокимъ наказаніемъ. Въ Португаліи воскресла для евреевъ эпоха императора Адріана. Когда вышеуказанное средство не привело къ цѣли, Маноелъ, опять таки по совѣту того же Леви, (въ началѣ апрѣля 1497 г.) издалъ тайный указъ, чтобы всѣ еврейскія дѣти, мальчики и дѣвочки, до четырнадцати-лѣтняго возраста, были насильно отобраны отъ родителей и приведены въ день свѣтлаго воскресенья къ купели. Несмотря на таинственность, съ которой дѣлались приготовленія, нѣкоторые евреи все таки узнали объ этомъ и стали собираться къ поспѣшному выселенію, чтобы спасти себя и дѣтей своихъ „отъ оскверненія путемъ крещенія". Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Маноела, онъ приказалъ немедленно же совершить насильственное крещеніе надъ дѣтьми. Когда сыщики пытались тащить дѣтей въ церкви, то въ городахъ, населенныхъ евреями, произошли душу раздирающія сцены. Родители обхватывали дорогія существа, а эти судорожно уцѣплялись за первыхъ. Удары бичемъ и кулаками, однако, раздѣляли ихъ. Въ отчаяніи, что они навѣки разстаются съ дѣтьми, нѣкоторые родители на смерть душили ихъ въ своихъ объятіяхъ или бросали ихъ въ колодцы и рѣки, а затѣмъ и себя лишали жизни. „Я видѣлъ", разсказываетъ епископъ *Кутино*, какъ многихъ таскали къ купели за волосы и какъ отцы въ траурѣ, съ покрытыми главами и воплями провожали дѣтей и протестовали у алтаря противъ безчеловѣчнаго насильственнаго крещенія; я видѣлъ, какъ съ ними дѣлали еще и другое, невыразимо страшное"[1]). Даже христіане, слыша горестные вопли и видя слезы еврейскихъ отцовъ, матерей и дѣтей, чувствовали состраданіе и жалость и, несмотря на запрещеніе короля помогать евреямъ, скрывали у себя въ домахъ нѣкоторыхъ несчастныхъ, чтобы спасти ихъ хоть на время[2]). Каменныя сердца короля Маноела и его молодой супруги, испанки Изабеллы II, остались равнодушными къ этимъ воплямъ. Крещеныя дѣти получали христіанскія имена и, по приказанію короля, разсылались въ разные города, гдѣ ихъ воспитывали въ христіанской религіи. Вслѣдствіе тайнаго приказа или преувеличеннаго усердія сыщики таскали къ купели не только дѣтей, но и юношей и дѣвушекъ до двадцатилѣтняго возраста.

При такихъ обстоятельствахъ многіе евреи, конечно, перешли въ христіанство, чтобы оставить при себѣ дѣтей. Но это не удовлетворяло короля, окаменѣвшаго въ своемъ безсердечіи не отъ религіозности, а отъ политическихъ интересовъ; всѣ евреи должны были креститься

שיקחו מבני ישראל הקטנים מן י״ג(י״ב ?) שנים ולמטה שיחזירם לדת . . . ותפשו הילדים מאת אביהם ואמם ותהי צעקת הילדים גדולה מאוד בקול מר . . .

[1]) De Goes и Озорій. [2]) De Goes.

(по убѣжденію ли или нѣтъ, объ этомъ онъ не заботился) и остаться въ странѣ. Для этой цѣли онъ еще болѣе нарушилъ данное имъ слово, чѣмъ его предшественникъ. При наступленіи срока выселенія онъ приказалъ, чтобы евреи собирались только въ одной лисабонской гавани для отъѣзда, между тѣмъ какъ раньше онъ назначилъ имъ три гавани. Такимъ образомъ, всѣ тѣ, которые хотѣли выселиться (ихъ было, какъ говорятъ, 20000 душъ), должны были сосредоточиться въ Лисабонѣ. Они явились сюда съ жгучей болью въ сердцѣ, но готовые вытерпѣть всѣ мученія, чтобы не измѣнить своей совѣсти. Что же сдѣлалъ король-звѣрь? Онъ, хотя предоставилъ имъ жилища въ столицѣ, изобрѣлъ такъ много препятствій, чтобы помѣшать имъ сѣсть на суда, что время ушло и надвинулся октябрь, когда они, при дальнѣйшемъ пребываніи на португальской землѣ, должны были лишиться жизни или, по крайней мѣрѣ, свободы. Когда они, при такихъ условіяхъ, очутились въ его рукахъ, онъ приказалъ запереть оставшихся въ одномъ мѣстѣ (названномъ os Estãos), словно скотъ въ хлѣву, и объявилъ имъ, что они теперь его рабы, и онъ поступитъ съ ними по своему усмотрѣнію[1]). Затѣмъ онъ потребовалъ отъ нихъ добровольно обратиться въ христіанство, причемъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ они получатъ почетъ и богатство, въ противномъ же случаѣ они безъ сожалѣнія будутъ насильственно крещены. Когда многіе изъ нихъ все-таки остались непоколебимыми, онъ запретилъ давать имъ пить и ѣсть въ теченіе трехъ сутокъ, чтобы сломить ихъ голодомъ и жаждой. Но и это средство не подѣйствовало на большинство: они предпочитали умереть голодною смертью, чѣмъ принять религію, имѣвшую подобныхъ представителей. Затѣмъ Маноелъ пустилъ въ ходъ насиліе противъ упорствующихъ. Канатами и за волосы и бороды ихъ потащили изъ скотскаго загона прямо въ церкви. Чтобы избѣгнуть этого, многіе бросались изъ оконъ, разбиваясь на смерть, другіе вырывались и прыгали въ колодцы, третьи убивались въ самой церкви. Одинъ отецъ накрылъ своихъ сыновей молитвеннымъ одѣяніемъ, убилъ ихъ, а затѣмъ и себя. Ужасные подвиги Маноела выдѣляются еще рѣзче, если сравнить ихъ съ гоненіями на мавровъ. Послѣдніе тоже должны были покинуть Португалію; но имъ не ставили никакихъ препятствій, чтобы магомет. государи въ Африкѣ и Турціи не мстили жившимъ у нихъ христіанамъ[2]). Евреи не имѣли защитниковъ на землѣ, они были слабы и беззащитны; поэтому Маноелъ, котораго историки именуютъ Великимъ, позволялъ себѣ совершать надъ ними безчеловѣчныя насилія.

Такимъ путемъ многіе туземные, португальскіе, и переселившіеся испанскіе евреи были обращены въ христіанство, которое они открыто

[1]) Usque III. № 28. [2]) Osorius стр. 14.

презирали, какъ объ этомъ со стыдомъ разсказываютъ и сами христіане современники[1]). Между этими евреями было нѣсколько лицъ, которые впослѣдствіи стали знаменитыми равинскими авторитетами, напримѣръ, *Леви бенъ-Хавивъ*, будущій равинъ въ Іерусалимѣ. Тѣ, которымъ удалось вырваться и спасти свою жизнь и религію, смотрѣли на это какъ на особенное, милостивое, чудесное предопредѣленіе Божіе. *Исаакъ бенъ-Іосифъ Каро*, переѣхавшій изъ Толеды въ Португалію, потерялъ тамъ своихъ взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ сыновей („красивыхъ, какъ принцы") до послѣдняго и благословлялъ Творца за милость, такъ какъ, несмотря на морскія опасности, онъ спасся въ Турцію[2]). *Авраамъ Закуто* вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Самуиломъ, тоже былъ близокъ къ смерти, хотя или потому что онъ былъ любимцемъ, астрологомъ и лѣтописцемъ короля. Оба счастливо перенесли горькое искушеніе, бѣжали изъ Португаліи, два раза попали въ неволю и затѣмъ ушли въ Тунисъ [3]).

Возбужденіе, вызванное насильственнымъ крещеніемъ евреевъ въ Португаліи, не скоро улеглось. Тѣ, которые приняли христіанство изъ любви къ дѣтямъ или боясь смерти, не теряли надежды добиться у папы отмѣны осуществленнаго силою крещенія; ибо всѣмъ въ Европѣ было извѣстно, что папа Александръ VI и его коллегія кардиналовъ, сущихъ извергов, готовы были за деньги сдѣлать все, что угодно. Всюду въ христіанскихъ странахъ въ это время повторялись остроумныя слова:

Онъ, Александръ, продаетъ ключи неба, алтарь и Христа.
Самъ, вѣдь, онъ это купилъ, потому и продать ихъ онъ можетъ [4]).

Римъ превратился въ непристойное мѣсто, въ притонъ Астарты, въ лавку, гдѣ продавался ядъ; но тамъ невинные все-таки могли купить за деньги справедливость. Поэтому португальскіе новохристіане отправили къ папѣ Александру посольство изъ семи товарищей по страданію, между ними двухъ опытныхъ людей, *Педро Эсекуатора* (?) и *Алемана Элжурадо*. Они, конечно, захватили съ собой набитый кошель. Папа и, такъ называемая, священная коллегія выказали имъ благосклонность; особенно же принялъ ихъ подъ свое покровительство кардиналъ *Санкта-Анастасія*. Испанскій же посолъ, *Гарцилазо*, по порученію испанской королевской четы, работалъ въ противоположномъ направленіи. Въ это время какъ разъ разбирался въ Римѣ процесъ маранскаго епископа, *Педро де Аранда* изъ Калагоры, отецъ котораго былъ обвиненъ ин-

[1]) Т. же. [2]) Предисл. къ его תולדות יצחק.
[3]) Jochasin изд. Филиповскаго, стр. 223.
[4]) Vendit Alexander Claves, Altaria, Christum;
Emerat ista prius, vendere jure potest.

квизиціей въ томъ, что онъ умеръ, исповѣдуя іудейскую религію (стр. 257). Аранда, ранѣе покровительствуемый папой и получившій отъ него санъ апостольскаго протонотарія, попалъ въ немилость, потому что папа зарился на его богатства. Его обвиняли въ томъ, что онъ до богослуженія принималъ пищу и исцарапалъ распятіе и другія священныя изображенія. Когда испанскій посолъ увидѣлъ, что папа и кардиналы готовы арестовать Педро де Аранда, онъ замѣтилъ: народъ подумаетъ, что папа арестовалъ его скорѣе изъ алчности, чѣмъ изъ религіознаго рвенія, если въ то же время не будетъ приказъ арестовать и прибывшихъ изъ Португаліи новохристіанъ, такъ какъ они, вѣдь, очевидные еретики. Послѣ этого Педро де Аранда былъ заключенъ въ тюрьму, а вмѣстѣ съ нимъ и пятеро изъ португальско-маранскаго посольства. Но оба предводителя послѣдняго, Педро и Алеманъ, бѣжали (20 апр. 1497 г.). Тѣмъ не менѣе дѣло португальскихъ евреевъ все-же, должно быть, повернулось въ хорошую сторону, такъ какъ король Маноелъ рѣшился сдѣлать уступку. Онъ издалъ милостивый указъ (30-го мая 1497 г.), которымъ амнистировалъ всѣхъ насильственно крещеныхъ евреевъ и опредѣлилъ двадцатилѣтній срокъ, въ теченіи котораго они не будутъ предаваться инквизиціонному суду за іудействованіе, такъ какъ имъ нужно освободиться отъ старыхъ привычекъ и сжиться съ католичествомъ, а для этого требуется много времени. Затѣмъ указъ опредѣлялъ, что по прошествіи этого времени обвиняемые іудействующіе новохристіане предстанутъ предъ судомъ, причемъ будутъ правильно выслушиваться свидѣтели, и, если вина обвиняемыхъ будетъ доказана, имущество ихъ не будетъ конфисковано, какъ въ Испаніи, а останется у ихъ наслѣдниковъ. Затѣмъ указъ подтверждалъ, что всѣ крещеные врачи и хирурги, которые не владѣютъ латинскимъ языкомъ, могутъ пользоваться еврейскими учебниками [1]). Такимъ образомъ всѣмъ насильственно крещеннымъ разрѣшалось втайнѣ безнаказанно жить въ іудаизмѣ и сохранять свою литературу. Ибо кто въ ту эпоху могъ въ Португаліи отличить еврейскую медицинскую книгу отъ какой-либо другой? Тѣ, которые изучали Талмудъ, могли, поэтому, подъ маской католицизма, предаваться, какъ и раньше, своему любимому занятію; они такъ и поступали.

Кротость эта имѣла отношеніе только къ португальскимъ маранамъ, а не къ пришельцамъ. Оговорку эту Маноелъ сдѣлалъ изъ уваженія къ испанскому двору или, вѣрнѣе, къ испанской инфантѣ, Изабеллѣ, которая настаивала на томъ, чтобы бѣжавшіе изъ Испаніи мараны были преданы инквизиціонному молоху. Въ брачномъ договорѣ между португальскимъ

[1]) Этотъ декретъ сообщенъ впервые Рибейро, затѣмъ Эмануиломъ Авоавомъ Nomologia, стр. 292.

королемъ и фанатической Изабеллой было точно обусловлено (въ августѣ 1497 г.), что всѣ лица еврейскаго происхожденія, бѣжавшія послѣ осужденія ихъ инквизиціей въ Португалію, ища здѣсь защиты, должны быть изгнаны въ теченіи одного мѣсяца.

Такимъ образомъ многія тысячи португальскихъ евреевъ стали наружно христіанами; но они твердо рѣшили пользоваться всякимъ случаемъ для выселенія, чтобы въ свободной странѣ исповѣдывать свою религію, ставшую для нихъ еще дороже, благодаря испытаннымъ страданіямъ. Душа ихъ, какъ говоритъ поэтъ *Самуилъ Уске*, „не осквернилась принятымъ крещеніемъ". Остались и нѣкоторые евреи, которые всѣми силами уклонялись отъ насильственнаго крещенія. Въ числѣ ихъ были: *Симонъ Маими*, ученикъ Исаака Канпантона (повидимому, бывшій послѣднимъ верховнымъ равиномъ въ Португаліи, Arrabi mor), набожный человѣкъ; затѣмъ его жена, его зятья и другіе. Они были подъ строгимъ арестомъ, такъ какъ не хотѣли отказаться отъ іудейства, и не выполняли церковныхъ обрядовъ даже наружно. Чтобы обратить Симона и его товарищей по страданію, ихъ подвергли безчеловѣчнымъ пыткамъ. Ихъ замуровали въ тюрьмѣ до самой шеи и держали ихъ въ этомъ мучительномъ положеніи цѣлыхъ три дня. Такъ какъ они все-таки не сдавались, то стѣны, въ которыхъ ихъ замуровали, были разобраны. Трое изъ нихъ не выдержали мученія и скончались, также умеръ Симонъ Маими, крещеніе котораго особенно было желательно, такъ какъ его примѣру послѣдовали бы и другіе. Два марана рискнули жизнью и похоронили трупъ благочестиваго страдальца на еврейскомъ кладбищѣ, хотя частнымъ лицамъ строго запрещалось хоронить еврейскія жертвы: это предоставлялось палачамъ. Въ обществѣ нѣкоторыхъ другихъ марановъ они тайно сопровождали къ мѣсту послѣдняго успокоенія останки святого мученика, тихо оплакивая его и выполняя тамъ траурные обряды. Вскорѣ послѣ того король Маноелъ, повидимому, послѣ смерти своей супруги, виновницы всѣхъ звѣрствъ противъ евреевъ (умерла отъ родовъ, давъ жизнь 24-го августа 1498 года наслѣднику Португаліи и Испаніи, который, въ свою очередь, умеръ черезъ два года), разрѣшилъ немногимъ оставшимся евреямъ выселиться. Среди нихъ были: *Авраамъ Саба*, проповѣдникъ и кабалистическій писатель, у котораго двое дѣтей были крещены и отняты; затѣмъ *Шемтовъ Лерма*, который, за устройство въ своемъ домѣ молельни, несмотря на запретъ, два раза подвергался пыткамъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ; затѣмъ равинъ *Яковъ Луалъ*, дѣятельность котораго осталась неизвѣстной; онъ, подобно остальнымъ, вопреки всѣмъ пыткамъ, отказался отъ навязываемаго ему крещенія. Донъ Маноелъ позволилъ имъ выѣхать изъ Португаліи, вѣроятно, изумленный почти сверхчеловѣческой твердостью этихъ

людей. Они не нашли судна, которое перевезло бы ихъ на африканскій берегъ, и принуждены были довѣриться полуразрушенному челноку безъ рулевого и матросовъ. Какимъ-то чудомъ они благополучно добрались до Арцилы (въ Африкѣ), а оттуда прибыли въ Фецъ. Затья Симона Маими еще долго оставались въ тюрьмѣ, затѣмъ были сосланы въ Арцилу, гдѣ ихъ заставляли по субботамъ рыть окопы; въ концѣ концовъ они умерли смертью мучениковъ. Такъ поступали поклонники религіи любви.

Чрезъ восемьдесятъ лѣтъ правнукъ Маноела, король-авантюристъ, *Себастіанъ*, перебросилъ въ Африку цвѣтъ португальскаго народа для новыхъ завоеваній. Въ одномъ единственномъ сраженіи сила Португаліи была сломлена, дворяне убиты или проданы въ рабство. Плѣнники были уведены въ Фецъ, гдѣ ихъ, на невольничьемъ рынкѣ, предлагали за деньги внукамъ невыразимо замученныхъ португальскихъ евреевъ. Согбенные португальскіе вельможи и рыцари радовались, когда ихъ, въ качествѣ рабовъ, покупали евреи, такъ какъ португальцамъ были извѣстны ихъ кротость и человѣческія чувства[1]). Такъ поступали поклонники Бога мести.

Въ это время, какъ будто для того, чтобы искоренить послѣдній остатокъ еврейства, жестокій жребій изгнанія постигъ и общины Прованса, гдѣ, какъ и на Пиренейскомъ полуостровѣ, наслѣдіе славной эпохи, если не увеличилось, по крайней мѣрѣ, не сократилось и не оставалось въ небреженіи. Въ городахъ этой мѣстности, въ *Марселѣ*, *Арлѣ*, *Э*, *Тарасконѣ*, въ колыбели поэзіи трубадуровъ, евреи оставались вѣрными унаслѣдованному отъ Маймонида духу научнаго изслѣдованія и разработкѣ ново-еврейской поэзіи. Медицина имѣла своихъ лучшихъ представителей въ лицѣ евреевъ, которыхъ провансальскіе правители и графы предпочитали, не смотря на каноническіе законы. Врачебныхъ услугъ *Авраама Соломона* изъ Санъ-Максимина добивались всѣ; онъ былъ лейбъ-медикомъ графа *Рено*, который такъ любилъ его, что освободилъ его отъ всѣхъ налоговъ. Авраамъ Соломонъ обладалъ и философскимъ образованіемъ[2]). *Боне де Латъ* былъ извѣстенъ, какъ отличный врачъ и математикъ; впослѣдствіи онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ папы *Льва Х*. Въ Марсели были извѣстны: *Компра Моисей*, *Шуламъ Давинъ Атаръ*[3]). Знаменитый въ то время *Пьеръ де Нострадамусъ*, прадѣдушка мистика и астролога, *Михаила Нострадамуса*, происходилъ отъ евреевъ[4]).

Такъ какъ Провансъ собственно не принадлежалъ къ Франціи, а имѣлъ своихъ самостоятельныхъ правителей, провансальскихъ графовъ,

[1]) Эммануилъ Абоавъ Nomologia стр. 308.
[4]) Нострадамусъ, histoire de France стр. 618.
[2]) Revue des Etudes Juives IX стр. 67. [3]) Гросъ, Monatsschrift 1878 стр. 697.

то евреи этой мѣстности не раздѣлили участи своихъ соплеменниковъ, изгнанныхъ изъ Франціи за сто лѣтъ тому назадъ: эти правители оставляли ихъ въ покоѣ и, большей частью, терпѣли ихъ въ странѣ. Предпослѣдній графъ, *Рене,* оказывалъ провансальскимъ евреямъ особыя милости. Онъ издалъ въ ихъ пользу мягкіе законы, предоставивъ имъ неограниченную свободу заниматься торговлей и искусствами и, несмотря на каноническія запрещенія, врачеваніемъ; имъ разрѣшалось занимать должности податныхъ чиновниковъ и управляющихъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ; пришельцамъ дозволялось селиться въ странѣ. Въ дѣлахъ религіи они пользовались полной свободой, и христіане не имѣли права притѣснять ихъ. Они не принуждались силою присутствовать при проповѣдяхъ, предписанныхъ съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство схизматическимъ папой, Бенедиктомъ XIII, и церковнымъ соборомъ. Высокопоставленному сановнику, носившему титулъ „консерватора", было поручено охранять ихъ привилегіи. Когда въ Арлѣ возбуждена была травля на еврейскую общину, и ее обвинили въ томъ, что нѣкоторые изъ ея членовъ убили христіанскихъ дѣтей, при чемъ еще поднятъ былъ крикъ о ростовщичествѣ, и все дѣло приняло угрожающій характеръ, графъ Рене принялъ ихъ подъ свою защиту. Онъ приказалъ разслѣдовать дѣло о дѣтоубійствѣ, которое закончилось въ пользу евреевъ [1]). Жалобы на ростовщичество были столь же безосновательны или, по крайней мѣрѣ, преувеличены.

Это покровительство послужило, однако, только къ тому, что тѣмъ больнѣе отразилась на евреяхъ наступившая сейчасъ же послѣ смерти Рене перемѣна. Совершилось то, чего они такъ боялись и что, по возможности, они старались предотвратить: они подпали подъ господство Франціи. Послѣдній графъ Прованса уступилъ свою прекрасную страну Людовику XI. Противъ евреевъ сейчасъ же поднялась фанатическая ненависть подъ тѣмъ предлогомъ, что они занимаются ростовщичествомъ, хотя фактически не мало изъ нихъ сами были должниками христіанскихъ кредиторовъ. Низкая чернь и оставшіеся безъ работы, вслѣдствіе неурожая, жнецы, натравленные, повидимому, монахами, напали (1484) на еврейскія общины Арля, Марсели и Тараскона, разграбили и разрушили дома и синагоги и нагнали на всѣхъ смертельный страхъ, такъ что пятьдесятъ человѣкъ спаслись, принявъ крещеніе. Чернь убила двухъ женщинъ и бросила ихъ трупы въ воду [2]). Спустя три года (1487) жители Марсели послали къ

[1]) Revue des Etudes X, стр. 92 ובשנה ההיא (שנת הרל"ג) שמו עלילת דברים על קהל ארלדו שהם שוחטי הילדים עושים הרבית ועמדו בסכנה גדולה לולא השם אשר רחם עליהם והמלך רײנר (רינר) . . . וגם האדון המושל פקיד משנה למלך הכירו כי היה הדבר שקר.

[2]) Depping, Histoire des Juifs dans le moyen âge 206; Beugnot, les Juifs d'Occident I, стр. 134; Carmoly, Revue orientale II, стр. 221.

[illegible] VIII депутацію съ просьбой изгнать евреевъ изъ города. [illegible] эту просьбу безъ послѣдствій; но зато объявилъ недѣйстви- [illegible] долговыя требованія еврейскихъ заимодавцевъ въ тѣхъ случаяхъ, [illegible] проценты были присоединены къ капиталу. Такъ какъ еврейская [illegible] хотѣла было сама покинуть городъ, и нѣкоторые евреи уже при- [illegible] распродавать свое имущество, то король насильно помѣшалъ этому [illegible] выселяющимся тяжкимъ наказаніемъ.

[illegible] страдая подъ ударами собственной судьбы, марсельскіе [illegible] не менѣе, высказали участіе и дали помощь своимъ несча- [illegible] изгнаннымъ изъ Испаніи. Одинъ безсердечный судовла- [illegible] Ниццы, *Варооломей Гофреди,* захватилъ судно съ 118 [illegible] мужчинами, женщинами и дѣтьми, оставившими Арагонію сейчасъ [illegible] срока изгнанія. Онъ ихъ увелъ, въ качествѣ рабовъ, [illegible] чтобы получить за нихъ выкупъ отъ еврейской общины въ [illegible] для продажи въ Турцію (24 августа 1492 года). Марсель- [illegible] немедленно вступилась за несчастныхъ. Ей, правда, не при- [illegible] пирату требуемый имъ выкупъ въ размѣрѣ 1500 талеровъ, [illegible] плѣнники взялись достать эту сумму; но она вмѣстѣ съ об- [illegible] гарантировала уплату видной марсельской фамиліи *Фробенъ*, [illegible] сумму пирату: французскіе евреи обязались вернуть деньги [illegible], если плѣнники, по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ, [illegible] Въ теченіи этого времени евреи въ Марсели и Э братски [illegible] всѣмъ необходимымъ [1]). Вскорѣ послѣ того и про- [illegible] очутились въ томъ же положеніи, потерявъ свою [illegible] изгналъ ихъ изъ страны (1498 [2]), въ которой ихъ [illegible] задолго до переселенія франковъ и готовъ. Счастли- [illegible] себя тѣ, которые нашли себѣ пріютъ въ бли- [illegible] церковной области, графствѣ Венесенѣ, въ [illegible] *Карпентра*. Здѣсь провансальцы встрѣтились съ [illegible], которые поселились въ этихъ мѣстахъ, и могли [illegible] своихъ страданіяхъ. Хотя христіанскіе горо- [illegible] на принятіе еврейскихъ пришельцевъ, [illegible] VI, защитилъ ихъ [3]). Между тѣмъ боль- [illegible] изгнанниковъ отправилось въ Италію, въ ко- [illegible] ся на мелкія государства и города- [illegible] равномѣрныя законодательныя поло- [illegible] евреевъ или ихъ исключенія. Бездушность кано-

[illegible]

[3]) Revue des Etudes VI, стр. 21

ническихъ законовъ здѣсь, большей частью, уступала мѣсто взглядамъ на матеріальныя выгоды. Даже порочный папа, Александръ VI, и тотъ служилъ примѣромъ терпимости, принявъ бѣглыхъ марановъ. Допустивъ къ себѣ евреевъ, Италія только выиграла, такъ какъ большинство изгнанниковъ, обладавшихъ познаніями въ области философіи, медицины и естественныхъ наукъ, содѣйствовало процвѣтанію свободнаго и сознательнаго духа въ эпоху Возрожденія. Кардиналы и папы, въ лицѣ переселившихся въ Италію опытныхъ врачей, пріобрѣли собственныхъ лейбъ-медиковъ. Среди переселенцевъ выдѣлялся провансалецъ *Боне де Латъ,* какъ математикъ и изобрѣтатель звѣздоизмѣрительнаго прибора (посвященнаго имъ папѣ Александру VI), а впослѣдствіи какъ медикъ и довѣренное лицо папы Льва X. Марсельскій врачъ, *Яковъ бенъ-Давидъ Провансалъ,* составившій медицинскій учебникъ, выѣхалъ въ Мантую. Онъ и сынъ его составляли красу этого города [1]).

[1]) Азарія dei Poси Meor Enajim.

Примѣчанія.

I.

Эфоди или Профіатъ Duранъ, какъ историческій писатель, и его сочиненія.

Весьма оригинальное произведеніе португальца *Самуила Уске*, въ которомъ разсказывается исторія страданій еврейскаго народа съ самаго начала до современной автору эпохи (1553) въ поэтической формѣ діалога, жалобы и утѣшенія (Consalacâo as tribulacoens de Ysrael, напечатано въ Фераръ въ 1553 г., содержитъ въ третьемъ діалогѣ, въ 37 нумерахъ, повѣствованія о гоненіяхъ на евреевъ, начиная отъ вестготской эпохи при Сизебутѣ въ 612 г. и кончая описаніемъ разрушенія синагоги въ Пезаро при жизни Уске (1533). Самуилъ Уске, хотя больше поэтъ, чѣмъ историкъ, не упускаетъ изъ виду при каждомъ событіи отмѣтить дату и источники, откуда заимствовано свѣдѣніе о немъ. Источники эти, однако, указываются только сокращенными словами на поляхъ, въ большинствѣ случаевъ, иниціалами F. F. или, нѣсколько яснѣе, For. F., изъ чего легко догадаться, что дѣло идетъ о ядовитомъ и враждебномъ евреямъ произведеніи Fortalitium Fidei францисканца *Альфонса де Спина*, изъ третьей книги котораго Самуилъ Уске собралъ данныя еврейской мартирологіи. Кромѣ этихъ сокращеній попадаются и другія, которыя не столь легко отгадать: L. J. E. B. или EB, а также Eb и V. M. Затѣмъ имѣются указанія Cor de espanha (что означаетъ Coronica, напр. въ № 1); Nas estorias de Sam Denis de França (№ 10); Cor ym (несомнѣнно означаетъ Coronica de Yngraterra въ № 12); Coron dos empera (dores) e dos papas (№ 19); R'Abraho levi no liro (livro) de Kabala (№ 24, ספר הקבלה Авраама ибнъ-Даудъ). Отъ № 25 до конца Уске не указываетъ уже источниковъ, потому что гоненія относятся уже къ области пережитаго авторомъ или сообщены ему старшими современниками, которые разсказывали ему объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи и Португаліи. Я высказалъ предположеніе, что Самуилъ Уске пользовался еврейскимъ источникомъ, тѣмъ самымъ, откуда заимствована и „Мартирологія“ Ибнъ-Верги (שבט יהודה). Ибо описаніе многихъ происшествій у обоихъ составляетъ, очевидно, отраженіе одного и того же текста. Можно было предположить, что Самуилъ Уске пользовался книгой Schebet Jehuda; но послѣдняя появилась почти въ одно время съ Consolacâo или даже на годъ позже (ср. введеніе къ гановерскому изд. стр. VII), притомъ на востокѣ. Тамъ же, въ рукахъ *Іосифа ибнъ-Верга*, дополнителя и собирателя „Мар-

тирологіи“, находилась и рукопись, такъ что совершенно невозможно допустить, чтобы Уске, жившій во время печатанія книги въ Италіи, видѣлъ ее. Къ тому же въ текстѣ Consolacào имѣются варіанты лучшіе, чѣмъ въ Schebet Jehuda. Необходимо, слѣдовательно, допустить, что оба компилятора исторіи о гоненіяхъ заимствовали нѣкоторые разсказы изъ одного источника. Изъ какого же?

Одна замѣтка у Абрабанела даетъ на этотъ счетъ безспорное разъясненіе. Въ его второмъ мессіалогическомъ сочиненіи (ישועות משיחו, изд. въ дек 1497), въ которомъ онъ оправдываетъ и защищаетъ идею о Мессіи передъ отчаивающимися въ ожидаемомъ отъ Мессіи избавленіи, онъ замѣчаетъ, что до 13-го вѣка гоненія на евреевъ были лишь частичны и только начиная съ этого времени стали общими, достигнувъ высшаго предѣла въ эпоху изгнанія евреевъ изъ Пиренейскаго полуострова. Въ пользу своей аргументаціи Абрабанелъ приводитъ много примѣровъ преслѣдованія и указываетъ на сочиненіе *Эфоди*, какъ на источникъ; сочиненіе это, однако, осталось неизвѣстнымъ библіографамъ. Абрабанелъ говоритъ (עיון II, гл. 2, у конца): כמו שתראה כל זה במאמר זכרון השמדות שהיו בישראל אחרי החרבן שעשה וקבץ האפודי. Этотъ остроумный писатель, извѣстный, какъ полемикъ, еврейскій грамматикъ и философскій коментаторъ, слѣдовательно, тоже былъ историкомъ и взялся за составленіе еврейской мартирологіи, начиная съ момента разрушенія храма. На это сочиненіе Эфоди, кажется, указываетъ и Соломонъ Алами (въ своемъ אגרת מוסר, стр. 22 изд. Іелинека): זכור אל תשכח הגזורות והעתים הרעים אשר באו עלינו משנת תתק"ח וד' אלפים ··· כאשר כתוב בספר הזכרונות. Абрабанелъ приводитъ не только эту интересную замѣтку, но и извлеченія изъ книги Эфоди:

1) изгнаніе евреевъ изъ Англіи; 2) изгнаніе изъ Франціи при Филиппѣ Красивомъ; 3) обратный пріемъ евреевъ при его преемникѣ Людовикѣ; 4) новое изгнаніе при томъ же королѣ; 5) обратный пріемъ евреевъ во Францію при Жуанѣ; 6) послѣднее изгнаніе евреевъ изъ Франціи при Карлѣ VI. Все это извлечено Абрабанеломъ изъ сочиненія Эфоди זכרון השמדות.

Сообщенный Абрабанеломъ текстъ приводится буквально и въ Schebet Jehuda. Для очевиднаго доказательства я привожу здѣсь, одинъ рядомъ съ другимъ, текстъ Эфоди у Абрабанела и затѣмъ текстъ Ибнъ-Верги (Schebet Jehuda №№ 18, 21, 24, 25).

אפודי זכרון השמדות	ן' וירגא שבט יהודה
I.	I.
אמנם גירוש במלכות [illegible]	(י"ח) האי אשר נקרא היום אינגלאטירה
ראשונה באי הנקרא קצה [illegible]	נעשה שם שמד גדול ועצים בכל אותם
היא אינגליטיירה בשנה הנזכ[illegible]	קהלות גדולות ועצומות אשר היו שם
אלפים ועשרים ליצירה) [illegible]	בימים ההם בחכמה ובינה וכבוד וביחוד
קהלות גדולות וביחוד [illegible]	העיר הגדולה הנקראת לונדריש אשר היו
הנקראה לונדריש שהי[illegible]	שם קרוב לשני אלפים בעלי בתים ···
ישראל אלפים בעלי [illegible]	ושם עשה החכם ר' אברהם בן עזרא
הראב"ע מאמר שקרא [illegible]	אגרת קראה אגרת שבת. והשמד היה
האי ההוא עשה ... [illegible]	שימירו דתם וכאשר עמדו על קדושת
קהלות מלכותו. וכ[illegible]	השם העלילו עליהם שהיו עושים זיוף
שהיה זה בסבת [illegible]	במטבע ובאה תביעה זו לפני המלך ··
והוכיחם המלך [illegible]	וחקר ודרש ומצא כי המעלילים המזיפים
שמעו ולכסף [illegible]	היו מטילים האשמה על היהודים ונמלטו.

ז׳ וירגא שבט יהודה

לימים שבו הנוצרים ובקשו מי ש׳עיד נגד היהודים .... צוה ונגרשם והיה הגירוש זה שנת חמשת אלפים ועשרים ליצירה.

II.

(כ״א) שנת ה׳ אלפים וארבעים (ч. וששים) ושש ליצירה קם ,פיליפו בן פיליפ ונרש את כל היהודים אשר במלכותו ונתאכזר מאוד נגד היהודים ולקח כל אשר להם כספם וזהבם ומטלטלין וקרקע ונתגרשו בערום ועריה וחסר כל. והיו היהודים רבים כחול באותם מלכיות עד שאמרו שהיו כפלים כיוצאי מצרים והקהלות ההם היו גדולות בחכמה ובמנין וכן כתב הרלב״ג בפירוש מי מנה וכו׳ וחבר הפירוש ההוא ט״ו שנה אחר הגירוש. וקצת המירו דת אבל מועטים היו מאוד וקהל טולושא המירו כלם. וסימן השנה ההיא מן הפרט ויגרשהו וילך והיה גרוש זה בחודש אב בחג הנוצרים הנקרא מדגילינא (ч. מגדאלינא).

III.

(כד) (שנת בשלחו כלה גרש יגרש) יצא המלך פיליפו המגרש לצוד ציד ומצא צבי רץ ורץ אחריו בסוסו בכח גדול והנה לפניו חפירה גדולה ונפל שמה עם סוסו ותשבר מפרקתו ומת וידעו הכל כי אכזריותו על היהודים גרם לו אותה מיתה ... ואחרי המלך האכזר ההוא קם בנו תחתיו והוא מלך חסד ... ושלח שליח ליהודים שאם ירצו ישובו לעריהם .... ורבים לאהבת ארצם ומולדתם שבו לעריהם ... ולא נפלה השנאה כי אם בעם אשר קנאו היהודים. ולמקצת ימים שבו ....

(כ״ה) אחר שבע שנים חזרו והעלילו עליהם וגורשו פעם אחרת. אך המלך ההוא מלך ישר היה וגרשם עם נכסיהם וממונם וכו׳.

IV.

Недостаетъ.

אפודי זכרון השמדות

II.

ואחר זה בשנת ה׳ אלפים וסו׳ ליצירה היה גירוש צרפת הכלל הראשון בהיות מולך בה פיליפו בן פיליפום בן המלך לואיש. והיה המלך פיליפו אכזרי אויב חרף השם וגרש את כל היהודים אשר בכל מלכותו ולקח כל אשר להם וגרשם בחוסר כל. והיו שם קהלות רבות ועצומות כפלים כיוצאי מצרים כמה שכתב הרלב״ג בפי׳ התורה בפסוק מי מנה עפר יעקב וחבר הפירוש ההוא כמו ש״ו (ч. ט״ו) שנה אחר הגירוש ההוא. והיתה צרה גדולה לישראל. והיה סימן השנה ההיא ויגרשהו וילך ובחודש אב היה.

III.

ופיליפו המגרש יצא לצוד ציד אחר צבי אחד ורץ אחריו בחזקה ונפל במצודה עם הסוס וימותו שניהם וימלוך תחתיו לואיש בנו והיה מלך חסיד ובשנה השלישית למלכו השיב את היהודים למלכותו בשנה השביעית לגירוש ועמדו שם שבע שנים. ואז עמי הארץ צרפתים בקשו מן המלך שעל כל פנים יגרשם. והוכרח לגרשם אבל לא לקח דבר מכל אשר להם והלכו עם כל נכסיהם.

IV.

עוד שבו היהודים לצרפת בשנת ק״ח לפרט כי עשה המלך יואן להם חזרה ועמדו שם כל ימי המלך הנזכר. וימי בנו קאראלוש עד מלוך בנו שנקרא קאראלוש גם כן והוא מגרשם פעם אחרת

אפודי זכרון השמדות
עם כל· נכסיהם והיה זה שנת קנ"ה
וסימנך כלה גרש יגרש (כמו שתראה
כל זה במאמר זכרון השמדות שהיו
בישראל אחרי החרבן שעשה וקבץ
האפודי).

Даже изъ одной неточности, оказавшейся у Ибнъ-Верги, можно заключить, что онъ пользовался источникомъ, а именно, сочиненіемъ Эфоди. Ибо мнемоническій знакъ כ ל ה בשלחו года изгнанія изъ Франціи, 5155, соотвѣтствующаго осени 1394 г. (№ IV), поставленъ у Ибнъ-Верги на ненадлежащемъ мѣстѣ (№ III), при сообщеніи о смерти Филиппа Красиваго, что до сихъ поръ оставалось совершенно непонятнымъ. Дата эта относится къ послѣднему изгнанію изъ Франціи, согласно Эфоди. Кажется страннымъ, что указаніе объ этомъ изгнаніи отсутствуетъ у Ибнъ-Верги. Невѣрную дату у Уске относительно послѣдняго изгнанія изъ Франціи, 5140 (т. е. 1380 г.) вмѣсто 1391 можно объяснить только ошибкой въ руководящемъ еврейскомъ текстѣ: Уске читалъ הק"ם вмѣсто הקנ"א. Замѣчательно, что Абрабанелъ ошибочно прочелъ въ текстѣ Эфоди годъ изгнанія евреевъ изъ Англіи: חמשת אלפים ועשרים, т. е ה"ך, 5020, вмѣсто ה"ן, какъ у Ибнъ-Верги. Уске, повидимому, читалъ ה"ב вмѣсто ה"ן. О путаницѣ въ датахъ касательно изгнанія евреевъ изъ Франціи и новаго пріема ихъ въ вышеуказанныхъ источникахъ сравн. Исидора Лéба Les expulsions des juifs de France au XIV-e siècle, въ юбилейной книгѣ въ честь Греца, стр. 39 и слѣд.

Затѣмъ, такъ какъ Уске въ №№ 12 и 20, въ которыхъ онъ рѣшительно руководится Профіатомъ Эфоди, указываетъ источникомъ L. Eb., то нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ сокращеніемъ онъ понимаетъ сочиненіе Эфоди о гоненіяхъ. Означаетъ ли сокращеніе просто Libro Ebraico („еврейская книга")? Но тогда остается непонятнымъ знакъ I, нерѣдко появляющійся то передъ L, то передъ Eb. Всѣ разсказы одинаковаго содержанія, приводимые у Уске и Ибнъ-Верги, могутъ считаться заимствованными у Эфоди.

Согласно вышесказанному, заимствованъ и разсказъ Уске № 8 (источникъ L. I. Eb.) и Ибнъ Верги № 31 о *Давидѣ Алруи* или *Алроѣ*. Правда, разсказъ этотъ заимствованъ изъ „Путеводителя" Веніамина изъ Туделы; но книга эта, къ удивленію, вовсе не была такъ извѣстна испанцамъ и далеко не такъ интересовала ихъ, какъ насъ. № 27 у Уске (Eb. L.) и № 14 у Ибнъ-Верги о враждебной къ евреямъ сестрѣ папы Sancha-=שאן גישה, № 18 у Уске и № 43 у Ибнъ-Верги о преслѣдованіи изъ-за прокаженныхъ въ 1321 г. взяты изъ одного источника, № 21 у Уске о гоненіяхъ, поднятыхъ *Фраемъ Виценте Фереромъ*, навѣрно почерпнутъ у Эфоди, какъ у современника, такъ какъ этотъ нумеръ содержитъ подробности, неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ, напр., что Виценте ѣздилъ по городамъ съ крестомъ и Торой, призывая евреевъ къ крещенію. Ибнъ Верга не отмѣтилъ у себя этого гоненія, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, потому что Іуда Леонъ Абрабанелъ уже подробно описалъ ихъ въ своемъ (недошедшемъ до насъ) коментаріи къ карательнымъ главамъ (תוכחות) Пятикнижія (Schebet Jehuda № 50). Находка „*Воспоминаній о гоненіяхъ*" Эфоди въ испанской или римской библіотекѣ была бы весьма интересна въ историческомъ отношеніи.

Если бы доказано было, что извѣстіе о гоненіяхъ, поднятыхъ Виценте Фереромъ, взято у Эфоди, то отсюда вытекало бы, что *„Воспоминанія“* написаны лишь позже 1412 г. Во всякомъ случаѣ онъ, несомнѣнно написалъ ихъ, когда сбросилъ маску христіанства. Изъ его многочисленныхъ сочиненій изданы были въ прежнее время только два: его ***коментарій къ Морэ*** (часто печатавшійся вмѣстѣ съ другими коментаріями) и ***сатирическое посланіе*** къ Энъ-Бонету (אגרת אל תהי כאבותיך). Его рукописныя творенія съ хронологическими данными—слѣдующія:

Надгробная рѣчь на смерть нѣкоего *Авраама бенъ-Исаакъ Галеви* (הגדת קינה), произнесенная въ 1393 г., нынѣ перепечатанная изъ библіотеки Роси въ сочиненіи מעשה אפוד, изданномъ *Фридлендеромъ и Яковомъ Кономъ* (Вѣна 1865 г.); тутъ же старательно собраны издателями и *Галберштамомъ* литературно-историческія свѣдѣнія объ Эфоди. На сочиненіе это я ссылаюсь вмѣсто разбросанныхъ компилятивныхъ работъ, на которыя я указывалъ въ своемъ 1-омъ (нѣмецкомъ) изданіи.

Сюда слѣдуетъ еще прибавить важныя замѣтки объ имени Эфоди и Профіатѣ, Frankel Monatsschrift, г. 1853., стр. 320 и слѣд. и г. 1855 г., стр. 197, подписанныя S. (Dr. Sänger).

חשב האפוד, астрономическое сочиненіе, написано въ 1395 г.

מעשה אפוד, еврейская грамматика съ интереснымъ и весьма вразумительнымъ введеніемъ. Въ 32-ой главѣ онъ отмѣчаетъ 1335 г., считая со времени разрушенія храма, т. е. 1403 г. по христіанскому лѣтосчисленію.

Сочиненія, хронологія которыхъ не установлена, указаны, за исключеніемъ мелкихъ произведеній, въ вышеуказанномъ коментаріи къ Морэ и въ אגרת אל תהי כאבותיך.

Анти-христіанское сочиненіе כלימת הגוים, рѣзкая критика первобытнаго христіанства и христіанскихъ догмъ. Оно, во всякомъ случаѣ, написано позже 1391 г., такъ какъ авторъ, во введеніи и посвященіи Хасдаю Крескасу, пишетъ о гоненіяхъ того же года: הנה אתה תפארת הדור ראית ימי הרעה והחימה השפוכה על גלות ירושלים אשר בספרד. Кромѣ того и переписчикъ замѣчаетъ во введеніи, что посланіе написано послѣ преслѣдованій и вслѣдствіе ихъ: זה הקונטרים יסד חכם גדול ומופלג שנאנס תחת השמדות והגזירות העצומות נגזרו בעונותינו שרבו כמו רבו להשמיד להרוג וכו' . . . בגזירות אשביליא . . . ונתפשטו הגזירות בקהלות הגדולות מספרד וגם עלינו בקטאלוניא עברו על ראשנו המים הזדונים מכל הענינים הנ"ל שנת מה חרי האף. Кстати замѣчу, что Профіатъ Дуранъ Эфоди, какъ и его прежній другъ, *Давидъ Энъ-Бонэ Буэнъ-Гіорнъ*, былъ каталонцемъ. Указанія Іосифа ибнъ-Шемъ-Товъ въ его введеніи къ Іроническому посланію разнствуютъ въ изданіяхъ и рукописяхъ относительно отечества автора посланія и его адресата: שני אנשים היו בקטלוניא אשר . . . יצאו מן הכלל . . . שם האחד מאשטרי פרופיט ושם השני בוניט בנגוראן (בנגורן) или בארגון. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ словъ и изъ сообщенія Хасдая Крескаса о гоненіяхъ слѣдуетъ съ достовѣрностью, что насильственное крещеніе 1391 г., осуществленное съ мечемъ въ рукѣ, распространилось только до *Каталоніи*, Арагонія же, благодаря значительнымъ денежнымъ жертвамъ, была пощажена. Также и Эфоди замѣчаетъ въ своемъ грамматическомъ сочиненіи, что арагонскія общины не подверглись гоненію, быть можетъ, благодаря своей набожности (во введеніи): ומי יודע אם לא הצלת קהלות ארגון אשר הם העקר שנמלט מגלות ספרד היתה לרוב שקידתם על התפילה ולקום בלילה אשמורות. Отсюда вытекаетъ, что

Эфоди былъ *каталонецъ*. Что Эфоди носилъ еврейское имя, ***Исаакъ бенъ-Моисей Леви***, слѣдуетъ изъ стихотворенія къ Cheschеb ha-Ephod.

Попытки опредѣлить дату составленія сатирическаго посланія Эфоди אל תהי כאבותיך дѣлались не одинъ разъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ. Прежде всего слѣдуетъ допустить, если бы въ текстѣ не было даже и слѣда даты, что оно написано не только *послѣ элула* 1391 г., мѣсяца рѣзни и насильственныхъ крещеній въ Каталоніи (по Хасдаю Крескасу), но гораздо позже, ибо Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ извѣщаетъ въ предисловіи коментарія къ этому посланію, что оба крещеные друга, Эфоди и Энъ-Бонетъ, приготовились къ выселенію въ Палестину и сговорились вернуться въ іудаизмъ, а это требуетъ нѣкотораго времени. Въ концѣ посланія имѣется замѣтка, что выкрестъ *Соломонъ изъ Бургоса, Павелъ де Санта Марія*, во время составленіи посланія, уже пользовался большимъ уваженіемъ авиньонскаго папы Бенедикта XIII (Педро де-Луна), уже достигъ высокой іерархической ступени и уже питалъ честолюбивую надежду на высочайшій церковный санъ. ואשר עוד כתבת והפלגת יהגדלת בספור מעלות מלמדך (שלמון די בורגוש) ושלומותו ואת כל כבודו ואת יקר תפארת גדולתו ועשית אותו אפיפיור במאמר לא ידעתי אם ילך רומא או באביניון תהיה מניחתו. גם אני ידעתי במוך את כל הגדולות אשר עשה לא לחנם נתן לו ארוננו המלך מתנות מבית גנזיו וכו'. Извѣстно же, что Соломонъ изъ Бургоса не перешелъ въ христіанство до 1391 г. Въ это время онъ еще посѣщалъ университетъ въ Парижѣ, чтобы освоиться съ христіанской теологіей. Посѣщеніе университета и хлопоты о достиженіи церковной должности, во всякомъ случаѣ, требовали нѣсколькихъ лѣтъ. Поэтому посланіе, которое уже упоминаетъ обо всемъ этомъ, могло быть написано лишь *нѣсколько лѣтъ позже 1391 г.* Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ судить о датѣ, приведенной въ текстѣ посланія, выбравъ наиболѣе подходящій изъ варіантовъ.

Иронизируя надъ претвореніемъ помощью гостіи, сатира замѣчаетъ: нужно въ такомъ случаѣ допустить, что небо, со времени вознесенія Іисуса туда, проламывалось въ теченіи столькихъ-то и столькихъ-то лѣтъ столько-то и столько-то разъ. Годъ составленія сатиры тоже различенъ въ изданіяхъ и рукописяхъ: שמיום עלותו לשמים עד עתה סביב אלף וש״ס שנה קרוב הוא שיעשה כל גופו ככברה. Число это указано въ одной рукописи, найденной въ семинарской библіотекѣ. Другіе варіанты суть: ש״ם, ש״ץ, а въ другомъ изданіи даже אלף ושש. Допустимъ, что Эфоди въ своемъ критико-полемическомъ произведеніи כלימת הגוים, согласно съ христіанскими писателями, полагаетъ, что Іисусъ жилъ на землѣ только 30 лѣтъ, т. е. что вознесеніе произошло около 30-го года христіанской эры (Гл. 11): וימי ישו היו לפי מה שאמור ומפורסם ביניהם סביב לשלשים שנה . . . והיתה תליתו לפי זה בשנת ט״ו לטיביראו. Тогда посланіе, по первому варіанту, написано въ 1360 году послѣ вознесенія, т. е. въ 1390 г., по второму варіанту — въ 1370 г., по третьему — въ 1420 г., и, наконецъ, по четвертому — если даже допустить чтеніе א׳ ש״ו — въ 1336 г. Такимъ образомъ всѣ данныя, какъ они намъ представляются, совершенно ошибочны. Правильное чтеніе даты само навязывается, и оно есть ש״ס съ знакомъ единицъ ו׳ = א׳ שנ״ו, т. е 1396. Изъ ס получился варіантъ ם, а изъ ו׳, повидимому, численный знакъ ץ׳. Наиболѣе удовлетворительное число — это безспорно אלף שס״ו.

2.

Хасдай Крескасъ и Ибнъ-Шешетъ; нѣкоторыя даты, касающіяся ихъ біографій.

1. Хасдай Крескасъ.

Хасдай Крескасъ, пользовавшійся въ свое время необыкновенною славой, до сихъ поръ не нашелъ себѣ достойнаго біографа; почти все, что о немъ написано, или ничтожно по своему значенію, или невѣрно. Даже указанія о времени его жизни неточны. Спиноза читалъ его философское сочиненіе אור ה׳ и, быть можетъ, позаимствовалъ у него идею о совмѣстимости причинной необходимости со свободою воли (Письма Спинозы къ Людвигу Мейеру, № 29). Изъ введенія Хасдая Крескаса къ своему анти-христіанскому сочиненію (מאמר בבטול עקרי הנוצרים) видно, что Хасдай пользовался уваженіемъ со стороны христіанскихъ грандовъ, которые побуждали его написать этотъ трактатъ (по буквальному переводу изъ испанскаго, сдѣланному Іосифомъ ибнъ-Шемъ-Товъ): אמר (חסדאי) שרים ונכבדים בקשו ממני ויפצרו בי לחבר מאמר אודיע בו הספקות והבטולים אשר יעשו שומרי תורת משה נגד אמונת הנוצרים ושאכוון בו עבודת הבורא לעמוד על האמת במחלוקת הזה הקדום בין הנוצרים והעברים במצוע משא ומתן. Поэтому онъ написалъ его на *испанскомъ языкѣ для христіанскихъ читателей*. По сообщенію Іосифа Ябеца, жившаго на одно столѣтіе позже его, Хасдай вращался при арагонскомъ дворѣ и пользовался любовью короля (אור החיים гл. 12): הרב בן חסדאי אשר גבה בשכלו על כל הפילוסופים אשר בזמנו אפילו חכמי אדום וישמעאל וכל שכן חכמי ישראל. וגדול לאלהיו היה כי קרא לאלהים וענהו במקהלות רבבות עמים ונתקדש השם על ידו ורבים מגדולי המלכות נתיהדו בלבם לאהוב (ואהוב .ר) למלך אבי אביו של מלך ספרד והגדול שבכל יועציו כי בלעדיו לא ירים המלך את ידו לעשות קטנה או גדולה וחבר ספר אור השם.

Іосифъ Ябецъ тутъ наговорилъ много лишняго и оцѣнилъ значеніе Хасдая слишкомъ высоко; но это сообщеніе о немъ не можетъ не быть основано на нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ. Подробность, „что Богъ внялъ ему въ многочисленномъ собраніи и что черезъ него освятилось имя Божіе", сообщается и въ другихъ источникахъ. Авраамъ Саба разсказываетъ въ своемъ коментаріи къ Пятикнижію צרור המור (къ בחוקתי, венеціанское изд., стр. 108 а): ודבר מפורסם הוא כי על זה התנאי (להוריד הגשם) קבלו אותנו בארץ העמים כשגלינו מארצנו וכבר קרה זה במלכות ארגון בזמן עצירה השליכו היהודים כלם מחוץ לעיר וסגרו השערים בעדם עד שיביאו המים ודרש הרב ן׳ חסדאי קרשקש ז״צל וכה אמר בתחלת דבריו: לכו המים והש״י פקד את עמו ונתן להם מים וכאלה רבות. Соломонъ ибнъ-Верга тоже упоминаетъ случай (Schebet Jehuda No 6S, стр. 109), что толедскіе евреи вымолили дождь: וכן היהודים תושבי טולידו הנוצרים שאלו מהם שיביאו מטר ובהפלתם מורידין אותו. Авторъ ס׳ מאורעות עולם (см. ниже, примѣч. 7) разсказываетъ о португальскомъ равинѣ-чудотворцѣ, *Исаакѣ Хаіонѣ*, и объ *Исаакѣ Абоавѣ*, что они вымолили дождь (стр. 8 ab; ср. еще Schebet Jehuda, стр. 122).

Однако, если указаніе Іосифа Ябеца о томъ, что Хасдай Крескасъ имѣлъ при арагонскомъ дворѣ почетную должность, даже соотвѣтствуетъ

истинѣ, то это не могло быть при дѣдѣ Фердинанда Католика: Фердинандъ — дѣдъ, кастильскій инфантъ, только въ 1412 г. избранъ былъ въ короли Арагоніи и сосѣднихъ областей, а въ этомъ году Хасдая Крескаса, безъ сомнѣнія, уже не было въ живыхъ. Свой אור השם онъ закончилъ въ 1410 г. и не написалъ обѣщаннаго продолженія. На диспутѣ въ Тортозѣ (1413—1414) онъ не присутствовалъ, по крайней мѣрѣ имя его не упоминается ни въ христіанскихъ, ни въ еврейскихъ спискахъ членовъ. Онъ не имѣлъ службы и при дворѣ Дона Педро IV (1336—1378]. Наоборотъ, король этотъ, вслѣдствіе ложнаго обвиненія, заключилъ его въ тюрьму вмѣстѣ съ сѣдовласымъ *р. Нисимомъ* съ *Исаакомъ бенъ-Шешетъ* (ריב"ש), съ братомъ послѣдняго и еще съ нѣсколькими (Respp. Isaak b.-Scheschet, № 376, у конца): כי זה קרוב לה׳ חדשים קמו אנשים בני בליעל מקרבנו והעלילו הרב ר׳ נסים וששה נכבדים מן הקהל (קהל ברצלונה ?) ובתוכם החכם דון חסדאי נ"ו ואני ואחי ומסרו אותנו למלכות ועדין אנחנו נתונין בערבון על לא חמס.

Время заключенія его въ тюрьму можно узнать изъ того же Responsa № 373. Въ немъ *Исаакъ бенъ-Шешетъ* пишетъ *Хасдаю бенъ-Соломону* изъ *Туделы*, покинувшему этотъ городъ вслѣдствіе тайнаго доноса и поселившемуся въ Валенсіи: וגם עלינו כזה וכזה עבר בחורף שעבר שכבר העלילונו ומסרונו למלכות לסכה קרובה לשלך . . במלאכי האלהים ילעיבו ועל המורים בדבר הלכה . . ובמעל הזה היתה ראשונה יד השרים והסגנים העשירים והמיוחסים . . . כי יחושו ויחוסו לכבוד עצמם ועשרם ולכבוד קונם אינם חסים. גם כי שמעתי יצאת את העיר (טודילה) להמלט על נפשך מדבר באופל יהלך להחיש מפלט. Но Хасдай бенъ-Соломонъ изъ Туделы оставилъ этотъ городъ еще до войны кастильцевъ съ англичанами (тамъ же, № 445): ולנסיאה לר׳ הסדאי שלמה. הפעם אודה את ה׳ הפליא חסדך לך הוציאך מאפלת טודילה ומחשכיה אשר כמה אימת מות עיר ובהלות נפלו עליהם מיום צאתך משם מחוץ שכלה חרב הקשטילנש שבי ובזה ומחדרים אימת האינגלישיש השובנים באהליהם ורוב הקהל ברחו משם ופה נתגוררו הרבה . . . . ברוך השם לא שמעת בקיל נוגש. Война эта, возникшая между кастильцами, союзниками Франціи, и англичанами, происходила лѣтомъ и осенью 1378 г., какъ это извѣстно изъ Ayala cronica de D. Enrique II. гл. 67 и французскихъ лѣтописей. Бѣгство Хасдая бенъ-Соломонъ изъ Туделы случилось, слѣдовательно, незадолго передъ тѣмъ, потому что Исаакъ бенъ-Шешетъ поздравляетъ его съ освобожденіемъ отъ непріятностей войны. Такъ какъ онъ при этомъ указываетъ Хасдаю, что онъ, Исаакъ, и его товарищи тоже были посажены въ тюрьму по такому же обвиненію, то случай этотъ могъ произойти незадолго передъ тѣмъ, до 1378 или даже до 1374 г., ибо р. Нисимъ еще жилъ тогда. Во всякомъ случаѣ Хасдай Крескасъ не могъ имѣть почетной должности при Донѣ Педро IV. Если сообщеніе Ябеца содержитъ въ себѣ что-либо фактическое—совершенно вымышленнымъ оно, конечно, быть не можетъ, то Хасдай могъ имѣть должность только у Жуана I (1378—1393), короля кроткаго, любившаго науку и поэзію, и у *Мартина Старшаго* (1393—1410). Ллоренте передаетъ, что евреи пользовались большимъ вліяніемъ при арагонскомъ Донѣ Педро IV и Жуанѣ I (Histoire de l'Inquisition I. гл. V, стр. 141), но источниковъ онъ не указываетъ.

О томъ, какимъ уваженіемъ Хасдай Крескасъ пользовался у своихъ единовѣрцевъ, имѣются вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія. *Профіатъ Дуранъ Эфоди* называетъ его въ своемъ анти-христіанскомъ произведеніи כלימת הגוים, написанномъ имъ по совѣту Хасдая же, красою своихъ современниковъ; онъ говоритъ это въ стихотвореніи, предшествующемъ введенію, и въ самомъ введеніи:

למופת לאומו וגם הוד לעמו והולך בתומו אני שי למורה
גביר רב ברכות . . . .

לחסדאי גדול עם נגידים ושועים ויערב וינעם כמנחה טהורה. תפארת הרבנים והמאמינים שאלני להעמיד על נכון מה שנתברר לי מכונת המשיח המדומה ותלמידיו ושלוחיו ע״ד כלל . . . הנה אתה תפארת הדור ראית ימי הרעה והחימה השפוכה על גלות ירושלים אשר בספרד . . . צרעת המינות במצחות האנשים פורחת . . . אכן לעשות רצונך חפצתי זה מה שראיתי תפארת הדור לכתבו להשלים и на концѣ לבמל רצוני. רצונך עם שידעתיך כביר כח ללחום מלחמת ה׳ וקמנך עבה ממתני . .

Исаакъ бенъ-Шешетъ увѣщеваетъ поэта-равина Соломона бенъ-Рувимъ Бонфеда не селиться въ Теруелѣ, а остаться близъ Хасдая, который недавно устроился въ Сарагосѣ и будетъ ему покровительствовать אף כי שם תהיה קרוב אל הרב השלם חסדאי נר״ו אשר נטע אהלו אפדנו סרקסטה עתה מקרוב ומדעתי יהיה לך למגן וצנה ואם יפהוהו חטאים אל יאבה (Respp. ריב״ש, № 287). Раньше Хасдай жилъ въ Барцелонѣ, какъ видно изъ Respp. ibid. № 447: ותדע האדון כי אני שלחתי ברצלונה לבני יודיעני מה הרב חסדאי אומר בדבר.

Когда въ наварскихъ общинахъ распространилось вызвавшее большой шумъ и испортившее много крови обвиненіе въ ереси *Іегуды Галеви*, человѣка когда-то высокопоставленнаго и въ тотъ моментъ уже умершаго, *Іосифъ Орабуэна*, самая выдающаяся въ Наварѣ личность, старался предать забвенію совершившееся и обратился къ *Хасдаю Крескасу* съ просьбой употребить свое перо для успокоенія народа (ср. каталогъ Krafft und Deutsch вѣнскихъ еврейскихъ рукописей, стр. 123): לקץ הימים כי מלאו הארץ (ארץ נאברה) על דבר המשפט תלונות בני ישראל אשר המה מלינים . . . שלח ר׳ יוסף (אורה בונה) חכמי יועציו אל הרב הגדול חסדאי קרישקאש נ״י להתחנן לו יכתוב ידו על כל פשעים יכסה את אשר כבר עשוהו לאחר מעשה וכתב לו כתבי כאשר עם לבבו. השר דון בנבנשת בן לביא כתב זה הכתב לרב דון חסדאי כשמעו כי כתב לו דון יוסף אורה בונה.

Во время страстнаго спора о должности великаго равина во Франціи, возникшаго между *Іохананомъ* бенъ-Мататі и его соперникомъ, *Астрюкомъ бенъ-Аба-Мари*, *Хасдай Крескасъ* сталъ посредникомъ обѣихъ сторонъ, равиновъ и общинъ, выбравшихъ его въ третейскіе судьи (Respp. Исаака бенъ-Шешетъ, № 269). וזה טופס הכתב ששלח אלי הרב ר׳ חסדאי קרשקש על הענין הנזכר . . . אני לולא כי בהיותי שם כרתו ברית שניהם לעשות ולקיים כל אשר אגזור ביניהם הייתי כותב בחזק לעודד ידי האמת. אך אני כותב דרך תשובה אל הקהלות ההם וגם לשניהם כתבתי ביחוד . . . . אמרתי אנסה נא אם אוכל לכבות האש הגדולה ולהעמדת הישוב . . . אחיך חסדאי. Хасдай Крескасъ также завѣдывалъ равинской школой (Respp. ibid № 290): ועתה ידעתי כי הוא (תלמידי ר׳ שמואל ביבש) בסרקוסטה

ולמד שם לפני הרב ר' חסדאי. Къ нему часто обращались за разрѣшеніемъ талмудическихъ вопросовъ (Respp. №№ 372, 374, 380, 395).

Годъ рожденія и смерти Хасдая неизвѣстенъ въ точности. Извѣстно только, что замѣтка Закуто объ его смерти въ 1380 г.: נפטר הרב חסדאי בסרגוסה שנת ק"מ (чѣмъ руководился Шлезингеръ въ своемъ введеніи къ „Икаримъ" Альбо) невѣрна, ибо лишь послѣ гоненій 1391 онъ развилъ широкую дѣятельность въ пользу своихъ единовѣрцевъ и іудаизма и написалъ свои три произведенія, закончивъ свое главное сочиненіе (אור ה') въ 1410 г., какъ говоритъ вѣнская рукопись: והיתה ההשלמה בחודש זיו שנת מאה ושבעים לפרט אלף הששי בסרקוסטה. (Для исправленія III. 8, 2, 1 вѣнской рукописи замѣтимъ, что глава о мессіологіи написана въ 1405 г.). Такъ какъ Хасдай не закончилъ связаннаго съ тѣмъ и обѣщаннаго сочиненія объ обрядахъ въ іудаизмѣ (נר מצוה), то, быть можетъ, онъ вскорѣ умеръ. Какъ мы уже видѣли, онъ еще до 1374 г. былъ настолько извѣстенъ, что его вмѣстѣ съ р. Нисимомъ и Исаакомъ бенъ-Шешетъ ложно обвинили и бросили въ тюрьму. Если ему тогда было лѣтъ 30, то онъ родился около 1340 г. и жилъ лѣтъ семьдесятъ. То же слѣдуетъ и изъ того соображенія, что его называютъ ученикомъ р. Нисима, который еще жилъ въ 1374 году (см. ниже).

Изъ трехъ его произведеній одно, представляющее сообщеніе о гоненіи въ 1391 г. на общину въ Перпиньянѣ, написано 20-го мархешвана 5152 г., т. е. осенью 1391 г. (нынѣ напечатано въ видѣ приложенія къ שבט יהודה въ Гановерѣ). Подлинность произведенія безспорна. Второе произведеніе есть освѣщеніе христіанскихъ догмъ на испанскомъ языкѣ и написано по совѣту образованныхъ христіанъ. Оригиналъ потерялся; *Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ* перевелъ его на еврейскій языкъ подъ заглавіемъ בטול עקרי הנוצרים и частью переработалъ. Хасдай написалъ его незадолго до 1398 г. Ибо въ 8 отдѣлѣ онъ упоминаетъ о церковномъ расколѣ между обоими папами, доводя непогрѣшимость церкви ad absurdum Расколъ тогда длился почти 20 лѣтъ כי עוד היום בעבור שבכל יותר הדברים בין האמונה הניצרית קרוב לכ' שנה יש להם שני ראשים אפיפיוריש וכל אחד מהם ומהנמשכים אחריהם חושב לזולתו למנודה ונענש לשמים. Такъ какъ расколъ начался въ 1378 г., то это полемическое произведеніе Хасдая написано около 1398 г.

Послѣ гоненій 1391 г. Хасдай Крескасъ написалъ защитительное сочиненіе въ пользу евреевъ, которое онъ хотѣлъ передать королю (арагонскому). Но отступникъ Соломонъ Павелъ де Санта-Марія помѣшалъ ему. Профіатъ Дуранъ Эфоди даетъ объ этомъ короткій намекъ въ своемъ ироническомъ посланіи: לא לחנם נתן לו ארוננו המלך מתנות מבית גנזיו . . . לא לחנם ברח הרב הגדול המיוחד בישראל מהגיש תעצומותיו. Нѣкоторыя рукописи при этомъ точно указываютъ и имя ר' חסדאי קרשקאש; но это, кажется, позднѣйшее добавленіе. Ибо коментаторъ этого посланія, Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ считаетъ необходимымъ объяснить это темное мѣсто: ואמרו לא לחנם ברח הרב הגדול ירמוז אל הרב אן חסדאי נר"ו והורה רוע תבונותיו של פבלו בזה. (Изъ этого объясненія само собою вытекаетъ, что чтеніе ברח совершенно вѣрно, а не בחר, какъ указано въ нѣкоторыхъ изданіяхъ). Предложеніе מהגיש תעצומותיו не можетъ означать ничего другого, какъ представленіе Хасдаемъ своихъ доводовъ королю.

О томъ, что Хасдай защищалъ какого-то мессію, появившагося въ небольшомъ городкѣ *Цисперосъ*, и говорилъ въ его пользу въ синагогѣ, тоже извѣстно весьма мало. Современникъ его, отступникъ *Геронимо де Санта Фе* (Іошуа Лорки) упоминаетъ объ этомъ фактѣ въ рѣчи при открытіи великаго диспута въ Тортозѣ (1413), какъ о чемъ-то извѣстномъ. Мѣсто это однако неясно вслѣдствіе дурной латыни и ошибокъ въ текстѣ. Оно гласитъ: раби Акиба проповѣдывалъ объ одномъ мессіи, родившемся въ Битерѣ въ (Бетарѣ), другой мессія родился въ эпоху Моисея Маймонида въ Теманѣ (въ Іеменѣ); „въ наше время Хасдай Крескасъ проповѣдывалъ въ синагогѣ о мессіи, родившемся въ *Цисперосъ*".

Дѣло навѣрное относится къ *Моисею Ботарелю* въ городѣ *Цисперосъ*, выдавшему себя за пророка и мессію и снискавшему своимъ чудотворствомъ довѣріе Хасдая (ср. свѣдѣнія объ этомъ въ Monatsschrift, jahrg. 1879, стр. 80 и слѣд.).

II. Исаакъ бенъ-Шешетъ.

Отъ *Исаака бенъ-Шешета*, современника и друга Крескаса, осталось около 500 „респонсовъ", посланныхъ имъ различнымъ общинамъ. Въ нихъ то и дѣло попадаются даты, и тѣмъ не менѣе хронологическіе моменты остаются столь темными, что не даютъ руководящей нити даже для его біографіи. Эти респонсы изданы въ хаотическомъ безпорядкѣ. Изъ нихъ, правда, видно, что онъ жилъ въ трехъ городахъ, въ одномъ послѣ другого, въ Барцелонѣ, Сарагосѣ и Валенсіи (Respp. № 127, стран. 71 а): וכן נהגו בכל המקומות שהייתי בהם ברצלונה סרקוסטה בלינסיאה. (То, что онъ жилъ и въ Тортозѣ, основано на ошибочномъ указаніи въ одномъ респонсѣ, см. ниже). Однако, нигдѣ не указано даже мѣсто его рожденія. Поэтому Симонъ бенъ-Цемахъ Дуранъ говоритъ, что онъ родился въ *Валенсіи* (Respp. II, № 128), а Іосифъ Самбери (XVII-ое столѣтіе), сообщающій о немъ различныя біографическія данныя, указываетъ на *Сарагосу* (Нейбауэръ, Anecdota Oxoniens, стр. 128): הריב"ש ז'ל ארץ מולדתו היתה עיר סרקוסטה. Оба эти указанія невѣрны, ибо онъ самъ сообщаетъ въ одномъ случаѣ, что онъ родился въ большомъ *каталонскомъ* городѣ (въ Respp. къ Галипапѣ № 394, стр. 314) גם אני מקטלוניא כמוך ועירי היתה עיר גדולה לחכמים וגדולים יותר מעירך. Здѣсь понимается только *Барцелона*, но никакъ не Валенсія или Сарагоса. Столь же мало извѣстны годъ его рожденія и смерти и продолжительность его жизни. Доводъ, приведенный мною въ моемъ первомъ (нѣмецкомъ) изданіи, въ пользу того, что онъ жилъ свыше 100 лѣтъ, основанъ на ошибкѣ въ каталогѣ Лейдена: тамъ приписывается Бенъ-Шешету респонсъ, въ которомъ указывается глубокая старость его и его мѣстопребываніе—Тортоза (Catallog Bibl. Leyden 324). Галберштамъ, однако, доказалъ, что этотъ респонсъ принадлежитъ не ему, а его современнику, Моисею Халавѣ (Maskir XIII, стр. 74).

Кауфманъ полагалъ, что имъ сдѣлана находка, дающая возможность установить біографическія даты: онъ нашелъ близъ Алжира на морскомъ берегу надгробную надпись на памятникѣ Бенъ-Шешета, привлекающемъ къ себѣ еврейскихъ пилигримовъ изъ Алжира. Въ стихахъ этой надписи указано, что онъ умеръ въ 1408 г., судя по буквеннымъ числамъ כִּי לֻקַּח =(4) 168=1408.

Живописецъ Генцъ, изобразившій это пилигримство на картинѣ, сообщаетъ свѣдѣнія, полученныя имъ по этому поводу отъ алжирскихъ евреевъ. „Памятникъ возстановленъ еврейской общиной въ Алжирѣ въ честь равина Исаака Bar Chichat, родившагося въ Испаніи и умершаго въ Алжирѣ въ 1408 г. на 82-омъ году жизни. Объ этой то находкѣ Кауфманъ и говоритъ (Monatsschrift, Jahrg. 1882, стр. 86 и слѣд., Jahrg. 1883, стр. 192, Revue des Etudes juives IV, стр. 319 и слѣд.). Онъ считалъ эту надпись за настоящую. Однако Іосифъ Самбари сообщаетъ объ этомъ въ 1619 году, руководясь рукописнымъ пергаментомъ и приводя изъ него извлеченіе, согласно которому оказывается, что надгробная надпись съ указаніемъ времени смерти, вѣроятно, нанесена на памятникъ *лишь 200 лѣтъ послѣ смерти Бенъ-Шешета*. Самбари говоритъ (Neûbauer, Anecdota, стр. 192 a): алжирская община вовсе не посвятила Бенъ-Шешету надгробной надписи, ибо онъ не пользовался любовью; только черезъ 100 лѣтъ послѣ его смерти испанскіе эмигранты сдѣлали на его памятникѣ надпись въ четырехъ строкахъ, но въ ней *годъ смерти не былъ указанъ*; только по прошествіи многихъ лѣтъ памятникъ украсился большою стихотворною надписью, въ которой годъ его смерти 1408 отмѣченъ былъ буквами כי לקח. Вначалѣ указаніе: והוא (הריבש) נפטר ולא נהגו בו כבוד במיתו וגם לא נספד Затѣмъ слѣдуетъ: שנת כי לקח. בהלכה עד עת בא המגורשים קשטיליא שנה מזרה (1492) וחקרו על מקום קבורתו ובנו אצלו ציון גדול במצבת שיש . . . וכתבו עליה הבתים שאזכור . . . הבתים שהיו כתובים על המצבה הראשונה הם אלו:

בנפול מגדל. כבוד ידל. נועם יחדל. זהר ירחק וכו"
עוד הוסיפו האחרונים על זה ועל המצבה עצמה ושם המיסד
ר' אבא מארי אבן :כספי ז"ל.

Аба Мари ибнъ-Каспи, неизвѣстный авторъ этой надписи, жилъ въ XVI в. Численныя же буквы въ видѣ стиха оказались только въ прибавленной впослѣдствіи надписи:

ונהפך יין רקח לרעל כי לקח אלהים את יצחק.

Въ виду этого дата смерти вовсе не установлена. При томъ же не только указанныя буквы обозначены пунктирными черточками, но даже и буква ה въ словѣ אלהים; имѣется ли пунктиръ и въ рукописи, объ этомъ можетъ сообщить только Нейбауэръ.

Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть объ интересномъ выводѣ *великаго равина, Исаака Блоха*, о томъ, что Бенъ-Шешетъ жилъ по крайней мѣрѣ еще въ 1409 г. Респонсъ № 171 адресованъ врачу и талмудисту *Беніудѣ Бондави* въ Кальяри (Сардинія) и трактуетъ о нарушеніи приговора касательно изгнанія во время пребыванія короля на этомъ островѣ. Король, посѣтившій Кальяри и имѣвшій въ своей свитѣ врача Беніуду, могъ посѣтить это мѣсто не раньше 1408 г. и, во всякомъ случаѣ, послѣ декабря этого года. Но тогда это не совпало бы съ еврейскимъ годомъ קס"ח, а съ קס"ט. Кромѣ того отвѣтъ Бенъ-Шешета Беніудѣ Бондави датированъ בהעלותך, т. е. лѣтомъ 1409 г. Отсюда слѣдуетъ, что Бенъ-Шешетъ не умеръ въ 1408 г. (ср. объ этомъ Revue des Etudes VIII, стр. 280 и слѣд.).

Еще менѣе заслуживаетъ довѣрія указаніе, что онъ достигъ восьмидесятидвухлѣтняго возраста. Указаніе это даже не имѣетъ за собою и недостовѣрнаго доказательства надгробной надписи о годѣ смерти, такъ какъ Самбари ничего не говоритъ объ этомъ. Возрастъ этотъ выведенъ лишь въ *новѣйшее время* изъ весьма

неопредѣленныхъ данныхъ. Не было найдено никакой замѣтки о томъ, что Бенъ-Шешетъ достигъ глубокой старости. Если допустить, что онъ прожилъ, какъ и его другъ Х. Крескасъ, 70 лѣтъ, то онъ, вѣроятно, былъ одного возраста съ нимъ и только, приблизительно, на 10 лѣтъ старше отступника Соломона изъ Бургоса, Павла де Санта-Марія, съ которымъ онъ переписывался до его крещенія.

Къ дальнѣйшимъ даннымъ его біографіи можно еще только прибавить, что въ 1374 г. его уже не было въ Барцелонѣ, такъ какъ въ этомъ году онъ письменно запросилъ своего учителя, р. Нисима въ Барцелонѣ, относительно документа съ невѣрно установленной датой (Resp. № 382). Къ Нисиму онъ обратился сейчасъ же послѣ своего переселенія къ Сарагосу (№388) כבר שלחתי לרבינו נסים תקף ביאי סרקסטה. Въ 1378 г. онъ еще жилъ въ Сарагосѣ, откуда поздравлялъ Хасдая Соломона въ Валенсіи по поводу его счастливаго избавленія отъ военныхъ опасностей въ Туделѣ, за которую боролись кастильцы и англичане (см. выше, стр. 322).

Для біографіи Бенъ-Шешета слѣдуетъ еще принять во вниманіе замѣтку Самбари, что въ Алжирѣ его не любили до такой степени, что ему не хотѣли поставить тамъ и простого памятника и что такое же чувство питали къ нему раньше и въ другомъ сѣверо-африканскомъ городѣ.

3.

Диспутъ въ Тортозѣ, участвовавшіе на немъ нотабли, обвинительныя сочиненія Геронимо де Санта-Фе и оба Іошуи Лорки.

Свѣдѣнія о долго продолжавшемся въ Тортозѣ диспутѣ даютъ въ настоящее время три источника: извлеченіе изъ латинскихъ протоколовъ диспута (находящихся въ Эскуріалѣ), изъ которыхъ *Родригецъ де Кастро* сдѣлалъ выписки (въ своей Bibliotheca I, стр. 206), затѣмъ рефератъ о диспутѣ въ формѣ посланія Бонастрюка Геронской общинѣ (въ Schebet jehuda № 40) и, наконецъ, второй рефератъ на еврейскомъ языкѣ, отпечатанный по манускрипту Галберштама въ Jeschurun'ѣ Кобака, евр. часть, годъ VI (1866), стр. 45, безъ заглавія. Рефератъ этотъ составленъ неизвѣстнымъ лицомъ, присутствовавшимъ на диспутѣ или приглашеннымъ. Рефератъ начинается словами: בשבעה י״ב לחדש אייר באנו לפני האדון האפיפיור. Хотя эти источники принадлежатъ времени диспута, они все-таки не даютъ полной картины его; латинскій источникъ представляетъ лишь остовъ и вовсе не изображаетъ интересныхъ побочныхъ обстоятельствъ и деталей; еврейскіе же, хотя болѣе подробныя и картинные, имѣютъ въ концѣ пробѣлы. Тѣмъ не менѣе они совпадаютъ во многихъ пунктахъ въ гораздо большей степени, чѣмъ можно было бы ожидать отъ различія ихъ взглядовъ. Только въ отношеніи именъ приглашенныхъ еврейскихъ *нотаблей* господствуютъ значительныя различія, исправленныя благодаря недавно опубликованнымъ источникамъ и замѣткамъ. *Цурита* сообщилъ, несомнѣнно, изъ эскуріальныхъ протоколовъ нѣкоторыя имена, отсутствующія у *де Кастро* (Annales, de Aragon III, стр. 108 и слѣд.), а *Амадоръ де Лосъ Ріосъ* въ своей распространенной исторіи испанскихъ и португальскихъ евреевъ тоже передалъ важную замѣтку изъ Гарибала (Исторія города Героны). Приведемъ послѣднюю: По порученію папы епископъ изъ Героны, *Рамонъ де Кастеляръ* пригласилъ

четырехъ еврейскихъ ученыхъ этой общины отправиться на диспутъ въ Тортозу, въ особенности *раби Бенъ-Астрюка:* quatuor de Sapientioribus ex vobis, inter caeteros principaliter Rabbi Ben Astrüc eruditus in talibus (Amador II, стр. 434, въ примѣчаніи). Однако, вмѣсто четырехъ лицъ, тамъ насчитано пять. Епископъ, черезъ нотаріуса, пригласилъ къ себѣ во дворецъ: Maestro Ben Astruc y los Rabinos Azag Todros (o Toros), Nassim Ferrer con los Alfaquies jahudah (o jaffuda) y Ben Astruch joseph (это, слѣдовательно, *три* равина и *два* врача). Одно имя, безъ сомнѣнія, здѣсь искажено. Azag Todros по-еврейски יצחק טודרוס, но для Nassim нѣтъ соотвѣтствующаго еврейскаго имени. Это, вѣроятно, произошло отъ נשיא Nassi и тоже принадлежитъ къ Azag Todros. Тотъ же Todros, вѣроятно, носилъ и прозвище Ferrer. Въ этомъ случаѣ изъ Героны было отправлено четыре депутата. Ben-Astruch, котораго папа особенно требовалъ, навѣрно тотъ же Bonastruc, который отправилъ сообщеніе въ Schebet-jehuda въ формѣ посланія геронской общинѣ: טופס הכתב ששלח החכם הגדול אבונשטרוק לקהל קדוש גירונא. Амадоръ ошибочно смѣшиваетъ его съ Астрюкомъ Леви изъ Дороки, отказавшимся отъ агадическихъ сентенцій касательно мессіи. Въ протоколѣ онъ названъ Benastruc Desmaestre de Gerona. Desmaestre было прозвище одной знаменитой фамиліи. Руководствомъ для отысканія именъ нотаблей, принадлежавшихъ къ самымъ выдающимся лицамъ арагонскихъ общинъ, дается примѣчаніемъ въ недавно опубликованномъ анонимномъ источникѣ (въ jeschurun'ѣ; назовемъ его сообщеніемъ J, а, то что въ Schebet-jehuda, сообщеніемъ S); ихъ было 22 человѣка: והיינו שם שלוחי הקהל מלכות ארגון וקטלוניא במספר עד עשרים ושנים.

Изъ нихъ S насчитываетъ только 16:

Изъ Сарагосы 3: . . .	הר׳ זרחיה הלוי ;השר דון וידל בן בנבנשת ;מתתיה היצהרי
„ Калатаюда 2:	הנשיא דון; שמואל הלוי ;משה בן מושא
„ Гюески 1:	דון טודרוס (.Var מרדכי) אלקושטנטין
„ Алканица 2:	דון יוסף בן ארדוט ;דון מאיר אלחגיואה
„ Дороки 1:	דון אשטרוק הלוי
„ Монреаля 1:	הר׳ יוסף אלבו.
„ Монцона 2:	דון יוסף הלוי ;יום טוב קרקושה.
„ Монтелбана 1:	אבו גנדה (גודה .ч ,judah)
„ Белкиты 3:	דון יוסף אלבלג ;החכם בונגואה ;השר טודרוס בן יחיא.

Имена нотаблей изъ Героны отсутствуютъ, такъ какъ слово מגירונה стоитъ особнякомъ въ S, вѣроятно, потому, что докладчикъ Бенъ Астрюкъ, посылая извѣстіе общинѣ Героны, не считалъ нужнымъ приводить имена ихъ нотаблей. Такъ какъ мы уже знаемъ, что изъ Героны были призваны четыре человѣка, то у насъ уже имѣется 20 лицъ. Протоколъ приводитъ еще имя Rabi Moysen Abenabez изъ Сарагосы; это навѣрно משה בן עבאסי, которому Дафіера писалъ стихи и письма (Maskir XIV, стр. 79). Имя это пропущено въ спискѣ S. Четверо делегатовъ изъ крупной общины Сарагосы—это не очень много. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ отмѣчены и въ протоколѣ.

Сообщеніе J отмѣчаетъ лишь немногія изъ перечисленныхъ именъ, но за то въ немъ имѣется одно имя, которое отсутствуетъ въ S, а именно שלמה מימון מקהל טורטושא. Это соотвѣтствуетъ имени Соломонъ judäus Rabi Aljamae Dortunensis. (Мое ошибочное предположеніе, что подъ этимъ именемъ можно понимать „Соломонъ Бонфедъ“, исправлено Галберштамомъ). Что должно

означать Judaeus, неизвѣстно. Тождественнымъ также является упоминаемое въ христіанскихъ источникахъ имя Абенъ-Миме. Такимъ образомъ, если прибавить къ тѣмъ 20 еще Моисея ибнъ-Абаси и Соломона Маймона, получимъ 22 имени. Однако, встрѣчается еще одно затрудненіе, а именно: нѣкій авторъ, имя котораго не встрѣчается между вышеуказанными, самъ причисляетъ себя къ числу вынужденныхъ диспутантовъ; имя его—*Авраамъ Раймухъ* изъ *Барбастро*, но о немъ и слѣда нѣтъ ни въ протоколѣ, ни въ спискѣ. Авторъ коментарія къ Псалмамъ по имени אברהם בן חיים בן רימוך говоритъ о себѣ во введеніи (Каталогъ Bodl. Ms. p. 66, № 326): מארץ מולדתי גרשוני היא ברצלונה המהוללה אשר שם ילדי הורוני ומפחד הגזרות והשמדות משם הוציאוני ובמלכות ארגון במדינת ברבשתר הושיבוני ואשב שם כשלשים וחמש (?) שנים . . . (מלך) חדש נתחדשו גזירותיו . . . ויביאני במאסר ולבית הועד קראני עם שאר החכמים וראשי הקהלות להתוכח עם האפיפיור ועם חכמיו הביאוני ונהי שם ימים רבים ער אשר במצרף הבחינה בחנני ובראותי כי רבים מגדולינו המירו כבודם . . ועזבתי את ביתי . . . הוני וממוני בני ובנותי . ובעת ההיא גזרו עלינו להסיר ממנו חמדת תורתנו וכל ספרי תפלתנו ויתנום בבית אלהיהם ויחמסו תורתי לעיני ונשארתי דך ומך ודל.

Нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о диспутѣ въ Тортозѣ, на что указываютъ массовыя крещенія и конфискація равинскихъ произведеній. Авраамъ Раймухъ, слѣдовательно, тоже былъ призванъ въ качествѣ нотаріуса или, какъ онъ говоритъ, вынужденъ былъ къ этому вслѣдствіе тюремнаго заключенія. Вмѣстѣ съ нимъ число еврейскихъ диспутантовъ достигаетъ 23.

Другое несоотвѣтствіе замѣчается въ имени одного изъ этихъ нотаблей. Въ сообщеніи 8 *Донъ Видалъ, сынъ Бенвенисти*, играетъ въ диспутѣ выдающуюся роль. Онъ былъ избранъ своими коллегами, чтобы отвѣтить на рѣчь при открытіи, такъ какъ онъ обладалъ латинскимъ языкомъ: והסכימו ביניהם מי יהיה ראש המדברים בפני האפיפיור ומי יתחיל נקרא (?) בלשונם ארינגא והסכימו כלם שיתחיל דון וידאל (בן) בנבנשתי מפני שהיה חכם בחכמות ויודע במיב לשון לאטין. Донъ Видалъ также произнесъ первую длинную рѣчь въ отвѣтъ на оскорбительное слово Геронимо при открытіи диспута (Schebet Jehuda l. c. p. 69). Въ латинскомъ извлеченіи изъ протоколовъ имя *Видала*, наоборотъ, не встрѣчается; также у *Цуриты*; зато тамъ фигурируетъ въ качествѣ главнаго оратора *раби Фереръ*, о которомъ опять таки ничего нѣтъ въ еврейскомъ источникѣ. Поэтому возможно, что донъ *Видалъ* бенъ *Бенвенисти* и *раби Фереръ* одно и то же лицо. Это тождество вытекаетъ и изъ другого обстоятельства. Согласно протоколамъ, раби Фереръ возражалъ Геронимо въ первомъ диспутѣ (въ переводѣ Кастро стр. 200). Еврейскій источникъ тоже сообщаетъ, что какъ разъ въ эти два дня донъ *Видалъ* произносилъ рѣчи противъ Геронимо: ביום הג׳ היתה תחילת הויכוח והתחיל מאישטרי גירונימו . . . אמר דון וידאל . . . השיב דון וידאל . . . ונתבטל הויכוח עד ט״ו לפיבריר ששלח האפיפיור בעדנו . . . . וחזר לאותו המאמר דשמואל שאמר נולד המשיח . . . אמר דון וידאל אדונינו האפיפיור יש לנו מוסכם בתלמוד וכו׳. Слѣдовательно, въ тѣ же два дня, 8-го и 5 февраля, согласно латинскому источнику, раби *Фереръ* говорилъ, согласно же еврейскому источнику ораторомъ былъ донъ *Видалъ*. Поэтому въ тождествѣ дона Видала бенъ-Бенве-

нисти изъ Сарагосы и раби Ферера невозможно сомнѣваться. Имя Фереръ употреблялось и евреями.

Имя это, однако, возбуждаетъ сомнѣніе относительно самой личности. Ибо во время диспута было *два* важныхъ лица того же имени, изъ которыхъ одно, впрочемъ, еще носило прозвище בן לביא. Монографія о Видалѣ, Бенвенисти и Ибнъ-Лаби въ библіографическихъ листахъ (Maskir XV, 1875, стр. 60, 78 и слѣд.), старавшаяся распутать клубокъ, еще болѣе запутала его. Монографія исходитъ изъ предположенія о тождествѣ всѣхъ лицъ, носившихъ это имя, а это невѣрно. Стоитъ только заглянуть въ рукописный сборникъ Соломона Бонфеда, и легко можно видѣть, что имя это принадлежало двумъ лицамъ (Каталогъ Bodl., № 1984. Отрывки=№ 35, стр. 673): בראותי בימים עברו המשוררים דון וידאל בן בנבנשת ז"ל ודון בידאל בן לביא הריצו שיריהם להחכם ר' שניאור. Въ той же коллекціи находится и сборникъ Бенвенисти, а въ немъ письмо поэта къ дону *Видалу бенъ-Лаби* (тамъ же, стр. 674). Множество замѣтокъ уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что лицо, названное здѣсь דון וידאל בן בנבנשת еще носило, какъ и двойникъ его, родовое имя בן לביא. При этомъ неизбѣжно навязывается вопросъ, кто изъ обоихъ Видаловъ былъ главнымъ ораторомъ на диспутѣ, такъ какъ установлено изъ вполнѣ вѣрныхъ свидѣтельствъ, что *одинъ изъ нихъ въ то время перешелъ въ христіанство.*

Эта драгоцѣнная рукопись, сборникъ Видала, имѣетъ въ коллекціи Michael'a № 805 (и, какъ указано уже, въ каталогѣ Bodl. 1984) заглавіе: שירים ומליצות לר' שלמה בן ראובן בונפיר מבני דורו של הריבש אשר חבר בעת הויכוח בטורטושה. На первой страницѣ (каталога В. стр. 670) Бонфедъ докладываетъ בהיותי בטורטושה בעת הויכוח היה שם רוח השיר כמים הנגרים . כי היו שם רוב המשוררים אשר במלכות עם יתר החכמים ובכללם היה דון בידאל בן לביא אשר עבר בין הגזרים ולא עמד וקדם פניו החכם אבונשטריוק דיסמישטרי בשירים יקרים והוא השיבו ברוח נכון בדברים הדורים . וגם אני . . . שלחתי לו זה השיר מדבר בלשון שירו צועק מרה על המים המרים ומעביר קול תלונה במחנה העברים. Эта описательная фраза навѣрно хочетъ сказать, что *Видалъ бенъ-Лаби* принялъ христіанство. То же выражено еще яснѣе въ др. мѣстѣ сборника (стр. 673, № 44): ויהי כי ארכו הימים והחכם הכולל דון וידאל בן לביא אשר בעונות העביר אדרת תפארתו מעלינו ועבר בין הגזרים שבח אהבתי מחמת אנסו.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бонфедъ дѣлаетъ намеки на то, что въ это печальное время многіе выдающіеся люди переходили въ христіанство (№ 46, та же стр.): בראותי בעת הויכוח כי היה שמה רוח רבים ונכבדים להמיר ונפלו אל הפחת שנים שלשה גרגרים בראש אמיר ולחכם דון משה אבן עבאס ז"ל והרב אבונשתרוך דיסמאישטרי נרו' עם יתר הרבנים לחלקו (? של האמיר הפלגתי להלל חסרם בדרך השיר והזמר עם היות העת ההוא עת לבכות ולא עת הזמיר. Въ № 2 (стр. 671) имѣется заглавіе одного стихотворенія: אחר כן נפרץ הפרץ וגברה יד ההמרות ושלחתי זה השיר לנעלה קרובי נאשהרוק בונפיד כמתאבל על פרידת רבים ונכבדים משרי קהילותנו. Это та же жалоба на отступничество, которую сдѣлалъ и Авраамъ бенъ-Раймухъ (см. выше, стр. 329). Въ № 32 (стр. 672 и слѣд.) имѣется стихотвореніе, направленное противъ частаго примѣненія философскаго толкованія

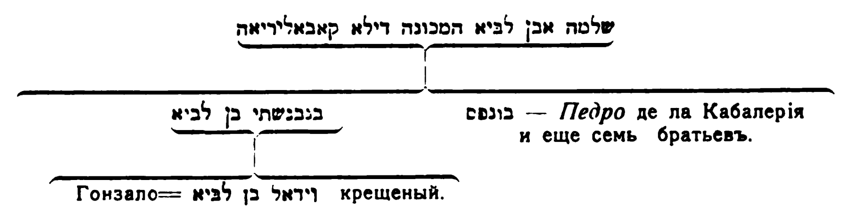
Библіи, вредящаго іудаизму во времена отступничества; стихотвореніе это въ особенности нападаетъ на *Энъ-Шалтіела Граціана*, который занимался подобнымъ толкованіемъ: ובפרט הישרתי עפעפי נגד החכם אנשאלתאל גרסיאן כי ידעתיו שלם בתורתו . . . והיא שנת ההמרה. Изъ выдержекъ, между прочимъ, видно, что, кромѣ *Бонастрюка Десмастре*, на диспутѣ присутствовалъ и *Моисей ибнъ-Абасъ*, хотя имя ихъ и отсутствуетъ въ спискѣ еврейскаго источника. Такимъ образомъ, среди выдающихся евреевъ, перешедшихъ въ христіанство въ то время, когда происходилъ диспутъ, былъ и *Видаль бенъ-Лаби*, а другой того же имени былъ главнымъ ораторомъ на диспутѣ. Какъ же ихъ отличить? Одинъ изъ нихъ, носившій еще имя *Іосифъ*, перевелъ съ арабскаго на еврейскій языкъ медицинское сочиненіе. Во введеніи онъ указываетъ свое имя (рукопись Вѣнской еврейской библіотеки, Каталогъ Krafft und Deutsch, стр. 164): אמר המעתיק יוסף המכונה וידאל בן השר ר׳ בנבנשת בן לביא . . . החכם אבא מרי שחר פני החכם הכולל ר׳ יהושע בן ויויש . . . לחבר מאמר קצר . . . . לדעת הרופאים לחקור ממסך כל ראשי בשמים וסמים . . . וחבר המאמר ההוא בלשון הערב הערב והצח . . . . . . ולהיות דבריו אל קצת המעינים כדברי הספר החתום להעדר בקיאותם בלשון ההוא . גזרה חכמתו ויצו עלי להעתיק המאמר ההוא הנזכר ללשוננו הקדוש . . . . וקראתי שם זה הספר גרם המעלות. Авторъ этого медицинскаго сочиненія, *Іошуа ибнъ-Вивесъ*, даетъ нѣсколько замѣтокъ о своемъ отцѣ: אמר יהושע בן החכם הפילוסוף ר׳ יוסף כן (בן ч.) ויויש המכונה אלרקי (אללורקי ч.) ידוע ומפורסם במחוזני וגם בקצות אקלימני זה מעלת הארון הנכבד השלם ר׳ בנבנשת . . בן המעלה הפילוסוף ר׳ שלמה בן לביא המכונה דילא קאבאליריאה. שהוא עם היותו עמוס ממשא מלך שרים והנהגת הקהלות לא סר מקבוע עתים אל העיון בחכמת התורה ואלו התבוננות בפילוסופיא עד שהגיע אל גבול גדול ויש לו מצורף לזה ביסודות מלאכת הרפואה בשני החלקים העיוני והמעשי. Отецъ дона Видала, по имени *Бенвенисти*, былъ, поэтому, сынъ *Соломона* ибнъ-Лаби и также носилъ родовое имя *де ла Кабалерія*. Это тотъ самый, который переписывался съ *Іосифомъ Орабуеной* и *Хасдаемъ Крескасомъ*. Онъ также сносился съ *дономъ Меиромъ Алгуадецомъ*, и письмо къ нему, помѣщенное въ вѣнской рукописи № 108 (листъ 208-ой), показываетъ, что онъ жилъ, вѣроятно, еще 10 лѣтъ послѣ гоненій 1391 г., слѣдовательно, въ 1401 г. Въ этомъ письмѣ Бенвенисти бенъ-Лаби рекомендуетъ высокопоставленному Алгуадецу *Іону Десмастре* (тестя Симона Дурана I) и сына его, Соломона, указывая на обоихъ, какъ на достойныхъ потомковъ *Нахманида* и *Іоны Герунди*. Заглавіе гласитъ: דון בנבנשת בן (לביא ч.) שלח לדון מאיר אלגואדיץ נר״ו. Письмо, за опущеніемъ несущественнаго, говоритъ: עטרת תפארת וצניף מלוכה . . . בטרם יבוא חבל הצרות בנערינו ובזקנינו . . . . ויהי כי הקיפוני ימי הרעה וכי נהפכו עלינו צירי התלאות בעברת ה׳ צבאות ונפל ממנו רב מנין ורב בנין, גם אל שאול ירדו מחוקקים . . . . עד כמעט נשתכחה תורה ותושיה נדחה ממנו . . . לולא ה׳ צבאות הותיר לנו. שרידים אשר ה׳ שרד בארץ הלזו ד׳ וה׳ ומכלם הר׳ ר׳ יונה דיסמאשטרי ובנו ר׳ שלמה כי

בן זקונים הוא . . . ובפרט ר׳ שלמה הנזכר לא שת לבו זה עשר שנים כי אם בתורת ה׳ לא הלך בגדולות ובנפלאות . . . . ראוי הוא שתשרה עליו רוח אבותיו הקדושים הם הם גופי ההלכות הרמבן ז״ל והרב ר׳ יונה׳ (О генеалогіи этихъ лицъ и ихъ родственникахъ по восходящимъ и нисходящимъ линіямъ ср. Resp. Соломона Дурана I, № 291). Донъ Бенвенисти ибнъ-Лаби, отецъ дона Видала, переписывался и съ апостатомъ Астрюкомъ Раймухомъ, конечно, пока онъ еще былъ евреемъ (въ той же рукописи).

Такимъ образомъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что одинъ изъ Видаловъ, Ибнъ-Лаби, былъ сынъ Бенвенисти ибнъ-Лаби, а этотъ, въ свою очередь, былъ сынъ *Соломона ибнъ-Лаби*, имѣвшаго прозвище де ла Кабалерія. Прозвище это рядомъ съ именемъ бенъ-Лаби, приводитъ уже къ критерію для различенія обоихъ Видаловъ Бенвенисти. Оно принадлежало Соломону, отцу Бенвенисти ибнъ-Лаби (ср. также каталогъ Bodl. № 216, 4, стр. 704, гдѣ, между прочимъ, приведено и письмо שלמה דילה קבלריא). Въ „зеленой книгѣ" Арагоніи, которую велъ инквизиціонный секретарь, *Анхіасъ* въ Сарагосѣ, и которая устанавливаетъ генеалогію семействъ, происходившихъ отъ крещеныхъ евреевъ, указано, что *Видалъ де ла Кабалерія, сынъ Бенвенисти де ла Кабалерія* изъ Сарагосы, принялъ христіанство вмѣстѣ со своей женою. Но „Бенвенитъ" или, какъ Анхіасъ пишетъ въ другихъ мѣстахъ, Benvenis, безспорно то же, что Benveniste. У этого Видала не было сына, а только двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, *Ципресъ де Патерной*, была родоначальницей знаменитой фамиліи марановъ, а младшая вышла за *Гаспара Рюиса*. Фамилія де ла Кабалерія, наоборотъ, была очень распространена въ Арагоніи и имѣла въ своей средѣ высокопоставленныхъ особъ. Братъ *Бенвенисти де ла Кабалерія* (слѣд., отца Видала) былъ *Бонафосъ де ла Кабалерія*. Этотъ Бонафосъ вмѣстѣ съ женой, которые раньше не хотѣли перейти въ христіанство, все таки приняли крещеніе, но не пожелали отказаться отъ родового имени де ла Кабалерія. Бонафосъ при крещеніи принялъ крестное имя, *Педро*. Онъ, слѣдовательно, приходился дядей Видалу Бенвенисти. Согласно Анхіасу, у Бонафоса было семь братьевъ, которые всѣ приняли христіанство и получили въ награду высокія должности. При перечисленіи членовъ этой семьи Анхіасъ снова упоминаетъ объ отступничествѣ Видала, сына Бенвенисти (стр. 578).

То обстоятельство, что эта крещеная семья не отказалась отъ стараго имени, напоминавшаго ея еврейское происхожденіе, повидимому, объясняется тѣмъ, что оно принадлежало предку, которымъ семья гордилась. Предокъ этотъ назывался *Іудой де ла Кабалерія* былъ врачемъ и пользовался большимъ уваженіемъ со стороны королей Арагоніи и населенія Сарагосы. Когда въ этомъ городѣ былъ отдѣленъ особый кварталъ для евреевъ, то королева сдѣлала для Іуды въ 1331 г. исключеніе, дабы онъ могъ призываться христіанскими паціентами и по ночамъ (Asso у Амадора III, 98 и слѣд.). Имя de la Cabaleria онъ, вмѣстѣ съ его потомками, получилъ отъ названія городка. Члены этой семьи были левитами, по сообщенію Амадора (тамъ-же. стр. 98). Бедареси въ XIII в. упоминаетъ (חרב המתהפכת) בכנשת לבן; לוי ולביא. Имя Ибнъ-Лаби они, по справедливому замѣчанію Фюрста, вѣроятно, унаслѣдовали отъ своего предка, *Іегуды*. Имя это въ еврейскихъ кругахъ превратилось въ אריה, что означаетъ „Левъ" и בן לביא означаетъ то же; оно, по арабски (אבן לביא) звучало лучше, чѣмъ „Левъ", и потому потомки предпочли его. Поэтому генеалогія

семьи де ла Кабалерія, носившей родовое имя *Ибнъ-Лаби*, представляется въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. въ слѣдующемъ видѣ:

Извѣстно, что эта вѣтвь фамиліи де ла Кабалерія перешла въ христіанство; слѣдовательно, какъ разъ и тотъ דון בידאל אבן לביא, который названъ въ сборникѣ Бонфеда. Поэтому делегатъ на диспутѣ דון וידאל בן בנבנשת тождественъ съ приведеннымъ въ сборникѣ же דון וידאל בנבנשת (בן בנבנשת) безъ прозвища בן לביא. Этотъ послѣдній названъ въ протоколѣ раби Фереромъ. Вмѣстѣ съ Іосифомъ Альбо онъ такъ твердо держался талмудической точки зрѣнія, что не хотѣлъ отказаться даже отъ предосудительныхъ агадическихъ изреченій въ Талмудѣ.

4.

Донъ Авраамъ Бенвенисти (первый) и его современники.

Въ Schebet Jehuda (№ 67 и сл.) разсказывается объ Альфонсѣ, королѣ Испаніи или Кастиліи, который въ третій годъ своего царствованія видѣлъ сонъ, коего онъ не могъ истолковать. Тогда онъ обратился за разъясненіемъ къ старому Бенвенисти (בן בנישטו הזקן), который, однако, отказался истолковать сонъ. Когда король спросилъ Бенвенисти, почему евреи обнаруживаютъ пристрастіе къ роскощи, обращающей на себя всеобщее вниманіе, послѣдній отвѣтилъ: „Меня король еще не видѣлъ въ шелку, а между тѣмъ я руковожу дѣлами Кастиліи“ (тамъ же, стр. 118): הראית טלכנו אני עברך יכל עסק קשטיליא בידי אם לבשתי משי. Далѣе упоминается еще יוסף הנשיא, какъ лицо, имѣвшее безпрепятственный доступъ ко двору. Въ одномъ указѣ Жуана II, касательно откупа портовыхъ пошлинъ 1427 и 1430 гг. упоминается главный откупщикъ, де Жуанъ Креалъ, агентъ дона Іосифа Наси, criado de Don Juçaf el Nassi (у Амадора III, стр. 574 и сл.). Этотъ откупщикъ налоговъ, повидимому, идентиченъ съ вышеупомянутымъ יוסף הנשיא;—такимъ образомъ дѣятельность его современника, „Бенвенисти Старшаго“, относится тоже къ царствованію Жуана II. Нѣкоторыя указанія въ діалогѣ, однако, нуждаются въ исправленіи. Этотъ діалогъ, какъ и остальные, приведенные въ Schebet Jehuda съ якобы стенографической точностью, врядъ ли во всѣхъ своихъ частяхъ исторически достовѣренъ; вѣрнѣе всего, что эти діалоги являются продуктомъ вольной передачи, гдѣ правда перемѣшана съ фантазіей. Прежде всего діалогъ не можетъ относиться ко времени короля Альфонса, ни Альфонса X Мудраго, ни Альфонса XI Умнаго и послѣдняго. Ибо въ этомъ діалогѣ восемнадцатилѣтній инфантъ разсказываетъ: *Въ прежнее время, въ царствованіе короля Донъ-Педро,* одинъ христіанинъ бросилъ гостію въ нечистое мѣсто, дабы потомъ обвинить евреевъ въ оскверненіи святыни“. Какъ извѣстно, Донъ-Педро былъ сыномъ *послѣдняго* Аль-

фонса. Если даже подъ этимъ Донъ-Педро понимать арагонскаго Донъ-Педро IV (ум. въ 1387 г.), то и въ этомъ случаѣ въ царствованіе одного изъ послѣднихъ Альфонсовъ нельзя было ссылаться на событіе, имѣвшее мѣсто въ правленіе короля, который жилъ и правилъ много позже Альфонсовъ. Діалогъ предпосылаетъ, слѣдовательно, время послѣ обоихъ Донъ-Педро, т. е. пятнадцатый вѣкъ. Кромѣ того тамъ португальцы рисуются лучшими моряками; היה פורטגאל יהנהיג על הים. (стр. 19 внизу). Но способности къ мореплаванію обнаружились у португальцевъ лишь въ пятнадцатомъ вѣкѣ при инфантѣ Донъ-Генрихѣ Мореплавателѣ (въ 1418 году). До того времени португальцы, какъ и всѣ другіе народы, плавали лишь по берегамъ и не отваживались выходить въ открытое море. Португальская пословица гласила: „Кто обогнетъ мысъ Нунъ, тотъ либо повернетъ назадъ, либо никогда ужъ не вернется". Упомянутый діалогъ, въ которомъ старый Бенвенисти фигурируетъ въ качествѣ Cortesano, кромѣ того предпосылаетъ существованіе насильно крещенныхъ евреевъ, марановъ, אנוסים (стр. 116). Но послѣдніе появились въ Испаніи лишь съ 1391 г., т. е. спустя 40 лѣтъ послѣ смерти послѣдняго Альфонса. Словомъ, діалогъ, ни въ коемъ случаѣ, не можетъ относиться ни къ 13, ни къ 14 вѣку; слѣдовательно, и не къ царствованію одного изъ Альфонсовъ; діалогъ нужно отнести къ 15 вѣку, если вообще предположить въ немъ хотя бы минимумъ достовѣрности. Такъ какъ, однако, въ немъ приведены нѣкоторые факты, то этотъ діалогъ можетъ относиться ко времени либо Жуана II, либо Генриха IV. Слѣдовательно, и два упомянутыхъ въ немъ Cortesani הזקן בנבנישתי и יוסף הנשיא принадлежатъ тому же времени, причемъ первый, повидимому, идентиченъ съ Авраамомъ Бенвенисти. Упрекъ въ роскоши, приведенный въ діалогѣ, тоже относится къ тому времени, такъ какъ евреи подражали въ этомъ христіанамъ и даже перещеголяли ихъ. Генрихъ IV, любившій простоту во всемъ, издалъ законы противъ этого злоупотребленія шелковыми и драгоцѣнными одѣяніями (ср. Lafuente, historia general de Espana IV [illegible] 55 и сл.). Жуанъ II или, вѣрнѣе, регенство 1412 г. впервые запретили евреямъ ношеніе драгоцѣнныхъ одѣяній. Современная [illegible]ность, Соломонъ Алами, относитъ упомянутый запретъ къ это[illegible] [illegible] (אגרת המוסר стр. 23): בשנת ה' קנ"א נשמדו כמה קהלות קטנות עם גדולות ואחרי כן בשתים עשרה שנה (1412) הנשארים [illegible] למשל ולשנינה... ויגזרו עליהם שנוי המלבושים וימנעו מהם המסחר... [illegible] [illegible]скомъ статутѣ пятая глава посвящена роскоши и за[illegible] мужчинамъ ношеніе дорогихъ матерій, а женщинамъ всякія украшенія.

[illegible] пунктъ показываетъ, что діалогъ (въ Schebet Jehuda № 8), кото[illegible] имѣлъ мѣсто якобы въ третьемъ году царствованія Альфонса „Ве[illegible] сущности относится также къ пятнадцатому вѣку. Тамъ идетъ [illegible] обвиненіи евреевъ Эціи въ употребленіи крови. Трое именитыхъ [illegible] отправляются ко двору, чтобы отвратить возможныя послѣдствія: [illegible] דון אברהם בנבנשתי ודון יוסף הנשיא, т. е. тѣ же два Cortesani, что и въ [illegible] только что діалогѣ. Король ссылается на свой эдиктъ, направ[illegible] противъ роскоши евреевъ, которые, однако, до сихъ поръ всегда на[illegible]. Депутаты возражаютъ на это, говоря, что мужчины подчинились [illegible] женщинъ послѣдній не распространяется. Въ самомъ дѣлѣ, § 15

законовъ Жуана II, направленныхъ противъ евреевъ, запрещаетъ евреямъ и маврамъ ношеніе одѣяній, стоимость коихъ превышаетъ 30 мараведи. *Еврейкамъ* же и христіанскимъ маврамъ запрещено только ношеніе длинныхъ плащей (у Alfonso de Spina и у Линдо, стр. 199 и д.). Король говоритъ: „Въ такомъ случаѣ вы, мужчины, походите на ословъ угольщиковъ, а ваши жены—на папскихъ вьючныхъ муловъ"; אם כן אתם הולכים כחמור הפחמי ונשותיכם כפרד האפיפיור. Какъ въ предыдущемъ діалогѣ донъ Бенвенисти Старый, такъ тутъ Авраамъ Бенвенисти, донъ Іосифъ и третій депутатъ возразили королю: „несмотря на то, что они принадлежатъ къ богатѣйшимъ евреямъ, тѣмъ не менѣе они, послѣ обнародованія эдикта о роскоши, подчинились ему и носятъ платье изъ черной дешевой матеріи (стр. 27): ועל לבוש חמשי מיום שהוכרז לא ימצא איש ממנו שעבר מאמרו ואנו שלוחי עמך והעשירים שבעמנו . . . והננו בבגדים שחורים מהנמכרים בזול. Законъ о ростовщичествѣ, упоминаемый въ этомъ діалогѣ, тоже относится лишь къ 15-му вѣку. Нужно думать, что и въ этомъ діалогѣ истина перемѣшана съ фантазіей; однако, онъ содержитъ больше исторически достовѣрнаго, чѣмъ предыдущій діалогъ. Содержаніе его относится, по всей вѣроятности, къ царствованію Жуана II. *Авраамъ Бенвенисти* и יוסף הנשיא несомнѣнно были приближены ко двору. Объ Іосифѣ сообщается, что онъ зналъ много наукъ и языковъ: והסכימו שידבר השליח החשוב דון יוסף הנשיא כי חכם היה בחכמות וידע בטוב הלשונות.

О донѣ Іосифѣ Бенвенисти, сынѣ Авраама, жившемъ въ царствованіе Генриха IV, мы ничего не знаемъ, какъ и о его внукѣ, донѣ Видалѣ. Болѣе извѣстенъ второй сынъ Іосифа, *Авраамъ Бенвенисти II*. *Яковъ б. Хабивъ*, который, ко времени изгнанія, выселился сперва изъ Испаніи, а потомъ и изъ Португаліи въ Салоники, разсказываетъ, что пользовался (въ началѣ XVI вѣка) для своего комментарія къ агадѣ богатой библіотекой *Іегуды б.-Авраамъ Бенвенисти* воспитавшагося при дворѣ королей: ויביאו נאל המקום הזה שאלוניקי ומצאתי רבוי הספרים האלה בבואי אל החכם השלם ונעלה דון יהודה בן השר הנשיא החסיד דון אברהם בן באן בנשת ז"ל אשר בחצרי המלכים ובטירותם נתגדל (Введеніе къ En jacob).

Въ первыхъ изданіяхъ я ошибочно привелъ въ связь съ этимъ разсказомъ Авраама Сеніора, который вмѣстѣ съ Абрабанеломъ управлялъ въ Кастиліи королевскими рентами (см. выше, въ текстѣ). Донъ Авраамъ Сеніоръ, способствовавшій заключенію брака Фердинанда съ Изабеллой, благодаря чему былъ любимъ королевой, даже слишкомъ любимъ, и хлопотавшій объ освобожденіи еврейскихъ плѣнниковъ въ Малагѣ (см. выше, въ текстѣ) не идентиченъ съ Авраамомъ Бенвенисти, будучи на много лѣтъ моложе его. Авраамъ Сеніоръ, ко времени изгнанія, принялъ христіанство (см. выше, въ текстѣ), какъ объ этомъ подробно разсказываетъ Илія Капсали, (глава 67, стр. 73) и свидѣтельствуетъ Chronicon de Valladolid (изд. въ colleccion de documentos ineditos para la historia de Espana, т. XIII, стр. 195, у Кайзерлинга, Исторія евреевъ въ Португаліи, стр. 102). Предокъ Авраама Сеніора былъ родомъ изъ Арагоніи, а Авраамъ Бенвенисти былъ кастильцемъ.

II. Іосифъ б. Шемъ-Товъ ибъ-Шемъ-Товъ.

Вышеупомянутый Іосифъ Наси (Cortesano), который хорошо зналъ *науки* и *языки* и потому былъ выбранъ въ депутаты, быть можетъ, идентиченъ

съ ученымъ и философски образованнымъ сыномъ ревностнаго кабалиста, Шемъ-Това, плодовитымъ коментаторомъ метафизическихъ и полемическихъ писаній. Его Opera (Munk Mélanges стр. 508 и д. и Ersch и Gruber Sectio II т. 31 s. v). перечислены полностью за исключеніемъ одного произведенія, оставшагося неизвѣстнымъ (см. выше, въ текстѣ). Тутъ мы хотимъ лишь сопоставить нѣкоторыя біографическія данныя. Іосифъ ибнъ-Шемъ Товъ уже при Жуанѣ II, былъ на службѣ при дворѣ. Въ концѣ своего перевода антихристіанскаго трактата ибнъ Хасдая (см. выше, въ текстѣ), законченнаго между 20 и 30 числомъ мѣсяца Ава 1451 г. въ Алкалѣ де Генаресъ Іосифъ пишетъ, что онъ долго не кончалъ перевода, такъ какъ находился „на службѣ у королей": ובבר מצאתי לרב הזה וחסדאי קרשקש׳ מאמר אחד בראיות נבריות עשה לקיים סברתם בדתן ארצי והיותי עצל בהעתקתי להמצא מניעים רבים באימתני במי שובותי בהקדמתי לפירוש אגרת אפ״ד (פריפים דוראי עם היותי טריד בעת הזאת בענינים אחרים מעבודת המלכים האלה ... העתקתי ואת פי העירה אלקלעא די פינאריש בעשרי אחריי לחדש אב משנת מאתים ואחת עשרה לאלף הששי. Такимъ образомъ онъ былъ при дворѣ уже нѣсколько времени до 1451 года. Въ своей книгѣ עין הקורא (Ms. принадлежащій господину Галберштаму) Іосифъ сообщаетъ что въ 1452 г. онъ получилъ отъ астурійскаго принца, Дона Энрикэ, порученіе отправиться въ Сеговію и остановить безпорядки, вспыхнувшіе тамъ во время Пасхи и вызванные ложными обвиненіями противъ тамошней общины. Онъ привезъ съ собой посланіе престолонаслѣдника къ губернатору и успокоительное посланіе къ общинѣ: ויהי בשתים עשרה שנה על חמשת אלפים ומאתים לחדוש העולם כשבא הפרינסיפי דון אינריק י״א בעיר אנדלוס בחודש ניסן שלחו אליו קהל שיגוביא, שני אנשים עברים מנכבדיהם על אודות האימה אשר קמה עליהם להתעולל עלילות ברשע יום תלית משיחם לשלול שלל ולבז בז והוא צוה אותי ללכת אל העיר ואגרות נתן לי אל שר העיר ומנהיגיה, ואל הקהל שטר אמנה לנחם אותם ולדבר על לבם. ואני באתי אל העיר ערב שבת ע״ף ויגע מרוב הדרך גם כי יחם לבבי ועמדתי בעירה. ואריבה את החורים ואת גדולי העיר אל אשר לא שלחו ידם במבקשי רעתם. ויהי ממחרת באשמורת הבקר נתקבצו כל הקהל בבית הכנסת הגדולה ואחר קריאת התורה אקומה ואפתחה במשל פי וכן אמרתי הכל צפוי והרשות נתונה.

Впослѣдствіи, когда этотъ принцъ сталъ королемъ Энрикъ IV, Іосифъ былъ на государственной службѣ и участвовалъ въ диспутахъ по философскимъ вопросамъ въ присутствіи короля и грандовъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ въ введеніи къ своему коментарію къ этикѣ Никомаха (פירוש ספר המדות), оконченному имъ въ Сеговіи въ 100 дней 1 нисана 1455 г. (у Мунка, въ ...). Въ введеніи къ коментарію къ Эфодію онъ тоже говоритъ, о ... диспутахъ съ христіанскими учеными: ואם ינזור ה׳ עלי החיים ויחלק לי מן הפנאי ... אסדר על כל דבר ויכוח מסודר בין אנשיו ... ויכוחים שעשיתי עם חכמי האומות ומדבריהם ... אשר חשיבו לי ואיש ... להתיר חכם מחכמיהם טומאש יכל אחר ואחד מהם.

... Тома напоминаетъ лицо, выведенное въ діалогахъ въ Schebet ... ученаго совѣтника кастиліанскаго короля, друга евреевъ ... (№ 7 החכם החסיד עם טומאש и № 67 стр. 115 и д. החכם ... можно было бы, что эти діалоги относятся ко времени Іо... Но это предположеніе разбивается текстомъ одного ... החכם מחכמיהם שאן טומאש, что означаетъ San Tomas, ... такъ что все это мѣсто нужно понимать въ томъ смы-

слѣ, что Іосифъ намѣревался разсмотрѣть и опровергнуть доводы, приводимые Ѳомой Аквинскимъ.

Около 1441 г. Іосифъ ибнъ-Шемъ-Товъ пережилъ много несчастій, о коихъ мы не знаемъ никакихъ подробностей (предисловіе его коментарія къ іереміадамъ у de Rossi Codex № 177, стр. 117). Въ сборникѣ проповѣдей עין הקורא, составленномъ имъ послѣ 1455 года, онъ также говоритъ о своихъ страданіяхъ, скитаніяхъ по странѣ и о проповѣдяхъ, которыя онъ произнесъ собравшимся у него слушателямъ: בהיותי נע ונד בארץ עניי באו אלי אנשים בכל שבת לשמוע דרשותי. Въ одномъ манускриптѣ этого сборника проповѣдей въ Bodl. Нейбауеръ нашелъ указаніе, что авторъ ослѣпъ и продиктовалъ весь сборникъ (Katalog Ms. № 2052).

Мало извѣстно то обстоятельство, будто Ибнъ-Шемъ-Товъ умеръ мученической смертью. Авторомъ этого указанія является *Исаакъ Алхакимъ*, первый издатель произведенія Іосифа Явеца אור החיים. Въ концѣ этого сочиненія сказано: ובאלו הדברים מצאתי שכתב החכם רבי יוסף בן שם טוב ז"ל המקום ינקום נקמתו בחבורו .... כבוד אלהים. Формула המקום ינקום употребляется для слова „мученикъ".

III. Хаимъ ибнъ-Муса.

Этотъ писатель весьма мало извѣстенъ. По скольку мы теперь знаемъ, ему принадлежатъ: 1) полемико-апологетическое произведеніе, направленное противъ Николая де-Лира, מגן ורומח (Ms.); 2) еврейскій переводъ медицинскаго сочиненія Ибнъ-Алгазара (de Rossi Codex № 339); наконецъ, 3) оставшееся неизвѣстнымъ сочиненіе въ защиту мессіанства и противъ одного проповѣдника, посвященное его старшему сыну Іегудѣ (№ XXVI, 2 вмѣстѣ съ מגן ורומח въ библіотекѣ Семинаріи). Изъ перевода медицинскаго сочиненія явствуетъ, что Хаимъ ибнъ-Муса былъ врачемъ. Въ полемическомъ сочиненіи, составленномъ въ 1456 г. (p. 33 b: גם עד היום לא עבר משנות הנוצרים כי אם אלף תנ"ו שנה), авторъ упоминаетъ о томъ, что онъ 40 лѣтъ вращался при дворахъ королей и грандовъ; вѣроятно, въ качествѣ врача. Николай де-Лира, основываясь на библейскихъ разсказахъ, упрекалъ евреевъ того времени въ порочности. Хаимъ отвергаетъ этотъ упрекъ, находя, что христіане не видятъ бревна въ своемъ глазу. Это мѣсто весьма интересно для исторіи нравовъ (p. 37 a): והביא (ניקולאו) מדברי הנביאים כל הרעות שעשו אבותינו ולא הביא מה שהם עושים. ומי יתן איפה ויכתבון ענינם. והנה אכתוב אחת. מאיש אחד שכב עם אשה וצוה לבעלה שיהיה רסן סוס בפיו ... ויאיר לו בשתי נרות בעוד שהיה מזנה עם אשתו בפניו ...... אני ראיתיו ולא אוכל לספר העבירות אשר ראיתי בקרבם במ' שנה שהלכתי בחצרות מלכים ושרים. עליהם אני אומר ארבעים שנה אקוט בדור מלבד הגזלות וההריגות והחמס אשר בכפיהם. Судя по этому, Хаимъ ибнъ-Муса уже въ 1416 г. находился въ зрѣломъ возрастѣ. Закуто сообщаетъ о Хаимѣ, что послѣдній жилъ еще въ его время, былъ выдающимся врачемъ, поэтомъ и теологомъ, писалъ конспективныя (?) сочиненія и жилъ въ окрестностяхъ Саламанки, въ Беярѣ (Jochasin изд. Filipowski, стр 229 вн. и д.) ובזמננו זה היה ר' חיים אבן מוסה רופא גדול ופייטן וחכם בתורה ועשה ספרים בקוצר. ובפסוק העורכים לגד שלחן הביא מעשה שקרא במדינתו בינאר (י"ג ביגאר) מהלך יום אחד משלמנקא מאשה אחת... שהכינה שלחן עם לחם בכל ליל שבת לאיש אחד שהיה בא שם... ואחר כך הרגישה שזה היה עון. והלכה ושאלה לזה החכם ר' חיים אבן מוסה... ואמר לה שהוא אסור.... (והאיש) השביע אותה ואמר

לה כי הוא פלוני בן שושן מטוליטולה שמת יותר מש׳ שנה קודם לזה.. ושלא הכניסוהו לגן עדן מפני שעל צד מריבה הרג את אשתו בשננה. Изъ этой цитаты мы видимъ, что Хаимъ ибнъ-Муса написалъ также коментарій къ пророку Іешаѣ и, вѣроятно, также къ другимъ частямъ Библіи.

Его антихристіанское и апологетическое произведеніе מגן ורומח даетъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи того времени. Во введеніи Хаимъ ибнъ-Муса указываетъ, что нѣкоторые евреи, поддавшись вліянію ренегатскихъ произведеній, направленныхъ противъ іудаизма, приняли христіанство; поэтому онъ считаетъ необходимымъ опровергнуть доказательства, приводимыя ренегатами: אמר חיים בעבור שהסכלים אשר לא ידעו דרך הויכוח יתפתו מדברי הנוצרים ובפרט מדברי הממירים דתם כספרי אב חושך (אבנר) וספר פיירו אלונשי קרישטייאניסימו שר״י וספר מיוחס אל ר׳ שמואל נקרא מי נתן למשיסה ישראל וספר בן רשף (?) והאחרון נכבד מאישטרו פאבלו הנקרא מקדם דון שמואל (ר׳ שלמה) הלוי בספר פאולינה (?) וספר הויכוח שנעשה בטורטושה חברו מאישטרו גירונימו לורקי שר״י גם אשתרוק רימוך י״ש. אמרתי לחבר בכתב אמת תשובות כנגדם וכו׳. Затѣмъ онъ сообщаетъ 12 весьма мѣткихъ правилъ о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться библейскимъ толкованіемъ въ диспутахъ съ христіанами: 1) ограничиваться простымъ смысломъ словъ и протестовать противъ такъ называемаго высшаго, мистическаго или философскаго толкованія; 2) не признавать за Таргумомъ или халдейскимъ варіантомъ каноническаго характера; 3) не допускать доказательствъ изъ агады или соч. Іосифа; 4) отвергать всякій текстъ Септуагинты или Вулгаты, который расходится съ масорійскимъ текстомъ; 5) не допускать библейскихъ выраженій, которыя могутъ быть сомнительно или разнымъ образомъ истолковываемы, такъ какъ они могутъ повести къ безнадежнымъ преніямъ; 6) не признавать за доказательствами изъ Евангелій, дѣяній апостоловъ или сочиненія Flos Sanctorum абсолютнаго авторитета; 7) не допускать при библейскомъ толкованіи философской діалектики. Затѣмъ еще нѣкоторыя подробности.

Между прочимъ Ибнъ-Муса сообщаетъ интересный разговоръ съ однимъ духовнымъ лицомъ и рыцаремъ касательно преступленій, совершенныхъ въ то время въ церквахъ Іерусалима: בבאן אודיע דבר קרה לי עם כומר חכם אחד. אמר אם אתם במצב שמירת התורה התמימה למה אינכם נגאלים ובארץ נחלתכם? אמרתי לו וכו׳.... אז השיב פרש אחד שהלך לירושלם עמי ואמר לו הראית בארץ הנוצרים שיכבדו בית תפלתם בין יהודים בין הנוצרים כמו שהישמעאלים עושים בטהרה בית המקדש וכל המקומות אשר מכבדים? אך באינליזיאש (Iglesias) בלילי הויגיליאש (Vigilias) ישכבון עם הנשים וקולטים שם הרוצחים והגנבים ועושי רשעה, ומשם משליכין חצים וכליסתראות הגויים אלו לאלו ושם רוצחים אלו לאלו כמו שהיו עושים היהודים בבית המקדש, וגם היהודים מזלזלים בכבוד בית תפלתם, ועל כן רצה הש״ית שיהיה הכל ביד הישמעאלים שמכבדים אותו.... אז שתקנו אני והכומר.

Въ концѣ онъ упоминаетъ о своей бесѣдѣ съ однимъ ученымъ, при которомъ присутствовалъ одинъ грандъ, лейбъ-медикомъ коего онъ былъ. Упомянутый ученый утверждалъ, что у евреевъ есть только одна единственная догматическая книга, Moré Nebuchim Маймонида, между тѣмъ какъ у христіанъ такихъ книгъ необозримое количество. На это Хаимъ ибнъ-Муса возразилъ, что еврейское вѣроисповѣданіе такъ просто и очевидно, что не нуждается въ обширныхъ разъясненіяхъ; напротивъ, христіанскія догмы настолько многочисленны, что, сколько ихъ ни поясняй, все будетъ недостаточно: קרה לי

עם חכם פקח מחכמיהם לפני. האדון אשר אני עמו. כן היה שהיינו יושבים שלשתנו ואמר החכם לפתוח: אדוני הלא ידעת אם לא שמעת שאין ליהודים אלא ספר אחד באלהות ששמו מורה הנבוכים ולנו יש ספרים באלהות שלא יכילם היכל גדול... ועל כל זה הייתי שותק ויאמר לי האדון שעל כל פנים אשיב לדבריו אז אמרתי אין ליהודים צורך לאלה הספרים זולתי עלה אחד. כי הנה יסוד תורתנו באלה הם י"ג.... אבל להאמין שבשביל חטא אדם הראשון שלא יוכל האל לכפרו מבלתי מיתתו, ושנתגשם בבטן האשה ושלא מצאה חכמתו לכפר אותו עון מבלי מיתתו, ושסבל כל כך קלונות ויסורין עד שמת ואעפ"כ כהים כל בני הלד והולכים לגהינם הרשעים-כל ספרים שבעולם לא יכניסו זה במוח המשתכלים כלל. ובפרט לאשר גדלו בתורה רחוקה מכל אלו האמונות.. ועל כן לא יצטרך היהודי רק עלה אחד באלהות. כי כל אמונתו מסכמת בשכל... אז שתקנו שנינו. והאדון תמה מזה הדבר וצוה שלא נתוכח לפניו פן נשים ספק בלבו. ונשארנו שותקים.

Свое сочиненіе: מכתב לחכם ר' חיים בן מוסה שלחו למשכיל ר' יהודה בנו בכורו תשובה לדברי הדרשן שדרש כי אמר ר' הלל אין משיח לישראל וכו', написанное въ оправданіе вѣры въ Мессію, Хаимъ ибнъ-Муса написалъ, будучи тяжкимъ недугомъ прикованъ къ постели. Въ заключеніи: צועק וי וי על ערש דוי אביך חיים ן' מוסה. Въ началѣ содержатся рѣзкія нападки на *проповѣдниковъ* того времени, которые съ высоты каѳедры распространяли философскія толкованія. Эти нападки не лишены интереса и бросаютъ свѣтъ на внутреннюю исторію того времени:

בני בכורי מורשי לבבי שמעתי דבת רבים על הדרשן שדרש בעירך אותה סברא של ר' הלל... ובעבור שלא פירש הדרשן כונת ר' הלל נבוכו רבים מן הקהל ויהי העם נדון. ולא זה התרעומת לבד יש לנו על הדרשנים.... המה המתפלספים אשר הדיחו את ישראל מלפנים...וכבר שמעתי בימי חרפי דרשן אחד דרש האחדות בדרך החקירה כדרך הפילוסופים והוא אומר פעמים רבות: „ואם אינו אחד יתחייב כך וכך" עד שקם בעל הבית אחד מהחרדים על דבר ה' ואמר גזרו (גזלו) כל אשר לי בגזירת אשביליא והכוני פצעוני עד השאירוני המכים מת לפי דעתם. וכל זה סבלתי על אמונת שמע ישראל.... ה' אחד. ועתה אתה בא על קבלת אבותינו מפי חקירת הפילוסופים ותאמר אם אינו אחד יהיה כך וכך. ואמר יותר אני מאמין לקבלת אבותינו. ויצא מבית הכנסת ורוב הקהל עמו.... גם ראיתי אחד מן הדרשנים והוא מפורסם כחכם מחכמי המלכות שדרש כל פרשת קדושים על דרך צורה עד שאמר בתוך דרשתו: את שבתותי תשמורו הדברים הבטלים אשר לי, לאש מיש קושאש באלדיאש (Las mas cosas baldias) רחמנא לצלן והיו לי דברים עמו.... עוד ראיתי תלמידים חולקים זה על זה........ ודרשנים חדשים מקרוב באו עולים לתיבה קודם קריאת התורה לדרוש ורוב דרשותם בהקשי הגיון ובדברי הפילוסופים ומזכירים בפיהם אריסטו, אלכסנדר, ותמסטיוס, אפלאטין ובן רשד ובטלמיוס ובפיהם נתחבא אביי ורבא. ותורה ממהנת על בימת התיבה כאשה עצובת רוח.... ממתנת לבעלה עד שיצא מבית פילגשו... ועל הכל אומרים קדיש........ Обосновавъ, ссылаясь на пророковъ, вѣру въ пришествіе Мессіи, Хаимъ ибнъ-Муса заканчиваетъ: ובכלל תדע כי רבים מהדרשנים שבזמן הזה סכנה לבעלי בתים לשמוע דבריהם. Во введеніи къ валядолидскому статуту упомянуто, что на совѣщаніи, кромѣ делегатовъ, присутствовали и другіе знатные мужи, имѣвшіе доступъ ко двору: y estando presentes algunos hombres buenos que anden בחצר אדונינו המלך. Такимъ образомъ, во время Жуана II или Алваро де-Луна, кромѣ Авраама Бенвенисти, Іосифа Наси или Іосифа бенъ Шемъ-Товъ, были еще и другіе еврейскіе Cortesani.

5.

Синоды равиновъ въ XIV и XV вѣкахъ и нѣкоторые связанные съ этимъ факты и даты.

Въ виду того, что въ средневѣковой исторіи евреевъ преобладающимъ моментомъ были преслѣдованія и неслыханное мученичество, ученые удѣлили очень мало вниманія внутренней жизни еврейства того времени и даже совсѣмъ проглядѣли нѣкоторыя весьма существенныя явленія. Къ послѣднимъ принадлежитъ существованіе въ Германіи равинскихъ синодсвъ, которые созывались отъ времени до времени съ цѣлью либо принять какія-нибудь общеполезныя мѣры, либо предупредить или отвратить грозившую опасность. Конечно, разсѣянные и разбросанные по всему земному шару евреи не были въ состояніи созвать вселенскій синодъ. Равинскіе синоды имѣли поэтому характеръ провинціальныхъ собраній. Эти собранія равиновъ воплощали въ себѣ внутреннюю жизнь еврейства и тѣмъ болѣе заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія, что они освѣщаютъ нѣкоторые факты и даютъ указанія для установленія нѣкоторыхъ сомнительныхъ датъ.

Обычай установилъ порядокъ организаціи подобныхъ синодовъ и сообщенія синодскихъ постановленій общинамъ. Видный членъ общины, большей частью, вѣроятно, наиболѣе уважаемый равинъ въ округѣ или провинціи приглашалъ большія и малыя общины послать своихъ представителей въ синодъ въ опредѣленное мѣсто, и постановленія объявлялись. Все это приведено въ одной замѣткѣ въ Responsum, помѣщенномъ въ сборникѣ респонсовъ Моисея Менца (изд. въ Краковѣ въ 1617 г.) № 63, 3 стр. 83 а: אם רוצים להכנים עמהם (עם הקהלות) בכלל התקנות הישובים אשר סביבותיהם למנדר מלתא שהוא צורך רבים אז קובעים יום מועד ונקבצים יחד הקהלות והישובים שחפצים שם (?) שיהיו בכלל התקנות ושולחים שנים או שלשה מכל עיר ומתקנים התקנות ושולחים אגרות לכל סביבות וקוראים אותם בהכרזות לרבים שידעו ליזהר בהם Имѣются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ такихъ равинскихъ синодахъ.

1) Равинскій синодъ въ Майнцѣ въ 1381 г. (Resp. тамъ же, № 10, стр. 18): заголовокъ гласитъ: תקנת קהלות שו"ם (שפירא וירמיש מענין) כך הסכמנו ביום ב' ט"ו אב קמ"א לפרט и въ концѣ: שנתחדשה שנת קמ"א לפרט לפרט קהל מיגנין. Постановленія этого синода незначительны. Они касаются, главнымъ образомъ, возобновленія тѣхъ установленій, которыя выработалъ синодъ שו"ם, т. е. въ Шпейерѣ, Вормсѣ и Майнцѣ, относительно заключенія левиратскаго брака и связанныхъ съ нимъ вопросовъ о наслѣдованіи. Изъ числа подписавшихся достойно упоминанія лишь одно имя, а именно: משה בר יקותיאל הלוי סגן, несомнѣнно, отецъ Якова Мелина (מהר"יל); остальныя имена не извѣстны. Въ самомъ концѣ сказано: גם הייתי בועד הזה נאם מאיר בן הקדוש ר' שמואל הכהן החתום מנורטהויזין.

2) Современныя хроники (у Schudt: Jüdische Merkwürdigkeiten II, стр. 80 и у [illegible] (Dr. Kalm) Geschichte der Juden in Sachsen, стр. 26) сообщаютъ объ одномъ синодѣ въ Вейсенфельсѣ въ 1386 г.: Въ 1386 г. евреи имѣли общее собраніе въ Вейсенфельсѣ. Туда направились евреи всѣхъ странъ, подобно тому, какъ монахи съѣзжаются на соборъ и т. д.

3) Исерлейнъ, говоря о ритуалѣ, который должны соблюдать арониды при омовеніи рукъ, упоминаетъ, между прочимъ (въ תרומת הדשן № 24 פסקים

о синодѣ въ Эрфуртѣ: כי זה הוא קרוב לארבעים שנה שהיה יום (וכתבים הוועד בארפורט והיו שם ה׳ זקנים מהר״ר איכל, מהר״ר ליפמן, מהר״ר נתן, מהר״ר יחזקיה, מהר״ר אברהם כ״ץ ז״ל ושם נתחדשו אלו הדברים (שהכהנים לא יצאו בשערי החצירות והעיר ושער בית הקברות עד שעבר המת חוצה לאותן השערים), כך הונד לי באינרא.

Дату можно приблизительно установить. Исерлейнъ зналъ объ этомъ лишь по наслышкѣ; Яковъ Вейлъ, бывшій въ промежуткѣ времени отъ 1430 -- 1450 г.г. равиномъ въ *Эрфуртѣ*, въ сообщеніи не упоминается. Слѣдовательно синодъ состоялся задолго *до* 1430; даже до 1427 г., когда Исерлейнъ уже былъ равиномъ. Responsum могъ быть изданъ приблизительно во время отъ 1440 – 50 г. Если отъ этого времени отсчитать лѣтъ 40, то получится приблизительно 1400 или 1410 годъ, къ каковому времени и слѣдуетъ отнести Эрфуртскій синодъ. Изъ названныхъ при этомъ равиновъ никто не извѣстенъ; ר׳ ליפמן, можетъ быть, идентиченъ съ Липманомъ изъ Мюлгаузена.

4) У Якова Вейла упоминается синодъ изъ Нюрнберга, неизвѣстно когда состоявшійся (Respp. № 101): שהיינו בכנופיא בנורנבערק תיקננו תקנות הרבה וזו אחת מהן: אם אחד מבעלי הדינין רוצה לטעון בלשון אשכנז או בעל כשהיו הרבנים דינו צריך גם הוא לטעון בלשון אשכנז. Тамъ же № 115: בנורנבורק והיה גם מה״ר נתן לשם והיה לשם חולה ומהר׳ נתן היה רוצה לברכו (בשבת) ואמרתי שנראה לי שהוא אסור ומהר״ן וכל הלומדים שהיו שם הודו לדברי. Тамъ же № 147 возводится тяжкое обвиненіе на талмудиста Зимлена изъ Ульма, между прочимъ, въ томъ, что онъ доносчикъ, причемъ упоминается: ותבעו ממנו דין כסדר התקנות· שתקנו רבותינו בנורנבורק אשר הוא עצמו חתום עלי. Далѣе приводятся слова Зимлена: כבר היינו לפני רבותינו בנורנבורק ואכתוב עמכם לפני אותם הרבנים כי הם גדולי ישראל. Этотъ Синодъ въ Нюрнбергѣ состоялся такимъ образомъ во время расцвѣта дѣятельности Якова Вейла, между 1430 1450 гг. Онъ, повидимому, былъ созванъ къ тому времени, когда императоръ Альбрехтъ призвалъ евреевъ германской имперіи въ Нюрнбергъ, чтобы обложить ихъ налогами. Посланіемъ отъ 10 Мая 1438 г. „Альбрехтъ II призвалъ евреевъ всей имперіи въ Нюрнбергъ, чтобы, по примѣру своихъ предковъ, обложить ихъ налогами, частью для покрытія расходовъ по коронаціи въ Ахенѣ, частью для иныхъ нуждъ имперіи" (Würfel, Historische Nachricten von der Judengemeinde in Nürnberg, стр. 95. на основаніи кн. Келера, Исторіи имперіи, другіе источники у Wiener, Regesten zur mittelalterlichen Geschichte der Juden in Deutschland, I. стр. 94 № 589). Въ то время, когда въ Нюрнбергъ прибыли депутаты общинъ для совѣщанія объ установленіи чрезвычайныхъ налоговъ, они, можетъ быть, собрались и для обсужденія вопросовъ ритуала и общиннаго устройства.

5). Синодъ въ Бингенѣ, дату коего намъ предстоитъ установить, важенъ потому, что онъ вызвалъ крупное движеніе въ рейнскихъ и вообще въ нѣмецкихъ общинахъ и кромѣ того освѣщаетъ нѣкоторые факты. Источниками могутъ служить Исерлейнъ תרומת הדשן Pesakím № 252, 253. и Respp. Моисея Менца № 63, 1-5. стр. 82 и слѣд. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ явствуетъ, что равинъ Зелигманъ Опенгеймъ изъ Бингена, бывшій учителемъ многихъ равиновъ рейнскихъ провинцій, другой талмудистъ, по имени Манъ и депутаты другихъ общинъ созвали синодъ въ Бингенѣ, куда они пригласили также и равина Кельна, Юлиха и Гелдерна, по имени Вебесъ (Фебесъ), чтобы принять рѣшенія, обязательныя для всѣхъ общинъ рейнскихъ городовъ.

Вебесъ ставилъ условіемъ своего участія въ синодѣ определенную программу, но Зелигманъ возразилъ, что онъ пока не можетъ выставить подобной программы. Тѣмъ не менѣе Вебесъ послалъ своего сына въ Бингенъ, но только, какъ онъ объяснилъ, изъ вѣжливости, а не съ цѣлью принять участіе въ постановленіяхъ. Несмотря на это, *Зелигманъ*, *Манъ* и ихъ единомышленники приняли рѣшенія, которыя казались прочимъ общинамъ противорѣчащими ихъ интересамъ. Сынъ Вебеса заявилъ, что онъ подписалъ эти рѣшенія противъ своей воли. Изъ семи изданныхъ по этому поводу Respp. мы, однако, не узнаемъ ничего опредѣленнаго о содержаніи этихъ постановленій, вызвавшихъ столько нареканій, протестовъ и возраженій. Только одинъ пунктъ выясненъ: бингенскій синодъ постановилъ, что право интерпретаціи вызывающихъ сомнѣнія предписаній принадлежитъ равину Зелигману. Этимъ постановленіемъ былъ особенно недоволенъ Вебесъ изъ Кельна, такъ какъ онъ разсматривалъ его какъ нарушеніе его равинскихъ правъ: אהובי היקרים קהלות חקדש. . . קלוניא תעלרן (וגלדרן) וגוילך ובראשיכם האלוף מהר׳ ר׳ וייבש והחונים עליו הגביר הר׳ ליפמן והקיר הרר׳ קושמן . . . לא תתרצו כל עקר לקבל עליכם התקנות והגזירות שתקנו וגזרו עתה מקרוב מרר׳ זעליקמאן ומהר׳ מאן ומסכימיהם שנאספו עליהם בבינג . . . כי גם מקצת דברים אשר בתקנות אין רוב צבוריכם יכולים לעמוד בהם. ופרטתם אחת אשר נתקן ונגזר שאם תולד ספיקא בלשון כתב התקנות בשאר מדינות דהיינו בכלל זה געלרן וגוילך יפרש להם ר׳ זליקמן בינג. ותקנה זו יהא לשכים ולצניעים לבני שני המדינות אלו . . . . מפני ריחוק וסכנת הדרכים. ואידך שיסתלקו מבית דינם מהר׳ וייבש הנזכר אשר להם מנהיג ודבר בכל צרכיהם.

Такъ какъ, однако, Зелигманъ изъ Бингена все же настаивалъ на томъ, что рѣшенія, принятыя на синодѣ, обязательны не только для нижие-рейнскаго [גליל תחתון], но и для верхне-рейнскаго [גליל עליון] округа, то общины Майнца, Вормса, Франкфурта и Опенгейма протестовали противъ этого, ссылаясь на то, что онѣ не были освѣдомлены о созывѣ бингенскаго синода, и слѣдовательно, постановленія послѣдняго, какъ выработанныя безъ ихъ участія, не имѣютъ для нихъ никакого значенія. Два выдающихся мужа, а именно талмудисты изъ Майнца, Натанъ Эпштейнъ и Моисей Менцъ, протествовали противъ постановленій (Respp. Моисея Менца, въ указ. мѣстѣ, № 63, 2): לפני כמה ימים כתבו לנו האלופים מהר׳ נתן עפשטיין ומהר׳ משה מינץ הלויים איך אשר תקנתם תקנות גדולות שאין רוב הצבור יכולים לעמוד בם וגם גזרתם גזירות ועונשים על כל סביבותיהם לקיימם ולקבלם. וכתבו איך שאותם תקנות נעשו בלתי רצונם וגם בלתי בטה וכמה נכבדים ופרנסים קהילות מענגין ווירמש ורנקפורט אופנהיים אשר מעולם לא רצו ליכנס בהם כלל צוהים מתחלה ועד סוף וגם עד היום לא רצו ליכנס בהם תקנתא (тамъ-же, 63, 4. 6; Исерлейнъ № 253).

Раби Вебесъ не только протестовалъ отъ своего имени противъ бингенскихъ постановленій, но и созвалъ синодъ изъ представителей общинъ округовъ Кельна, Гелдерна и Юлиха (у Моисея Менца, тамъ же 63, 4): מכתב יד הגאון מהר וייבש שכתב . . . . בשנידע לו . . . . אסף אליו מכל הסביבות מג׳ ארצות והסכימו כלם שלא לקבלם אלא לבטלם אתם התקנות.
Эти событія вызвали серьезный конфликтъ въ рейнскихъ общинахъ. Недовольные бингенскими постановленіями предлагали третейскій судъ, въ которомъ должны были участвовать иногородніе равины, а именно, величайшій авторитетъ того времени, *Израиль Исерлейнъ*, равинъ Нейштадта у Вѣны, далѣе равинаты *Регенсбурга*, *Нюрнберга* и *Ульма* (тамъ же 63, 4): והנך רבנן דלעיל ··· צוחין ואמרין לבית דין הגדיל אולינן יציתי דינא אנן הגאון מהר׳ ישראל נישטט ושאר רבותי בקהלות רעגנשבורק נורנבערק אולם וכ׳ (тамъ же № 63, 1).

Респонсы этихъ равиновъ, которые всѣ безъ исключенія высказались въ пользу автономіи общинъ и противъ бингенскаго синода, даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе объ этомъ конфликтѣ. Это суть: два Respp. *Исерлейна*, одинъ къ Зелигману изъ Бингена (ת"ה № 253 и Respp. Моисея Менца № 63, 6) и второй къ общинамъ Кельна, Гелдерна и Юлиха (ת"ה № 252); одинъ Responsum *Израиля Бруны* изъ Регенсбурга (Respp. Моисея Менца № 63, 4); одинъ *Залцмана Китцингена* изъ Ульма (тамъ же 63, 2), съ заглавіемъ: זלמן קיצינגן מקובירק מאולם; одинъ *раби Мейстерлейна* (т. же 63, 5); и, наконецъ, одинъ *Арона б.-Натанаель Лурьи*, (т. же 63, 1); мѣстожительство Лурьи неизвѣстно.

Изъ нѣкоторыхъ указаній можно вывести кой-какія заключенія касательно времени этого бингенскаго синода, благодаря чему освѣщаются и нѣкоторые моменты еврейской исторіи.

Въ общемъ можно допустить, что синодъ въ Бингенѣ состоялся *послѣ* 1444 и *до* 1462 года. Ибо къ третейскому суду былъ призванъ не величайшій авторитетъ того времени въ Германіи, *Яковъ Вейлъ*, который въ 1444 г. жилъ еще, а болѣе молодой *Израиль Исерлейнъ;* Якова Вейла, вѣроятно, ко времени синода уже не было въ живыхъ. Съ другой стороны, какъ это видно изъ Respp. касательно бингенскаго синода, *Моисей Менцъ* (такъ надо произносить, מענץ, מינץ=Менце вмѣсто Майнца въ средневѣковыхъ источникахъ) жилъ тогда еще въ Майнцѣ. Но въ 1469 г. онъ былъ уже равиномъ въ *Бамбергѣ* (Resp. № 45): וכתב ונחתם פה ק"ק בבנבערק רכ"ט לפ"ק בחורש אב и въ концѣ: ועובדא זה ואשר פסקתי היה באלול רכ"ט לפ"ק פה בק"ק בבנבערק; слѣдовательно его выселеніе изъ Майнца должно было послѣдовать раньше. Несомнѣнно, онъ выселился изъ Майнца вслѣдствіе войны между отставленнымъ архіепископомъ, Дитеромъ изъ Изенбурга, и замѣнившимъ его, Адольфомъ II изъ Насау. Евреи были на сторонѣ перваго и потому, когда Адольфъ, благодаря измѣнѣ, сталъ господиномъ Майнца (24 октября 1462 г.), евреи были изгнаны изъ этого города (Schaab, diplomatische Geschichte der Juden von Mainz, стр. 123). Повидимому, объ этомъ насильственномъ захватѣ Майнца и говоритъ Моисей Менцъ въ своихъ Resp. Во введеніи онъ говоритъ: אך מה שהשיבו לי רבותי סדרתי אותו בספר בפני עצמו ונאבד ממני בביזת מענץ כשנלכדה העיר עם יתר דע שאין לי אשרי וגם רוב תוספות № 77, стр. 117a: רוב ספרים שלי ורוב ממיני ופירושים שהיו לי נאבד ממני בביזה מענץ בעונותינו הרבים.

Іегуда Менцъ, родственникъ Моисея Менца, тоже въ 1462 году покинулъ Майнцъ, вслѣдствіе изгнанія евреевъ. 47 лѣтъ онъ состоялъ равиномъ Падуи (Геронди, Біографіи תולדות גדולי ישראל s. v. и Kerem Chemed III. стр. 89). Но Іегуда Менцъ умеръ не въ 1508 году, какъ многіе утверждаютъ вслѣдъ за біографомъ Абрабанела, Хаскиту, а *годомъ позже*. Хаскиту сообщаетъ (во введеніи къ מעיני ישועה Абрабанела, стр. 4 а.): ויגוע יצחק . . . בשנת רס"ח . . . ויביאוהו עיר פאדובא בקברות הישנים . . . בימים ההם תוך ה' ימים כבה המאור הגדול . . יהודה מינץ ונקברו סמוכים זה אצל זה . . . וכו' . . Но это не вѣрно. Зять Іегуды Менца, Меиръ Каценеленбогенъ изъ Падуи, замѣчаетъ во введеніи къ его Resp.: Въ годъ смерти Іегуды Менца Падуя была взята и разграблена непріятелемъ.: באותה שנה שנפטר רבנו (ר' יהודה מינץ) היתה עיר פדואה עיר מושבו לשלל ושלטו ידי זרים בספריו לקרעם ולשרפם. Какъ извѣстно, Падуя была опустошена войсками императора Максимиліана въ іюлѣ 1509 года, когда, вслѣдствіе камбрейской лиги (декабрь

[illegible] вспыхнула война между императоромъ и венеціанской республикой. [illegible] 1509 года была опять битва у Падуи, и венеціанцы отобрали городъ отъ императорскихъ войскъ. Объ этомъ печальномъ событіи въ 1509 г. и говоритъ Меиръ изъ Падуи, ее также имѣетъ ввиду и Хаскиту, но онъ не приводитъ точной даты. Илія Левита тоже упоминаетъ о разграбленіи Падуи въ 1509 г во второмъ введеніи къ מסורת המסורת, говоря: בשנת מאתים וששים ותשע, החמס קם למטה רשע . . . . ויהי בהיותי . . . . . בעיר פאדובה רבתי כאשר היא נלכדה נשללה ונשדדה ואויבים את נוי השמו. בכל המון היהודים אשר תמו וכו׳ Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Іегуда Менцъ умеръ лишь въ 1509 году; такъ какъ онъ 47 лѣтъ состоялъ равиномъ въ Падуѣ, то, слѣдовательно, онъ прибылъ туда въ 1462 г., т. е. какъ разъ въ то время, когда евреи были изгнаны изъ Майнца архіепископомъ Адольфомъ II. Если Абраванель скончался всего лишь на дней восемь до Іегуды Менца, то и его смерть должна быть отнесена къ 1509 году, причемъ оба они умерли до мѣсяца Іюня.

Изъ добытыхъ результатовъ явствуетъ, что бингенскій синодъ состоялся до 1462 года. Но можно еще болѣе точно установить эту дату. Израиль Бруна жалуется на то, что эти споры возникли какъ разъ въ то время, когда враги евреевъ угрожаютъ столькими несчастіями общинамъ, и заявляетъ, что не хочетъ терять ни одного слова по этому поводу, такъ какъ его преслѣдуетъ мысль объ угрожающихъ событіяхъ въ имперіи: אדברה במר נפשי . . עד מתי לא נתייסר בכל ההוכחות ופורענות אשר מתרגשות בעו״ה בכל הפוצות ישראל, גברו הרשעים וחרבו מדינות שלימות ומה לנו למחלוקיות . . . היה לנו יהיות באגודה אחת לבטל מחשבות שונאינו . . . ואני טרוד מאוד בעו״ה בצרכי המדינות בעסקי המלוכה אשר כלנו תולין ברחמי ה׳ . . . ושורות הללו נכתבים בדמע לרוב צרות המתוחות במדינתנו. Такимъ образомъ, Израиль Бруна говоритъ о страданіяхъ, которыя уже претерпѣвали цѣлыя общины, и объ опасностяхъ, которыя угрожали въ особенности регенсбургской общинѣ. Подъ первыми слѣдуетъ, вѣроятно, понимать преслѣдованія евреевъ, начавшіяся въ Германіи въ началѣ второй половины XV вѣка подъ вліяніемъ францисканскаго монаха, Капистрано, и его присныхъ. Опасности же, о коихъ упоминаетъ Бруна, указываютъ на грозныя событія въ Регенсбургѣ, для освѣщенія коихъ необходимо привести выдержки изъ документовъ, касающихся Регенсбурга и приведенныхъ въ Регенсбургской хроникѣ Гемейнера. Когда Фридрихъ III вернулся изъ Рима римско-германскимъ императоромъ, онъ въ 1453 г. потребовалъ отъ еврейства („Jüdischheit") римской имперіи, въ счетъ „чрезвычайнаго еврейскаго налога или коронаціоннаго налога, каждый третій пфеннигъ", т. е. треть ихъ имущества. Что касается регенсбургской общины, то императоръ повелѣлъ прислать къ нему депутатовъ и обратился къ Совѣту съ просьбой помочь ему сообщеніемъ свѣдѣній объ имущественномъ положеніи евреевъ (тамъ же, III, 224). Но Людовикъ Баварскій отдалъ въ 1322 году доходы отъ регенсбургскихъ евреевъ въ откупъ баварскимъ герцогамъ за 40,000 марокъ, передавъ имъ право на взиманіе налоговъ съ евреевъ (тамъ же, I, стр. 924). Это право перешло тогда къ герцогу Людовику Ландсгутскому, который, хотя былъ врагомъ евреевъ, не хотѣлъ отказываться отъ своихъ притязаній. Къ нему и обратились въ 1454 г. представители регенсбургской общины, прося защитить ихъ отъ грабительскихъ поползновеній императора на треть ихъ имущества. Людовикъ сдѣлалъ Совѣтъ отвѣтствен-

нымъ за всякое содѣйствіе требованіямъ императора (тамъ же, III, 227). Но Фридрихъ III настаивалъ на уплатѣ коронаціоннаго налога, грозилъ изгнаніемъ регенсбургской общины и лишеніемъ защиты имперскихъ законовъ, какъ регенсбургскихъ евреевъ, такъ и ихъ „верховнаго магистра“ (равина Израиля Бруну) (Тамъ же, 240. 256). Эта угроза была двумя годами позже повторена. Объ этомъ и упоминаетъ Израиль Бруна въ своемъ Responsum'ѣ касательно бингенскаго синода; на это и указываютъ его слова: ואני טרוד מאיר בעונותינו הרבים בצרכי המרינות בעסקי המלוכה. Слово מלוכה означаетъ тутъ коронацію, а именно притязанія императора на коронаціонный налогъ, за который также Израиль Бруна былъ сдѣланъ отвѣтственнымъ и поставленъ внѣ закона. О своемъ арестѣ Бруна самъ сообщаетъ въ своихъ Respp. (№ 268): כבר גדרו בעדי בעו"ה ומסרו אותי למלכות על גופי וממוני ותפס אותי המלכות י"ג ימים במגדל עד שהעמדתי ערבות על גופי וממוני... ולפרשת הולדות יצאתי וברוך המקום מעט מחובי נִגְבֵתי וטרוד אני ונבוך ולבי בל עמי. Этотъ арестъ, несомнѣнно, находится въ связи съ требованіемъ коронаціонныхъ денегъ, ибо Бруна категорически заявляетъ, что былъ арестованъ *по приказанію императора*, т. е. его комисарами, и что дѣло шло о *деньгахъ*.

Не слѣдуетъ смѣшивать этого ареста Бруны съ другимъ, которому онъ же подвергся по обвиненію въ убійствѣ ребенка по приказанію *Совѣта* въ Регенсбургѣ. Объ этомъ передаетъ Гемейнеръ, въ регенсбургской хроникѣ III, стр. 532 и д. Ибо тогда въ 1474 г., „Израиль Бруна, магистръ евреевъ въ Регенсбургѣ“, какъ его титулуютъ въ документахъ, былъ уже „старый, дряхлѣющій мужъ“, который ужъ не въ состояніи былъ принимать пищу и, слѣдовательно, уже былъ на зенитѣ своей славы. Однако, въ Respp. касательно бингенскаго синода его имя упоминается безъ особеннаго прославленія. Въ то время, какъ Израиль Исерлейнъ называется מופת הדור, ראש גולה, объ Израилѣ Брунѣ и Мейстерлейнѣ говорится просто: והאלופים. Врядъ ли Исерлейнъ жилъ еще въ 1474 году. Кромѣ того Бруна разсказываетъ, что онъ провелъ въ башнѣ только 13 дней, между тѣмъ, какъ въ 1474 г. онъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ у Гемейнера, провелъ въ темницѣ во всякомъ случаѣ *больше одного мѣсяца*. Такимъ образомъ, арестъ Бруны по приказанію *императора* не надо смѣшивать съ арестомъ, которому онъ подвергся, по приказанію *Совѣта* и противъ котораго императоръ столь энергично протестовалъ. Затруднительное положеніе Бруны, упоминаемое въ посланіи касательно бингенскаго синода, могло имѣть мѣсто такимъ образомъ только во время отъ 1456—1458 года.

Время созыва бингенскаго синода можетъ быть еще установлено другимъ путемъ. Исерлейнъ въ своемъ посланіи къ Зелигману увѣщеваетъ не нарушать мира и спокойствія, такъ какъ онъ недавно узналъ, что рейнскимъ общинамъ угрожаютъ опасности. Исерлейнъ выражаетъ это въ нѣсколько загадочныхъ словахъ: „Въ стѣнѣ, до сихъ поръ окружавшей тамошнихъ евреевъ, епископъ Майнца въ четырехъ мѣстахъ пробилъ бреши, такъ что вся стѣна потрясена“: ולמה תריבון? הנה נכתב לי מקרב ממענץ שהאבן פנה מן החומה המקפת כל בני ברית אשר בגבולכם משלטוני האומות. ההגמון ממגנץ פרץ פרץ בד׳ מקומות ונזדעזע כל החומה וחלילה לעמוד בלב חלוק. Эта загадка разрѣшается однимъ вполнѣ достовѣрнымъ фактомъ, который къ тому же помогаетъ установить искомую дату. Уже раньше упомянутый архіепископъ, Дитеръ изъ Майнца, сначала покровительствовавшій евреямъ, въ одинъ день

воспылалъ гнѣвомъ противъ нихъ. 12 марта 1457 г. онъ издалъ эдиктъ, согласно коему невѣрующіе евреи, которые, „подобно упрямымъ демонамъ", страдаютъ порокомъ неблагодарности и занимаются ростовщичествомъ, должны были вернуть своимъ должникамъ проценты и носить особые еврейскіе значки (у Шааба, въ указанномъ мѣстѣ, стр. 120 изъ gudaeus Codex diplomaticus IV, стр. 324, 327). Но уже 24 августа того же года онъ освободилъ бингенскихъ евреевъ отъ исполненія эдикта, а 29 августа 1457 г. онъ отмѣнилъ его и для франкфуртскихъ евреевъ (тамъ же 121, 122). Респонсы Исерлейна касательно бингенскаго синода повидимому, намекаетъ на непріязнь архіепископа Дитера и, слѣдовательно, былъ написанъ еще до того, какъ Дитеръ отозвалъ свой эдиктъ, т. е. между мартомъ и августомъ 1457 года.

Къ тому же времени относится и намекъ въ Респонсѣ Мейстерлейна на очень серьезныя притѣсненія евреевъ. Онъ также увѣщевалъ Зелигмана и его приверженцевъ къ согласію, указывая на тѣ страданія, которыя претерпѣвали евреи Польши отъ монаха: ומעולם לא היה כל כך צריך להיותנו באגודה אחת ושלום ושלוה כמו עתה.. אשר פגע הכומר גם ביושבי תחת המלך מפולין מלכות קרקוב וסביבותיהן אשר מקדם ומאז חשבו לפלטה לבני גולה. ולא האמינו כל יושבי תבל כי יבא צר ואויב בשערי פולין. עתה הם רובצים תחת משא המלך ושרים וכתבו לנו לבקש עזר ותרופה. ועתה אתם אהובי אל ירע לבבכם כי הרביתי לדבר קשות כי רוחי הציקתני יען וביען כי קרובים אנחנו למלכות ואנחנו נרע את אשר ידובר ואת אשר נעשה. וכי יש לחשוב עתה ליום ועד הגדול והנורא. ומוטב להתעסק באלו העניינים מלהתגרות בעליונים ובהתחתונים. (Респ. Моисея Менца, въ ук. мѣстѣ). Конецъ этой выдержки указываетъ, что теперь время готовиться къ серьезному суду, къ празднику Новаго года, и что благотворнѣе думать объ этомъ, чѣмъ вести распри между „верхними и нижними", т. е. между верхне и нижне-рейнскими общинами.

Жалоба въ томъ же Responsum'ѣ Мейстерлейна на положеніе евреевъ въ Польшѣ основывается на томъ, еще мало извѣстномъ, фактѣ, что отношеніе польскаго короля, Казимира IV, къ евреямъ измѣнилось подъ вліяніемъ неутомимаго и закоснѣлаго врага евреевъ, *монаха Капистрано*. Чтобы освѣтить этотъ фактъ и связанныя съ нимъ даты, я долженъ привести одинъ документъ, который до сихъ поръ былъ мало извѣстенъ и приведенъ лишь Луи Люблинеромъ, но безъ критическаго разбора (Juifs en Pologne, Брюсель-Лейпцигъ, 1839, стр. 15 и дальше). Бандткіе сообщилъ въ своемъ сводѣ законовъ, jus polonicum (начало), интересный документъ слѣдующаго содержанія. Казимиръ IV Ягелонъ возобновилъ для евреевъ всей Польши привилегіи, данныя Болеславомъ въ 1264 г. и подтвержденныя Казимиромъ Великимъ въ 1334 году. Возобновленіе состоялось по предложенію евреевъ, которые указали, что оригиналъ хартіи, коей дарованы евреямъ эти привилегіи, погибъ отъ пожара въ Познани (1447 г.). Казимиръ былъ въ Познани послѣ Св. Якова, т. е 25 іюля (Длугошъ, тамъ же).

Нѣкоторые параграфы этой обновленной хартіи тѣ же, что дарованы первоначально австрійскимъ герцогомъ въ 1244 г. и затѣмъ pure подтверждены Казимиромъ I, (т. VIII, стр. 282). Другіе параграфы, напротивъ, не содержатся въ хартіи Казимира Великаго; они свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ расположеніи къ евреямъ.

Эти привилегіи, дарованныя евреямъ, были несносны для Капистрано и, какъ только онъ свидѣлся съ Казимиромъ въ Краковѣ (1453 г.), онъ тот-

часъ же направилъ всю силу своего фанатическаго краснорѣчія противъ этихъ привилегій. Какъ сообщаетъ современникъ и первый польскій историкъ, Янъ Длугошъ, епископъ Збигневъ изъ Кракова употребилъ все свое вліяніе на Казимира, чтобы вселить въ него непріязненныя чувства къ евреямъ (Historia Polonica L. XIII, т. II стр. 157 лейпцигскаго изданія 1712 года). И дѣйствительно, въ ноябрѣ 1454 г. Казимиръ въ § 51 Ньешавскаго статута уничтожилъ привилегіи, дарованныя евреямъ.

Резюмируемъ все вышесказанное и подведемъ итоги. Еще въ октябрѣ 1454 г. Капистрано жаловался папѣ на короля Казиміра, не желающаго уничтожить привилегіи, дарованныя евреямъ. Привилегіи были упразднены лишь Ньешавскимъ статутомъ, который былъ изданъ во всякомъ случаѣ въ *ноябрѣ*. Въ виду разнорѣчивыхъ варіантовъ, день изданія статута точно установить нельзя; это было либо въ понедѣльникъ, въ день Мартина=11 ноября, либо во вторникъ послѣ Мартина=12 ноября, либо въ субботу, въ день св. Елизаветы= 7 ноября, либо въ субботу послѣ Елизаветы=23 ноября (Бандткіе въ ук. м. стр. 29 прим.). Доведенныя Мейстерлейномъ до свѣдѣнія участниковъ бингенскаго синода жалобы польскихъ евреевъ на монаха (никто иной, какъ Капистрано), который сталъ преслѣдовать и евреевъ краковскаго королевства", несомнѣнно, вызваны упраздненіемъ привилегій Ньешавскимъ статутомъ. Слѣдовательно, эти жалобы раздались лишь послѣ ноября 1454 г., вѣроятно, въ одинъ изъ слѣдующихъ годовъ. Посланіе Мейстерлейна, въ коемъ упоминается объ этомъ, не можетъ относиться ко времени до 1455 года. Всѣ даты указываютъ такимъ образомъ на то, что бингенскій синодъ состоялся во время между 1455 и 1457 годами.

Изъ одной случайной замѣтки можно было бы даже заключить, что Казимиръ не только лишилъ евреевъ прежнихъ привелегій, но и предоставилъ имъ выборъ либо принять христіанство, либо покинуть страну. Историографъ португальскихъ открытій, Баросъ, передаетъ: великій адмиралъ Васко де-Гама, доставившій Португаліи Индію, заманилъ у Гоа на свой корабль одного польскаго еврея, бывшаго переводчикомъ и агентомъ одного мавританскаго князя въ Гоа; подвергнутый пыткѣ польскій еврей разсказалъ Васко-де-Гама свою біографію: польскій король въ 1450 г. потребовалъ отъ евреевъ либо принять христіанство, либо оставить страну; вслѣдствіе этого большинство евреевъ выселилось изъ Польши, его родители прибыли въ Александрію, гдѣ онъ и родился (Barros Decada I Livro IV, c. 2. p. 360). Въ этомъ сообщеніи 1450 г. во всякомъ случаѣ указанъ неправильно, ибо въ это время, какъ выяснилось, евреи пользовались еще въ Польшѣ привилегіями. Слѣдовательно, гоненія не могли имѣть мѣсто до 1455 года. Однако, въ виду полнаго отсутствія иныхъ свѣдѣній, которыя бы подтверждали фактъ насильственнаго крещенія евреевъ и выселенія ихъ изъ Польши, приходится предположить, что еврейскій агентъ въ Гоа нѣсколько преувеличилъ событія, о коихъ онъ разсказывалъ адмиралу.

6) Синодъ въ Нюрнбергѣ, безъ указанія даты, которую, однако, также можно установить. Члены общины Нюрнберга обратились къ равину Мантуи, Іосифу Колону съ просьбой побудить нѣмецкія общины къ сбору пожертвованій для освобожденія регенсбургской общины, которая вся цѣликомъ была брошена въ темницы и ожидала смерти. Его респон. № 4: בהיות הדבר ידוע ומפורסם כי ענין תפיסת אחינו מק"ק רעגנשפורק ראוי הוא להיות מזיק ומסכן

להרבה מקומות זולתי רעגנשפורק ובנותיה וכאשר כתבו לי רבנים הנועדים כהיום בק"ק נורענבערק. כדי להציל לקוחים למות על לא חמס בכפם . . . לכן נדרשתי ונשאלתי אל רבותי אשר שאלו ממני לראות איזה דרך ישכון אור הדבר הזה . . . שהצלת ק"ק רעגנשפורק היא הצלתם. Синодскіе равины, изъ боязни предъ князьями и властями, не рѣшались обратиться непосредственно къ общинамъ съ воззваніемъ въ пользу регенсбуржцевъ; поэтому они и обратились къ италіанскому равину. Іосифъ Колонъ, угрожая за ослушаніе отлученіемъ, установилъ, что всякая нѣмецкая община и всякій состоятельный еврей должны внести свою лепту, согласно оцѣнкѣ синода, для освобожденія деньгами безвинно обвиненныхъ и томившихся въ темницѣ евреевъ Регенсбурга: ואפנם כי אין הדבר מצוי אלא לחכמים ה"ה רבותי הנועדים כהיום בק"ק נורענבערג כדי לגדור פרצה זו . . . . ויען כי בנורנבורק ובכמה עירות אחרות באשכנז שאינם רשאים לכתוב בדרך גזירה מפני יראת המושלים והשרים או יהיה מה שיהיה. אנכי הצעיר בא לחזק דבריהם . . . . והנני גוזר בגזירה חמורה . . . . על כל יושבי ארץ אשכנז . . . . שלא ימרו את פי הנועדים בנורנבורק . . . לסייע בהוצאה עלילה זו אשר העלילו על אחינו ק"ק שברעגנשפורק בשקר בכזב ותרמית. Эта замѣтка устанавливаетъ фактъ созыва синода въ Нюрнбергѣ и поводъ къ тому, именно тяжкое обвиненіе противъ всей регенсбургской общины. Остается еще установить время синода. Мы можемъ установить эту дату на основаніи документовъ, сообщенныхъ Гемейнеромъ въ его регенсбургской хроникѣ.

Вслѣдствіе ложныхъ обвиненій въ убійствѣ нѣкоего Симона изъ Тріента, многіе евреи въ Регенсбургѣ были обвинены и въ убіеніи христіанскаго ребенка. Епископъ Регенсбурга настаивалъ на созывѣ суда; въ дѣло впутывали все больше и больше евреевъ, и, наконецъ, вся еврейская община была сдѣлана отвѣтственной за преступленіе; часть города, гдѣ жили евреи, была чуть ли не обнесена стѣной, такъ что ни одинъ еврей не могъ уйти изъ города. Это тяжкое обвиненіе было возведено противъ регенсбургской общины въ 1476 г. (Гемейнеръ, въ указ. мѣстѣ III., стр. 567 и дальше). Со стороны императора Фридриха III послѣдовало одно посланіе за другимъ, въ которыхъ онъ увѣщевалъ освободить евреевъ, такъ какъ они не повинны въ возведенномъ на нихъ преступленіи (май и іюль того же года, тамъ же 576 - 578). Въ наказаніе императоръ лишилъ городъ права суда, и Совѣтъ потратилъ огромныя суммы, чтобы смягчить императора и получить снова право суда надъ евреями. Поэтому со стороны евреевъ тоже должны были быть израсходованы большія деньги, чтобы привлечь на свою сторону императорскихъ комисаровъ, да и доставить нѣкоторыя удовольствія и самому императору. Несомнѣнно, для этой цѣли и былъ созванъ нюрнбергскій синодъ, который долженъ былъ собрать отъ всѣхъ нѣмецкихъ общинъ деньги, необходимыя для спасенія евреевъ Регенсбурга. Въ слѣдующемъ году (такъ какъ исторія съ обвиненіемъ все еще продолжалась) Совѣтъ освободилъ большинство евреевъ, которые не были непосредственно обвинены, взявъ съ нихъ клятву не покидать Регенсбурга (тамъ же, стр. 594). Несомнѣнно, что нюрнбергскій Синодъ былъ созванъ для этой именно цѣли и въ 1476 году.

6.

Призывъ изъ Турціи къ евреямъ Германіи покинуть страну, гдѣ они претерпѣваютъ столько страданій. Исаакъ Царфати; Мардохай Комтино и Овадія Бертиноро.

Іелинекъ опубликовалъ въ одномъ изъ выпусковъ קונטרס גזרות תתנ"ו къ исторіи крестовыхъ походовъ (Лейпцигъ, 1854, стр. 14 и дальше) весьма интересное посланіе нѣкоего, помимо этого совершенно неизвѣстнаго, Исаака Царфати, находящееся въ Bibliotheque de Paris (попеременно называемой то royal, то imperiale nationale, въ отдѣлѣ ancien fonds № 291). Начало гласитъ: אגרת אל קהלות הקדש היהודים הנמצאים באשכנז להודיע להם מיטב ארץ תוגרמה ויתרון מלכות ישמעאל. Во вступленіи упоминается, что два нѣмецкихъ еврея, которые, съ одной стороны, видѣли и пережили горе и страданія нѣмецкихъ евреевъ и, съ другой стороны, познакомились съ спокойнымъ и счастливымъ положеніемъ евреевъ въ Турціи, побудили автора, Исаака Царфати, издать посланіе къ евреямъ Швабіи, Рейнскихъ провинцій, Штиріи, Моравіи и Венгріи съ призывомъ покинуть ихъ несчастную родину и поселиться въ Турціи: (הבחור ר' קלמן עם חבירו ר' דוד כהן) וחילו פני לכתוב אל שארית הפליטה קהלות הקדש היהודים הנמצאים באשכנז השוכנים בערי שוואבן ורינוס שטיירמהרק מרהרין ואונגרין להודיע להם מיטב הארץ. Трудно болѣе ярко изобразить контрастъ между гоненіями въ Германіи и свободой въ Турціи, чѣмъ это сдѣлано въ упомянутомъ посланіи, которое, несмотря на своеобразный стиль и многочисленныя цитаты изъ Библіи и Талмуда, все же производитъ прекрасное впечатлѣніе своей оригинальностью. Жаль только, что въ немъ не указана дата его составленія, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ мы могли бы понять колоритъ и ситуацію.

Взгляды по вопросу о томъ, къ какому вѣку принадлежитъ это посланіе, весьма расходятся между собой. Іелинекъ относитъ его уже къ началу тринадцатаго вѣка, еще ко времени крестовыхъ походовъ (въ указ. мѣстѣ, введеніе, стр. VI). Нѣкоторые относятъ посланіе къ шестнадцатому вѣку: къ началу или къ серединѣ его (Kerem Chemed. IX. стр. 49, Levy, Don Joseph Nassi, стр. 32 и д.). Противъ обоихъ приведенныхъ взглядовъ можно многое возразить. Относительно перваго взгляда можно указать на то, что посланіе предпосылаетъ *существованіе европейской Турціи*; ибо въ немъ нѣмецкіе евреи призываются переселиться въ Турцію или же воспользоваться этой страной для свободнаго перехода въ Палестину (стр. 15): כי פקד ה' עמו ושם דרך אחרת דרך תוגרמה דרך יבשה בטוחה וקרובה לנוס שמה (לארץ הקדושה). Но завоеваніе Константинополя послѣдовало лишь въ 1453 году. Такимъ образомъ это посланіе не могло быть издано въ эпоху крестовыхъ походовъ. Противъ ни на чемъ не основаннаго взгляда, будто посланіе составлено лишь въ XVI вѣкѣ, говоритъ то обстоятельство, что въ посланіи совершенно не упоминается о массовомъ переселеніи въ Турцію испанскихъ и португальскихъ евреевъ. Если бы посланіе было издано послѣ 1492 и 1497 годовъ, то въ немъ, несомнѣнно, было бы отмѣчено, какъ гостепріимно были приняты въ Турціи несчастные евреи Пиренейскаго полуострова. Вѣдь въ посланіи 1550 года салоникскихъ евреевъ къ общинамъ Прованса, въ которомъ послѣднія приглашаются замѣнить свою несчастную жизнь среди христіанъ на счастливое су-

ществованіе среди мусульманъ. (Revue d. Et. XV), упоминаются несчастные изгнанники Пиренейскаго полуострова.

Болѣе правильнымъ является предположеніе, высказанное въ каталогѣ еврейскихъ кодексовъ въ Лейденской библіотекѣ (стр. 262, прим. 2), о томъ, что авторъ посланія идентиченъ съ тѣмъ *Исаакомъ Царфати*, который состоялъ въ перепискѣ, съ Мардохаемъ Комтино (Codex въ указ. мѣстѣ, въ Bibliotheca Вольфа III., стр., 718 № 3). Правда, это еще не помогаетъ намъ установить дату посланія. Ибо, во первыхъ, отожествленіе этого Исаака Царфати съ корреспондентомъ Комтино основано только лишь на комбинаціи, а, во вторыхъ, предѣлы времени Мардохая Комтино недостаточно установлены. Свой коментарій къ Пятикнижію Комтино составилъ въ 1460 году (Вольфъ III, стр. 718,IV, стр. 904). Но, повидимому, онъ жилъ еще въ 1490 году, ибо караимъ Илія Башяци, который часто цитируетъ Комтино въ своемъ сочиненіи אדרת אליהו, причисляетъ его въ своемъ изслѣдованіи о чистотѣ и нечисти къ живымъ (стр. 78. а): ומורי החכם ר' מרדכי כומטינו אמר בפירוש התורה. Эту часть своего сочиненія Башяци написалъ не задолго до своей смерти въ 1490 году, какъ указываетъ его ученикъ, Калебъ Афендополо (въ концѣ упомянутаго изслѣдованія): ודע שסדר ענין טומאה וטהרה חבר (אליה בשיצי) בסוף ימיו וזה בשנת ה' ר"ן ולא השלימו. Такимъ образомъ, весьма возможно, что Мардохай Комтино или его, быть можетъ, болѣе молодой корреспондентъ, Исаакъ Царфати, жили еще въ XVI столѣтіи и что посланіе было составлено въ началѣ его.

Однако, можно привести прямое доказательство того, что посланіе было издано еще въ XV вѣкѣ; можно даже установить чуть ли не годъ его составленія. Ибо посланіе Исаака Царфати особенно подчеркиваетъ, что нѣмецкіе евреи лишены возможности переѣхать черезъ море искать покоя въ Св. землѣ. Въ самомъ началѣ сказано: ועכשו נגזרה גזירה לגזירה ואינם מניחים שום יהודי לעבור (לבא אל ירושלם ארץ החיים אדמת קדש); христіане говорили, что евреи купили Храмовую гору и не постѣсняются пріобрѣсти и осквернить, такъ называемый, Священный гробъ. (стр. 18): היהודים קנו הר בית ציון ..... גם בוש לא יבושו לקנות קבורת הדופק והגולל ובית מחצבתו ועתה לא ידע איש את קבורתו. אין אמונה בגוי אפילו בקבר, קבורית חמור יקבר סחוב השלך מהלאה לשערי ירושלם; поэтому христіанскіе народы издали приказъ морякамъ бросать въ воду всякаго еврея, отправляющагося въ Іерусалимъ (стр. 19): אבן גזרו דלא כהלכתא על רב החובל להיות מקלקל ופטור במבעיר וחובל כל יהודי אשר ימצא דרך ירושלם בירכתי הספינה להטילו אל הים ואל שאונה..; уже прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда распространились слухи объ этомъ безчеловѣчномъ приказѣ (тамъ же): את כל אלה שמענו זה זמן זמנים עתה יותר מעשרה שנים וכאשר שמענו כן ראינו בעיר אלהינו כי מאז סרה הנוראה (?) . . . אין יוצא ואין בא יאין דורש לאמור שאלו את שלום ירושלם.

Другое интересное посланіе, недавно только опубликованное, содержитъ нѣкоторыя указанія на этотъ запретъ евреямъ переселяться въ Палестину и на время его изданія. Господинъ Ури Гинзбургъ въ Парижѣ обладаетъ оригиналомъ двухъ писемъ извѣстнаго *Овадіи де Бертиноро*, которыя *Нейбауеръ* перевелъ и издалъ въ Ежегодникѣ литературнаго кружка (стр. 195 и д.). Первое письмо написано къ отцу 8 элула 5248=1488 г., а второе—къ брату въ слѣдующемъ году, 27 элула 1489 г. Подлинность писемъ Овадіи не подле-

житъ никакому сомнѣнію. Содержаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Многое, напр., свѣдѣнія о положеніи Іерусалима, подтверждается Израилемъ Исерлейномъ и Іосифомъ Колономъ. Одно изъ этихъ двухъ посланій подтве.ждено Азулаемъ s. v. ר׳ עובדיה מפרש המשניות стр. 46 а: ויש פתשגן הכתב ששלח רבינו עובדיה מעה״ק ירושלים לאביו וראיתי העתק ממנה את שיש בה ידיעה בכל פרשת העבור ... מכי נפיק מבי מר אביו ... עד בואו לירושלים ובא דרך הארגיפלגו בים עד נא אמון ...... וכל זה היה בשנת רמ״ח. Вѣрность факта и даты такимъ об͗азомъ не подлежитъ сомнѣнію.

Въ первомъ письмѣ Овадіи да Бертиноро имѣется слѣдующій разсказъ (стр. 219). Францисканскіе монахи, у которыхъ была въ то время церковь или капелла возлѣ *царскихъ могилъ*, прежде владѣли также и самими могилами. Одинъ нѣмецкій еврей хотѣлъ купить ихъ у султана, что повело къ столкновенію съ францисканскими монахами. Кончилось дѣло тѣмъ, что магометане оставили могилы за собой. Когда до Европы дошла вѣсть о томъ, что христіане, по винѣ европейскихъ евреевъ, лишились царскихъ могилъ, венеціанцы постановили не пропускать чрезъ свою территорію (и на своихъ корабляхъ) ни одного еврея въ Іерусалимъ. Но теперь, замѣчаетъ Овадія, этотъ запретъ снятъ, и ежегодно много евреевъ отправляются въ Іерусалимъ на венеціанскихъ корабляхъ и даже вмѣстѣ съ христіанскими паломниками; ибо это кратчайшій и самый безопасный путь (чрезъ Венецію въ Св. землю). „Если бы я зналъ объ этомъ, я бы тоже поѣхалъ этимъ путемъ и не потерялъ столько времени на обходы; ибо въ сорокъ дней суда изъ Венеціи приходятъ сюда“: ובשכבר הימים קברות המלכים גם כן היו תחת ידם (תחת יד הכומרים די פרנציש קו). ובא פה בירושלם אשכנזי אחד עשיר ובקש לקנותם מאת המלך ונתקוטט עם הכומרים. ומהיום ההוא לקחו אותם מאת הכומרים. והם עתה תחת יד הישמעאלים. ויודע הדבר בויניציאה כי היהודים הבאים מאדום גרמו לקחת קברות המלכים מתחת יד אדומיים. גזרו לבלתי תת יוצא ובא ליהודים בירושלם דרך ארצם. ועכשו בטלה הגזרה. ובכל שנה ושנה באים יהודים עם הגליאי ויניציאני ועם הפלגריני עצמם ואין מעבר בטח וקצר כמוהו. ומי יתן ידעתי זה בגלילות ההם. כי (אז) לא התמהמתי בדרך כל הימים אשר ישבתי. כי בארבעים יום יבואו הגליאי לכל היותר מויניציא עד הנה.

Этотъ разсказъ освѣщаетъ посланіе Исаака Царфати. Когда Овадія да Бертиноро отправился въ Палестину, Kislew 1486, запретъ евреямъ ѣздить въ Палестину кратчайшимъ путемъ и на венеціанскихъ корабляхъ былъ еще въ силѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, думаль Овадія и потому поѣхалъ въ Палестину обходнымъ путемъ черезъ Неаполь, Сицилію, Родосъ и Александрію. Когда же онъ прибылъ въ Іерусалимъ (нисанъ 1488 г.), онъ узналъ, что упомянутый запретъ уже потерялъ силу и что нѣкоторые евреи, какъ въ прежнія времена, были снова допущены на венеціанскіе корабли для поѣздки въ Палестину. Объ этомъ запретѣ говоритъ посланіе Исаака Царфати. Слѣдовательно, оно составлено во всякомъ случаѣ до 1488 г. Моисей Латесъ въ Венеціи отыскалъ недавно въ венеціанскомъ архивѣ документъ, въ коемъ дожъ запрещаетъ капитанамъ венеціанскихъ кораблей перевозить евреевъ въ Палестину, такъ какъ послѣдніе причинили монахамъ на Сіонской горѣ injuriae et extorsiones. Этотъ документъ помѣченъ 4 іюня 1428 года (ср. Frankel-Graetz, Monatsschr., 1873 годъ, стр. 283). Сущій пустякъ былъ францисканскими монахами и папой превращенъ въ серьезное нарушеніе интересовъ всего хри-

стіанскаго міра. Глава миноритовъ въ Іерусалимѣ жаловался на то, что евреи, отнявъ у нихъ, т. е. купивъ для себя, такъ называемую, Давидову капеллу, тѣмъ самимъ совершили насиліе и вопіющую несправедливость. Тогда папа издалъ буллу, запрещавшую принимать евреевъ на корабли, послѣ чего дожъ и сенатъ Венеціи подтвердили этотъ запретъ своимъ агентамъ и капитанамъ. Однако, дата должна быть исправлена. Исаакъ Царфати говоритъ о томъ, что уже десятъ лѣтъ прошло со времени изданія запрета; документъ же венеціанскихъ властей помѣченъ 1428 г.; такимъ образомъ, посланіе должно было бы быть издано въ 1440 г.; однако, тогда еще не было Европейской Турціи. Нельзя предположить, что עשרה является искаженіемъ עשרים, ибо число 10 приводится два раза. Но необходимо обратить вниманіе на различныя указанія касательно характера запрета. Папа и Сенатъ запретили только принимать евреевъ на христіанскіе корабли. Царфати же сообщаетъ кромѣ того, что было приказано всякаго еврея, найденнаго на левантинскомъ кораблѣ, бросить въ море: להטילו אל הים. Это, очевидно, ухудшеніе, которое, вѣроятно, послѣдовало въ 40-хъ годахъ. Присчитавъ „десять лѣтъ", о коихъ говорится въ посланіи, мы получимъ промежутокъ времени между 1453 1460 годами, къ коему и слѣдуетъ отнести изданіе посланія. Такъ какъ авторъ его, Исаакъ Царфати, жилъ такимъ образомъ въ одно время съ Мардохаемъ Комтино и оба жили въ Турціи, то этимъ еще болѣе укрѣпляется правильность предположенія объ идентичности автора посланія и корреспондента Комтино. Факты, приведенные въ этомъ посланіи, пріобрѣтаютъ опредѣленный историческій смыслъ пишь по установленіи хронологической послѣдовательности. Такимъ образомъ посланія Царфати и Овадіи являются для исторіи евреевъ въ одной части христіанской Европы, въ Египтѣ, Турціи и Палестинѣ въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія источниками, достовѣрность коихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

7.

Счастливое положеніе евреевъ въ Турціи; Моисей Капсали.

Исаакъ Царфати въ немногихъ словахъ изобразилъ счастливое положеніе евреевъ въ Турціи въ его время съ цѣлью побудить нѣмецкихъ собратьевъ покинуть страну, гдѣ имъ тамъ скверно живется. „Если бы нѣмецкіе евреи имѣли хотя бы слабое представленіе о томъ счастьи, которымъ евреи наслаждаются (въ Турціи), то они бы, не взирая на дождь и снѣгъ, ѣхали бы дни и ночи, покуда не достигли бы Турціи" (Посланіе стр. 15): אם היו יודעים היהודים היושבים באשכנז החלק העשירי מן הטובה אשר עשה ה׳ לישראל עמו במקומות האלה (בארץ תוגרמה) לא יעצרם גשם ושלג ויום ולילה לא ישבותו עד בואם פה......... Это благопріятное положеніе евреевъ, вѣроятно, наступило съ возникновеніемъ Европейской Турціи. Къ такому заключенію можно было бы придти, если бы у насъ не было никакихъ другихъ свѣдѣній. Ибо, пока эта, залитая солнечнымъ свѣтомъ, страна была византійской, она была для евреевъ мрачной темницей. Помимо того, у насъ есть [illegible] источника, которые освѣщаютъ положеніе евреевъ въ [illegible] существованія Европейской Турціи. Источники эти были до сихъ [illegible] мало извѣстны. Одинъ изъ нихъ представляетъ весьма

рѣдкое печатное произведеніе принадлежитъ мнѣ) историческаго содержанія, безъ заглавнаго листа и въ концѣ поврежденное. Геронди зналъ и использовалъ его въ своихъ біографіяхъ (תולדות גדולי ישראל s. v. משה קפסולי) подъ заглавіемъ: ספר מאורעות עולם. Но его изданіе, повидимому, не такъ обширно, какъ мое; ибо то, что въ моемъ изданіи напечатано на 24 стр. (Duodez), Геронди цитируетъ, ссылаясь на 1 стр. Мое изданіе снабжено особымъ заголовкомъ: כפור מלכי העותמנלים. начинаетъ османскую исторію 1310 годомъ, *Отомано̀мъ*: ויהי בימים ההם היא שנת ה׳ ע׳ ליצירה החל לזרוח כוכב אור העותמנלים אשר מושלים היום והראשון היה עותמאן и доводитъ ее до 17 вѣка, вдаваясь въ подробности и часто воспринимая въ себя анекдотическіе элементы. Часто нить османской исторіи прерывается, уступая мѣсто извѣстіямъ о евреяхъ и отдѣльныхъ личностяхъ. Анонимный авторъ составилъ это сочиненіе во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія и, повидимому, еще во время лже-мессіанскаго движенія *Сабатая-Цеви*. Ему покровительствовалъ приверженецъ Сабатая, *Рафаилъ Іосифъ*, годъ смерти коего 1669 онъ и приводитъ (стр. 27 b.): ואני הצעיר המחבר הייתי אחד משמשיו (של השר רפאל יוסף) מפירותיו הייתי אוכל ומימיו הייתי שותה... ועכשיו יבש המעין. На стр. 23 b онъ вскользь упоминаетъ о событіяхъ при Сабатаѣ Цеви: כמו שאירע בזמנני, но онъ не былъ его приверженцемъ. Авторъ пользуется извѣстными источниками; знаетъ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи по сочиненіямъ Абрабанела, исторію *Соломона Молхо* и *Давида Реубени* по хроникѣ Іосифа Когена; но онъ приводитъ интересныя свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ. Такимъ источникомъ является, напр., исторія Иліи Капсали подъ заглавіемъ סדר אליהו или דבי אליהו, выдержки изъ коего *Моисей Латесъ* напечаталъ подъ заглавіемъ לקוטים שונים, Падуя 1869. Тутъ я хочу привести лишь то, что касается положенія евреевъ въ Европейской Турціи.

На стр. 4 онъ сообщаетъ, что, сейчасъ же послѣ занятія Константинополя, Магометъ II издалъ воззваніе къ евреямъ, въ коемъ приглашалъ ихъ поселиться тамъ, предоставлялъ имъ полную свободу и призвалъ равина *Моисея Капсали* въ Совѣтъ: ובשנת אחת למלכו העביר קול בכל מלכותו (מחמד בן מוראד)... שמעו זרע היהודים היושבים במלכותי... כל איש בכם יעל לקושטנטינא והיה לכם שארית במיטב הארץ. אתנו תשבו. ויתקבצו מכל הסביבות מספר בני ישראל כחול הים ויתן להם נחלה בקושטנטינא ויאחזו בה... ויתן להם רשיון לבנות בתי כנסיות ובתי מדרשות ויתקן שלשה כסאות בדיואן המלך: אחד למופתי ואחד לפתריקי של הערלים ואחד להרב של היהודים. כי שם ישבו כסאות למשפט כל אומה ואומה תשפוט את עמה. ומזרע היהודים נתן על ראשם הרב הזקן כמהר׳ משה קפסלי זל״הה וישם את כסאו בדיואן המלך בצד המופתי ויאהבהו כנפשו. Это сообщеніе частью позаимствовано у Иліи Капсали (Lattes, стр. 7 и дальше). Одинъ документъ, приведенный у Самуила де-Молина, указываетъ на положеніе евреевъ въ началѣ турецкаго господства въ Константинополѣ, т. е. послѣ возникновенія Европейской Турціи (פסקי מהרש״דם въ מהרש״דם II № 1 и תשובות I № 364; тамъ же сказано: איש יהודי חכם נכבד ורופא נסע מארץ מולדתו ויבא לגור בארץ ישמעאל.. ויוקח האיש בית המלך שולטאן מוראד ... גם בעיני המלך שולטאן מחימט מצא חן... ובימים ההם (בשנת ב׳ למלכותו ה׳ רי״ב) הואיל המלך לגדל... את הרופא... ואותו ואת בנו יעשה חפשי.. גם בניהם עדי עד.

Далѣе слѣдуетъ фирманъ для этого врача, вѣроятно, родоначальника Гамоновъ, 1452 и слѣдующаго года. Далѣе слѣдуетъ: ויקבע הרופא את דירתו

בה (בקוסטנטינא) עם המלך... וישב בתוך העם היהודים הנמצאים בעיר בעת הלכדה ואשר העביר המלך מהערים אשר היו לו. Въ концѣ указано, что султанъ Магометъ II обложилъ евреевъ двоякаго рода податями, подушной— באש כראגי — и общинной — טסקא или רב אחגאשי. Общины были обложены податью за право имѣть равина, утвержденнаго султаномъ: כי בו הותרו היהודים להיות רב ומנהיג בהרמנותא דמלכא.

Все, что дальше разсказывается въ соч. מאורעות עולם о счастливомъ положеніи евреевъ въ Турціи, связано съ *Моиссемъ Капсали*, который, несмотря на то, что игралъ выдающуюся роль въ исторіи турецкихъ евреевъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не отличенъ по заслугамъ. До послѣдняго времени его знали только по оскорбительнымъ посланіямъ, изданнымъ противъ него *Іосифомъ Колономъ* (Собраніе Respp. № 83—87). Послѣдній изобразилъ Капсали какимъ то легкомысленнымъ идіотомъ, который позорилъ званіе равина и потому заслуживалъ быть лишеннымъ этого сана. Одинъ современный библіографъ умудрился даже, на основаніи этихъ Respp., превратить Капсали въ реформатора. Что это невѣрно, можно усмотрѣть изъ сообщенія Иліи Мизрахи о возраженіи Моисея Капсали тѣмъ, кто разрѣшалъ обучать караимовъ Талмуду, Respp. № 57: וכן הורה מה' אליה הלוי ומה' אליעזר קפשלי... והיו מלמדים בני הקראים תורה שבעל פה מפני שהיו מקבלים עליהם שלא יחללו מועדי ה' ושלא יזלזלו בכבוד החכמים החיים והמתים. וכבר היה חולק עליהם הרב ר' משה קפשלי על היותם מלמדים להם מהתורה שבעל פה שאינם מאמינים בו. ועם כל זה לא החזירו בהוראתם, ולא שמעו לדבריוי Изъ упомянутаго историческаго сочиненія мы узнаемъ, что Моисей Капсали слылъ набожнымъ равиномъ и даже аскетомъ: האיש משה עניו מאוד... והיה מתענה בכל השנה ועל הארץ ישן וחייו חיי צער ובתורה היה עמל ויעמוד לפני המלך (מחמר) וידבר אתו טובות וישם את כסאו מעל כסא השופטים. Далѣе анонимный авторъ разсказываетъ, что Моисею Капсали было поручено распредѣлять между евреями подати, установленныя султаномъ: ונערכו כל הקהלות על יד הרב הנזכר ויגבה על ידו ונתון אל גנזי המלך ויאהב המלך את היהודים. Далѣе онъ передаетъ: султанъ спросилъ Моисея Капсали, какъ бороться съ опустошавшей Константинополь чумой; Капсали посовѣтовалъ изгнать публичныхъ женщинъ; вслѣдствіе этого произошла рѣзня янычаровъ, причемъ Моисей Капсали наказалъ многихъ еврейскихъ покровителей и сторонниковъ янычаровъ: וגם הרב (משה קפסאלי) הוכיח את עמו על אשר נתחברו להגאניסארוש, Янычары замышляли въ отместку покушеніе на жизнь Капсали, но онъ былъ спасенъ: ומאז קנאו הגאניסארוש ברב הנזכר כי ידעו באמת כי הוא יעץ את המלך ויבקשו להרוג את משה ויצילהו ה' מידם ובקש המלך את (י״ מאת) הרב הנזכר רופא יהודי אחד לעמוד לפניו וישרתהו וכן היה. Это сообщеніе тоже позаимствовано у И. Капсали (Латесъ, стр. 9 и слѣд.).

О столкновеніи между Моисеемъ Капсали и Іосифомъ Колономъ анонимный авторъ сообщаетъ много позже (стр. 39 b и дальше), основываясь частью на респ. Колона, частью на легендахъ, распространенныхъ объ этомъ въ Турціи, но тѣмъ не менѣе ровно ни на чемъ не основанныхъ, какъ это съ очевидностью явствуетъ изъ другого, еще менѣе извѣстнаго источника.

Илія Капсали, родственникъ Моисея Капсали, бывшій въ началѣ шестнадцатаго вѣка равиномъ въ Кандіи, оставилъ, какъ извѣстно, два историческихъ сочиненія: одно, уже упомянутое нами, подъ заглавіемъ: סדר אליהו, затѣмъ сборникъ писемъ подъ заглавіемъ ס' נעם וחובלים, о коихъ приведенъ отчетъ

въ журналѣ Гейгера, Т. III, стр. 348. Сборникъ писемъ еще не изданъ; но у меня имѣется вѣрная копія одного изъ писемъ, сдѣланная ученымъ, моимъ нынѣ скончавшимся другомъ, С. Нисеномъ. Это — посланіе Иліи Капсали къ *Іосифу Тайтасаку* въ Константинополѣ, которое выдвигаетъ совершенно новые моменты въ спорѣ между Моисеемъ Капсали, Іосифомъ Колономъ. Это посланіе ярко освѣщаетъ то событіе, которое въ свое время надѣлало тамъ много шуму и до насъ дошло въ столь извращенномъ видѣ. Въ этомъ посланіи, помимо того, содержатся еще указанія и на другіе факты, которые заслуживаютъ быть опубликованными и освѣщенными.

אגרת שכתב ר׳ אליה קפסאלי אל הרב ר׳ יוסף בן כמהרר שלמה טאישטצק הריש מתיבתא בקונסטאנטינא על אשר בקש מאתו הרר׳ דוד ויטל שיכנס אתו במחלוקת שהיה לר׳ דוד ויטל עם הרב מוה׳ בנימין זאב מארטה.

אחת נשבעתי בקדשי אם לדוד אכזב כי זה כשש עשרה שנה בשנה הראשונה שנסמכתי ברבנות אירע מעשה באחת מן הקהלות ונפלה מחלוקת ביניהם. והצד האחד כתבו אלי וחתמו י״א עדים כשרים מטובי׳ קהלת קניאה (Canea). וכשמעי דבריהם האמנתי להם ורציתי לחתוך הדין על פיהם באמרי: התורה אמרה על פי שנים עדים יקום דבר. וכאן רבו כמו רבו על השנים. והלכתי אל מרי דודי המופלג בזקנה ובחכמה ה״ה מוה׳. מנחם דלמדיגו ז״ל והייתי מפצירו לכתוב ולחתום. אמרתי אל מעלתו: והלא יש כאן כמה עדים. השיבני אפילו הכי אין ראוי להאמינם. כי כשאמרה התורה: שמוע בין אחיכם ולא תשא שמע שוא, לא נתנה דברים לשיעורין. ואילו היה עושה כן רבי מהרר יוסף קולון ז״ל עם קרובך מהרר משה קפשלי ז״ל לא היה בא עמו לידי מחלוקת ומדנים עד שנתחרט בתכלית החרטה לבסוף.

כי בקוסטדינא נתקנאו ארבעה חרשי משחית על נשיאותו של מהר׳ משה הנזכר על דרך ויקנאו למשה במחנה. כי בזמנו לא זכה חכם שם בקוסטדינא לגדולתו וכל קהלות הקדש נכנעו תחת ידו. ואפילו מגדולי גירוש ספרד המה הגבורים אשר מעולם אנשיה. וכל מי שראהו והכירו אמרו עליו: לית דין בר נש. סוף. גדולה שנאה שמקלקלת את התורה (צ״ל השורה). ויחסו לו לאותו צדיק דברים אשר לא חשב ולא דמה ולא עלו על לבו. ויעשו גם הם בערמה ויוציאו עליו עדי שקר ויפח חמס ונתחבר עמם גם רב אשכנזי שמו ר׳ משה עשרים וארבע כי לא היה לו יד זולת בעשרים וארבע.

ויען כי אז שלחו את עשרים וארבע הנ״ל לקבץ מעות מהקהלות לשם עניי ירושלם תוב״ב והלך בקושטדינא ושאל ממנו עזר כי ראה שלא היו חוששים מפניו. ואז היה שעת חירום בין התוגר מלך קוסנטדינא ובין שולטאנו מלך מצרים. והרב נתירא לנפשו פן ידע המלך שהוא סבה שיוציאו מעות מארצו לשלחם בארצות אויביו. לכן לא עזרו אך לא מנע גם כן בידו. ובראותם הקהלות שהרב לא עזרו ולא חזק דבריו לא שמעו ולא שתו על לבם מהרר׳ עשרים וארבע הנ״ל ולא קבץ מאומה. וכראותו כן עשרים וארבע לא הבין שהרב לטובה נתכון ושכח הטובות שעשה לו הרב ביחוד ואשר חזק את ידו נגד האלוף מהר׳ אליה מזרחי אשר הורידו פעם אחת מהבית כנסת שלו והכריחו הוא ותלמידיו מלדרוש, ובא לו אל הרב ונתרעם על שהלבין פניו והיה בוכה ונאנח. והרב בחסידותו חמל עליו ולקחו עמו והלך באותו בית הכנסת ונכנס ואמר: מי הוא זה ואי זה הוא אשר עשה לו ההלבנה הזאת? ולא ענו אותו דבר מיראתם אותו. ואז אמר לו: עלה לדוכן ודרוש ונראה מי יורידך. וכן עשה ודרש. ואחריו דרש הרב ז״ל והוכיחם תוכחת מגולה על המעשה שעשו לו. עוד הרבה הרב להטיב לו.

ובהיות בעונות נמצאת בעולם—ובפרט בין האומה הישראלית—מדת ההתנכרות נתנכר עשרים וארבע להרב ונתחבר עם ג׳ (ד׳.ף) חרשי משחית הנ״ל. כי שומה היתה בלבו מיום שלא חזק את ידיו לקבץ צדקות כרצונו. ולקח מכתבים שכתבו המשטינים הנזכרים והלך לו אל מהר׳ יוסף קולון בארץ רחוקה בצרפת. כי ידעו שלא (שֶׁלּוֹ.ף) היו כותבים במקום שידעו ושהכירו את מהר׳ משה קפשאלי מיהת על פי השמועה, לא היו מאמינים להם והיו דוחפים בשתי ידים את דבריהם.

ומהר׳ יוסף קולון הנ״ל האמין תיכף לדבריהם. ומבלתי שמוע לרב הנ״ל מהר וכתב נגדו דברי ריב ומצה אשר לא כדת. ויותר משנתים ימים עמדו כתבי מהר׳ יוסף קולון בקורון (1 ולא הוליכום. ומי בעל דברים יגש אליו? אלולי שלקחה אוזן מרי זקני הנ״ל שמץ מן הכתבים הנזכרים ושלח ואיים מכאן על מי שהיה מחזיקם שישלחם תיכף לאחיו הרב בקוסטנדינא, אבל לא היו נודעים כלל. סוף כשהגיעו הדברים ביד מהר׳ משה הנ״ל קבץ הקהלות וקרא באזניהם וגעו כלם ובקשו אחר אותם עדי שקר וכלם ספו תמו מן בלהות. כי ה׳ פקד עון הרב עליהם וימותו האנשים מוציאי דבת הרב רעה במגפה לפני ה׳.

סוף מהר׳ משה תפש על מהר׳ יוסף קולון על שנשא שמע שוא והרבה לכתוב לו קשות וכתב לו: לא חשחין אנחנא דנא פתגם להתבותך במה שייחסת עלי כי לא היה דברים מעולם. ואחד מן הצחיות ששמעתי מפי זקן אחד שראה התשובות הרב הזה, על שמהר׳ יוסף קולון תפש עליו: איך נתקדשה אשה בתאינה והתירה. ומהר׳ משה קפשאלי כתב לו כן: אלו היה לשון מוציאי דבה חתוכה והיה מקדש בה אינש אתתא, הוי אמינא דמקודשת. דחזי לכלבא ולשונרא שוה פרוטה, ואיך תייחס לי כי נתקדשה אשה בתאינה והתרתיה? ותו לא תהא כזאת בישראל! ולהראות מ׳ משה חכמתו תפש כל שטות חמורות שבתלמוד ופלפל עליהם בחכמתו ושלח בידו. וכל גדולי קוסטאנדינא עזורהו :כתבו נגדיות ודברים קשים כגידין נגד מ׳ יוסף קולון. יש בידינו קצת מהם.

גם האשל הגדול מהרר׳ י ו ד א מ י נ ץ ז״ל עזר מ׳ משה קפשאלי וכתב נגד מ׳ יוסף קולון תוכחת מגולה והתחלת אגרתו הרמתה: „על מי הגדלת פה על מי הרימות לשון על קדוש ישראל“. ושבח את מ׳ משה קפשאלי ביותר כי מכיר היה אותו בהיות מ׳ משה ב ג ל י ל ו ת א ש כ נ ז ב י ש י ב ו ת. גם גדולי אשכנז כעין גדול הדור מר׳ י ע ק ב מ ר ג ל י ת ז״ל ושאר גאונים נתעוררו בדבר וקנאו קנאת ה׳ וקנאת מ׳ משה הנזכר. כי לפי האמת עול וחמס עשה לכתוב נגדו טרם שמע מה בפיו.

ובבואם הכתבים בידי מ׳ יוסף קולון היטב חרה לו עד מות. כי ראה והכיר בתמימת מ׳ משה ובגדולתו ובחסידותו ושלא התנהג עמו כשורה. ינחם מאוד על הדבר. סוף על ידי הפעל (הבליעל?) הנזכר נעשית התורה [illegible] ושניהם המליכם לבבם למרע ועל שלחן אחד כזב ידברו. כי כל אחד תלה בחבירו בוקי סריקי וביזו זה את זה לאין מרפא. מי גרם כל זאת? רק [illegible] שלא המתין מ״ר יוסף קולון לשמוע מה בפי משה והאמין לאותם [illegible] הפך אמרו יתעלה: שמוע בין אחיכם.

סוף מהמעשה הנזכר הוכיח לי מרי מ׳ מנחם שאין ראוי להתמצע [illegible] דין אפילו יהיו שם כמה עדים עד שישמע המורה מפי שני הצדדים. ומעיד אני עלי שמים וארץ כי שמעתי למר׳ האלוף מ׳ י צ ח ק ל ו י א י נ נ [illegible] אשכנזי ז״ל שגם מעלתו למד עם מ׳ יוסף קולון והיה אומר כהנה וכהנה [illegible] מאוד מ׳ יוסף קולון במה שעשה והיה מחרף ומגדף את מי שהיה [illegible] ויסיתוהו. לא עברו ימים מועטים עד שחלה את חליו אשר מת [illegible]

1) Корфу въ Греціи.

קולון ובחסידותו קרא לבנו הגדול מ׳ פ ר ץ ז״ל והשביעו לילך בקוסטדינא לפיים את הרב הנזכר. וכן עשה.

ובא מ׳ פרץ הנזכר לפני מ׳ משה ופייסו וגם הרב בחסידותו קבלו בסבר פנים יפות ועזרו נגד האלוף מ׳ א ל י ה מ ז ר ח י ז״ל כי באו שניהם במחלוקת במשפט מלחמות ה׳, ולא היה כח ביד מ׳ פרץ הנזכר לעמוד בפני מ׳ אליה הנזכר. והרב היה עוזרו ותומכו ואומר למ׳ אליה: ראוי לכבדו לפחות מפני כבוד אביו.

גם מרי בישראל גדול שמו מ׳ י ש ר א ל א ש כ נ ז י ז״ל כתב לי מירושלם תוב״ב על מעשה שהיה, כשהסמיך מ׳ י ו ד א מ י נ ץ ז״ל את מ׳ א ל י ה מ ז ר ח י כתב לו במעשה שאירע: אל תמהר לקפוץ ולכתוב חוץ לעירך וכו׳ והביא לו ראיה ממעשה מ׳ יוסף קולון ומ״ משה קפשאלי.

Прежде, чѣмъ основываясь на этомъ посланіи, приступить къ исправленію многихъ ошибочныхъ взглядовъ, курсирующихъ еще и въ настоящее время, касательно спора между Моисеемъ Капсали и Іосифомъ Колономъ, я хочу установить подлинность и дату этого посланія, а также охарактеризовать лицъ, упомянутыхъ въ немъ. Содержащіеся въ немъ факты достовѣрны, ибо о нихъ сообщаютъ современники. Правда, споръ между *Веніаминомъ Зевомъ б.-Матаѳія* и *Давидомъ Виталомъ* Когеномъ изъ Корфу (רד״ך), возгорѣвшійся изъ-за вторичнаго брака женщины, мужъ коей былъ объявленъ умершимъ, имѣлъ мѣсто лишь въ 1520—1525 году (Respp. Benjamin Seeb, № 1—17, 246—249), вслѣдствіе чего Илія Капсали и былъ запрошенъ о его мнѣніи по этому вопросу; но все-таки лицо, сообщившее автору посланія главные факты, является современникомъ Іосифа Колона и Моисея Капсали. *Менахемъ дель-Медиго*, родомъ изъ знаменитой фамиліи, переселившейся изъ Германіи въ Кандію, былъ, какъ упоминается въ этомъ письмѣ, ученикомъ Іосифа Колона. Послѣ разграбленія Падуи во время войны между императоромъ Максимиліаномъ и венеціанской республикой въ 1509 году (см. выше стр. 343), Менахемъ дель-Медиго получилъ отъ общины Кандіи приглашеніе занять постъ равина (Моисей Мецъ въ „Elim“ Іосифа дель-Медиго, стр. 29): הגאון הגדול הפילוסוף האלהי הרופא המומחה כמהרר׳ מנחם זצ״ל והוא הנקרא מקהלות קנדיאה לשוב להרביץ להם תורה אחרי שנשבה בפדובה בשעת המלחמות הויניציאני עם הקיסר ומלכים ולקחו כל ממונו ככתוב בספר דברי הימים להרב האלוף מ׳ אליהו קפשלי מקנדיאה. וזה הרב היה ראש ישיבה ליהודים בגמרא ולנוצרים בחקירה הפילוסופית בפדובה בזמן הגאון כמ׳ יהודה מינץ והיה עשיר מופלג והוא הנקרא שמואל מנחם שהניחו אביו בבטן אמו במותו Учителя Иліи Капсали, *Исаакъ Леви* изъ *Ингелгейма* и *Израиль Ашкенази*, на которыхъ онъ ссылается, были также современниками описаннаго происшествія и прекрасно освѣдомлены во всѣхъ его подробностяхъ. На основаніи этого посланія, можно довольно точно установить время, когда возгорѣлся споръ между Моисеемъ Капсали и Іосифомъ Колономъ. Произошло это послѣ того, какъ вспыхнула война между Турціей и Египтомъ, т. е. *послѣ* 1487 года, ибо изъ-за войны Моисей Капсали и не хотѣлъ поддерживать Моисея Двадцать-Четыре въ его сборѣ денегъ въ пользу Іерусалима, такъ какъ не желалъ вывозить денегъ въ непріятельскую страну. Съ другой стороны, упомянутый споръ возникъ до 1492 года, ибо въ этомъ году, какъ явствуетъ изъ респ. Іегуды Менца № 13, Якова Марголита (или Марголеса), ставшаго на сторону Моисея Капсали, уже не было болѣе въ живыхъ. Поэтому дата колеблется въ предѣлахъ между 1487 и 1492 годами. Какъ видно изъ этого посланія, Іосифъ Колонъ умеръ вскорѣ послѣ

этого. Моисей Капсали, напротивъ, жилъ еще долго послѣ 1492 г. и былъ ангеломъ-хранителемъ изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ, прибывшихъ въ Турцію (Илія Капсали въ хроникѣ, у Латеса, стр. 12 и д): בימים ההם הגדיל לעשות בקוסטנדינא האלוף מ׳ משה קפשלי ז״ל אשר היה הולך סביב הקהלות והיה כופה אותם לתת איש ואיש חוקו הראוי לוי והיה כופה על הצדקה דבידו הורמנא דמלכא לענוש נכסין ולאסורין. גם האיש משה גדול מאוד וכל אשר יצום יעשו לא יגרעו דבר, והיה מעשה הצדקה שלום.

Если бы разбираемое посланіе нуждалось въ доказательствахъ его достовѣрности, его подлинность явствовала бы уже изъ одного того обстоятельства, что большинство упомянутыхъ въ немъ личностей извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ.

1) Корреспондентъ Иліи Капсали, Іосифъ б.-Соломонъ *Тайтасакъ* (ороографія этого испанскаго имени взята у Эмануила Авоава) изъ Константинополя. Въ это время было два современника съ тѣмъ же именемъ и отчествомъ, одинъ въ Константинополѣ, а другой въ Салоникахъ. Оба упомянуты Соломономъ Атіасомъ въ его предисловіи коментарія къ Псалмамъ (Венеція 1549). О первомъ онъ говоритъ: ובארץ קוסטנטי מ׳ יוסף הוא המשביר לכל העם а о второмъ: בשלוניקי ר׳ יוסף מאיטצקי ובקי בכל חכמה החכם השלם שלמה מאיטצק ובנו הרב פלפלא חריפתא ובור סיד שאינו מאבד טפה החכם ר׳ יוסף מאיטצק . . . . . . Послѣдній упоминается въ современныхъ респ., поддерживалъ сношенія съ экзальтированнымъ Соломономъ Молхо и высказался также въ пользу мнѣнія Веніамина Зеева, противъ злобныхъ и мелочныхъ придирокъ Давида Корфу (Resp. Benjamin Seeb № 7—9). Тайтасакъ изъ Константинополя, напротивъ, былъ, какъ говорятъ, привлеченъ на сторону Давида и противъ Веніамина Зеева.

2) О Менахемѣ дель-Медиго мы упомянули уже выше.

3) Илія Мизрахи весьма извѣстенъ.

4) О Іегудѣ Менцѣ см. выше стр. 343.

5) Яковъ Марголесъ, который, какъ выше упомянуто, умеръ еще до 1492 г., приводится въ одномъ нѣмецкомъ документѣ времени императора Фридриха. Въ ноябрѣ 1487 года императоръ Фридрихъ даровалъ нѣкоторымъ евреямъ Ульма привилегіи и, между прочимъ, постановилъ, что они могутъ быть привлечены къ суду только Яковомъ Марголесомъ, верховнымъ магистромъ Нюрнберга и такимъ же Нердлингена (Wiener Regesten I, № 126). Мнѣ неизвѣстно, на основаніи какого источника Цунцъ превратилъ Якова Марголеса въ равина *Вормса* (Zur Literatur стр. 198). Винеръ сообщаетъ (Frankel, Monatsschrift 1868, стр. 345 и д.), что въ то время было два авторитетныхъ равина того же имени, одинъ жилъ въ Нюрнбергѣ, а другой въ Регенсбургѣ. Но это совершенно невозможно, ибо современники, которые, цитируя автора, упоминали הרב הגדול מהריר יעקב מרגליות, несомнѣнно, указали бы, кого они имѣютъ въ виду, нюренбергскаго ли или регенсбургскаго равина. Яковъ Марголесъ, котораго Илія Капсали называетъ גדול הדור, а Іосифъ Колонъ, Моисей Менцъ и Іегуда Менцъ упоминаютъ въ качествѣ авторитета, и который умеръ до 1492 года, этотъ Яковъ Марголесъ жилъ, несомнѣнно, въ Нюрнбергѣ. Авторитетъ, коимъ онъ пользовался у современныхъ равиновъ, покоился, вѣроятно, на томъ, что онъ [illegible] собраніе постановленій о расторженіи брака. Онъ, несомнѣнно, [illegible] авторомъ סדר גיטין וחליצה, собраннаго и распространеннаго его [illegible] (Codex Bodl. № 2010, нап. въ 1452 г.): . . . לבן נגערתי חצני ללקט אורות.

ליקוטי בתר לקוטי ארוני אבי הגאון מהר׳ יעקב מרגלית כמו שהעתיק הוא בכתב ידו (другой кодексъ, нап. въ 1539 г., № 802). Его סדר חליצה изданъ въ видѣ приложенія къ Tur III. לקוטים къ толкованію Библіи (Cod. Bodl. № 2287, 11) тоже, вѣроятно, принадлежатъ ему. Въ Регенсбургѣ жилъ, правда, талмудистъ Яковъ Марголесъ, который, однако, извѣстенъ лишь тѣмъ, что его сынъ крестился, получилъ имя *Антонія Маргалиты* и въ сочиненіи, озаглавленномъ „Сущность еврейскаго вѣроученія“, поносилъ равинскій іудаизмъ (въ этомъ сочиненіи онъ упоминаетъ о своемъ отцѣ, равинѣ Регенсбурга). Кромѣ того, о регенсбургскомъ Яковѣ Марголесѣ извѣстно еще, что Рейхлинъ обратился къ нему съ просьбой доставить ему кабалистическія сочиненія, причемъ равинъ отвѣтилъ ему посланіемъ. Я долженъ во всякомъ случаѣ исправить сообщеніе, приведенное мною въ предыдущихъ изданіяхъ, будто Рейхлинъ состоялъ въ перепискѣ съ Яковомъ Марголесомъ въ Нюрнбергѣ, ибо онъ называетъ его primus Judaeorum Ratisbonensis. Этотъ регенсбуржецъ жилъ еще между 1499 и 1512 годами, какъ это доказалъ Винеръ въ указ. мѣстѣ. Но признаннымъ авторитетомъ былъ только Марголесъ въ Нюрнбергѣ, который умеръ до 1492 года.

Сообщеніе посланія, что авторитеты высказались въ пользу Моисея Капсали и противъ Іосифа Колона, подтверждается отчасти генеалогическими указаніями, сдѣланными Моисеемъ Мецомъ относительно фамиліи Дельъ-Медиго. Тамъ тоже указывается, что три извѣстныхъ брата Делъ-Медиго: *Элкана, Моисей* и *Илія* выступили въ пользу Капсали (Elim 29a къ продолженію упомянутой выше линіи): ר׳ אלקנה (אביו של שמואל מנחם ואבי זקנו של ר׳ מנחם דלמדיגו) שהיה מרביץ תורה בקנדיאה עם אחיו ר׳ משה שהיה נגיד בירושלם אחרי כן ועם אחיו מה׳ אליא והמה יצאו בלהט החרב נגד מהר׳ יוסף קולון לעזרת מהר״ר משה קפשאלי זכרונו לברכה. Однако Менахемъ делъ-Медиго ничего не говоритъ о томъ, что его дѣдушка вмѣстѣ со своимъ братомъ стали на сторону Капсали. Конфорте тоже передаетъ что его знакомый видѣлъ рѣзкія полемическія писанія Капсали и Колона, которыя, однако, не напечатаны изъ уваженія къ обоимъ. (Kore ha-Dorot, стр. 29).

Теперь мы перейдемъ къ исправленію ошибокъ, допущенныхъ въ изложеніи о спорѣ между Моисеемъ Капсали и Іосифомъ Колономъ. Іосифъ Колонъ обратился съ отлучительнымъ посланіемъ противъ М. Капсали къ четыремъ виднымъ мужамъ въ Константинополѣ, увѣщевая ихъ отказать ему въ послушаніи, лишить его равинскаго сана и вообще обходиться съ нимъ, какъ съ недостойнымъ человѣкомъ (Respp. J. Kolon № 83). Имена этихъ четырехъ мужей гласятъ: אליהו פרנם והישיש ר׳ אהרון בר אביי וה׳ יצחק בן שמואל אלתירנו והר׳ אשר בן . . . יצחק הכהן אשכנזי (מקולניא). Они-то и доставили Іосифу Колону свѣдѣнія о якобы позорныхъ поступкахъ Капсали. Несомнѣнно, это были тѣ же лица, которыхъ Илія Капсали назвалъ въ своемъ посланіи интригантами ארבעה חרשי משחית. Если это такъ, если, какъ не двусмысленно явствуетъ изъ посланія, упомянутыя лица были лжецами и клеветниками, которые задумали своими интригами погубить репутацію Капсали и уничтожить его, то первый изъ нихъ אליהו הפרנם не можетъ быть идентиченъ съ Иліей Мизрахи, какъ это приведено въ библіографіи помѣщенной въ Koré ha-Dorot Конфорте. Не говоря уже о томъ, что Илія

Мизрахи былъ слишкомъ почтенной личностью, чтобы унизиться до участія въ позорной интригѣ, Илія Капсали тоже ни единымъ звукомъ не упоминаетъ о немъ, какъ объ одномъ изъ клеветниковъ. Кромѣ того, тамъ говорится, что всѣ четыре интриганта погибли отъ чумы (около 1490 г.), между тѣмъ, какъ Илія Мизрахи жилъ еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Далѣе, въ концѣ посланія говорится, что Іегуда Менцъ, ссылаясь на печальный конфликтъ между Капсали и Колономъ, предостерегалъ Илію Мизрахи отъ легкомысленныхъ и поверхностныхъ мнѣній. Слѣдовательно, *Илію Парнеса* не слѣдуетъ отожествлять съ *Иліей Мизрахи*.

Эта неправильность основана, впрочемъ, на поверхностной комбинаціи; напротивъ, одно искаженіе истины совершено еще во время Капсали или нѣсколько позже. Въ этомъ посланіи приводится слѣдующій отзывъ Моисея Капсали о четырехъ клеветникахъ: если вырѣзать имъ языки, то послѣдніе представляли бы еще цѣнность для собакъ и кошекъ: אלו היה לשון מוציאי דבה חתוכה והוי מקדש בה אינש אתתא הוי אמינא דמקודשת דחזי לכלבא ולשונרא ושוה פרוטה׳ Это выраженіе было искажено и передавалось такъ, какъ будто оно относилось не къ четыремъ клеветникамъ, а къ *самому Іосифу Колону* (анонимный авторъ въ מאורעות עולם стр. 40b): שאם יאמרו לי שאדם קדש אשה בלשונו של קולון אני אומר שקדושיו קדושין משום דחזיא לכלבי ושונרי. Это примѣръ того, какія измѣненія претерпѣваютъ съ теченіемъ времени историческіе разсказы.

Остается еще исправить и третью неточность. Въ посланіи Иліи Капсали сказано, что Колонъ, находясь на смертномъ одрѣ, послалъ своего сына, Переца, въ Константинополь къ Капсали, чтобы выразить послѣднему чувство своего искренняго раскаянія въ нанесенныхъ оскорбленіяхъ. Далѣе разсказывается, что Капсали принялъ Переца весьма радушно и защищалъ его отъ нападокъ Иліи Мизрахи. Въ уже прежде упомянутомъ сочиненіи историческаго содержанія, מאורעות עולם, этотъ разсказъ искаженъ. Тамъ упоминается: Капсали побудилъ турецкаго султана обратиться къ германскому императору съ просьбой въ кандалахъ отправить въ Константинополь безстыднаго Колона; германскій императоръ, опасаясь угрозъ султана, хотѣлъ уже было исполнить его просьбу, но еврейскія общины, щадя престарѣлаго Колона, добились того, что въ Константинополь былъ посланъ сынъ его; этотъ былъ принятъ Капсали весьма радушно, но ему пришлось выслушать горькіе упреки по адресу его отца. Этотъ разсказъ о вмѣшательствѣ султана и германскаго императора въ споръ между равинами, несомнѣнно, вымышленъ; тѣмъ болѣе, что въ основной части сочиненія это сообщеніе совсѣмъ не упоминается. Отсюда можно заключить, какое важное значеніе имѣло это событіе для того времени, если вокругъ него создались цѣлыя легенды. Несомнѣнно одно, что обвиненія, направленныя противъ Капсали, въ томъ, что онъ, изъ невѣжества, легкомыслія или чванливости, выносилъ неправильныя равинскія рѣшенія, являются чистой клеветой, придуманной его противниками для его сверженія.

Кстати, отмѣчу, что Конфорте ошибался, сообщая, будто Моисей Капсали находился въ перепискѣ съ Веніаминомъ Зевомъ (Kore ha-Dorot стр. 29), ибо въ Respp. Веніамина Зева № 75 рѣчь идетъ о другомъ Капсали בן אליה, современникѣ равина Арты. Правда, въ тѣхъ же Respp. приводится имя и нашего Моисея Капсали, но о немъ говорится только между прочимъ и какъ

объ умершемъ (№ 248): וזה האיש (איש רע פלוני אלמוני) מזכיר בכל עת הרב המורה לצדקה מהרר׳ משה קפשלי זכרו לברכה והטיח דברים כנגדו וכנגד חכמי שלוניקי. Ср. о семействѣ Капсали Латесъ въ указ. сочин., стр. 6 и дальше.

8.

Значеніе кабалистическихъ писаній: Каны и Пеліи.

Съ тѣхъ поръ, какъ средоточіемъ кабалы сдѣлалась книга Зогаръ, и до выступленія Исаака Лурьи, кабалистическое ученіе не сдѣлало видныхъ успѣховъ. Оно все еще вращалось въ узкомъ кругу туманныхъ представленій, толкованій и фразъ. Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются два кабалистическихъ писанія, содержаніе коихъ мало извѣстно: книга Кана (ספר הקנה нѣсколько разъ изданная) о религіозныхъ предписаніяхъ (ע״ל המצות) и книга Пелія (פליאה, однажды изданная въ Korez 1784, рукописи встрѣчаются чаще, чѣмъ печатные экземпляры) объ отдѣлѣ Библіи בראשית. Оба отличаются своеобразнымъ характеромъ и производятъ впечатлѣніе, будто ихъ кабалистическая теорія была направлена противъ талмудизма. Но прежде, чѣмъ подробнѣй разсмотрѣть ихъ содержаніе, мы хотимъ исчерпать вопросы, связанные съ установленіемъ идентичности обоихъ сочиненій, времени ихъ составленія, ихъ автора и страны, въ коей они были изданы.

Изъ каждой строки обоихъ кабалистическихъ сочиненій (которыя многіе библіографы ошибочно сочли за вполнѣ идентичныя) явствуетъ, что они вылиты точно изъ одного куска и являются дѣтищами одного и того же автора. Оба начинаются тѣми же словами: Пелія: אמר אלקנה בן אביגדור ממשפחת רם и Кана: אמר קנה אבן גדור בנו נחום ממשפחת רם. . הוא ממשפחה ר׳ נחוניה בן הקנה. Что касается времени ихъ составленія, то въ Кана сообщается, что изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: отца, сына и внука первому приснился сонъ въ 4000 г. отъ сотворенія міра, т. е. въ 240 г. христіанской эры. Но уже кабалистъ Азулаи подвергнулъ сомнѣнію правильность этой даты, такъ какъ въ сочиненіи упоминаются талмудисты, жившіе много позже 240 года (שם הגדולים II, конецъ буквы о и s. v. קנה). Свое недавнее происхожденіе книга Pelia выдаетъ своимъ упоминаніемъ о Гаонахъ (въ обширномъ изслѣдованіи о шести отдѣлахъ Мишны): מפי גאון מהגאונים הגדולים. Іелинекъ доказалъ, что та же книга содержитъ плагіаты изъ сочиненій не только Іоны Герунди, но и Авраама Абулафіи, Моисея де Леонъ, Іосифа Гикатиллы, Реканати и изъ Тура Якова Ашери, словомъ изъ сочиненій 13 и 14 вѣковъ (Bet-ha-Midrasch III, введеніе XXXVIII и д.). Авторъ знаетъ и Bahir подъ именемъ מדרש ר׳ נחוניה בן הקנה (къ стр. 47): עוד בנו שר׳ נחוניה בן הקנה אמר מפני מה ל״ב חוטין ותכלת בציצית ? משל למלך וכו׳, а также и другія мѣста въ К. и Р. А эта компиляція изъ соч. кабалистовъ Эзры и Азріеля появилась на свѣтъ несомнѣнно въ первыя четыре десятилѣтія XIII вѣка (Monatsschrift, Jahrg. 1887, стр. 299). Такъ какъ въ обоихъ сочиненіяхъ 1490 годъ приводится, на основаніи кабалистическихъ вычисленій, какъ годъ пришествія Мессіи (Р., стр. 39 ms. folio, библіотека моего покойнаго друга, ученаго Рафаила Кирхгейма), то библіографы, Вольфъ и другіе, вполнѣ основательно предполагаютъ, что оба произведенія составлены не задолго до этого, т. е. относятся къ XV вѣку. Ибо оба эти сочиненія часто цитируются лишь

равинскими авторитетами *XVI* вѣка; напротивъ, ученые предыдущаго вѣка, поскольку намъ извѣстны ихъ труды, не знаютъ упомянутыхъ сочиненій, т. е. не ссылаются на нихъ. Подъ вліяніемъ кабалы или *Зогара* нѣкоторые ультра-религіозные евреи задумали ввести обычай повторять въ концѣ молитвы Schema послѣднія три слова для того, чтобы получилось мистическое число 248 словъ. Дѣло въ томъ, что въ Зогарѣ сказано: слѣдуетъ повторять три слова ה׳ אלהיכם אמת; согласно другому варіанту, повторять нужно было слова אני ה׳ אלהיכם Но этому предписанію противорѣчилъ Талмудъ, который прямо таки запрещаетъ повтореніе слова אמת. И вотъ оба кабалистическихъ сочиненія Кана и Пеліа рекомендуютъ повтореніе словъ אני ה׳ אלהיכם. Изъ числа многочисленныхъ равинскихъ авторитетовъ XV и XVI вѣковъ никто не ссылается на эти сочиненія, напр. *Симонъ Дуранъ II* (Respp. יכין ובעז II № 2; род. въ 1437 г., ум. послѣ 1509 года). Онъ ссылается на своего дѣдушку, *Симона Дурана I*, своего отца, *Соломона Дурана I*, своего брата, *Цемаха Дурана;* всѣ перечисленныя лица ничего не знали о книгахъ Кана и Пеліа. *Моисей Алашкаръ* (умеръ послѣ 1531 года), который тоже высказался по поводу позволительности повторенія словъ молитвы, причемъ цитировалъ Зогаръ (Респ. № 66), тоже не знаетъ о существованіи этихъ кабалистическихъ книгъ. Тоже самое относится и къ *Леви бенъ-Хавивъ*, тоже занимавшемуся этимъ вопросомъ (Респ. № 73), и даже къ одному изъ первыхъ авторитетовъ изъ числа польскихъ равиновъ XVI вѣка, Соломону Лурьѣ (Респ. № 64.). Первыми ссылаются на книгу Кана Илія Мизрахи (ум. между 1525 и 1527 годами, въ своихъ Респ. № 1) и Давидъ ибнъ-ави Зимра (רדב״ז ум. послѣ или около 1570 г., Respp. ed. Liworno № 55); причемъ послѣдній отвергаетъ ея авторитетность: ואף על פי שנמצא בספר הקנה על המצות שחוזר אני ה׳ אלהיכם, על המדרש ראוי לסמוך שאמרו משם התנאים. Послѣ нихъ о книгѣ Кана свидѣтельствуетъ кабалистъ Іосифъ Каро въ בית יוסף къ Orach Chajim № 61. Это является достаточнымъ доказательствомъ того, что авторъ обѣихъ кабалистическихъ книгъ не могъ быть старымъ авторитетомъ.

Нѣкоторые ученые называютъ автора Авигедоромъ, а позже это имя превратилось даже въ Авигедора Кару; ср. Азулаи. въ указ. мѣстѣ, статья פליאה. Но они слишкомъ поверхностно отнеслись къ этому вопросу и потому были введены въ заблужденіе. Имя אבי גדור или אבן גדור алегорическое и означаетъ человѣка, который устраняетъ трещины, т. е. критическія возраженія противъ установленій іудаизма, въ смыслѣ בעל הגדר. Такъ, въ Кана ed. Porizk p. 6 b, 16 b (*bis*) сказано: ואלה דברי אבן גדור בעל הגדר בתורת אל стр. 11 внизу: ואלה דברי אבן גדור אשר גדר בתורה. Авторъ неизвѣстенъ, какъ неизвѣстны авторы многихъ псевдо-эпиграфическихъ сочиненій. Что касается страны, то я не могу согласиться съ Іелинекомъ, будто авторъ жилъ въ Италіи и Греціи, ибо нахожу мотивъ, приведенный Іелинекомъ: „только въ этихъ странахъ могъ появиться такой фанатическій приверженецъ Абулафіи", слишкомъ слабымъ. Развѣ авторъ непремѣнно долженъ быть приверженцемъ Абулафіи, если онъ, по крайней мѣрѣ, 150 лѣтъ спустя читалъ его сочиненія и воспринялъ многія его идеи? Нѣтъ, въ этихъ странахъ не могъ появиться такой авторъ, ибо тамошніе евреи не продѣлали всѣхъ тѣхъ фазъ развитія, которыя необходимы были для того, чтобы дойти до столь смѣлой антиталмудической критики. Только Испанія, гдѣ одновременно процвѣтали кабала и скептицизмъ, могла породить нѣчто подобное. Только тутъ, гдѣ, въ

столкновеніи умовъ, вѣроисповѣдныхъ ученій и взглядовъ, вещи назывались своими именами и срывались маски, только тутъ могла появиться столь безпощадная критика.

Многія черты въ этихъ кабалистическихъ книгахъ тоже указываетъ на Испанію. Уже названіе אבן גדור, постоянно встрѣчающееся въ книгѣ Кана, и соотвѣтствующее אבי גדור въ Pelia указываетъ на то, что авторъ былъ испанцемъ, такъ какъ въ Испаніи употреблялись promiscue слова אבן Aven и אבי Avi, въ подражаніе арабамъ. Книга Кана *предпосылаетъ* тотъ фактъ, что многіе евреи, принявъ христіанство, достигли почета и власти и взяли себѣ христіанскихъ женъ: והיו משתמדים לקנות להם מלכות וממשלה והיו נושאין להם נשים נכריות· а это можетъ относиться только къ Испаніи. Pelia обвиняетъ современниковъ въ томъ, что они пьютъ вино, приготовленное магометанами, и думаютъ, что это не запрещено Талмудомъ (278 л. кодексъ Кирхгеймъ): ואנה מצאו היתר בדבר לומר שיין ישמעאל אינו מתנסך Сношенія евреевъ съ магометанами въ Европѣ имѣли мѣсто только въ Испаніи правда, еще и въ Берберіи и на Востокѣ, но объ этихъ странахъ нельзя и думать. Авторъ обвиняетъ своихъ современниковъ въ легкомысленномъ отношеніи къ предписаніямъ іудаизма (Кана, стр. 113): וי לכם עמי הארץ בלענים בני בלענים. . . יושבים חבורות חבורות לאכל ואוכלים ושותים עד אשר יצא מאפם ומהשם אינם יראים. ואם יביאו להם בשר נבלה ויין נסך גמור לא ישיבו ידם מהם. והשטן מרקד ביניהם ושמח עמהם. Онъ упрекаетъ многихъ равиновъ даже въ томъ, что они издѣваются надъ талмудическими изреченіями, многое выдаютъ за пустыя бредни и недостаточно добросовѣстны по отношенію къ ритуалу (Pelia, л. 229, 230 по поводу спора въ Талмудѣ между раби Эліезеромъ и мудрецами касательно эхо: ואלו הדברים והאגדות דוחים הרבנים הגדולים בעלי הזקן חסרי הדעת ואומרים אין בכל אלה דבר ומקילים במצות ועוברים באזהרות ואינם נזהרים מחוט ועד שער להחמיר ולגדור גדר. אומרים שהכל היה חלום אצלם ואין לך חלום בלא דברים בטלים Все это мыслимо только въ Испаніи, гдѣ короли или гранды назначали равинами и даже верховными (Rabi-mor) капиталистовъ и откупщиковъ и гдѣ наивная вѣра была расшатана и поколеблена, а ни въ какой иной европейской странѣ или, еще менѣе, на Востокѣ. Автору извѣстны употребительныя философскія формулы (Pelia, л. 80 к): תורה היא וללמוד אני צריך: . . דע לך רבי שהעולם לא ימלט משני דרכים. או יש חומר קדמון . . . . או לא היה שם אלא עלת העלות . . . ואם תאמר שלא היה שם (חומר) אלא הקב"ה ברא את כל העולם אם כן על על כרחך הוא לומר שנתגשם עצמותו. Кана передаетъ, какъ фактъ, что еретики, философы и даже необразованные люди издѣвались надъ талмудическими изреченіями и находили весь іудаизмъ смѣшнымъ (стр. 124): ותו לך קרא בכל המדינות אם ראו או שמעו או שאל לדור ראשון שאל אביך ויגדך . . . אם אמרו והגידו שנפל אדם מהגג ונתקע המעור בבתולה (delend. במטה אחת) הלא איש ואשה צריכים להיות ישנים במטה אחת ובאלף תחבולות מתחברים. ומה אשה היא זאת שישנה ערומה ומראית ערותה לשאינו בעלה. וכן עתה בזו הבריתא נושאים ונותנים שלא כמשפט . . . . אלו וכיוצא באלו שומעין המינים שאנו מוטבעין בתוכם ומטיילים בנו ואומרים התורה מלאה שחקות נשארת להם לישראל. ואפילו עמי הארצות שבנו מלעיגים בתורתנו ואין צריך לומר הכופרים בדברי תורה שהם מועילים וגדולים ממלאכי השרת (?). Полемика, направленная противъ еретиковъ, полагавшихъ, что обряды установлены только для Палестины и, слѣдовательно, не имѣютъ никакой силы внѣ ея, т. е. въ діаспорѣ (Кана, стр. 15)

смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если авторъ книги Кана жилъ въ Испаніи. Ибо только въ этой странѣ и относящейся къ ней сѣверной Африкѣ какъ разъ въ пятнадцатомъ столѣтіи и были представители приведеннаго еретическаго взгляда. Ср. Respp. יכין ובעז III. № 134, стр. 50 *Цемаха Дурана:* לא כאשר יטעו הטועים המשוגעים באמונתם הדוברים על ה' סרה באמרם שאין כל המצות נוהגות אלא בארץ אבל בחוצה לארץ אינה נוהגת שום מצוה כלל. חס וחלילה ורחמנא ליצלן מדעת השוטים הללו Точно также звучитъ и проклятіе въ Кана: ומי הוא זה ואיזה הוא האומר המצות הם לישראל בחוץ לארץ אלא כדי שלא יהיו כחדשות באמת נוח לו שלא נברא בעולם וכו'. На Испанію же указываютъ и нападки на еврейскихъ врачей, пребывающихъ въ довольствѣ (стр. 10 а): ולא תשמע לבעלי הגאוה הם הרופאים המדקדקים לאכל מעדנים פן יוזק בה. Яркій анекдотъ о лицемѣрномъ ученомъ и уважаемомъ равинѣ, который держалъ въ своемъ домѣ наложницъ и придерживался безнравственнаго и отвратительнаго эпикуреизма, тоже могъ имѣть мѣсто или быть придуманъ только въ Испаніи (Кана, стр. 26 а): פעם אחת נתועדתי עם זקן אחד . . . ואמרו לי הוא אדוננו הגדול מורנו ורבינו הנעלה . . . . המדריכנו בדרכי היושר . . . . אז לקחני בידו והוליכני לבית וראיתי נשים ופלגשים גויות ושפחות בביתו חביות מלאים יין . . . ולא ירא אלהים . . . . והתחיל יאמר לי . . . . הקב"ה ברא את האדם ועשה לו עינים לראות כל טוב וליהנות ממנו והנה ידיו ורגליו ופיו לעשות רצון עיניו. עשה לו אבר להשביעו מכל ביאה. ועתה בני שמע לעצתי נאכל ונשתה יין ואח"כ נשביע כל אברינו פן ילכו רעבים בקבר כי לא לבטלה בראנו הש"י. וכשמעי דבריו המכוערים שאלתי מהקב"ה ונפל הבית עליהם והמיתם ואת העיר החזרתי בתשובה. Такимъ образомъ все говоритъ за то, что книги Кana и Pelia появились въ Испаніи.

Перейдемъ теперь къ содержанію этихъ обѣихъ книгъ и къ ихъ характеристикѣ. Выше уже упомянуто, что онѣ содержатъ безпощадную критику ритуаловъ іудаизма, талмудическихъ интерпретацій и вообще Талмуда. Они называютъ это הריסה, разрушеніемъ. Въ самомъ началѣ книги Кана выясняется эта точка зрѣнія: ובעבור שאין אדם בונה בית אם לא יסתור המקום ואם הוא כותל רעוע מהרסו לגמרי כדי לחזקו מחדש. והורתנו היא נהרסת הריסות אחר הריסות מחסרון ידיעתנו וכל הספרים שעשינו כלם הורסים ובונים בנין חזק. Ибнъ-Гедоръ говоритъ своему сыну, Канѣ, который все время выдвигаетъ аргументы противъ истинности и законности ритуаловъ (тамъ же, 15): ועתה בני אשר אתה מתפאר תמיד והורם הריסות אלמדך. Роли распредѣлены между отцомъ и сыномъ такъ, что послѣдній возражаетъ, ставитъ рѣзко вопросы и въ извѣстномъ смыслѣ доводитъ все ad absurdum, а первый, какъ указываетъ уже его имя „задѣлывателя трещинъ", опровергаетъ аргументы сына съ помощью кабалистики (тамъ же, стр. 22 b): ועתה שאלה אחת שאילנא מכם או אבי ואתם שניכם כאחת תהרסו ואני אבנהו, או אני אהרום ואתם תבנו. Въ началѣ (стр. 2) указывается, что задача, которую они себѣ ставятъ, заключается въ томъ, чтобы дискутировать обо всемъ и безпощадно все разрушать съ цѣлью дойти до (кабалистическихъ) корней: וכאשר תכתבו כונת כל בעלי התלמוד תמצאו כל דבריהם משל ומליצה ודברים בהמיים משולים בדברים רוחניים כענין משמורה ראשונה חמור נוער. ותשאו ותתנו בפשט היוצא מפיהם להרסו הריסה מבלי תקומה עד בא ריאה אני שיש לי סיוע ועזר סוד ועקר דבריהם. Также въ Пеліи (стр. 339): מר יהודה (בן בתירה) שסובר בשר בהמה גזירה שלא אסרה תורה אלא בחלב אמו. ואנן נגזור עוף? והנה אני ור' יהודה שני עדים שבשר בחלב מותר מן התורה וזהו הריסת התורה. והנה קם אותו האיש והרס. נקום גם אנו ונהרוס.

Какого рода была эта критика, показываетъ уже приведенный взглядъ, согласно коему, вопреки талмудическому толкованію, Библія не запрещаетъ смѣшенія мяса съ молокомъ. Особенно сильныя выраженія авторъ употребляетъ, возражая противъ непослѣдовательности талмудическаго толкованія, по которому женщины освобождаются отъ исполненія однихъ предписаній и, наоборотъ, должны исполнять иныя. Онъ посвящаетъ этой темѣ цѣлыя страницы въ Pelia и Kana. Въ первой, л. 208: ועוד רבנא עלמא! עשו חכמים כלל ואמרו כל מצות עשה שלא הזמן גרמא נשים חייבות וכל שהזמן גרמא נשים פטורות וכללם הפך מה שכתבת בתורתך שתלמוד תורה מצות עשה שלא הזמן גרמא ופטרת אותה .... וחייבת אותה במצות הקהל и дальше л. 209: שומו שמים על זאת ומתנמנם היה (האמורא) ולמה לא אמר לו לא ילפינן תפילין מתלמוד תורה דהאי מצות עשה שהזמן גרמא והאי מצות עשה שלא הזמן גרמא. כי האיך יוכל לישא דין ממה שאינו דומה לו.

Весьма рѣзко высказывается онъ на ту же тему въ Kana, стр. 22 b.: שאלו להקב״ה למה ברא האשה העניה הזאת שאין לה לא שכר ולא עונש אחר שפטורה ממקצת מצות כגון שהזמן גרמא ובאלו המצות שהן פטורות אין שכר בעשיתן ולא עונש בבטולן. והקב״ה חייבה בתלמוד תורה השקול כנגד כל המצות וחכמינו ז״ל פטרוה בעבור שמצאו מלה בניכם בתלמוד תורה וכו׳. Далѣе доводится до абсурда произвольность талмудическаго интерпретированія, причемъ конецъ гласитъ (col. d.): והקשה שבכלן לא די לה לעניה שהשפילוה עד לארץ אחר שפטרוה ממצות המלך אלא שהקשוה לעבד שאמרו כל מצוה שהאשה חייבת עבד נמי חייב. Такъ и кажется, будто предъ вами реформаторъ-равинъ, ратующій за эмансипацію женщинъ. Кана часто возвращается къ этой темѣ, стр. 49. b. и дальше и 66 b., 71 b. Авторъ не останавливается и предъ обвиненіемъ талмудистовъ въ искаженіи библейскаго текста (Pelia, л. 202 a b): כמה קשים דברים הללו שיצאו מפי התנאים האלו. רבוני רבוני עלמא! היש משפט מעות כזה? שאתה התרת להם הקדשים . . . ולא חלקת בין פרוש לעם הארץ וחכמים עותי משפטיך לומר שחולין טהורין אסורין לעם הארץ. שמעו גדולים וקטנים! . . . ומי יתן והיה בעל הבריתא הנה שהייתי שואלו מה היו הדברים שהוציא חרבה בעולם. שכל הלומד בזה הברייתא או ישבשנה או יניח למוד לגמרי ויאמר הכל הבל ובעל הברייתא יתן הדין במקום זה כי הוא הגורם.

Тамъ же л. 203 говорится: ואתה מריה דאברהם! ראה מה עשו החכמים! ביום הכפורים הוסיפי מחול על הקדש ולאו חשו על העניים שמפסידים מאכלם . . . וכן עשו בכל מצותיך ואתה אמרת להם עשו משמרת למשמרתי ואח״כ מסרתנו בידם ואמרת לא תסור מכל הדברים ואנה שכח זו המצוה לגזור ולגדור מין במינו אטו שאינו מינו! שומו שמים על זאת! Также Kana 71 b: רבונו דעלמא! כתבת בתורה לא תסור מכל הדברים ואנו עומדים באזהרתך ולהם (לחכמים) צוית . . לא תוסיף ולא תגרע ומוסיפין וגורעין עשו הקישא וחייבו הנשים באכילת מצה והוא הקישא משובשת. Благодаря талмудической интерпретаціи, евреи вполнѣ подчинились вліянію талмудическихъ мудрецовъ, которые стали дополнять и улучшать божественный законъ.

По поводу обширныхъ изслѣдованій въ Талмудѣ въ трактатѣ Pesachim (начало) о различныхъ значеніяхъ слова אור: „свѣтъ", „время зажиганія огней" „наступленіе ночи" Kana (стр. 68) высказывается столь же невѣжественно, сколь и вызывающе: ומאחר שהתנא ירד ממתיבתא דרקיע איך לא ידע דקב״ה היום קרא אור ולא הלילה . . ולמה יכחישי התורה בסברות כוזבות ובדברים בטלים. Такія рѣзкія выраженія, направленныя либо противъ Талмуда, либо противъ какой-нибудь интерпретаціи его, встрѣчаются въ обѣихъ кабалистическихъ

книгахъ на каждомъ шагу. Въ одномъ мѣстѣ авторъ (Kana, стр. 49a bis) называетъ Талмудъ внутреннимъ нарывомъ, который необходимо устранить для оздоровленія всего организма: וזהו שאמרת. לך שהתלמוד כמו בועה במעים יהעלה צמחים ואין להם רפואה אם לא לבקש שרש הבועה לעקרו משם ולהניח מקום הבריא.

Но эти обѣ кабалистическія книги безпощадно критикуютъ и разрушаютъ не только Талмудъ, но и библейскій іудаизмъ. И тутъ они тоже употребляютъ самыя грубыя выраженія. Предписаніе относительно ношенія кистей видѣнія (ציצית) Kana (стр. 47) называетъ, послѣ поверхностнаго разсмотрѣнія вопроса, безумнымъ, хотя и предписаннымъ Богомъ: מאי מרויח הקב"ה בעטיפת ציצית ולמה גזר חוט תכלת ולעשות גדיל ולהניח ציצית כל (זה) הוא מיד הש"י מכל מקום הוא כמדת משוגעים. Во введеніи къ Kana (стр. 14 и дальше) приведенъ длинный діалогъ между Ибнъ-Гедоромъ и его сыномъ, Каной, бесѣдующими на тему, обязателенъ ли весь іудаизмъ для еврейства внѣ Палестины, т. е. въ діаспорѣ. Кана утверждаетъ, что съ изгнаніемъ еврейскаго племени изъ Святой земли іудаизмъ потерялъ всякую обязательную силу: אמרתי לו אוכיח שהמצות בארץ ישראל ובית המקדש קיים אבל בחוץ לארץ פטורים ופטורים אנו. ואשאלך והודיעני עבד שמכרו רבו נפטר העבד מגזירתו של ארון הראשון וחייב במצות ובגזירות הארון שקנאו או לא? ..... אמר לי בני! אם כן לבטלה ביארו לנו חכמי התלמוד התורה, לבטלה גזרו הגזירות וגדרו גדרים גדר אחר גדר ... אמרתי לך אין ראיה משם כי לא עשו זאת בתורת חיוב רק שלא יהיו המצות לעתיד לבא כחדשות מכל מקום לא תורה חייוב עלינו ... מכל מקום אינם חייבים (במצות) עד שיגאלם כי עבד אחד אין יכול לעבוד שני ארונים. Послѣднее предложеніе напоминаетъ изреченіе изъ Новаго завѣта: „Нельзя служить двумъ господамъ". Впрочемъ, это единственный случай, когда эти кабалистическія сочиненія опираются на Евангеліе. Тѣ христіанскіе ученые, которые хотѣли видѣть въ Pelia подтвержденіе христіанскихъ догмъ, совершили большую ошибку. Выводить изъ того обстоятельства, что имя Бога обозначается тремя ׳ , доказательство въ пользу тріединства—слишкомъ наивно; такое обозначеніе было въ прежнія времена обычнымъ сокращеніемъ. Ср. Respp. Давида ибнъ-ави-Зимра I (или III) № 206: על מה שנהגו העם לכתוב ג׳ יוד"ין במקום השם.

Авторъ кабалистическихъ книгъ Pelia и Kana приводитъ противъ Библіи и Талмуда лишь слабые аргументы съ цѣлью, наоборотъ, еще лучше обосновать то, на что онъ нападаетъ; но къ талмудистамъ, т. е. ученымъ, признающимъ исключительно Талмудъ, онъ несомнѣнно питаетъ антипатію и возводитъ на нихъ горькія обвиненія, которыя онъ, правда, преувеличиваетъ и тѣмъ ослабляетъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они громко дискутируютъ и ежедневно придумываютъ новыя тонкости, но одновременно съ этимъ стремятся къ плотскимъ удовольствіямъ, не заботятся объ изгнаніи Schechina и не ведутъ народа по лучшимъ путямъ (Kana X, стр. 122). הראית בני דבר תימא באורך הגלות לומדי התלמוד הנושאים ונותנים בקולות וברקים מדקדקים דקדוק אחר דקדוק ומתחדשים (נ"י ומחדשים) חרושים הם אוכלי הבשר כרובים ואריות ושותים במזרקי יין ומתאדמים פניהם .... וגלות השכינה אינם זוכרים ואת העם אינם מיסרים ... רק לומדים להועלת גופם ולא להועלת נפשם ולומדים ויודעים ואינם מקימין רק כונתם להתגדל בהמון (¹ Сходно въ

¹) Замѣчательно то, что и въ сатирѣ на раввиновъ, сообщенной Шоромъ

Pelia (л. 11): חכם ... אין הכונה שלמד ספרי וספרא או ששה סדרי משנה. כי זהו יסוד שאין עקרו וכחו חזק ... וכמה עוּרֵי השכל ומתפארים בעורו שלהם נושאים ונותנים והכל רוח כי לא יועילו דבריהם וטועים לומר שאם למד לישא ולתן זהו חכם וכו'; л. 64: שלא לשמה הם בעלי התלמוד; Kana стр. 2b: מתוך מתיבתא דרקיע נזכר עון בעלי התלמוד הנושאים ונותנים להבל וריק עד כי מגשימים כלפי מעלה מחסרון הדעת והתבונה. לא התנאים וגם האמוראים שחברו. כי כל דבריהם קדש רק קצת מן האחרונים הבאים ואינם משיגים. Кстати замѣчу, что однимъ своимъ замѣчаніемъ: „потомки спорятъ о Талмудѣ изъ тщеславія“ эта книга выдаетъ свое недавнее происхожденіе и тѣмъ основательно опровергаетъ утвержденіе, будто она составлена въ началѣ аморейской эпохи. Ср. еще Кана, стр. 37, 38.

Изъ этой характеристики явствуетъ съ очевидностью: уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ кабала стала во враждебныя отношенія къ Талмуду и, хотя она съ виду выказывала почтеніе къ талмудическимъ элементамъ, на самомъ дѣлѣ своей критикой дѣйствовала настолько разлагающе и разрушающе, что достигла противоположнаго результата. Это направленіе не ограничилось единичными личностями. Въ началѣ XVI вѣка *Яковъ Тамъ ибнъ-Яхія*, который ребенкомъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, Давидомъ (прим. 13), переселился изъ Португаліи въ Турцію, жалуется на то, что кабалисты (правда, не настоящіе) потрясаютъ основы Торы и пріучаютъ народъ съ презрѣніемъ смотрѣть на талмудистовъ (ср. Respp. Иліи Мизрахи № 1, къ концу): ובזמננו זה תם זכות אבות ואין מחזיק בצדק בחכמה הזאת (בקבלה) אדרבה הם הורסים פנות התורה ועמודיה יתפלצון מקול מחצצים הם העברים העורים ... ובמקום שחשבו להרויח פתע שברו ואין מרפא. ורבים מעמי הארץ מתיהדים באמרם סודות לנו מורשה המים העלינים לא לכם בעלי התלמוד ההולכים בחושך .. ואיש איש מבני ישראל ירצה לעיין בקבלה ... לא יחזיק טובה לעצמו להורות לזולתו ליחיד כ"ש לצבור כי תצא מזה תקלה להרום חומת התורה ולפרוץ גדר ויתפאר במה שלא יבין ויטעה בההחלות התורה ושרשיה ויבא לידי מינות וכו'.

9.

Авторъ и родина памфлета עלילות דברים.

Подъ библейскій іудаизмъ подкапывалась удивительная антиравинская сатира: ספר עלילות דברים, которая своимъ стилемъ и тенденціей напоминаетъ мастерскіе памфлеты *Исаака Эртера* (сперва извѣстна лишь по выдержкамъ у Реджіо и Шора אגרות ישר I. стр. 121.Chaluz I. конецъ, недавно издана полностью въ Ozar Nechmed Zeitschrift von Blumenfeld IV, стр. 179 конецъ, съ ко-

---

(Chaluz I стр. 159), содержится аналогичная жалоба:

אמת כי נגרעו חכמי מקומי

. . . .

ושפתיהם תבואינה בריבות ופיהם יקראו אל מהלומות
בתוספות וריף על פי חכמים למגרעות כתובות וחתומות
וחדושים אשר המה ישנים וקושיות מימות עולם קדומות

. . . .

ואולם עזבו מקרא ושכחו לגמרי הנבואות העצומות

. . . .

ואין עינם ולבם רק בבצעם ותכליתם להעמיק במזימות.

ментаріями [1]). Образованная публика должна быть за это весьма признательна переписчику и издателю, который, подобно автору, скрывается подъ псевдонимомъ. Ибо, хотя содержащаяся въ этой сатирѣ рѣзкая полемика ведется весьма односторонне, все же весьма интересно внимать голосу изъ XV вѣка, въ которомъ слышатся точно отзвуки современныхъ взглядовъ. Не только содержаніе памфлета, но и форма его, остроумные обороты, тонкіе намеки, которые съ такимъ тактомъ избѣгаютъ преувеличеній, полны граціи и прелести. Его можно назвать прямо художественнымъ произведеніемъ. Онъ изданъ на основаніи оригинала *Эліезера Ашкенази Туненсиса*, отыскавшаго его въ Италіи.

Читатель, конечно, полюбопытствуетъ узнать, кто же авторъ этого вдвойнѣ рѣдкаго сочиненія. Однако, это любопытство должно быть оставлено неудовлетвореннымъ, ибо авторъ намѣренно скрылся подъ псевдонимомъ, какъ въ заглавіи, такъ и во вступительномъ стихотвореніи; онъ называетъ себя פלמון בן פלת и פלמוני. Такимъ образомъ, сообщеніе Шора, будто имя автора יוסף עלילן, ошибочно. Родина автора тоже, при поверхностномъ обзорѣ, остается неизвѣстной. Правда, издатель (Кирхгеймъ) въ предисловіи заявляетъ, что памфлетъ этотъ появился въ Италіи и принадлежитъ перу Арона Апраби, но не приводитъ въ защиту своего взгляда основательныхъ аргументовъ. Шоръ, тоже не приводя аргументовъ, считаетъ родиной памфлета Испанію. Чтобы установить автора и родину памфлета, необходимо глубже проникнуть въ его текстъ и коментарій къ нему и выяснить ихъ взаимныя отношенія. Изслѣдованія относительно даты помогутъ намъ въ этомъ.

---

[1]) Господинъ Галберштамъ любезно сообщилъ мнѣ, что въ его владѣніи находится манускриптъ (№ 17), который представляетъ собою болѣе старую копію, чѣмъ та, которая легла въ основу вышеупомянутаго изданія. Онъ предполагаетъ, что переписчикомъ былъ *Исаія Масеранъ*. Въ этой копіи содержится многое, чего нѣтъ въ изданіи и наоборотъ. Въ текстѣ приводится дата: וזה לנו אלף וארבע מאות שנה בקרוב вмѣсто ויעוד, а въ концѣ: והיתה השלמתו יום ג׳ י״ג בניסן רכ״ח לפ״ק. Весьма интересно предисловіе, помѣщенное въ этой копіи. Опираясь на 3 и 4 стихи псалма 141 ודוד דבר הפך כונת המחבר אשר שם עלילות דברים, оно замѣчаетъ: להתעולל עלילות ברשע לבתולת ישראל אשר באשכנז ויבא יוסף את דבתם רעה אל אביהם שבשמים. הכי קרא את שמו יוסף כי אסף את חרפת עמו וגלה את מומיה . . . כאשר פתר להם יוסף. Затѣмъ рядъ стиховъ изъ кн. Бытія, въ коихъ встрѣчается слово *Іосифъ* и гдѣ имѣются намеки на содержаніе памфлета. Господинъ Галберштамъ видитъ въ этомъ подтвержденіе моего предположенія, что авторъ былъ по имени *Іосифъ* и идентиченъ съ коментаторомъ. Однако я не могу согласиться съ Галберштамомъ, будто слово באשכנז подтверждаетъ гипотезу о томъ, что родиной памфлета была Верхняя Италія. Ибо это слово подтверждаетъ слишкомъ многое, и, слѣдовательно, ничего не подтверждаетъ. Вѣдь авторъ не могъ жить въ Германіи! Но авторъ любитъ истолковывать собственныя имена въ духѣ своихъ идей: כל שמות אנשים הנזכרים כאלו הם רוברים בזה הספר, הם שמות בדוים מורים על הדבר שהספור ממנו. Такъ (стр. 197) שמגר בן עמיאל: שָׁ גָ ר שם עם אל. Слово אשכנז тоже, повидимому, имѣетъ такое толкованіе. Въ Ms. Галберштама, на крышкѣ переплета имѣются два противорѣчащихъ другъ-другу сужденія о цѣнности этой сатиры. Одинъ отзывъ, подписанный אני שמואל, чрезмѣрно хвалитъ ее: קריתי בספר זה ד׳ וה׳ פעמים ומצאתי דבריו נחמדים ישרים ונכונים; другой порицаетъ: קריתי ושניתי ושלשתי בספר עלילות דברים ואין אמון בו רק שמו . . . כי בתחלה בעלילה בא . . .

Какъ указано на стр. 180, авторъ написалъ сатиру въ 1468 году или, можетъ быть, годомъ или двумя позже: זה לנו אלף וארבעמאות שנה, ועוד בגלותנו לא חסרנו דבר מכל צרה (ср. примѣч.). Первый переписчикъ, Авраамъ б.-Мардохай Фарисолъ, уже 28 нисана 1473 г. переписалъ текстъ и коментарій, какъ это явствуетъ изъ заключительныхъ словъ: אני אברהם מרדכי פריצול המנגן והסופר מפירארא השלמתי זה הספר פה מנטובה כ"ח ימים לחודש ניסן ר"לג.

Правда, принимая во вниманіе небольшой промежутокъ времени, отдѣляющій написаніе памфлета отъ приготовленія копіи съ него, можно предположить, что образованный и весьма свѣдущій Авраамъ Фарисолъ и есть авторъ памфлета. То обстоятельство, что онъ скептически пожималъ плечами, когда появились лжемессія *Ашеръ Лемлейнъ* и обманщикъ *Давидъ Реубени*, тоже говоритъ въ пользу этого допущенія. Однако стоитъ только вспомнить, какъ молодъ былъ Авраамъ Фарисолъ во время появленія памфлета, чтобы понять, что онъ не могъ быть авторомъ его. Онъ родился въ 1451 г.; слѣдовательно, въ 1473 году ему было 22 года. Неужели онъ создалъ прекрасное художественное произведеніе, которое свидѣтельствуетъ о необыкновенной зрѣлости духа и изумительной начитанности въ обширной области еврейской литературы? Это совершенно невозможно. Годомъ раньше онъ приготовилъ копію Turim; неужели вслѣдъ затѣмъ онъ составилъ книгу, содержаніе которой прямо противорѣчитъ Turim? Это тоже мало вѣроятно. Авраамъ Фарисолъ былъ весьма свѣдущъ, но не геніаленъ; онъ отличался трезвымъ умомъ, но не былъ противникомъ равинскаго іудаизма; въ своей рукописи מגן אברהם онъ даже нѣсколько чрезмѣрно ортодоксаленъ. Кромѣ того авторъ разбираемаго памфлета обнаруживаетъ основательныя познанія въ анатоміи, именно тамъ, гдѣ онъ насмѣхается надъ невѣжествомъ и банальностью Pijut Калиры (стр. 187). Но Авраамъ Фарисолъ былъ по профессіи переписчикомъ и во всякомъ случаѣ канторомъ (מנגן), а не врачемъ.

Поищемъ другихъ указаній. Я снова возвращаюсь къ датамъ. Въ 1468 г. сатира была издана, а уже въ 1473 г. Фарисолъ переписалъ не только сатиру, но и коментарій къ ней. Неужели въ такой короткій промежутокъ времени понадобился уже обстоятельный коментарій? Допустимо ли, что уже въ столь непродолжительномъ времени коментаторъ натолкнулся на эту сатиру и счелъ себя вынужденнымъ объяснить неясныя мѣста? Мало того, коментаторъ въ началѣ сообщаетъ, что нашелъ сатиру въ какомъ-то заброшенномъ углу разорванной, такъ что ее съ трудомъ можно было разобрать (стр. 196): נאם יוסף בנו משלם לבנו משלם פתיתני לבאר זה הספר והוא עלילות דברים . . . . אתה ידעת את כל התלאה אשר מצאתני בדרך הוצאת זה הספר מן המקום אשר היה טמון בו קרוע ומחוק ברובו עד שנמנעה הקריאה ברוב מקומותיו. Мыслимо ли, чтобы рукопись уже послѣ столь небольшого промежутка времени оказалась разорванной и неразборчивой? Это все, повидимому, выдумки. *Авторъ сатиры самъ же написалъ и коментарій къ ней*, дабы его тонкіе намеки не прошли незамѣченными. Подобно автору, и коментаторъ обнаруживаетъ познанія въ области анатоміи. Заключительное стихотвореніе коментатора составлено въ томъ же духѣ, какъ и вступительные стихи автора. *Іосифъ б.-Мешуламъ* (такъ называетъ себя коментаторъ) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и авторомъ сатиры. Однако, чтобы избѣжать нареканій за свою рѣзкую критику господствовавшаго тогда іудаизма, онъ скрылъ въ текстѣ свое имя и въ началѣ коментарія оправдывается, заявляя, что не раздѣляетъ скептическихъ взглядовъ автора. Только

идентичность автора и коментатора можетъ объяснить то обстоятельство, что послѣдній сумѣлъ проникнуть въ самыя сокровенныя мысли автора и истолковать все неясное, не исключая и выбора вымышленныхъ именъ. Такимъ образомъ можно было бы установить имя автора.

Родиной его можетъ быть только Испанія, какъ правильно предпологалъ Шоръ. Уже въ самомъ началѣ онъ говоритъ о *массовомъ насильственномъ крещеніи* евреевъ, а также о враждебномъ отношеніи нѣкоторыхъ ново-христіанъ къ своимъ соплеменникамъ (стр. 180): זרענו נכון לפנינו, מהם יקחו לכהנים ולנביאי פסיליהם לעינינו ומורה מעלים על ראשיהם, וישימו קרחה בין עיניהם למת; это очень остроумный намекъ на постриженіе, навязанное насильственно крещенымъ евреямъ. Сатира упоминаетъ также о многихъ ново-христіанахъ, которые только на словахъ признавали христіанство, въ душѣ же оставались евреями, т. е. о *маранахъ*: וגם בכל אלה איש אחד לא מצאתי שעבד אל זר לעבור ברית, אך כבד עליהם עול גלותם ולשונם תצמיד מרמה ואין בקרבם הוות, ורבים מאלה לקוחים בזרוע טרם ידעו טוב ורע וגם היום אינם יודעים בטיב יהודים המה נהפכו לנו לאויבים מבלי דעת. Она передаетъ также, что велико было число евреевъ, которые съ опасностью для жизни мужественно проявляли свою стойкую приверженность къ іудаизму: ואם כל אלה עברו את פי ה׳ מזרון לבם למען הכעיסוי, הן בחרו מות למען הקדישו רבבות אלפי ישראל אשר כף רגלם לא נסתה לנום מעבודתו ואף בלשונם לבד. Въ этихъ сообщеніяхъ нельзя не узнать массовыхъ крещеній 1391 и 1412 гг. Авторъ, повидимому, говоритъ изъ личнаго опыта. Онъ выдаетъ свою родину въ нѣсколькихъ выраженіяхъ въ коментаріи (конечно, при признаніи идентичности автора и коментатора). На 202 стр. объясняются нѣкоторые анатомическіе термины, встрѣчающіеся въ сатирѣ, причемъ при этомъ приведены нѣкоторыя иностранныя слова, звучащія по-испански. Одна кость ладейка названа: והספינה היא עצם לבד ארוך ונקרא נאבוקלו בלעז, что соотвѣтствуетъ испанскому слову navichuelo, между тѣмъ какъ по-итальянски эта кость называется navicella, что на еврейскомъ языкѣ должно было быть передано совсѣмъ иначе. Пять костей, извѣстныхъ въ анатоміи подъ именемъ гребня, названы ה׳ עצמות .. דבוקות ... בצורת מסרק ונקרא בלע״ז פיטיע, что, повидимому, является искаженіемъ פיני, по-испански peine, гребень. На 203 стр. онъ говоритъ о голосѣ сопрано и называетъ его סובראן, т. е. soberan по-испански: נצח כל העם בנגינותיו סובראן בלעז; на итальянскомъ языкѣ называется soperano. Иностранное слово רסיטה בלעז мнѣ непонятно. Отсюда слѣдуетъ, что коментаторъ былъ испанцемъ; слѣдовательно, и авторъ.

Еще одинъ моментъ говоритъ въ пользу этого допущенія. На стр. 194 сатира въ весьма остроумныхъ выраженіяхъ указываетъ на то, что занятіе науками и Талмудомъ объясняется лишь желаніемъ пріобрѣсти имя и сдѣлать „хорошую партію“: וכבר החל הדור לקוץ קצת בעסק הדברים לרוב התלאה ומעט התועלת או להפסד המגיע ממנו, עד שלא ימצאו היום עוסקים בו זולתי מתי מעט מנערי בני ישראל ורובם מהדלים אשר אין להם דרך למצא פרנסתם בדרך אחר. כאשר ירחב לפניהם הדרך להעמיד ריוח ממקום אחר יניחו מקומם ופורשים זולתי מי שמקוה מהם להגיע אל שיהיה מראשי המדברים .. או על מנת לקבל פרס למצא חפצם ולא חפצי שמים, והועילם חדודם לשנן קרדמותם, ואם איש מהם עשיר יכנים מבניו הקטנים לעבוד את העבודה הזאת למען עשות להם שם ... ויקח לו בת יורשת נחלה וישליך אדרתו ממנו ומשם יפרד. ומאלה הפורשים יוצאים נקיים ... מבלי

מצא תועלת בתלמוד . . . והיום הזה רפו ידי רבים מהמונים מהוציא כספם בדברים האלה לאמר כי לא יבצר מהם בזולת זה לקחת להם נשים מכל אשר בחרו . . . כי יצא דבר הדברים על כל הנשים להבזות בעליהן בעיניהן באמרם כי טוב מי שלא שנה ועסק בבדק הבית מאשר שנה ופירש וכו׳. *Соломонъ Алами* на полвѣка раньше тоже жаловался, что испанскіе евреи, даже самые бѣдные, предпочитаютъ обучать своихъ дѣтей какому либо ремеслу, чѣмъ посылать ихъ въ школы (Iggeret ha Musar, стр. 30): ועשירי היהודים מנהלים חכמיהם בלחם צר ומים לחץ. והיא הסבה להשפיל כבוד התורה. כי הרועים והגדולים לא יקוו ולא יאוו להכנים בניהם בברית מלאכת התורה . . . וכראות המון העם חרפת החכמים דלותם ונבלותם יבחר להכנים בניהם בגרועה שבאומנתם מהכניסם בברית התורה לראות ברעתם· Эта характеристика совершенно не подходитъ къ евреямъ другихъ странъ.

Общій тонъ сатиры также указываетъ на Испанію. Только въ этой странѣ могла появиться столь смѣлая критика. Въ Италіи врядъ ли имѣлась благодарная публика для подобной ереси. *Аронъ Алраби*, которому издатель приписываетъ авторство, быть можетъ, самъ былъ испанцемъ (зятемъ Моисея Габая) и, въ качествѣ странствующаго писателя, писалъ вовсе не для однихъ только итальянскихъ евреевъ. Соломонъ Алами также не стѣснялся нападать на софистическія выкладки *пилпула*, которыя являются особенной любимой мишенью для упомянутой сатиры (тамъ же стр. 26): לא שתו לבם רק להרחיב חדושים ופסקים ופרושים . . . מה שזה מגלה זה מסתיר, מה שזה אוסר זה מתיר. . . על קורי עכביש יארוגו להבאיש את ריחם לגלות נבלתם· Та же жалоба была поднята и другимъ сатирикомъ, а также кабалистами, тоже въ Испаніи (ср. выше стр. 367). Однимъ словомъ, все говоритъ за Испанію, а не за Италію.

10.

Число еврейскихъ жителей въ главныхъ провинціяхъ Испаніи въ разныя времена.

До сихъ поръ число еврейскихъ жителей, особенно въ Кастиліи, устанавливали приблизительно на основаніи двухъ источниковъ: *податныхъ списковъ*, въ коихъ приведены цифры податей, внесенныхъ въ различныя времена общинами городовъ и епископствъ въ имперскую кассу и *сообщеній* о числѣ изгнанниковъ въ 1492 году. На основаніи этихъ вычисленій, обыкновенно предполагали, что въ 1290 г. въ Кастиліи жило около 800.000 евреевъ и что въ 1492 г. было изгнано около 300,000. *Исидоръ Лебъ* подвергнулъ сомнѣнію эти числа, значительно понизивъ ихъ на основаніи иныхъ вычисленій (Revue des Etudes Juives, годъ XIV, стр. 161—183). Такъ какъ я, не зная еще о новооткрытомъ податномъ спискѣ, положилъ въ основаніе моихъ вычисленій въ прежнихъ изданіяхъ извѣстные тогда податные списки, то я вынужденъ доказать ихъ надежность, опровергнуть дѣлаемыя противъ нихъ возраженія и отчасти исправить мои прежнія указанія. Я хочу освѣтить характеръ источниковъ и наглядно сопоставить въ таблицѣ отдѣльныя числа, дабы читатель могъ себѣ составить самостоятельное мнѣніе по этому вопросу.

Источники, положенные въ основаніе вычисленій, суть:

1. податной списокъ отъ 1290 года, въ коемъ отмѣчены подати, которыя должны уплатить королю евреи 10 епископствъ и 70 городовъ; кромѣ того тамъ указача нераспредѣленная по городамъ сумма податей отъ мѣстно-

стей *Леона, Мурціи* и *пограничной области* Андалузіи. Суммы указаны въ *мараведи.* Этотъ списокъ (padron) называютъ гуетскимъ, такъ какъ еврейскіе депутаты собрались, по порученію короля Санхо, въ городѣ Гуетѣ, чтобы распредѣлить подати между отдѣльными городами и мѣстностями. Онъ часто публиковался: всего правильнѣе онъ приведенъ у Amador de los Rios, historia II. стр. 53—57. Подати и налоги, числящіеся за городами и епископствами, приведены въ двухъ рубрикахъ, изъ коихъ въ одной подати посчитаны en cabeza, т. е. *на голову*, и называется *поголовнымъ налогомъ*, а въ другой подати названы servicio, т. е. повинностями. Относительно нѣкоторыхъ городовъ и мѣстностей приведена только сумма поголовнаго налога, повинности же не указаны.

II. Второй податной списокъ отъ 1291 г. въ сущности является лишь повтореніемъ перваго, а именно подсчетомъ того, сколько изъ общей суммы приведенныхъ въ первомъ свиткѣ налоговъ приходится платить королевѣ, наслѣдникамъ, рыцарямъ, духовенству и т. д. Впереди приведены цифры поголовнаго налога и повинностей; эти цифры сложены вмѣстѣ. Затѣмъ называется цѣлый рядъ лицъ, которымъ предназначены опредѣленныя суммы. Въ концѣ изъ первой суммы вычитываются послѣднія, и указано, что „остается такой то остатокъ въ пользу короля" (впервые опубликовано Амадоромъ II, стр. 531 и д.). Числа, приведенныя въ обоихъ спискахъ, вполнѣ совпадаютъ; гдѣ этого нѣтъ, несоотвѣтствіе объясняется недосмотромъ; также гдѣ названія городовъ не совпадаютъ, несоотвѣтствіе можно устранить сличеніемъ обоихъ списковъ; особенно важенъ въ этомъ отношеніи второй списокъ, такъ какъ онъ спеціализированъ. Только при вычисленіи налога, числящагося за общиной Segovia, уравненіе чиселъ въ обоихъ спискахъ предоставляетъ трудности.

III. Третій податной списокъ относится къ 1474 году и представляетъ собою распредѣленіе налоговъ между общинами, сдѣланное Яковомъ ибнъ-Нунесъ по порученію короля (у Амадора, III, стр. 590 и д.). Въ этомъ спискѣ не указанъ *поголовный налогъ* (en cabeza); приведенные налоги названы *повинностями, полуповинностями* (servicio é medio servicio). Числа, приведенныя въ этомъ спискѣ, незначительны въ сравненіи съ налогомъ, указаннымъ въ первыхъ двухъ спискахъ. Такъ, напр., въ 1290 г. община Толеды должна была уплатить одного только поголовнаго налога, кромѣ повинностей, 216,550 мараведи въ то время, какъ въ 1474 г. община Толеды вмѣстѣ съ другими общинами должна была заплатить повинностей всего 3.500 м. Всѣхъ больше должна была въ 1474 г. уплатить община Авилы, а именно 12000 мар., что, въ сравненіи съ причитавшимися съ нея въ 1290-91 г. 59592 мар. en cabeza и 14.550 servicio, всего 74.142 м., составляетъ едва шестую часть. Податной списокъ 1474 г. показываетъ, что еврейское населеніе Кастиліи въ промежутокъ времени почти въ два столѣтія не возросло, а, напротивъ, понизилось. Это статистическое доказательство рѣзни и насилій, имѣвшихъ мѣсто въ 1391 г. и между 1412 и 1415 гг. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что цифра податей находилась въ зависимости отъ численности еврейскаго населенія.

Характеръ подати, которая въ спискахъ отъ 1290 и 91 гг. названа en cabeza, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. „На голову" *можетъ означать только поголовный налогъ*, т. е. подать съ каждой головы, съ каждаго члена общины. Въ Respp. испанскихъ равиновъ налогъ, которые тамошніе ев-

реи должны были платить, обозначенъ словомъ גלגלתא, что вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ *поголовнаго налога*, en cabeza. Подати, извѣстныя подъ именемъ servicio, что до сихъ поръ еще не было объяснено, вполнѣ подходятъ подъ названіе עבודות. Въ валядолидскомъ статутѣ 1432 г., выработанномъ Авраамомъ Бензенисти и другими еврейскими делегатами (см. выше стр. 115), заголовокъ къ параграфу, посвященному налогамъ, гласитъ: השער הד׳ בענין המסים והעבודות. Въ этомъ параграфѣ упоминается, что нѣкоторые евреи, пользуясь извѣстными средствами, уклоняются отъ уплаты денегъ: de los מסים del Senior Rey או עבודות que son מחויבים. Такимъ образомъ, עבודות, повидимому, было *имущественнымъ налогомъ*. Бенъ-Адретъ говоритъ въ одномъ Responsum'ѣ о *поголовномъ и имущественномъ налогахъ*, которые должны платить евреи въ Испаніи[1]). Въ имущественный налогъ входили, вѣроятно, земельный налогъ, налогъ съ домовъ, садовъ и полей. Слѣдовательно, несомнѣнно, что испанскіе евреи платили двоякаго рода налоги: *поголовный* и Servicio, т. е. имущественный. Но испанскіе короли, которые неохотно поручали сборъ налоговъ своимъ чиновникамъ, не довѣряя, быть можетъ, ихъ добросовѣстности, предпочитали взыскивать имущественный налогъ, относительно коего не могло быть никакого контроля, и поголовный налогъ, отъ коего, само собою разумѣется, освобождались бѣдняки и иныя категоріи лицъ, въ видѣ опредѣленной суммы, платимой общиной или еврействомъ всей страны. Верховный равинъ при дворѣ или заслужившіе довѣрія представители общинъ распредѣляли подати между отдѣльными общинами. Они назывались Repartidores. Для каждой общины избирались оцѣнщики (empardronadores), которые распредѣляли подати между отдѣльными членами общины, согласно имущественному положенію каждаго (ср. Fernandez y Gonzales Ordenamiento formado por los procuradores de las Aljamas hebreas . . en la asamblea celebrada en Valladolid el ano 1432, Мадридъ 1886, извлеч. изъ Revue des Etudes Juives XIII, стр. 205).

Короли Испаніи, особенно Кастиліи, не имѣли представленія о государственной экономіи. Щедро даря собранныя подати, а также и помѣстья, они часто оказывались бѣднѣе, чѣмъ ихъ вѣрноподанные гидальго; особенно значительные подарки они дѣлали церквамъ и капитуламъ. Изъ податного списка 1291 г. мы видимъ, что король Санхо отказался отъ большей части еврейскихъ поступленій въ пользу другихъ лицъ. Изъ Валядолидскаго статута мы узнаемъ, что община Асторги, по распоряженію короля, должна была платить свои налоги церкви и епископу. Относительно общинъ епископствъ Толеды и Куенки не указанъ имущественный налогъ. Возможно, что имущественный налогъ взимался капитулами или же рыцарскими орденами. Относительно общинъ остальныхъ епископствъ Старо-Кастиліи поголовный налогъ и Servicio приведены отдѣльно. Только въ трехъ мѣстностяхъ: Леонѣ, Мурціи и пограничной области Андалузіи эти два налога, повидимому, соединены въ общей суммѣ.

Поэтому, если говорить объ отношеніи налога къ количеству еврейскаго населенія, то это можетъ относиться только лишь къ *поголовному налогу*, а

---

[1]) Ben-Adret Resp. I, № 788: דיני המס במי שדר כאן וממונו בעיר אחרת רפטור לפרוע במקום דירתו שהכרגא הוא כסף גולגלתא והטסקא דברים מוחלקים הם. דכרגא במקום שדר משלם דאקרקפתא דאינשי מונח. אבל הטסקא אינו אלא על הממון משועבד לבעל הקרקע דהיינו ארוני הארץ.

не къ servicio, т. е. имущественному. Предположеніе моего уважаемаго коллеги, патера дона Фидела Фиты, о томъ, что можно установить число еврейскаго населенія на основаніи налога servicio, съ чѣмъ согласенъ и г. Лебъ (Revue XIV, стр. 104), основано на ошибочномъ взглядѣ на сущность servicio. Лебъ называетъ этотъ налогъ „aide", но это слово означаетъ лишь налогъ на напитки или на съѣстные припасы. Слѣдовательно, это никакого значенія не имѣетъ. Напротивъ, на основаніи поголовнаго налога, en cabeza, גלגלתא, можно судить о количествѣ населенія, ибо въ основу этого налога положенъ, вѣроятно, подсчетъ всѣхъ живыхъ членовъ общины.

Это можно, конечно, съ самаго начала отрицать, ибо для подобнаго статистическаго вычисленія недостаетъ дѣлителя, съ помощью коего можно было бы, на основаніи дѣлимаго, установить остатокъ. Но счастливая гипотеза привела къ вычисленію, которое подтвердилось однимъ сообщеніемъ, можно сказать, однимъ фактомъ. Гипотетически допускаютъ, чтъ каждый еврей долженъ былъ заплатить поголовный налогъ въ 30 динеро, которые установлены въ память о 30 сребренникахъ, за которые Іуда Искаріотъ продалъ своего учителя.

Эта гипотеза подтверждается документомъ. Архіепископъ Толеды пожертвовалъ въ пользу капеллъ, между прочимъ, налоги, причитающіеся съ евреевъ Македы, съ *каждаго въ годъ по 30 динеро* (Boletin de la real Academia de la historia de Madrid 1887, стр. 410, Revue des Etudes XVII, стр. 130). Въ одномъ испанскомъ памфлетѣ противъ евреевъ, Centinela contra Judios, хаотическомъ произведеніи невѣжественнаго фанатика, упомянуто, что Давидъ въ 108 (109) псалмѣ произнесъ 30 проклятій соотвѣтственно 30 динеро, которые евреи должны платить христіанамъ (Revue VI, стр. 115).

Десять динеро составляютъ одинъ мараведи; слѣдовательно, 30 динеро равны тремъ мараведи. Это число три и является искомымъ дѣлителемъ. Благодаря ему, можно установить количество еврейскаго населенія въ тѣхъ общинахъ, относительно коихъ имѣются указанія о налогѣ en-cabeza. Такъ, напр., община Толеды съ прилежащими малыми общинами была обложена въ 1290 году поголовнымъ налогомъ въ суммѣ 216.500 мараведи. Слѣдовательно, въ этомъ году община должна была платить за 72166 головъ, т. е. за вычетомъ мелкихъ окрестныхъ общинъ она насчитывала около 70000 душъ. Это число и подтверждается вполнѣ сообщеніемъ одного современника. *Гилъ де Цамора* написалъ въ 1282 году сочиненіе подъ заглавіемъ: liber de praeconiis civitatis Numantiae. Донъ Фиделъ Фита привелъ оттуда нѣкоторыя выдержки, изъ коихъ одна гласитъ: *число евреевъ общины Толеды*, платящихъ налогъ, т. е. за исключеніемъ дѣтей, женщинъ и бѣдняковъ, *достигало въ то время* (1282) 70.000 (Boletin de la real Academia de la historia сент. 1884 и выдержка оттуда въ Revue d. Et. IX, стр. 136). Изумительно, что г. Лебъ, который раньше видѣлъ въ приведенномъ сообщеніи Гила де Цамора подтвержденіе правильности заключенія о количествѣ еврейскаго населенія на основаніи цифры поголовнаго налога, позже отвергнулъ эти вычисленія и вообще сталъ отрицать, что въ Испаніи было многочисленное еврейское населеніе. Тѣмъ не мѣнѣе необходимо признать за фактъ, что община Толеды въ то время насчитывала 70.000 душъ. Да и помимо этого имѣются подтвержденія многочисленности еврейскаго населенія Толеды. Авраамъ Натанъ Ярхи передаетъ, что около 1200 года въ Толедѣ жило около 12.000 еврейскихъ се-

мействъ, т. е. около 60.000 душъ. Самуилъ Царца разсказываетъ, что во время гражданской войны и осады Толеды въ 1368 г. погибло отъ голода болѣе 10.000 евреевъ. Хасдай Крескасъ сообщаетъ, что въ Севильѣ до рѣзни 1391 г. было отъ 6—7000 еврейскихъ семействъ, т. е. около 30.000 душъ, а между тѣмъ толедская община была вдвое больше севильской.

Возраженіе, которое дѣлаетъ Лебъ противъ этого вычисленія, на первый взглядъ кажется обоснованнымъ, но на самомъ дѣлѣ не выдерживаетъ критики. Оно, въ сущности, направлено скорѣе противъ гипотезы Amador de los Rios, полагавшаго, что на основаніи цифры поголовнаго налога можно установить число плательщиковъ налога, т. е. мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ. Въ это число не входили бы всѣ не платящіе налога, т. е. несовершеннолѣтніе, женщины и бѣдняки. Лебъ вполнѣ основательно возражаетъ, что въ этомъ случаѣ въ Испаніи въ 1290 году оказалось бы не только 800.000-ное населеніе, но, по крайней мѣрѣ, втрое большее, если присчитать сюда женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Такъ какъ, по упомянутому вычисленію, для общины Толеды получается около 70.000 плательщиковъ налога, то, слѣдовательно, эта община насчитывала около 200.000 душъ, что, конечно, абсурдъ. Однако вычисленіе должно быть произведено иначе. Категорія лицъ, свободныхъ отъ налога, не составляетъ особой величины; проистекавшій отсюда недоборъ, вѣроятно, покрывался плательщиками налога.

Дѣло происходило такъ: поголовнымъ налогомъ въ 3 мараведи было обложено все населеніе. Въ виду того, однако, что нѣкоторыя группы населенія, а именно: бѣдняки, несамостоятельныя женщины, несовершеннолѣтніе, вѣроятно, также и служащіе общины и цѣлый рядъ другихъ лицъ[1]), были освобождены отъ налога, то недоборъ распредѣлялся между остальными имущими членами общинъ, плательщиками налога. Для короля это было *поголовнымъ* налогомъ, для общины же это было *вторымъ имущественнымъ* налогомъ. На каждаго плательщика налога приходится, по меньшей мѣрѣ, три неплательщика. Такимъ образомъ, напр., 24.000 членовъ толедской общины должны были уплатить 21.650 мараведи, составлявшихъ поголовный налогъ 70.000-наго населенія.

Противъ этого вычисленія, правда, можно было бы сдѣлать еще одно возраженіе. Если вѣрно, что поголовный налогъ былъ равенъ 3 мараведи, то всѣ суммы, приведенныя въ спискѣ налоговъ подъ рубрикой en cabeza, должны были бы безъ остатка дѣлиться на три. Однако изъ 72 суммъ только 23 дѣлятся на три. Напротивъ, всѣ суммы, приведенныя подъ рубрикой servicio, дѣлятся на три, за исключеніемъ суммы, относящейся къ общинѣ Логроно (также и къ остальнымъ тремъ общинамъ Миранды, Сеговіи и Вилануевы). Поэтому Фиделъ Фита и построилъ свою, на первый взглядъ вѣрную, гипотезу о томъ, что налогъ servicio и былъ поголовнымъ налогомъ въ 3 мараведи. Однако этотъ налогъ не значится подъ рубрикой en cabeza, гдѣ, напротивъ, значатся суммы, которыя не дѣлятся на три. Однако возможно, что въ этомъ виновны раскладчики податей. Для установленія цифры поголовнаго налога, въ основу котораго было положено количество еврейскаго населенія во всей странѣ, король потребовалъ, вѣроятно, свѣдѣнія объ общей суммѣ всѣхъ общинъ и

[1]) Согласно валядолидскому статуту, донъ Меиръ Алгуадецъ, его жена и овдовѣвшая дочь были освобождены отъ налоговъ, въ виду его большихъ заслугъ предъ общинами.

лицъ. Раскладчики податей распредѣляли, вѣроятно, этотъ налогъ сперва между общинами или же особенно состоятельными людьми, не взирая на число душъ. При общемъ подсчетѣ было неважно, должна ли какая нибудь община платить на 1 или 2 мараведи больше. Какъ бы тамъ ни было, одно несомнѣнно, что налогъ en cabeza можетъ *только быть поголовнымъ налогомъ* и что поэтому только на основаніи его можно вычислить количество населенія. Такъ какъ въ 1290—91 гг. поголовный налогъ 72 общинъ Кастиліи составлялъ 1.786.976, то еврейское населеніе насчитывало, слѣдовательно, 595.658 душъ. Сюда присоединяется еще населеніе Леона, Мурціи и пограничной области Андалузіи, относительно коихъ указана лишь общая сумма налога 797.879, причемъ остается неяснымъ, имѣемъ ли тутъ дѣло съ налогомъ en cabeza или servicio. Въ Мурціи не было много евреевъ; больше было ихъ въ Леонѣ и Фронтерѣ. Максимальное число колеблется между 70.000 и 80.000, какъ до сихъ поръ вообще и допускали. Лебъ находитъ, однако, это число слишкомъ высокимъ, такъ какъ въ XV вѣкѣ Кастилія всего насчитывала лишь около 6—7.000.000, а, слѣдовательно, вѣкомъ раньше населеніе было еще меньше; такимъ образомъ, евреи составляли бы шестую или седьмую часть всего населенія. Но развѣ это уже такъ не допустимо. Одно, хотя и приблизительное, вычисленіе показываетъ, что евреи и составляли такую именно часть христіанскаго или всего населенія. Венеціанскій посланникъ въ Испаніи, который въ 1505 году составилъ докладъ, въ коемъ указывалъ на необходимость введенія инквизиціи въ Испаніи, вычислилъ, что *мараны составляли третью часть всего городского населенія* (Alberi, relazioni degli Ambasciadori Venet. серія I томъ I, стр. 29). Если мы, по самому скромному разсчету, примемъ, что на каждаго городского жителя приходилось 6 сельскихъ, то, при 6 милліонномъ общемъ населеніи, число городского населенія было бы равно 1 милліону. Слѣдовательно, число марановъ достигало бы 300.000 (треть). А такъ какъ число не крестившихся евреевъ было, несомнѣнно, значительно больше, то отсюда слѣдуетъ, что въ 1391 г. до рѣзни еврейское населеніе насчитывало, по крайней мѣрѣ, 700.000 душъ. Огромное число марановъ подтверждается и другими сообщеніями. Лёбъ, возражающій противъ столь высокой цифры, сравниваетъ еврейское населеніе Испаніи съ малымъ числомъ евреевъ, жившихъ въ то время во Франціи и Италіи. Но этотъ критерій не подходитъ сюда. Испанію слѣдуетъ сравнить, въ отношеніи еврейскаго населенія, съ прежними польскими провинціями нынѣшней Россіи. Тутъ въ городахъ на каждыхъ трехъ христіанъ приходился одинъ еврей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еврейское населеніе превышало даже христіанское. Въ большихъ городахъ: Толедѣ, Бургосѣ, Валядолидѣ, Авилѣ, Лоркѣ и Кордовѣ евреи были, быть можетъ, въ той же пропорціи, какъ нынѣ въ Вильнѣ и Бердичевѣ.

Вслѣдствіе гражданской войны 1365—1369, рѣзни и насильственныхъ крещеній 1391 г., и возобновившихся насильственныхъ крещеній 1412—15, число еврейскаго населенія сильно уменьшилось. Статутъ 1432 года предполагаетъ существованіе общинъ, насчитывавшихъ десять семействъ, а иногда и меньше. Податной списокъ 1474 г. ясно указываетъ на это уменьшеніе населенія (ср. таблицу податныхъ списковъ). Прежде цвѣтущія общины обложены были самымъ незначительнымъ, въ сравненіи съ прежними годами, налогомъ, напр., Толеда 3.500 вмѣсто 210.000, Кордова 1.200, а Севилья съ областью и общиной Алгарвы всего лишь 12.500 мараведи.

Въ той самой степени, въ какой еврейское населеніе уменьшалось въ городахъ, оно увеличивалось въ деревняхъ. Списокъ 1474 г. насчитываетъ больше, чѣмъ 200 мѣстностей съ еврейскимъ населеніемъ, изъ коихъ многія не были даже упомянуты въ прежнихъ спискахъ. Постоянная травля со стороны доминиканцевъ угрожала жизни и имуществу евреевъ, особенно послѣ гибели ихъ покровителя, Алваро де Луна, и потому многіе оставили большіе города и переселились въ села и деревни. Эти общины, повидимому, были весьма малы, ибо налогъ четырехъ изъ нихъ колебался между 100 и 250 мараведи, а 24 общины должны были платить отъ 300 до 500 мараведи. Ихъ имущественное положеніе тоже, повидимому, понизилось, ибо въ 1474 г. общая сумма поступленій отъ 200 общинъ достигла 450000 марьведи противъ 2.800.000 мар., указанныхъ двумя вѣками раньше. По этой именно причинѣ и былъ введенъ, вѣроятно, другой модусъ податного обложенія. Такъ какъ число жителей уменьшилось почти-что вдвое, а поголовный налогъ все равно, въ конечномъ счетѣ, сводится къ имущественной подати, то послѣдняя, вѣроятно, и взималась подъ именемъ servicio, вмѣсто же незначительнаго поголовнаго налога взималась еще *половина* установленной имущественной подати. Такъ можно понимать слова: servicio y medio servicio.

Но это не важно; какъ бы тамъ ни было, но податной списокъ 1474 г. свидѣтельствуетъ объ огромномъ уменьшеніи еврейскаго населенія. И вотъ возникъ вопросъ, сколько всего евреевъ было изгнано изъ Испаніи въ 1492 г.? Сообщенія колеблются между 800.000 и 190.000. Конечно, только цифры, переданныя современниками, имѣютъ цѣнность. Современный историкъ, Бернардецъ (Cura des los Palacios), самъ не обладалъ надежными свѣдѣніями; онъ ссылается на свидѣтелей, показанія коихъ не достовѣрны. Единственный надежный свидѣтель, Абрабанелъ, вполнѣ опредѣленно сообщаетъ въ своемъ введеніи къ „Царямъ", что число изгнанныхъ евреевъ достигало 300.000: וילכו בלא כח שלש מאות אלף רגלי העם אשר אנכי בקרבו מכל מדינות המלך, во введеніи къ מעיני הישועה и стр. 132 .כשלש מאות אלף Абрабанелъ, правлялъ финансами двора и, вѣроятно, точно взвѣсилъ это число. Онъ или его товарищъ, раби-маіоръ, Авраамъ Сеніоръ, вѣроятно, были выбраны общинами для раскладки податей. Слѣдовательно, онъ могъ точно знать это число. Однако его сообщеніе нужно пвнимать такъ, что онъ въ упомянутое число включилъ изгнанныхъ не только изъ Кастиліи и Арагоніи (вмѣстѣ съ Каталоніей и Валенсіей), но и изъ Маіорки, Сициліи и Сардиніи, такъ какъ онъ замѣчаетъ: .מארצות ספרד ומזיציליא מיורקא וסרדיניא

Принимая обычное допущеніе, что еврейское населеніе Арагоніи съ прилегающими мѣстностями и населеніе Кастиліи (съ Леономъ, Мурціей и Андалузіей) находились между собою въ отношеніи 1: 2, мы найдемъ, что изъ Кастиліи было изгнано 200.000, а изъ Арагоніи 100.000. Рейхлинъ, который ко времени изгнанія уже вращался при нѣмецкихъ дворахъ, гдѣ, несомнѣнно, много было говорено объ этомъ событіи, опредѣляетъ число изгнанниковъ въ 420.000 ч. (de arte cabbalistica въ началѣ): pulsi ex Hispania Judaeorum centena quatuor et viginta millia. Какъ бы преувеличена ни была эта цифра (ибо Рейхлинъ не является классическимъ свидѣтелемъ), она, однако, служитъ аргументомъ противъ вычисленія Леба, который понизилъ упомянутое число до 165000 (въ указ. мѣстѣ стр. 182). Авраамъ Закуто, который, въ числѣ другихъ кастильцевъ, искалъ убѣжища въ Португаліи и, будучи хорошимъ ма-

тематикомъ, вѣроятно, понималъ цѣнность точныхъ чиселъ, вычислилъ, что число эмигрантовъ, переселившихся изъ Кастиліи въ Португалію, *превышаетъ 120.000* человѣкъ: שנכנסו (בפורטגאל) יותר מק"כ אלף נפשות. Поэтому нельзя просто отвергнуть сообщеніе, передающее, будто число офиціально зарегистрированныхъ переселенцевъ изъ Кастиліи въ Португалію достигало 93.000 человѣкъ.

Вычисленія г. Леба нисколько не убѣдительны. Онъ принимаетъ, что число сефардскихъ евреевъ въ Турціи, Египтѣ, Берберіи, Франціи, Италіи, Голландіи и т. д., т. е. потомковъ изгнанниковъ, *въ настоящее время* достигаетъ 165.000 чел., и предполагаетъ, что число послѣднихъ за четыре столѣтія удвоилось. Слѣдовательно, ихъ было около 80—90.000; число погибшихъ и тѣхъ, которые въ отчаяніи приняли христіанство, тоже, вѣроятно, не превышало этого числа. Однако, не говоря уже о томъ, что нѣтъ никакой статистики, которая помогла бы установить число сефардскихъ евреевъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ, и оно можетъ быть больше или меньше указаннаго, но само предположеніе, на основаніи этой цифры, о числѣ прадѣдовъ врядъ ли допустимо. Это извѣстный фактъ, что число сефардскихъ евреевъ въ послѣднія десятилѣтія весьма уменьшилось. Въ Гамбургѣ и Алтонѣ ихъ почти совсѣмъ ужъ нѣтъ; въ Амстердамѣ и Голландіи ихъ число сильно понизилось. На основаніи этого вычисленія нельзя судить ни о числѣ изгнанниковъ, ни о количествѣ еврейскаго населенія въ Испаніи.

11.

Процессъ инквизиціи о мнимомъ истязаніи ребенка изъ Ла-Гардіи.

За два года до изгнанія евреевъ изъ Испаніи инквизиція предала суду нѣкоторыхъ евреевъ и новохристіанъ, взводя на нихъ ложное обвиненіе въ совершеніи неслыханныхъ звѣрствъ, причемъ обвиненные были осуждены и казнены. Этотъ процессъ такъ называемаго „святого дитяти изъ Ла-Гардіи" (el santo mino de La-Guardia) длился полтора года и надѣлалъ много шуму въ Испаніи. Все обвиненіе было отъ начала до конца чистѣйшимъ вымысломъ; тѣмъ не менѣе въ то время, да и позже вѣрили въ виновность осужденныхъ; къ ложному обвиненію были присочинены еще и новыя преступленія и вся эта клевета еще и понынѣ приводится почти какъ фактъ многими „просвѣщенными" христіанами и даже историками. Исидоръ Лебъ проанализировалъ показанія такъ называемыхъ свидѣтелей и все судопроизводство инквизиціи, обнаруживъ при этомъ проницательность поистинѣ геніальнаго судебнаго слѣдователя. Онъ изготовилъ географическія карты тѣхъ мѣстностей, которыя упоминаются въ процессѣ, чтобы съ очевидностью доказать *топографическую безсмысленность* многихъ показаній, да и вообще распуталъ до послѣдней нитки это сплетеніе лжи. Лебъ, сопоставляя показанія свидѣтелей, доказалъ, что немыслимые факты были приняты за доказанную вину. Процессъ былъ построенъ на обвиненіи въ томъ, что невинное дитя трехъ лѣтъ было истязаемо и убито. Но въ актахъ процесса нѣтъ и тѣни намека на то, что въ городкѣ Ла-Гардіи или въ окрестностяхъ *пропалъ* вообще *ребенокъ*, что мать искала его и не нашла или что трупикъ его былъ гдѣ-нибудь закопанъ. Лебъ пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ тому неопровержимому результату, что *такого ребенка изъ Ла-Гардіи вовсе не было* и что, слѣдовательно, связанныя съ

нимъ звѣрства евреевъ и новохристіанъ не могли имѣть мѣста (см. объ этомъ Revue des Etudes juieves XV, стр. 203 и д.). Другой писатель, S. Berger, пришелъ къ тому же результату, въ журналѣ le Temoignage, октябрь 1887 г).

Но оба критика не раскрыли всего коварства, обнаружившагося въ этомъ процессѣ, и не указали той цѣли, которой добивалась инквизиція этимъ гнуснымъ и завѣдомо ложнымъ обвиненіемъ. Это былъ тенденціозный процессъ, стоящій въ связи съ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи. Выясняется также, что въ этотъ процессъ инквизиція хотѣла вовлечь одного, весьма вліятельнаго при дворѣ, еврея съ цѣлью скомпрометировать его и парализовать его заступничество за евреевъ. Чтобы доказать это, я долженъ освѣтить этотъ процессъ съ исторической точки зрѣнія.

Для оріентировки читателя, я приведу тутъ въ общихъ чертахъ подробности процесса. По предложенію обвинителя инквизиціи, *Алонсо де Гевара*, въ Іюлѣ 1490 г. къ суду инквизиціи были привлечены четыре новохристіанина изъ фамиліи *Франко* и еще два, *Бенито-Гарція* и *Жуанъ де Окана*, а также нѣсколько евреевъ по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи. Изъ евреевъ названы: *Жусе Франко*, юноша 18 лѣтъ, *скромный башмачникъ*, и равинъ *Моисей Абенаміасъ*. Позже были привлечены къ суду отецъ Жусе Франко по имени *Ца* (Исаакъ) *Франко, 80-ти лѣтній старецъ*. Всѣмъ обвиняемымъ были поставлены въ вину слѣдующія три тяжкихъ преступленія:

1) Они не только убили христіанскаго трехлѣтняго ребенка изъ Ла-Гардіи, но и подвергли его всѣмъ тѣмъ мученіямъ, которыя пришлось перетерпѣть Іисусу, съ цѣлью въ лицѣ ребенка, такъ сказать, еще разъ распять Христа.

2) Изъ вырѣзаннаго у ребенка сердца и украденной гостіи они приготовили чудодѣйственное средство съ цѣлью уничтожить инквизиторовъ и, если можно, всѣхъ христіанъ.

3) Всѣ они виновны въ кощунственномъ оскорбленіи Христа и церкви, а новохристіане къ тому же еще совращены евреями къ соблюденію еврейскаго ритуала.

Акты этого процесса были неизвѣстны до недавняго еще времени; только обвиненіе и осужденіе часто и, конечно, въ преувеличенномъ видѣ опубликовывались въ формѣ страшной сказки. Патеръ Фиделъ Фита впервые открылъ и опубликовалъ акты процесса, относящіеся къ Жусе Франко, вмѣстѣ съ мотивированнымъ смертнымъ приговоромъ, вынесеннымъ Бенито Гарціи (Boletin de la Academia, годъ 1887 и въ отдѣльномъ изданіи Estudios Historicos т. VII: el santo nino de La Guardia, 129 стр.). Акты, относящіеся къ прочимъ обвиняемымъ, тоже навѣрное существуютъ, но до сихъ поръ еще не найдены. Но и имѣющійся матеріалъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что 1) весь процессъ основанъ на гнуснѣйшемъ коварствѣ и 2) что онъ преслѣдовалъ опредѣленную тенденцію. Эти пункты я и постараюсь освѣтить въ дальнѣйшемъ.

1) Обвиняемый Жусе Франко отрицалъ все и вполнѣ правильно отмѣтилъ, что доносъ не указываетъ ни мѣста, ни времени совершенія преступленія, а также не называетъ свидѣтелей, которые могли бы это установить (№ 2, стр. 17). Вѣдь это было требованіе элементарнѣйшей справедливости. Что же возражаетъ на это обвинитель, фискалъ инквизиціи? „*Такъ какъ это процессъ еретиковъ, то нѣтъ необходимости устанавливать это* (№ 3,

стр. 21). Но какъ установить истинность или ложность обвиненія? Обвинитель съ самаго начала рекомендуетъ вѣрное средство, *пытку*: la pruewa (тамъ-же № 48, стр. 78). Обвинитель рекомендуетъ пытку, такъ какъ обвиняемый все отрицаетъ, а въ этомъ случаѣ инквизиціонный уставъ допускаетъ пытку и даже требуетъ ея. Такимъ образомъ, всѣ обвиняемые подверглись пыткѣ, и все, что они показали, т. е. подтвердили, было занесено въ протоколъ, причемъ *признаніе одного служило уликой противъ другого.* Въ актахъ обвиняемые называются *свидѣтелями.* Всѣ обвиняемые были фактически подвергнуты пыткѣ; дѣло не обошлось одной угрозой, какъ, повидимому, полагаетъ Лебъ. Такъ какъ все же можно было бы усомниться въ истинности показаній, данныхъ подъ пыткой, то на слѣдующій день, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, въ виду слабости обвиняемыхъ, допросъ былъ невозможенъ, спрашивали подвергшагося пыткѣ, подтверждаетъ ли онъ добровольно свое прежнее показаніе. Примѣненіе пытки было предписываемо уставомъ инквизиціи (ср. Revue des Etudes XI, стр. 94 и д.). Обычная пытка, описанная Лоренте histoire de l'Inquisition d'Espagne II, стр. 21), была примѣнена ко всѣмъ обвиняемымъ въ этомъ процессѣ. Полуобнаженное тѣло втискивалось въ особую машину (escalera), головой внизъ, а ногами кверху, руки и ноги связывались, и все тѣло было тѣсно сжато веревками и колодкою (ср № 49, стр. 81); всѣ обвиняемые были „привязаны къ орудію пытки". Бенито Гарція былъ нѣсколько разъ подвергнутъ пыткѣ; палачъ сѣкъ его нѣсколько разъ подрядъ, а въ одну ночь его пытали два раза, причемъ примѣнялась еще и *водяная пытка.* Послѣдняя состояла въ томъ, что въ то время, какъ тѣло пытаемаго было сжато, въ ротъ ему вкладывалась мокрая тряпка, которая, съ помощью особаго сосуда, каждый разъ, когда несчастный открывалъ ротъ, вбирала въ себя воду. Смерть могла произойти отъ удушенія (№ 13 стр. 34). Испанцы такъ наслаждались страданіями пытаемыхъ евреевъ, что нѣкій рифмоплетъ, *Іеронимъ Рамиро,* разсказавшій въ 1592 году (т. е. свыше 100 лѣтъ спустя) эту исторію о святомъ дитяти изъ Ла-Гардіи воспѣлъ въ гекзаметрахъ пытку Бенито Гарціи (въ указ. мѣстѣ стр. 159).

Восьмидесятилѣтній старецъ, Ца Франко, тоже подвергся пыткѣ водой (№ 51, стр. 8, № 54, стр. 91). Нужно ли удивляться тому, что этотъ несчастный признался во всемъ и показалъ противъ самого себя, своего сына и другихъ обвиняемыхъ. Таковы были улики, занесенныя въ протоколъ и формально приведенныя для мотивировки приговора. Въ чрезвычайно длинномъ приговорѣ противъ Бенито Гарціи судьи инквизиціи объявляютъ: *въ виду того, что Гарція, какъ и прочіе обвиняемые, признали себя виновными въ совершеніи всѣхъ преступленій, поставленныхъ имъ въ вину: въ истязаніи ребенка, въ кощунственномъ поруганіи христіанства, въ совращеніи новохристіанъ и въ приготовленіи чудодѣйственнаго средства, онъ, Гарція, передается свѣтской власти для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора* (тамъ же стр. 115—122). Вслѣдъ за симъ всѣ осужденные были сожжены 16 ноября 1491 года; нѣкоторыхъ, до послѣдняго мгновенія не обнаружившихъ раскаянія, сожгли на медленномъ огнѣ. Одинъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, несмотря на столь длительный процессъ и торжественное сожженіе, именно *жители Ла-Гардіи не очень то вѣрили въ истязанія, коимъ якобы подвергся ребенокъ изъ ихъ города.* Нотаріусъ

инквизиціи отъ имени послѣдней обнародовалъ обстоятельства дѣла и казнь Бенито Гарціи и приказалъ въ праздничный день перечислить въ церкви грѣхи Гарціи *„дабы всякій держалъ языкъ за зубами; я говорю это, въ виду вздорныхъ толковъ, распространенныхъ въ этомъ достославномъ городѣ“* (№ 65, стр. 114). Поэтому было приказано, подъ угрозой отлученія отъ церкви, публично прочитать отчетъ о виновности осужденныхъ. Это должно было положить конецъ вздорнымъ толкамъ и зажать всѣмъ рты. Не явствуетъ ли отсюда, что въ самой Ла-Гардіи были невѣрующіе, которые, сомнѣваясь въ самомъ фактѣ исчезновенія ребенка въ ихъ городѣ, пожимали плечами, когда узнали о вынесенномъ инквизиціей приговорѣ? Конечно, громко выражать свое сомнѣніе было не совсѣмъ безопасно; но знакомые между собою, вѣроятно, шепотомъ подвергали этотъ приговоръ толкамъ и пересудамъ. Уже эти толки (chismerias) были непріятны инквизиціи, и потому она хотѣла положить имъ конецъ.

Изъ приложенія къ актамъ процесса, изданнымъ Фиделомъ Фитой, можно видѣть, какая бездна новыхъ ужасовъ была присочинена впослѣдствіи къ уже извѣстному обвиненію (въ указ. мѣстѣ, стр. 135 и д.). Съ каждымъ столѣтіемъ истязанія, которымъ евреи подвергли мученика-ребенка, становились все болѣе ужасными. Бенедиктинскій монахъ, Грамсъ, писалъ еще только десять лѣтъ тому назадъ: „фактъ самъ по себѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ребенокъ былъ украденъ у своей слѣпой матери“ (Исторія испанской церкви, III, 2. 44). Но въ актахъ процесса ни единнымъ словомъ не упоминается о существованіи матери этого ребенка. Лишь позднѣйшіе писатели отыскали или выдумали родителей этого несуществовавшаго ребенка и даже снабдили ихъ именами. Замѣчательно еще, что кардиналъ Ганганели (позже папа Климентъ XIV), перечисляя и опровергая въ своей апологіи, направленной противъ обвиненія евреевъ въ убійствѣ дѣтей, всѣ подобные процессы, ни единымъ словомъ не упоминаетъ о процессѣ по поводу ребенка изъ Ла-Гардіи (Revue des Etudes XVIII, стр. 185 и д.). Такимъ образомъ при папскомъ дворѣ либо не обратили вниманія на этотъ процессъ, либо не повѣрили обвиненію.

2) Повидимому, въ процессъ долженъ былъ быть вовлеченъ очень вліятельный еврей, весьма любимый королевской четой, верховный равинъ и казначей, донъ Авраамъ Сеніоръ. Когда обвиняемый Жусе Франко тяжко заболѣлъ, и къ нему былъ призванъ врачъ инквизиціи, *Антоніо де Авила*, Франко просилъ призвать къ нему еврея, который бы прочелъ ему отходную молитву. Инквизиторы не остановились и предъ той подлостью, чтобы послать къ нему переодѣтаго равиномъ монаха подъ именемъ *раби Авраама*. Этотъ монахъ, *Алонсо Энрикесъ*, понимавшій діалектъ испанскихъ евреевъ, смѣсь древне-еврейскаго съ романскимъ, долженъ былъ вывѣдать отъ Франко что нибудь (№ 31, стр. 58). Шпіонирующій монахъ хотѣлъ побудить обвиняемаго обратиться за помощью къ дону Аврааму Сеніору. *Раби Авраамъ*—это выдуманное имя переодѣтаго монаха, а *донъ Авраамъ Сеніоръ*—это *верховный равинъ* Испаніи, а не, какъ предполагаетъ Лебъ, равинъ Сеговіи. Однако Франко, по словамъ протокола, *не согласился на это*. Но переодѣтый равинъ совсѣмъ иначе донесъ объ этомъ обстоятельствѣ, именно: обвиняемый посвятилъ его въ тайну, что онъ находится въ темницѣ за убійство ребенка, и просилъ его передать объ этомъ только верховному равину и никому другому.

(№ 31, стр. 58). Врачъ, тоже шпіонъ, присутствовавшій при разговорѣ обвиняемаго съ лже равиномъ, т. е. шпіономъ, подтвердилъ показаніе Алонсо, именно: Франко просилъ послѣдняго передать равину дону Аврааму, что онъ заключенъ въ темницу за убійство ребенка (№ 29, стр. 57).

Эти оба шпіона приписали обвиняемому Франко намѣреніе посвятить въ какую-то тайну верховнаго равина. Одинъ изъ шпіоновъ впервые произнесъ это имя и, если бы обвиняемый поддался на эту удочку, инквизиція имѣла бы случай подвергнуть допросу Авраама Сеніора и заточить его. Такимъ образомъ, повидимому, инквизиторы задались планомъ вовлечь въ процессъ верховнаго равина и казначея, дона Авраама Сеніора, для того, чтобы еще болѣе раздуть этотъ процессъ и во всякомъ случаѣ выставить Сеніора въ глазахъ королевской четы сообщникомъ обвиняемыхъ.

3) Инквизиціи удалось, съ помощью этого чудовищнаго процесса, убѣдить королевскую чету въ виновности осужденныхъ, а населеніе въ коварствѣ евреевъ. Въ Авилѣ, гдѣ разыгрался этотъ процессъ и гдѣ осужденные были подвергнуты сожженію, населеніе было чрезвычайно озлоблено противъ еврейской общины этого города. Одного еврея убили камнями, и всѣ евреи въ Авилѣ жили въ постоянномъ страхѣ предъ народной расправой. Поэтому они обратились за защитой къ королевской четѣ, которая и предписала всѣмъ властямъ строго наказывать тѣхъ, кто совершитъ насиліе надъ евреями. Этотъ указъ помѣченъ 16 декабря 1491 г., т. е. изданъ мѣсяцъ спустя послѣ казни осужденныхъ. Въ этомъ указѣ, который Фиделъ Фита отыскалъ въ муниципальномъ архивѣ Авилы и издалъ (Boletin 1889 и въ отдѣльномъ изданіи Documentos historicos VIII, стр. 110 и д.), королевская чета указываетъ, что, вслѣдствіе процесса, населеніе въ высшей степени возбуждено.

4) Начиная процессъ, инквизиція только и добивалась того, чтобы христіанское населеніе было охвачено страстной ненавистью къ евреямъ и маранамъ. Поэтому она такъ позаботилась о томъ, чтобы, на слѣдующій же день послѣ казни осужденныхъ, власти городка Ла-Гардіи обнародовали подробности процесса и заклинали населеніе *не вспахать* того куска земли, гдѣ, *можетъ быть*, покоится прахъ ребенка (Documentos VII suplemento стр. 113). Зачѣмъ все это? А затѣмъ, чтобы королевская чета, кардиналъ (Мендоза изъ Толеды) и весь міръ *могли видѣть* этотъ уголокъ земли. Но гдѣ находится этотъ уголокъ? Будто бы тамъ, гдѣ, какъ показалъ Жуанъ Франко, погребенъ трупикъ ребенка. Но тамъ не нашли ни могилы, ни костей. Ибо нотаріусъ инквизиціи высказалъ благочестивое пожеланіе, чтобы свершилось чудо и трупикъ былъ бы отысканъ. Итакъ, весь міръ, а въ особенности Фердинандъ и Изабелла, а также кардиналъ (котораго называли третьимъ владыкой въ Испаніи) должны были видѣть постоянно мнимую могилу, гдѣ мнимо погребенъ мнимый трупикъ мнимаго ребенка! Намекалось на то, гдѣ должна была быть эта могила; найдена была будто бы яма. Это было avis au lecteur. Вѣдь яму съ трупикомъ не трудно отыскать. Развѣ во всемъ этомъ не видна тенденція, не видно желаніе увѣковѣчить преступленія евреевъ и сдѣлать ихъ видимыми для власть имущихъ и народа?

Изъ другого обстоятельства явствуетъ, что этотъ процессъ преслѣдовалъ опредѣленную тенденцію. Торквемада, выступившій только въ началѣ процесса, передавая коллегіи право расправиться съ обвиняемыми, сейчасъ же послѣ казни осужденныхъ, проявилъ весьма оживленную дѣятельность. Онъ

приказалъ немедленно же послѣ свершившейся казни *перевести смертный приговоръ на каталонскій діалектъ* (тамъ же стр. 122 и д.). Съ какой цѣлью сдѣлалъ онъ это? Каталонцы, плохо понимавшіе по-испански, должны были на родномъ языкѣ узнать, какіе ужасы открыла и наказала инквизиція. Каталонцы энергично сопротивлялись введенію инквизиціи въ ихъ странѣ. Этотъ процессъ долженъ былъ убѣдить ихъ въ необходимости sanctum officium.

Такимъ образомъ, процессъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: оправдать преслѣдованія марановъ и побудить королевскую чету къ изгнанію евреевъ, долго подготовлявшемуся доминиканцами. На связь между процессомъ и изгнаніемъ евреевъ намекаетъ и одинъ документъ на латинскомъ языкѣ, въ коемъ прославляется чудодѣйственная сила якобы поруганной евреями гостіи. Тамъ сказано: Въ виду оскверненія гостіи и убійства „ребенка" евреями, католическіе короли *привели въ исполненіе* давно уже задуманный ими планъ изгнанія евреевъ изъ Испаніи (т. же, стр. 153). Этотъ документъ отысканъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Авилѣ, гдѣ дѣйствовалъ Торквемада. Въ этой сферѣ, вѣроятно, очень хорошо знали, что устроенный Торквемадой процессъ не остался безъ вліянія на рѣшеніе королевской четы объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи.

12.

Начало Испанской инквизиціи.

Благодаря усерднымъ изслѣдованіямъ и любви къ истинѣ испанскихъ историковъ и особенно дона Фидела Фиты, открыты новые источники, освѣщающіе дѣятельность испанской инквизиціи въ первое время, когда ею руководилъ Торквемада. Нѣкоторые списки именъ осужденныхъ „іудействующихъ еретиковъ" сообщаютъ интересныя подробности, которыя своей непосредственностью и рѣзкостью еще болѣе увеличиваютъ ужасъ, охватывающій насъ предъ sanctum officium. Эти источники вполнѣ подтверждаютъ ту гнусную жестокость икнвизиціи, которую изобразилъ Лоренте; послѣ ознакомленія съ ними никто уже не сможетъ проявить ту безцеременность, съ которой авторъ біографіи кардинала и великаго инквизитора, Ксименеса де-Циснеросъ (Гефеле), утверждалъ, будто ужасы инквизиціи имѣются лишь „въ историческихъ романахъ и романическихъ исторіяхъ". Находящіяся въ этихъ источникахъ подробности основательно опровергаютъ и обвиненія, возведенныя бенедиктинскимъ монахомъ, Піемъ Бонифаціемъ *Гамсомъ*, противъ Лоренте, котораго онъ упрекаетъ въ искаженіяхъ и преувеличеніяхъ (Исторія Испанской церкви III, 2, 1879). Послѣ открытія упомянутыхъ источниковъ, повѣствованія перваго историка инквизиціи кажутся скорѣе еще смягченными, чѣмъ тенденціозно преувеличенными. Эти источники опубликованы лишь съ 1885 г.

I. Самый обширный и содержательный источникъ озаглавленъ: La Inquisicion Toledana, о введеніи ея, о жертвахъ и объ ауто да фе въ Толедѣ отъ 1486 до 1501 года. Очевидецъ съ трогательной наивностью и святой простотой описалъ событія и всѣ потрясающія, безчеловѣчныя преслѣдованія инквизиціи. Лоренте, впрочемъ, зналъ этотъ источникъ и использовалъ его; но общіе результаты далеко не даютъ той рельефной картины, которая вырисовывается на фонѣ этого колоритнаго описанія событій изъ года въ годъ,

часто даже со дня на день. Этотъ чрезвычайно интересный дневникъ Inquisicion Toledana полностью опубликованъ неутомимымъ и правдивымъ изслѣдователемъ, Фиделомъ Фитой въ Boletin de la real Academia de la historia 1887, т. XI 291—309.

II. La lista de los procesos originales, списокъ осужденныхъ въ 1480—1501 г.г. инквизиціей въ Вила-Реалѣ (Ciudad-Real), а затѣмъ и въ Толедѣ (въ томъ же Boletin 314 и д.). Списокъ содержитъ 231 имя; большинство поименованныхъ было предано огню.

III. *Зеленая книга Арагоніи* (el libro verde de Aragon), содержитъ генеалогію 103 маранскихъ семействъ, относительно коихъ авторъ *Жуанъ де Анахісъ* предостерегаетъ старохристіанъ вступать съ ними въ родство и добросовѣстно сообщаетъ, какіе члены семьи были сожжены и какъ: ихъ *тѣла* ли, или *изображенія* (en efigie), или *кости* (en huesos). Отсюда тоже явствуетъ, какое множество лицъ было осуждено частью въ столицѣ Сарагосѣ и частью въ другихъ арагонскихъ городахъ.

IV. Въ той же зеленой книгѣ приведены, въ видѣ приложенія, своего рода свидѣтельскія показанія по дѣлу о заговорѣ противъ Арбуеса и его смерти, а также имена лицъ, которыя были осуждены въ связи съ этимъ.

V. Другое приложеніе къ этой же книгѣ содержитъ *алфавитный* перечень 197 лицъ, осужденныхъ въ Сарагосѣ отъ начала инквизиціи въ этомъ городѣ (1485 г.) и до 1574 года. Изъ этихъ 197 именъ должны быть вычтены 54, относящіеся ко времени послѣ смерти Торквемады (1498 г.); остается все еще 140 именъ. Во всякомъ случаѣ этотъ списокъ не полонъ, такъ какъ въ немъ недостаетъ именъ, которыя приведены въ слѣдующемъ спискѣ.

VI. Третье приложеніе содержитъ *хронологическій* указатель всѣхъ осужденныхъ инквизиціей въ Сарагосѣ отъ 1486 г. до 1499 года. Sumario de los confesos condenados des deel ano 1482 hasta el ano de 1499.

VII. Другой списокъ съ 56 именами осужденныхъ въ Сарагосѣ, почерпнутыми изъ одного Ms., который содержитъ въ себѣ перечень всего того, что было конфисковано у 348 марановъ въ Арагоніи; перечень этотъ былъ составленъ нотаріусомъ Мартиномъ де Куока (Revue des Etudes XI, 84 и д.) Изъ 56 осужденныхъ пятьдесятъ относятся ко времени отъ 1486 до 1498 года, т. е. ко времени Торквемады.

VIII. Списокъ, содержащій 102 имени осужденныхъ въ Авилѣ отъ 1490 и до 1529 года. Имена эти были отмѣчены, какъ трофеи, въ монастырѣ Авилы, гдѣ ихъ и открылъ Фиделъ Фита, опубликовавшій ихъ въ Boletin, годъ XV 1889, стр. 333 и д. Изъ этихъ 102 именъ слѣдуетъ вычесть лишь 14 человѣкъ, которые были осуждены лишь послѣ смерти Торквемады. Въ томъ же монастырѣ приведены 82 имени лицъ, присужденныхъ къ покаянію.

Всѣ эти источники приводятъ довольно большое число жертвъ, погибшихъ отъ ауто да-фе, и все же эти списки содержатъ имена лишь тѣхъ еретиковъ, которые были осуждены только немногими трибуналами инквизиціи (въ Вила Реалѣ, Толедѣ, Сарагосѣ и Авилѣ). Изъ источника III явствуетъ, что костры зажигались и во многихъ арагонскихъ городахъ, гдѣ *многіе* нашли ужасную смерть (ср. ниже).

Бездушная жестокость еще болѣе проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда инквизиція присуждала сознавшихся и раскаявшихся марановъ къ показанію. Смертныя муки, которыя испытываютъ сжигаемые на кострѣ и которыя на-

полняютъ ужасомъ наше воображенiе, кажутся почти завидными въ сравненiи съ тѣми муками, которыя пришлось претерпѣвать всю жизнь несчастнымъ маранамъ, присужденнымъ къ покаянiю. Объ этихъ мукахъ сообщаетъ намъ источникъ 1.

Извѣстно, что въ Севильѣ, при введенiи инквизицiи, готовился заговоръ противъ нея и что этотъ заговоръ незадолго до своего осуществленiя былъ разоблаченъ и разстроенъ вслѣдствiе любовной связи дочери одного изъ заговорщиковъ. Извѣстно также, что въ Сарагосѣ заговоръ многихъ и видныхъ новохристiанъ въ томъ смыслѣ удался, что инквизиторъ Арбуесъ былъ убитъ. Но не было извѣстно, что и въ Толедѣ готовился заговоръ, который тоже не удался. Анонимный авторъ разсказываетъ въ источникѣ I о прибытiи въ Толеду инквизиторовъ и о торжественномъ открытiи инквизицiи, о томъ, какъ всѣ собравшiеся въ церкви были приведены къ присягѣ и должны были поклясться въ томъ, что они будутъ поддерживать инквизицiю и выдавать удействующихъ новохристiанъ, также о томъ, какъ инквизиторы грозили отлученiемъ всякому, кто словомъ, совѣтомъ или дѣломъ будетъ противодѣйствовать инквизицiи. Далѣе разсказывается: установленъ былъ 40-дневный срокъ для тѣхъ, которые сами признаютъ себя iудействующими Relapsi и будутъ молить о прощенiи; прошло 14 дней, но никто не заявилъ о себѣ инквизицiи, ибо новохристiане въ этомъ городѣ сговорились, въ праздникъ Corpus Christi, какъ только старохристiане выйдутъ процесiей по городу, напасть на нихъ съ четырехъ улицъ и перебить инквизиторовъ и рыцарей, да и вообще весь христiанскiй народъ; они сговорились захватить городскiя ворота и входъ въ большую церковь; „но Спасителю было угодно", чтобы заговоръ наканунѣ праздника былъ раскрытъ, и нѣкоторые заговорщики были схвачены; передъ выходомъ процесiи повѣсили одного изъ плѣнниковъ, а затѣмъ схваченъ былъ молодой ученый (Bachiller) de la Torre, бывшiй главою заговорщиковъ, и тоже повѣшенъ съ четырьмя другими. Такъ какъ, однако, инквизиторъ понялъ, что суровая кара поведетъ къ опустошенiю города, то онъ удовольствовался наложенiемъ денежнаго штрафа на покрытiе расходовъ по веденiю войны съ маврами; такъ какъ новохристiанамъ не оставалось ничего иного и изъ боязни погибнуть на кострѣ, многiе изъ нихъ заявили о себѣ инквизицiи; „но, повидимому, они сдѣлали это подъ давленiемъ инквизицiи, а не изъ-за твердой рѣшимости снова прiобщиться къ святой христiанской вѣрѣ.

„И когда прошли установленные 40 дней, они (инквизиторы) публично угрожали отлученiемъ всѣмъ тѣмъ, которые, зная о томъ, что кто нибудь еретикъ, не заявитъ объ этомъ инквизицiи: для этого они назначили срокъ въ 60 дней, а, когда и это время истекло, продлили этотъ срокъ еще на 30 дней".

„Между тѣмъ они призвали къ себѣ еврейскихъ равиновъ, привели ихъ къ присягѣ, установленной еврейскимъ закономъ, и подъ угрозой лишить ихъ жизни и имущества, приказали имъ немедленно же провозгласить въ синагогахъ великое отлученiе и не снимать его, покуда всѣ евреи не дадутъ своихъ показанiй въ этомъ дѣлѣ, и, дѣйствительно, многiе евреи, мужчины и женщины, явились съ цѣлью дать показанiя.

„Въ это время въ гавани Валенсiи были схвачены *Санхо де Цибдадъ* и его жена (*Марiя Дiацъ*), ихъ сынъ съ женой и еще *Перо Гонзалезъ де Теба*, которые жили въ Вила-Реалѣ и были еретиками; они бѣжали оттуда,

ибо тамъ дѣйствовала инквизиція, купили въ гавани небольшое судно, запаслись провіантомъ и пустились въ плаваніе; но Богу было угодно, чтобы сильный вѣтеръ отбросилъ ихъ назадъ въ гавань; тамъ они были схвачены, привезены въ Толеду и переданы инквизиціи; это были первые еретики, которые были тутъ сожжены".

„Когда эти 90 дней истекли, они стали арестовывать всѣхъ тѣхъ, кого они обвиняли въ показномъ раскаяніи или же нежеланіи раскаяться".

„12 февраля 1486 года всѣ раскаявшіеся семи церковныхъ округовъ, около 750 лицъ, мужчинъ и женщинъ, образовали особую процесію; мужчины безъ плащей, съ непокрытой головой, необутыми ногами, безъ чулковъ; въ виду сильнаго холода, имъ позволили носить лишь привязанныя подошвы, оставлявшія верхнюю часть ноги непокрытой, въ рукахъ они держали темныя свѣчи; женщины безъ верхняго платья, съ непокрытой головой и съ необутыми ногами, какъ мужчины; *между ними было много именитыхъ гражданъ и людей съ положеніемъ*; въ виду большого холода и позора, который они испытывали предъ людьми, смотрѣвшими на нихъ (ибо съ окрестныхъ мѣстъ стеклось много людей, чтобы видѣть процесію), они подняли громкій крикъ и плачъ, многіе рвали на себѣ волосы (вѣроятно, скорѣе отъ стыда, чѣмъ изъ-за покаянія въ грѣхахъ передъ Богомъ); такъ они прошли черезъ весь городъ къ большой церкви; у дверей церкви стояли два каплана, которые, осѣняя каждаго крестнымъ знаменіемъ на лбу, приговаривали: „прими это знаменіе креста, который ты отвергнулъ и за грѣхи потерялъ"; они вошли въ церковь и дошли до трибуны, на которой стояли Padres Inquisidores, а на другой трибунѣ стоялъ алтарь, съ высоты коего отслужили обѣдню и произнесли проповѣдь; затѣмъ поднялся нотаріусъ и обратился къ каждому изъ раскаявшихся по имени: „Ты ли тотъ-то и тотъ-то?"; раскаявшійся поднималъ свою свѣчу и говорилъ: „Да"; и ему прочитывались всѣ тѣ случаи, когда онъ исполнялъ еврейскіе обряды; такъ же поступили и съ женщинами; затѣмъ на нихъ было наложено публичное покаяніе.

Послѣднее состояло въ томъ, что *они шесть пятницъ подрядъ должны были участвовать въ процесіи, бичуя себя въ обнаженныя плечи, безъ чулковъ, съ непокрытой головой; во всѣ эти шесть пятницъ они должны были соблюдать постъ*; имъ запрещено было *на всю жизнь занимать какой либо общественный постъ, сдѣлаться алкалдомъ, алгвазиломъ, регидоромъ, государственнымъ совѣтникомъ, нотаріусомъ или привратникомъ* (Portero?); тѣ, которые уже занимали эти посты, должны были оставить ихъ; они не должны были быть и банкирами, аптекарями, торговцами пряностей, не должны были завѣдывать сборомъ податей; имъ нельзя было носить ни шелка, ни пурпура, ни извѣстныхъ матерій, ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни коралловъ, ни вообще какихъ либо украшеній; это все имъ запрещено было подъ угрозой наказанія ихъ, какъ отпавшихъ (relapsos), т. е. сожженія; въ видѣ покаянія они должны были внести пятую часть получаемаго дохода на покрытіе расходовъ по веденію войны противъ мавровъ.

Анонимный авторъ затѣмъ подробно сообщаетъ, въ какія церкви водили въ эти шесть пятницъ покаявшихся новохристіанъ, которые должны были присутствовать на богослуженіи и слушать проповѣди.

2 апрѣля 1486 г. такимъ же образомъ, съ такими же церемоніями были поведены въ церковь около 900 покаявшихся новохристіанъ другихъ шести

церковныхъ округовъ и присуждены къ тому же покаянію. Здѣсь еще только добавлено, что осужденнымъ запрещено *ѣздить верхомъ* и *носить оружіе* въ теченіе всей жизни; они тоже должны были каждую пятницу участвовать въ процесіи покаявшихся, но только имъ былъ отпущенъ одинъ день.

15 мая того же года маранамъ округа Толеды было также предложено явиться для покаянія въ грѣхахъ подъ угрозой, въ случаѣ неявки въ теченіе ближайшихъ 30 дней, быть осужденными на смерть; предавшимся бѣгству новохристіанамъ было предложено предстать предъ судомъ инквизиціи; въ ихъ числѣ были *три монаха* изъ St. Geronimo (францисканцы) и *нѣкоторыя лица духовнаго званія.*

Затѣмъ то же предложеніе было сдѣлано маранамъ въ округахъ Мадрида и Гвадалаяры.

11 іюня 1486 года покаявшіеся изъ четырехъ округовъ образовали процесію, состоявшую почти изъ 750 лицъ, которыя подверглись тѣмъ же униженіямъ.

10 августа 1486 года они сожгли 25 лицъ, *двадцать мужчинъ* и *пять женщинъ*, между ними доктора *Алонзо Коту* изъ Толеды, *муниципальнаго чиновника* (Regidor), *королевскаго комисара* (Fiscal), *представителя ордена Санъ-Яго* (comendador de la horden de Sanjago) и *другія лица, занимавшія видное положеніе*; ихъ потащили на площадь, головы ихъ были покрыты остроконечными картузами, руки были веревками привязаны къ шеѣ, они были окутаны въ покаянныя платья изъ желтаго полотна, на которыхъ были написаны имена осужденныхъ и слова: „проклятый еретикъ"; на площади стояли двѣ трибуны: одна была со ступеньками, на другой находились инквизиторы и нотаріусы; затѣмъ каждому напоминались всѣ тѣ случаи, когда онъ проявилъ приверженность къ іудаизму, и въ заключеніе ихъ передали *справедливой свѣтской власти*; отсюда ихъ отвели на поле, гдѣ ихъ сожгли; на мѣстѣ сожженія не осталось ни одной кости.

17 августа 1486 года они сожгли *двухъ лицъ духовнаго званія*; одинъ былъ *бакалавромъ медицинскихъ наукъ* и *капланомъ* королевской капеллы, въ коей онъ ежедневно совершалъ богослуженіе; другой былъ *священникомъ* (cura) *церкви св. Мартина изъ Талаверы*; сперва они были одѣты въ облаченія священника, какъ если бы имъ предстояло совершить богослуженіе; затѣмъ имъ было сообщено обвиненіе въ томъ, что они *строго придерживались закона Моисея*, послѣ чего съ нихъ были сняты ихъ облаченія вплоть до нижняго платья, и они были переданы свѣтской власти и сожжены на полѣ.

15 октября 1486 года въ большой церкви, послѣ проповѣди, были прочитаны имена извѣстныхъ лицъ, которые умерли еретиками, хотя и слыли за христіанъ; было приказано, чтобы всѣ тѣ, которые наслѣдовали что нибудь отъ тѣхъ лицъ, предстали предъ инквизиторами и отдали имъ отчетъ о полученномъ наслѣдствѣ, ибо они не имѣли права на него, такъ какъ имущество еретиковъ принадлежитъ королю; наслѣдникамъ угрожали суровыми наказаніями; были прочитаны также имена извѣстныхъ лицъ, предавшихся бѣгству, и было заявлено, что, если они не явятся въ теченіе опредѣленнаго времени, они будутъ осуждены какъ еретики.

10 декабря 1486 года состоялась процесія изъ всѣхъ покаявшихся округа Толеды, въ коей участвовало 900 человѣкъ; эта процессія имѣла тотъ

же характеръ, что и прежнія. Анонимный авторъ добавляетъ, что, несмотря на суровые зимніе холода, инквизиторы заставили покаявшихся стоять *необутыми ногами на каменныхъ плитахъ;* они должны были дать клятву не только самимъ не исполнять еврейскихъ обрядовъ, но и доносить инквизиціи на всякаго іудействующаго ново-христіанина.

На слѣдующій день состоялась процесія покаявшихся изъ того же округа (тутъ не указано число ихъ, но, повидимому, ихъ было болѣе 200); послѣдніе были присуждены къ еще болѣе тяжкому покаянію; они должны были каяться *семь* пятницъ подрядъ и въ особые праздники; кромѣ того участвовать вообще во всѣхъ процесіяхъ, которыя происходили въ ихъ округѣ; двѣсти покаявшихся были присуждены къ ношенію въ теченіе цѣлаго года покаяннаго платья; въ случаѣ ослушанія, имъ грозили наказаніемъ, которому подлежатъ Relapsi.

15 января 1487 года состоялась процесія изъ 700 мужчинъ и женщинъ округа Алкараца; всѣ они подверглись тѣмъ же униженіямъ, какимъ подверглись покаявшіеся новохристіане другихъ округовъ.

10 марта 1487 года въ процесіи участвовало около 1200 покаявшихся изъ округовъ *Талаверы, Мадрида* и *Гвадалаяры*; нѣкоторые изъ покаявшихся были присуждены къ *пожизненному* ношенію покаяннаго платья.

7 мая 1487 года были сожжены 23 лица, изъ нихъ *14 мужчинъ и 9 женщинъ;* среди нихъ находился *священникъ изъ Толеды*, который былъ обвиненъ въ ужасной ереси.

8 мая были публично сожжены изображенія бѣжавшихъ и осужденныхъ марановъ, а также кости умершихъ.

25 іюля 1488 года на кострѣ погибли 37 лицъ, *20 мужчинъ и 17 женщинъ*.

26 іюля 1488 года совершено было ауто-да-фе, на которомъ были сожжены кости болѣе, чѣмъ ста осужденныхъ марановъ, причемъ было конфисковано все оставшееся послѣ нихъ имущество. *Всѣмъ ихъ дѣтямъ, внукамъ и болѣе отдаленнымъ потомкамъ по мужской линіи было запрещено занимать какую-либо должность, носить оружіе, ѣздить верхомъ и носить украшенія.*

24 мая 1490 года на кострѣ были сожжены *18 мужчинъ и 3 женщины*, среди нихъ *Фернандо Гарвалъ*, въ домѣ коего былъ *обнаруженъ крестъ въ балкѣ*; въ тотъ же день *5 мужчинъ* и *женщинъ были присуждены къ пожизненному заключенію.*

25 мая 1490 года были осуждены, какъ еретики, болѣе 400 уже ранѣе умершихъ мужчинъ и женщинъ; того же числа сожгли на площадяхъ *книги и ложныя библіи упомянутыхъ еретиковъ*; въ тотъ же день была сожжена женщина, извѣстная еретичка, которая громко заявила, что она хочетъ умереть во славу Моисеева закона, что *нѣтъ другой истины, кромѣ іудаизма*; она умерла со словомъ Adonay на устахъ.

25 іюля 1492 года былъ сожженъ Лопе, а четверо другихъ мужчинъ и женщинъ были присуждены къ вѣчному заключенію.

30 іюля 1494 года были сожжены *9 мужчинъ и 7 женщинъ*, одинъ по имени *Тристанъ, книгопродавецъ*, другой—золотыхъ дѣлъ мастеръ *Гарцинъ Гонзалезъ;* къ вѣчному заключенію были приговорены 30 лицъ, мужчинъ и женщинъ.

22 февраля 1501 года было сожжено 38 мужчинъ; въ городкѣ Герерѣ была арестована 16-ти лѣтняя дѣвушка, которая, по наущеніямъ своего отца и дяди, разсказывала: Мессія говорилъ съ нею и вознесъ ее на небо; тамъ она видѣла всѣхъ тѣхъ, которые были раньше сожжены; они сидѣли на золотыхъ стульяхъ и питали надежду на скорое пришествіе Мессіи, который поведетъ ихъ въ Обѣтованную землю; многіе изъ марановъ отправились въ Гереру, чтобы видѣть эту дѣвушку; она выдавала себя за провозвѣстницу Мессіи, и они осыпали ее подарками; она просила о помилованіи, и была пощажена; но *многіе*, обманутые ею, поплатились жизнью и имуществомъ, а другіе мужчины и женщины оставались всю жизнь въ заточеніи.

23 февраля 1501 года были сожжены *67 женщинъ*, всѣ изъ Гереры и Ла-Пуеблы де Алкоцеръ; ходили толки, что нѣкоторыя умерли въ христіанской вѣрѣ, за что имъ милостиво и замѣнили сожженіе удушеніемъ.

Въ то же время пришло извѣстіе, что въ Кордовѣ были сожжены 90 и даже больше мужчинъ и женщинъ изъ городка *Хилона*; они были обмануты упомянутой выше дѣвушкой.

30 марта 1501 года погибли на кострѣ *6 мужчинъ и 3 женщины*, женщины и четверо мужчинъ были изъ Толеды; покаявшись въ грѣхахъ, они были помилованы, но потомъ стали снова исполнять еврейскіе обряды; въ тотъ же день *56 мужчинъ и 87 женщинъ* были присуждены къ вѣчному заточенію; всѣ—молодые люди, въ возрастѣ менѣе 30 лѣтъ; но такъ какъ они были совращены старшими и умоляли о пощадѣ, ихъ оставили въ живыхъ и возложили на нихъ только покаяніе.

Такъ сообщаетъ анонимный авторъ изъ Толеды, свѣдѣнія коего Лоренте лишь частью использовалъ. Число осужденныхъ въ Толедѣ не поддается даже приблизительному подсчету. Не говоря уже о томъ, что анонимный авторъ часто не устанавливаетъ точнаго числа, относительно нѣкоторыхъ годовъ у него вообще отсутствуютъ свѣдѣнія. Въ пропущенные имъ 1489, 1491, 1493, 1495—1500 годы въ Толедѣ происходили ауто-да-фе, какъ это явствуетъ изъ списка процесовъ (источникъ II). Изъ чиселъ, которыя анонимный авторъ приводитъ въ опредѣленной формѣ, видно, что отъ 1485—1491 г. въ Толедѣ сожжено болѣе 200 лицъ. Число присужденныхъ къ тяжкому покаянію (reconciliados) въ Толедѣ—городѣ и округѣ—доходитъ до 5.450, а число тѣхъ, чьи кости были сожжены, достигаетъ 500. Въ этой области, слѣдовательно, къ суду инквизиціи было привлечено болѣе 6000 марановъ.

Число жертвъ, погибшихъ на кострахъ въ Сарагосѣ и приведенныхъ поименно въ спискахъ (источники V—VI), во всякомъ случаѣ было значительно больше, чѣмъ это отмѣчено въ спискахъ, ибо послѣдніе неполны. Патеръ Гамсъ разсказываетъ, что инквизиторъ Арбуесъ въ Сарагосѣ, повидимому, былъ весьма кротокъ, ибо его біографы въ Acta sanctorum сообщаютъ только о единственномъ случаѣ, когда къ смерти была присуждена дѣвушка. Патеръ Гамсъ могъ бы кое что другое почерпнуть изъ списка (V), опубликованнаго Амадоромъ де Лосъ-Ріосъ.

Таковы документы объ ужасахъ инквизиціи, почерпнутые не изъ романовъ, а изъ архивовъ такъ называемаго Священнаго судилища.

18.

Отношеніе португальскихъ евреевъ къ своимъ соплеменникамъ, изгнаннымъ изъ Испаніи и поселившимся въ Португаліи. Письмо Давида ибнъ-Яхія къ Исаіи Месени.

Гедалія ибнъ-Яхія, собиратель историческихъ справокъ, сообщаетъ въ своемъ שלשלת הקבלה (къ концу) о слѣдующемъ поразительномъ фактѣ: португальскіе евреи боясь печальныхъ для себя послѣдствій, связанныхъ съ переселеніемъ въ Португалію испанскихъ изгнанниковъ, старались побудить португальскаго короля къ отказу въ пріемѣ послѣднихъ. Кармоли объявляетъ это сообщеніе, которое свидѣтельствовало бы о безсердечномъ эгоизмѣ португальскихъ евреевъ, ложнымъ и противопоставляетъ ему свидѣтельство другого члена семьи Яхіи, откуда видно, что португальскіе евреи съ большою любовью отнеслись къ своимъ несчастнымъ единоплеменникамъ, изгнаннымъ изъ Испаніи и переселившимся въ Португалію (Біографія Яхіидовъ, стр. 15. прим.). Послѣднее, правда, удостовѣрено *посланіемъ Давида ибнъ-Яхія къ Исаіи Месени;* но, по моему мнѣнію, это обстоятельство нисколько не опровергаетъ сообщенія Гедаліи ибнъ-Яхія. Оба сообщенія могутъ быть одинаково вѣрны.

Сперва разсмотримъ письмо Давида ибнъ-Яхія, служащее какъ бы предисловіемъ коментарія къ введенію въ More Nebuchim и написанное около 1496 года. Я могъ использовать это интересное письмо, только благодаря любезности покойнаго Кармоли, и я привожу тутъ это письмо въ виду содержащихся въ немъ важныхъ справокъ. Копія сдѣлана членомъ французскаго синедріона, *Іосифомъ Давидомъ Зинцгеймомъ* 1790 на основаніи одного парижскаго кодекса.

שר וגדול כליל החכמה יופי המעלה לו שם בתהלה החכם הנעלה הר' ישעיה מישיני י"ץ. גם לכבודך לא ידעתי, רוממתיך לא יכירני, גבוה מעל גביה לא יבים לשפל אנשים. הסכמתי לכתוב שורתיים בבטחון אלה השתים: האחד כאשר הייתי שלו בישיבתי רענן בבית מדרשי מפי אנשי אמונה שמעתי שלימות נפשך החשובה כלולה מבראשית ומרכבה המליכה מן השמים בעצה ונבורה זכה וברה לעד ולאות שבשנים קדמוניות היו באומותנו שרי אלפים ושרי מאות. השנית אחוה מבעית למוב שבלך נשבע (?) ליחיד בעולמו מה' גדליה ז"ל נפטר באהבה רבה פירש ממך כאשר פירש מחייו. הוא מנעורי גדלני שיורי פתותיו האבילני, מים יצקתי על ידיו גלילי זהב. יגורו בלבי כאבי. בקרבי לבן השבתי לנדלך נורא תהלות. אספר שמע מרוב התלאות אשר קראני. אבליני הממיני אילי אלהים ממאיר עיני החשיבים זכות הרב והמעלות המהוללות הגניזות תהת כנפיך יהיו בעזרי ימי המצר ישמע לקולי ובעצתו ינהגני ויביאני למיל קדשו אובה לראות פני המיחד בשירים דמית רבי בבית שערים.

אדוני רב תלאות ויגונות באו עלי ברמיזא שמי דוד ב"ב ארוני דון שלמה בן יחייא האח הזקן מהחכם הנזכר ז"ל. מלאכתי מיום היותי היתה בתורה, יש כמו שבעעשרה שנה שאני מרבין תורה בקהילה קדישא מלישבונא הורש לרבים במנהגיו בשבתות ובמועדים. וכאשר גירש מלך ספרד היהודים מכל מקומות ממשלתו רבים מהגדולים באו לדבר עם מלך פורטוגאל שיקבצם בארצו ויתנו עמהם תנאים שאבוי לרובים כל שכן רבותינו. שהמלך היה מבקשי שינא רבוית וכל שכן ראיבה ישראל. כל הקהל באחד היו עוזרים לנגישים בבני

אופני העזר. והמלך נתמלא חימה עליהם ולקח לרבים מהמה נכסים ומהם ענש בגופם ומתו בכבלי עוני. ואני ברחתי מפני ששמו עלי שידי היתה לשליח להתיהד מקצת שהיה אנוסים בהמרת דתינו. וברוך השם שהצילני מחרבו הקשה והעצומה ומה שמצא מנכסי לקח כלו. באתי לנפולי ושם הייתי עם אשתי וביתי כאשר באו ימי הרעה וגזלוני שם. אחר זה בספינות שלחנו לשרים כל אשר לנו להחיות את נפשיתינו. והגיענו הלם לקירפו ותהלות לאל בנכסי שמכרתי בזול וכן ספרים הרבה שלמתי שעד הנה לא שלם בעדי כלל ופרט אפילו פרוטה. אחר זה חליתי ונפלתי למשכב והשארית נתמעטה מהכים. וחנה אני פה היום תענית פורים בלארטה עיר קצה תוגרמה כוסף לעלות לארץ ההיא לראות אם אמצא מנוח באיזה אופן שיהיה להחיות נפשות ביתי ואין לי כח. כי גם שיש לי ספרים ותכשיט הבית ואמכרם להוצאותי עם כל זה העיר הזאת מצער ולא אוכל להחיות את נפשי בה. לכן במלות קצרות שלא הורגלתי בזה מהחנן לפניך להת סדר לעלות אני וביתי לשם וכל אשר לי אתנהו בידיך וכו'.

Изъ одного мѣста въ приведенномъ письмѣ, правда, съ очевидностью явствуетъ, что португальскіе евреи оказывали всяческую помощь своимъ испанскимъ единоплеменникамъ, т. е. поддерживали бѣдныхъ и слабыхъ. Но тамъ не указано, что они хлопотали предъ королемъ Донъ-Іоао о разрѣшеніи изгнанникамъ поселиться въ Португаліи. Слѣдующее темное мѣсто, напротивъ, приводитъ насъ къ противоположному мнѣнію: испанско-еврейскіе знатные бѣглецы говорили съ королемъ, прося о разрѣшеніи имъ поселиться въ Португаліи, *а они ставятъ имъ условія* (кто? кому?), *о которыхъ нельзя и упомянуть, не то что написать*. Повидимому, Давидъ ибнъ-Яхія хотѣлъ обойти молчаніемъ не совсѣмъ справедливыя мѣры, предпринятыя португальскими евреями. Если мы еще вспомнимъ, что испанскіе изгнанники хотѣли добиться полнаго допущенія въ Португалію, т. е. права уроженцевъ, и что это имъ не удалось, то мы сможемъ убѣдиться въ правдоподобности сообщенія, приведеннаго въ Schalschelet.

Ибо послѣдній также сообщаетъ: Португальскіе евреи поддерживали несчастныхъ изгнанниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались не допустить поселенія ихъ въ Португаліи, ибо послѣдняя была слишкомъ мала, чтобы принять въ себя столько евреевъ. Благодаря этому испанскіе эмигранты были принуждены за деньги добиться разрѣшенія короля на проѣздъ черезъ Португалію и кратковременное пребываніе въ странѣ. Я признаю, ч.о эта интерпретація не вытекаетъ изъ отдѣльныхъ словъ письма; но она явствуетъ изъ общаго тона. Сообщеніе гласитъ: ודע כי החלק שפנו ללכת אל פרטוגאל היו כמו שלש מאות אלף נפשות אשר על זה נועצו ונוסדו יחדו כל היהודים שבמלכות פורטוגאל כדי לתת סדר אל ביאתם כי כלם היו עניים מרודים ואחרי הדברים הרבים שהיו ביניהם בחרו להשתדל עם המלך שלא יניחם להכנם שם למען לא יבאישו את ריחם עם המלך וזה כי קצר וקטן זה המלכות להכיל סך עניים כאלה. וכשמוע השר דון יוסף ן' יחייא אביך של הגאון אדוני אבי ז"ל צעק צעקה גדולה על זה כי איך ננעיל דלתי הישועה העניים ולתת בירם חרב על ההמרה ורבים דברים כאלה ויותר טוב להוציא חצי ממונם ולמצא צדה לדרכם שיכנסו וילכו משם אל פים ומלכיות אחרות. ולא אבו היהודים לשמוע לקולו באופן שהוכרחו הגולים להתפשר עם מלך פורטוגאל שיניחם לעמוד על מלכותו ושאם יצטרך להם ללכת חוצה קצתם או כלם יתחייב המלך לתת להם אניות כפי

צרכם והיהודים יפרעום ומעתה כל הנכנסים במלכותו יפרעו ב׳ דוקטי לכל נפש . . . . . וכראות השר זקננו כי לא קבלו חביריו את עצתו וגם ראה פני המלך רע עם מין ישראל וכאשר כתוב באורך בדברי הימים לתולדות בני יחייא הלך לו לאיטליאה עם בניו. וכאשר חשב כן היה וכו׳.

Это сообщеніе о небратскомъ отношеніи португальскихъ евреевъ къ испанскимъ изгнанникамъ во всякомъ случаѣ не вздоръ, ибо оно было основано на семейныхъ преданіяхъ Яхіидовъ и связано съ переселеніемъ Іосифа ибнъ-Яхія. Еще болѣе правдоподобно это сообщеніе съ психологической точки зрѣнія. Развѣ не было во всѣ времена практичныхъ и благоразумныхъ людей, которые изъ эгоизма или даже чувства самосохраненія подавляли въ себѣ братскую любовь и чувство состраданія къ чужому горю? Я считаю этотъ фактъ исторически достовѣрнымъ и еще разъ отмѣчаю, что сообщеніе Давида ибнъ-Яхія нисколько ему не противорѣчитъ.

14.

Насильственное крещеніе евреевъ и мученики въ Португаліи въ царствованіе Маноела.

Къ обстоятельнымъ сообщеніямъ португальскихъ писателей объ ужасахъ насильственнаго крещенія евреевъ въ Португаліи можно прибавить еще нѣкоторыя подробности, сохранившіяся въ еврейскихъ источникахъ. Сообщенія, сдѣланныя современникомъ *Авраамомъ Сабой* на основаніи своего личнаго печальнаго опыта и *Иліей Капсали* со словъ пострадавшихъ, могутъ быть дополнены и освѣщены новооткрытымъ источникомъ *Авраама бенъ-Соломонъ* изъ Торутіела, который мальчикомъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ бѣжалъ въ Фецъ. Въ своемъ продолженіи ספר הקבלה (Нейбауеръ, Anecd. Oxon. стр. 113) Авраамъ бенъ-Соломонъ сообщаетъ: Маноелъ, рѣшивъ не изгонять евреевъ изъ Португаліи, а оставить ихъ въ странѣ, принудивъ ихъ къ переходу въ христіанство, приказалъ, по совѣту нѣкоторыхъ еврейскихъ новохристіанъ и особенно одного, по имени Леви бенъ-Шемъ-Товъ, закрыть всѣ синагоги и школы и не разрѣшать евреямъ собираться для молитвъ; когда эта мѣра не привела къ цѣли, Маноелъ приказалъ насильно отнять отъ родителей и крестить всѣхъ еврейскихъ мальчиковъ ниже 13 лѣтъ, и тѣмъ побудить родителей, изъ любви къ дѣтямъ, принять христіанство; дѣйствительно многіе съ болью въ сердцѣ перешли въ христіанство, благочестивые же не испугались ни пытокъ, ни смерти; особенной непреклонностью отличался равинъ *Симонъ Маими* и *вся* его семья; онъ умеръ отъ мучительныхъ пытокъ; проповѣдникъ Шемъ-Товъ Лерма, который, несмотря на запрещеніе, собралъ у себя въ домѣ евреевъ для молитвы, былъ подвергнутъ пыткѣ, а потомъ заключенъ въ темницу; но въ концѣ концовъ Лермѣ и еще двумъ другимъ евреямъ, которые остались не крещеными, Якову Алуалу или Алфуалу и Аврааму Сабѣ, было разрѣшено покинуть страну; они отправились въ Фецъ: ובני פריצי ישראל והמינים והאפיקורסים ובראשם לבן הארמי לוי בן[1] שם רע חטא ומחטיא את ישראל . . . הוא יעץ למלך שיקח ובתי כנסיות ובתי מדרשות וכל אינש די יבעא בעו . . . הדמין יתעבד. ולא קם ולא זע החכם הדורש ר׳ שם טוב לארמה אלא אחר הכרוז קרא מיד: מי רוצה להתפלל מנחה יבא לביתו ויתפלל, ונודע הדבר למלך ותפשוהו וענו בכבל רגלו בכל מיני ענויים ··· והק״בה הצילו ואחר זה לא נמנע מלעבוד אלהיו ולהתפלל

1) בן שם רע вмѣсто בן שם טוב.

בצבור... ועשו בו שפטים ונתנוהו בבית הסוהר. ואחר שיעץ לוי בן שם רע שיקחו בתי בנסיות יעץ שיקח בני ישראל הקטנים מי״ג שנה ולמטה שיחזירם לדת ישו... ורבים מן היהודים מהם המירו דתם שלא יכלו לעמוד בנסיונם ומהם תלו עצמם ומהם מסרו עצמם על קדושת השם ובראשם הרב הקדוש החסיד ר׳ שמעון מימי שמסר עצמו הוא וביתו וכל אשר לו אנשים ונשים וטף ומת בתוך הסוהר בעינויים גדולים. והחכם הר׳ שם טוב לארמה שעברו עליו כמה עינויים קודם שהכניסוהו לסוהר ואחר כך הוציאוהו והציל הק״בה נפשו ממות ובא למלכות פאס הוא והרב ר׳ יעקב לואל והר׳ אברהם סבאע.

Въ дополненіе къ этому на стр. 107: והרב ר׳ שם טוב לארמה הוא מגדולי תלמידי ר׳ יצחק אבוהב ונשאר בבית הסוהר בעיר פורטוגאל לאחר שבאו היהודים המגורשים לפאסי הוא והחכם מורי ורב ליעקב לואל ור׳ אברהם סבאע ואחר כן באו למרינה א(ר)זילה בספינה שבורה... בלא ספן ובלא אדם; Шемъ-Товъ Лерма, Яковъ Алфуалъ и Авраамъ Сабо какимъ-то чудомъ добрались на полуразбитомъ суднѣ безъ рулевого и матросовъ до Арцилы, откуда и отправились въ Фецъ.

Геркулано, который первый открылъ архивъ португальской инквизиціи (подобно тому, какъ Лоренте впервые открылъ архивъ инквизиціи въ Испаніи) и сообщилъ, хотя и ужасныя, но чрезвычайно интересныя подробности о происхожденіи инквизиціи, передаетъ, что только *семь или восемь упрямыхъ и бездушныхъ евреевъ* оказали сопротивленіе насильственному крещенію и потому были на суднѣ перевезены въ африканскія владѣнія Португаліи. Это подтверждаетъ вышеупомянутое сообщеніе. Илія Капсали, который слышалъ о мученичествѣ португальскихъ евреевъ изъ устъ преслѣдуемыхъ бѣглецевъ, сообщаетъ (у Латеса לקוטים שונים, стр. 88, выдержки изъ историческаго сочиненія Капсали), о судьбѣ коренныхъ и пришлыхъ изъ Испаніи евреевъ въ Португаліи, а также о семи евреяхъ, подвергнутыхъ пыткѣ, изъ коихъ четверо были отправлены въ Арцилу: והנשארים רובם נשתמדו אם ברצונם אם בעל כרחם ומהם מתו על קדושת אלהינו ולא נשאר בבית הבור חיים זולת שבעה אנשים ראשי בני ישראל המה.... ויהי אחרי אשר צערו שבעה אלה.... בכל מיני צער ויסורין ימים רבים ולא אבו שמוע...... אז צוה המלך ונשאום בעל כרחם והביאום בבית תפילתם והעמידום לשמדם... וקפצו ושברו חלק מן אלהיהם ויפילום ארצה ומכלם ועל כולם הרב ר׳ שמעון מימי... ודבר דברים נגד המלך ונגד דתו.. ואעפ״כ לא נגעו בו כי מצות המלך היא לא תהרגוהו כי היה גדול על כל קהלות פורטוגאל ורב עליהם וכמו כן חביריו היו מעמודי ארץ... וישיבם המלך אל בית האסורים... ויענם יותר מבראשונה... וישליכו עליהם מי השמד לשמדם בעל כרחם ועם כל זה לא הועילו כי עברו ימים ותמיד שם שמים בפיהם אז צוה המלך... וידבר אתם טובות ··· וירא המלך כי לא נעשה עצתו... ויקחו את השבעה קדושי עליון ויסחבום... סביב לעיר ואח״כ לקחום ובנו אותם חיים בתוך דימוס של בנין... עד צואריהם ושם היו נותנים להם לחם צר ומים לחץ ··· ויהיו שם ז׳ ימים וז׳ לילות וימותו ג׳ מהם ומכללם החסיד ר׳ שמעון מימי... ויצו המלך ויקחו את הד׳ חסידים אשר נשארו וישימום תוך אניה קטנה מבלי לחם ומים ווילון ומשוטטות..... וינהיגום באמצע הים... ורוח הקדים נשא את האניה ויתקעה ימה סוף אשר במלכות פיס.

Сообщеніе это вкратцѣ сводится къ слѣдующему: верховный равинъ (Rabi Mor) Португаліи, *Симонъ Маими*, и еще шесть другихъ евреевъ были

брошены въ темницу, подвергнуты пыткѣ, затѣмъ насильственно крещены и, наконецъ, замурованы въ стѣну; Маими и еще двое умерли, не выдержавъ мученій, а четверо другихъ были посажены на челнокъ и брошены на произволъ судьбы; послѣднимъ удалось добраться до Феца.

Къ этому примыкаетъ сообщеніе Авраама Сабы (въ его צרור המור конецъ отд. (אם בחקותי נשארו בפרטוגאל שירים של מצוה. . . שמסרו עצמם על: קידוש השם ועמדו . . . בבית האסורים ימים רבים החכם השלם וקדוש ר׳ שמעון מימי וחתניו לוקחי בנותיו אנשים צדיקים ואשתו הצדקת ואנשים אחרים צדיקים גמורים ואעפ״י שעשו להם שימירו דתם בעל כרחם עמדו על משמרתם. . . וביני ביני נפטר לבית עולמו ר׳ שמעון הנזכר בזמן שלא היה יהודי בכל המלכות זולת אני והיהודים שהיו אסורים בבית האסורים עמי . . . ובזכותו נתן לנו המלך רשות והביאונו לארזיליא. אבל היהודים שהיו עם החכם לא רצה המלך לשלחם שאמר שכבר קבלו (המים?) ונשארו בבית האסורים לעבדים . . . אח״כ שלחם המלך לארזיליא ליד אלוף הצורר שענה אותם בעבודות פרך . . . ומיסר אותם ביסורים כדי שיחללו שבת . . . וקדשו שם שמים.

При всемъ совпаденіи въ главныхъ моментахъ, эти источники все же расходятся относительно подробностей. Саба, который, самъ покинулъ Португалію, если вѣрить сообщенію, на полуразрушенномъ челнокѣ, не упоминаетъ ни словомъ объ этой своей чудесной поѣздкѣ, которую такъ подчеркиваютъ оба другихъ источника. Напротивъ, выраженіе: נתן לנו המלך רשות והביאונו לארזיליא скорѣе обозначаетъ, что король, изъ милости къ нему, приказалъ привести его на суднѣ въ Арцилу. Далѣе Саба при переѣздѣ въ Арцилу различаетъ двѣ группы: онъ и его товарищи (по первому источнику, Лерма и Алфуалъ) были оставлены въ покоѣ, между тѣмъ какъ участники другой группы, которую король, вскорѣ послѣ переѣзда Сабы, тоже приказалъ перевести въ Арцилу, были подвергнуты рабству и пыткѣ съ цѣлью принудить ихъ къ нарушенію ихъ религіозныхъ предписаній. Не говоря уже о томъ, что Авраамъ бенъ-Соломонъ говоритъ о трехъ лицахъ, отправленныхъ въ Арцилу, а оттуда пробравшихся въ Фецъ, Капсали же—о четырехъ, свѣдѣнія, сообщаемыя ими, расходятся еще въ одномъ важномъ пунктѣ. По Капсали, четыре счастливца, спасшіеся бѣгствомъ въ Арцилу, и были тѣ самые которые вмѣстѣ съ Симономъ Маими и еще двумя другими были живыми замурованы въ стѣну, но какимъ-то чудомъ остались въ живыхъ. Оба другихъ источника не упоминаютъ ни объ этомъ, ни о томъ, что этой пыткѣ подвергся Саба и его товарищи по несчастью.

Это несовпаденіе можно объяснить, если предположить, что, послѣ насильственнаго крещенія большинства евреевъ въ Португаліи, остались еще двѣ группы, которыя, несмотря на всѣ пытки, остались вѣрны религіи своихъ отцовъ: съ одной стороны Лерма, Саба и Алфуалъ, которые томились въ темницѣ, а съ другой Симонъ Маими и его товарищи, съ которыми обошлись еще болѣе жестоко. Первые получили разрѣшеніе на отъѣздъ, высадились, либо какимъ то чудомъ, либо вполнѣ естественнымъ образомъ, въ Арцилѣ, откуда, никѣмъ не преслѣдуемые, отправились въ Фецъ. Напротивъ, участники второй группы были (согласно Капсали) еще надолго задержаны въ Португаліи, подверглись пыткѣ и даже были замурованы въ стѣну, причемъ Симонъ Маими и еще два другихъ скончались отъ этихъ мученій. Четверо оставшихся въ живыхъ были позже также перевезены въ Арцилу, гдѣ, однако, ихъ под-

вергли безчеловѣчнымъ мученіямъ, отъ которыхъ они и умерли. Капсали ошибочно смѣшалъ четырехъ изъ второй группы съ тремя изъ первой и сообщилъ о первыхъ, будто они безпрепятственно и какимъ-то чудомъ высадились на африканскомъ побережьи. Если исправить эти ошибки, тогда источники вполнѣ совпадаютъ. Сообщеніе въ Miscelleaneos de Ajuda о томъ, что, король приказалъ отправить въ Африку семь или восемь упорствовавшихъ евреевъ, не относится къ несчастнымъ товарищамъ Маими.

Послѣдніе были въ глазахъ придворныхъ бездушными упрямцами, *кафрами* (Cafres contumasses), такъ какъ они, несмотря на то, что ихъ подвергали пыткѣ и живьемъ хоронили, не захотѣли признать христіанства и тѣмъ добровольно обрекли себя на мученическую смерть. Къ Сабѣ и его друзьямъ эта характеристика не подходитъ, ибо послѣдніе не были ни подвергнуты пыткѣ, ни принуждены совершать тяжкія работы, а просто, по словамъ Сабы, получили разрѣшеніе свободно эмигрировать. Если португальскій отчетъ сообщаетъ о семи или восьми лицахъ, а Капсали говоритъ только лишь о четырехъ, съ чѣмъ совпадаетъ и сообщеніе Сабы, то несомнѣнно, что первый источникъ не вполнѣ освѣдомленъ относительно точнаго числа переселенцевъ.

Однако весьма странно, что, какъ это явствуетъ изъ сообщенія Сабы, король Маноелъ, послѣ смерти Маими, разрѣшилъ Сабѣ и его друзьямъ безпрепятственно выѣхать изъ Португаліи, между тѣмъ, какъ друзья Маими все еще томились въ заключеніи. Еще болѣе странно, что, по приказанію короля, были подвергнуты жестокой пыткѣ и насильственно крещены только Маими и шесть его друзей, между тѣмъ, какъ Саба и его друзья отдѣлались только временнымъ заключеніемъ въ темницу. Это странное обстоятельство можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Симонъ Маими былъ, какъ уже упомянуто, *верховнымъ равиномъ* Португаліи. Въ качествѣ таковаго онъ былъ однимъ изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, funcionario da coroa, и дѣйствовалъ именемъ короля. Подъ властью Arraby mor стояли *семь верховныхъ судей*, ouvidores, для семи провинцій Португаліи. Каждый изъ нихъ на своей территоріи выполнялъ почти тѣ же функціи, какъ и верховный равинъ во всей странѣ, но только они находились подъ его властью. Каждый изъ нихъ былъ, вѣроятно, אב בית דין для провинціи.

Какъ только Маноелъ задумалъ свой адскій планъ: не изгонять евреевъ, а насильственно обратить ихъ въ христіанство, ему было весьма важно, чтобы непосредственно или косвенно зависящіе отъ него чиновники подчинились его распоряженію и тѣмъ дали общинамъ примѣръ послушанія; поэтому вполнѣ понятно, что Симонъ Маими, офиціальный Arraby mor Португаліи, былъ особенно энергично принуждаемъ къ переходу въ христіанство; его товарищами по несчастью и были, вѣроятно, ouvidores. Ихъ было *семеро*, а съ верховнымъ равиномъ *восьмеро*. Можетъ быть, сюда и относится указаніе португальскаго источника: sete ou oite (7 или 8); быть можетъ, что одна должность ouvidor'а была къ тому времени вакантна. Словомъ, очевидно, что друзья Маими были правительственными чиновниками и вмѣстѣ съ тѣмъ представителями еврейскаго населенія цѣлыхъ провинцій. Зятья Маими, страдавшіе и умершіе вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, и были Ouvidores. Къ этимъ семи главарямъ общинъ были примѣнены всевозможныя средства воздѣйствія именно потому, что они были офиціальными лицами и высшими духовными чиновниками и могли, въ качествѣ таковыхъ, подать примѣръ остальнымъ евреямъ.

На это и указываетъ Капсали: וחשב המלך שאם ישמדם (שבעה אלה) וישארו גוים, כל היהודים שנשתמרו יתחקו למפרע-כרת הנוצרים. Именно потому, что глаза всѣхъ евреевъ были обращены на этихъ семь главарей, послѣдніе и претерпѣли всѣ мученія, дабы остаться вѣрными религіи своихъ предковъ. Этимъ и объясняется, почему только упомянутые семь лицъ были подвергнуты безчеловѣчнымъ пыткамъ, почему Маноелъ сначала не хотѣлъ отпускать четырехъ страдальцевъ, оставшихся въ живыхъ, и почему, напротивъ, Авраама Сабу и его друзей Маноелъ не только не подвергнулъ пыткѣ, но даже позже разрѣшилъ имъ безпрепятственно уѣхать. Маноелъ всѣ свои надежды возлагалъ на то, что въ концѣ концовъ эти семь главарей все же будутъ обращены въ христіанство, ибо, благодаря этому, всѣ насильно крещенные будутъ привлечены на сторону христіанства и всѣ португальскіе евреи, преобразившись въ христіанъ, смогутъ остаться въ Португаліи. Такъ какъ четверо оставшихся въ живыхъ, несмотря на всѣ пытки, проявили, по словамъ Капсали, „стойкость", а, по выраженію португальскаго источника, „упрямство", то король, быть можетъ, опасался оставить ихъ въ своей странѣ и столицѣ, ибо ихъ стойкость и героизмъ могли повлечь за собой отпаденіе уже крещенныхъ евреевъ. Поэтому онъ, быть можетъ, и приказалъ отправить ихъ въ Арцилу не для того, чтобы отпустить ихъ тамъ на свободу, а, наоборотъ, чтобы тамъ наказать ихъ за упрямство и строптивое непослушаніе. Губернаторъ Арцилы, который, по сообщенію Сабы, замучилъ ихъ на смерть, былъ, вѣроятно, тотъ самый *Конде де Борба*, который такъ безчеловѣчно обошелся съ испанскими бѣглецами, очутившимися въ его области (см. выше).

15.

Къ исторіи кровавыхъ событій въ Испаніи въ 1391 году.

Роковая рѣзня 1391 года, которая, какъ эпидемія, распространилась отъ Севильи по всей Испаніи и была началомъ конца, т. е. полнаго изгнанія испанскихъ евреевъ столѣтіемъ позже,— эта рѣзня въ своихъ подробностяхъ извѣстна намъ лишь отчасти. Кромѣ извѣстнаго посланія Хасдая Крескаса, содержащаго сжатое сообщеніе, въ послѣднее время опубликованъ обстоятельный отчетъ о рѣзнѣ въ Валенціи, сообщенный Амадоромъ де лосъ Ріосъ изъ архива этого города (Amador II, стр. 593 и д.). Неутомимый изслѣдователь источниковъ и документовъ испанско-еврейской исторіи, Фиделъ Фита, недавно открылъ и опубликовалъ новый отчетъ современника о рѣзнѣ *въ Барцелонѣ*, который, между прочимъ, подтверждаетъ и иллюстрируетъ сообщенія Крескаса, но, главнымъ образомъ, останавливается на томъ фактѣ, что распространеніе гоненій по всей Испаніи было задумано и выполнено одной безсовѣстной бандой. Этотъ новый источникъ (на латинскомъ и испанскомъ языкахъ) Фиделъ Фита опубликовалъ въ первомъ выпускѣ Boletin de la Academia, май 1890 г., стр. 433 и д. Вслѣдствіе ихъ важности я привожу ниже главныя черты, случайно также и другіе рефераты и выдержки изъ двухъ еврейскихъ жалобныхъ пѣсенъ объ этой катастрофѣ. Латинскій текстъ гласитъ:

Anno domini MCCCLXXXX primo, quinta die hujus mensis augusti extitit expugnata alyama judaeorum civitatis barchinone; causam et principium dantes gentes maritime, inter quos fuerunt diversi Castellani numero quinquaginta vel circa qui venerant cum duabus navibus Castellanis de

civitate valencie, in quarum una venerat Nobilis bernardus de cabraria. Et illa die fuerunt interfecti centum judei vel circa; centum autem dimissis bonis, se receptarunt in castro novo dicte civitatis. Et fuit ignis in portalibus dicte aliame suppositus. . . . .

Subsequenter, die dominica, fuit castrum predictum una cum calla custoditum per officiales regios . . . ne valerent expugnari per gentem minutam, et fuerunt capti bene XL vel XLV castellani . . . et fuerunt positi in carcere curie vicarii barchinone. Postea vero die lune . . . consiliarii convocarunt consilium . . . quod consilium, nemine discrepante, (censuit) quod castellani, presertim Xm, qui primitus interfuerant in expugnacionibus aliamiarum judeorum civitatum Sibilie et Valencie, in satisfaccione justicie et totius rei publice civitatis barchinone, laqueo suspenderentur. Et dum Guill(er)mus de santo clemente vicarius barchinone dictum consilium exequucioni debite vellet demandare, faciendo dictos castellanos confiteri, universus populus pro mayori parte cum balistis et armis, vaxillis etcetera, cridant viva lo poble e lo rey, invaserunt dictos officiales regios, presertim dictum vicarium . . .; in quo conflictu vir honorabilis, civis barchinone . . ., Jacobus solerii, fuit cum balista interfectus et quamplurima vulnera secuta. Fuit etiam carcer dicte curie ruptus, et omnes castellani ac ceteri chatalani facinorosi a dicta captione liberati, invitis officialibus regiis . . . . . .

Postea vero aliqui de populo minuto dicte civitatis cum securibus frangerunt portas portalium murorum dicte civitatis . . . . et faciendo vociferari que los grossos destruerant los manuts . . . . Idemque hora vesperorum eiusdem [mensis] diei prox [ime] fuit expugnatum dictum castrum novum . . cum balistis et lapidibus et ceteris armis; qui conflictus usque ad noctis tenebras duravit in tantum quod dicti judei pro mayori parte in noctis tenebris circa mediam noctem a dicto castro exierunt, et colligendo se in diversis domibus christianorum . . . . .

Die vero sequenti fuit dictum castrum captum et redditum . .; et ab eodem omnes judei, qui remanserant, vi et compulsu gentium et rusticorum expulsi et illi qui renuebant babtizari interficiebantur per vicos et plateas, ita quod illa die et sequenti fuerunt bene CCC judei et amplius interfecti spoliati et depredati . . .; et sic per VI dies duravit interfectio Judeorum prout reperibantur. Expugnacio vero alyame judeorum Civitatis Valencie fuit facta IX die Julii, in qua fuit festum sancti christoforis. Et fuit in eadem alyama edificata capella sancti christoforis.

In secunda vero die augusti fuit, prout postea extitit habita certificatio vera, dicta alyama Judeorum Civitatis Mayoricarum expugnata et quamplures Judeorum interfecti et depredati; et multi effecti christiani.

Et in tercia decima die augusti predicti fuerunt iudei in Civitati illerde . . et officiales regii et eorum equi vulnerati ac lapidati et ignis fuit in januis portalis majoris dicti castri supositus et inmissus et castellanus eiusdem castri fuit in eodem concrematus.

Et in X die dicti mensis . ., alyama Judeorum civitatis gerunde fuit expugnata et quampl ures judei mortui et depredati et multi ex eis fuerunt efecti christiani et alii fugierunt; et qui invenibantur interficiebantur.

Et in eodem festo proximo fuit etiam insultus factus de dictis judeis in villa per peniani, et multi fuerunt facti christiani, et multi in castro regis se recollixerunt.

Et sic istud peric(u)lum fuit per omnia regna Maioricarum, Valencie et per totam cataloniam contra dictos judeos universale.

Уже изъ этого небольшого отрывка достаточно ясно, что въ Севильѣ былъ подготовленъ планъ и были избраны орудія для уничтоженія евреевъ. Около 50 дюжихъ парней направились на кораблѣ изъ Валенсіи, гдѣ ими было все разгромлено, въ Барцелону, чтобы и тутъ устроить рѣзню. Между ними было человѣкъ десять, которые устроили кровавую баню въ Севильѣ и Валенсіи Для этой цѣли ихъ командировали непосредственно изъ Севильи. На кораблѣ, на которомъ ѣздили участники убійствъ изъ Валенсіи въ Барцелону, находился также дворянинъ *Бернардъ де Кабрера*. Фиделъ Фита совершенно справедливо обращаетъ вниманіе на то, что въ донесеніи магистрата Валенсіи упоминается о всѣхъ участникахъ убійствъ, организовавшихъ погромы. Магистратъ Валенсіи принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы низшіе слои населенія не пытались производить насилія надъ еврейской общиной. Но извнѣ пришла банда въ 40—50 человѣкъ, которая тотчасъ же приготовилась къ взлому воротъ еврейскаго квартала (una company de Minyons de XL en L venguerin à hu dels portels de la Inheria). Названные тутъ „молодыми людьми" (Minyons), въ дальнѣйшемъ изложеніи обозначаются *дюжими парнями* (fadrins). Итакъ, то же число участниковъ убійствъ въ Валенсіи и Барцелонѣ, тѣ же или часть ихъ были уже командированы изъ Севильи. При нападеніи на еврейскій кварталъ въ Валенсіи, убійцы угрожающимъ голосомъ заявляли, что съ ними пріѣхалъ эрцъ-деканъ изъ Севильи (Феранъ Мартинецъ), виновникъ ужасовъ, они призывали евреевъ креститься, угрожая смертью. Только этимъ объясняется, что рѣзня быстро перемѣщалась въ извѣстной послѣдовательности изъ города въ городъ, изъ Севильи въ Арагонію. Были высылаемы комисары для фанатизированія массы. Я не могу согласиться съ моимъ ученымъ другомъ, Фиделомъ Фитой, въ томъ, что соціальное недовольство сыграло тутъ нѣкоторую роль; только пылкій фанатизмъ могъ взволновать умы, только анархія, господствовавшая во время малолѣтства кастильскаго короля сдѣлала возможнымъ, чтобы такія мерзкія дѣйствія оставались безнаказанными.

Немаловажной является и выдержка изъ сообщенія объ этихъ событіяхъ молодого современника, *Гилермо Маскаро* (ум. 1452): Ista autem destructio Iudaeorum incepit primitus in regno Castellae in diversis civitatibus . . . Postmodum continuata in Civitate Valentina, Barchinona, Terrachona, Gerunde ac Perpiniano, et civitate Maioricensi, et in quamplurimis locis regni Aragoniae, exceptis in quo fuerunt Judei custoditi, maxime in Cesaraugustuna. О рѣзнѣ въ Барцелонѣ Маскаро пишетъ: пять дней евреевъ преслѣдовали пожарами и убійствами; даже и къ новому замку, куда пріютилъ евреевъ губернаторъ Гилермо де Санклементе, пришла чернь, осадила его и побѣдила; голодъ и жажда довели ихъ до того, что они рѣшились креститься; большая часть крестилась, другіе, *особенно женщины*, предпочли смерть.

Двѣ еврейскія жалобныя пѣсни (ברתיה), не имѣющія никакого значенія съ внѣшней стороны, описываютъ нѣкоторыя отдѣльныя обстоятельства изъ этихъ событій. Одна изъ нихъ, находящаяся въ рукописи у г. Галберштама, сочинена нѣкіимъ р. Соломономъ. Въ ней перечисляется рядъ городовъ, гдѣ происходила рѣзня, именно: *Севилья:* על הגברת בת אשביליא תספדו; *Толѣда:* כבודך טלטלי על שור טוליטולה; *Бургосъ:* בורגוש ברגש עם רשעים הלכה, *Яенъ, Кармона, Мадридъ, Илескасъ* и еще два неизвѣстныхъ мнѣ названія городовъ: גאין ואובירה ובאיסה וקרמונה מגריט ואלישקאש בראש קנים והי; далѣе *Куенка:*

;לוקרון וקורנען ראשך העלו לה עלי: *Логроно и Каріонъ*; שודד לקואינקה בא להשמידה
ארץ ארגון. . . על ברצלונה: *Барцелона*, ליגנואש האנושה תמרטי: городъ *Лингаусъ* (?);
על בת לירידה: *Лерида*; על הכלילה בת באלינסייא תאמרי: *Валенція*; שח תאניה תספדו
.ספדי במספר מר למרקא: *Майорка?*; אוב בגירונדה רשעים שמחו: *Герона*; אש אלהים ירדה

Оплакивая несчастія общинъ, поэтъ выливаетъ свой гнѣвъ на бургоскую общину, которая торопилась креститься:

בּירגוש בְּרֶגֶש עם רשעים הלכה עלה זדון לבה עלי ראשי הֶחֱלי
הן כחשה באל כשיטה שטתה, נכבד ויקר חלפו בזוללי
. . . .
תועים ומתעים הישרים נהפכו בה שי לצר נחשב והרב תובלי
היו לפח מוקש כי רב (וירב) עם למת דורשים ואין בם חי וקים שואלי
שירות כמרים הלויים שוררו עובדי אלהים באלים מתהללי.

Послѣдній стихъ, *что Левиты нынѣ распѣваютъ церковныя пѣсни*, относится, повидимому, къ *Соломону Галеви изъ Бургоса*, его братьямъ и сыновьямъ, которые, принявъ послѣ крещенія имя *Санта Маріи*, и уже будучи христіанами, хвастались своимъ левитскимъ происхожденіемъ, ибо они въ такомъ случаѣ являлись близкими родственниками „Богоматери". Оттуда также слѣдуетъ, что первый изъ этихъ крещеныхъ, Павелъ де Санта Марія, принялъ крещеніе лишь во время рѣзни.

Вторая жалобная пѣсня богаче интересными деталями. Изъ Codex hebr. de Rossi въ Пармѣ (№ 959, новый № 1917), этого молитвослова по испанско-восточному ритуалу, ее опубликовалъ Нейбауеръ въ журналѣ: Jsraelitische Letterbode, 10 г. 1880—81, стр. 33 Заглавіе пѣсни гласитъ: מרתיה עלי קשטילייא ואָרגון и начинается стихами: עדת ישורון כלכם . . . חוקה אחת לכם לספוד ולבכות כל ימיכם על אשר ארע לכם ולאבותיכם ויבכו כל בית ישראל.

Эта жалобная пѣсня опредѣляетъ время погромовъ послѣ смерти короля Донъ-Жуана I, во время малолѣтства короля Донъ-Генриха III и называетъ виновникомъ всѣхъ этихъ ужасовъ эрцъ-декана *Ферана Мартинеца*. Нѣкоторыя детали были неизвѣстны, не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ и заслуживаютъ поэтому сдѣлаться болѣе in extenso знакомыми.

אהה על גלות ספרד . . .
בשנת מות נסיכנו דון גואן מלכנו, כשלו ברכנו ויקם ה' שטן לישראל.
איש צר ואויב כהמן, בכל עת ובכל זמן, פחח לרגלנו טמן, ענן עוכר ישראל.
היא שנת אין מלך כי אם צעיר מלך השמיד עשיר והלך . . .
ובראש חדש תמוז נגזרתי בחפזי ויאבד כל עליזי . . .
. . . . . . הכו קהל אישביליא . . . . . .
. . . . ואילל ברחובה קהל קורטובא . . . .
על שואת קהל טוליטלה . . . תפארה הגולה . . . .
בששה עשר לחדש זעם צור ברית קדש . . . . .
נפלו בידי ערלים וצרים כמה חסידים וכשרים וצדיקים גמורים ונשיאי ישראל
ושמואל הקטן מהם התחתן לא שמע לקול השטן ההולך לפני מחנה ישראל
ונשים צדקניות שמרי מצות רחמניות אשר היו ראויות לכפר על בני ישראל.

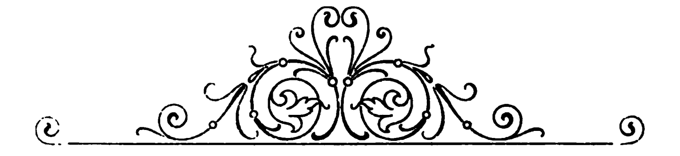
. . . .
ורב ישראל המשורר עליו קנים אעורר . . . .
וציר נאמן של קהלה שחט עצמו תחלה . . . .
. . . .
אוי על בתי כנסיות כי שבו כלם שאיות . . . .

בית הכנסת הגדולה....
שעריה שוממים ובאו בה עמים, ישמעאלים וארומים....
וההיכל הקדמון היה כתל חרמון...
בית הכנסת החדשה בדד כאשה גרושה

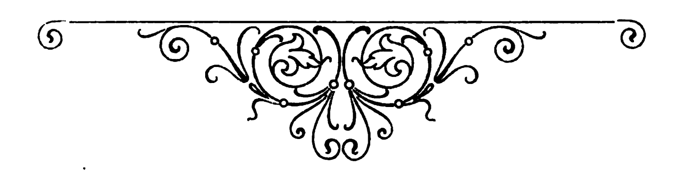
. . . .
בית הכנסת שר שמואל הלוי נשיא ישראל תזעק הוי הוי אריאל
ומדרש ר' יעקב אויבים עקבוהו עקוב...
ובית הכנסת אלקורטובי אין לו מוציא ומביא
ובית הכנסת ן' זיזא אשר היתה עליזה אוי כי משם זזה כבוד מישראל
אהה אל מקדש אלנקוה, עליו אזעק אויה . . .
אוי על כנסת אבידרהם . . .
אהה על מדרש ן' יקר אשר היה פאר ויקר ממקומו נעקר . .
ומדרש רב ישראל . . .
ומדרש רב מנחם . .
הרבה כפרים וטירות נגזר עליהם גזרות . . .
. . . .
בית הכנסת של סלוקיא (?) מר תצרח באניה . . .
. . . .
ואשא קינה במגנה . . . על קהל ברצלונה . . .
ועל אלה אני בוכיה . . . . על קהל בלנסיא . . .
ואקונן בבכי ואנקה . . . . על קהל מורקיא
. . . .
וכל כתבי הקדש אויב קדש והדש . . .

Ср. къ этому примѣч. Кауфмана въ Letterbode, стр. 81 и дд.

УКАЗАТЕЛЬ IX ТОМА „ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ“

УКАЗАТЕЛЬ IX ТОМА.

Оглавленіе.

Третья эпоха четвертаго періода.

Время усилившейся нужды и упадка.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

Продолженіе.

Глава IV.

Глава V.

Глава VI.

Глава VII.

Глава VIII.

Глава VIII.

(продолженіе)

Глава IX.

Глава X.

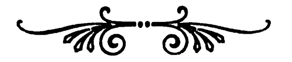
Глава XI.

Глава XII.

Глава XIII.

Глава XIV.

Примѣчанія.

Податной списокъ еврейскихъ общинъ въ Кастиліи.

	I. Въ 1290 г.		II. Въ 1291 г.		III. Въ 1474 году.	
	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Повинности и полуповинности (servicio é medio servicio).	
Aellon (Ayllon) . . .	6564	1719	6564	1719	2000	
Agreda y Cervera . .	3549	1251	3549	1251	750 (Agreda)	
Aguilar.	8600	2118	8600	2118	3000	con Herrera, Osorno, Valigeray, Cervera.
Albelda y Alfacel . .	9110	2538	9110	2538		
Alcaràz	12771	—	—	—	—	
Alcalà	6800	—	—	—	5000	Alcala de Henares.
Alfaro	3255	722	3256	722	1000	
Almazan	27094(?)	8148	27093	9148	4500	
Almoguera	404588	—	—	—	—	
Arevalo	12377	—	—	—	1500	
Atienza	42434	10434	42434	10434	1500	
Avila	59592	14550	59592	14550	12000	
Aza	2129	1410	2129	1410	—	
Balforado (Belforado) .	8500	2001	8500	2001	1500	Belforada con los judios de Ochacastro, Bergano, Villahar-ta, Quintanar, Villa de Poza, Val de de San Vicente, San Garcia, Estondeche.
Bejar	3430	—	—	—	7000	Bejar del Cactanar con los judios de Herbas.
Berlanga (Verlanga) .	3347	1272	3347	1272	700	Berlanga con los judios de Puente Pinilla.
Brihuega	304	—	—	—	1000	
Buitrago	6098	—	—	—	3300	
Burgos	87760	22161	87760	22161	700	
Calahorra	11692	2898	11692	2898	3000	
Carrion	73480	18507	73480[1])	18507	1000	
Castiello	4200	2520	4200	2520	—	
Cea	4923	1215	4923	1215	1800	
Cifuentes	2029	1143	4850	1143	—	
Coca	990		792	990	700	
Cuellar	1923	—	—	—	3000	
Cuenca	70883	—	—	—	1700	Cuenca de Villalon.
Duenas	1820	600	1807	600	1500	
Fronteras de Andalucia	191898	—	—	—	—	

[1]) Con Saldana y con Monzon.

	I. Въ 1290 г. Поголовный налогъ (en cabeza).	I. Въ 1290 г. Повинности (servicio).	II. Въ 1291 г. Поголовный налогъ (en cabeza).	II. Въ 1291 г. Повинности (servicio).	III. Въ 1474 году. Повинности полуповинности (servicio è medio servicio).	
Fuendiduena	4463	..	—	—	1000	
Guadalajara	16986		—	—	6500	
Hita	313588	—	—	—	3500	
Huete con Alcocer .	46672	-	—	—	5700	Huete con los judios que moran en Buendia.
Leon, Reino de . . .	218400	---	—	—	2600	
Lerma, Nuno y Palenzuela	9900	1950	7950	1950	—	
Logrono	35008	4720	15008	3720	550	
Medinaceli con Siguenza	25835	8382	25835	8382	2500	Medinaceli, Siguenza con los judios de Cifuentes è de Baidesi de Aldea Sca. serv. 2100 mrv.
Medina del Campo .	44064	—	—	—	5000	Medina del Campo, Bobadilla, Fuentesol.
Medina de Pumar, Ona y Frias . . .	12000	—	12042	—	3000	Medina del Pomar sin Frias è Ona é Valmasèda è con los Judios de Arroyuelo. servicio e medios servic. Ona . . 400; Friascon Herrera 500
Madrid	10600	—	---	—	1200	Madrid, Ciempozuelos, Pinto, Barajas, Torrejon de Velasco.
Maqueda	11162	--	—	---	2500	Maqueda con los Judios, que moran en la Torre de Esteban Ambran e Camarena.
Miranda	3312	744	3312	744	3500	Miranda del Cactanar.
Montiel	1525	—	—	—	—	
Murcia, Reino de . .	22414	--	--	—	5800	
Najera	19318	4788	19318	4788 (Navarra)	300	Najara.
Olmedo	3617	939	3617	939	500	
Olmedo (Obispado de Avila)	21659	—	—	—		
Osma.	14510	4536	14510	4536	500	
Palencia	23380	8607	33380	8607	2000	
Pancorbo	23850	6615	23850	6615	1000	Pancorbo, Bustos sin los judios de Santa Agueda.

	I. Въ 1210 г.		II. Въ 1291 г.		III. Въ 1474 году.	
	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Повинности и полуповинности (servicio é medio servicio).	
Paredes de Nava . .	41985	10800	41985[1])	10800	2400	Con la Torre de Mormojon.
Pedraza.	3653	966	3653	966	—	
Penafiel.	6597	1719	6597	1719	2000	Penafiel, Pinel de Suso
Piedrafita, Bonjella y Valdecornejo . . .	21026	—	—	—	-	
Plasencia	16244	—	—	—	5000	Con los judios que moran en su tierra è con los judios que moran en Galisteo, e en Aldeanueva del camino.
Roa	6086(?)	1365	6085	1365	1000	
San Fagunt, Sahagunt	23203	6450	23203	6450	2500	San Fagund con los Judios, que moran en Monesterio de Bejar.
Sant Esteban . . .	16861	5271	16861	5271	1300	San Esteban de Gormàs.
Segovia	10806	9893	19006[2])	9894	11000	Segovia, Turuegano e con los ayudes que con ellos pueden pechar.
Sepulveda	18912	5046	18912	5046	—	
Soria	31351	8544	31351	8544	5000	
Talamanca	1014	—	—	—	700	Talamanka, Algete.
Talavera	24771	—	—	—	2500	
Toriega	2030	600	2030	600	—	
Toledo, con aquellos que pecharon hasta aqui	216500	—	—	—	3500	Toledo, Torrilos, Galves, Lillo.
Trujillo y otrasjuderias	7117	—	—	—	7500	Ttujillo con los judios de Jaraicejo e de Montanches.
Uceda	2816	—	—	—	800	
Uclès	28514	—	—	—	2000	
Valladolid con todas las aljamas que pechaban con ellas .	69520	16977	69520	1977	5500	Valladolid, Zaratan Portillo, Cigales, Mucientes.
Verlanga	3347	1272	—	—	—	
Villabuena (Villanueva)	25775	5963	25775	5963	—	
Villadiago	13770	3537	13770	3537	500	
Villarea.	26486	—	—	—	—	
Vitoria	8521	2871	8521	2871	3000	

[1]) Con Cisneras.

[2]) *En la particion de* H[illegible]) finco en 43300.

	I. Въ 1210 г.		II. Въ 1291 г.		III. Въ 1474 году.	
	Поголовный налогъ (en cabeza)	Повинности (servicio).	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Повинности и полуповинности (servicio è medio servicio).	
Zurita	6893	—	—	—	—	—
					2000	Astorga.
					7500	Badajos.
					3550	Benavente.
					3500	Bobadilla
					1200	Cordova.
					4000	Coruna.
					3000	Herrera.
					800	Illescas.
					2500	Merida.
					600	Monzon.
					4800	Salamanca
					2500	Sevilla
					900	Tordesillas.
					2000	Toro.
					2300	Valencia.
					1500	Xeres de la Frontera.
					6500	Zamora.

	I. Въ 1210 г.		II. Въ 1291 г.		III. Въ 1474 году.	
	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Повинности и полуповинности (servicio é medio servicio).	
Paredes de Nava . .	41985	10800	41985[1])	10800	2400	Con la Torre de Mormojon.
Pedraza.	3653	966	3653	966	—	
Penafiel.	6597	1719	6597	1719	2000	Penafiel, Pinel de Suso
Piedrafita, Bonjella y Valdecornejo . . .	21026	—	—	-	-	
Plasencia	16244	- -		—	5000	Con los judios que moran en su tierra è con los judios que moran en Galisteo, e en Aldeanueva del camino.
Roa	6086(?)	1365	6085	1365	1000	
San Fagunt, Sahagunt	23203	6450	23203	6450	2500	San Fagund con los Judios, que moran en Monesterio de Bejar.
Sant Esteban . .	16861	5271	16861	5271	1300	San Esteban de Gormàs.
Segovia.	10806	9893	1906[2])	9894	11000	Segovia, Tnruegano e con los ayudes que con ellos pueden pechar.
Sepulveda	18912	5046	18912	5046	- -	
Soria	31351	8544	31351	8544	5000	
Talamanca	1014	—		—	700	Talamanka, Algete.
Talavera	24771	—	—	—	2500	
Toriega.	2030	600	2030	600	—	
Toledo, con aquellos que pecharon hasta aqui	216500	—	- -	--	3500	Toledo, Torrilos, Galves, Lillo.
Trujillo y otrasjuderias	7117	—	—	—	7500	Ttujillo con los judios de Jaraicejo e de Montanches.
Uceda	2816	—	—		800	
Uclès	28514		- -	--	2000	
Valladolid con todas las aljamas que pechaban con ellas .	69520	16977	69520	1977	5500	Valladolid, Zaratan Portillo, Cigales, Mucientes.
Verlanga	3347	1272	—		- -	
Villabuena (Villanueva)	25775	5963	25775	5963	—	
Villadiago	13770	3537	13770	3537	500	
Villarea.	26486	—	—	—	—	
Vitoria	8521	2871	8521	2871	3000	

[1]) *Con Cisneras.*

[2]) *En la particion de* Huepte (Huete) finco en 43300.

	I. Въ 1210 г.		II. Въ 1291 г.		III. Въ 1474 году.	
	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Поголовный налогъ (en cabeza).	Повинности (servicio).	Повинности и полуповинности (servicio è medio servicio).	
Zurita	6893	—	—	—	—	—
					2000	Astorga.
					7500	Badajos.
					3550	Benavente.
					3500	Bobadilla
					1200	Cordova.
					4000	Coruna.
					3000	Herrera.
					800	Illescas.
					2500	Merida.
					600	Monzon.
					4800	Salamanca
					2500	Sevilla
					900	Tordesillas.
					2000	Toro.
					2300	Valencia.
					1500	Xeres de la Frontera.
					6500	Zamora.

